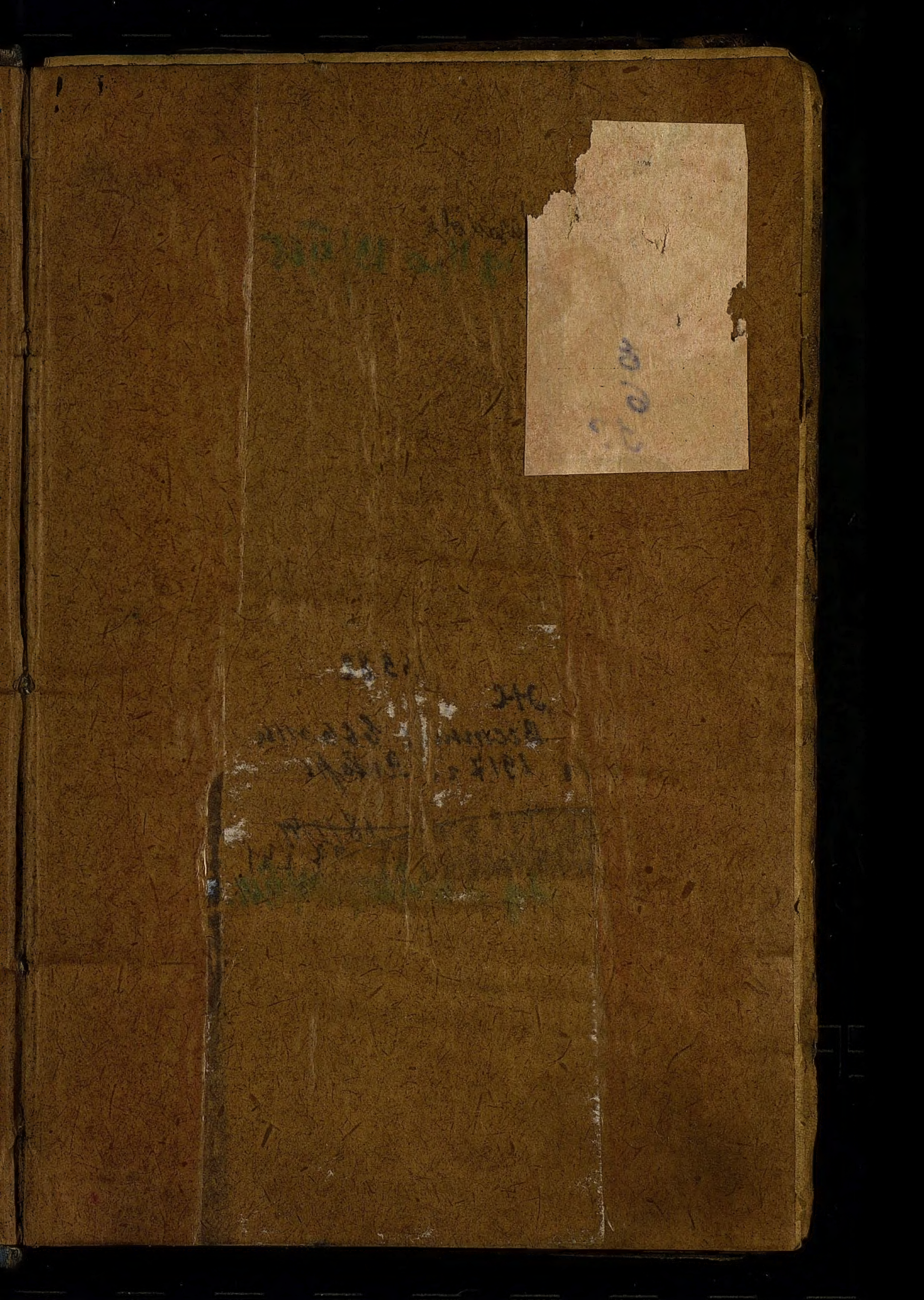
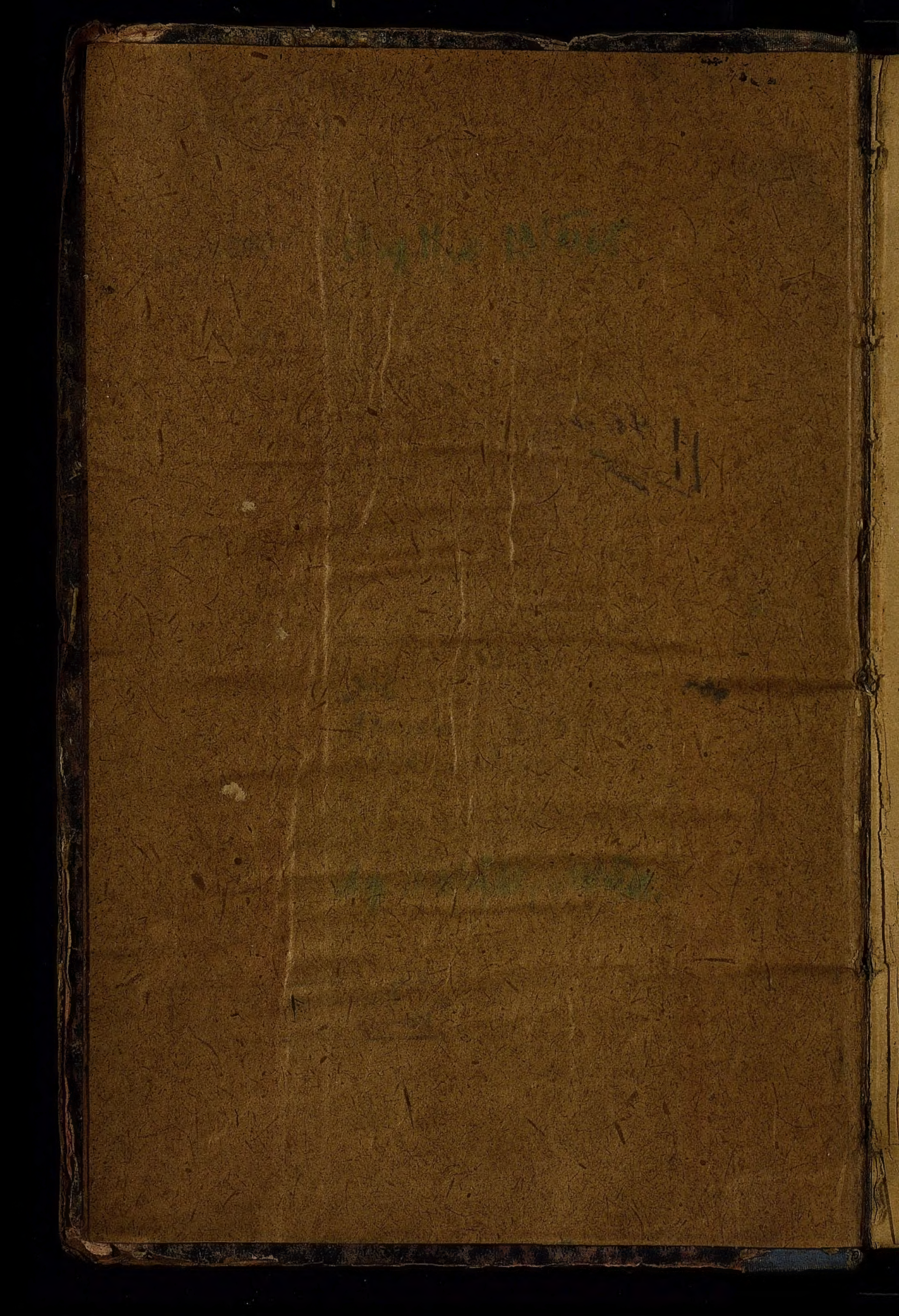

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

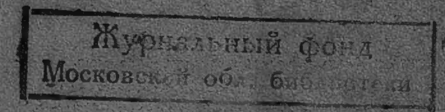
НАУКИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ ГОДЪ.

ЯНВАРЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Типо-лит. Акц. О-ва „Просвѣщеніе". Петроградъ, Забалканскій пр., 75.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ. — ЯНВАРЬ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: Д. Д. Гримма — по средамъ отъ 3 до 4 ч. (кромѣ праздниковъ).

Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч., по субботамъ отъ 3 до 4 ч. (кромѣ праздниковъ).

Пріемъ секретаря — по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

ВѢТЕРЪ

РОМАНЪ.

I.

Нѣсколько дней дулъ, не переставая, вѣтеръ. Въ этихъ мѣстахъ онъ дулъ почти всегда. Но теперь онъ казался особенно упорнымъ, изводящимъ, изсушающимъ. Онъ не несъ съ собою прохладу, онъ не овѣвалъ легкою лаской лицо, онъ даже не обѣщалъ дождя. Точно помогалъ солнцу, которое пекло немилосердно. Быть можетъ, сушилъ землю больше, чѣмъ солнце, казался неумолимѣе пронзающихъ золотыхъ лучей. Больно было смотрѣть на цвѣты, на травы, на повядшiе трепещущiе листья.

Весь день гудѣлъ, то утихая, то усиливаясь, волнами бѣгущiй по вершинамъ деревьевъ вѣтеръ. Закрывъ глаза, можно было представить себя среди взвихреннаго моря. Но до моря было далеко: о немъ не слыхали въ этихъ краяхъ. Правда, мѣсто было высокое, достаточно открытое, и вѣтеръ такъ же свободно гулялъ здѣсь, какъ по морю.

Особенно страдали розы. Ихъ расцвѣло въ этомъ году больше, чѣмъ когда-либо. Тонкiе стволы штамповыхъ розъ съ пышно тяжелыми кронами цвѣтовъ и листьевъ пригибались къ землѣ, трепетали судорожно отъ корней до вершины. Это зрѣлище оскорбляло.

Истомленные, алчущiе, царственные цвѣты развертывали опаленные лепестки, какъ изсушенныя жаромъ губы, открывая солнцу свое желтое сердце, и вяли, потрясаемые удушливыми порывами вѣтра.

Каждый разъ, выходя на ступеньки террасы, чтобы полюбоваться на своихъ любимцевъ, Вѣра Владимiровна поспѣшно уходила въ комнаты. Она не могла видѣть этого издѣвательства. Вѣтеръ трепалъ ея розы такъ пренебрежительно, такъ равнодушно, точно это были жалкiе прутья, придорожный ковыль или прудовая верба. Вѣра Владимiровна предпочи-

тала сидѣть въ комнатахъ и ничего не видѣть. Жары она не боялась, даже любила солнце, но вѣтеръ ее изводилъ, раздражалъ, спутывалъ мысли. Отъ непрестаннаго его шума ныло въ вискахъ и отпадала охота что-нибудь дѣлать.

— Опять все то же? — спрашивалъ ее братъ Яша, сидѣвшій въ своемъ неизмѣнномъ складномъ ковровомъ креслѣ, съ желтымъ томикомъ французскаго романа на колѣняхъ. — Этотъ климатъ неперевваримъ, rebutant!

Онъ капризно выпячивалъ нижнюю губу и щурился.

Сестра не возражала ему, казалось, не слушала его, занятая своими мыслями. Она поспѣшно переходила изъ одного угла комнаты въ другой, поправляя цвѣты въ вазонахъ, передвигая съ мѣста на мѣсто стулья. Это была ея всегдашняя привычка, когда она не была занята чѣмъ-нибудь. Несмотря на свои пятьдесятъ два года, она не могла оставаться бездѣятельной, въ противоположность своему младшему брату.

Вѣра Владиміровна даже ѣла на ходу и могла спать въ корсетѣ и въ прическѣ. Послѣднее время она стала „подправлять природу“, какъ она говорила, но и безъ этого никто не могъ бы дать ей ея лѣтъ. Она держалась прямо, легко ходила, не утомлялась, и голосъ ея звучалъ по-молодому звонко. Не видя ее, но слыша ея смѣхъ, можно было подумать, что это смѣется молодая дѣвушка. Ея худоба, при широкой кости, сильно молодила ее. Въ ней сказывалось Смольное воспитаніе, нѣкоторый налетъ восторженности. Но, несмотря на свою излишнюю довѣрчивость къ людямъ, она сама вела свое хозяйство, и внѣшне все было въ порядкѣ. Когда раскрывалась какая-нибудь плутня, какой-нибудь обманъ въ дѣйствіяхъ одного изъ ея приближенныхъ, она всегда несказанно удивлялась.

— Ну, какъ это могло случиться? — повторяла она, улыбаясь.

Въ дѣйствительности, хозяйство ея не простиралось дальше сада, курятника и дома. Полями вѣдалъ арендаторъ, но онъ больше всего приносилъ ей огорченій и разочарованій. Каждый разъ ей не платили арендныхъ денегъ, или преднамѣренно желая надуть, или изъ-за неурожая. Въ первомъ случаѣ это всегда кончалось скандаломъ. Но подымался скандалъ не Вѣрой Владиміровной, а тѣмъ арендаторомъ, который надувалъ ее. Тогда она не выдерживала и кричала въ свою очередь.

— Убирайтесь вонъ, слышите, убирайтесь сейчасъ же

вонъ, — звонко кричала она на всю усадьбу, возмущенная до глубины души дерзостью вора, которому до послѣдней минуты вѣрила, — чтобы духу вашего здѣсь не было!

И бросала ему въ лицо клочки арендиаго условія, по которому арендаторъ, оставляющій дѣло до срока, обязанъ былъ платить неустойку.

— Но, ma chère, — говорилъ сестрѣ, волнуясь и блѣднѣя, братъ Яша, все же и въ такія минуты не покидавшій своихъ креселъ, — это же безразсудно... помилуй Богъ, ты могла бы его притянуть къ суду. Это разбой, грабежъ, такъ не дѣлаютъ въ благоустроенномъ государствѣ. Я же знаю, tu dois me croir, что эта бумажка очень важна... вѣдь она, какъ бишь ее... нотаріальная...

Но Вѣра Владиміровна чувствовала себя оскорбленной до глубины души. Каждый разъ она не могла помириться съ мыслью, что живутъ на свѣтѣ такіе люди, такіе безчестные.

И весь день слышенъ былъ по дому ея негодующій голосъ.

— Условія я пишу для памяти, — говорила она: — если человѣкъ честенъ, то онъ честенъ, и ему можетъ измѣнить только память. Но что возьмешь съ мазурика? Судиться? Упаси Богъ! Я боюсь судовъ, какъ боялась ихъ моя нянька, помнившая розги въ крѣпостное время. Нѣтъ, я не такъ богата, чтобы судиться. И потомъ, что возьмешь съ такого мазурика, даже если ему и присудятъ уплатить неустойку? Нужно внимательнѣе смотрѣть въ лицо того, съ кѣмъ договариваешься, вотъ и все. Я хорошая физіономистка. Прошлый разъ мнѣ это просто не пришло въ голову.

И она брала другого арендатора — съ открытымъ, честнымъ лицомъ, съ мозолистыми рабочими руками, съ печальной складкой на лбу, которому нигдѣ не везло, который, несмотря на сѣдину, бѣденъ, какъ церковная мышь, но трудолюбивъ, какъ волъ.

Каждый день она ходила справляться о его здоровьѣ, о здоровьѣ его семьи. Онъ низко кланялся, вздыхалъ, что идетъ дождь, когда нужно солнце, и палитъ солнце, когда нуженъ дождь. Коровы почему-то худѣли, молоко свертывалось тутъ же изъ-подъ коровы, сѣно выгорало или гнило, рожь нещадно избивалась градомъ, лошади простуживались и дышали всѣ съ первой запашки, какъ кузнечные мѣхи. И несчастный арендаторъ оставался такимъ же нищимъ и несчастнымъ, какимъ приходилъ въ „Самолюбово“. Онъ взды-

халъ, чесалъ за ухомъ, жаловался на судьбу и просилъ подождать со взносомъ арендной платы. Многочисленная семья его приходила къ крыльцу и плакала.

Вѣра Владиміровна озабоченно хмурилась.

— Что подѣлаешь, — говорила она внушительно, — я, конечно, понимаю, что вамъ трудно.

И когда арендаторъ и семья его бросались къ ручкѣ, благодарить, она поспѣшно уходила въ комнаты.

Весной она сама покупала зерна для посѣва, но... бѣдный, честный арендаторъ уходилъ отъ Вѣры Владиміровны все же, разоривъ ее, обвиняя за дурной глазъ, за „нелегкое" мѣсто, на которомъ стоитъ, будто бы, ея имѣніе. Это не смущало помѣщицу; она всегда была увѣрена, что на этотъ разъ ей повезетъ.

Когда она затѣяла поставить суконную фабрику, только потому, что въ ея имѣніи въ болотахъ нашелся торфъ, ей казалось, что вотъ насталъ ея часъ разбогатѣть. Братъ Яша, оживившись, замечталъ о заграницѣ, но это не помѣшало ему, когда фабрика сгорѣла, ядовито посмѣяться надъ сестрой:

— Тебѣ бы, мать моя, штопать чулки, а не заниматься аферами... Въ тебѣ нѣтъ ни капли того, что называютъ коммерческой смѣткой... Въ тебѣ нѣтъ легкости, остроумія, тонкой изворотливости ума, какая нужна во всякомъ такомъ дѣлѣ. Сознайся, что судьба подшутила надъ нами, и зло подшутила, отнявъ у меня здоровье и не давъ тебѣ моего ума...

Яковъ Владиміровичъ убѣжденъ былъ въ своемъ остроуміи. Онъ слылъ такимъ въ былые дни среди золотой молодежи. Въ доказательство своего остроумія и присутствія духа онъ не разъ вспоминалъ одинъ печальный случай, оказавшійся для него роковымъ.

Однажды, прокутивъ до разсвѣта, Яковъ Владиміровичъ почувствовалъ дурноту, и такъ какъ это было лѣтомъ, то, быстро открывъ окно, онъ наклонился, кровь хлынула у него горломъ. Оправившись, онъ воскликнулъ:

— Dieu sait, ce que c'est!.. toute la journée je ne faisais que boire du champagne, et je vomis du vin rouge!..

II.

Всѣ комнаты были уставлены букетами изъ розъ. Вѣра Владиміровна съ особенной любовью умѣла ихъ холить. Чтобы срѣзанными онѣ дольше держались, она прижигала стебли

нашатыремъ и закапывала ихъ въ мокрый песокъ — такъ онѣ стояли у нея по недѣлямъ. Осыпавшiеся лепестки она собирала, высушивала на солнцѣ и набивала ими маленькiя кружевныя подушки, лежавшiя у нея по всѣмъ угламъ на диванахъ и креслахъ.

Въ жаркiе лѣтнiе дни жалузи не открывались, и въ комнатахъ разлитъ былъ зеленоватый полумракъ и сберегалась ночная прохлада, надушенная разнѣженнымъ, чуть терпкимъ запахомъ розъ. На лѣто ковры не убирались, не завѣшивались картины и на мебель не надѣвались чехлы. Круглый годъ все оставалось на своихъ мѣстахъ, и встрѣчали весну, только вынимая двойныя рамы. Вѣра Владимiровна сама каждый день сметала пыль и слѣдила за уборкой. Она не переваривала неаккуратности. Безпорядокъ раздражалъ ее, выводилъ изъ себя.

Но послѣднее время она стала забывчивой. Теряла ключи, только что спрятанные, искала газовый шарфъ, развѣвавшiйся у нея на головѣ.

— Но вѣдь этакая я безпамятная! — удивленно говорила она, смѣясь надъ самой собой, и тутъ же опять что-нибудь забывала.

Она любила свѣтлыя платья и умѣла носить ихъ. Когда смѣялась, то скалила бѣлые ровные крупные зубы и гордилась тѣмъ, что никогда не знала зубной боли и въ свои пятьдесятъ два года еще ни одного не вставила. Но съ давнихъ поръ страдала мигренями. Тогда она ложилась пластомъ и по трое сутокъ вылеживала въ постели съ компрессами на головѣ. Потомъ опять принималась суетиться. Если по дому все было прибрано, а на дворѣ, какъ въ эти дни, дулъ вѣтеръ, Вѣра Владимiровна собирала изъ черныхъ глиняныхъ горлачей, стоявшихъ въ рядъ на комнатномъ ледничкѣ, съ молока сливки и сбивала сама масло въ ручной стеклянной маслобойкѣ.

Она сидѣла за своимъ письменнымъ столомъ, вертѣла съ ожесточенiемъ ручку маслобойки и читала газету или какую-нибудь книгу.

Подъ вечеръ, когда стихалъ вѣтеръ и садилось солнце, она выходила въ садъ срѣзать розы, подчищать ихъ. Слѣдила за поливкой и любимыя клумбы поливала сама.

Высокая и быстрая, въ сиреневомъ шушунѣ, она шла по дорожкамъ, вдоль которыхъ тянулось два ряда штамповыхъ розъ, и любовно склонялась то въ ту, то въ другую сторону.

Бѣлыя, розовыя, пурпурныя, персиковыя, чайныя,—всѣхъ цвѣтовъ, всѣхъ оттѣнковъ, отдыхали розы послѣ дневного волненія, неподвижно вытягивались на тонкихъ стебляхъ, или, удовлетворенныя, осыпанныя блестящими каплями, томно склонялись долу.

Тонкими, сухими пальцами Вѣра Владиміровна бережно касалась ихъ лепестковъ, сладостно развернутыхъ, свитыхъ въ благоухающее руно.

Изъ лѣсовъ, гдѣ такъ часты были въ эту вѣтряную сушь пожары, низомъ съ сыростью ползъ горьковатый и жуткій запахъ гари, тлѣющаго торфа, испепеленной хвои. Онъ смѣшивался съ дыханіемъ розъ, съ цѣлой радугой волнующихъ запаховъ, слитыхъ въ одинъ волшебный напитокъ.

Когда совсѣмъ смеркалось и небо зеленѣло, а листва сада вдали дѣлалась похожа на бархатный сиреневый плащъ, Вѣрѣ Владиміровнѣ казалось, что это невидимая ворожея варитъ свое бѣсовское зелье.

Сильнѣе билось сердце, и на душу, какъ роса, упадали печаль и воспоминанія. Чуть примѣшивалась къ нимъ горечь обиды на себя, на людей, на канувшіе годы...

Вѣра Владиміровна быстро ходила по дорожкамъ сада въ полномъ одиночествѣ. Боже мой, Боже мой, какъ мчится время, какъ мало сдѣлано, какъ плохо пожито. Она ходила и думала и все ускоряла шагъ. Такъ все быстрѣе и быстрѣе пробѣгали дни и, кто знаетъ, сколько осталось этихъ быстрыхъ, безтолковыхъ, суетливыхъ дней. Во всякомъ случаѣ, гораздо меньше, чѣмъ тѣхъ, что уже остались позади. А вѣдь вотъ ей и до сихъ поръ кажется, что она готова принять новую жизнь.

Не вторую молодость, нѣтъ, а вторую жизнь. Такъ безъ отдыха, безъ сна, безъ смерти снова вступить въ жизнь и нести крестъ. Вѣра Владиміровна и такъ уже прожила три жизни — три раза выходила замужъ и каждый разъ начинала все сызнова. Съ первымъ мужемъ она прожила десять лѣтъ. Это было самое тревожное, несуразное время. Она была молода, требовательна и несдержанна и ушла отъ мужа съ двумя дѣтьми — мальчикомъ и дѣвочкой — оскорбленная, самонадѣянная, къ другому мужу, которому позволила любить себя. Но черезъ годъ онъ умеръ, оставивъ ей крошку сына. Тогда, оплакивая его любовь къ себѣ, она внезапно почувствовала безконечную жажду любви жертвенной, смиренія и покорность. Она полюбила здороваго, грубоватаго муж-

чину, крѣпкаго самца и женила его на себѣ. Онъ пошелъ на это охотно. Она все еще была красива въ свои сорокъ лѣтъ. Девять лѣтъ, прожитыя ею вдовой, не состарили ее. Можетъ быть съ нимъ, съ этимъ третьимъ мужемъ, она впервые могла считать себя счастливой. Забыла прошлое, и все пошло сызнова... Дѣтей у нея больше не было. Но у мужа оказалась дочь внѣбрачная, — отъ портнихи, давно умершей. Мужъ былъ весьма равнодушенъ къ этой дочери, какъ равнодушенъ былъ онъ ко всѣмъ, занятый только собой и своими удовольствіями. Узнавъ объ этой дочери, Вѣра Владиміровна заставила мужа взять ее къ себѣ и усыновить. И когда послѣ восьми лѣтъ супружества Вѣра Владиміровна порвала и съ этой жизнью, дочь ея мужа осталась при ней.

Прошли три жизни, и послѣ каждой нельзя было поставить точки: онѣ обрывались, обваливались, какъ незаконченное зданіе. Въ такіе вечера проносились онѣ скачками, обрывками, досадливо передъ Вѣрой Владиміровной, быстро прохаживавшейся среди своихъ любимыхъ розъ.

А небо темнѣло, густѣлъ воздухъ.

И молодой дѣвичій голосъ возвращалъ къ дѣйствительности:

— Тетя, а, тетя, гдѣ вы?

III.

Усадьба Тулубьевыхъ въ имѣніи „Самолюбово" издавна славилась своимъ садомъ, оранжереями и обиліемъ розъ. Розы взращивались здѣсь десятками лѣтъ, такъ какъ и матушка Вѣры Владиміровны любила цвѣты больше, чѣмъ дѣтей своихъ, къ которымъ относилась довольно холодно. Усадьбу и теперь называли усадьбой Тулубьевыхъ, по старой памяти и для удобства, потому что, выходя три раза замужъ, Вѣра Владиміровна каждый разъ мѣняла фамилію — гдѣ ихъ всѣхъ запомнить, да къ тому же клички эти были временныя, чужія, а Вѣра Владиміровна всегда оставалась такой, какой родилась — до старости въ ней сказывалась Тулубьевская кровь.

Имѣніе „Самолюбово" было раньше частью большого помѣстья старика Тулубьева — „Рай". Но старикъ еще при жизни отдѣлилъ кусокъ этотъ женѣ своей въ пожизненное пользованіе, съ условіемъ, чтобы послѣ смерти ея „Самолюбово" досталось дочери Вѣрѣ. Старую же усадьбу, съ оставшейся большей частью земли, завѣщалъ сыновьямъ своимъ — Дмитрію и Якову въ нераздѣльное пользованіе, съ тѣмъ, чтобы

Дмитрій — старшій — хозяйничалъ, а младшему выплачивалъ его часть. Старикъ зналъ легкомысліе меньшого. Но вскорѣ послѣ смерти отца умеръ Дмитрій, двадцати восьми лѣтъ отъ роду. Яковъ вступилъ во владѣніе и сперва заложилъ, а потомъ продалъ имѣніе, запутавшись въ долгахъ. Купилъ у него „Рай" Алексѣй Леонтьевичъ Крутовской, гдѣ хозяйничалъ теперь сынъ его, Леонтій.

Усадьба „Самолюбово" отстояла отъ усадьбы „Рая" всего лишь въ полуверстѣ. Широкая липовая аллея соединяла ихъ. Раньше на мѣстѣ самолюбовскаго сада росла березовая роща. Она покрывала высокій и пологій холмъ, съ котораго открывался безподобный видъ на всѣ четыре стороны — на поемные луга, на сосновые перелѣски, на поля съ кинутыми то здѣсь, то тамъ деревнями, на синѣющую вдали широкую полосу Днѣпра, къ которому, извиваясь, пробиралась межъ зарослей ивняка и камышей студеная и прозрачная рѣчонка Ящуръ, и точно похожая на этого быстраго серебристо-изумруднаго тонкохвостаго гада.

Рѣчонка огибала холмъ съ березовой рощей и отдѣляла его отъ усадьбы „Рая", разрѣзая липовую аллею пополамъ. Здѣсь былъ перекинутъ легкій бѣлый мостъ, съ рѣзными перильцами. Въ былое время въ рощѣ на холмѣ устраивались пикники съ пріѣзжавшими на траву кавалеристами, и должно быть въ память этого веселаго времени мать Вѣры Владиміровны и рѣшила поставить здѣсь домъ, когда мужъ отдѣлилъ ее. Она сама руководила распланировкой сада, сама сажала плодовыя деревья, разбивала куртины и разводила любимыя свои розы. Домъ выстроенъ былъ крѣпкій, удобный, со всѣми новѣйшими приспособленіями.

— Изъ-за одного самолюбія я хочу, чтобы мой садъ былъ лучше раевскаго, — говорила она.

Такъ и прозвали имѣніе ея „Самолюбовымъ".

Она жила здѣсь съ большой пышностью, оставшись послѣ смерти мужа тридцатидевятилѣтней вдовой. Мужъ былъ на двадцать лѣтъ старше ея, и она при жизни его ни въ чемъ себя не стѣсняла, но все-таки приходилось жить съ нимъ вмѣстѣ въ старомъ домѣ и скрывать свои увлеченія.

Она была влюблена въ кавалерійскаго полковника Дымшу, съ которымъ потомъ и обвѣнчалась. Но объ ихъ любви говорили давно, и дѣти ея объ этомъ тоже знали. Разсказывали даже будто бы ее поймалъ au flagrant delit старикъ мужъ и потому-то прогналъ за рѣчку изъ „Рая". Богъ вѣсть, правда

ли это, но старшій сынъ Дмитрій такъ и умеръ, не желая помириться съ матерью, и не видался съ нею все время, пока жилъ у себя въ „Раю“.

Тулубьева умерла шестидесяти четырехъ лѣтъ, когда Вѣрѣ Владиміровнѣ перешло за сорокъ. Къ этому времени „Рай“ былъ проданъ разорившимся Яшей, а Дмитрій лежалъ въ часовнѣ, рядомъ съ отцомъ.

Вѣра Владиміровна пріѣхала въ „Самолюбово“ послѣ долгихъ лѣтъ отсутствія, въ первые же годы своей послѣдней любви. При жизни матери она бывала здѣсь только на каникулахъ — институткой и молодой барышней, а выйдя замужъ, заглянула сюда одинъ только разъ; да ее особенно и не звали.

А Яша послѣднее время жилъ здѣсь безвыѣздно.

Сначала Вѣра Владиміровна пріѣзжала въ „Самолюбово“ изъ Кіева, гдѣ служилъ ея третій мужъ, только на лѣто, но когда разошлась и съ третьимъ мужемъ, рѣшила остаться навсегда. Тогда-то она принялась за хозяйство съ такой же страстностью и безпокойствомъ, какъ за все, за что ни бралась.

Такъ какъ „Самолюбово“ стояло высоко, на холмѣ, а „Рай“ въ котловинѣ, за рѣчкой, то съ вѣтромъ часто заносило сладостный запахъ въ садъ Леонтія Алексѣевича Крутовскаго, и, смѣясь, частенько говаривалъ старикъ, отецъ его, что это вѣютъ надъ раемъ блаженныя души праведниковъ, а рѣчушку Ящуръ называлъ „Тигромъ и Евфратомъ“. Онъ въ былое время неравнодушенъ былъ къ матери Вѣры Владиміровны и умеръ съ нею въ одинъ годъ.

Отчимъ Вѣры Владиміровны сейчасъ же по смерти жены уѣхалъ въ Сибирь, гдѣ занялъ важный постъ и тамъ же скончался.

Погодки Ната и Кока — дѣти Вѣры Владиміровны отъ перваго мужа, штабсъ-капитана, а теперь генерала Никанора Ивановича Смолича, гостили въ „Самолюбовѣ“ въ раннемъ дѣтствѣ, такъ что врядъ ли помнили это, а самый младшій, отъ второго мужа — Бунакова, — Витя, жилъ здѣсь каждое лѣто съ десяти лѣтъ, съ того времени, какъ имѣніе это послѣ смерти бабушки перешло къ его матери. Здѣсь же съ нимъ росла и Людмилушка, почти ровесница его, дочь третьяго мужа Вѣры Владиміровны, — полковника Карышева.

IV.

Уѣздный городъ Тильскъ расползся на правомъ берегу Днѣпра, въ трехъ верстахъ отъ „Рая“ и „Самолюбова“. Го-

родокъ этотъ былъ точь-въ-точь такой, какихъ тьма на Руси. Двѣ площади — одна съ соборомъ, другая съ тюрьмой, съ вѣющей столбами пылью, съ низенькими лабазами, съ мощеной булыжникомъ главной улицей и съ цѣлымъ рядомъ, глухихъ переулковъ, по сторонамъ которыхъ, одноэтажные бѣлые, тянулись домишки съ крылечками и со скамеечками, и съ темной стѣною садовъ за дощатыми заборами.

Дребежжа по мостовой главной улицы, каждый разъ спѣшилъ Крутовской свернуть въ переулокъ, чтобы хоть крюкомъ, но ѣхать по мягкой дорогѣ.

Крѣпкій сѣрый меринъ твердо и вѣрно ставилъ ноги въ густой слой пыли. Въ раскрытыя окна видна была чья-то жизнь, чей-то уютъ, слышались голоса, и вмѣстѣ съ запахомъ жасмина, — острымъ и приторнымъ, несло жаренымъ лукомъ.

Проѣзжая мимо каменнаго дома съ черной вывѣской на фронтонѣ, гдѣ золотомъ сіяли буквы: „Нотаріусъ О. М. Брындинъ", вспомнилъ Крутовской, что давно не бывалъ въ этомъ домѣ, и поспѣшно отвернулся и сталъ смотрѣть въ другой конецъ площади, гдѣ темнѣла зеленая чаща сквера. Ему показалось, что мелькнула въ окнѣ бѣлая чья-то фигура, и знакомое будто лицо глянуло на него. Это, конечно, была сама Тамара Гавриловна. Ему даже почудилось, что его окликнули, и онъ ударилъ вожжей лошадь и запылилъ поперекъ площади, мимо собора, торговыхъ бѣлыхъ рядовъ, мимо двухъэтажнаго предводительскаго дома, мимо сквера, теперь еще пустыннаго, внизъ, къ Днѣпру на пристань. Ему нужно было справиться, пришелъ ли томашлакъ, выписанный изъ Могилева.

Здѣсь вѣтеръ дулъ вольной, свѣжей струей; пыль не лѣзла въ ротъ, носъ, глаза. Пахло водою, тиной и отсырѣвшими бревнами. У пристаней громоздились баржи, кричали грузчики, и всюду, развѣянная изъ тугихъ сѣрыхъ мѣшковъ, мука казалась розовой отъ заходящаго солнца.

Въ этой вечерней, дѣловой суетливости, когда даже стрижи и голуби принимали, казалось, дѣятельное участіе въ людской работѣ, Леонтій Алексѣевичъ почерпнулъ новый приливъ бодрости. Онъ всегда былъ чѣмъ-нибудь занятъ, чѣмъ-нибудь озабоченъ, и эти поѣздки въ городъ за покупками, съ неизбѣжными встрѣчами знакомыхъ — надоѣдливыми и ненужными — раздражали и разслабляли его.

Соскочивъ съ дрожекъ и привязавъ коня къ столбу

спуска, Крутовской вытеръ платкомъ выступившiй на лбу потъ, отряхнулъ пыль съ желтыхъ своихъ крагъ и парусиновой англiйской охотничьей куртки, въ которой онъ всегда ходилъ въ деревнѣ, и, поправивъ на гладко остриженной головѣ чесучевый картузъ, твердо зашагалъ по мосткамъ къ пристани.

Стая голубей, клевавшая разсыпанную крупу, взвилась передъ нимъ съ тѣмъ особеннымъ свистомъ, который похожъ на сорванный звонъ лопнувшей струны, — и сейчасъ же, томно трепеща крыльями, усѣлась на прежнее мѣсто, когда онъ прошелъ дальше.

Подходя къ конторкѣ, гдѣ неизмѣнно сидѣлъ бородатый и злой старикъ Ерандаковъ, увидалъ Крутовской двѣ ухмыляющiяся рожи Фенты и Фроши Ерандаковыхъ, но на этотъ разъ отступать было поздно. Большой ростъ и широкiя плечи Леонтiя Алексѣевича сразу бросались въ глаза, и уже бѣжали ему навстрѣчу два брата, размахивая руками и подмигивая.

— Леонтiй Алексѣевичъ, Леонтiй Алексѣевичъ, милости просимъ, ашанте, безподобно! А мы только сейчасъ о васъ говорили. Тутъ почемъ зря пропадешь со скуки безъ свѣжаго человѣка.

Глядя на смѣющiяся, веснушчатыя, такъ похожiя другъ на друга курносыя лица, не могъ сдержать Крутовской улыбки и, пожимая потныя руки, отвѣтилъ:

— Здравствуйте! Здравствуйте! А батюшка вашъ здѣсь? У меня до него дѣльце небольшое...

— Папаша? — въ комическомъ ужасѣ, пятясь задомъ отъ Крутовского, воскликнулъ старшiй Ерандаковъ — Феопемтъ, — или, какъ его звали — Фента. — Да разрази насъ Богъ, если мы когда-нибудь будемъ съ нимъ въ одномъ мѣстѣ. Нѣтъ, нѣтъ, Леонтiй Алексѣевичъ, онъ вояжируетъ, а мы, такъ сказать, при исполненiи служебныхъ обязанностей. Милости просимъ въ контору — перекусить, э тсетера!

— Перекусить мнѣ не хочется — недавно обѣдалъ, а въ контору съ вами пройду и буду весьма благодаренъ, если вы мнѣ сообщите, пришли ли по накладной тюки съ удобренiемъ, — спокойно отвѣчалъ Крутовской, проходя впередъ и тѣмъ заставляя отступать передъ собою братьевъ Ерандаковыхъ.

Оба они были въ бѣлыхъ фланелевыхъ костюмчикахъ въ синюю полоску; воротнички пообмякли, колѣнки брюкъ по-

запачкались; ботинки у обоихъ были новенькіе, кирпичнаго цвѣта, а галстухи — у одного красный въ желтую крапинку, а у другого — зеленый въ красную крапинку.

— Все, что угодно, Леонтій Алексѣевичъ, все, что угодно, — засуетился младшій — Фроша и, забѣжавъ въ сторону, на другой край скрипѣвшей пристани, крикнулъ: — Прохоръ, поди сюда скорѣй, тутъ дѣло есть!

А Фепта, дружески схвативъ Крутовского подъ локоть, заговорилъ, спѣша и захлебываясь:

— Ну что, новости каковы? Слыхали? Вамъ вѣдь это ближе — изъ-подъ рукъ видать. Правда ликъ, нашей-то чародѣйкѣ, къ вѣчно юной и обольстительной Вѣрѣ Владиміровнѣ, потомство собирается? Какъ это говорится — мои, твои, наши и такъ себѣ... отъ всѣхъ трехъ супруговъ по сувениру.

— Въ чемъ же дѣло?..

— Да вотъ, говорятъ, съѣдутся въ этомъ году Смоличъ и Бунаковъ, Витя.... любопытно очень. Видно на любовь приходится крестъ поставить, вотъ курочка-то цыплятъ и сбираетъ подъ крылышки. Материнскія обязанности вспомнила.

— Васъ это удивляетъ?

— Не то, чтобы удивляло, а все же забавно. Что не ребенокъ, то другая фамилія и на свой фасонъ.

— А вамъ хотѣлось бы, чтобы всѣ по васъ съ братомъ — въ одну масть и одного достоинства?

Фепта фыркнулъ обиженно:

— Ну вотъ вы сейчасъ и на личности! Мы ни причемъ. Но все же, какъ хотите, картина соблазнительная. Въ родѣ предводительской. Слыхали, что онъ еще удралъ?

— Глупость какую-нибудь?..

— Да ужъ не безъ этого! Собралъ всѣхъ учительнишекъ по уѣзду и балъ устроилъ, но безъ кавалеровъ. Посадилъ всѣхъ по стѣнкамъ и съ каждой по очереди отплясывалъ. А мамаша въ лорнетъ смотрѣла и радовалась: — „Ты, Валечка, вотъ эту выбери“. Говорятъ, что все ею же, мамашенькой, и придумано съ особенной цѣлью, — для сравненія.

— Для какого сравненія?

— Очень просто. Пусть видитъ, какія онѣ всѣ рожи, какъ грубы, какъ неотесаны, ну и къ мамашѣ большей любовью проникнется.

— Чепуха какая! — безъ улыбки воскликнулъ Крутовской, которому надоѣло слушать. — И стоитъ вамъ всякій вздоръ пересказывать! Видно опять ночь протрубили...

— Была игра! — ничуть не смутившись, подхватилъ Өептъ. — Мы съ Фрошей минувшей ночью такого задали, что только держись! Въ клубѣ къ лотошникамъ верхами въѣхали. Перепугались всѣ страсть. Милѣйшій нашъ предсѣдатель — нотаріусъ Бряндинъ, изъ кожи лѣзъ отъ злости. Щенокъ, мальчишка, а туда же. Здорово онъ намъ досадилъ, ну да мы его выморимъ. Подумаешь — невидаль! Петербургская штучка! Нахалъ! Мазюлка паршивый, декадентъ! Теперь въ аптекарскій магазинъ зайдите и духовъ попросите, такъ вамъ сейчасъ же скажутъ: „Коти-съ прикажете, что Олегъ Максимычъ Брындинъ потребляютъ?“ Плевать намъ на его „коти-съ“, — сами съ котами. И безъ него жили. Вотъ посмотримъ, когда мы всѣ дѣла свои къ Соснову переведемъ и другимъ дорогу закажемъ къ нему. Небось — волкомъ взвоетъ, вся спесь сойдетъ! Ну, будь нотаріусъ — нотаріусомъ, по чину и честь, за этимъ не постоимъ, но чего фордыбачиться, сами посудите. И галстухъ, видите ли, такой нужно, и капотье, и черный пиджакъ, и бѣлыя брюки. Да мы, ежели бы захотѣли, въ эти самыя бѣлыя брюки всѣхъ крючниковъ одѣли бы! Подумаешь — невидаль!..

— Зачѣмъ же дѣло стало? — уже съ улыбкою молвилъ Крутовской, поглядывая на берегъ, куда волокли тюки съ удобреніемъ, — съ чего же такъ волноваться?

— Вотъ-те разъ! Конечно, за нами дѣло, ужъ будьте покойны. Только обидно, почему это месье Брындинъ — первый модникъ, все по немъ пляшетъ. Художникъ! Такимъ художникамъ мы баржи выкрасить не дадимъ, а тоже о вкусахъ говоритъ.

— Готово-съ! — закричалъ съ берега Прохоръ, — прикажете подводчика нанять?

Леонтій Алексѣевичъ махнулъ рукой и сталъ спускаться по хлюпающимъ доскамъ наземь.

V.

Гремѣла музыка въ скверѣ, когда Крутовской, распрощавшись съ сыновьями мучника, Ерандаковыми, поднялся въ гору на площадь и мимо собора, предводительскаго дома и дома нотаріуса тарахтилъ къ себѣ въ „Рай“. Въ свѣтлыхъ платьяхъ шли навстрѣчу ему барышни, подтянутые кадеты, гимназисты и студенты. Всѣ спѣшили на музыку, всѣхъ охватило радостное волненіе, всѣ улыбались, торопливо переговаривались.

Вѣтеръ утихалъ замѣтно. Онъ налеталъ порывами, бросая въ уши скачущій гулъ музыки, и замиралъ, стелясь смиренно у ногъ лошади.

За желтой тюрьмой, похожей на кинутый ненужный ящикъ, тянулся пустырь — въ этотъ часъ бархатный, весь залитый оранжевыми лучами уходящаго солнца.

Сейчасъ же за пустыремъ пряталась во взъерошенной зелени сирени и осины небольшая кладбищенская церковь, а за нею, за печальной семьей поросшихъ полынью и чертополохомъ могилъ, шелъ глинистый скатъ съ глиняными домиками слободы, похожими на два ряда стертыхъ зубовъ допотопнаго чудища. За скатомъ темнѣла мельница у самаго берега Ящура, а за нею дребезжащій сѣрыми досками, какъ клавишами, мостъ и вьющаяся лента дороги, и снова холмы, но уже покрытые зацвѣтающей рожью, пахнущей свѣжимъ хлѣбомъ и отдающей тепломъ.

Пофыркивая, бѣжалъ сѣрый меринъ, крѣпко ставя ноги въ пыльный пухъ шляха, а Леонтій Алексѣевичъ слушалъ въ хлѣбахъ перепеловъ и, кажется, ни о чемъ не думалъ.

Лицо его было спокойно и ясно. Темно-русая борода оттѣняла крѣпкія, загорѣлыя щеки, съ здоровымъ румянцемъ, темные глаза смотрѣли изъ-подъ густыхъ рѣсницъ хозяйственно и съ улыбкою. Все его крѣпкое молодое большое тѣло, стянутое парусиновымъ костюмомъ, плотно и увѣренно сидѣло въ легонькой бричкѣ, большія руки съ широкими ладонями спокойно лежали на колѣняхъ, зажавъ сильными, мозолистыми пальцами вожжи. Грудь вдыхала вольное теплое дыханіе хлѣбовъ. Такъ и чувствовалось, что все здѣсь для него привычное, свое. И меринъ былъ подъ стать хозяину. Онъ такъ же казался спокоенъ и увѣренъ, который разъ мѣряя знакомую дорогу. Пофыркивалъ дѣловито, съ достоинствомъ и степенно отмахивался густымъ и длиннымъ хвостомъ отъ оводовъ, не спѣша, разъ за разомъ, ударяя себя по блестящему, гладкому крупу.

Вскорѣ показался изъ-за послѣдняго холма кудрявый горбъ „Самолюбова“, сверкнула и скрылась въ чащѣ стальная спина Ящура, поднялась вверхъ бѣлая, усыпанная гравіемъ, въѣздная дорога въ Тулубьевскую усадьбу, а шляхъ свернулъ вдоль по извивамъ капризнаго Ящура.

Доѣхавъ до того мѣста, гдѣ шляхъ перерѣзала липовая аллея, ведущая изъ „Самолюбова“ въ „Рай“, Крутовской повер-

нулъ направо и застучалъ колесами брички по бѣлому мосту съ рѣзными перильцами.

Опять заблестѣла въ сиреневыхъ тѣняхъ угасающаго заката застывшая рѣчка, и поплыла поперекъ нея синяя тѣнь ѣхавшаго по мосту помѣщика.

Леонтій Алексѣевичъ глянулъ на воду и впервые улыбнулся отъ чистаго сердца.

Посреди рѣки медленно двигалась лодка; въ ней сидѣла дѣвушка въ бѣломъ холстинковомъ платьѣ съ краснымъ въ розанахъ платкомъ на круглыхъ плечахъ и держала въ рукахъ поднятыя вверхъ весла, съ которыхъ капали синія капли. Круглая голова ея ничѣмъ не была покрыта, каштановые волосы, стянутые на затылкѣ въ тугую косу, растрепались и вокругъ лица ея образовали сіяющій вѣнчикъ — такъ падалъ на нихъ свѣтъ скрывшагося солнца.

Дѣвушка открыто и радостно смотрѣла на Крутовского.

Леонтій Алексѣевичъ задержалъ мерина, не спѣша, приподнялъ картузъ и крикнулъ:

— Добрый вечеръ, Людмила Александровна!

Дѣвушка отвѣтила ему тотчасъ же. Ея молодой голосъ разнесся далеко по водѣ, звонко и весело:

— Добрый вечеръ, Леонтій Алексѣевичъ! Вы изъ города?

— Изъ города. Духота, пыль тамъ невообразимая и музыка въ скверѣ. Подругъ вашихъ видѣлъ.

— Все, значитъ, по-старому?

— Все по-старому. Манефа Подлиняева съ Колей гуляетъ. Ерандаковы опять наскандалили.

Крутовской говорилъ медленно, посмѣиваясь въ мягкую бороду.

— Ну, Богъ съ ними, — крикнула ему снизу Людмила, — мнѣ городскія сплетни не интересны, довольно я ихъ въ гимназіи наслушалась. Поѣзжайте домой скорѣй, лошадь отдайте, да ко мнѣ. Я васъ и такъ цѣлый часъ ждала.

Леонтій Алексѣевичъ кивнулъ головой, ударилъ вожжею сѣраго мерина и быстро скрылся со своею бричкою за деревьями сада.

VI.

Людмила ждала Крутовского у пристани, на его берегу.

Леонтій Алексѣевичъ пробрался изъ дома чащей, скрытой тропинкой, и прыгнулъ въ лодку.

Лодка качнулась, широкіе круги пошли по водѣ, но дѣ-

вушка не вскрикнула, а, молча, поднялась и пересѣла на руль. Крутовской занялъ ея мѣсто; скрипнули уключины, весла съ упругимъ свистомъ взмахнули въ воздухѣ, какъ два узкихъ крыла, и взрѣзали водяное зеркало. Лодка вздрогнула и сразу вынеслась на середину Ящура, — за нею потянулась журчащая, пѣнная дорожка.

— Ну, разсказывайте, — внимательно и серьезно глядя въ лицо Крутовского, молвила Людмила.

Леонтій Алексѣевичъ еще сильнѣе взмахнулъ веслами, узловатые мускулы налились подъ парусиновыми рукавами. Лицо его сразу потускнѣло, а темные глаза ушли въ себя. Хотя онъ и раньше ждалъ этого вопроса, но, видимо, сейчасъ былъ смущенъ имъ. Людмила замѣтила его смущеніе, но не показала вида и повторила настойчивѣе:

— Разсказывайте, Леонтій Алексѣевичъ, я васъ слушаю...

У нихъ такъ было заведено издавна. Каждый вечеръ Крутовской долженъ былъ докладывать Людмилѣ все, что дѣлалъ и что передумалъ за день. Она, въ свою очередь, разсказывала ему о себѣ. Но чаще всего говорилъ только Леонтій Алексѣевичъ, а дѣвушка слушала. Эти тихія, вечернія бесѣды доставляли имъ обоимъ истинное удовольствіе. Весь день Крутовской проводилъ въ дѣлахъ, въ хлопотахъ по хозяйству — то въ полѣ, то на мельницѣ, то въ скотномъ сараѣ: онъ былъ отмѣннымъ хозяиномъ, любящимъ свое дѣло, отдававшимся всецѣло безчисленнымъ заботамъ, но и ему все же нуженъ былъ отдыхъ, и не такъ даже отдыхъ, какъ перемѣна впечатлѣній.

Но сегодня, видимо, Крутовской не зналъ, какъ начать разговоръ. Глаза его все еще не смотрѣли передъ собою, брови сошлись къ переносицѣ, и особенно сильно, точно находя въ этомъ удовлетвореніе, взмахивалъ онъ веслами.

Лодка неслышно и быстро скользила впередъ, слѣдуя за извивами верткаго Ящура, минуя обѣ усадьбы и хозяйственныя постройки и купальни. По обѣ стороны развернулись поемные луга съ поблескивающими то тамъ, то здѣсь глубокими лужицами, похожими на осколки зеркала — въ свѣтлыхъ лиловыхъ сумеркахъ онѣ казались выше травы, выпуклыми. Такимъ же выпуклымъ казался и Ящуръ. Теченіе здѣсь было едва примѣтнымъ, точно рѣка боялась пролиться на зеленый коверъ и смять его.

— Да, о чемъ же особенномъ разсказывать, — наконецъ, перебилъ молчаніе Леонтій Алексѣевичъ, все еще не поды-

мая головы. — Новые жернова привезли — завтра ставить будемъ.

Онъ оборвалъ рѣчь, молчала и Людмила. Красный платокъ ея съ розовыми и желтыми розанами казался особенно яркимъ въ поблекшемъ воздухѣ.

Крутовской взглянулъ на эти розаны, и сердце его упало; ему почудилась кровь.

— Ахъ, не могу я говорить сегодня, — наконецъ произнесъ онъ, — вы ужъ извините меня, Людмила Александровна.

Но, не дождавшись ея отвѣта, заговорилъ взволнованно, и криво усмѣхаясь:

— Почему-то вотъ сейчасъ мнѣ дядюшка вспомнился — старшій братъ моего отца. Онъ давно умеръ и умеръ скверно. На него характеромъ, казалось бы, я ничуть не похожъ — наружностью больше, особенно лицомъ — остался у меня его портретъ. Но почему-то мнѣ всегда кажется, что что-то есть у меня отъ него. Такъ вдругъ подымется на минуту горячая волна и опять уйдетъ. Это единственно, что меня пугаетъ, а ужъ, кажется, я не изъ пугливыхъ, и нервы у меня крѣпкіе. Дядя этотъ былъ офицеромъ и лихимъ кавалеристомъ, старой закваски. Теперь такихъ нѣтъ — вымерли. Послужилъ онъ недолго, вскорѣ вышелъ въ отставку и поселился у себя въ имѣніи. Его всѣ любили — и сосѣди-помѣщики, и барыни, и старухи. Его имя у всѣхъ было на устахъ и произносилось съ уваженіемъ. Онъ точно присмирѣлъ. И вдругъ разнеслось извѣстіе, что въ самый Духовъ день онъ сначала подстрѣлилъ изъ пистолета, а потомъ изрубилъ шашкой какую-то вмѣстѣ съ нимъ только-что пріѣхавшую изъ губернскаго города дѣвицу, а затѣмъ, запершись на ключъ въ своемъ кабинетѣ, застрѣлился самъ. Слуховъ объ этомъ ходило тьма, но, понимаете, дѣло не въ слухахъ и даже не въ причинахъ убійства, а именно въ самомъ убійствѣ, въ этомъ внезапномъ порывѣ, въ этомъ бѣшенствѣ... Я твердо знаю, что большинство людей на убійство не способно — чтобы ни случилось, рука не подымется. А вотъ онъ могъ...

Крутовской оборвалъ рѣчь свою и затихъ. Людмила сидѣла все такъ же прямо, потомъ тихо окликнула:

— Леонтій Алексѣевичъ!

— Я слушаю...

— Вы опять получили письмо отъ нея, да?

Онъ, молча, кивнулъ головой.

— Только сейчасъ?

— Да, по пріѣздѣ домой... оно меня ждало...

— Оно съ вами?

— Нѣтъ, я оставилъ его, забылъ...

Онъ солгалъ. Письмо было съ нимъ, и Людмила поняла это. Онъ не могъ его показать ей, не смѣлъ, хотя раньше она читала письма, писанныя тою же рукой. Но теперь онъ не имѣлъ права быть съ нею откровеннымъ, онъ помнилъ, что его другу, его наперсницѣ, всего лишь девятнадцать лѣтъ.

Дѣвушка не настаивала и попросила повернуть обратно, къ дому.

Весь обратный путь они плыли молча. Это впервые случилось съ ними.

Выйдя на берегъ, Людмила безъ словъ пожала ему руку — (глаза ея ласково смотрѣли на него) — и быстро пошла по аллеѣ.

Крутовской видѣлъ, какъ она поднялась на холмъ, какъ бѣлое ея платье мелькнуло межъ темныхъ уснувшихъ деревьевъ, и услышалъ ея голосъ, повторенный эхо:

— Тетя, а тетя, гдѣ вы?

VII.

Вѣра Владиміровна все еще ходила въ глубокой задумчивости по дорожкамъ сада, вдоль невидныхъ теперь, но еще сильно благоухающихъ розъ, когда къ ней подошла Людмила.

— Тетя, милая, уже поздно — вы можете озябнуть. Чай пить пора... дядя Яша заждался, должно быть...

Голосъ ея былъ ровенъ и спокоенъ, ничто не выдавало ея волненія.

— Я замечталась: чудный воздухъ, — точно извиняясь, промолвила Вѣра Владиміровна, — мнѣ казалось, что ушло время. Этотъ запахъ розъ заставляетъ меня забывать обо всемъ.

Людмила прошла со своей пріемной матерью нѣсколько шаговъ рядомъ.

— Ахъ, такъ не хочется теперь упускать ни одной минуты, — тихо и мечтательно, точно думая вслухъ, говорила Вѣра Владиміровна, — тебѣ еще, конечно, трудно понять это...

— Нѣтъ, отчего же, я понимаю, — возразила дѣвушка.

— Ты понимаешь?..

Вѣра Владиміровна пріостановилась и пристально взгля-

нула на свою пріемную дочь. Вотъ сейчасъ, въ сиреневыхъ сумеркахъ, дѣвушка напоминала полковника Карышева — своего отца. Тотъ же овалъ лица и разрѣзъ губъ. Только выраженіе глазъ — темносѣрыхъ, не было лукаво, какъ у того, а, напротивъ, открыто и строго.

— Да, можетъ быть, ты и понимаешь меня, — тихо сказала Вѣра Владиміровна, — можетъ быть, только ты одна понимаешь меня... Скажи, онъ давно не писалъ тебѣ.

У нея не хватило духа назвать мужа своего по имени, или же просто папой.

— Давно, почти мѣсяцъ, — просто отвѣтила дѣвушка: — вы знаете, что онъ скупъ на письма. И потомъ у него много дѣлъ теперь — лѣтомъ всегда больше построекъ, кромѣ того, онъ занимается въ лагеряхъ съ юнкерами...

— Да, да, знаю, знаю, — горячо перебила ее Вѣра Владиміровна и замахала рукой. — У него дѣла, всегда дѣла, знаю я эти дѣла... Довольно я изъ-за нихъ намучилась, до той поры, пока не раскрыла всю его ложь, всю его гадкую ложь.

Она волновалась все больше; забывая, что рядомъ съ нею дочь человѣка, котораго она проклинала.

— Эти дѣла погубятъ его, онъ пропадетъ и запутается. Онъ забываетъ, что ему не двадцать лѣтъ, что онъ не мальчишка. Онъ думаетъ, что его могутъ любить искренно. Кто? Кого? Эти продажныя твари, эти француженки, которыя уже не разъ устраивали ему скандалы, и его, стараго человѣка и при томъ далеко не красиваго! Меня упрекаютъ, многіе надо мною, пожалуй, смѣются. Но что я могла сдѣлать? Терпѣть всю его ложь, закрывать на все глаза, притворяться спокойной и счастливой? Скажутъ, что онъ не бросалъ же меня. Да, но онъ поступалъ хуже, онъ издѣвался надо мною, онъ улыбался и лгалъ, нѣтъ, даже не лгалъ, а говорилъ правду, чистѣйшую правду подъ видомъ невинной шутки. И все это на твоихъ глазахъ и на глазахъ Вити... И когда, наконецъ, все раскрылось, раскрылось совершенно случайно, — тогда онъ имѣлъ наглость сказать, что не можетъ иначе, что влюбленъ, что не броситъ меня, будетъ меня уважать, какъ жену, но не броситъ и ту и будетъ видаться съ нею попрежнему... Какъ могла я вынести эту наглость, посуди сама!

Людмила прервала пріемную мать, касаясь мягко ея руки:

— Тетя, милая, не нужно... вѣдь вы ушли отъ него... зачѣмъ же такъ волноваться? Вы сдѣлали то, что хотѣли, не такъ ли?

— Ну, да, конечно, я не могла иначе.

— Вотъ видите... такъ почему же вы до сихъ поръ не можете помириться съ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ тоже то, что хотѣлъ?

— Помириться?.. Съ чѣмъ?..

— Съ тѣмъ, что сдѣлалось... вѣдь вы ушли отъ него — значитъ не любили больше...

— Не любила?..

— Конечно... если бы вы любили его попрежнему, то остались бы съ нимъ.

— Но онъ измѣнилъ мнѣ, обманулъ, надсмѣялся, какъ надъ какой-нибудь дѣвчонкой!

— Вотъ это же и я говорю... онъ разлюбилъ васъ, лгалъ вамъ... можетъ быть, и лгалъ-то потому, что все-таки зналъ, что вы для него больше другихъ его увлеченій... но это и не важно... Вы все узнали и ушли и вотъ теперь мучитесь... почему...

Людмила остановилась передъ Вѣрой Владиміровной, держала ее за руку, какъ маленькую, и прямо и пристально смотрѣла въ глаза.

Вѣра Владиміровна готова была возражать, но сразу осѣклась и смутилась. Только сейчасъ она поняла, что не слѣдовало говорить всего того, что говорила.

По счастью раздались поспѣшные шаги горничной. Она искала барыню и барышню, чтобы звать ихъ пить чай.

Вѣра Владиміровна и Людмила пошли къ дому. Людмила въ темнотѣ сорвала розу, уколола пальцы, но не вскрикнула, даже не отдернула руки, точно хотѣла и ждала уколоться, и прижалась щекой къ влажному темному цвѣтку, вдыхая глубоко его сладкій запахъ.

Обиженно выпятивъ губу, поджидалъ ихъ въ столовой Яковъ Владиміровичъ. Онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ передъ круглымъ обѣденнымъ столомъ и пренебрежительно водилъ ложкой по глубокой тарелкѣ съ простоквашей.

— Удивительные у насъ порядки, — брюзжалъ онъ, — ты, положительно, Вѣра, точно и не оставляла института: ходишь среди розъ, мечтаешь Богъ знаетъ о чемъ, а прислуга тѣмъ временемъ подаетъ какую-то бурду вмѣсто простокваши.

Войдя въ столовую, Вѣра Владиміровна сразу оживилась. Опять завладѣли ею хозяйственныя заботы, и она стала поспѣшно ходить по комнатѣ и передвигать горлачи на ледничкѣ.

— Сейчасъ я тебѣ другую дамъ, — сказала она брату.

— Тутъ почта пришла. Тебѣ письма есть, — снова проворчалъ Яковъ Владиміровичъ, — и въ газетахъ чепуха какая-то...

— Отъ Наташи! — вскрикнула Вѣра Владиміровна, берясь за письмо и блѣднѣя.

Тулубьевъ насмѣшливо возразилъ:

— Письмо отъ обожаемой контральто, отъ несравненной дивы? Это интересно... снизошла ли къ намъ, грѣшнымъ, и осчастливитъ ли своимъ присутствіемъ... Что тамъ ни говори, хоть она и глупа на мой взглядъ, но все же elle a du chien! и потомъ у нея есть вкусъ ко всѣмъ этимъ тряпкамъ, къ разнымъ кружевцамъ и ленточкамъ...

Яковъ Владиміровичъ помахалъ рукою въ воздухѣ, растопыривъ пальцы.

Людмила принужденно разсмѣялась.

Вѣра Владиміровна недовольно взглянула на нихъ.

— Тише, вы мнѣ мѣшаете...— и снова склонилась надъ письмомъ, занятая своими мыслями, своей тревогой.

Ната первая пробудила въ Вѣрѣ Владиміровнѣ, если и не достаточно сильныя, то все же материнскія чувства; она была дочерью перваго человѣка, котораго полюбила Тулубьева, и годы ея рожденія все же были годами счастья. Тѣмъ болѣе остро напоминала она матери и первое разочарованіе и стыдъ за свое чувство, когда оно поблекло и перешло въ озлобленіе Потомъ, издали, мать слѣдила за воспитаніемъ Наты и всегда была имъ недовольна. Отецъ баловалъ свою дочь, она у него росла какъ хотѣла — и училась, и не училась и набралась тѣхъ идей, которыя были чужды Вѣрѣ Владиміровнѣ. Потомъ Наталья поѣхала на курсы и, живя у старой тетки, конечно, стала не тѣмъ, чѣмъ хотѣла бы ее видѣть мать. Вѣра Владиміровна узнавала о дочери урывками, стороною, и всѣ эти слухи не могли ея радовать. Когда же она узнала, что Ната стала пѣвицей, — она совсѣмъ потеряла представленіе о своей дочери. Ната стала для нея чѣмъ-то далекимъ, мало понятнымъ и даже пугающимъ. Послѣднее время Смоличъ довольно часто писала ей. Это были очень милыя, очень тонкія письма, въ которыхъ проглядывали и внимательность, и почтительная сдержанность скромной, но достаточно опытной дочери, и сочувствія, и намеки на личныя горести, будто бы схожія съ горестями матери. Вѣра Владиміровна чувствовала себя теперь такой одинокой, такой

обиженной, и хотя относилась къ дочернимъ письмамъ не вполнѣ довѣрчиво, но все же они ее трогали, льстили ей, вызывали въ ней чувство горделиваго удовлетворенія материнскаго самолюбія. И привыкшая отвѣчать на всѣ письма, Вѣра Владиміровна сдержанно отвѣчала и дочери, невольно, хотя и вскользь дѣлясь съ нею своими мыслями и, въ концѣ концовъ, обмолвилась, что была бы рада повидать Наташу. Она написала, что этимъ лѣтомъ ждетъ къ себѣ и Костю, который попросилъ позволенія пріѣхать, вырвавшись ненадолго отъ своей службы. Наталья очень трогательно поблагодарила мать, но ничего опредѣленнаго не обѣщала, ссылаясь на личныя дѣла, на концерты и т. д. И вотъ теперь получилось письмо Наташи, гдѣ она рѣшительно извѣщаетъ о скоромъ своемъ прибытіи и пишетъ о томъ, что у нея есть кое-какія пріятныя вѣсти и что, главнымъ образомъ, эти новости побудили ее поторопиться съ пріѣздомъ.

Вѣра Владиміровна провела рукою по лицу, точно отгоняя отъ себя сомнѣніе, и черезъ нѣсколько минутъ положила письмо на скатерть около подноса и, разливая чай, сказала, какъ что-то давно извѣстное:

— Ну, вотъ, значитъ и она пріѣдетъ... Я, конечно, рада... Она пишетъ, что хочетъ повидать меня, что очень была тронута, получивъ мое письмо... и что счастлива пожить въ деревнѣ, среди своихъ. У нея концертъ въ Кіевѣ, а оттуда черезъ недѣлю — къ намъ. Что же, пусть всѣ дѣти соединятся у меня этимъ лѣтомъ. Людмила, милая, позвони пожалуйста... мнѣ нужно напомнить Катѣ, чтобы она воды горячей оставила, я буду мыть голову.

— Я ее сама пришлю къ вамъ, — отвѣчала дѣвушка и поднялась изъ-за стола. — Вы простите, тетя, и позвольте мнѣ пойти къ себѣ, — устала что-то.

Вѣра Владиміровна нервно вскинула голову и минуту смотрѣла на дѣвушку, точно не понимая, чего отъ нея хотятъ, потомъ сказала, опомнившись:

— Ахъ, пожалуйста, сдѣлай милость!

Людмила поцѣловала ее въ лобъ, кивнула дядѣ Яшѣ и, кликнувъ горничную, легко поднялась къ себѣ въ мезонинъ.

Тамъ въ открытое окно глядѣло темное небо и вершины деревьевъ. Дѣвушка постояла мгновеніе неподвижно, устремивъ впередъ глаза, потомъ упала, не раздѣваясь, на кровать, лицомъ въ подушки, и замерла.

Такъ она лежала долго, точно въ забытьѣ. Но плечи ея не вздрагивали, и она не плакала.

VIII.

Крутовской долго еще не шелъ къ себѣ въ домъ, а бродилъ по саду, заложа руки въ карманы и посвистывая. Высвистывалъ онъ все одинъ и тотъ же незамысловатый мотивъ, какой-то избитый вальсъ. Часто онъ сбивался съ дороги, забирался въ непролазную чащу и съ трудомъ выбирался оттуда.

Старыя липы привольно раскинули свои мшистыя вѣтви, только-только готовыя расцвѣсти, орѣшникъ сгрудился сплошною стѣною; акація, сирень и жасминъ заполняли всѣ свободные уголки. Дорожки и аллеи, давно нечищенныя, заросли цѣпкимъ, нѣжно-пахнущимъ вьюнкомъ, дикимъ цикоріемъ и щавелемъ. Крутовской, занятый полями, мало заботился о красотѣ парка; онъ не моіъ тратиться на прихоти.

Сейчасъ Леонтію Алексѣевичу было не до красотъ природы. Онъ ходилъ туда и обратно, плуталъ и возвращался на старыя мѣста, отнюдь не отъ любви къ мечтательности и одиночеству. Онъ и самъ бы не могъ сказать, почему бродитъ, тѣмъ болѣе, что за день порядкомъ усталъ.

Наконецъ, обезсиленный, Крутовской взошелъ на ступеньки открытой веранды, темной и гулкой въ эту пору, и прошелъ дальше, къ себѣ въ комнаты.

Помѣщичій домъ не починяли еще съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ жилъ старикъ Тулубьевъ. Изъ всѣхъ его двадцати четырехъ комнатъ Леонтій Алексѣевичъ выбралъ себѣ только три и устроился по-своему со своей старенькой теткой Марьей Васильевной.

Войдя въ столовую, Крутовской засталъ тетку свою спящей. Она склонила сѣдую свою голову на грудь и легонько похрапывала. Очки сползали ей на кончикъ носа. Отъ налетавшаго порывами черезъ открытое окно теплаго вѣтра вилялъ огонь въ висящей надъ столомъ лампѣ, пищалъ потухающій самоваръ и щелкали опаленные мотыльки, мошкара и комары, сыпясь на скатерть, въ молоко и стаканы.

Леонтій Алексѣевичъ осторожно разбудилъ старуху, сказалъ ей, что чай онъ пить не будетъ и чтобы она шла спать, загасилъ лампу и, зажегши свѣчку, прошелъ безконечнымъ рядомъ комнатъ, полупустыхъ, ободранныхъ и пахнувшихъ

мышами и плѣсенью, въ залъ. Тамъ онъ поставилъ подсвѣчникъ съ оплывшей свѣчей на рояль, открылъ крышку и ударилъ по клавишамъ. Рокочущій, недовольный гулъ разнесся по всему пустому дому, и съ потолка посыпалась штукатурка.

Леонтій Алексѣевичъ ударилъ еще разъ, пробѣжалъ крѣпкими, твердыми пальцами по всѣмъ клавишамъ и заигралъ бравурный маршъ. Игралъ онъ вообще не плохо, игралъ по слуху и все что ни попало, но сейчасъ музыка его производила странное впечатлѣніе. Ветхій домъ трещалъ и кряхтѣлъ, точно старикъ, разбуженный въ неурочный часъ; за окномъ проплывала ночная, лѣтняя тишь, даже деревья не шевелили листьями, утомленныя дневной вѣтряной тревогой, а въ обширной низкой залѣ сидѣлъ передъ роялемъ крѣпкій, рослый, далеко не поэтической наружности человѣкъ и игралъ, съ ожесточеніемъ игралъ бравурный маршъ. Лица его не было видно, оно пряталось въ тѣни, и только широкая его спина въ полотняной тужуркѣ и мелькающія сильныя руки освѣщались кружащимъ огнемъ свѣчи. Но внезапно онъ оборвалъ игру, хлопнулъ крышкой, отчего долго еще печально гудѣло въ черномъ брюхѣ разбитаго рояля, и, схвативъ свѣчу, подошелъ къ стѣнѣ, гдѣ висѣлъ большой овальный портретъ, писаный масляными красками, и нѣсколько минутъ, не шевелясь, смотрѣлъ на него.

Это былъ портретъ Елизаветы Яковлевны Тулубьевой, матушки Вѣры Владиміровны, такъ и оставленный висѣть здѣсь и проданный вмѣстѣ съ домомъ отцу Крутовского равнодушнымъ ея сыномъ.

Смотрѣлъ на портретъ Леонтій Алексѣевичъ тупо и упорно, какъ будто ничего передъ собой не видя. Онъ плотно сдавилъ челюсти, какъ человѣкъ, рѣшившійся броситься головой въ прорубь. Пальцы, за минуту передъ тѣмъ твердо, съ отчаяніемъ ударявшіе по клавишамъ, теперь цѣпко охватили ножку тяжелаго подсвѣчника. Силъ больше недостало.

Крутовскій рѣзко повернулся, опять поставилъ свѣчу на крышу рояля, вынулъ изъ внутренняго кармана тужурки смятое письмо и началъ его перечитывать.

„Леонтій, я писала вамъ много разъ, и вы или отмалчивались, или повторяли то же, что сказали тогда въ послѣднее наше свиданіе. Вы писали мнѣ, что вы не хотите меня видѣть, не хотите слушать никакихъ оправда-

нiй и просите оставить васъ въ покоѣ. Я такъ сначала и думала поступить, но теперь вижу, что не могу. Я должна васъ повидать и все выяснить. Вы должны будете понять. Можетъ быть, это на вашъ взглядъ гадко, но я все-таки такъ сдѣлаю. Наконецъ, я имѣю право прiѣхать сюда — меня зоветъ моя мать, съ которой я не видалась два года. Можетъ быть, я дурная, испорченная, преступная, но сейчасъ я одинока, мнѣ нужна поддержка, нуженъ свой уголъ. Ребенокъ мой умеръ мѣсяцъ тому назадъ, съ отцомъ его я порвала, ничто меня не радуетъ, не манитъ. Мнѣ прiѣлись люди, прiѣлась и я сама себѣ. Мнѣ нуженъ покой, а получить его я могу, только чувствуя себя свободной отъ в с е г о. Вы все-таки были моимъ единственнымъ другомъ, и я иду къ вамъ, если даже и безъ надежды вернуть вашу дружбу, то хотя бы для того, чтобы исповѣдаться передъ вами и найти въ этомъ облегченiе. Наконецъ, я просто этого хочу и такъ будетъ.

Н.“

Леонтiй Алексѣевичъ зажалъ въ ладони письмо и прошелся нѣсколько разъ по залѣ. Онъ чувствовалъ, что его душитъ безсильная злоба. Въ немъ поднялась вся горечь и муть прожитыхъ лѣтъ, которыя, казалось, давно улеглись въ немъ. Что отъ него хотятъ, съ чѣмъ идутъ къ нему? Живя здѣсь, онъ никогда не былъ охраненъ отъ непрiятной ему встрѣчи, но встрѣча сама по себѣ не пугала его: онъ достаточно перенесъ, достаточно пережилъ, чтобы сумѣть хладнокровно относиться къ всякимъ неожиданностямъ. Но съ нимъ хотѣли говорить, къ нему подходили съ какими-то требованiями.

Передъ Крутовскимъ прошли года студенчества, его работа, его надежды, эмигрантство. И вотъ теперь, когда онъ успокоился, когда онъ ушелъ въ себя, когда онъ снова принялъ мiръ, нашелъ работу и заставилъ себя полюбить эту работу, когда онъ усилiемъ воли, дорого ему давшимся, поборолъ въ себѣ отвращенiе къ людямъ, почти начиналъ вѣрить въ свое дѣло, къ нему опять тянется самое темное, самое злое изъ его прошлаго.

Вся кровь ударила ему въ голову отъ обиды и бѣшенства. Но Крутовской привыкъ себя сдерживать, этому онъ научился еще въ Парижѣ, до амнистiи, гдѣ иногда можно было биться головой объ стѣну отъ досады и ярости, отъ стыда за

себя и товарищей. Онъ постарался думать о другомъ. Вспомнилъ о Людмилѣ и о сегодняшнемъ съ нею свиданіи. Если до сихъ поръ онъ привыкъ быть съ нею откровеннымъ, какъ съ другомъ, хотя былъ старше ея на четырнадцать лѣтъ, то, пожалуй, сегодняшняя его таинственность совершенно была излишняя. Она могла обидѣть дѣвушку. Эти простыя, искренния, почти братскія отношенія такъ нужны были ему. Въ концѣ концовъ, кромѣ старой тетки, только Людмила ему близка здѣсь. Конечно, нужно будетъ все разсказать ей, ничего не утаивая.

Леонтій Алексѣевичъ распахнулъ пыльное окно въ садъ и сталъ вдыхать полной грудью росный воздухъ.

Сверху, изъ „Самолюбова", плыла теплая волна, напитанная дыханіемъ розъ — цѣлой радугой запаховъ. Оттуда, же сверху, должно было придти и то, что казалось Крутовскому похороненнымъ.

Но Крутовской остылъ, къ нему вернулась его непоколебимость, онъ чувствовалъ, что онъ осилитъ и это послѣднее препятствіе.

На востокѣ, за густой чащею, занималась заря. Перекликались пѣтухи — самолюбовскій и райскій; вскорѣ имъ отвѣтили въ перебой, тонко и басомъ, съ другихъ концовъ.

Съ земли поднялся туманъ. Онъ перекинулъ молочный призрачный мостъ изъ одной усадьбы въ другую, черезъ уснувшую рѣчку. Небо стало прозрачно и трепетно, словно крылья капустницы, — голубовато-желтое и чуть-чуть изумрудное, оно точно слиняло, точно въ чернила влили лимонной кислоты.

Леонтій Алексѣевичъ загасилъ свѣчу, прыгнулъ черезъ окно въ мокрую траву и, оставляя темный слѣдъ за собою по росному полю, цѣпляясь за мокрыя вѣтки, обдававшія его холоднымъ дождемъ, пробирался къ Ящуру.

Тамъ, на пристанькѣ, онъ быстро раздѣлся и кинулся въ воду, похожую на молочный кисель.

Двумя взмахами сильныхъ рукъ онъ былъ далеко отъ берега, далеко отъ горестныхъ своихъ мыслей.

IX.

Витя Бунаковъ и Константинъ Никаноровичъ Смоличъ пріѣхали на станцію „Гременки" утромъ. Всю дорогу они проспорили и были недовольны другъ другомъ. Витя доказывалъ, что спортъ развиваетъ не только мускулы, но и мы-

И среди нихъ нѣсколько юнцовъ — очень тихихъ, скромныхъ, съ женственными ужимками, нѣсколько молодыхъ людей, „дѣлающихъ карьеру“. А самъ князь, когда-то и точно руководившій политикой, ворчливо повторяющій старое, но не утратившій расположенія... маленькій, съ нависшими сѣдыми бровями, прочный и твердый, но съ нѣжными, выхоленными руками, которыхъ непріятно было пожимать — такъ онѣ были мягки и безкостны. „Старый богъ“, такъ его за глаза называли лицеисты, онъ совсѣмъ преображался въ ихъ обществѣ. Иногда онъ угощалъ ихъ обѣдами у Контана... они пили шампанское и пѣли псалмы, а втайнѣ отъ него въ сосѣднемъ кабинетѣ волочились за женщинами, разсказывали скабрезные анекдоты... Въ сущности говоря, Смоличъ всегда тяготился этимъ знакомствомъ. Его здравый смыслъ заставлялъ его смотрѣть со стороны на то, въ чемъ онъ участвовалъ, но тотъ же здравый смыслъ сдѣлалъ его камеръ-юнкеромъ... Предвыборную агитацію устроила ему баронесса — это дало ni plus ni moins вице-директора департамента. Тогда онъ могъ забыть четверги у князя.

Невольно Смоличъ засвисталъ — у него была эта глупая привычка. Онъ отвѣчалъ свистомъ на свои мысли.

„Лишь бы Наташа поскорѣе уладила, — думалъ онъ, — и съ водвореніемъ мамаши, и съ устройствомъ денежныхъ дѣлъ... По правдѣ сказать, я не зналъ бы, какъ приступить къ ней... Мамаша, судя по всему, большая эгоистка и съ ней нужно умѣючи“.

Онъ вытянулъ ноги и зѣвнулъ.

— Мнѣ душно, я не привыкъ къ такому пеклу. А ты, кажется, доволенъ?

— Да, я люблю солнце!

Константинъ Никаноровичъ пожалъ плечами.

— Все хорошо, когда въ мѣру. Благоустроенный курортъ даетъ тебѣ солнца столько, сколько нужно, — въ любую минуту ты въ безопасности. Судя по всему, тебя ничто не интересуетъ, кромѣ спорта и твоей спеціальности. Я даже не замѣтилъ въ тебѣ общественныхъ и политическихъ интересовъ. Этотъ индефферентизмъ, кстати, я наблюдалъ у большинства современной молодежи.

Витя отвѣчалъ, глядя въ сторону, на несущуюся воронью стаю.

— Нѣтъ, почему же — политика — политикой, государственные интересы сами по себѣ. Все это весьма важно,

весьма нужно и никогда не перестанетъ интересовать людей. Но каждому свое... Я хочу сказать, — каждый долженъ дѣлать свое дѣло... Я техникъ, инженеръ — ясно и просто. Я знаю, что Россіи нужны дороги и крѣпкіе люди. Я укрѣпляю свое здоровье и люблю свое дѣло. Кажется, понятно!

— Весьма понятно, — посмѣиваясь, повторилъ Смоличъ. — Но все, что ты говоришь, и сухо и до нельзя узко. — Нельзя замкнуться въ тѣсномъ кругу своихъ интересовъ и не откликаться ни на что другое. Я и говорю о томъ, что всѣ вы теперь спеціалисты, и потому кругозоръ вашъ не широкъ. Наконецъ, не станешь же ты отрицать красоты подвига, во имя свободы, во имя народа... Я, грѣшнымъ дѣломъ, не люблю всѣхъ этихъ господъ, но все же я отдаю имъ должное... ихъ идеи вздорны, но широкъ размахъ...

Витя кивнулъ головой и отвѣтилъ:

— О чемъ ты говоришь? — развѣ только что я не сказалъ тебѣ, что нужно умѣть дѣлать и знать, для чего дѣлаешь... За подвигомъ кроется такое же дѣло, какъ и всякое другое, оно даже болѣе отвѣтственное, болѣе тяжелое... Но у насъ на Руси вы всѣ, тѣ, что дѣлали жизнь, увлекались больше широтой, неясностью замысла, чѣмъ способами его осуществленія. Всѣ вы, почти всѣ восторгаетесь размахомъ дѣла, не любя, какъ ты только что обмолвился, сути дѣла. Любятъ у насъ искусство, народъ, свободу и тому подобное, потому только, что это слова и слова пустыя, если въ нихъ не вложить цѣлую категорію понятій, и къ тому же, весьма прозаическаго свойства.

Коляску подкинуло на поворотѣ, и кони, раздувъ бока, взяли въ гору по липовой самолюбовской аллеѣ.

— Пріѣхали! — радостно вскрикнулъ Витя, поднялся и, держась одной рукой за козла, другой сталъ махать надъ головой фуражкой.

— Людмила, Людмила, ур-ра!

X.

Вѣра Владиміровна еще со вчерашняго дня начала волноваться, ожидая пріѣзда сыновей, а сегодня съ утра совсѣмъ затормошилась. Она все перезабыла, все растеряла.

— Боже мой, какая глупая, — повторяла онъ непрестанно, — гдѣ у меня голова?

И звала Людмилу, чтобъ она помогла ей.

Нѣсколько разъ она бѣгала въ комнаты, предназначенныя сыновьямъ. Останавливалась на порогѣ и растерянно смотрѣла на обои.

— Кажется, все на мѣстѣ.

Костю она давно не видѣла и совсѣмъ не представляла его себѣ. Какъ они встрѣтятся, что скажутъ другъ другу? Ей не вѣрилось, что Костя ея сынъ. Онъ вѣдь не росъ на ея глазахъ. Порой, стыдно сознаться, но она забывала о его существованіи. Гдѣ онъ? Что онъ? Витю она и знала и любила больше. Онъ былъ всегда при ней, изъ мальчика превратился въ юношу съ пушкомъ надъ губою, съ рѣшительными движеніями, съ выработавшимся вкусомъ. Пока онъ былъ мальчикомъ, она внимательно слѣдила за его здоровьемъ, за его занятіями. Она боялась что онъ можетъ заболѣть, разлѣниться. Къ тому же его здоровье особенно безпокоило ее — она помнила о ранней смерти его отца, который такъ любилъ ее когда-то... Да, это было печальное время — первые годы Витинаго дѣтства... Невольно въ своихъ воспоминаніяхъ Вѣра Владиміровна переходила къ мыслямъ о себѣ, о своихъ горестяхъ... Сердце ея всегда было занято, всегда болѣло своимъ, билось отъ своихъ печалей. Она отдавала младшему сыну свои руки, свою опытность, въ отношеніяхъ своихъ къ нему удовлетворяла непрестанную жажду дѣятельности, потребность физическаго утомленія. Когда же его не было съ нею, она переносила свои заботы на другое и на другихъ... Если она писала ему письма, то въ нихъ она повторяла только самое себя. О, она никогда не лгала. Этого о ней нельзя было сказать. Она ничего не скрывала отъ своихъ дѣтей — внѣшняя сторона ихъ жизни была имъ извѣстна. Братъ Яша часто говорилъ ей: „Держу пари, что умри я въ твоемъ домѣ отъ горя, и ты узнаешь объ этомъ послѣдняя“... Онъ всегда смѣется... но, что дѣлать, не будучи ни злой, ни человѣконенавистной, она не умѣла пробудить въ себѣ инстинкта матери — она должна въ этомъ признаться...

А вотъ теперь, ожидая къ себѣ сыновей, не спала всю ночь и волновалась, какъ институтка.

Точно такое же волненіе испытывала она, когда должна была идти въ какое-нибудь присутственное мѣсто по дѣлу.

Услышавъ стукъ колесъ у подъѣзда, Вѣра Владиміровна схватилась за сердце и перекрестилась.

Витя тискалъ ее въ своихъ объятіяхъ и тормошилъ, а она смотрѣла на Костю.

Этотъ блѣдный, красивый, суховатый господинъ съ прищуренными глазами — это ея сынъ?

— Maman, — говорилъ онъ, почтительно прикладываясь къ ея рукѣ, — судя по вашимъ портретамъ, которые у меня есть, вы ничуть не измѣнились. Боже мой, какъ вы молодо выглядите — мнѣ стыдно за свои сѣдины.

Она улыбалась и краснѣла, смущенно проводя рукою по его волосамъ:

— Что за глупости, Костя, гдѣ у тебя сѣдины?

— Они въ моемъ сердцѣ, — отвѣчалъ онъ, шутливо щурясь на мать, — но, право, каждый день я нахожу у себя одинъ сѣдой волосъ...

— Государственныя заботы, — подхватилъ Яковъ Владиміровичъ, по случаю пріѣзда племянниковъ оставившій свое кресло и вышедшій имъ навстрѣчу. — Жаловаться на судьбу тебѣ и желать большаго c'est demander le superflu!

— О, я не жалуюсь, — возразилъ Смоличъ, — „мы никогда не жалуемся“!

Онъ произнесъ послѣднія слова по особенному въ носъ, видимо, кому-то подражая.

Они прошли всѣ на веранду, увитую виноградомъ, и сѣли за столъ пить чай.

— Горячія булки, масло, сыръ! — кричалъ Витя и тормошилъ Людмилу. — Ты добрѣешь, мать моя, — предупреждаю къ сорока годамъ ты будешь похожа на просфору. Но нѣтъ, — перебивалъ онъ себя, — слишкомъ много бѣгаешь для этого.

Константинъ Никаноровичъ смотрѣлъ на Людмилу искоса, осторожно намазывая масломъ ломтикъ хлѣба.

Вѣра Владиміровна, забывъ о пріѣзжихъ, суетилась у самовара. Качая головой, она шептала:

— Не помню, долила я воды въ чайникъ, или нѣтъ?

Потомъ успокаиваясь, съ горящими отъ волненія щеками, оглядывала столъ. Солнечныя пятна играли на стаканахъ, на самоварѣ, на ложкахъ. Воробьи, осмѣлѣвъ, прыгали по доскамъ пола и подбирали крошки. Пахло стоявшими на столѣ въ кувшинѣ розами, свѣжимъ хлѣбомъ и чуть-чуть угаромъ изъ самовара. На незанятомъ концѣ вздувался отъ налетавшаго время отъ времени вѣтра край скатерти, и Вѣра Владиміровна, забываясь, каждый разъ тянулась рукой, чтобы ее поправить.

„Ну вотъ теперь оба сына со мною, — думала она, — а скоро пріѣдетъ дочь. Что же мнѣ еще нужно? Неужели мнѣ этого мало“, — и краснѣла, заранѣе зная свой отвѣтъ.

— Я совсѣмъ не представлялъ васъ такою, — говорилъ Константинъ Никаноровичъ, обращаясь къ Людмилѣ. — Нѣтъ, нѣтъ, вы казались мнѣ очень худой почему-то и очень высокой... И потомъ веснушки... мнѣ почему-то всегда думалось, что у деревенскихъ барышень обязательно должны быть веснушки...

— Другъ мой, — возразилъ Тулубьевъ, — запомни это разъ навсегда — у Людмилы золотое сердце, и нѣтъ золота на лицѣ.

— И потомъ называй ее на ты, — перебилъ Витя. — Не правда ли, Людмила?..

— Если позволите?..

Облизываясь и визжа, прибѣжалъ, вспугнувъ воробьевъ, Вертунъ — лягашъ Бунакова. За зиму его раскормили, и бѣлая короткая шерсть его съ рыжими подпалинами лоснилась подъ солнцемъ. Онъ билъ твердымъ, упругимъ хвостомъ по ногамъ Смолича, положивъ морду на Вѣрины колѣни. „Еще напуститъ блохъ“, — брезгливо подумалъ Константинъ Никаноровичъ и попросилъ разрѣшенія встать.

— Ты, можетъ быть, покажешь мнѣ садъ, — спросилъ онъ Людмилу, когда она, всполоснувъ чашки, сошла по ступенькамъ къ цвѣтникамъ. „Если бы не широкая кость и слишкомъ темный загаръ, она была бы прехорошенькая“, — добавилъ Смоличъ про себя.

Они пошли вдоль розъ, мимо сиреневой бесѣдки, по липовой аллеѣ къ Ящуру. Константинъ Никаноровичъ старался попасть въ ногу съ Людмилой. „У нея широкій, но эластичный шагъ, — думалъ онъ, — и, должно быть, стройныя, прямыя ноги... этимъ не могутъ похвастаться наши петроградскія дамы... вотъ только руки“...

Дѣвушка замѣтила его взглядъ и, улыбаясь, подняла руки въ уровень своего лица:

— Черныя, — сказала она звонко, — отъ работы... все время въ землѣ и подъ солнцемъ...

Онъ поспѣшилъ высказаться, думая, что она обидѣлась.

— Онѣ, должно быть, сильныя.

— Должно быть... рабочія руки у меня, да вѣдь я и вся простая... ты знаешь...

Смоличъ опустилъ глаза: что значитъ эта откровенность? Самоуниженіе или вызовъ? Она не кажется наивной.

Улыбаясь сладко, Константинъ Никаноровичъ, взялъ ея руки и, притянувъ къ себѣ, поцѣловалъ одну за другою:

— Какія бы онѣ ни были, — сказалъ онъ, — но онѣ принадлежатъ очаровательной дѣвушкѣ...

Людмила глянула удивленно на названнаго брата, но рукъ не вырвала, не смутилась и не отвела глазъ: она разглядывала со вниманіемъ этого совсѣмъ не знакомаго ей человѣка. „Однако въ ней много самоувѣренности, — подумалъ Смоличъ, — но все же слѣдуетъ быть любезнымъ, — она тутъ, кажется, полная хозяйка", — и произнесъ громко:

— Эти руки способны не только копать землю... онѣ огрубѣли, но могли бы быть нѣжными... Кстати... неужели ты думаешь долго оставаться здѣсь, или поступишь на курсы?

Людмила отвѣтила, помедливъ, все еще не отнимая своихъ рукъ:

— Нѣтъ, я люблю сельское хозяйство... я люблю деревню, хорошо узнала крестьянъ... жаль только, что нѣтъ у насъ агрономическихъ женскихъ курсовъ... Но я занимаюсь сама, достаю книги... Мои знанія пригодятся... Да что тамъ, дѣла всюду много, а съ дѣломъ не соскучишься...

Посмѣиваясь и глядя исподлобья, съежившись и точно вышаривая глазами дѣвушку, Константинъ Никаноровичъ спросилъ многозначительно:

— А замужъ ты собираешься?

На мгновеніе дѣвушка смутилась — вопросъ былъ слишкомъ неожиданнымъ и неумѣстнымъ. Но сейчасъ же, поднявъ лицо, ярко пылавшее, и открыто и ясно смотря въ глаза названному брату, Людмила отвѣтила рѣшительно:

— Конечно, если я полюблю кого-нибудь... и меня полюбятъ.

Сразу не найдя, что отвѣтить, Константинъ Никаноровичъ, наконецъ, кисло промямлилъ:

— Но развѣ у насъ теперь любятъ?

XI.

Въ скверѣ по обыкновенію играла музыка, и при входѣ у деревянной калитки, на которой наклеены были афиши о любительскихъ спектакляхъ, сидѣлъ старый человѣкъ, — „свидѣтель" нотаріуса Брындина, дворянинъ Падалка и продавалъ билеты.

Лицо у него было унылое, желтое, съ сизымъ носомъ и

подтекомъ подъ глазомъ. Сидѣлъ онъ тутъ совершенно напрасно, такъ какъ большинство почтенной публики были членами клуба или ихъ ближайшими родственниками, а молодежь не платила за входъ „принципіально“.

Оркестръ игралъ польку „съ соловьемъ“. Ее бисировали не разъ, но братья Ерандаковы настойчиво требовали повторенія, каждый разъ посылая музыкантамъ въ благодарность скатанный мякишъ хлѣба съ заклеенной въ немъ рублевой бумажкой. Дирижеръ, онъ же первая скрипка, снималъ картузъ и низко кланялся.

Фепта и Фрошу приказано было не пускать въ скверъ за скандалы, но они избили стражниковъ, караулившихъ у входа, и дворянина Падалку, послѣ чего, давъ имъ на чай, преспокойно заняли столикъ на верандѣ.

Сидя передъ батареей бутылокъ, пили они въ перегонки за здоровье дамъ, ѣли раковъ и бросали скорлупу въ гулявшихъ барышень. Барышни взвизгивали, громко возмущались, но снова проходили мимо.

Негодующе фыркая и размахивая палочкой, бѣгалъ нотаріусъ Брындинъ въ бѣлыхъ фланелевыхъ брюкахъ и черномъ пиджакѣ. Глаза его успѣвали томно улыбаться влюбленнымъ гимназисткамъ. Онъ былъ начисто выбритъ, напудренъ, надушенъ и, точно, весьма недуренъ. Опуская плечи, таинственно пригибаясь къ собесѣдницѣ, — начальницѣ женской гимназіи Поликсенѣ Егоровнѣ, говорилъ онъ театральнымъ шопотомъ:

— Но это же безобразіе, это недопустимо! Я долженъ буду прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ, — и тотчасъ же, еще понижая голосъ и выразительно улыбаясь, продолжалъ вкрадчиво, — но вы не разрѣшаете мнѣ, Поликсена Егоровна... ахъ, женщины и долгъ всегда на разныхъ полюсахъ! Мужчина, склоняясь къ женщинѣ, какъ магнитная стрѣлка, уклоняется отъ долга. Простите мнѣ этотъ пошлый каламбуръ, но у меня голова идетъ кругомъ. Если бы вы знали, какъ тяжело быть нотаріусомъ, клубнымъ старшиной, художникомъ и мужемъ. Какъ нотаріусъ, я долженъ быть любезенъ съ Ерандаковыми, какъ клубный старшина — обязанъ гнать ихъ вонъ... какъ художникъ, я не могу не восхищаться прелестными женщинами, какъ мужъ — я долженъ бѣжать ихъ...

Сойдя съ коляски и прислушиваясь къ шуму, доносящемуся съ главной аллеи, Людмила остановилась въ нерѣшительности.

— Нѣтъ, я не пойду туда, — сказала она, — тамъ должно быть опять скандалъ, ступайте вы одни, а я пройдусь по боковой дорожкѣ...

— Но можетъ быть, мнѣ побыть съ тобой? Тебѣ неудобно одной? — возразилъ Константинъ Никаноровичъ.

Лицо его улыбалось; онъ похлопывалъ себя тростью и чуть раскачивался. Потомъ нагнулся и слегка дотронулся до плеча названной сестры. Его пальцы соскользнули ей на грудь.

— Ты очень интересна сегодня...

Дѣвушка удивленно на него взглянула.

— Что за глупости, — сказала она звонко, — чего тебѣ со мною въ темнотѣ сидѣть? Иди скорѣе... Витя ждетъ.

И, отвернувшись, не спѣша, пошла въ сторону. Здѣсь фонарей не было, дорога не чистилась, рѣдко попадались одинокія скамейки.

Музыка доносилась, заглушенная зеленой чащей. Сюда приходили помолчать влюбленныя пары.

Людмила шла, опустивъ голову. Ее не покидало смутное безпокойство: нужно было все рѣшить и додумать до конца. Она невольно передернула плечами, когда ее окликнули:

— Людмилушка, милая!

Къ ней кинулась ея подруга, Липочка, дочь начальницы.

— Какъ ты сюда попала? Почему одна? Отчего раньше не пріѣзжала? Забыла насъ? — закидала Липочка ее вопросами. — А со мною Ильюша Шишикторовъ. Ильюша, Людмилушка пріѣхала! Онъ все время о тебѣ говоритъ — надоѣлъ до ужаса. Меня почему-то въ повѣренныя избралъ.

Изъ густой тѣни со скамейки поднялся тощій, высокій молодой человѣкъ. Онъ нерѣшительно подошелъ къ дѣвушкѣ и поклонился, тряхнувъ длинными кудрями.

— Ахъ, здравствуйте, Ильюша, — какъ-то по-особенному мягко и внимательно молвила Людмила, пожимая холодные длинные и худые пальцы Шишикторова. — Вы давно изъ Петрограда?

— Онъ получилъ рояль, — перебила ее Липочка, — первую награду за игру! Его портреты я видѣла въ иллюстрированныхъ журналахъ, о немъ много говорили эту зиму!

— Ахъ, Липочка, полно вамъ болтать глупости! — сорваннымъ голосомъ остановилъ ее Шишикторовъ, — право все это глупости...

Онъ замолкъ, не зная, что сказать дальше.

— Мы сядемъ, — предложила Людмила.

Всѣ трое сѣли на скамью. Съ главной аллеи все еще неслись крики, а здѣсь казалось особенно тихо. Кусты и деревья напротивъ освѣщены были луною, и ея легкій, тусклый свѣтъ колебался на черныхъ листьяхъ. Вѣялъ чуть ощутимый, влажный, съ рѣки вѣтеръ.

— Ну вотъ, ты и опять съ нами, — заговорила Липочка, наклоняясь къ подругѣ и заглядывая ей въ глаза. — Помнишь, какъ прошлой весной мы бѣгали сюда съ экзаменовъ. Мы сидѣли съ книжками, читали и ничегошеньки не понимали. Ахъ, я тогда была сумасшедшая. Я и плакала, и смѣялась, и любила, и ненавидѣла въ одно время. Мы всѣ были влюблены... Манефа и до сихъ поръ неравнодушна къ Постовоздвиженскому... Боже, какая у него длинная фамилія... А Ильюша былъ влюбленъ въ тебя... вѣдь правда, Ильюша?..

Шишикторовъ неловко шевельнулся. Людмила взяла Липочку за руку.

— Ты попрежнему болтаешь, — сказала она, — разскажи лучше, что дѣлала на курсахъ...

Лунный лучъ блеснулъ въ круглыхъ влажныхъ глазахъ Липочки. Она поспѣшнымъ движеніемъ поправила волосы подъ шарфомъ и стала разсказывать. Людмила смотрѣла на лунныя пятна. Наконецъ, Липочка вскочила и позвала идти на главную аллею. Людмила собралась вставать. Но Шишикторовъ остановилъ ее попрежнему сорваннымъ и слабымъ голосомъ:

— Нѣтъ, Людмила Александровна, не уходите. Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами.

Липочка расхохоталась и опять стала быстро-быстро поправлять прическу.

— Съ какихъ это поръ, Ильюша, вы стали называть Людмилушку по имени — отчеству?

Но Людмила сказала серьезно:

— Конечно, Ильюша, вы должны называть меня попрежнему, — развѣ мы съ вами не друзья дѣтства? Помните, какъ вы меня учили играть и какъ изъ этого ничего вышло. Вы тогда злились и кричали на меня и называли тупицей. А я удирала отъ васъ и изъ сада дразнила и бѣгала, какъ шалая.

Шишикторовъ молчалъ, барабаня пальцами по скамейкѣ. Сначала онъ дѣлалъ это, чтобы развить подвижность и гибкость пальцевъ, теперь это вошло у него въ привычку. Его

тонкіе, длинные пальцы, согнутые острыми костяшками, выстукивали, не переставая, свою нервную дробь.

— А помните?

Людмила говорила особенно мягко и проникновенно. Она чувствовала, что Ильюша улыбается въ это время жалкой, кривой улыбкой, и сама улыбалась печально.

Липочка повертѣлась на мѣстѣ, сдѣлала два круга подъ темпъ донесшагося вальса и, крикнувъ:

— Ну вы сидите тутъ, а я побѣгу, — скрылась на поворотѣ дорожки.

— А помните? — повторила Людмила и смущенно остановилась.

Шишикторовъ помолчалъ, выстукивая свою дробь. Хотѣлъ что-то сказать, но голосъ измѣнилъ ему: онъ закашлялся и молвилъ чуть слышно:

— Да, я все помню...

— Еще бы, какъ же не помнить! Это было такое хорошее время! Но вѣдь мы же не старики. У насъ еще такъ много впереди!

— Вы думаете?

— Конечно! Вотъ вы получили награду — передъ вами теперь самостоятельная дорога, вы піанистъ, музыкантъ. Сколько людей, сколько странъ вы увидите... сколько радостей ожидаютъ васъ. И я рада, что всегда вамъ вѣрила и не ошиблась въ васъ. Помните, какъ вы строили планы: вы говорили о блестящихъ турнэ, тріумфахъ, вы мечтали о большихъ, освѣщенныхъ залахъ, о тысячѣ слушателей... и музыка, музыка... вы всегда говорили о музыкѣ... теперь вы съ большей увѣренностью можете говорить обо всемъ этомъ.

Шишикторовъ отвѣчалъ взволнованно; голосъ поднялся высоко и звонко, какъ скрипичная струна:

— Вы, Людмила, вспоминаете все это, но забываете одно... самое важное... то, что не я былъ героемъ во всѣхъ этихъ тріумфахъ...

Людмила опустила голову. Она ясно увидала передъ собою тонкое, прозрачное лицо Ильюши, тонкія его изогнутыя брови, тонкій, чуть длинный носъ, тонкія губы, и цѣлый снопъ горячихъ, какъ спѣлая рожь, волосъ. Онъ стоитъ въ церкви съ тоненькой свѣчей въ рукѣ, и вокругъ свѣчи золотой вѣнчикъ. Она, гимназистка, въ черномъ передникѣ, со своими подругами. Читаютъ двѣнадцать евангелій. И Ильюша, не отрываясь, смотритъ на нее.

Людмила тряхнула головой. Тихо взяла руку Шишикторова.

— Не надо, Ильюша... вы не правы... въ своихъ мечтахъ только мы настоящіе герои. А у васъ къ тому же есть музыка — вотъ кому слѣдуетъ создать тріумфъ...

XII.

У Леонтія Алексѣевича выгорѣлъ цѣлый участокъ лѣса въ сорокъ десятинъ. Пожаръ пронесся такимъ ураганомъ, что ничто его не могло остановить. Раздуваемое вѣтромъ пламя поднялось вверхъ и мчалось клокочущей, шипящей, вѣющей золотой лавой по вершинамъ деревьевъ. Пышныя макушки сосенъ, мохнатыя, темно-зеленыя вѣтви елей въ одно мгновеніе охватывались голодными огненными объятіями и превращались въ жалкій обугленный хворостъ, въ тысячи-тысячъ жалящихъ искръ, въ прахъ и пепелъ. Дыханіе огненнаго вихря такъ знойно, что за версту отъ пожарища становилось трудно дышать. Прибѣжавшіе рабочіе и крестьяне съ лопатами и съ кирками безпомощно смотрѣли на этотъ огненный праздникъ. Копать канавы было безполезно. Всѣ только молили Бога, чтобы вѣтеръ не измѣнилъ своего направленія и пламя изсякло бы само собою, пожравъ послѣднее дерево на границѣ съ лугами.

Крутовской особенно остро чувствовалъ свою безпомощность. Стоять и смотрѣть, какъ горитъ твой лѣсъ, ощущать почти до физической боли, какъ сотни и сотни деревьевъ вздрагиваютъ отъ корня до макушки и потомъ вспыхиваютъ какъ гигантскія свѣчи, и умираютъ, обезображенныя, — и не, имѣть силъ и возможности помочь имъ. Онъ не думалъ въ эти минуты объ убыткахъ, но его сердце, сердце ревниваго хозяина, для котораго каждый камень на его землѣ жилъ особой близкой ему жизнью, не могло не болѣть, когда разнузданное пламя хозяйничало по-своему среди этой живой мощной рати деревьевъ, истребляя, уничтожая ее раньше, чѣмъ долженъ былъ придти ихъ срокъ, срокъ, положенный разумной человѣческой волей. Этотъ участокъ долженъ былъ расти еще десять лѣтъ. За нимъ слѣдили, его подчищали, онъ вольно росъ и шумѣлъ еще такъ недавно.

Кусая губы, Крутовской слѣдилъ съ лугового холма за бѣгомъ рудого пламени, за волнами желтаго дыма, затемняющими солнце, оскорбляющими величавую, невозмутимую синь

неба. Горючій и ѣдкій дымъ щипалъ ему глаза, забирался въ легкія. Какая-то старая баба принесла икону и, стоя на колѣняхъ и шамкая беззубымъ ртомъ, крестила передъ собою прогоркшій воздухъ. Она боялась, что пламя перекинется въ ея деревню. Леонтія Алексѣевича охватило непонятное для него волненіе. Онъ невольно перекрестился вслѣдъ за старухой и, чувствуя, что его все сильнѣе опутываетъ эта тревожная паутина, и не будучи въ силахъ снять ее, онъ махнулъ рукою и пошелъ прочь, къ себѣ въ усадьбу. Дорога его немного успокоила, но все же весь день онъ чувствовалъ въ себѣ зудящую неловкость.

На другое утро ему нужно было заставить себя поѣхать на мѣсто пожарища. Онъ ѣхалъ туда, какъ на могилу близкаго друга, пожалуй, его чувства были болѣе сложны и болѣзненны.

Огромное пространство, еще вчера живое, полное птичьимъ гомономъ, трепетными тѣнями, зеленымъ шумомъ и запахами смолъ, — теперь встрѣтило его необычнымъ молчаніемъ, покрытое, какъ трауромъ, черной золой.

Кое-гдѣ еще у стволовъ вился синій дымокъ, тонкій и предательскій, готовый ежеминутно превратиться въ пламя и наполнить искалѣченный лѣсъ новымъ трескомъ и гуломъ.

Тамъ и здѣсь бродили рабочіе, черные отъ копоти, съ усталыми, угрюмыми лицами. Они засыпали землей тлѣющія головни и копали канавы, такъ какъ предательскій огонь за ночь перебрался къ корнямъ и, невидимый подъ мхомъ, продолжалъ свое злое дѣло. Ноги лошади опускались въ горящую золу, какъ въ пыльный коверъ, и оттуда подымались ѣдкіе клубы дыма.

Крутовской объѣхалъ на бѣгункахъ весь участокъ съ тупымъ, безнадежнымъ чувствомъ. Его лицо стало такъ же сѣро и угрюмо, какъ и лица его рабочихъ. Случайно онъ увидалъ нѣсколько дикихъ гвоздикъ. Его поразили ихъ бѣлыя головки, качающіяся на тонкихъ стебляхъ, похожія на мальтійскія крестики, какъ могли онѣ — такія безпомощныя и зыбкія — уцѣлѣть на этомъ пожарищѣ, въ этомъ аду. Онъ слѣзъ съ бѣгунковъ и сорвалъ ихъ. Ихъ острый, одуряющій запахъ на мгновеніе перебилъ запахъ гари, напомнилъ о солнцѣ, о лѣтѣ, среди обугленныхъ, изуродованныхъ труповъ, простершихъ къ небу свои черныя, уродливыя руки; не вѣрилось, что есть поблизости живая жизнь.

Леонтій Алексѣевичъ распорядился нанять порубщиковъ.

И когда застучали топоры, раздались человѣческіе голоса, потребовался снова хозяйскій глазъ, появились расчеты и соображенія, и стало ясно только что налаженное новое дѣло, и Крутовской снова почувствовалъ силу своей хозяйской воли, замѣнившую безпомощность, онъ ожилъ, и темное предчувствіе, тяготившее его эти дни, смѣнилось покойной увѣренностью, что все пойдетъ такъ, какъ онъ захочетъ. Только лѣсная гвоздика, которую Леонтій Алексѣевичъ находилъ теперь въ изобиліи на мѣстѣ пожарища и которую онъ неизмѣнно привозилъ съ собою въ петлицѣ домой, напоминала ему о жуткихъ минутахъ, пережитыхъ имъ на пожарищѣ, о его безпомощности, и онъ смѣялся, думая о томъ, что эти крошечные цвѣты оказались сильнѣе его...

XIII.

Людмила эти дни занята была на огородѣ, подъ ея наблюденіемъ дѣвки собирали клубнику. Она съ утра сидѣла надъ грядками, повязавъ бѣлымъ платкомъ голову отъ палящаго солнца, и рвала красныя ягоды, окрашивающія ея крѣпкіе пальцы алой кровью. Прямыя длинныя грядки сплошь покрыты были этими нѣжными, сочными, мясистыми ягодами, чуть прикрытыми рѣзными широкими листьями.

Крестьянки въ своихъ цвѣтныхъ юбкахъ, яркихъ платкахъ казались диковинными растеніями, кинутыми то тамъ, то здѣсь въ буйной зелени огорода. Въ этомъ году овощи изъ-за вѣтровъ и засухи шли плохо, но взамѣнъ ихъ земля опуталась цвѣтами и травами, въ бѣшеномъ хаосѣ сплетенными другъ съ другомъ. Въ накаленномъ, дрожащемъ воздухѣ купались рати бабочекъ. Въ золотыхъ потокахъ свѣта надъ посѣвами, надъ живыми изгородями орѣшника, надъ зелеными шапками яблонь, въ неподвижной, точно расплавленной лазури неба, повсюду, опьянѣвшіе отъ свѣта и простора, жаворонки пѣли во весь голосъ.

Тамъ же встрѣтилъ ее и Крутовской, возвращаясь изъ лѣсу. Она окликнула его, и онъ, привязавъ лошадь къ дереву, вскарабкался къ ней по склону холма, перепрыгивая черезъ грядки. Запыхавшійся, но довольный и бодрый, облитый съ головы до ногъ слѣпящимъ солнечнымъ свѣтомъ, онъ протянулъ Людмилѣ руку и весело крикнулъ:

— Ну, и изжарился я за эти дни! Думаю, меня не отличишь въ лѣсу отъ обгорѣлаго пня.

И, проглатывая съ жадностью алыя ягоды, которыя ему протягивала дѣвушка, онъ разсказалъ ей о своемъ горѣ, уже не казавшемся столь горькимъ.

Она слушала его внимательно, съ живымъ участіемъ, изрѣдка прикрывая ладонью глаза отъ солнца, чтобы лучше его видѣть. Потомъ, вытеревъ сорванными клубничными листами слипающіеся отъ ягоднаго сока пальцы, Крутовской протянулъ Людмилѣ пучекъ повядшихъ гвоздикъ, только сейчасъ имъ замѣченныхъ у себя въ петлицѣ, и сказалъ съ внезапной нѣжной печалью:

— Я почему-то полюбилъ этотъ простенькій цвѣтокъ и его запахъ, такой острый, что онъ заглушаетъ даже запахъ гари. Къ тому же онъ одинъ остался жить, этотъ цвѣтокъ, когда все остальное умерло, и первый заселилъ опустошенныя пожарищемъ мѣста. Конечно, все это глупости, но, право, онъ тронулъ меня, когда я увидалъ его впервые...

Замолкнувъ, Крутовской засмѣялся, и вмѣстѣ съ нимъ засмѣялась Людмила. Они нѣсколько мгновеній смотрѣли другъ на друга и смѣялись, въ то время какъ солнце не уставало поливать ихъ ливнемъ своихъ побѣлѣвшихъ отъ зноя лучей.

— Вы совсѣмъ какъ невѣста, — неожиданно для себя промолвилъ Леонтій Алексѣевичъ: — такая бѣлая... — и сейчасъ же, замѣтя, какъ дрогнули и опустились темныя Людмилины рѣсницы, онъ сказалъ серьезно: — Я, собственно, хотѣлъ попросить васъ, Людмила Александровна, найти сегодня вечеромъ свободную минуту, чтобы поговорить со мною. Я тогда не смѣлъ, знаете... о томъ...

Послѣднія слова онъ произнесъ съ усиліемъ.

Не поднимая на него глазъ, занятая разглядываніемъ гвоздики, повисшей у нея въ рукѣ, дѣвушка отвѣтила:

— Хорошо, Леонтій Алексѣевичъ, я буду ждать васъ... на прежнемъ мѣстѣ, въ лодкѣ... какъ всегда.

XIV.

Рыхлая и высокая, съ пожелтѣвшими щеками, съ сѣдѣющими короткими волосами, схваченными двумя гребнями, Марья Васильевна смотрѣла на Крутовского сквозь круглые очки свои въ стальной оправѣ ослабѣвшими, но еще не утратившими молодой рѣшительности глазами. Леонтій Алексѣевичъ любилъ тетку отъ всего сердца, сыновне привязался къ

ней. Она переѣхала въ „Рай“ значительно послѣ смерти своего брата, сейчасъ же по возвращеніи племянника изъ Парижа, уступая настоятельной его просьбѣ. До этого она учительствовала болѣе тридцати пяти лѣтъ по деревенскимъ захолустьямъ, вся уйдя въ заботы о ребятишкахъ, которыхъ любила материнской любовью.

Еще молодою дѣвушкою, окончивъ курсы, она пошла „въ народъ“ и съ тѣхъ поръ не оставляла его до поры, пока не почувствовала, что силы ея изсякли. Очень простая, очень прямая сызмальства, она за долгую свою жизнь среди крестьянъ переняла ихъ повадки, ихъ медленный, добродушный говоръ, ихъ словечки. Она все еще лукаво улыбалась, говоря съ кѣмъ-нибудь, недовѣрчиво поглядывала въ бокъ. Когда-то волновавшія ее идеи впослѣдствіи стали частью ея самой, вылились въ цѣлый рядъ маленькихъ, нехитрыхъ, но безконечно утомительныхъ заботъ объ ученикахъ, о книгахъ, объ огородахъ, о мужичьемъ житьѣ, и она дѣлала свое дѣло, безъ мысли о томъ, отвѣчаетъ ли оно времени, просто потому, что того требовала необходимость; жила такъ, какъ жили вокругъ ея сотни другихъ крестьянскихъ женщинъ. Въ ней не осталось ни капли отъ прежняго идеализма, прежней восторженности, слишкомъ ея работа стала для нея будничной, но вмѣстѣ съ тѣмъ ее никогда не покидала почти юношеская бодрость и жизненная цѣпкость.

Теперь, сидя въ „Раю“ безъ привычнаго дѣла, безъ былыхъ силъ, съ затуманенныхъ зрѣніемъ, она не переставала плести свою сѣть маленькихъ заботъ, такъ скрашивающихъ одиночество Крутовского въ этомъ старомъ, запущенномъ домѣ.

Съ нею одной Крутовской переписывался, когда жилъ въ Парижѣ, въ своемъ невольномъ изгнаніи. Она поддерживала, оживляла въ немъ ослабѣвающій духъ своими грубоватыми, но полными теплоты письмами; потомъ, въ „Раю“, она научила его смириться и ближе подойти къ нехитрой рабочей жизни. На ея глазахъ онъ снова ожилъ, ободрился, окрѣпъ въ трудахъ неприхотливаго сельскаго хозяина.

— Какъ тутъ быть, какъ тутъ жить, какъ тутъ смѣлости нажить, — приговаривала Марья Васильевна, лукаво поглядывая на Крутовского, сосредоточенно жевавшаго телятину, и качала головой, точно пьяненькая. Потомъ отвѣчала себѣ самой: — Чтобъ ты вовсе не пропалъ, шести гривенъ мнѣ не жаль...

— О чемъ это вы, тетя?

— Да такъ, на тебя глядючи, радуюсь! Загорѣлъ, какъ яблочко, а на сердцѣ червь... Ты же хозяинъ, знаешь самъ, чтобы червей не было, нужно еще съ самаго цвѣта гусеницъ снимать. Снялъ, раздавилъ и прочь пошелъ, а по осени цѣльное яблочко скушаешь. Съ купцами-то о лѣсѣ не говорилъ еще? Ты бы въ городъ на пристань, къ Ерандакову съѣздилъ.

— Успѣю, тетя...

— То-то, успѣешь... мужской волосъ не дологъ, а жизнь еще короче. Что сдѣлалъ раньше, то и слава Богу. Это я къ тому, что дѣло за дѣло цѣпляться должно, тогда все гладко пойдетъ. Вотъ ты самъ говоришь, — на пожарищѣ гвоздика росла — не ждала. Такъ и ты, — пламень налетитъ, а ты за работой, и точно вѣтромъ свѣяло мимо. Наша судьба мужичья, земляная — что помѣщикъ, что крестьянинъ, — все за погодой смотрѣть нужно... чуть зазѣвался — дождикъ и смочилъ, градомъ побило.

Старушка говорила еще долго и все такъ же иносказательно, и Крутовской догадывался, что она знаетъ о томъ тягостномъ, что нѣтъ-нѣтъ и напоминало о себѣ и о чемъ онъ сегодня же хотѣлъ говорить съ Людмилой.

Леонтій Алексѣевичъ хорошо даже не представлялъ себѣ, какъ онъ заговоритъ объ этомъ и почему ему это нужно, но онъ все съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ часъ назначеннаго свиданія. Онъ зналъ Людмилу еще дѣвочкой, когда она пріѣзжала съ отцомъ и пріемной матерью въ „Самолюбово“ гостить на лѣто, потомъ онъ встрѣчался съ нею, когда она осталась въ Тильскѣ и училась въ гимназіи.

Онъ привыкъ быть съ нею откровеннымъ.

Правда, все, о чемъ онъ разсказывалъ, казалось ему слишкомъ далекимъ, и не волновало его. Только иногда это прошлое точно оживало, когда въ „Рай“ приходили письма въ надушенныхъ конвертахъ — немного насмѣшливыя, чуть печальныя, отчасти дружескія, цѣль которыхъ никогда не была ясна Крутовскому. Писавшая ихъ точно хотѣла время отъ времени наносить ему незамѣтные, но неизмѣнные уколы, довольная безнаказанностью этой забавы. Она то вспоминала счастливое прошлое, то говорила о своихъ успѣхахъ или о своей тоскѣ, то въ чемъ-то каялась, каждый разъ точно оказывая милость, обѣщала не тревожить его и не пріѣзжать къ матери, каждый разъ говорила, что не писать она ему не можетъ, что только предъ нимъ можетъ исповѣдаться, и просила его не лишать ее этой единственной для нея отрады.

Крутовской не отвѣчалъ ей, но и не имѣлъ силъ не читать ея писемъ. Послѣ того разстраивался надолго. Если бы не Марья Васильевна, онъ приходилъ бы въ уныніе еще чаще. Но старушка хорошо распознавала почеркъ Натальи Никаноровны Смоличъ и всегда радовалась, когда почта попадала въ ея руки.

XV.

Когда внезапно пошелъ дождь, Крутовской почувствовалъ приступъ раздраженія. Онъ смотрѣлъ изъ окна своей столовой на струи воды, съ веселымъ гуломъ ударяющіяся о землю, о крышу, о листву деревьевъ, и проклиналъ этотъ дождь, какъ если бы онъ шелъ нарочно, чтобы помѣшать ему свидѣться съ Людмилой... Сизая туча остановилась надъ „Раемъ“ и никакъ не могла пролиться до конца. Она оставалась все такой же тяжелой, тучной, полной влаги, царственно щедрой.

Былъ уже восьмой часъ вечера, когда дождь, наконецъ, затихъ и Крутовской поспѣшно вышелъ изъ дому. Шлепая по грязи, скользя по мокрой травѣ, онъ спустился на берегъ Ящура съ слабой надеждой увидать тамъ Людмилу; онъ шелъ туда скорѣй изъ излишней добросовѣстности, такъ какъ почти былъ увѣренъ, что дѣвушка не придетъ.

И точно, на спускѣ къ рѣчкѣ онъ увидалъ самолюбовскую бѣлую лодку, одиноко причаленную къ пристанькѣ противоположнаго берега.

Сойдя на мостикъ, потемнѣвшій отъ воды, онъ въ нерѣшительности оглянулся по сторонамъ, все еще не рѣшаясь вернуться домой. Надъ Ящуромъ поднимался легкій бѣловатый паръ и, низко клубясь, тихо плылъ вмѣстѣ съ теченіемъ. Склонившіяся къ водѣ по обѣимъ сторонамъ заросли лозы и тростника, казались особенно густыми и очертанія ихъ встрепанныхъ вѣтвей и косматыхъ султановъ сглаживались и округлялись въ густомъ, насыщенномъ сыростью воздухѣ.

Поднимаясь взглядомъ вверхъ по самолюбовскому берегу, Крутовской остановился случайно на самомъ высокомъ обрывистомъ мѣстѣ, гдѣ Ящуръ круто загибалъ въ сторону Тулубьевской усадьбы, и гдѣ среди сиреневыхъ кустовъ возвышалась деревянная, стрѣльчатая бесѣдка. И онъ вспомнилъ, что прошлой осенью, когда на рѣкѣ становилось сыро, онъ встрѣчался съ Людмилой частенько въ этой бесѣдкѣ. Ему даже тотчасъ же показалось, что онъ смутно видитъ сквозь зелень плюща и хмеля очертанія знакомой фигуры.

Тогда, перейдя мостъ, Леонтій Алексѣевичъ по липовой аллеѣ, зацвѣтающей и дышащей густымъ медвянымъ запахомъ, поднялся до шляха, огибавшаго съ Ящуромъ самолюбовскіе огороды. Шляхъ шелъ вдоль берега, мимо бесѣдки.

Крутовской подвигался медленно, обходя лужи и раздумывая. Ему стало не по себѣ, ему впервые пришло на мысль, что, быть можетъ, его изліянія могутъ показаться навязчивыми. Говорить о своихъ опасеніяхъ по поводу пріѣзда Натальи Никаноровны не значитъ ли это показать себя трусомъ и слабохарактернымъ. Неужели онъ самъ не сумѣетъ справиться съ глупой своей мнительностью.

И, сворачивая на тропку, ведущую къ бесѣдкѣ, Крутовской твердо рѣшилъ передать лишь содержаніе письма, полученнаго отъ Натальи, и сейчасъ же свести разговоръ на стороннія предметы.

Онъ поднялъ голову и увидалъ передъ собой въ глубинѣ Людмилу.

Она сидѣла къ нему вполоборота въ бѣломъ своемъ платьѣ, съ накинутымъ на голову неизмѣннымъ краснымъ въ розаны платкомъ. Одной обнаженной до локтя полной рукой она придерживала платокъ у подбородка, другою опиралась на доску скамейки. Лицо ея казалось блѣднѣе обыкновеннаго, должно быть, при сравненіи съ яркимъ, пестрымъ платкомъ, обрамлявшимъ его, но отъ того черты лица ея стали рѣзче и характернѣе.

Густыя черныя брови ея были сдвинуты къ тонкой переносицѣ, строгія губы плотно сомкнуты, а глаза внимательно смотрѣли на что-то передъ собою и точно къ чему-то прислушивались.

Крутовской пріостановился и, скрытый листьями сирени, невольно залюбовался ею. Но черезъ мгновеніе сдѣлалъ еще шагъ впередъ и, ступивъ на порогъ бесѣдки, промолвилъ:

— Ну, вотъ, какъ я радъ, что нашелъ васъ здѣсь. Мнѣ думалось, что намъ такъ и не придется встрѣтиться сегодня.

Людмила передернула плечами и, испуганно взглянувъ на него, поспѣшила подняться со скамьи.

Леонтій Алексѣевичъ, изумленный ея смущеніемъ и молчаніемъ, невольно оглянулся и такъ и остался стоять на мѣстѣ, чувствуя, какъ отъ неожиданности вся кровь бросилась ему въ лицо и сейчасъ же ушла въ ноги, а щеки похолодѣли.

Выступая изъ дальняго угла бесѣдки, медленно подхо-

дила къ нему молодая женщина въ сѣромъ платьѣ, съ зеленымъ шарфомъ на темныхъ волосахъ.

Она улыбалась не то смущенно, не то насмѣшливо.

— Узнаете, Леонтій Алексѣевичъ?

Ея голосъ, высокое контральто, похожее на журавлиный клекотъ, несущійся съ осенняго неба, заставилъ Крутовского очнуться.

Онъ порывисто и преувеличенно метнулся въ ея сторону и пожалъ холодные и сухіе ея пальцы.

— Конечно, узналъ, Наталья Никаноровна, — проговорилъ онъ. — Когда же вы сюда пріѣхали?

Она широко смотрѣла на него, точно желая показать, что понимаетъ и прощаетъ ему его смущеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ будто бы полна ожившими воспоминаніями; точно хочетъ скорѣй узнать, таковъ ли онъ, какимъ былъ раньше.

Подъ этимъ взглядомъ Крутовской смущался все болѣе и невольно самъ оглядывалъ ее — пополнѣвшую, развившуюся, превратившуюся изъ чуть угловатой курсистки въ увѣренную въ себя женщину, въ опытную актрису, каждое движеніе которой было закончено и точно.

— Я пріѣхала сегодня дневнымъ поѣздомъ и совершенно неожиданно, — заговорила она просто и безъ тѣни смущенія, точно встрѣтила добраго знакомаго, съ которымъ недавно видѣлась. — Я писала мамѣ, что пріѣду черезъ недѣлю, можетъ быть, и позже, но дѣла мои закончились раньше, и мнѣ захотѣлось сдѣлать нашимъ сюрпризъ. Я не телеграфировала и на отвратительномъ извозчикѣ дотащилась до „Самолюбова". Меня встрѣтила только Людмилушка — ни мамы, ни братьевъ не было дома. Они нашли меня за столомъ и съ полной тарелкой клубники, которой меня угостила моя милая дѣвочка...

Наталья Никаноровна подошла къ Людмилѣ и, обнявъ ее, привлекла къ себѣ круглымъ мягкимъ движеніемъ. Потомъ медленно опустилась съ нею на скамью, чуть склонивъ къ дѣвушкѣ голову. Людмила повела было плечомъ въ сторону, но не отодвинулась и осталась неподвижной.

— Конечно, ихъ изумленію и восторгу не было границъ, — продолжала Смоличъ. — Мама сейчасъ же захлопотала, забѣгала, — кстати, она очень хорошо выглядитъ, а дядя Яша привѣтствовалъ меня двумя французскими комплиментами, какъ всегда — изысканными. Я его люблю, этого дядю Яшу, этого галантнаго старичка, этого рамоли по

принципу. Потомъ, вдосталь наслушавшись семейныхъ разговоровъ, я попросила Людмилушку показать мнѣ садъ, все, все... Я вѣдь была здѣсь совсѣмъ крошкой, ничего не помню. Потомъ (она сдѣлала нѣкоторую паузу и опять не то виновато, не то насмѣшливо посмотрѣла на Крутовского)... потомъ я захотѣла посмотрѣть на вашу усадьбу, на „Рай"... Людмилушка привела меня сюда, и мы сидѣли съ нею тутъ и задумались... Я не знаю, о чемъ задумалась моя дорогая сестрица, моя красивая дѣвочка... — вѣдь, не правда ли, ей идетъ этотъ платокъ? — я спросила ее, надѣваетъ ли она его для стиля, но она не хотѣла отвѣтить мнѣ, плутовка... А я...

Наталья Никаноровна полузакрыла глаза и легкимъ движеніемъ руки коснулась своихъ волосъ.

— Ну, что, право... какая я глупая... сижу и болтаю всякій вздоръ и ничего у васъ не спрашиваю... Дайте же посмотрѣть на васъ... Вы ничуточки не измѣнились... пожалуй, стали мужественнѣй и бородка чуть-чуть больше... это хорошо... только подумайте, сколько лѣтъ мы съ вами не видались!

Крутовской, смущенно поглядывая на Людмилу, съ неловкой полуулыбкой на губахъ, наклонялъ голову. Онъ сидѣлъ не по-всегдашнему, увѣренно и плотно, а бочкомъ, на краешкѣ скамьи и очень неудобно.

А Наталья Никаноровна говорила о концертахъ, о гастроляхъ, только изрѣдка, точно невзначай, умѣло, двумя словами возвращаясь къ себѣ и Крутовскому.

Наконецъ, черезъ четверть часа легкой, непринужденной рѣчи, почти никѣмъ изъ ея собесѣдниковъ не прерываемой, размѣренно звучавшей въ надвигающихся сумеркахъ, подобно журавлиному клекоту, Смоличъ поднялась и, протягивая Леонтію Алексѣевичу руку, попросила извинить ее; сослалась на усталость послѣ дороги и, дружески желая покойной ночи, взяла слово, что завтра онъ обязательно придетъ въ „Самолюбово".

Возвращался къ себѣ Крутовской точно послѣ долгаго, утомительнаго пути. Въ его ушахъ, не переставая, звучалъ этотъ давно забытый контральтовый голосъ, и онъ видѣлъ поперемѣнно то строгій и сосредоточенный взглядъ Людмилы, то виновато-насмѣшливый взглядъ Натальи Никаноровны.

Дома его поджидала за самоваромъ Марья Васильевна.

Леонтій Алексѣевичъ тяжело опустился на стулъ, вытянулъ вдоль колѣнъ отяжелѣвшія и показавшіяся ему не-

нужно большими руки и, тупо глядя на уголъ стола, глухо проговорилъ:

— Пріѣхала.

Марья Васильевна откинула назадъ голову, сдвинула на носъ очки и посмотрѣла поверхъ нихъ на племянника.

XVI.

— Вы все еще сражаетесь? — спросила Смоличъ, подходя къ играющимъ въ шашки Костѣ и Витѣ. — Боже, какъ вамъ не надоѣстъ. А мы съ Людмилой великолѣпно прогулялись. Я кое-что даже припомнила — смутно, конечно. Встрѣтили Крутовского — онъ мало измѣнился... Но вотъ я все ходила, смотрѣла и думала, какіе вы счастливые оба — и ты, Людмила, и ты, Витя, — вы всегда можете пользоваться этимъ дивнымъ воздухомъ, всегда жить этой здоровой, разумной жизнью. Какъ мнѣ хотѣлось бы вотъ тоже такъ забыть обо всемъ и обо всѣхъ, забраться въ какую-нибудь глушь и почувствовать себя у себя дома. Это должно быть такое счастье!

— Но почему же тебѣ этого и не попытать, — спросилъ ее Витя, смѣшавъ шашки и вновь разставляя ихъ по мѣстамъ, — мама была бы очень рада, если бы ты помогла ей. Людмила, я думаю, тоже. У нея хлопотъ хоть отбавляй. Къ тому же ты, кажется, свободна...

Наталья Никаноровна бросила быстрый взглядъ на старшаго брата и тотчасъ же отвѣтила, глубоко вздыхая:

— Ахъ, Витя, милый мой мальчикъ. Нужно слишкомъ хорошо знать обстоятельства, въ какихъ я нахожусь, чтобы судить о томъ, что возможно, что нѣтъ. И потомъ, ты знаешь, у семи нянекъ — дитя кривое. Нѣтъ, намъ, артисткамъ, не извѣдать этого счастья. Есть болѣе достойныя насъ, болѣе разумныя, не правда ли, дорогая Людмилушка?

Она обняла дѣвушку и ясно посмотрѣла ей въ глаза. Людмила возразила, чуть пожимая полными плечами:

— Право, я не знаю, кого ты считаешь достойнѣе себя, но что касается меня, я охотно передала бы тебѣ свои обязанности. Онѣ меня ничуть не тяготятъ, но, конечно же, тебѣ онѣ должны быть ближе, такъ какъ ты хозяйка въ этомъ имѣніи.

Наталья Никаноровна всплеснула руками, раскрыла широко и испуганно глаза и замахала головой съ ласковой и укоряющей улыбкой:

— Ай-яй, — что она говоритъ, что она говоритъ! Голубка, да какъ ты смѣешь думать такія вещи. Почему я здѣсь хозяйка? Я, которая пріѣхала сюда впервые послѣ двадцати пяти лѣтъ отсутствія! Что за мысли! Да я ничего здѣсь не знаю. Нѣтъ, нѣтъ... конечно, въ этомъ очень тяжело сознаться, но я себя чувствую здѣсь совсѣмъ чужой, совсѣмъ лишней... подумай только, какъ рѣдко я видалась съ мамой... И вѣдь что скрывать — мы всѣ очень, очень одиноки... Хозяйка! Но развѣ не мама тутъ полная и нераздѣльная хозяйка... и конечно, скорѣе всего ты можешь замѣнить ее...

Наталья Никаноровна устало опустилась въ кресло, кинувъ руки вдоль его ручекъ, и печально, уныло посмотрѣла передъ собою, точно прислушиваясь къ тому, что сейчасъ безконечно ее волновало.

— Да, да, мы съ братомъ были очень, очень одинокими дѣтьми, — молвила она, — у насъ не было дома, у насъ не было матери... Я, конечно, никого не осуждаю, Боже меня упаси... но что же дѣлать, это такъ. И теперь, когда мы собрались всѣ вмѣстѣ, я только одного хочу — покоя и забвенія, забвенія всего того, что было такъ мучительно... да, да, забвенія...

Она медленно провела по лбу холеной своей рукой, поблескивающей въ сумеркахъ камнями колецъ, которыми унизаны были ея пальцы, и замолкла, глухо оборвавъ свою рѣчь на послѣднемъ словѣ.

Тихонько посмѣиваясь, Константинъ Никаноровичъ замѣтилъ изъ своего угла:

— Еще бы, еще бы... все это весьма непріятно. Очень непріятно. Наше положеніе крайне курьезное, чтобы не сказать болѣе. Но ты совершенно права, говоря, что только Людмила можетъ здѣсь хозяйничать... Да къ тому же, что бы ей оставалось дѣлать... въ ея положеніи...

— Въ какомъ положеніи? — по особенному громко перебилъ его Витя.

Людмила не дала ему продолжать, она сказала, ничуть не волнуясь:

— Ты напрасно обо мнѣ безпокоишься, Костя... При всякихъ обстоятельствахъ я сумѣю жить. Я хозяйничаю тутъ только потому, что меня просила объ этомъ тетя. Она меня любитъ, она хорошо относится ко мнѣ, и мнѣ не хотѣлось огорчать ее своимъ отказомъ. Но меня ничуть не страшитъ бѣд-

ность и одиночество. Я родилась въ бѣдности и знаю, что такое трудъ. Если бы понадобилось, я пошла бы въ батрачки и ничуть отъ этого не страдала бы, должно быть, потому, что во мнѣ больше крестьянской крови, чѣмъ барской... А одиночество, о которомъ вы говорили — я его вообще никогда не ощущала, хотя мнѣ было только четыре года, когда умерла мама, и всю жизнь свою я прожила съ чужими людьми. Нужно только немного меньше думать о себѣ, и тогда не будешь одинокимъ... Хотя, конечно, это зависитъ отъ характера... Но повѣрьте мнѣ, я могу уступить свое мѣсто кому угодно, если во мнѣ перестанутъ нуждаться. Тетю я люблю, привыкла къ ней и думаю, что хорошо ее знаю, но, конечно, вы должны быть ближе къ ней...

Она разгладила на своихъ колѣняхъ юбку, чуть опустивъ голову, и говорила, точно думала вслухъ — медленно, раздумчиво, безъ тѣни обиды и волненія.

Въ темнотѣ нельзя было разобрать, но, должно быть, и лицо ея было какъ всегда — спокойно, ясно и правдиво, — всѣ это сразу почувствовали, и каждому по-разному стало не по себѣ, точно ихъ въ чемъ-то уличили нехорошемъ.

Витя недовольно вскочилъ съ мѣста, а Наталья Никаноровна воскликнула поспѣшно:

— Конечно, конечно же, милая, дорогая Людмилушка!.. кто же иначе могъ думать!.. Ты просто не поняла Костю... онъ совсѣмъ не то хотѣлъ сказать...

И увидя Вѣру Владиміровну, идущую къ нимъ изъ освѣщенной столовой, въ которой уже кипѣлъ самоваръ, Наталья Никаноровна порывисто поднялась къ ней навстрѣчу и, обнявъ за талью, дружески заговорила:

— Ахъ, мамочка, какая прелесть у васъ эта Людмилушка... ее нельзя не любить, нельзя ею не восхищаться!..

Потомъ, когда всѣ перешли въ столовую, прогуливаясь съ матерью по гостиной и читалкѣ, въ колеблющихся, неясныхъ сумеркахъ, наполненныхъ дыханіемъ розъ, и все такъ же держа ее за талью, Смоличъ продолжала тихо, ласково, съ особенной подкупающей нѣжностью, съ какою говорятъ на сценѣ, когда хотятъ подчеркнуть дружескую искренность монолога:

— Милая, дорогая, хорошая моя мама, какъ хорошо, какъ тепло у меня на душѣ, оттого, что я съ тобою, что я тебя вижу, что я могу называть тебя мамой. Если бы ты знала, какъ это сладко! Точно я изъ пустыни, послѣ многихъ лѣтъ странствованія, набрела на живой источникъ и приникла къ нему

пересохшими губами. Человѣческій міръ, это вѣдь такая пустыня, когда не видишь рядомъ съ собою родного, близкаго человѣка. Я когда-нибудь разскажу тебѣ о своей жизни, о томъ, что я пережила, но теперь я хочу только смотрѣть на тебя и говорить о тебѣ. Если бы ты знала, какъ я боялась застать тебя осунувшейся, постарѣвшей, послѣ того горя, которое ты пережила... Нѣтъ, нѣтъ, не возражай, позволь мнѣ быть съ тобою откровенной, — вѣдь я же твоя дочь, дочь, много выстрадавшая, а потому имѣющая право говорить откровенно со своею матерью... Ты пережила большое горе... я знаю... но хорошо, что въ тебѣ еще столько мужества, столько силъ, и ты такъ бодро выглядишь. Право, я горжусь тобою, мамочка...

И крѣпче прижимая къ себѣ тонкій станъ Вѣры Владиміровны, Смоличъ заговорила о послѣдней своей поѣздкѣ въ Кіевъ, о своемъ успѣхѣ въ этомъ прелестномъ городѣ, потомъ точно невзначай, точно обмолвившись, назвала Карышева. И назвавъ его, она, точно желая оправдаться, начала объяснять, какъ это вышло, какъ пришелъ къ ней Александръ Ясоновичъ за кулисы и какъ много, какъ долго говорилъ съ нею о ней, о бѣдной, бѣдной мамочкѣ.

И не давъ Вѣрѣ Владиміровнѣ ни возразить, ни остановить себя, она опять заговорила о себѣ, о своемъ разбитомъ сердцѣ, о томъ, что она бы простила все, если бы любимый человѣкъ упалъ къ ея ногамъ и просилъ бы его помиловать.

Потомъ, поцѣловавъ растерявшуюся, взволнованную, оглушенную мать въ лобъ, она кинулась къ себѣ въ комнату и, черезъ минуту вернувшись, съ улыбкой, лукаво щурясь, точно заговорщица, вложила ей въ руку какой-то конвертъ.

— Возьми, мамочка, прочти это письмо, я очень прошу тебя... онъ такъ умолялъ меня объ этомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Ю. Слезкинъ.

* *
*

Полуребенокъ — полувоинъ,
Голубоглазый мальчикъ мой,
Ушелъ, отваженъ и спокоенъ,
На страшный подвигъ боевой.

* *
*

Писалъ, что помнитъ мигъ прощальный,
Что тамъ весна,
А мнѣ, прозрѣвшей и печальной,
Его судьба была ясна.

* *
*

О, день ужасный, день тревожный!
Родное мертвое чело!
Но знаю: это непреложно
И быть иначе не могло.

* *
*

Гдѣ смерть — тамъ тишина святая,
Ее ли воплемъ оскорблю?
Отъ тяжкихъ слезъ изнемогая,
И примиряюсь и скорблю.

* *
*

И таетъ боль воспоминаній,
И видитъ сердце новый свѣтъ —
Какъ въ дивный край иныхъ свиданій
Таинственно зовущій слѣдъ.

Г. Вяткинъ.

* * *

Подъ напѣвы снѣжной вьюги такъ отрадно вспоминать
Розы Крыма голубого, моря трепетную гладь,
Солнце ласковой Украйны, звоны кіевскихъ церквей...
Но печальный, блѣдный сѣверъ мнѣ и ближе и роднѣй.

* * *

Міръ прекраснѣй и щедрѣе тамъ, гдѣ блещетъ знойный
югъ,
Но тебя ли позабуду, тихій сѣверъ — вѣчный другъ,
Если въ снѣжной колыбели, полный скорби и любви,
Ты баюкалъ сны и думы, думы первыя мои...

Г. Вяткинъ.

ИЗЪ СОБРАНІЙ
ПУШКИНСКАГО ДОМА
ПРИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Среди книгохранилищъ Петрограда „Пушкинскій Домъ“ при Императорской Академіи Наукъ за послѣдніе годы сталъ пользоваться широкой извѣстностью. Этотъ „Домъ имени А. С. Пушкина“ былъ основанъ, когда праздновали столѣтній юбилей со дня рожденія поэта. Въ благоговѣйную память о немъ рѣшено было построить особое зданіе, въ которомъ могли бы умѣститься музей, библіотека и рукописное собраніе, посвященные жизни и дѣятельности русскихъ писателей XIX столѣтія отъ Карамзина до Чехова. Война воспрепятствовала постройкѣ такого зданія, и рукописи, книги и коллекціи, собранныя за десять лѣтъ существованія Пушкинскаго Дома, временно размѣщены въ залахъ Императорской Академіи Наукъ.

За короткій срокъ, благодаря отзывчивости и стараніямъ лицъ, которымъ судьба отечественной словесности дорога, удалось собрать очень много книгъ, рукописей, портретовъ и разныхъ предметовъ, относящихся къ жизни и творчеству учителей, друзей и знакомыхъ Пушкина, его современниковъ, съ которыми ему такъ или иначе приходилось сталкиваться, и, наконецъ, его учениковъ, къ каковымъ могутъ быть причислены всѣ видные дѣятели нашей словесности, продолжавшіе въ теченіе цѣлаго вѣка его творческую работу, къ какимъ бы направленіямъ литературнымъ они ни принадлежали.

При той программѣ, которая положена въ основу всего веденія дѣла, Пушкинскій Домъ долженъ скоро стать національнымъ музеемъ особаго типа. Бумаги, рукописи и письма русскихъ писателей XIX вѣка составятъ рукописное со-

браніе музея; въ библіотекѣ будетъ собрано по возможности все, что было напечатано самими писателями или о нихъ, а въ отдѣлѣ портретовъ и реликвій будетъ сохранена иконографія писателей и тѣ предметы, которые такъ или иначе связаны съ ихъ жизнью и дѣятельностью.

Такимъ образомъ, коллекціи Пушкинскаго Дома дополняютъ собранія другихъ сходныхъ съ нимъ по цѣлямъ общественныхъ учрежденій, какъ, напримѣръ, Императорская Публичная Библіотека, библіотека Императорской Академіи Наукъ, Румянцевскій Музей въ Москвѣ, Московскій Историческій Музей и друг. Какъ эти учрежденія, такъ и Пушкинскій Домъ, когда онъ будетъ переведенъ въ особое зданіе, станетъ мѣстомъ большой ученой работы, которая, впрочемъ, производится въ немъ и теперь, насколько это допускаетъ помѣщеніе.

Пушкинскій Домъ за послѣднее время обогатился очень цѣнными литературными документами. Въ его рукописное отдѣленіе поступила часть бумагъ А. Н. Пыпина, А. И. Скребицкаго, М. М. Ковалевскаго, Г. Н. Вырубова, Е. В. Де-Роберти, П. О. Морозова, М. В. Ватсонъ и цѣлые архивы — А. А. Скальковскаго, А. А. Тиханова-Лугового, М. М. Стасюлевича и вся литературная часть архива великаго князя Константина Константиновича.

Кромѣ того, много очень цѣнныхъ матеріаловъ было пріобрѣтено въ розницу отъ разныхъ лицъ.

Часть этихъ декументовъ Пушкинскій Домъ публикуетъ въ своемъ періодическомъ изданіи, которое вотъ уже второй годъ выходитъ подъ заглавіемъ „Временникъ Пушкинскаго Дома"...

Но, конечно, на страницахъ этого изданія умѣщается лишь очень незначительное количество хранящихся въ музеѣ документовъ, а между тѣмъ литературное и научное значеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣлаетъ желательнымъ ихъ скорѣйшее обнародованіе. Редакція „Вѣстника Европы" обратилась къ Пушкинскому Дому съ предложеніемъ начать печатать на страницахъ журнала тѣ матеріалы по исторіи русской словесности и русской общественной жизни, которые представляютъ болѣе или менѣе общій интересъ.

Съ января 1917 года обнародованіе этихъ архивныхъ документовъ съ пояснительными къ нимъ примѣчаніями включено въ программу нашего журнала.

Ред.

I.

А. А. Григорьевъ.

„Листки изъ рукописи скитающагося софиста“ и два письма.

Изслѣдователя, приступившаго къ работѣ надъ біографіей Аполлона Александровича Григорьева, поразитъ крайняя скудость строго-фактическихъ данныхъ. Камень, чуть тронутый рѣзцомъ скульптура, остановившаго свою зиждительную работу на первоначальномъ въ грубыхъ чертахъ наброскѣ, — вотъ съ чѣмъ можно сравнить состояніе вопроса о житіи критика. Нѣсколько десятковъ его писемъ и ни одного къ нему, нѣсколько автографовъ съ его стихотвореніями и одинъ автографъ отрывка критической статьи о Достоевскомъ, все остальное — изъ вторыхъ рукъ. Цѣлые періоды — темное мѣсто: юношескіе годы, университетъ, три года жизни въ Петербургѣ, жизнь въ Москвѣ съ 1847 по 1851 гг., снова въ Петербургѣ въ концѣ 1859 г. началѣ 1860 г. и послѣдніе годы въ Невской столицѣ (1862—1864 гг.). То же самое происходитъ съ сочиненіями Григорьева. Въ 1876 г. изданіе ихъ остановилось на первомъ томѣ; теперь изданы только стихотворенія; попытка же В. Ѳ. Саводника не пошла дальше изданія 14-ти выпусковъ отдѣльныхъ статей. Такимъ образомъ, здѣсь, какъ, впрочемъ, и въ безчисленномъ множествѣ другихъ случаевъ, предстоитъ еще большая предварительная работа — разоблаченія легенды и установленія болѣе твердыхъ точекъ опоры, которыя имѣли бы основаніе въ точныхъ фактахъ, ибо пора публицистическаго отношенія къ исторіи литературы, къ счастью, безвозвратно миновала.

Посему, найденный въ бумагахъ частнаго лица Б. Л. Модзалевскимъ и пріобрѣтенный имъ для Пушкинскаго Дома отрывокъ изъ подлинной рукописи Григорьева „Листки изъ рукописи скитающагося софиста“, а также и два его письма (къ неизвѣстному Ксенофонту Тимофѣевичу и къ отцу), — являются въ указанномъ смыслѣ пріобрѣтеніемъ большой цѣнности. Рисуя, съ одной стороны, картину душевныхъ переживаній молодого Григорьева, съ другой — отрывокъ и письма окончательно порываютъ съ областью всякихъ догадокъ въ одномъ, крайне важномъ для этого писателя вопросѣ его личной жизни.

Три женщины въ жизни Григорьева, три неудачи въ любви оказали громадное вліяніе на его судьбу. Антонина Ѳедоровна

Коршъ, Леонида Яковлевна Визардъ и неизвѣстная по фамиліи Марія Өедоровна, „устюжская барышня". О двухъ послѣднихъ говорится въ другомъ мѣстѣ [1]). Здѣсь я остановлюсь только на первой.

Антонина Өедоровна Коршъ принадлежала къ числу сочленовъ той обширной московской семьи Коршей, нѣкоторые члены которой, какъ академикъ Өедоръ Евгеніевичъ Коршъ и его отецъ и дядя, Евгеній и Валентинъ Өедоровичи, оставили по себѣ добрую память въ исторіи русской науки и журналистики.

Родоначальникомъ этой семьи былъ заслуженный московскій докторъ Өедоръ Адамовичъ Коршъ (род. 1776 г., ум. 1837 г.). Антонина Өедоровна родилась отъ второй жены его, Софьи Григорьевны. Знакомство съ Аполлономъ Григорьевымъ произошло, повидимому, въ 1842 г., когда деканъ юридическаго факультета московскаго университета, знаменитый Никита Ивановичъ Крыловъ, женился на одной изъ Коршъ — Любови Өедоровнѣ. Григорьевъ былъ вхожъ къ Крылову; отсюда знакомство съ остальными членами семьи Коршей.

Софья Григорьевна, по словамъ Фета [2]), „несмотря на крайнюю ограниченность средствъ, умѣла придать своей гостиной и двумъ молодымъ дочерямъ, Антонинѣ и Лидіи, совершенно приличный, чтобы не сказать изящный, видъ. Я не видалъ ихъ никогда иначе, какъ въ бѣлыхъ полубальныхъ платьяхъ. Иногда на вечера къ матери пріѣзжала старшая ея дочь, можно сказать, идеальная красавица Куманина. Идеаломъ всѣхъ этихъ дамъ была Консуэлло Жоржъ-Зандъ, и всѣ ихъ симпатіи, по крайней мѣрѣ на словахъ, склонялись въ эту сторону. Въ скоромъ времени за вечернимъ чаемъ у нихъ мы стали встрѣчать Конст. Дм. Кавелина, который, состоя едва ли уже не на 4-мъ курсѣ [3]), видимо, интересовался обществомъ молодыхъ дѣвушекъ. Надо сказать правду, что хотя меньшая далеко уступала старшей въ выраженіи какой-то воздушной граціи и къ тому же, торопясь высказать мысль, нерѣдко заикалась, но обѣ онѣ, прекрасно владѣя новѣйшими языками, отчасти музыкой и, при извѣст-

---

[1]) Въ книгѣ: А. А. Григорьевъ (Матеріалы для біографіи). Изданіе Пушкинскаго Дома при Императорской Академіи Наукъ.

[2]) Ранніе годы моей жизни, стр. 156—157. Фета познакомилъ съ Коршами Григорьевъ.

[3]) Кавелинъ окончилъ университетъ въ 1839 г. Въ маѣ 1842 г. онъ покинулъ Москву и вернулся въ нее лишь въ концѣ 1843 г.

номъ свободомысліи, хорошими манерами, могли для молодыхъ людей быть привлекательными".

Теперь предстоитъ разобраться въ другомъ вопросѣ: къ какому времени относятся описываемыя въ рукописи А. А. Григорьева событія? Сохранившійся отрывокъ (ибо рукопись начинается съ 20-й главы) вводитъ читателя сразу in medias res.

Мы присутствуемъ при развязкѣ драмы. Стало быть, это самый конецъ 1843 г. и первые два мѣсяца 1844 г. Изъ архивнаго дѣла совѣта московскаго университета 1844 г. объ увольненіи секретаря Григорьева видно, что на слѣдующій день, послѣ защиты Кавелинымъ диссертаціи на магистра гражданскаго права (24 февраля), Григорьевъ подалъ прошеніе ректору объ отпускѣ въ Петербургъ. Будущность Кавелина была обезпечена, отпало послѣднее препятствіе къ браку, и 27 февраля, въ шесть часовъ дня, Григорьевъ оставилъ Москву, уступивъ поле битвы счастливому сопернику. Съ другой стороны, надлежитъ обратиться къ разсказу Григорьева: „Мое знакомство съ Виталинымъ". Во второй главѣ („Записки Виталина") подъ 31 декабремъ мы встрѣтимъ слѣдующую тираду:

„Руки твои горячи, а сердце холодно", — говорила мнѣ сегодня одна женщина, — и я ей вѣрю. Въ самомъ дѣлѣ, рано начавшаяся жизнь мысли состарила мое сердце. Давно просвѣщенный воображеніемъ, я внесъ въ дѣйствительность одно утомленіе и скуку...

„Я пошелъ съ тяжелымъ чувствомъ на душѣ на вечеръ къ нимъ, и это чувство оправдалось. Антонія встрѣтила меня вопросомъ: отчего со мною нѣтъ Валдайскаго? Я принужденъ былъ солгать, потому что нельзя же было сказать настоящей причины того, что я не звалъ его съ собою... А настоящая-то причина гадка, да, гадка, потому что это — ревность!..." и т. д. [1]).

Эта дата вовсе не фантастическая: изъ главы XXII Дневника видно, что описываемыя въ главѣ XX происшествія имѣли мѣсто въ день встрѣчи Новаго года въ домѣ С. Г. Коршъ. Событія слѣдующихъ страницъ „Записокъ Виталина" идутъ также въ полномъ соотвѣтствіи съ „Листками изъ рукописи скитающагося софиста".

Это послѣднее обстоятельство съ несомнѣнностью ука-

---

[1]) Цитирую по изданію „Универсальной библіотеки" (Ап. Григорьевъ: „Человѣкъ будущаго" и др. разсказы). М. 1916. Стр. 127—128.

зываетъ на то, что свои Дневники Григорьевъ использовалъ для своихъ разсказовъ, которые онъ печаталъ въ „Репертуарѣ и Пантеонѣ“ 1845 и 1846 гг. („Человѣкъ будущаго“ и „Мое знакомство съ Виталинымъ“), использовалъ съ незначительными видоизмѣненіями, выразившимися исключительно въ замѣнѣ подлинныхъ фамилій вымышленными. Антонина Θедоровна превратилась въ Антонію, Крыловъ — въ Никиту Степановича Старскаго, Кавелинъ — въ Валдайскаго. Но сюжетъ второго разсказа вполнѣ совпадаетъ съ Дневникомъ. Возможно, что первыя 19 главъ рукописи содержали въ себѣ то, что въ „Запискахъ Виталина“ разсказано на протяженіи отъ 15 апрѣля до 10 октября. Характерно и то, что IV глава перваго разсказа Григорьева — „Человѣкъ будущаго“ носитъ названіе „Записки софиста“, однако біографическій смыслъ ихъ пока остается для меня загадкой.

Итакъ, романъ, повидимому, начался въ апрѣлѣ 1843 г. и завершился въ концѣ февраля 1844 г. Когда же Григорьевъ писалъ свои „Листки“: день за днемъ, вслѣдъ за событіями, или послѣ, когда драма уже была закончена и занавѣсъ опустился? Здѣсь возможны лишь одни предположенія. Судя по тому, что, вмѣсто обычныхъ хронологическихъ датировокъ въ Дневникахъ, рукопись разбита на главы, она могла быть написана послѣ всего происшедшаго. Тѣмъ болѣе, что, какъ показываютъ послѣднія фразы Дневника[1]): „все кончено—передъ мною мелькаютъ лѣсъ, да небо... Теперь 9 часовъ. Домашняя драма уже развертывается“, — онѣ были писаны въ дорогѣ. Но врядъ ли въ тогдашнее время можно было ѣздить съ такими удобствами, чтобы работать во время пути. Кромѣ того, вся рукопись писана, хотя и плохоразборчивымъ, но довольно ровнымъ почеркомъ и одинаковыми чернилами. Это наводитъ на мысль, что Дневникъ появился послѣ всего случившагося (самое заглавіе указываетъ на это), даже, быть можетъ, былъ копіей или варіантомъ другого. Или, наоборотъ, послужилъ оригиналомъ для „Записокъ Виталина“, ибо въ смыслѣ литературной обработки послѣднія стоятъ выше.

Написанный нѣсколько небрежно и мѣстами наивно, Дневникъ не напрасно названъ листками „софиста“. Григорьевъ самъ отмѣчалъ у себя „какое-то раннее актерство чувствомъ, раннюю способность къ подозрѣванію собственной

---

[1]) Такъ самъ Григорьевъ называетъ свою рукопись въ письмѣ къ Ксенофонту Тимофѣевичу.

чувствительности". Но софистичность я усматриваю скорѣе въ той литературной напряженности, съ которою написанъ Дневникъ, чѣмъ въ самомъ существѣ дѣла: вѣдь Григорьевъ и любилъ, и страдалъ искренно. Но чтеніе Лермонтова, Жоржъ Зандъ, вообще обильное чтеніе наложило свою печать. Это своеобразная черта времени. „Вспомнимъ, — говоритъ Евгеній Дегенъ [1]) — необъятную переписку Герцена съ его невѣстой, вспомнимъ, какъ весь этотъ кружокъ молодыхъ литераторовъ любилъ копаться въ своихъ чувствахъ, закрѣплять ихъ въ болѣе или менѣе красивой формѣ на бумагѣ и повѣрять друзьямъ свои страданія: Теперь эти изліянія могутъ казаться нѣсколько напыщенными и во всякомъ случаѣ излишними, тогда они были, несомнѣнно, искренни и казались естественными". „Несмотря на нѣсколько театральную замашку мефистофельствовать", — пишетъ Сѣченовъ, встрѣтившійся съ Григорьевымъ въ самомъ началѣ 1850-хъ гг., онъ былъ „добрый, умный и простой въ сущности человѣкъ".

Повышенная нервность Григорьева постоянно дѣлала изъ него жертву и возносила на костеръ, который быстро испепелилъ его физическія силы; но, съ другой стороны, эта нервность изощряла и утончала его духовную сущность, не взирая на всѣ срывы и паденія. Въ „нервности" же нужно искать основаній того неяснаго пока мистицизма Григорьева, который объясняется какъ данными его психики, такъ и не доказанными пока связями съ московскимъ масонствомъ, если нѣкто Милановскій, о которомъ упоминаетъ Григорьевъ въ письмѣ, къ отцу, и Фетъ въ одномъ неизданномъ письмѣ къ Полонскому, то же самое лицо, которое выведено подъ именемъ Василья Имеретинова въ повѣсти Григорьева „Другой изъ многихъ" [2]).

Кромѣ разсказовъ, носящихъ характеръ автобіографіи, Григорьевъ оставилъ нѣсколько лирическихъ стихотвореній и поэмъ, посвященныхъ анамнезѣ его любви къ А. Ѳ. Коршъ. Приводимъ одно изъ лучшихъ стихотвореній Григорьева „Къ Лавиніи":

Для себя мы не просимъ покоя
И не ждемъ ничего отъ судьбы,
И къ небесному своду мы двое
Не шлемъ безполезной мольбы...

---

[1]) „Жоржъ Зандъ и ея время" въ „Мірѣ Божіемъ", 1900, № 8, стр. 243
[2]) „Московскій Городской Листокъ", 1847.

Нѣтъ! пусть самъ онъ надъ нами широко
Разливается яркой зарей,
Чтобы въ грудь намъ входили глубоко
Бытія полнота и покой . . .
Чтобы тополей старыхъ качанье,
Обливаемыхъ свѣтомъ луны,
Да лепечущихъ листьевъ дрожанье
Навѣвали намъ дѣтскіе сны . . .
Чтобы ухо средь чуткой дремоты
Въ хорѣ вѣчномъ зиждительныхъ силъ,
Примиренія слышало ноты
И гармонію хода свѣтилъ;
Чтобы, вѣчнаго шума значенье
Разумѣя въ таинственномъ снѣ,
Мы хоть разъ испытали забвенье
О прошедшемъ и будущемъ днѣ.
Но доколѣ страданьемъ и страстью
Мы объяты безумно равно
И доколѣ не вѣримъ мы счастью,
Намъ понятно проклятье одно.
И, проклятія право святое
Сохраняя средь гордой борьбы,
Мы у неба не просимъ покоя
И не ждемъ ничего отъ судьбы . . .

Въ 1845 г. Кавелинъ, противъ воли родителей, сдѣлалъ предложеніе Антонинѣ Өедоровнѣ Коршъ, и 20 августа этого года состоялась въ подмосковномъ Всесвятскомъ свадьба.

Въ 1847 г. Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ женился на младшей сестрѣ жены Кавелина, Лидіи Өедоровнѣ. Бракъ этотъ не былъ счастливъ. Въ началѣ 1850-хъ гг. Григорьевъ пережилъ новую романтическую и несчастную страсть — къ Леонидѣ Яковлевнѣ Визардъ.

Какъ указано выше, вмѣстѣ съ Дневникомъ Григорьева были пріобрѣтены также два письма его: къ нѣкоему Ксенофонту Тимофеевичу и къ отцу, Александру Ивановичу Григорьеву.

Кто былъ Ксенофонтъ Тимофеевичъ, установить еще не удалось. Повидимому, это былъ чиновникъ, старый знакомый А. И. Григорьева. Жилъ К. Т., судя по фразѣ Григорьева въ письмѣ къ отцу — „Ксенофонтъ Тимофеевичъ узналъ меня вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ“ — въ сѣверной столицѣ. Возможно, что этотъ самый человѣкъ выведенъ въ повѣсти „Другой изъ многихъ“ подъ именемъ Степана Никифоровича Похорцева, почтеннаго чиновника, крайне, однако, непочтительно встрѣченнаго героями повѣсти при

первомъ появленіи его у нихъ на квартирѣ. Изъ письма къ Ксенофонту Тимофеевичу видно, что Дневникъ свой Григорьевъ подарилъ ему, въ знакъ „полной довѣренности“, вслѣдствіе чего оно и помѣщается передъ „Листками изъ рукописи скитающагося софиста“.

Письмо къ отцу — единственное пока — подтверждаетъ ту обстановку „домашней догмы“, которая описана какъ отцомъ („Ранніе годы“, стр. 149, 225), такъ и самимъ Григорьевымъ въ его разсказахъ. Съ другой стороны, письмо вскрываетъ отчасти то напряженно-мучительное душевное состояніе, въ которомъ находился Григорьевъ въ „мірѣ гоголевскаго Петербурга, Петербурга въ эпоху его миражной оригинальности“. Эта тяжкая жизненная школа рѣшительно и безповоротно опредѣлила дальнѣйшую судьбу Григорьева. Здѣсь, въ этомъ холодно-мрачномъ и „фантастическомъ“ городѣ Григорьевъ потерялъ одно изъ самыхъ сильныхъ качествъ человѣка — силу воли, которая единственная одна могла бы обезпечить ему побѣду въ борьбѣ съ Рокомъ.

Влад. Княжнинъ.

Письмо Ксенофонту Тимофеевичу.

[1845 г. Петербургъ.]

Почтеннѣйшій и благороднѣйшій
Ксенофонтъ Тимофеевичъ!

Благодарю васъ за ваше благородное участіе, за трудъ, который вы такъ безвозмездно на себя принимаете — и, право, больше не найдусь, что сказать вамъ. Что я васъ уважаю — какъ единственнаго человѣка, въ которомъ опытность не охладила святаго чувства, — это вы давно знаете. Изустно просилъ я васъ и прошу еще письменно, чтобы вы, мой добрый адвокатъ, поселили надежду въ моего отца. Право, оба они, т. е. и отецъ мой и мать моя, — стоили бы лучшей участи и лучшаго сына. Скажите, что я вполнѣ сознаю себя виноватымъ, что я думаю почти только о нихъ.

О моей страсти или о моемъ пунктѣ помѣшательства, прошу васъ, ни слова, но если бы, паче чаянія, старикъ самъ заговорилъ объ этомъ, то скажите, что теперь сознаніе долга во мнѣ выше всякой страсти. Въ случаѣ подобнаго разговора скажите, впрочемъ, что объ этой женщинѣ отзывался я всегда съ безконечнымъ уваженіемъ, что по моимъ де разсказамъ

она не подавала мнѣ даже и малѣйшаго повода къ какимъ бы то ни было надеждамъ...

Еще — ни слова объ моей драмѣ [1]), которую я пишу, потому что это еще въ будущемъ.

Прощайте... Дай Богъ вамъ всего, всего лучшаго!

Вашъ Григорьевъ.

NB. Дневникъ мой остается у васъ — и навсегда, какъ памятникъ моей полной довѣренности къ вамъ. Еще разъ желаю вамъ всего лучшаго, т. е. всего, чего можно пожелать отцу семейства.

Au revoir!

Листки изъ рукописи скитающагося софиста.

XX.

Я вышелъ изъ дому въ шесть часовъ и уже, конечно, не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы прямо явиться туда: избави Боже! Взялъ извозчика и отправился въ „Знаменскій переулокъ“.

. . . .

. . . .

„Руки ваши горячи — а сердце холодно!“ Да! можетъ быть, это и правда: молодъ и старъ въ одно и то же время; моею теперешнею жизнью я догоняю только жизнь духа, которая ушла уже далеко, далеко. Все, что я ни чувствую, я уже все это перечувствовалъ давно жизнью сновъ, жизнью воображенія. Все это я знаю наизусть — и вотъ что скучно. Измученный лихорадочною жизнью сновъ, я приношу въ жизнь дѣйствительную одно утомленіе и скуку.

Въ половинѣ девятаго я былъ тамъ. Первый вопросъ Нины: „Вы одни?“ Меня обдало холодомъ, страстнымъ холодомъ. Я солгалъ, разумѣется, сказавши, что заѣзжалъ къ Кав—у [2]) и что онъ нынче быть никакъ не можетъ; я не сдѣлалъ этого — но отъ чего? Неужели отъ мелкой ревности? а вѣдь почти такъ, если не хуже. Ея вопросъ сдѣлалъ меня

---

[1]) Извѣстны двѣ драмы Григорьева: „Современный тонъ“ или „Два эгоизма“ (напечатана въ т. XII „Репертуара и Пантеона“ 1845 г.) и другая — „Отецъ и сынъ“, не напечатанная до сихъ поръ, но шедшая 2 раза въ Александринскомъ театрѣ въ сезонъ 1847—48 г.г. О какой изъ нихъ идетъ рѣчь? Скорѣе всего о первой, ибо, помѣстивъ въ журналѣ первую, не было бы особеннаго смысла дольше скрываться и секретничать. Въ виду этого и письмо я датирую 1845 г., относя его приблизительно ко второму полугодію

[2]) Кавелину.

глупымъ на цѣлый вечеръ... Если я ошибся? Если я для нея то же что Кав—нъ? Если это страданіе, эта болѣзнь внутренняя, которая грызетъ ее — не мое созданіе? Но тогда къ чему же всѣ наши страстные разговоры, въ которыхъ недоставало только ясно сказаннаго слова признанія? Faut-il que je sois dupe?

Наѣхало много народу, — весь почти этотъ кругъ, которому я такъ страшно чужой, въ которомъ такъ возмутительно ложно мое положеніе. Что общаго между ними и мною? Все общее основано на обманѣ, на ожиданіи отъ меня чего-то въ ихъ родѣ. Боже мой! кто бы заставилъ меня выносить это положеніе кліентства, если бы, подвергаясь всевозможному нравственному униженію, я не надѣялся на нѣсколько минутъ разговора съ нею? Еще одно: зачѣмъ дано мнѣ видѣть все это, зачѣмъ во мнѣ нѣтъ suffisance. Я самъ знаю, что я становлюсь невыносимъ моей хандрою, моей гордой неловкостью, всѣмъ, всѣмъ. Vous êtes bien triste aujourd'hui, — замѣтила мнѣ Лидія. „Comme a l'ordinaire"...

Пріѣхалъ Щепинъ — и начался музыкальный вечеръ, т. е. Нина, блѣдная и разстроенная, сѣла за климперкастисъ, а Щепинъ со скрипкой помѣстился подлѣ нея. Мнѣ это было невыносимо смѣшно и досадно, досадно на всю эту комедію, въ которой такое искреннее участіе принимали матушка и Никита, досадно на нее, что въ ней жалкое самолюбіе, досадно на себя за то, что мнѣ досадно. Я сталъ у печки и смотрѣлъ на нее прямо, съ самою злою ироніей. Лидія подошла ко мнѣ и попросила перейти на другое мѣсто; я сталъ у двери. Началось: интродукція дуэта Осборна и Беріо прошла благополучно, но въ варіаціяхъ она сбилась. Я не могъ удержаться отъ невольной улыбки, которую мать, кажется, замѣтила къ несчастью; да и, въ самомъ дѣлѣ, это было не только невыносимо, но даже неприлично. Когда она кончила и совершенно смущенная ушла въ другую комнату, мнѣ было нисколько не жаль ея. Потомъ она воротилась, и я началъ смѣяться надъ ее смущеніемъ. Non! ce n' est pas de pareils triumphes qu il vous faut... Laissez les a m-lle Aslanovitzch... Все остальное время вечера прошло благополучно. Только за ужиномъ мнѣ было по обыкновенію гадко и неловко до невозможности: я сидѣлъ подлѣ Никиты Ивановича [1]) и долженъ былъ разсуждать о чемъ-то, когда мнѣ право было не до разсу-

[1]) Крылова.

жденій, когда мнѣ было все гадко и ненавистно, кромѣ этой женщины, которую люблю я страстью бѣшеной собаки...

Дядя [1]) еще не спалъ, когда я воротился домой, потому что недавно пріѣхалъ изъ клуба, и мы говорили съ нимъ долго, только не объ этомъ вечерѣ, о которомъ сказалъ я слова два, не больше, а объ моихъ семейственныхъ отношеніяхъ. Это нашъ вѣчный разговоръ...

Чѣмъ все это кончится?

Мнѣ хотѣлось, глубоко хотѣлось молиться, но кому и объ чемъ? Fatum — одно Fatum, которое опутало меня какими-то безысходными сѣтями, которое съ такою страшною постепенностью вело меня къ этому состоянію трагической ироніи. Да! религія моя, какъ и религія цѣлаго современнаго общества — просто религія Одина, религія борьбы съ сознаніемъ паденія, религія страданія безпредѣльнаго, стремленія безцѣльнаго во имя человѣческаго благородства и величія.

XXI.

Образчикъ цеховой деликатности. Когда я зашелъ нынче къ m-me K—sch послѣ обѣда, тамъ былъ Н. И. Между прочимъ, онъ спросилъ меня: званы вы къ Крюкову [2]) Нѣтъ! „Да! вѣдь я и забылъ, что онъ держится аристократическихъ убѣжденій, и у него только профессора"... Что было отвѣчать на это?.. Не знаю; по крайней мѣрѣ, я не сказалъ того, что вчера Крюковъ звалъ меня обѣдать, и я не поѣхалъ... Теперь вопросъ: на чемъ основано мое отношеніе съ К***?

Не принимаютъ ли меня par grace? Нина не совсѣмъ здорова: при мнѣ пріѣзжалъ докторъ Брокъ. Я ушелъ скоро.

XXII.

Нынче былъ день рожденія Любовь Ф—ы [3]): поутру я, какъ слѣдуетъ, былъ съ поздравленіемъ. „Что жъ вечеркомъ-то, я чай, будете?" Какъ же съ...

По обыкновенію — бездна народу, весь кругъ цеховыхъ. Я пришелъ поздно, въ половинѣ девятаго, но все не позже К—а. Нина сѣла, какъ это бываетъ часто, на козеткѣ въ спальнѣ. Забавнѣе всего то, что когда человѣкъ что-нибудь знаетъ за собою, ему кажется, что и всѣ это непремѣнно знаютъ.

[1]) Николай Ивановичъ Григорьевъ.

[2]) Дмитрію Львовичу.

[3]) Жены Н. И. Крылова.

К*** говоритъ съ ней свободно, садится подлѣ нея и не отходитъ цѣлый вечеръ, а я съ каждымъ днемъ глупѣю и глупѣю до невыносимости. Какими-то тактическими маневрами я наконецъ, пробрался туда и сѣлъ противъ нея, стараясь придать своему положенію и тону какъ можно болѣе равнодушія и спокойствія. Мы говорили о вздорѣ, между прочимъ, объ Коатвенѣ — Сю: но что съ нею? Ее такъ видимо грызетъ глубокое, невыносимое страданіе. Пріѣхалъ К***: такъ свободенъ, такъ непринужденъ, такъ уменъ... Поговоря нѣсколько минутъ съ m-me Korsch, онъ перешелъ къ намъ и очень спокойно сѣлъ противъ нея. Потомъ онъ почти заставилъ ее пересѣсть на свое мѣсто, какъ болѣе далекое отъ окна: отъ чего же я не догадался объ этомъ прежде?.. Для чего я такъ глупо созданъ, что не могу совладѣть съ тяготящею меня хандрою?.. Софья Кум—а [1]) безпрестанно говорила со мною, и я почти молчалъ, какъ идіотъ, и это положеніе вольной и вмѣстѣ невольной глупости было мнѣ до безконечности тяжко. Да, я сказалъ разъ и повторю теперь, что только двѣ вещи — геній и богатство могли бы закрыть, сдѣлать сносною уродливость моего характера... Скрыть отъ того, что имѣешь что-нибудь — c'est comme il faut du moins, но скучать и хандрить отъ чувства ложности своего положенія, но знать это, но думать, что другіе, что, наконецъ, эта женщина знаетъ это, — Боже мой, это невыносимо. Моя страсть къ ней дошла до послѣдней степени самоотреченія, и она никогда не узнаетъ и не должна узнать объ этомъ... Я ненавижу каждаго, кто подходитъ къ ней на два шага, и презираю себя за эту ненависть... И если бъ она любила прежде — я точно такъ же ненавидѣлъ бы прошедшее, какъ настоящее, и эта мысль объ ея прошедшемъ меня давитъ и мучитъ.

Меня просили играть имъ кадриль или (къ чему бояться словъ?) мнѣ только намекнули объ этомъ, и я сѣлъ. „Боже мой — вы такой добрый!“ — сказала Любовь Ф—а. Это меня добило окончательно: я вспомнилъ конфету, которая была мнѣ дана Ниной за мою доброту. И въ самомъ дѣлѣ, не съ ума ли я сошелъ, быть рыцаремъ?.. Но я игралъ имъ кадриль съ какимъ-то торжествующимъ самоотреченіемъ...

И, можетъ быть, я самъ отравляю для себя все, можетъ быть, они и въ самомъ дѣлѣ считаютъ меня почти членомъ своей семьи, своимъ что называется?

[1]) Софья Федоровна Куманина, одна изъ сестеръ.

Послѣ меня сѣлъ Крюковъ, а я танцовалъ съ Ниной... Vous êtes Vierge de la libèrtè aujourd'hui. Comment donc? Mais Vous avez les trois couleurs. Она засмѣялась... Но зачѣмъ мнѣ всегда жужжатъ въ ушахъ проклятыя слова Гоголя: „или заговоритъ, что Россія — государство пространное?"...

Ужинъ былъ для меня еще невыносимѣе, чѣмъ у m-me Korsch, наканунѣ новаго года... Я сидѣлъ съ цеховыми, Кавелинъ — между двухъ сестеръ и говорилъ цѣлый часъ безъ умолку. Нѣсколько разъ я измѣнялъ себѣ... Ребенокъ!..

Воротился домой въ два и былъ очень радъ, что дядя мой спалъ. Мнѣ было невыносимо грустно: заснуть не могъ до утра — въ головѣ такая чушь: мечты о милліонахъ да объ эксцентрическихъ подвигахъ. Рыцарство смѣшно въ наше время, но отъ чего я не нахожу въ немъ ничего смѣшного, ничего невозможнаго? Къ чему мнѣ лицемѣрить передъ собою?..

Еще разъ — глупо я созданъ, но не я виноватъ въ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, моя ли вина, что для меня все сосредоточено въ эксцентрическомъ, что я не могу вѣрить въ не-эксцентрическое?

XXIII.

Нынче вечеромъ мы долго говорили съ К** о безсмертіи. Сначала то, что я говорилъ, казалось ему дѣломъ, но потомъ онъ объявилъ, что этаго его логика не допускаетъ, что надобно имѣть на мои доказательства особенную мистическую настроенность... „Тебѣ надобно жизни, жизни"... Вотъ въ чемъ и ошибка-то — онъ считаетъ меня способнымъ къ перемѣнѣ. Едва ли! Каковъ я былъ ребенкомъ, таковъ я и теперь. Древняя ли исторія, которую такъ любилъ я въ дѣтствѣ, вѣчно ли изолированная жизнь этому причиною, но je suis un homme tout fait. Измѣненія, которыя происходятъ во мнѣ, происходятъ по непреложнымъ законамъ моего личнаго бытія, да и нельзя ихъ даже назвать измѣненіями: это все формы одного и того же идеализма. Съ чего бы я ни началъ, я приду всегда къ одному: къ глубокой, мучительной потребности вѣрить въ идеалъ и въ jenseits. Всѣ другіе вопросы проходятъ мимо меня: сен-симонизмъ въ своихъ послѣднихъ или, по ихъ, разумныхъ результатахъ мнѣ противенъ, — ибо я не могу ничего найти успокоительнаго въ мысли о китайски-разумномъ идеалѣ жизни. Отъ того ко всему я въ состояніи божественной ироніи, ко всему, кромѣ jenseits. Нормальнымъ мнѣ кажется не общежитіе, но отрѣшенная, мистически-

изолированная жизнь самости въ себѣ. Но это не ведетъ меня къ правилу тибетскаго мистицизма, что лучше спать, чѣмъ жить. Нѣтъ — жить, но не для того, чтобы жить, а чтобъ жизнью стремиться къ идеалу, ибо все существуетъ только по-толику, по-колику существуетъ къ идеалѣ, въ словѣ.

Потомъ мы говорили объ ней. „Ее грызетъ страданіе — она должна была испытать несчастную страсть"... Но кто же, кто создалъ въ ней это страданіе? Я знаю всѣхъ, кто ее окружаетъ, знаю, что̀ она была за̀ годъ до этаго времени. Есть одинъ человѣкъ только, кто, кромѣ меня, могъ быть ею любимымъ. Это Щ***, и странно! однаго только этаго человѣка я не могъ бы ненавидѣть: свѣтлая, открытая природа, хотя многіе назовутъ его пустымъ человѣкомъ... Но ея душа, какова она теперь, создана мною, создана тѣми вечерами прошлаго года, когда, равнодушный ко всему, я былъ такъ уменъ, такъ свободенъ, такъ золъ, создана всего болѣе тѣми восторженными, лихорадочными намеками, которые я не переставалъ дѣлать ей при каждой встрѣчѣ, начиная съ нашей прогулки въ аэрьенѣ, гдѣ я въ первый разъ сказалъ ей, что она — Нина Лермонтова, до вечера 23 декабря, когда я, на ея съ лихорадочною дрожью сказанныя слова: „Я не могу ни отъ чего придти въ восторгъ", — спокойно и тихо прочелъ ей строфу „Сказки для дѣтей" [1]).

Знаетъ ли она, что я люблю ее и люблю такъ безумно? Думаю, что знаетъ. Я помню тотъ прекрасный весенній вечеръ, когда возвращались изъ цыганскаго концерта (это было во время пребыванія [2]) въ Москвѣ Листа), она вошла къ намъ во всей полнотѣ дѣвственной прелести, окруженная какою-то ореолою бѣлаго, чистаго сіянія... Я невольно потупилъ глаза, когда взглянулъ на нее, и она видѣла это, и на ея губахъ прозмѣилась улыбка женскаго торжества... И снова перебирая въ памяти недавнее прошедшее, я не могу и подумать, чтобы она не знала о моей страсти къ ней...

XXIV.

Пріѣхали наши родные... Кромѣ того, что я вообще не охотникъ до всякихъ семейныхъ сценъ, я былъ разсерженъ еще тѣмъ, что мнѣ помѣшаютъ идти къ К***. Я эгоистъ — да! но я самъ мучусь своимъ эгоизмомъ, я бы такъ хотѣлъ

[1]) Изъ незаконченной поэмы Лермонтова.

[2]) Въ 1843 г.

быть не эгоистомъ: что же мнѣ дѣлать, что многое, вмѣсто того, чтобы трогать меня, просто только меня мучитъ, бѣситъ и смѣшитъ.

И однако я все-таки туда отправился, только не засталъ тамъ ни Софьи Г—ы, ни Нины. Было скучно. Н. И. разсуждалъ о „правотвенныхъ лицахъ". Господи Боже мой — не надоѣстъ же человѣку, подумаешь!..

Мнѣ было скучно.

XXV.

Она опять больна... Дѣла мои по службѣ[1]) идутъ тихо — и странно! чѣмъ хуже дѣлается, тѣмъ больше предаюсь я безумной безпечности. Только успѣхъ, только счастье могутъ придать мнѣ жизни и дѣятельности: неудачи — никогда. Отъ того, какъ я часто говорилъ ей, „можно молиться только въ минуты счастья".

XXVI.

Заходилъ къ нимъ послѣ обѣдни... Она — больна, блѣдна, разстроена; просила прислать ей „Индіану" и „La derniere Aldini". „Индіану" послалъ, но „La derniere Aldini" надобно взять у Готье. Взять — но на что? Долги мои растутъ страшно и безнадежно.

XXVII.

Оставя у всенощной тётушку, забѣжалъ къ нимъ хотя на полчаса, твердо рѣшаясь быть точно такъ же веселымъ и злымъ, какъ вчера, что и удалось мнѣ вполнѣ. Но она — что съ нею?.. Она не хотѣла сказать со мною ни одного слова.

XXVIII.

Заходилъ на минуту К—ъ и удивилъ меня: „На тебя сердятся". „И прекрасно!" — „И знаешь, за что?" Вѣроятно, за то, что не прислалъ „La derniere Aldini"?.. „Да; „Съ этихъ поръ, говоритъ она, избави меня Боже попросить его о чемъ бы то ни было"; знаешь ли, это природа гордая и раздражительная"...

„Я очень радъ, очень радъ — ты ничѣмъ бы не могъ меня такъ порадовать, какъ этимъ"... „Что жъ, ты пошлешь, а то я пошлю?" — „Посылай".

И между тѣмъ я былъ разстроенъ.

[1]) Григорьевъ былъ секретаремъ Совѣта въ московскомъ университетѣ.

XXIX.

На вечерѣ у Менщикова[1]), я былъ очень въ духѣ, вралъ безъ умолку и плясалъ безъ устали. Человѣкъ минуты — я готовъ предаваться каждому мимолетному впечатлѣнію; но нашептывать. какъ демонъ, первой встрѣтившейся свѣжей дѣвственной душѣ несбыточныя грезы и тревожные сны ст. ло у меня маніей... Бываютъ минуты, когда я становлюсь даже остеръ до послѣдней степени: немудрено, что К—й, которая только что вышла изъ пансіона, мнѣ удалось вскружить голову до того, что подъ конецъ она слушала мой вздоръ, не спуская съ меня большихъ и, надобно сказать, прекрасныхъ черныхъ глазъ.

Завтра къ Л—у, котораго жена не ухвалится мною за нынѣшній вечеръ.

XXX.

Я былъ совсѣмъ не то, что вчера. Я хорошъ только тогда, когда могу примировать, т. е. когда что-нибудь заставляетъ меня примировать... Все это вытекаетъ во мнѣ изъ одного принципа — изъ гордости, которую всякая неудача только злобитъ, но поднять не въ силахъ. Въ эти минуты я становлюсь подозрителенъ до невыносимости. Дайте мнѣ счастье, и я буду благороденъ, добръ, человѣчественъ. Если бъ я родился аристократомъ, я былъ бы совершенно Эгмонтомъ Гете, но теперь я только оскорбленъ и раздраженъ тѣмъ, что я не аристократъ...

Здѣсь былъ Н. И. съ женой и Лидіей... Лидія до безконечности добра и нѣжна со мною. Кстати, на меня не сердятся, потому что поручили просить меня прислать „Роберта“[2]).

Мы ѣхали оттуда съ К**. Разговоръ нашъ былъ объ ней и какъ-то печаленъ, какъ туманъ и холодъ, которые насъ окружали. Онъ спрашивалъ меня: какъ я люблю ее, съ надеждою или безъ надежды? Я отвѣчалъ отрицательно. Да и въ самомъ дѣлѣ, неужели можно считать надеждами нѣ-

---

[1]) Вѣроятно, Арсеній Ивановичъ Менщиковъ, адъюнктъ по кафедрѣ греческой словесности на 1-мъ отдѣленіи философскаго факультета въ московскомъ университетѣ.

[2]) Очевидно, фортепіанное переложеніе оперы Мейербера „Робертъ-діаволъ“. Въ 1843 г. въ Москву эта опера была привезена нѣмецкою оперною труппою. Ср. „Ранніе годы моей жизни“ Фета и разсказъ Григорьева „Робертъ-дьяволъ“.

сколько словъ, а double sens, которыя при томъ могли относиться къ другому? И между тѣмъ, отчего же не могу я вполнѣ отказаться отъ этой мысли и между тѣмъ, къ чему же позволяли мнѣ говорить все, что я говорилъ? Боже мой! ужели она не понимала ничего этаго, не видала моихъ мукъ, моего лихорадочнаго трепета въ разговорѣ съ нею, когда я сказалъ ей: „Человѣкъ становится невыносимо глупъ, когда хочетъ скрыть то, чего скрыть нельзя". Принимала за общія мѣста мои упреки, моленія — все, что я такъ ясно высказывалъ въ разговорѣ съ ея матерью о женщинахъ, не понимала, съ какою безумною страстью читалъ я ей: „Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно"[1]... „Но если эта женщина полюбитъ кого-нибудь, она будетъ готова слѣдовать за нимъ на край свѣта", — говорилъ Кавелинъ. Я молчалъ: меня сжималъ внутренній холодъ, мнѣ было нестерпимо грустно.

XXXI.

Нынче въ послѣдній разъ смотрѣлъ „Робѐрта" и видѣлъ въ бельэтажѣ madame Кум—у съ Лидіей... „Meinem Flehen Erhörung nur schenke mit des Kindes Liebe Blick... Gieb mein Kind mir, gieb mein Kind mir, giebe mein Kind mir zurück"... Зачѣмъ бываютъ подобныя минуты?.. Вотъ опять та же однообразная безконечно грустная дѣйствительность — несносная печка противъ самыхъ глазъ, нагорѣвшая свѣча, болѣзненное бездѣйствіе. Сейчасъ изъ собранія... Да! я подверженъ даже зависти: чуждый среди этого блестящаго міра и зачѣмъ-то (ужъ Богъ вѣдаетъ зачѣмъ) постоянный и постоянно незамѣтный членъ этаго міра, я съ невольнымъ негодованіемъ смотрю, какъ къ другимъ подходятъ цѣлыя толпы масокъ... Богатство — имя!.. Но страшно, когда человѣкъ утратитъ вѣру въ спасеніе внутреннею силою, когда только богатство, имя кажутся ему выходомъ... И грустно подумать, что это чувство плебейской ненависти и зависти — почти общій источникъ мятежныхъ порывовъ...

XXXII.

Сидѣли опять цѣлый вечеръ съ К—ъ и точно такъ же безъ толку. Мы не поймемъ одинъ другого: соціальное стра-

[1]) Начальная строка извѣстнаго стихотворенія Лермонтова. На темѣ этого стихотворенія построены обѣ драмы Григорьева, нѣкоторые его стихотворенія и разсказы.

даніе останется вѣчною фразою для меня, какъ для него — исканіе Бога. Его спокойствіе, его разумный взглядъ на любовь мнѣ болѣе, чѣмъ непонятны.

Вмѣсто того, чтобы быть тамъ, я остался дома, вслѣдствіе домашней догмы. И неужели мой ропотъ на это страшное рабство — преступленіе?

XXXIII.

Презабавная исторія! „Je suis à vos pieds", сказанное мною m-lle Б—й на вечерѣ у нашего синдика [1]), принято за формальное изъясненіе въ любви, и она сходитъ теперь съ ума, падаетъ въ обмороки и т. п. Но забавнѣе всего то, что я долженъ былъ выслушать отъ З*** проповѣдь... Что меня влечетъ всегда дѣлать глупости?

XXXIV.

Досталъ, наконецъ, денегъ, послѣднія, кажется, какія можно достать, и послалъ при письмѣ „La derniere Aldini" и „Histoire de Napoléon"... Долги растутъ, растутъ и растутъ... На все это я смотрю съ безпечностью фаталиста.

XXXV.

Нынче она прислала за мною Валентина [2]). Я люблю его какъ брата, этаго ребенка; его голосъ такъ сходенъ съ ея рѣзки-ребяческимъ голосомъ. Странно! Кавелинъ говорилъ, что это въ ней одно, что дѣлаетъ ее женщиною du tiers état; а мнѣ такъ нравится этотъ голосъ... Она больна... Она почти сердилась на меня за мои богохульства, за мою хандру, за мои разсказы о явленіи иконы Тольской Божіей матери...

„Вы хотите отъ жизни Богъ знаетъ чего!" — говорила она мнѣ. Это правда. И если результатомъ всѣхъ этихъ безумныхъ требованій будетъ судьба чиновника?..

Мать ея говоритъ мнѣ, что я установлюсь. Едва ли!

Пріѣхали Кр—ы и съ ними какая-то дама, съ которою они всѣ засѣли въ преферансъ. Я сидѣлъ на диванѣ у стѣны; Лидія подлѣ меня раскладывала карты, а Юлія разсказывала мнѣ какой-то вздоръ. Но мнѣ было какъ-то wohl behaglich.

[1]) Синдикомъ въ университетѣ былъ въ это время Ив. Ив. Захаровъ.
[2]) Валентина Өедоровича Корша.

Она подошла и сѣла противъ меня на стулѣ. Мы молчали долго, и я глядѣлъ на нее спокойно, тихо, не спуская глазъ; я забылся, мнѣ хотѣлось вѣрить, что она меня любитъ, мнѣ казалось въ эту минуту, что я вижу передъ собою прежнюю добрую довѣрчивую Нину. Нину за годъ до этого: мнѣ припоминались первыя мечты моей любви къ ней, тихія, свѣтлыя мечты, — благородныя надежды пройти съ ней путь жизни... Я снова, казалось, стоялъ передъ иконостасомъ Донскаго монастыря и думалъ о будущемъ, и думалъ о томъ, что когда-нибудь я отвѣчу Божественному: „Се азъ и чада, его же далъ ми еси...“ То было то же чувство, которое Майскою луною свѣтило на меня, когда, рука объ руку съ нею пробѣгая аллеи ихъ сада, я замѣчалъ отраженіе нашихъ тѣней на старой стѣнѣ и былъ такъ радъ, такъ гордо радъ, что моя тѣнь была выше...

Нина заговорила первая и заговорила о смерти. Она боится ея и хотѣла бы вѣрить въ безсмертіе... Но мой мистическій бредъ о безсмертіи едва ли въ состояніи кого-нибудь ободрить и увѣрить... „А вы, неужели вы въ самомъ дѣлѣ не боитесь умереть?“ — спросила она меня задумчиво и не подымая своихъ голубыхъ глазъ съ рѣзного стола, по которому чертила пальцемъ. Я отвѣчалъ ей, что боюсь медленной смерти, но умереть вдругъ „готовъ хоть сей часъ“. Мы замолчали снова; изрѣдка только, почти невольно, изъ меня вырывались темныя, странно-мистическія мечты о будущей жизни.

Я ушелъ въ 11 часовъ.

Опять хотѣлось мнѣ рыдать и молиться; еще больше хотѣлъ бы я упасть у ея ногъ, и съ глубокою, безсознательною любовью смотрѣть на фосфоръ ея глазъ, на блѣдную, прозрачную руку...

XXXVI.

Вопросъ — чѣмъ кончатся мои дѣла по службѣ и мои долги?.. Нельзя же вѣчно обманывать другихъ и себя.

Нынче былъ Кав—ъ... Опять о безсмертіи и о ней. Онъ говоритъ прямо, что если обезпечитъ свою будущность, то непремѣнно женится на ней... „Нашъ взглядъ на семейную жизнь одинаковъ, — продолжалъ онъ, — на другой день брака, я буду точно таковъ же, каковъ же, какъ я теперь: жена моя будетъ свободна вполнѣ...“ А я — я знаю, что я бы измучилъ ее любовью и ревностью...

Я и она осуждены равно... Я и она — сумѣемъ найти

безконечное страданіе въ томъ, что другіе зовутъ блаженствомъ.

XXXVII.

У Н. И. былъ нынче какой-то господинъ, котораго физіономія мнѣ очень не нравится; онъ — что-то въ родѣ откупщика, и пахнетъ откупами и нравственностью. Цѣлый вечеръ я и Софья Кум—а занимались бла[*нрзб.*]igmu.

Потомъ мы ходили съ Лидіей, она выпытывала отъ меня тайну моей хандры, а выпытывать, право, нечего, я даже не стараюсь и таиться. Да и она, кажется, только для эффекту выпытываетъ. Читая строфу „Сказки для дѣтей", она сдѣлала такое удареніе надъ именемъ Нины, что сомнѣваться въ ея догадливости совершенно невозможно.

— Послушайте, — говорилъ я, садясь подлѣ нея въ залѣ у окна, — когда встрѣтишь такую женщину, то отдашь ей всю жизнь, всю душу, все назначеніе, отвергнешь всякую цѣль, потому что всякую цѣль станешь считать богохуленіемъ...

Я говорилъ святую правду.

— Да вы не найдете такой женщины.

— А если?..

— Вы обманетесь. Ecoutè moi, vous êtes le comte Albert... Et Consuèlo... — она не договорила, но лукаво засмѣялась.

— Consuèlo, Consuèlo, Consuelo de mi alma, — отвѣчалъ я съ безумнымъ порывомъ.

— О чемъ вы такъ горячо разсуждаете? — спросила меня съ улыбкою добрая Любовь Ф—а, которая сидѣла у рояля съ Софьей Кум—й.

— О „Сказкѣ для дѣтей", — отвѣчалъ я съ возможнымъ спокойствіемъ.

Сѣли ужинать. Разговоръ между мною и Софьей Кум—й склонился опять на то же. Я былъ въ духѣ и по поводу мысли о наказаніи въ будущей жизни сталъ разсказывать, какъ мнѣ вообразилось однажды, что ко мнѣ входитъ der alte Zebaoth... Яблочковъ отвернулся и плюнулъ, кажется... Я не остановился и продолжалъ ту же исторію, хотя предчувствовалъ, что это не пройдетъ даромъ.

XXXVIII.

И точно... Нынче въ совѣтѣ Н. И., отведя меня въ сторону, началъ говорить мнѣ, что „это именно и опасно и

съ одной стороны неприлично...“ Я смолчалъ — здѣсь было не мѣсто объясняться. Онъ правъ, можетъ быть, но замѣчаніямъ пора положить конецъ.

Конецъ, но вмѣстѣ съ этимъ конецъ и всему. Будь воля рока — она влекла меня, она опутала меня сѣтями, которыя можно только разрубить. Минута настала...

Написалъ письмо къ Кр—у, желчное и умное, но софистическое во всякомъ случаѣ. Я знаю самъ, что я не правъ.

— Завтра я иду къ Стр...[1]) — сказалъ я Фету.

— Зачѣмъ?

— Проситься въ Сибирь.

Онъ не повѣрилъ.

Хочу молиться, въ первый разъ этотъ годъ. Есть вѣчное Провидѣніе, и я хочу узнать его волю.

XXXIX.

Я оставленъ самому себѣ... Впередъ же, впередъ!..

XL.

Разговоръ съ Стр. былъ глупъ, потому что я не хотѣлъ быть откровененъ. Но дѣло идетъ. Отъ него я поѣхалъ къ An—e[2])... Она была поражена моимъ намѣреніемъ и, между тѣмъ, почти сквозь судорожный смѣхъ, сказала мнѣ: „C'est pour la premiere foi, que vous êtes homme“. Оба мы были спокойны и холодны, но я знаю, чего стоитъ ей это спокойствіе. При прощаньи я пожалъ ея руку, и мнѣ — эгоисту — было какъ-то странно это пожатіе. Къ чему таиться? Мнѣ было весело, что эта душа вполнѣ принадлежитъ мнѣ, что она страдаетъ моими страданіями.

Цѣлый вечеръ мы говорили съ Фетомъ... Онъ былъ разстроенъ до того, что все происшедшее казалось ему сномъ, хотя видѣлъ всю роковую неизбѣжность этаго происшедшаго.

— Чортъ тебя знаетъ, что ты такое... Судьба видимо и явно хотѣла сдѣлать изъ тебя что-то...

— Да не додѣлала. Это я всегда подозрѣвалъ, душа моя...

Мы говорили о прошедшемъ... Онъ былъ разстроенъ, видимо...

Да, есть связи на жизнь и смерть. За минуту участія

---

[1]) Графу С. Г. Строганову, попечителю московскаго учебнаго округа.

[2]) Аннѣ Петровнѣ Меркуловой, дочери сенатора.

женственнаго этой мужески-благородной, этой гордой души, за нѣсколько рѣдкихъ вечеровъ, когда мы оба бывали настроены одинаково, я благодарю Провидѣніе больше, въ тысячу разъ больше, чѣмъ за всю мою жизнь.

Ему хотѣлось скрыть отъ меня слезу, но я ее видѣлъ.

Мы квиты — мы равны. Я и онъ — мы можемъ смѣло и гордо сознаться сами въ себѣ, что никогда родные братья не любили такъ другъ друга. Если я спасъ [1]) его для жизни и искусства, онъ спасъ меня еще болѣе, для великой вѣры въ душу человѣка.

О да! есть она, есть эта великая вѣра, наперекоръ попамъ и филистерамъ, наперекоръ духовному деспотизму и земной пошлости, наперекоръ . . . . . . догмату паденія. Человѣкъ палъ... но вы смѣетесь, божественные титаны, великіе богоборцы, вы смѣетесь презрительно, вы гордо подымаете пораженное громами рока, но благородно-высокое чело, вы напрягаете могущественную грудь подъ клювомъ подлаго раба Зевеса. Ибо знаете вы, что не воля Зевеса, но воля вѣчнаго, величаво спокойнаго рока судила вамъ бороться и страдать, какъ она судила Зевесу править недостойными рабами, какъ она судила безпредѣльному морю тщетно стремиться сокрушить ничтожныя плотины земли... Но рванулось же море когда-то, но [и?] поглотило оно землю своей безпредѣльностью, но безъ брата-огня не могло оно уничтожить своего врага.. Горы-Боги скрыли этотъ огонь, и потомъ, когда великій Титанъ низвелъ его на землю, приковали къ скалѣ великаго Титана...

— Боритесь же, боритесь, лучезарные — и гордо отженните отъ себя надежду и награду!..

XLI.

Въ Сибирь нельзя будетъ уѣхать тайно. Только что пришелъ нынче въ канцелярію военнаго генералъ-губернатора, какъ встрѣтилъ тамъ одного знакомаго моего отца, и вообще это требуетъ предварительныхъ сношеній. Но развѣ это въ силахъ остановить меня? Вздоръ! если нельзя въ Сибирь черезъ Москву, то можно черезъ Петербургъ [2]), взявши туда отпускъ.

---

1) Григорьевъ намекаетъ здѣсь на ту любовную исторію, которая имъ была описана въ разсказѣ „Офелія", а Фетомъ въ поэмѣ „Студентъ".

2) Пріѣхавъ въ Петербургъ, Григорьевъ, дѣйствительно, пытался тронуться въ Сибирь, но черезъ нѣкоторое время оставилъ это намѣреніе.

Что бы ни было, а минута развязки пришла. Глупо я сдѣлалъ, что сказалъ о планѣ ѣхать въ Сибирь Ч—у и Назимову...[1]) Но все можно поправить. Надобно лгать, лгать и лгать.

— Да кой чортъ съ вами дѣлается? — сказалъ мнѣ Хмѣльницкій. — Вы съ ума сошли...

XLII.

Отецъ уѣхалъ къ сенатору...[2]) Я сидѣлъ съ матерью и говорилъ преспокойно о будущемъ, о моемъ желаніи остаться всегда при нихъ... „А тамъ, Богъ дастъ, и женишься, — возьмешь богатую невѣсту. Что жъ Менщиковъ-то? Развѣ лучше тебя?"

А наверху Фетъ и Хмѣльницкій разсматривали мои вещи, думая, какъ бы повыгоднѣй заложить ихъ.

Пріѣхалъ отецъ, и начался обыкновенный разсказъ объ сенаторѣ; я вторилъ его словамъ по обыкновенію, спокойно, точно такъ же, какъ всегда, полулежа въ креслахъ...

Пробило 10. — Казенный часъ.

— Полуночникъ-то, чай, просидитъ у васъ до полночи? — сказала мать, которая особенно какъ-то не расположена къ Хмѣльницкому.

— И что сидитъ? — отвѣчалъ я, — хоть бы дѣло говорилъ-то... Покойной ночи!

— Христосъ съ тобой!

Я взошелъ наверхъ, и мы трое говорили объ отъѣздѣ. Кажется, все уладимъ. Главное дѣло — отпускъ.

XLIII.

Назимову сказалъ, что отецъ отпускаетъ меня въ Петербургъ и даетъ 1000 рублей на дорогу. Отпускъ написали, и я тотчасъ же повезъ его къ ректору. Я ждалъ его долго, до 4 часовъ. Когда онъ пріѣхалъ, я сперва подалъ ему бумаги къ подписанію, потомъ положилъ мой отпускъ.

Онъ, казалось, не удивился нисколько! Что жъ такъ не надолго? Только на 14 дней?

---

[1]) Михаилу Леонтьевичу, правителю дѣлъ канцеляріи московскаго учебнаго округа.

[2]) Петру Кирилловичу Меркулову, Сенатору Седьмого (московскаго) департамента правительствующаго сената.

— Оттуда буду просить отсрочки, ваше пр-во.

Онъ подписалъ.

— Теперь, В. П., позвольте поблагодарить васъ за вашу благородную снисходительность, за ваше вниманіе ко мнѣ.

— Что это значитъ?

Я объяснилъ ему настоящую цѣль моего отпуска, взявши съ него честное слово, никому не говорить объ этомъ.

Онъ уговаривалъ меня остаться, увѣрялъ, что все перемелется.

Нынче пятница. Въ субботу Кр—ъ не бываетъ въ университетѣ — слѣдственно, мои не узнаютъ ничего.

Крыл... подошелъ нынче къ моему столу и подалъ руку съ какимъ-то смущеніемъ. Я отвѣчалъ ему самымъ дружескимъ и искреннимъ пожатіемъ. „Экая горячка какая!" — сказалъ онъ мнѣ тихо... „Съ нами, Н. И., сбывается, кажется, всегда, что amantium irae amoris renovatio"... Что жъ вечеркомъ-то именно? — Вашъ гость.

Прежде зайду къ тѣмъ, въ послѣдній разъ... Но избави меня Боже отъ поползновенія даже на какую бы то ни было драматическую сцену.

XLIV.

Тамъ засталъ я К-вна и потому невольно былъ молчаливъ и скученъ. „У! какой злой сегодня, говорила мнѣ Софья Григорьевна, — какой злой, какой старый!" И въ самомъ дѣлѣ, я и К-в-нъ были такими противоположностями въ эту минуту. Онъ живой, умный, румяный, полный назначенія и надеждъ, сидѣлъ прямо противъ Антонины Федоровны и говорилъ безъ устали. Я сидѣлъ у окна подлѣ матери и курилъ сигару, изрѣдка вмѣшиваясь въ разговоръ; моя блѣдная, исковерканная физіономія казалась еще блѣднѣе. Къ чему-то Антонина обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: „А помните, какъ мы гуляли въ Покр-мъ [1])?"... Какъ же съ! — отвѣчалъ я такъ равнодушно, — что за это равнодушіе готовъ былъ уважать себя.

Мы поднялись вмѣстѣ.

— Au revoir, mesdames, — сказалъ я имъ.. Adieu, m-lle, — обратился я къ ней.

И какъ подумаешь, что, можетъ быть, навѣкъ.

На дорогѣ къ Кр—у мы успѣли переговорить съ К-в-мъ. Нѣтъ! къ чорту письмо и къ чорту всякую драму.

---

[1]) Подмосковномъ Покровскомъ.

XLV.

Завтра день моего отъѣзда.

Зах--въ, узнавши о моемъ отпускѣ, — сказалъ мнѣ: а вѣдь я знаю, зачѣмъ вы ѣдете? Чтобъ поправить отчетъ? А? не такъ ли?.. И, самъ радъ своей догадливости, онъ съ видомъ хитрости смотрѣлъ на меня.

— Поѣдемъ нынче къ Петру Кирилловичу! — сказалъ мнѣ отецъ.

— Сдѣлайте одолженіе!

Мы были тамъ. Я былъ въ этотъ вечеръ до nec plus ultra любезенъ. Мы долго сидѣли съ Анной Петровной одни и говорили о Ж. Зандъ; но какъ ни наводилъ я разговоръ на мою любимую тему, она не поддавалась... Наконецъ я просто, хотя другими словами, — сказалъ ей, — что она — пуста и пуста потому, что аристократка. Mais que voulez vous donc, que je suis? je chasse loin de moi toutes ces questions. Съ этого пункта я началъ проповѣдывать. Она слушала меня задумчиво, не поднимая глазъ... Si on nous entendait — on nous maudirait, — прошептала она. „Par bonheur on ne nous entendra pas, faute de comprendre“. Потомъ она пѣла мнѣ чудные звуки Монтеки и Капулетти.

XLVI.

Утро — со мной лихорадка. Въ пять часовъ меня не будетъ въ Москвѣ. Написалъ письмо къ Аннѣ Петровнѣ, съ которымъ послалъ „Обермана[1])“.

Я доволенъ собою.

---

[1]) Романъ Сенанкура. Въ 1842 г., онъ вышелъ 3-мъ изданіемъ съ предисловіемъ Ж. Зандъ. „Книга эта, говоритъ А. Д. Галаховъ въ своихъ воспоминаніяхъ о П. Н. Кудрявцевѣ („Русск. Старина“ 1885, январь, стр. 65), читалась нами съ жаднымъ любопытствомъ и воспріимчивостью. Чѣмъ же именно понравилась намъ она? Тѣмъ, что „Оберманнъ“ есть типъ печальныхъ страдающихъ душъ начала XIX вѣка, типъ человѣческой немощи и оцѣпенѣнія передъ лицомъ безконечной природы... Желаніе объять необъятное и невозможность исполнить желаніе породили въ немъ сознаніе человѣческой ничтожности, горькое разочарованіе, суровую меланхолію, скуку... Послѣдняя была отличительною болѣзнью не одного Обермана, но и всѣхъ мыслящихъ его современниковъ, и потому книга, о которой идетъ рѣчь, принадлежала къ самымъ истиннымъ твореніямъ эпохи и могла назваться вѣрнымъ зеркаломъ, въ которомъ многіе узнавали себя“.

Чуть не измѣнилъ себѣ, прощаясь съ стариками; но все кончено — передо мною мелькаютъ лѣсъ, да небо... Теперь 9 часовъ. Домашняя драма уже развертывается.

Fatum опутало меня сѣтями — fatum разрубило ихъ.

Vorwärts!

Письмо къ отцу.

(Александру Ивановичу Григорьеву).

„Дражайшій папенька!

Свиданіе съ добрымъ Ксенофонтомъ Тимофеичемъ, который привезъ мнѣ вѣсти о Васъ и отъ Васъ, убѣдило меня въ той крайне грустной истинѣ, что Вы не хотите понять меня, не хотите потому, что не рѣшаетесь выслушать меня серьезно, что слишкомъ легко смотрите на многое, что я уже нѣсколько разъ Вамъ высказывалъ. Простите меня... но это такъ!

Ксенофонтъ Тимофеичь, какъ и Вы же, вовсе не способенъ къ наставительной роли, но между тѣмъ изъ немногихъ его словъ я могъ заключить, что Вы меня любите попрежнему — и между тѣмъ обвиняете.

Не оправдывать себя я хочу, ибо, право, я самъ сознаю вполнѣ, что виноватъ передъ Вами, — но ради Бога выслушайте же меня серьезнѣе:

1) Связь моя съ Милановскимъ дѣйствительно слишкомъ много повредила мнѣ въ матеріальномъ отношеніи, но вовсе уже не была же такъ чудовищна, какъ благовѣститъ объ этомъ Москва на основаніи словъ Калайдовича[1]) и тому подобныхъ господъ. Лучшее доказательство — что многіе и слишкомъ даже многіе порядочные люди состоятъ со мною въ отношеніяхъ вполнѣ дружественныхъ. Москва, какъ это мнѣ извѣстно изъ однаго письма Погодина, разсказывала, что я — пью горькую и что у меня — раны на головѣ, а между тѣмъ — я здоровъ и живъ и трезвъ по обыкновенію. Тяжело мнѣ расплачиваться за эту связь только матеріально, ибо, какъ я писалъ Вамъ съ Дмитріемъ Калошинымъ, — я взялъ на себя (давно еще) долгъ этаго мерзавца. Но — Богъ милостивъ, авось, я стрясу съ шеи печальныя послѣдствія неосторожной довѣрчивости. Одно, за что я обвиняю себя вполнѣ, это то, что Вы уѣхали не простясь со мною, но, во-

[1]) Николая Константиновича, сына извѣстнаго археолога. Григорьевъ вывелъ его, въ отместку, подъ именемъ Кобыловича въ своей драмѣ „Два эгоизма".

первыхъ вспомните мое фанатическое тогдашнее ослѣпленіе, а, во-вторыхъ, я отъ души просилъ Васъ простить меня за это. Дѣло то въ томъ, что запутанный этимъ гнуснымъ человѣкомъ, я не могъ тогда поступить иначе. Связь же моя съ нимъ и ослѣпленіе зависѣли слишкомъ много отъ моей болѣзненной разстроенности. Ксенофонтъ Тимофеичъ узналъ меня вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, и онъ можетъ засвидѣтельствовать, что мое нравственное состояніе было слишкомъ грустно. Да и Вы сами, немного посерьезнѣе взглянувши на мой несчастный характеръ, поймете, что я черезчуръ способенъ къ отчаянію, не только ужъ къ тоскѣ и хандрѣ: тосковать и хандрить я началъ, право, чуть ли не съ 14 лѣтъ. Вы скажете, можетъ быть, что это — блажь; положимъ, но во всякомъ случаѣ это болѣзнь. Я уѣхалъ... т. е., я хотѣлъ сказать, бѣжалъ изъ Москвы ужъ, конечно, не отъ долговъ, которые все-таки не превышали годоваго оклада моего жалованья и не отъ разстройства служебныхъ дѣлъ, которое было бы очень легко поправить: нѣтъ! здѣсь были другія причины, разумѣется — и вотъ онѣ: 1) Мнѣ стало несносно — простите за прямоту и наготу выраженій — мнѣ стало несносно жить ребенкомъ (вспомните только утреннія головочесанія, посыланія за мною по вечерамъ къ Крыловымъ Ванекъ, Ивановъ и сцены за лишній высиженный часъ), мнѣ стало гадко притворствовать передъ разнымъ людомъ и увѣрять, что я занимаюсь разными правами, когда пишу стихи, мнѣ стало постыдно, выносить чьи бы то ни было наставленія. Все терзало меня, все — даже Вы, даже Вы, котораго мнѣ такъ жарко хотѣлось любить. Мнѣ не забыть одной, повидимому, мелочной сцены: ко мнѣ пришелъ Кавелинъ, человѣкъ, съ которымъ я хотѣлъ быть по крайней мѣрѣ — равнымъ; мы сошли съ нимъ въ залу—Вы вышли и стали благодарить его за знакомство со мною, о Господи! вѣрите ли Вы, что и теперь даже, при воспоминаніи объ этомъ, мнѣ дѣлается тяжело; спросите у Дяди, какое впечатлѣніе это на меня сдѣлало. Ясно, что это происходило отъ любви Вашей ко мнѣ, но зачѣмъ же Вы не щадили моей раздражительной гордости? 2) Любопытно бы мнѣ знать тоже, какъ Вы смотрѣли и смотрите на мою страсть къ А—ѣ Коршъ, на мою первую и, можетъ быть, единственную страсть? И я, и она, мы оба были равны лѣтами, общественнымъ положеніемъ, даже состояніемъ: столько же, какъ и какой-нибудь Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ, имѣлъ бы я право на-

дѣяться. А у меня не было надеждъ; ребенокъ, которому чесали голову — я, однако, былъ столько благороденъ, чтобы отречься отъ всякихъ надеждъ. Да и на что мнѣ было надѣяться? Кавелинъ, правда, не былъ выше меня ни положеніемъ, ни даже состояніемъ, но онъ былъ почти свободенъ — а я?.. Вы не виноваты въ этомъ: виновата судьба, но тѣмъ не менѣе мои лучшія, мои благороднѣйшія впечатлѣнія были отравлены... И что же вышло изъ этого? Хотя бы въ жертву Вашему счастью могъ я принести свое счастье! но могъ ли я? посудите сами. Я блѣднѣлъ и худѣлъ ежеминутно, я, какъ сумасшедшій, метался по постели, возвращаясь оттуда при мысли, что она будетъ женою другаго... но я бы скорѣе вырвалъ себѣ языкъ, чѣмъ позволилъ бы себѣ сказать хоть одно слово ей, хоть одно слово Вамъ... Боже мой! и теперь, когда я пишу къ Вамъ это письмо, когда я поднимаю со дна души всю осѣвшую давно желчь, и теперь плачу, какъ ребенокъ. Скверно, смѣшно, а это такъ, и пусть мой ропотъ — горькое проклятіе на такъ называемое, Провидѣніе, я не боюсь гнѣва этого Провидѣнія, я ему не молюсь, я его проклинаю, потому что оно ровно ничего для меня не сдѣлало. Простите меня, можетъ быть я оскорбляю Васъ этимъ Богохульствомъ, но дайте мнѣ хоть одинъ разъ говорить съ Вами, какъ съ человѣкомъ. Душа моя больна, больна до сихъ поръ... ни въ безумствахъ разврата, ни въ любви женщинъ, которыхъ я напрасно пытался любить, мнѣ не удалось найти забвенія... И Вы, будете ли Вы въ состояніи, какъ человѣкъ, какъ отецъ, винить за этотъ развратъ?.. Человѣку, у котораго отравлена жизнь, остается только ловить минуты. Что мнѣ въ моемъ будущемъ, въ моей извѣстности, въ моей, можетъ быть, будущей славѣ?.. Не знаю — любила ли меня эта женщина, говорю искренно, не знаю, ибо я слишкомъ глубоко и свято любилъ ее, чтобъ говорить о своей любви... но если я живу до сихъ поръ, если изъ меня что-нибудь будетъ, виною этому мысль о ней. Для нея — я хотѣлъ быть выше многихъ и равнымъ со всѣми. Этой цѣли я достигаю. Голова ея мужа склоняется передъ многими, — моя голова ни передъ кѣмъ не преклоняется.

Страшнымъ безумствомъ покажутся Вамъ эти строки, но они пояснятъ Вамъ, отъ чего я бѣжалъ изъ Москвы и отъ чего я не могу пріѣхать въ Москву. Да не будутъ онѣ Вамъ упрекомъ — нѣтъ: Вы меня любили, за что же я буду упре-

кать Васъ? нѣтъ, пусть онѣ заставятъ Васъ только пожалѣть немного о Вашемъ бѣдномъ сынѣ, лишенномъ даже возможности вѣрить во что-нибудь.

Да и во что вѣрить?.. О! если бы я могъ возвратить вѣру въ Васъ, если бы Вы могли возвратить вѣру въ меня... Но долго, долго ждать этаго возврата — надо мною отяготѣли слѣдствія моихъ неосторожныхъ глупостей и когда-то еще я отстраню эти слѣдствія? въ душѣ — жажда привязанности, жажда спасенія, а кругомъ все такъ пусто и, съ позволенія сказать, подло. Да — подло! Я, напримѣръ, имѣлъ пошлую глупость привязаться къ старому дураку Варламову[1]) и еще горшую глупость отказаться отъ весьма здороваго и дешеваго удовольствія и за это меня сдѣлали извергомъ, чуть не каторжникомъ, и разные добрые люди, въ родѣ Межевича[2]), при явной невозможности повѣрить даже сплетнямъ, отъ меня отступились. Фуй! какъ же, какъ не подлостью, прикажете называть эти вещи?

А Вы, которому я хотѣлъ бы въ замѣну Бога, передавать все, Вы такъ же смѣялись надъ моимъ рыцарствомъ.

Все это, со включеніемъ того, что вещи, достающіяся потомъ и кровью, нужно иногда продавать за 10 цѣлковыхъ, — удивительно весело и удивительно способно наполнить душу вѣрою!.. Я одинъ, совершенно одинъ, ибо не могу же я считать привязанностями привычку видѣться со многими порядочными и благородными людьми: съ какою бы радостью полетѣлъ бы я теперь къ Вамъ съ тѣмъ, чтобы посвятить Вамъ однимъ мою жизнь... но это невозможно. Въ Москвѣ ждетъ меня одно униженіе — лучше самоубійство, чѣмъ униженіе въ глазахъ единственной женщины, которую любилъ я искренно... О, поймите это — и простите меня.

Я хотѣлъ оставить Петербургъ, потому что былъ взбѣшенъ подлостью всего меня окружающаго, но это не сбылось — и прекрасно! Я нашелъ кругъ людей, равныхъ себѣ,

---

[1]) Александру Егоровичу, композитору. Время этой дружбы относится, повидимому, къ 1845 году, когда Григорьевымъ были написаны и посвящены Варламову два стихотворенія: „А. Е. Варламову“ и „Звуки“. Впослѣдствіи, въ началѣ 1860-хъ гг. (въ первомъ томѣ сочиненій Варламова — изданіе Стелловскаго) Григорьевъ напечаталъ біографію этого музыканта.

[2]) Василія Степановича, редактора „Репертуара и Пантеона“ и „Полицейской Газеты“. Въ 1845 г. осенью Григорьевъ жилъ у него на квартирѣ.

немного холодныхъ, можетъ быть, но независимыхъ и свободныхъ, какъ я. Пусть нѣтъ у меня въ тяжелыя минуты жизни ни одного сердца, которому мнѣ не стыдно было бы высказаться — видно ужъ суждено пить эту чашу одинокой, безрадостной жизни.

Простите же меня, папенька, — и лучше пожалѣйте обо мнѣ, ибо только Вашего сожалѣнія не буду я стыдиться. Вѣрьте, что тяжелъ, иногда не по плечамъ тяжелъ крестъ моей жизни.

Цѣлую руки Ваши и руки маменьки — благословите меня!

1846 года.
Іюля 23.

* * *

Пѣтуховъ монотонно пѣнье
Въ этотъ пасмурный, тусклый день;
Монотонно вѣтвей движенье,
И онѣ не бросаютъ тѣнь.

Надъ давно отцвѣтшей сиренью
Мотыльки пролетаютъ, какъ сны,
Все окутано блѣдною лѣнью
И не помнитъ умершей весны.

Магдалина Вериго.

ЕЯ ДУША.

Я Золушка, Золушка — мнѣ грустно!
Проситъ нищій, и нечего подать...
М. Моравская.

I.

Узкій и темный коридоръ, въ концѣ котораго — его комната; хозяйка сказала: „Пройдите и постучите въ дверь, кажется, онъ дома“. Лиля прошла и дернула за ручку, невидную въ темнотѣ, безпокойно звякнувшую.

— Пожалуйста!

Лиля вошла; такъ вотъ эта комната, гдѣ онъ живетъ, и этотъ потолокъ, и эти стѣны въ англійскихъ гравюрахъ, маленькій письменный столъ въ простѣнкѣ между двумя большими шестистворчатыми окнами... Но какъ странно, что она подумала сначала о его комнатѣ, и только потомъ уже о хозяинѣ. Родзевичъ сидѣлъ за столомъ, обернувъ свою маленькую и тщательно расчесанную голову къ двери; узнавъ Лилю, онъ быстро всталъ, хотѣлъ было пойти навстрѣчу, но остановился у стула, обнявъ его спинку сзади руками.

Лиля увидѣла его тонкое, худое лицо, сейчасъ обезпокоенное, и свѣтлые его глаза подъ расчесанными щеточкой бровями.

— Ольга Александровна! — сказалъ Родзевичъ, испуганно поднявъ брови.

Лиля остановилась въ дверяхъ, пряча въ муфтѣ руки; сердце у нея усиленно забилось, и одно время она боялась, что отъ глупаго волненія она уже ничего не сможетъ ему сказать. Но пересиливъ себя, она громко проговорила.

— Здравствуйте, Павелъ Дмитріевичъ. Я хочу, чтобы вы вернули мнѣ мои письма; я принесла вамъ ваши, вотъ они.

Доставъ изъ муфты, она протянула ему большой и туго набитый письмами конвертъ, который дрожалъ теперьвмѣстѣ

съ тонкими ея пальцами, обтянутыми лайкой перчатки. Родзевичъ растерянно взялъ письма.

— Присядьте же. Снимите пальто.

— Это зачѣмъ? — спросила Лиля холодно, нагибая голову съ такимъ расчетомъ, чтобы широкіе края шляпы закрыли Родзевича отъ ея глазъ. — Я пришла не одна, на лѣстницѣ ждетъ меня братъ. Пожалуйста, верните мнѣ письма.

Покраснѣвъ, Родзевичъ смотрѣлъ на ея шляпу, туда, гдѣ должны быть ея спрятанные глаза, потомъ онъ поглядѣлъ на широкое, ложившееся складками темное пальто, на свѣтлыя желтыя ботинки въ новенькихъ калошахъ.

— Конечно, вы правы, — тихо молвилъ онъ и криво, не пріязненно улыбнулся. — Но я думаю, Лиля, что вы не считаете меня за... недобросовѣстнаго человѣка. Я надѣюсь, Лиля, что вы оставите мнѣ письма на память.

Она рѣзко подняла голову.

— Никогда! Меня удивляетъ, Павелъ Дмитріевичъ, что вы называете меня Лилей.

Родзевичъ поклонился, извиняясь, подошелъ къ столу и открылъ правый ящикъ. Стоя за его спиной, глядя на его узкія, немного покатыя плечи, Лиля подумала, какъ она хорошо ведетъ съ нимъ разговоръ. Родзевичъ, волнуясь, неловко рылся въ столѣ; Лиля опять оглядѣла его комнату. Какъ это странно и больно — всего два дня назадъ она могла бы придти сюда еще желанной и любимой, дать ему свою шляпку и пальто, позволить снять маленькія калоши и цѣловать руки... всего два дня назадъ!

— Вотъ ваши письма, Ольга Александровна. Здѣсь всѣ, отъ перваго до послѣдняго.

Онъ протянулъ ей пачку, аккуратно перевязанную; отъ писемъ шелъ еще сладкій ароматъ любимыхъ Лилиныхъ духовъ. Она взяла письма и порывисто спрятала ихъ въ муфту.

— Муфта у васъ мокрая, — сказалъ онъ ненужно, сложивъ руки любимымъ ею жестомъ. — На улицѣ, кажется, дождь.

— Да, и туманъ. Прощайте.

Лиля медленно повернулась; вдругъ закружилась ея голова, и стало казаться, что дверь то отходитъ вглубь, то вновь приближается, и Лилѣ трудно отсюда выйти. „Нужно выйти скорѣй, — подумала она съ усиліемъ, — и уже тамъ... на

улицѣ... все равно". Опершись рукою о косякъ двери, она остановилась, боясь, что оглянется, и чувствуя сзади растерянный и все-таки жаркій его взглядъ. Прямо передъ лицомъ ея была гладкая, немного блестящая доска двери — она нажала на нее ладонью, и дверь скрипнула.

Родзевичъ сказалъ едва слышно:

— Лиля, не вините меня... я не могъ.

— Ахъ, все равно! — почти вскрикнула дѣвушка и стремительно вышла въ коридоръ, съ шумомъ прикрывъ за собою дверь. У нея упало сердце, точно оторвалось въ груди, и съ нимъ ушли всѣ ея ощущенія и силы, оставивъ ея тѣло безпомощнымъ и слабымъ. По стѣнкѣ дошла она до прихожей, разбросавъ на пути чьи-то тяжелыя калоши, нащупала руками шубы на вѣшалкахъ, потомъ выходную дверь и французскій замокъ на ней; онъ долго не отмыкался, и она до боли въ пальцахъ сжимала его гладкую головку. Чужой голосъ за спиной ея сказалъ: „Позвольте, барышня, не такъ". И кто-то выпустилъ ее на лѣстницу.

Все кончено... Ну, и пусть, всегда лучше, когда нѣтъ дорогъ къ прошлому. Она несчастливая! Въ этомъ никто не виноватъ, и онъ тоже не виноватъ, если на его пути встрѣтилась лучшая женщина.

Лиля спускалась со ступеньки на ступеньку, рука ея въ перчаткѣ гладко скользила по периламъ. На каждой площадкѣ она останавливалась. Вотъ ей совсѣмъ не хочется плакать, ей даже почти не тяжело, только пусто, и всѣ кругомъ кажутся мертвыми: и швейцаръ, лѣниво отворяющій стеклянную дверь, и уличная толпа — какъ будто идетъ она одна живая, а кругомъ все мертво, все движется автоматично. Или, можетъ быть, это Лиля мертвая?

Скользкій, туманный день растекался по мутнымъ улицамъ, въ воздухѣ пахло сыростью каналовъ и набухшими торцами. Лиля пошла по мокрому асфальту, поднявъ къ лицу пушистую свою муфту. Мелкій холодный дождь цѣловалъ ея щеки черезъ вуаль. Прогремѣлъ, хлеща по торцамъ шинами, громоздкій автомобиль, нагруженный мѣшками подъ рогожей, далеко разбрасывая изъ-подъ колесъ грязь... Лиля пошла по привычкѣ улицами, ведущими къ дому, но остановилась, подумавъ, что мать будетъ ее разспрашивать, и жалѣть, и бранить Родзевича, а потомъ начнетъ укорять Лилю за то, что она одна рѣшилась пойти къ холостому человѣку на квартиру, и все кончится ссорой, крикомъ, заплаканными

мамиными глазами и колючей болью въ сердцѣ. Такая мука! Лиля не пойдетъ домой: съ тѣхъ поръ, какъ это случилось, домъ ей враждебенъ и непереносимъ. Даже Паша, нѣжный горбатенькій братъ ея Паша, не можетъ ее успокоить. Куда же пойти Лилѣ въ такомъ холодномъ городѣ, гдѣ улицы мрачны, гдѣ заплаканы мостовыя и ни одного привѣтливаго лица не встрѣтишь въ толпѣ? У нея нѣтъ ни подругъ, ни друзей; съ тѣхъ поръ, какъ это случилось, Лиля всѣхъ растеряла...

Но было нестерпимо холодно, изъ переулковъ рѣзко дулъ колючій вѣтеръ, нагоняя на лужи холодную рябь и подсвистывая въ водосточныхъ трубахъ. Ноги у Лили закоченѣли. Тогда она, въ тѣснотѣ и давкѣ, вошла въ трамвай и остановилась въ проходѣ, держась рукою за ременный порученъ. По дребезжащимъ стекламъ ползли дождевыя струйки; Лиля машинально стала читать афиши о какомъ-то благотворительномъ концертѣ съ участіемъ Каракаша, плакаты военнаго займа. Неожиданно сзади окликнулъ ее мягкій мужской голосъ:

— Ольга Александровна, здравствуйте!

Вздрогнувъ, Лиля обернулась: розовое немного полное лицо улыбалось ей, голубые глаза выжидательно на нее смотрѣли.

— Ахъ, это вы, Викентій Васильевичъ!.. Какъ странно, что мы встрѣтились.

Викентій Васильевичъ поправилъ студенческую свою фуражку и, слегка смущенный, сталъ раскручивать закрутившійся у него на пальцѣ небольшой свертокъ. Русыя брови его сдвинулись, въ то время какъ губы не переставали улыбаться.

— Ольга Александровна, — сказалъ онъ серьезнымъ шопотомъ, — позвольте мнѣ придти къ вамъ. Мнѣ это такъ же нужно, какъ хлѣбъ.

Лиля усмѣхнулась.

— Конечно, приходите. Но почему такой трагическій тонъ?

— Вы знаете, почему.

Внезапно сталъ Викентій Васильевичъ Лилѣ непріятенъ. Стоя къ нему спиной, она съ необычайной ясностью представила себѣ розовое его лицо и свѣтлые стыдящіеся глаза, не умѣющіе смотрѣть прямо, и краску на щекахъ его, проступавшую ежеминутно. „Какъ бы ему сказать, — подумала она, — что ни одинъ кусочекъ моего сердца не близокъ ему?“

Они заговорили на обычныя темы: о Думѣ, о войнѣ, о Сѣверянинѣ.

— Ахъ, мнѣ выходить пора!

Лиля пожала его широкую ладонь и вышла изъ трамвая. И вдругъ испугалась — не выронила ли письма свои? Но письма лежали въ ея муфтѣ, прикрытыя носовымъ платкомъ; тогда показалось Лилѣ, что муфта тяжела и оттягиваетъ ей руки.

„Не думать, не смѣть думать о немъ!“ — мысленно сказала Лиля, нахмурившись. Но внезапная слабость охватила ее, и она прислонилась къ чугуну облизаннаго туманомъ и сыростью фонаря, и холодъ ужалилъ ея руку черезъ лайку перчатки. „Мнѣ же легко, мнѣ не тяжело совсѣмъ! Я уже не умѣю страдать такъ, какъ страдала, когда умеръ Бокша. У меня теперь безчувственная и холодная душа... Я же смѣюсь, смѣюсь“...

Лиля, дѣйствительно, засмѣялась. Но смѣхъ былъ захлебывающійся, и отъ него дрожали нервы, какъ натянутыя струнки. Она испугалась — не истерика ли?.. „Молчи, молчи! — сказала она себѣ, — молчи, молчи, Лиля. Ты не смѣешь, не смѣешь плакать. Ну, вспомни лучше о Викентіи, какой онъ смѣшной“...

Она подумала о Викентіи, какой онъ смѣшной, а онъ всталъ передъ ея глазами тихій и немного жалкій, влюбленный... „Богъ, Ты жестокій... Зачѣмъ мнѣ любовь Викентія, когда его любовь прошла уже? Какъ дымъ отъ паровоза: сначала густой-густой, а чѣмъ выше, то все прозрачнѣй и рѣже — пропалъ, растаялъ въ воздухѣ подъ облаками... Не смѣй плакать, Лиля, не смѣй!“

II.

Милица Петровна, вернувшись со службы, пообѣдала, взяла газету, большіе свои старушечьи очки и сѣла въ столовой на мягкую и удобную кушетку. Ангорскій котъ, выгибая спину и соря по обивкѣ длинными своими выпадающими волосинками, прошелся по спинкѣ кушетки и, дойдя до Милицы Петровны, сталъ тереться мордочкой о ея щеку. „Не мѣшай“, — сказала ему Милица Петровна, разворачивая газетный листъ, а сама все-таки погладила его между ушей, почесала пальцемъ подъ шейкой и подъ свисающими его барственными бакенбардами. Но читать она не могла — слезились и болѣли глаза. Сумерки наполнили уже комнату,

въ сосѣднемъ домѣ, черезъ улицу, зажгли электричество, и свѣтъ отъ противоположныхъ оконъ перекидывался на бѣлые подоконники, заставленные горшками глициній. Въ такіе сумеречные часы любила Милица Петровна окинуть внутреннимъ взоромъ прожитые годы свои и начертать въ мечтахъ грядущую судьбу дѣтей.

Съ тѣхъ поръ, какъ сошелъ въ могилу ея супругъ, познала Милица Петровна тяготу и трудность необезпеченной жизни. Нужно было прокормить и одѣть Лилю, горбатаго Павла и свое некрѣпкое уже тѣло. Заработка въ частной библіотекѣ хватало какъ разъ настолько, чтобы жить имъ троимъ безъ лишеній, но всегда неотступно стояла передъ нею мысль: что станется съ дѣтьми, если силы ей внезапно измѣнятъ?

О Пашѣ можно было еще не думать: все-таки мужчина, и есть у него свое собственное счастье, радость своя — онъ пишетъ стихи. Изрѣдка печатаютъ ихъ разные журналы, и тогда Паша приноситъ домой то пять рублей, то десять, а иногда и больше. Но Богъ съ ними, со стихами, странные они у него, и читаетъ ихъ онъ тоже странно, нараспѣвъ, какъ деревенскій дьячокъ — псалтырь. Только глаза его начинаютъ свѣтиться, когда, неотрывно глядя въ огонь лампы, или на карнизъ, или себѣ подъ ноги, начинаетъ онъ пѣвуче и монотонно:

Грядущій день томящъ и горекъ
Какъ горько душное вчера.
Красавицы и вѣера
Не для тебя, унылый Іорикъ!
Разочарованные годы
Стальное время унесетъ.
Но только циникъ не пойметъ,
Зачѣмъ души я не распродалъ.

Но Лиля — больное мѣсто у Милицы Петровны. Лилѣ двадцать лѣтъ, а она уже стара сердцемъ, у нея есть свое прошлое, поранившее нѣжную ея дѣвичью душу; съ тѣхъ поръ, какъ умеръ женихъ ея Бокша, дѣвушка изломана, раздражительна и скрытна. Но что страшнѣй всего, Лиля мать считаетъ за врага. А не сама ли она разсказала матери о новомъ своемъ увлеченіи? Не сама ли плакала на ея груди, разсказывая, какъ холоденъ Родзевичъ, какая эгоистичная у него и своевольная любовь?.. Да, это мать ходила къ Родзевичу и, унижаясь, горя на старости лѣтъ своихъ подъ холодными его глазами, просила Родзевича не играть ея дочерью;

Вошелъ въ столовую Паша, откинулъ гардины и сталъ меланхолично выстукивать по стеклу,

— Павелъ, а гдѣ же Лиля?

— Не знаю, — отвѣтилъ Павелъ съ тоской.

Милица Петровна посмотрѣла на темнѣющую въ окнѣ его фигуру, прислушалась къ унылому его голосу.

— Ты что?

Онъ не отвѣтилъ. Подъ окнами, гремя, тяжело тянулись ломовики. Стекла, посуда въ буфетѣ звенѣли.

Перекосивъ блѣдное некрасивое лицо, Павелъ сказалъ жестко, словно радуясь своей грубости:

— Не вѣрю я въ твою материнскую любовь. Мать, мать... Какая ты мать, если такъ мучишь Лилю?

И хромающей, усталой походкой пошелъ къ себѣ комнату.

III.

Что можетъ быть скучнѣе вокзаловъ, гдѣ круглыя сутки стоятъ у кассъ хвосты, и простонародье, дожидаясь поѣздовъ, съ тупой покорностью сидитъ на мѣшкахъ и сундукахъ своихъ, гдѣ лѣстницы вѣчно грязны и заплеваны, а на платформахъ, подъ стеклянными длинными крышами, непрерывно толкутся пассажиры? На кругломъ циферблатѣ описываютъ длительные круги большія черныя стрѣлки; десять разъ въ сутки свистятъ паровозы, и дымъ стелется по крышамъ вагоновъ, десять разъ кричитъ, проходя подъ окнами, кондукторъ: „Кто провожающіе? Третій звонокъ!“

... Только что отошелъ экспрессъ, и въ гулкихъ вокзальныхъ залахъ стало свободнѣй. Наверху, въ буфетѣ, громко перетирали тарелки, офиціанты смахивали съ опустѣвшихъ столиковъ крошки хлѣба и собирали съ пепельницъ окурки.

Викентій Васильевичъ, сидѣвшій за дальнимъ столикомъ, въ нишѣ, вдругъ покраснѣлъ и, загремѣвъ стуломъ, неловко приподнялся: онъ увидалъ въ дверяхъ темное Лиличкино пальто. Лиля шла мелкими быстрыми шажками, низко опустивъ голову въ широкой, крылатой шляпѣ, окидывая глазами столикъ за столикомъ. Когда Викентій Васильевичъ приподнялся, она сощурила свои близорукіе глаза и увѣренно подошла къ столику.

— Я зналъ, что вы не обманете, — сказалъ Викентій Васильевичъ слегка глуховатымъ отъ волненія голосомъ.

Откинувъ на плечи боа, Лиля сѣла напротивъ и, раскрывъ сумочку, поглядѣлась въ зеркало.

Викентій тоже сѣлъ, отставилъ пепельницу, потомъ опять поставилъ ее на мѣсто, разгладилъ скатерть и вдругъ, сжавъ руки въ кулаки, уронилъ на нихъ голову.

— Вы хотѣли, чтобъ я пришла, — вымолвила Лиля съ любопытствомъ на него глядя. — Только я тороплюсь, у меня свободныхъ всего полчаса.

— Постойте, Ольга Александровна... Мнѣ тяжело говорить, у меня путаются въ головѣ мысли. Знаете, такое ощущеніе, какъ будто черезъ полчаса у меня отнимутъ жизнь, и вотъ за это время я многое-многое долженъ вамъ сказать.

Лиля слегка нахмурилась. Викентій Васильевичъ продолжалъ:

— Я не умѣю лукавить. Я очень простъ, — можетъ быть, это недостатокъ. Но вы знаете, Ольга Александровна, вы давно уже знаете о моемъ чувствѣ къ вамъ.

— Я запретила вамъ говорить объ этомъ...

— Ахъ, запретили! Это все равно, что самоубійцѣ запретить думать о смерти, но вѣдь все равно онъ или бросится съ моста, или повѣсится на полотенцѣ. Будьте со мной искренни, отвѣтьте мнѣ...

Въ залъ, подъ руку съ ярко одѣтой дамой, вошелъ офицеръ. Лиля стала глядѣть на безусое, мальчишеское его лицо, на георгіевскую ленту въ петлицѣ, на пышное эспри его спутницы. Не глядя на Викентія Васильевича, она сказала почти съ досадой.

— Вотъ вы все меня мучите... А я не знаю, что отвѣтить вамъ.

— Вы не знаете?

Она опять открыла свою сумочку и, глядя въ зеркало на тонкія свои красныя губы, отвѣтила:

— Я же съ вами откровенна. У меня такъ пусто на душѣ.

„Какъ я похудѣла“, — подумала она, разглядывая себя въ зеркало.

— Я ничего не знаю. Мнѣ такъ тяжело сейчасъ дотронуться до собственной души. Не будьте жестокимъ, Викентій Васильевичъ!

— Ахъ, могу ли я?

— Пощадите же меня.

Помолчавъ, она обронила:

— Вы какой-то особенный. Неужели вамъ все равно, что я любила до васъ?

Онъ сжалъ свою голову руками и стиснулъ зубы.

— Вы очень грубо это сказали. Вы очень грубо подумали обо мнѣ. Мнѣ кажется, что въ моей душѣ ни одного живого мѣста нѣтъ: вся она вами исцарапана и избита.

Поглядѣвъ ему въ лицо, Лиля подумала, жалѣя: „Бѣдненькій, что же мнѣ дѣлать съ нимъ?“

— Ольга Александровна, я очень простъ, я не понимаю ни этихъ тонкостей, ни флирта, все это мнѣ органически чуждо. И я просилъ васъ придти сюда не для шутки и не по капризу. Я хочу знать правду. Что бы ни сказали мнѣ, какъ бы ни оскорбили, я не перестану благоговѣть передъ вами.

„Какъ это онъ смѣшно сказалъ“, — подумала Лиля, поднявъ голову къ потолку. Но и думать не хотѣлось ей, онъ нисколько не стѣснялъ ея, словно она сидѣла одна. — „Что же я скажу ему?“

Она дотронулась до его руки. Покраснѣвъ, онъ ждалъ.

— Вы симпатичный, вы чуткій. Вы очень благородный, Викентій Васильевичъ. Но дайте мнѣ придти въ себя.

Ему очень было трудно сдерживаться, и онъ долго себя пересиливалъ, но, не выдержавъ, всталъ и подошелъ къ окну сталъ глядѣть на площадь, на шумные извозчичьи экипажи на толпу у трамвайной стоянки. Лиля оглянулась, боясь, что кто-нибудь слѣдитъ за ними. Офиціантъ стоялъ у сосѣдней колонны, перекинувъ за локоть салфетку, чесалъ пальцемъ подбородокъ и равнодушно глядѣлъ на спину Викентія Васильевича тупымъ и унылымъ взглядомъ. Лиля поднялась.

— Подождите, — сказалъ Викентій Васильевичъ отъ окна. — Я еще не сказалъ вамъ о своемъ рѣшеніи. Я уѣзжаю на фронтъ. Это не мальчишество и не красивый жестъ, такъ нужно мнѣ, здѣсь мнѣ будетъ тяжелѣй. Только знайте, Лиля, что я не пріѣду, пока вы сами этого не захотите.

— Бѣдный мой, — проговорила Лиля тихо.

Викентій Васильевичъ проводилъ ее до трамвая, поцѣловалъ ея тонкую руку въ холодной черной перчаткѣ. Съ площадки, отъѣзжая, Лиля оглянулась, и вдругъ лицо ея стало ласковымъ, жалѣющимъ и любящимъ, и это было у Викентія Васильевича послѣднимъ отъ нея впечатлѣніемъ.

Онъ постоялъ на одномъ мѣстѣ, слушая, какъ гудитъ проводъ, потомъ повернулся и пошелъ къ вокзалу телеграфировать родителямъ о рѣшеніи своемъ ѣхать на фронтъ.

IV.

— Лиля, вставай! Уже полчаса десятаго.

За дверью злой упрямый голосъ:

— Оставьте меня въ покоѣ, что я вамъ сдѣлала?

— Значитъ, ты опять сидѣла за книгой до четырехъ часовъ. Ты окончательно подорвешь свое здоровье. Нельзя же, дѣтка, такъ...

— Я хочу спать.

Милица Петровна вошла въ комнату дочери, подняла на окнахъ бѣлыя съ бубенчиками шторки, накрыла на столикѣ чернильницу крышкой, подняла съ полу брошеную и растерявшую страницы книжку. На обложкѣ: Маркъ Криницкій, „Случайная женщина". Лиля лежитъ въ постели, лицомъ къ стѣнкѣ, бѣлое одѣяло скрадываетъ очертанія ея стройнаго тѣла.

— Лиля, я хочу серьезно поговорить съ тобой, — молвила Милица Васильевна, садясь на край постели и поглаживая рукою теплое Лиличкино плечо. — Сейчасъ мнѣ идти въ библіотеку. Выслушай меня и отвѣть на всѣ вопросы.

Дѣвушка лежала молча, глядя въ стѣну, на повѣшенный зеленый коврикъ съ пастушками.

— Мы съ тобой часто ссоримся, Лиля; въ этомъ поровну виноваты и я, и ты. Можетъ быть, ты думаешь, что я настолько глуха, что и состоянія твоего не замѣчаю? Я ночи не сплю, дѣтка моя. Что у тебя на душѣ дѣлается? Разскажи.

— Ничего у меня на душѣ не дѣлается!

— А Родзевича... ты больше не видишь?

— Нѣтъ!

Милица Петровна на минуту замолкла.

— Не говори ты со мною такимъ тономъ, Лилечка. Развѣ я тебѣ врагъ?

Наклонившись, она поцѣловала дочь въ волосы.

— Несчастный ты человѣкъ... Такая ужъ судьба твоя: вотъ и красивая, и умная, а счастья все нѣтъ и нѣтъ. У меня такая иногда злоба противъ Родзевича...

Вдругъ сдернувъ съ себя одѣяло, которое свалилось на полъ, вскочивъ съ постели, Лиля закричала тонкимъ голосомъ:

— Оставь меня, уйди! Зачѣмъ ты меня мучишь?

Милица Петровна порывисто встала и пошла къ двери. Лиля съ размаху кинулась въ постель, подняла съ полу одѣяло и закрылась имъ съ головой.

— Вотъ какъ, — промолвила, берясь за дверную ручку, Милица Петровна: голосъ ея задрожалъ отъ обиды и слезъ. — Вотъ какъ ты благодаришь мать за всѣ заботы и любовь! Что жъ, живите одни съ несносными вашими характерами.

Со сжатыми губами прошла Милица Петровна въ переднюю, надѣла старенькое свое пальто: но когда нагнулась, разыскивая подъ диванчикомъ калоши, вдругъ одна за другой, упали изъ глазъ ея слезы прямо на клеенчатую дорожку, и перо на шляпѣ ея закачалось, царапая обои.

Давно, когда можно еще было во что-нибудь вѣрить подъ Новый годъ глядѣла Лиля въ пустое зеркало, поставленное межъ двухъ свѣчей. Передъ ея глазами вытягивался тогда коридоръ, похожій на туннель или на подземную шахту, полный неизвѣданной, заманчивой тайны, пройти который изъ конца въ конецъ Лиля обречена.

Лежа въ Пашиной комнатѣ на тугомъ клеенчатомъ диванѣ, вспоминала Лиля о дѣвичьихъ забавахъ своихъ; но солгали зеркала, показавъ коридоръ жизни въ таинственномъ свѣтѣ. Прошло съ тѣхъ поръ два года, и вотъ уже знаетъ она, что стѣны коридора холодны и голы, и мысль о тайнѣ смѣшна.

Что же было въ прошломъ? Кричали грачи весеннимъ, зазывнымъ своимъ гаркомъ — какъ и теперь кричатъ по веснѣ, — синѣла, вздуваясь, Нева, качая утлые пароходы, на Стрѣлкѣ сѣрой мутью дышало взморье — какъ и теперь, по веснѣ, дышитъ... Вотъ только глаза Бокши, которыхъ нѣтъ теперь! Отъ взгляда ихъ хотѣлось плакать, какъ на „Травіатѣ". Но умеръ Бокша. Осталось одно его милое имя, созвучіе изъ пяти дорогихъ ей буквъ: Б о к ш а.

О Родзевичѣ она дала себѣ слово не думать: это такъ тяжело и такъ стыдно. Почему-то помнится Нева и снѣгъ, падающій въ воду, тающій въ сердитыхъ ея бѣлыхъ барашкахъ... Вчера она сожгла письма, возвращенныя Родзевичемъ.

Заложивъ руки за голову, Лиля вытянулась. Ахъ, какъ жестокъ и немилостивъ къ ней Богъ! Ей смѣшно теперь думать, что было время, когда она любила разспрашивать няню про великомучениковъ и угодниковъ Божіихъ; тогда они жили еще въ простенькомъ уѣздномъ городкѣ, гдѣ ночами мѣсяцъ роняетъ въ палисадники тѣни отъ низкихъ крышъ, и на ветхихъ колокольняхъ бьютъ часовые колокола.

Теперь же равнодушно глядитъ она на иконы, и нѣтъ у нея силъ молиться.

Расправляя на ходу проборъ, вошелъ Павелъ и, не замѣчая Лили, сталъ шарить по столу спички. Найдя, зажегъ онъ папиросу и сѣлъ у окна, почти не видный въ сумеркахъ, попыхивая блѣднымъ огонькомъ.

— Лиля, это ты на диванѣ?

— Я, Паша.

Онъ затянулся и шумно выдыхнулъ дымъ.

— Грустишь?

Лиля промолчала.

— Какая ты... безпріютная.

— Паша, скажи мнѣ. Вотъ ты умный, чуткій, твоя душа такъ болѣзненно вбираетъ въ себя жизнь — скажи мнѣ, почему я стала пустой и равнодушной? Когда былъ живъ Бокша, мнѣ все казалось, что вѣчная Пасха на улицахъ, и глаза всѣхъ людей ясны и безгрѣшны. Помнишь, ѣздили на Стрѣлку? Такая хорошая была весна, такое ласковое было взморье, а въ воздухѣ, на солнцѣ — мнѣ запомнилось, — сверкалъ крыльями аэропланъ, какъ смѣлая и счастливая птица... А помнишь еще — мы стояли на кладбищѣ, у желѣзныхъ рѣшетокъ, и когда уже опускали на полотенцахъ гробъ, вдругъ сказалъ кто-то за моей спиной: „Гляди, это его невѣста; ей-Богу, покойникъ былъ не дуракъ". И другой переспросилъ односложно: „Да"? Ахъ, Паша, на меня многіе смотрѣли грязно, и вечерами, на улицахъ, приставали ко мнѣ грубые люди, но никогда ни послѣ, ни до того не было мнѣ такъ тяжело и больно, какъ на кладбищѣ, когда сказалъ кто-то за моей спиной: „Гляди, это его невѣста; ей-Богу, покойникъ былъ не дуракъ". У меня нѣтъ словъ, чтобы сказать тебѣ это ясно, но почему-то, Паша, у меня стала жесткой душа. Знаешь, когда поставятъ у шоссе новый верстовой столбъ: сначала онъ чистый и новенькій, а потомъ все злѣй обдуваютъ его вѣтры, грязнитъ пыль, коробятъ лѣтнія жары. Такъ и я... обвѣтрилась.

Паша погасилъ папиросу о подоконникъ и сѣлъ въ кресло, у этажерки.

— Ну?

— Если бы мнѣ приспособиться къ жизни, Паша! Вотъ ты сейчасъ сѣлъ въ кресло и заложилъ ногу за ногу, чтобы сидѣть тебѣ было удобнѣй. Если бы мнѣ сумѣть прожить удобно... Это такъ трудно съ холодной и пустой душою. Всѣ пройдутъ мимо, никто не согрѣетъ меня, Паша...

— А Родзевичъ? — спросилъ неожиданно Павелъ.

Вдругъ, закрывъ лицо руками, Лиля отвѣтила, раскачивая изъ стороны въ сторону свое маленькое тѣло:

— Боже мой, мнѣ страшно и больно говорить тебѣ, Павелъ! Я могла бы его полюбить только какъ мужчину. Когда я думала о немъ, мнѣ вспоминались его губы, тонкіе, какъ у женщины, пальцы, но ни разу не подумала я, какая у него душа. Это такой стыдъ!

Подойдя къ сестрѣ, Павелъ сѣлъ у ея ногъ, сталъ гладить ея руки; Лиля заплакала, вздрагивая плечами, по дѣтски вытирая кулаками глаза.

Въ столовой мать стучала на швейной машинкѣ, щель подъ затворенной дверью была освѣщена. Павелъ оставилъ Лилю, поднялся и сталъ ходить изъ угла въ уголъ.

— Паша, почему ты молчишь? — тихо спросила Лиля, слѣдя за темнѣющей его неясной фигурой. — Пожалѣй меня... Кто же согрѣетъ меня, Паша?

Онъ не отвѣтилъ. Остановился гдѣ-то у печки.

— Я самъ нищій, — сказалъ онъ вдругъ тоскливо. — Какая насмѣшка, Лиля, дать уродливое тѣло и нормальную душу, и сердце, тоскующее по женщинѣ...

Швейная машинка въ столовой гудѣла, какъ сердитый шмель: ж-ж-ж-ж...

V.

Уже зима. Вчера цѣлый день падалъ снѣгъ, и сегодня падалъ, и такое впечатлѣніе, что онъ завтра тоже будетъ падать — безъ конца, безъ конца... Улицы застланы ярко-бѣлымъ саваномъ, который упруго мнутъ санки. Автомобили движутся тяжело, межъ спицами ихъ колесъ набивается снѣгъ.

Подойдя къ окну, заложа за спину руки, Павелъ сказалъ тихо, словно нечаянно:

„Снѣгомъ глубокимъ душа запорошена“...

— Откуда это? — спросила Лиля.

— Изъ Моравской.

Такая тоска... Вчера Лиля была на футуристической выставкѣ, смотрѣла контръ-рельефы Татлина. Сначала было смѣшно; кто-то говорилъ въ публикѣ о ретроспектизмѣ, о новой необычайной задачѣ сочетать матеріалъ и напряженіе. Лиля разглядывала какіе-то листы, стянутые проволоками, куски желѣза, похожіе на крылья.

— Это, вѣроятно, изображеніе Татлинской души! — громко сказалъ молоденькій студентъ съ красными щеками.

„И моей“, — подумала Лиля. Ей стало грустно; ходила по комнатамъ выставки и думала, что у нея перековеркана душа и такъ же стянута жесткими проволоками.

— Снѣгомъ глубокимъ душа запорошена...

Утромъ была ссора съ матерью. Изъ-за какихъ-то пустяковъ, изъ-за оторванной пуговицы или раскрытаго флакона съ одеколономъ. Какъ нелѣпо: изъ-за раскрытаго флакона съ одеколономъ мать стала кричать, что Лиля въ могилу ее сведетъ, что ей, матери, душно въ собственномъ домѣ. А вотъ ей, Лилѣ, душно вездѣ, во всемъ мірѣ...

— Снѣгомъ глубокимъ душа запорошена...

„Спустя три мѣсяца послѣ нашей послѣдней встрѣчи я пишу вамъ, Викентій. Какъ это случилось, я не знаю. Но вотъ я сѣла къ столу, достала изъ ящика бумагу, взяла ручку и теперь, когда первыя строчки уже написаны, я знаю твердо, что не могу не писать вамъ.

„Вы думаете — я лгу. Но мнѣ страшно копаться въ своей душѣ: вся она у меня перевернута, перекособочена, какъ говорятъ у меня на родинѣ, и такою, перекособоченной, теперь застыла. Но я твердо знаю, что должна писать вамъ.

„Я говорю больше: это неизбѣжно. Это неизбѣжно, если вы даже изуродованы, искалѣчены, если у васъ нѣтъ теперь руки, или вы ходите на костыляхъ. Во мнѣ живетъ странная увѣренность, что вы непремѣнно ранены, и когда я думаю о васъ, я вижу всегда васъ такимъ же трогательнымъ и милымъ, какъ тѣ раненые, что гурьбой ходятъ по петроградскимъ улицамъ отъ кинематографа къ кинематографу.

А у меня, Викентій, душа на костыляхъ.

Напишите мнѣ, гдѣ вы, какъ вы и нужна ли я вамъ?

Согрѣйте меня.

Лиля“.

VI.

Кажется, это было 26-го ноября. Или, быть можетъ, позабыли сорвать съ календаря отжившій листокъ? Всѣ точно съ ума сошли, а Милица Петровна измучилась, и лицо у нея стало блѣдное, длинное, какъ у постящихся монахинь.

Викентій раненъ; его на-дняхъ привезли въ Петроградъ. Лиля ходила въ лазаретъ, на Загородный, но строгая, пасмурная сестра сказала ей, что подпоручика видѣть нельзя, такъ онъ плохъ, что во вторникъ ему предстоитъ операція, и пусть барышня подождетъ. Выйдя изъ лазарета, Лиля сдѣлала нѣсколько концовъ передъ окнами, и ей странно было думать, что на Загородномъ лежитъ тотъ самый Викентій, который недѣлю назадъ прислалъ ей горячее, бѣшеное письмо съ фронта.

Пошли медленные, непокойные дни; и будто спотыкалось время, влача ихъ на важномъ и медлительномъ плацѣ своемъ. Милица Петровна тайкомъ отъ дочери посѣтила лазаретъ, съ кѣмъ-то говорила тамъ, кого-то разспрашивала, и вернулась домой разстроенная, вся въ слезахъ.

— Лиля, дѣтка моя, не надо, — едва промолвила она, когда Лиля стала ее разспрашивать, и вдругъ расплакалась, такъ что пришлось уложить ее въ постель и дать брому.— Такой ужасъ: Викентій искалѣченъ, у него отнята нога и на щекѣ слѣдъ отъ пули, который не сотрется никогда.

— Ну, и пусть! — вслухъ сказала Лиля, стиснувъ зубы, прошла къ себѣ въ комнату, легла въ постель и лежала такъ до вечера, молчаливая.

... Кажется, это было 26-го ноября. Или, быть можетъ, позабыли сорвать съ календаря отжившій листокъ?

Въ этотъ день Лилѣ разрѣшено было свиданіе съ Викентіемъ. Она съ утра была сосредоточена, одѣлась скромно, зачесала русые свои свѣтлые волосы въ косу и обвила ею голову. И ботинки надѣла темныя. За чаемъ мать пытливо посмотрѣла на нее, замѣтила, что воротничекъ сидитъ немного криво, а потомъ умолкла, отеревъ пальцами рѣсницы свои. Измѣнившимся, тонкимъ голосомъ вдругъ сказала она, низко склонясь надъ чашкой:

— Хорошо обдумай, Лиля... Если это капризъ... вѣдь на всю жизнь.

— Оставь! — возвысила голосъ Лиля, глядя матери въ глаза. Чашка выпала изъ рукъ Милицы Петровны, громко стукнувъ о блюдце, и чай расплескался по скатерти.

— Вѣдь ты не любишь его, Лиля!

Не отвѣтивъ, Лиля встала и пошла въ переднюю.

Былъ ясный, морозный день, когда особенно гулокъ воздухъ, далеко разносящій по улицамъ ржаніе лошадей и вопли автомобильныхъ сиренъ. На обледенѣлыхъ тротуарахъ

слегка скользили ноги, дворники разбрасывали золу и глину прямо подъ ноги прохожихъ.

Лиля пошла пѣшкомъ; она хотѣла дорогой долго и тщательно думать, чтобы не осталось въ головѣ ничего тяжелаго, чтобы каждая мысль была продумана, отточена и кругла. Но невозможно было думать на такомъ пьяномъ зимнемъ воздухѣ, подъ веселый этотъ уличный гомонъ. Передъ лазаретными дверьми вдругъ заколотилось ея сердце — совсѣмъ какъ три мѣсяца назадъ, передъ дверью Родзевича — и захотѣлось сѣсть здѣсь, на грязной затоптанной лѣстницѣ, и такъ сидѣть вѣчно.

Но пересиливъ себя, стала подыматься она вверхъ, держась за гладкія перила, которыя поскрипывали подъ кожаной ея перчаткой.

Вверху пришлось снять шубку, галоши, присѣсть у стола и пообѣщать все той же суровой и серьезной сестрѣ, что ничего волнующаго говорить она не будетъ и скоро уйдетъ. Ее провели застланнымъ коричневою дорожкою коридоромъ, показали на дверь съ дощечкой: „офицерская № 3“ и сказали:

— Это здѣсь.

Войдя, она сразу узнала Викентія. Палата была маленькая, на четыре койки, изъ которыхъ три были пусты; при появленіи Лили чернобородый офицеръ отошелъ отъ окна и, видимо, не желая мѣшать свиданію, вышелъ въ коридоръ, запахивая полы своего синяго халата. Викентій лежалъ на крайней койкѣ, у окна, вытянувшись на спинѣ. Голова его была перевязана, бинтъ, охватывая правую щеку, закрылъ всю голову, оставивъ только глубокіе, словно почернѣвшіе глаза, обострившійся его носъ и обезкровленныя губы. Онъ повернулъ къ ней лицо, и она почувствовала на себѣ его внимательный и обрадованный, но все же серьезный взглядъ. Внезапно сжалось ея сердце острой, колкой жалостью къ нему и, съ вспыхнувшимъ лицомъ, Лиля схватила его исхудавшую горячую руку.

— Я такъ истрадалась, — заговорила она почти безъ памяти, присѣвъ рядомъ съ нимъ на край его темно-сѣраго одѣяла съ красной каемкой. — Повѣрьте Викентій... у меня такъ переболѣла душа.

Внимательные глаза его потемнѣли. Онъ сказалъ медленно, почти сурово:

— Здравствуйте, Ольга Александровна. Я такъ радъ видѣть васъ. Только не нужно неискренности.

— Викентій, мнѣ такъ жаль васъ!

Опустивъ голову, она смотрѣла на его тонкую руку, лежавшую на одѣялѣ возлѣ ея колѣнъ; она различала всѣ ворсинки одѣяла и линіи на кожѣ его руки, казавшейся восковой и выпуклые низко срѣзанные ногти на пальцахъ.

— Судьба ко мнѣ не милостива, — сказалъ онъ съ усиліемъ, — я споткнулся около самаго своего счастья и сломалъ ногу. Смотрите, даже подъ одѣяломъ видно, что у меня выше колѣна отнята нога. Сейчасъ на душѣ моей странная покорность, которой я не зналъ раньше. Вернувшись съ войны, отъ искалѣченныхъ тѣлъ, отъ лужъ самой настоящей, горячей и липкой крови, я не закрываю, какъ прежде, глазъ и могу спокойно думать о Богѣ, о нѣжныхъ дѣвушкахъ, о культурѣ... Ахъ, сколько я передумалъ за это время, Ольга Александровна! Въ первую минуту, когда у меня отняли ногу, мнѣ представилось вдругъ, что это счастье мое отняли доктора, и ваше расположеніе, и мой вкусъ къ жизни. Но я такъ скоро, чисто подѣтски примирился. Я хочу сказать вамъ, что у васъ не должно быть ни одной темной мысли. Если такъ случилось, значитъ, такъ надо. Мы всѣ на войнѣ становимся фаталистами.

Ему трудно было говорить, и онъ скоро замолчалъ. Опустившись на полъ, Лиля вдругъ заплакала, вскидывая плечами, сжавъ холодными своими пальцами его безсильную руку.

— Я во всемъ виновата, Викентій... Простите меня.

Ей живо вспомнилась мать и ея жестокія слова: „Лиля, не надо!“ И было тяжело это вспоминать.

— Все рѣшено, Викентій. Мнѣ такъ холодно безъ васъ.

Онъ поглядѣлъ на нее внимательно.

— Я калѣка, Лиля.

Онъ въ первый разъ сказалъ ей: Лиля.

— Смѣшной вы, дѣтскій, чуткій... Я тоже калѣка, у меня, Викентій, „перекособочена“ душа. Это такъ вѣрно сказано: перекособочена. Вы исцѣлите меня, у васъ душа, какъ тихая заводь. Вы согрѣете меня, Викентій...

Тупая боль разлилась въ груди ея, затопила сердце; Лиля встала, посмотрѣла на бѣлыя стѣны, на столикъ съ оплывшей свѣчей въ жестяномъ подсвѣчникѣ, потомъ медленно подошла къ окну.

Я Золушка, Золушка — мнѣ грустно!
Проситъ нищій, и нечего подать.

— Что вы? — спросилъ Викентій Васильевичъ.

— Изъ Моравской... Братъ часто читаетъ вслухъ.

На улицѣ хлопьями шелъ снѣгъ. Лохматыя снѣжинки, кружась, падали на мостовую, на плечи и шляпы прохожихъ, на фонари и крыльца. Въ комнатѣ стемнѣло.

Онъ сказалъ такъ просто, что захотѣлось плакать, и стало жалко себя и Викентія, и эти холодные торцы, которые засыпаетъ пушистый снѣгъ:

— Подойди ко мнѣ, Лиля. Подойди ко мнѣ ближе, посмотри въ глаза. Какъ-нибудь, потихоньку, проживемъ.

— Проживемъ, — отвѣтила она сквозь слезы, — проживемъ, Викентій... Вѣдь не вѣчно будетъ снѣгъ. Вѣдь оттаетъ и моя душа...

Александръ Дроздовъ.

ГОРАМЪ.

Я люблю васъ за то, что вы сини
И ушли отъ земли далеко,
И до вашихъ застѣнчивыхъ скиній
Высоко — высоко.

Я свой крестъ подымаю на плечи,
Какъ велитъ ваша снѣжная власть.
Надо жъ чьей-нибудь робкой предтечей
Подниматься — и пасть.

Будетъ путь и обрывистъ, и страшенъ,
И взойдетъ надо мною, блѣдна,
Между горныхъ уступовъ и башенъ
Мать безумій — луна.

Будетъ вѣтеръ мятежный и строгій
Обрывать по каменьямъ карнизъ.
Но въ горахъ безысходны дороги:
Или вверхъ — или внизъ.

Вашей каменной волѣ покорна,
Покидаю равнину и домъ
И суровый, крутой и упорный
Выбираю подъемъ.

М. Шкапская.

ЭПИТАФІИ.

I.

Въ странѣ киммерійской, отъ родины милой далеко,
Пріѣхавъ за мѣдью и бронзой искусно литой,
Я умеръ, подвластный велѣньямъ всесильнаго рока,
Меня повѣнчавшимъ такъ рано съ могильной плитой.
Оплаканный скудно, покоя мой прахъ не узнаетъ.
Ни крови надъ нимъ, ни вина не прольются струи,
И только, склоняясь, печальная осень роняетъ
На камень могильный кровавыя слезы свои.

II.

Вотъ здѣсь онъ рѣзвился, здѣсь прыгалъ онъ въ дѣтскомъ задорѣ,
Здѣсь спалъ въ колыбели, еще для ребенка не тѣсной.
Глаза голубые, какъ тихое, тихое море...
Что видитъ онъ ими въ подземной странѣ неизвѣстной?
Вотъ здѣсь онъ рѣзвился, а тамъ отъ ночного тумана
На новой могилкѣ цвѣты увядаютъ мгновенно.
Зачѣмъ, Персефона, его ты призвала такъ рано?
Вѣдь даже и взрослый онъ былъ бы твоимъ неизмѣнно.

III.

Какъ цвѣтокъ росла я въ отчемъ домѣ,
Расцвѣтая краше день отъ дня,
Все вокругъ сулило счастье, кромѣ
Злого Рока, ждавшаго меня.
Для другихъ цвѣлъ миртъ, пріятный дѣвамъ,
Съ кипарисомъ шли ко мнѣ отъ нихъ,
Плачъ родныхъ былъ свадебнымъ напѣвомъ,
Смерть была — нежданный мой женихъ.

Т. Ефименко.

БОГЪ И ДОБРО.

(Какъ нравственность стала религіозной, и какъ религія стала нравственной.)

I.

„Въ союзѣ съ новой религіей греческая нравственность предприняла свое побѣдоносное шествіе по всему міру“ — въ этихъ краткихъ словахъ Максъ Вундтъ, авторъ новѣйшей книги о греческой этикѣ, опредѣляетъ сущность духовно-культурнаго переворота первыхъ вѣковъ нашей эры, удачно резюмируя въ нихъ результатъ многихъ обстоятельныхъ изслѣдованій своихъ предшественниковъ. Онъ безусловно правъ: нравственная атмосфера, которой мы дышимъ, въ своей лучшей части навѣяна вѣтромъ, дувшимъ съ береговъ Кефиса. И въ этомъ состоитъ непосредственный интересъ для насъ этой древней греческой нравственности, помимо того историческаго, который она должна внушить каждому исторически мыслящему человѣку.

Но этотъ союзъ нравственности съ религіей — былъ ли онъ новымъ союзомъ, или лишь возобновленіемъ стараго, при которомъ новая религія лишь заняла то мѣсто, которое нѣкогда занимала ея предшественница? Другими словами: была ли уже античная нравственность религіозной — и если да, то какъ стала она таковой? Вотъ вопросъ, на который я хочу дать отвѣтъ въ настоящей статьѣ.

Предварительно, однако, необходимо сговориться объ одномъ пунктѣ. Въ чемъ согласимся мы усматривать религіозный характеръ нравственности? Если кто скажетъ: „въ ея богооткровенности“, то онъ будетъ, пожалуй, правъ, но онъ поставитъ изслѣдователю античной нравственности такія условія, которыя сдѣлаютъ его трудъ и очень нелегкимъ и малоплодотворнымъ. Понятіе богооткровенности въ христіанскомъ смыслѣ мало примѣнимо къ античности, которая вѣдь — въ этомъ и ея сила и ея слабость, — не знала такой

богооткровенной книги, какими являются въ глазахъ вѣрующихъ тора, евангеліе и коранъ. Пришлось бы понимать богооткровенность въ болѣе широкомъ, косвенномъ смыслѣ, а это опять заставило бы насъ кружиться въ лабиринтѣ умозаключеній и догадокъ.

Въ виду этого я предпочитаю на поставленный предварительно вопросъ дать другой отвѣтъ, который насъ скорѣе приведетъ къ нашей цѣли. Я называю „религіозной" всякую нравственность, послѣдователи которой на вопросъ, почему они поступаютъ хорошо и не поступаютъ дурно, бываютъ склонны отвѣтить: „въ надеждѣ, что Богъ меня наградитъ" и „изъ боязни, что Богъ меня накажетъ". Другими словами, религіозной будетъ нравственность, которая допуститъ религіозную санкцію того, что она считаетъ нравственнымъ долгомъ.

Этимъ, однако, еще не все сказано. Наградитъ, накажетъ — прекрасно; но гдѣ? Здѣсь, на землѣ, въ предѣлахъ нашей земной жизни — или тамъ, въ потустороннемъ мірѣ, за рубежомъ смерти? Христіанство, какъ извѣстно, допускаетъ оба отвѣта, и при томъ въ такой степени, что они являются приблизительно равноцѣнными. Правда, элементъ вѣчности, присущій представленію о загробныхъ наградахъ и карахъ, таковъ, что въ сравненіи съ нимъ скоротечное земное благополучіе или страданіе какъ бы теряетъ всякое значеніе; да, но только для нашего разсудка, не для непосредственнаго чувства, которое не способно и не склонно установлять правильную перспективу для видимаго и осязаемаго настоящаго міра и смутно чаемаго загробнаго. — Какъ бы то ни было, но оба указанныхъ отвѣта сводятся къ двумъ принципіально различнымъ санкціямъ нравственнаго долга, которыя, будучи обѣ религіозными, могутъ, тѣмъ не менѣе, существовать одна безъ другой такъ же, какъ и вмѣстѣ.

Дадимъ же обѣимъ мѣсто въ нашей терминологіи; условимся называть религіозно-эсхатологической ту санкцію, которая сдерживаетъ человѣка въ рамкахъ нравственнаго поведенія указаніемъ загробныхъ наградъ и каръ, и религіозно-біологической ту, которая достигаетъ той же цѣли, заставляя его ожидать тѣхъ и другихъ еще въ предѣлахъ его земной жизни.

А теперь путь нашего изслѣдованія предначертанъ. Мы должны допросить древнѣйшаго свидѣтеля о духовной культурѣ античной Греціи, допускаетъ ли онъ у ея сыновъ рели-

гіозную санкцію ихъ нравственнаго долга, и если да, то какую — эсхатологическую или біологическую; его отвѣтъ и будетъ отвѣтомъ на занимающій насъ здѣсь вопросъ.

Этимъ свидѣтелемъ является, какъ всѣмъ извѣстно, Гомеръ: обратимся же къ нему.

II.

Здѣсь при первомъ, поверхностномъ взглядѣ религіозная санкція, по крайней мѣрѣ, въ ея біологической разновидности, кажется не подверженной никакому сомнѣнію. Вмѣшательство боговъ въ человѣческія дѣла встрѣчается на каждомъ шагу и въ важныхъ и въ маловажныхъ дѣлахъ: Паллада-Аѳина искушаетъ неразумнаго ликійца Пандара, создавая этимъ поводъ къ продленію троянской войны (Ил., IV, 93), и она же возвращаетъ Діомеду вышибленный у него Аполлономъ бичъ, чтобы его кони могли первыми добѣжать до цѣли и добыть своему владѣльцу желанный призъ (Ил., XXIII, 390). Неудивительно, что Л. Шмидтъ въ своемъ обстоятельномъ сочиненіи объ „этикѣ древнихъ грековъ“ (I, 165) называетъ гомеровскія поэмы „насквозь проникнутыми идеей о дѣйственной правдѣ боговъ“, и что многимъ эта вѣчная опека боговъ надъ людьми показалась даже черезчуръ назойливой.

Да, конечно; но большинство этихъ случаевъ таково, что по отношенію къ нимъ вопросъ о нравственномъ характерѣ божьяго вмѣшательства даже и не поднимается. Если Паллада въ бою помогаетъ ахейскимъ витязямъ, то она дѣлаетъ это не потому, что они нравственнѣе троянскихъ, а потому, что она сама — ахейская богиня, враждебно настроенная противъ Трои. Отбросимъ же всѣ эти случаи; это разъ. А затѣмъ примемъ во вниманіе и наиболѣе установленныя данныя хронологической послѣдовательности гомеровскихъ поэмъ, бо́льшую древность Иліады въ сравненіи съ Одиссеей, бо́льшую древность, въ Иліадѣ, пѣсни о гнѣвѣ Ахилла въ сравненіи съ эпизодами, а въ Одиссеѣ — пѣсни о возвратѣ героя въ сравненіи съ пѣснью о мести: это дастъ намъ возможность вывести стройную линію развитія тамъ, гдѣ наши предшественники — напримѣръ, Негельсбахъ въ его ученой „Гомеровской теологіи“ — видѣли лишь наборъ противорѣчій.

Къ древнѣйшимъ частямъ Иліады принадлежитъ по всеобщему признанію пѣснь о смерти Гектора. Увидѣвъ передъ собой грознаго Ахилла съ его сверкающимъ копіемъ, троянскій витязь теряетъ свою всегдашнюю доблесть, онъ бросается

бѣжать и, преслѣдуемый своимъ врагомъ, трижды обѣгаетъ стѣны Иліона. Всѣ боги взираютъ на героевъ, и Зевсъ говоритъ (XXII, 168).

Горе! Любезнаго мужа, гонимаго около града,
Вижу очами своими, и плачетъ о немъ мое сердце [1]...

Тутъ есть чѣмъ поразиться. Вѣдь Зевсъ — богъ ахейскаго племени, того самаго, которое видѣло въ Гекторѣ своего главнаго врага; и этотъ богъ скорбитъ о страданіяхъ врага своего народа! Вотъ гдѣ впервые — да, впервые, — въ сознаніи человѣчества блеснуло величавое представленіе объ общемъ для всѣхъ людей богѣ, милующемъ и карающемъ каждаго безотносительно къ его племенной принадлежности, въ зависимости только отъ...

Отъ чего?

Такъ и хочется подсказать; отъ его нравственныхъ качествъ. И кто, какъ не Гекторъ, ими обладаетъ въ полной, идеальной мѣрѣ? Самоотверженный защитникъ своей родины, боготворимый за это своимъ народомъ, почтительный сынъ Пріама и Гекубы, нѣжный супругъ Андромахи, любящій отецъ малютки Астіанакта, рыцарски учтивый деверь бѣдной, всѣми презираемой грѣшницы Елены — положительно, всѣ лучи нашей симпатіи сосредоточилъ пѣвецъ на этомъ любимцѣ своего сердца. И конечно, за всѣ эти качества вмѣстѣ взятыя и милуетъ Гектора отецъ безсмертныхъ и смертныхъ? Или хоть за нѣкоторыя?.. Такъ нѣтъ же:

и плачетъ о немъ мое сердце:
Гекторъ! Не онъ ли стократъ на вершинѣ ущелистой Иды
Или на выси пергамской мнѣ тельчія тучныя бедра
Съ жаркой мольбой возжигалъ? А теперь Ахиллесъ-градоборецъ,
Бурный ристатель, его вкругъ твердыни Пріамовой гонитъ...

Вотъ, значитъ, въ чемъ суть. Религіозная санкція налицо, но она покрываетъ не нравственный, а только *сакральный* долгъ. Боги милуютъ того, кто имъ молится и приноситъ установленныя жертвы; наоборотъ, кто пренебрегаетъ своими обязанностями по отношенію къ нимъ, того и они караютъ. За что послала Артемида гибельнаго вепря на пажити Энея?

Въ гнѣвѣ своемъ, что Эней съ плодоноснаго сада зачатковъ
Ей не принесъ и, безсмертныхъ другихъ усладивъ гекатомбой,
Жертвой ее обошелъ, необорнаго дщерь Громовержца.

(Ил, IX., 534). Такъ то во всѣхъ дѣлахъ (I, 218).

---

[1]) Выдержки изъ Гомера даны по переводу Гнѣдича и Жуковскаго, значительно исправленному въ видахъ большаго приближенія къ подлиннику.

...кто безсмертнымъ покоренъ, тому и безсмертные внемлютъ.

А если такъ, то мы еще не имѣемъ права говорить о нравственности религіи или о религіозномъ характерѣ нравственности. Религіозная санкція обнимаетъ здѣсь лишь узкій кругъ человѣческихъ обязанностей, ограничиваясь личнымъ отношеніемъ человѣка къ божеству; она еще, не касается широкаго круга отношеній людей другъ къ другу въ различныхъ условіяхъ семейнаго, гражданскаго, международнаго быта. Этотъ кругъ имѣлъ тоже свою санкцію, только эта санкція была пока не религіознаго характера; какого — это мы увидимъ въ свое время, пока же постараемся прослѣдить нашу первую магистраль, отвѣчая на вопросъ, какъ религія стала нравственной и какъ нравственность стала религіозной.

III.

Все же не будемъ терять изъ виду и того важнаго различія, которое мы установили въ первой главѣ. Эта религіозная санкція, которую мы находимъ у Гомера въ вышеприведенныхъ примѣрахъ, имѣетъ, несомнѣнно, біологическій характеръ; спрашивается, встрѣчаемъ ли мы рядомъ съ ней и эсхатолическую санкцію? Другими словами, ожидаетъ ли гомеровскій человѣкъ наградъ и каръ на томъ свѣтѣ за исполненный или нарушенный — хотя бы чисто сакральный — долгъ?

Что касается, прежде всего наградъ, то онѣ прямо исключаются гомеровскими представленіями о безотрадной и безпросвѣтной обители Аида, куда направляются всѣ „души утомленныхъ", перешедшія черезъ врата смерти. Если даже самъ Ахиллъ, сохранившій въ этой обители призрачные знаки своего царскаго достоинства, отвѣчаетъ Одиссею (Од., XI, 489).

Лучше бъ хотѣлъ я живой, какъ поденщикъ, работая въ полѣ,
Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный,
Нежели царствовать здѣсь надъ бездушными мертвыми — мертвый

— то чего же ожидать другимъ?

Правда, исключенія есть. Морской богъ Протей предсказываетъ Менелаю его участь въ слѣдующихъ словахъ (Од. IV, 562).

Ты не умрешь и не встрѣтишь судьбу въ многоконномъ Аргосѣ:
Ты за предѣлы земли, на поля Елисейскія будешь
Посланъ богами, туда, гдѣ живетъ Радамапсъ златовласый
Гдѣ протекаютъ въ раздольи безпечные дни человѣка,
Гдѣ ни метелей, ни ливней, ни хладовъ зимы не бываетъ.

Гдѣ, сладкошумно летая, струится Зефиръ, Океаномъ
Съ легкой прохладой туда посылаемый людямъ блаженнымъ...

Поистинѣ райской обителью награждаютъ боги Менелая; за что? — Нечего теряться въ догадкахъ: поэтъ намъ это говоритъ самъ съ полной ясностью:

Это — за то, что Елены супругъ ты и зять Громовержца.

Свою дочь Зевсъ, конечно, убережетъ отъ общей участи „утомленныхъ", а она и своего мужа возьметъ съ собою. „Златовласый" Радаманѳъ былъ праведнымъ судьею на Критѣ, но въ то же время онъ былъ сыномъ Зевса, и врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что именно въ этомъ послѣднемъ качествѣ, а не въ первомъ, онъ былъ удостоенъ участи блаженныхъ... Не будемъ преуменьшать значенія этихъ „Елисейскихъ полей": они со временемъ станутъ дѣйствительно наградой заслуженныхъ. Но до этого еще очень далеко — даже въ этой IV пѣсни Одиссеи, одной изъ самыхъ позднихъ во всей поэмѣ.

Но если добрымъ пока еще не сулятъ загробныхъ наградъ, то, можетъ быть, хоть злымъ угрожаютъ загробными карами? На это, повидимому, имѣются неопровержимыя указанія. Въ преисподней Одиссей видитъ исполина Титія, тѣло котораго занимаетъ девять десятинъ; два коршуна терзаютъ его печень, и онъ не можетъ ихъ отогнать. Тамъ же и Танталъ испытываетъ извѣстныя „Танталовы пытки"; тамъ же и Сисифъ тщетно старается докатить до вершины горы свой „безжалостный" камень (Од., XI., 576—600); за что? Грѣхъ Титія называется самимъ поэтомъ: онъ покусился на Латону, супругу Зевса, на панопейскомъ лугу; грѣхъ Тантала достаточно извѣстенъ — относительно Сисифа возможны лишь догадки. „Во всякомъ случаѣ, эти трое наказаны за прегрѣшенія противъ боговъ и при томъ такія, какихъ люди позднѣйшихъ временъ уже не могутъ допустить; именно поэтому въ ихъ дѣяніяхъ, какъ и въ ихъ карахъ, нѣтъ ничего типичнаго". (Э. Роде, Психея, 59).

Итакъ, эсхатологическая санкція начинаетъ въ этой поздней части гомеровскаго эпоса съ того же пункта, съ котораго начинала и біологическая въ его ранней части: съ личнаго отношенія человѣка къ богамъ. И видно, пройдетъ еще не мало лѣтъ, прежде чѣмъ она обниметъ и отношенія людей другъ къ другу; это время народится всецѣло внѣ гомеровскаго кругозора.

А если такъ, то мы имѣемъ право утверждать, что для

описанной у Гомера эпохи на всемъ протяженіи ея развитія отъ древнѣйшихъ пѣсней Иліады до позднѣйшихъ Одиссеи эсхатологической санкціи нравственнаго долга не существуетъ.

IV.

Послѣ этой необходимой оговорки возвращаемся къ нашей магистрали. Въ древнѣйшемъ слоѣ Иліады мы нашли религіозную санкцію только для сакральнаго долга человѣка; а какъ дальше?

Было одно, чрезвычайно дѣйствительное средство, чтобы распространить ее и на прочій кругъ нравственныхъ отношеній человѣка, сакрализуя ихъ: этимъ средствомъ была клятва Но сама клятва представляетъ собою — по крайней мѣрѣ, на греческой почвѣ — очень своеобразный институтъ, далеко не такой простой, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Дѣло въ томъ, что клятва по-гречески — horkos, а это — первоначально имя самого бога смерти, тождественное съ латинскимъ Orcus, живущимъ понынѣ въ имени людоѣда романскихъ сказокъ — итал. orco, фран. ogre. Произносить клятву значило отдавать себя — въ случаѣ нарушенія — во власть этого подземнаго страшилища; это дѣлалось не воздѣваніемъ руки горѣ — тамъ Орка не было, — а опусканіемъ головы долу, по направленію къ его мрачной обители. Да, этотъ утвердительный кивокъ головой, которымъ мы пользуемся теперь такъ безпечно, когда намъ лѣнь произнести словечко „да", во времена оны былъ страшно торжественнымъ актомъ, не только для людей, но и для боговъ. Кто не знаетъ величаваго мѣста въ Иліадѣ, гдѣ описывается данная Зевсомъ Ѳетидѣ клятва (I, 528)?

Рекъ, и во знаменье черными Зевсъ помаваетъ бровями;
Долу волной благовонной владыки власы устремились,
Долу съ безсмертной главы — и великій Олимпъ содрогнулся.

Было отчего содрогнуться, когда самъ царь небожителей отдавалъ себя во власть подземныхъ силъ. И вѣрующій эллинъ имѣлъ опредѣленное представленіе о возможныхъ послѣдствіяхъ такой отдачи. Правда, Гомеру не приходится о нихъ распространяться — Зевсъ свою клятву сдержалъ и этимъ сохранилъ свою безсмертную главу. Но его младшій сподвижникъ Гесіодъ такъ хорошо дополняетъ недосказанное имъ, что мы имѣемъ право воспользоваться его разсужденіемъ, хотя оно и на нѣсколько столѣтій позднѣе, чтобы под-

крѣпить значеніе великаго обряда, потрясшаго нерушимый Олимпъ (Өеог., 793):

Кто изъ безсмертныхъ боговъ, на вершинѣ Олимпа живущихъ,
Влаги стигійской струю возліялъ при обманной присягѣ,
Тотъ бездыханный лежитъ, пока годъ не исполнится цѣлый:
Ни амвросійскаго брашна, ни нектара онъ не вкушаетъ,
Нѣтъ; съ неподвижною грудью, безмолвный покоится грѣшникъ,
Мертвою скованный дремой на крытой коврами постели.
А какъ исполнитъ болѣзнь онъ въ теченье великаго года,
Подвиги долженъ свершить онъ, одинъ тяжелѣе другого.
Девять чуждается лѣтъ; онъ боговъ вѣчносущихъ собранья,
Не получая удѣла ни въ общей трапезѣ, ни въ вѣчѣ,
Девять безрадостныхъ лѣтъ на десятый же годъ онъ обратно
Въ сонмы вступаетъ боговъ, на великомъ Олимпѣ живущихъ.

Эта кара клятвопреступныхъ боговъ дала обильную пищу позднѣйшему мистицизму; насъ она здѣсь интересуетъ только какъ высшая идеализація власти Орка надъ тѣми, кто подпалъ ему, измѣнивъ своей присягѣ. Въ сущности, и греческое слово, которое соотвѣтствуетъ нашему „клятвопреступникъ", до позднѣйшихъ временъ сохранило память объ этомъ представленіи: epi-horkos, т. е. „подпавшій Орку".

Но это только пережитокъ; уже въ нашу, гомеровскую эпоху смертные, связывающіе себя клятвою, призываютъ въ ея свидѣтели на ряду съ силами преисподней и на первомъ мѣстѣ — владыку грознаго перуна, Зевса. Такова внушительная молитва Агамемнона при заключеніи перемирія съ троянами (Ил., III, 286).

Зевсъ нашъ отецъ, обладающій съ Иды, преславный, великій;
Геліосъ, видящій все и слышащій все въ поднебесной;
Рѣки съ Землею и вы, что въ подземной обители души
Оныхъ караете смертныхъ, которые ложно клянутся:
Будьте свидѣтели вы и храните намъ клятвы святыя.

Слѣдуетъ содержаніе клятвы; затѣмъ закалываются жертвенныя животныя, возліяется вино, послѣ чего произносятся заключительныя слова, содержащія санкцію клятвы:

Зевсъ многославный, великій, и всѣ вы, безсмертные боги!
Первыхъ, кто клятву святую осмѣлится дерзко нарушить,
Мозгъ, какъ изъ чаши вино, да по черной землѣ разольется,
Ихъ вѣроломныхъ и чадъ, и пришельцы ихъ женъ да обнимутъ.

Здѣсь насъ поражаетъ, помимо прочаго, это представленіе о загробныхъ карахъ клятвопреступниковъ, не согласное съ тѣмъ, что Гомеръ говоритъ вообще объ обители Аида. Повидимому „подпавшіе Орку" находятся въ особыхъ условіяхъ;

что это, рудиментъ — или зародышъ? Первое допускаетъ Э. Роде (Психея, 60); возможно, что онъ правъ.

Для насъ важнѣе другое: это — двойственность, въ силу которой Зевсъ съ вышними богами (здѣсь такъ же какъ Ил., XIX, 258) — становится рядомъ съ силами Орка, раздѣляетъ съ нимъ его функціи блюстителя клятвы и карателя клятвопреступленія. Въ этомъ процессѣ Зевсъ представляетъ собою растущую, Оркъ, — убывающую величину; придетъ время — и онъ станетъ нераздѣльно верховнымъ хранителемъ клятвы вообще.

Когда въ „Облакахъ" Аристофана представитель современной софистики станетъ высмѣивать передъ добродушнымъ старовѣромъ Стрепсіадомъ обожествленіе природы — тотъ со многимъ согласится (ст. 395):

Но одно объясни мнѣ: откуда жъ перунъ
Низвергается съ огненнымъ блескомъ,
Поражая насъ на смерть, а тѣхъ, что въ живыхъ
Оставляетъ, какъ паръ, обжигая?
Его вѣдь ужъ ясно разгнѣванный Зевсъ
На преступниковъ клятвы бросаетъ!

Такъ тѣсно успѣли срастись между собою эти два представленія — „Зевсъ" и „клятва".

Въ чемъ же здѣсь состоитъ прогрессъ? Повидимому, въ сознаніи людей все еще было живо убѣжденіе, что религіозная санкція покрываетъ собою только сакральный, а не нравственный долгъ: желая ее распространить также на этотъ послѣдній, они превратили его въ сакральный тѣмъ, что стали призывать боговъ въ свидѣтели также и нравственнаго обязательства. Отнынѣ его нарушитель былъ также оскорбителемъ свидѣтеля-бога; и предполагалось, что этотъ свидѣтель-богъ отомститъ за нанесенное ему оскорбленіе. На фонѣ этого убѣжденія легко объясняется и слѣдующее загадочное мѣсто изъ Одиссеи (XIX, 395): говорится о знаменитомъ сказочномъ героѣ Автоликѣ, дѣдѣ по матери Одиссея:

Среди всѣхъ выдавался онъ смертныхъ
Хитрымъ притворствомъ и клятвой: самъ богъ даровалъ ему это.
Много овечьихъ и козьихъ онъ бедръ возжигалъ; благосклонно
Помощь являлъ ему богъ.

Я понимаю это мѣсто такъ: Гермесъ (онъ и есть „богъ") дозволилъ ему разъ навсегда нарушать клятвы, данныя его именемъ, обезпечивъ ему этимъ безнаказанность съ его стороны — подобно тому, какъ, по игривому представленію позднѣйшихъ эротиче-

скихъ поэтовъ, боги не обращаютъ никакого вниманія на клятвы влюбленныхъ.

Итакъ, мы имѣемъ три стадіи развитія клятвы: 1) клянущійся отдаетъ себя во власть Орка и преисподней; 2) онъ на случай нарушенія призывалъ на свою голову кару силъ преисподней и боговъ; 8) силы преисподней отпадаютъ, блюстителями клятвы предполагаются одни боги. Первая стадія лежитъ по ту сторону Гомера; его эпоха знаетъ только второй и третій, а съ нимъ и извѣстное нравственное значеніе боговъ.

V.

Кругъ нравственныхъ обязанностей, подпавшихъ указаннымъ образомъ опекѣ боговъ и религіозной санкціи, не былъ ограниченъ: въ нее могли входить и важнѣйшіе акты государственнаго и международнаго характера, по равнымъ образомъ и всякія мелочи изъ частной жизни отдѣльныхъ людей. Въ вышеприведенномъ примѣрѣ ахейцы и трояне ставятъ свой договоръ подъ покровительство Зевса: но въ другомъ мѣстѣ (Ил., XXIII, 581) разсказывается съ очень милой торжественностью, какъ пострадавшій на бѣгахъ Менелай требуетъ отъ Антилоха слѣдующаго:

Встань впереди колесницы съ конями, возьми въ свою руку
Бичъ этотъ гибкій, съ которымъ предъ тѣмъ ты ристалъ, и, касаясь
Милыхъ коней, поклянись земледержцемъ святымъ Посидономъ,
Что неумышленной хитростью мнѣ задержалъ колесницу.

И если мы не можемъ привести другого, еще болѣе мелочнаго примѣра, то, очевидно, только потому, что маленькая жизнь маленькихъ людей вообще не составляетъ содержанія гомеровскаго эпоса.

Позднѣе, злоупотребленіе клятвой стало вызывать протесты истинно благочестивыхъ людей; но въ нашу раннюю пору и оно должно было дѣйствовать воспитывающе на умы людей, пріучая ихъ къ мысли, что ихъ боги — нравственныя существа, блюдущія всѣ ихъ обязательства и въ большихъ и въ мелкихъ дѣлахъ. И мы врядъ ли ошибемся, признавъ именно въ клятвѣ тѣ широкія врата, черезъ которыя вся человѣческая нравственность взошла на Олимпъ.

Все же это былъ только одинъ путь; рядомъ съ нимъ мы можемъ указать другой. Оркъ, завѣщавшій свое значеніе богамъ, былъ хотя и грозной, но все же произвольно

призываемой силой; но кромѣ него, существовала еще одна сила, сила страшная тѣмъ, что она безъ чьего-либо призыва ревниво блюла свой кругъ обязанностей, сравнительно узкій, но постепенно расширяемый. Этой силой была Эринія.

Что такое Эринія? Ея нѣкогда загадочная сущность теперь, послѣ основательныхъ изслѣдованій Э. Роде (въ его мелкихъ сочиненіяхъ, II, 229 сл.) можетъ считаться достаточно установленной. Она объясняется представленіями первобытнаго анимизма съ его культомъ душъ и кровавой местью: она — сама душа насильственно убитаго, разгнѣванная противъ того, кто раньше времени оторвалъ ее отъ чаши жизни. При обычныхъ условіяхъ, когда убитый получалъ мстителя въ лицѣ своего сына, брата или ближайшаго родственника, она пребывала въ памятливомъ бездѣйствіи, лишь издали угрожая этому родственнику на случай, если бы онъ забылъ о лежащемъ на немъ долгѣ мести. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда кровавая месть невозможна потому, что тотъ, на которомъ лежитъ ся долгъ, въ то же время и самъ убійца — другими словами, когда убиты родной отецъ или родная мать — въ этихъ случаяхъ сама душа пострадавшаго, какъ его Эринія, беретъ на себя дѣло мести и страшно караетъ убійцу, пролившаго родную кровь. Вотъ причина, почему понятіе Эриніи неразрывно связано съ понятіемъ пролитой родной крови — даже въ тѣ времена, когда сознаніе ея тождества съ душой убитаго было уже утрачено.

Утрачено оно было уже въ гомеровскую эпоху — вѣроятно, не безъ содѣйствія укрѣпившагося тогда обычая сжиганія труповъ. Душа, силой огня оторванная отъ разрушеннаго тѣла, улетала въ общую для всѣхъ обитель Аида, откуда она уже болѣе не возвращалась на землю; но Эринія сохранила свою власть надъ дѣлами міра сего. Этимъ самымъ она отдѣлилась отъ души убитаго, не теряя, однако, своей связи съ нимъ самимъ. Попрежнему говорили объ „Эриніяхъ отца", „Эриніяхъ матери", „Эриніи" или „Эриніяхъ Лаія" и т. д., при чемъ безразличное употребленіе единственнаго и множественнаго числа свидѣтельствуетъ о неопредѣленности самого понятія. Въ этомъ новомъ качествѣ ничто не мѣшаетъ Эриніи вступать въ дѣйствіе даже при жизни оскорбленнаго отца: когда Фениксъ нанесъ своему отцу Аминтору кровную обиду, „отецъ мой", разсказываетъ онъ самъ (Ил., IX, 454)

Началъ меня проклинать, умоляя ужасныхъ Эриній,
Въ вѣкъ на колѣна свои да не приметъ онъ милаго сына,
Мною рожденнаго.

Все-таки это были его Эриніи; но онѣ сознаются уже только какъ его олицетворенныя проклятія — каковыми (Araí) онѣ нерѣдко и называются впослѣдствіи.

Въ этой второй стадіи развитія мы имѣемъ уже шагъ на пути къ морализаціи Эриніи. Въ первомъ ея еще нѣтъ: Эринія-душа мститъ обидчику за причиненную ей обиду, именно потому, что она причинена ей, независимо отъ того, имѣетъ ли она нравственное право на месть или нѣтъ: не можетъ быть нравственности тамъ, гдѣ пострадавшій въ то же время и судья. Но разъ Эринія представляется третьимъ лицомъ, разъ къ ней долженъ обратиться пострадавшій, призывая ее — открывается поле для суда, а съ нимъ и для вторженія нравственнаго элемента. Кругъ дѣятельности Эриніи расширяется: къ отцу и матери присоединяется и то лицо, которое изъ родственниковъ самое близкое къ отцу. Когда Посидонъ отказывается подчиниться приказу своего старшаго брата Зевса, посланница Ирида ему говоритъ (Ил., XV, 202):

Это ли слово твое, колебатель земли черновласый,
Зевсу велишь отнести — непривѣтное, грозное слово?
Или, быть можетъ, смягчишь ты? Смягчимы сердца благородныхъ;
Старшимъ же — самъ ты вѣдь знаешь — Эриніи слѣдуютъ вѣчно.

И Посидонъ уступаетъ.

Но и на этомъ не останавливается развитіе. То первобытное чувство, которое вызвало передъ первобытнымъ человѣкомъ страшный призракъ Эриніи-души въ тѣхъ случаяхъ, когда другого мстителя быть не могло — оно продолжаетъ дѣйствовать и теперь; оно отдавало подъ покровительство Эриніи всѣ тѣ существа, за которыя при существующемъ соціальномъ строѣ заступиться было некому. Несомнѣнно, что сюда относятся всѣ вдовы и сироты, всѣ обездоленные и чужестранцы — мы объ этомъ свѣдѣній не имѣемъ, но случайно сохранившееся послѣднее звено цѣпи заставляетъ насъ признать и предыдущія. А это послѣднее звено — оно имѣется, хотя, что и неудивительно, въ одной изъ позднѣйшихъ пѣсней Одиссеи (XVII, 475), гдѣ герой, пребывающій въ видѣ презрѣннаго нищаго въ собственномъ домѣ, будучи оскорбленъ женихомъ своей жены Антиноемъ, говоритъ ему:

Если же есть и у нищихъ Эриніи купно съ богами —
Смерть Антиноя да встрѣтитъ взамѣнъ вожделѣннаго брака!

А впрочемъ — послѣднее ли это звено? Нѣтъ. Конечно, на соціальной лѣстницѣ людей нѣтъ ступени ниже той, на которой находятся бездомные нищіе; но религіозная нравственность грека не ограничивалась соціальной лѣстницей людей. Тотъ народъ, который поручалъ покровительству своей Артемиды беременныхъ самокъ лѣсныхъ звѣрей, хотя бы даже и хищныхъ — не могъ не внушить своимъ сынамъ, что нельзя безнаказанно измываться надъ живой тварью, что „есть Эриніи и у собакъ“. Эта пословица намъ засвидѣтельствована уже для болѣе позднихъ временъ, но я думаю она не была чужда душѣ поэта, сумѣвшаго изобразить въ такихъ трогательныхъ чертахъ смерть стараго пса Аргуса, узнавшаго своего никѣмъ не узнаннаго господина на двадцатомъ году послѣ разлуки (Од., XVII, 301).

Третья стадія въ развитіи Эриніи заключался въ томъ, что та связь, которая во второмъ еще наблюдается между ней и опредѣленными людьми или классами людей, теперь разрывается, и Эринія становится самобытнымъ божествомъ, блюдущимъ порядокъ, которымъ живетъ міръ. Правда, свой хроническій характеръ она сохраняетъ и теперь, какъ неизгладимый пережитокъ своего происхожденія отъ души убитаго человѣка; ея обителью поэтому остается подземный міръ, силамъ преисподней она непосредственно сродни. Но это не мѣшаетъ ей видѣть всѣ дѣла людей и карать преступниковъ; ради этого она, одѣтая въ туманныя ризы, бродитъ по землѣ. Теперь и ее призываютъ въ клятвахъ наравнѣ съ силами Орка, какъ это дѣлаетъ Агамемнонъ въ сценѣ примиренія съ Ахилломъ (Ил., IX, 258):

Будь мнѣ свидѣтелемъ первымъ, Зевесъ величайшій,
Солнце, Земля и Эриніи — вы, что въ обители мрачной
Грозно караете смертныхъ, которые ложно клялися.

Но и безъ всякаго призыва она поддерживаетъ міровой порядокъ, смотря за тѣмъ, чтобы ни одна тварь не переходила установленныхъ для нея предѣловъ. И вотъ почему, когда одинъ изъ безсмертныхъ коней Ахилла заговорилъ человѣческимъ голосомъ, чтобы предсказать ему его гибель (Ил., XIX, 418)

Такъ возгласившему тотчасъ Эриніи голосъ прервали.

И вотъ мы видимъ въ постепенномъ развитіи Эриніи процессъ, подобный тому, который мы наблюдали въ развитіи Орка. Первая исходная ступень и здѣсь и тамъ лежитъ

раньше начала гомеровской эпохи; а со второй замѣчается послѣдовательное сближеніе — тамъ Орка, здѣсь Эриніи — съ богами, въ силу чего и боги получаютъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе нравственный характеръ. Вначалѣ это были, естественно, боги подземные, наиболѣе близкіе Эриніямъ по происхожденію; такъ вышеприведенныя проклятія Аминтора надъ сыномъ Фениксомъ (Ил., IX, 456)

исполнили боги —
Зевсъ преисподней въ тѣ дни и ужасная Персефонея.

Но потомъ ихъ кругъ расширяется. Читатель, вѣроятно, отмѣтилъ сопоставленіе въ вышеприведенномъ проклятіи неузнаннаго Одиссея (Од., XVII, 475).

Если же есть и у нищихъ Эриніи купно съ богами...

А въ другомъ мѣстѣ той же Одиссеи (VI, 207) нищіе и вообще чужестранцы ставятся уже непосредственно подъ покровительство олимпійскихъ боговъ:

отъ Зевса
Нищіе всѣ и скитальцы, и даръ не роскошный, но милый.

Создается знаменательное для греческаго народа представленіе о Зевсѣ, какъ покровителѣ просителей, Zeus hikesios, именемъ котораго они себя осѣняютъ, ожидая помощи отъ тѣхъ, къ кому они обращаются. И надо быть беззаконнымъ киклопомъ, чтобы на заклинаніе (Од., IX, 269)

Ты же убойся боговъ: вѣдь просители въ домѣ твоемъ мы:
Зевсъ — покровитель усердный просителей всѣхъ и скитальцевъ
Зевсъ-страннолюбецъ, священнаго странника вождь и
заступникъ

отвѣтить нечестивыми словами:

Видно, что ты издалека, иль вовсе безуменъ, пришелецъ,
Если могъ вздумать, что я побоюсь иль уважу безсмертныхъ.

Такимъ образомъ Эриніи уготовили путь Зевсу и небеснымъ богамъ: взявъ на себя ея обязанности, сначала какъ ея соучастники, а затѣмъ на ея мѣстѣ, боги стали покровителями нравственности, блюдущими правду въ сношеніяхъ людей между собой. И Одиссей, просыпаясь на чужомъ берегу, спрашиваетъ себя съ озабоченной душой (Од., VI, 119):

Горе! Къ какому народу зашелъ я? Быть можетъ, здѣсь область
Дикихъ насильниковъ, правды не знающихъ? Или живутъ здѣсь
Гостепріимные люди и съ богобоязненнымъ нравомъ?

VI.

Завершеніемъ изображеннаго здѣсь процесса сакрализаціи нравственности и морализаціи религіи было образованіе понятія, знаменующаго попеченіе боговъ о всемъ кругѣ нравственныхъ отношеній людей. Это понятіе, чуждое сознанію ранней гомеровской эпохи, выражается словомъ opis; послѣ сказаннаго насъ не удивитъ, что это слово встрѣчается только въ Одиссеѣ, въ Иліадѣ же только въ одномъ сравненіи — дѣло въ томъ, что сравненія, какъ уже давно было замѣчено, отражаютъ болѣе позднюю культуру, чѣмъ та поэма, въ которой они стоятъ.

Этимологія этого — позднѣе заглохшаго — слова не выяснена; но скорѣе всего оно происходитъ отъ того же корня, какъ и „оптика", и означаетъ, такимъ образомъ, „взираніе", т. е. „вниманіе", съ которымъ боги относятся къ человѣческимъ дѣламъ, ихъ недреманное „око", слѣдящее за нами. Топотъ коней, уносившихъ троянъ отъ преслѣдовавшаго ихъ Патрокла, наводитъ пѣвца его подвиговъ на слѣдующее сравненіе (Ил., XVII, 384).

Словно подъ бурей земля отягченная черная стонетъ
Въ мрачную осень, когда проливные дожди посылаетъ
Съ выси небесной Зевесъ, раздраженный преступностью смертныхъ,
Кои насильственно судъ совершаютъ на сонмахъ неправый,
Правдѣ обиду творя, не заботясь объ окѣ безсмертныхъ —
Бурная влага зато наполняетъ текучія рѣки,
Многія нависи скалъ отторгаютъ разливныя воды,
Даже до моря несутся пурпурнаго съ шумомъ ужаснымъ,
Прядая съ горъ, и кругомъ разоряютъ дѣла человѣка...

Мы въ Гесіодовской обстановкѣ: судитъ не царь, а „царидароѣды", т.-е. вельможи, изгоняя Правду, и Зевсъ наказываетъ ихъ грозой непосредственно подвластной ему стихіи небесныхъ водъ. Это уже не личная обида изъ-за неисполненнаго обѣта или гекатомбы; судейскій долгъ отданъ подъ опеку олимпійскаго бога.

То же „око безсмертныхъ" слѣдитъ и за хозяиномъ, нарушающимъ долгъ гостепріимства, хотя бы имъ былъ и самъ Зевсовъ сынъ (Од., XXI, 27):

Въ собственномъ домѣ Гераклъ умертвилъ приглашеннаго гостя!
Не устыдился, жестокій, ни ока безсмертныхъ, ни имъ же
Гостю накрытой трапезы; его онъ безжалостной смерти
Предалъ, его же коней громозвучнокопытныхъ присвоилъ.

Никакого сакральнаго долга не нарушаютъ женихи Пенелопы — жертвоприношенія богамъ они совершаютъ исправно.

И все же волопасъ Филетій увѣренъ, что ихъ беззаконное хозяйничаніе въ домѣ отсутствующаго Одиссея не сойдетъ имъ даромъ со стороны тѣхъ, которые взираютъ на нихъ съ олимпійской выси (Од., XX, 213):

Горе! Я самъ приневоленъ коровъ имъ водить на пожранье,
Этимъ грабителямъ. Сына они притѣсняютъ въ отцовомъ
Домѣ и око безсмертныхъ не страшно имъ; между собою
Все раздѣлить ужъ богатство царя отдаленнаго мыслятъ.

Мало того: тотъ величавый универсализмъ, который эллинскій Зевесъ проявляетъ при первомъ же своемъ появленіи на почвѣ гомеровской поэзіи (выше, гл. II) — онъ отличаетъ также и этихъ боговъ, стражей нравственнаго долга: пираты, грабящіе чужестранцевъ, имъ такъ же противны, какъ и обидчики собственныхъ согражданъ. Очень знаменательно въ этомъ отношеніи разсужденіе честнаго свинопаса Евмея о тѣхъ же непрошенныхъ гостяхъ Одиссеева дома (Од., XIV, 81):

... а тучныхъ свиней безпощадно
Тѣ жъ женихи поѣдаютъ, не мысля объ окѣ безсмертныхъ.
Дѣлъ беззаконныхъ однако блаженные боги не любятъ:
Правда одна, и благіе поступки людей имъ угодны.
Даже разбойники, злые губители, земли чужія
Грабить обыкшіе — многой добычей, имъ данной Зевесомъ,
Свой нагрузивши корабль и на немъ возвращаясь въ отчизну,
Страхъ передъ окомъ безсмертныхъ великій въ душѣ сохраняютъ.

Да не смутятъ насъ здѣсь эти съ виду странныя слова: „добычей, имъ данной Зевесомъ". Конечно, не будь на то Зевесова воля, они не могли бы даже получить этой добычи — какъ не могли бы и женихи хозяйничать въ домѣ своего царя, и Гераклъ убить своего гостя, и неправые судьи творить кривой судъ безъ того же Зевсова соизволенія. Но соизволеніе не есть еще одобреніе, и за посланную Зевсомъ добычу пираты все-таки, какъ мы видимъ, ждутъ кары отъ того же Зевса.

Героическій эпосъ — не руководство и не катехизисъ; мы не можемъ требовать отъ него отвѣта на всѣ вопросы изъ области религіозной морали, которые возникаютъ у насъ въ строго систематическомъ порядкѣ разсужденія. Но какъ для геометра три случайно данныхъ точки опредѣляютъ все направленіе окружности, такъ и здѣсь три или нѣсколько случайно отмѣченныхъ свидѣтельствъ народной совѣсти дозволяютъ начертить всю линію интересующей насъ религіозной

санкціи. А при несомнѣнной разнородности этихъ свидѣтельствъ мы имѣемъ полное право сказать, что къ эпохѣ завершенія гомеровскаго эпоса боги уже были признаны блюстителями всего круга нравственныхъ обязанностей человѣка.

VII.

Такимъ-то образомъ совершилось на почвѣ древнегреческаго сознанія одно изъ важнѣйшихъ событій въ развитіи и религіи, и нравственности: и религія стала нравственной, и нравственность стала религіозной. И если читатель слѣдилъ за ходомъ нашихъ разсужденій съ тѣмъ интересомъ, котораго отъ него въ правѣ былъ требовать ихъ предметъ, то отъ него не скрылся также и методъ, съ помощью котораго мы достигли своихъ результатовъ: это, коротко говоря, — методъ эволюціонный. Мы считались съ постепенностью развитія гомеровскихъ поэмъ; противорѣчія разрѣшались не посредствомъ насильственныхъ толкованій и натяжекъ, а пріуроченіемъ противорѣчащихъ другъ другу свидѣтельствъ къ различнымъ эпохамъ обнимающаго нѣсколько столѣтій развитія гомеровскаго эпоса. Другіе уже раньше примѣняли этотъ самый эволюціонный методъ къ вопросамъ внѣшней культуры — вооруженія и домостроительства, чередованія бронзы и желѣза и т. д.; мы его перенесли на этико-религіозную почву. И если при этомъ получилась стройная и внутренне убѣдительная картина постепеннаго сближенія религіи и нравственности, то эта картина рекомендуетъ не только самое себя, но и тотъ методъ, который далъ возможность ее начертить.

И тотъ же методъ позволитъ намъ также устранить одно возраженіе, которое свѣдующій читатель, вѣроятно, уже давно готовитъ противъ достигнутыхъ нами результатовъ: „Какъ могутъ гомеровскіе боги быть блюстителями нравственности, когда они сами — существа совсѣмъ не нравственныя?“ Возраженіе это очень старое; оно содержится уже въ общеизвѣстномъ словѣ рапсода-философа VI в. Ксенофана:

> Все, что позорнымъ слыветъ у людей и хулу возбуждаетъ, —
> Сонму боговъ приписать дерзнули Гомеръ съ Гесіодомъ:
> Красть, и прелюбы творить, и другъ друга обманывать гнусно.

И именно противъ него было направлено возникшее тоже уже въ VI в. аллегорическое толкованіе, сводившее всѣ кощунственныя сказанія о богахъ къ физическимъ и этическимъ

притчамъ. Оно давно отжило свой вѣкъ; но хотя мы и не можемъ не сочувствовать благородному негодованію названнаго мудреца, все-таки онъ исторически не правъ. И здѣсь рѣшающее слово принадлежитъ эволюціонному методу. Да, было время, когда греки видѣли въ своихъ богахъ существа только сильныя — очень, хотя и не безконечно сильныя — но не благія; тогда и были созданы всѣ эти представленія о насиліи Зевса надъ Герой и прочими богами, съ которыми пѣвецъ Иліады считается какъ съ пережитками. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе эти представленія идутъ на убыль; всякій, читавшій Одиссею послѣ Иліады, подтвердитъ, что въ позднѣйшей поэмѣ боги стали мягче, добрѣе, нравственнѣе. Правда, въ Одиссеѣ пѣвецъ Демодокъ тѣшитъ своихъ слушателей пѣснью о прелюбодѣяніи Ареса и Афродиты, но это уже — веселая шутка, такъ же мало принимаемая въ серьезъ, какъ и схожія интермедіи средневѣковыхъ мистерій. Вообще же внутренняя морализація гомеровскаго Олимпа совершается вровень съ его возрастающимъ значеніемъ, какъ блюстителя нравственности подвластнаго ему человѣчества.

Но именно это возрастающее значеніе не могло не выдвинуть того мучительнаго вопроса, который неразрывно связанъ съ представленіемъ о божьемъ промыслѣ. Если боги награждаютъ добрыхъ и караютъ злыхъ — почему же ежедневный опытъ намъ показываетъ, что злымъ живется хорошо, а добрымъ — дурно?

Собственно говоря, этотъ вопросъ, хотя и въ нѣсколько иной формѣ, могъ возникнуть на первой же ступени гомеровскаго религіознаго сознанія. Пусть боги пекутся только о сакральномъ долгѣ человѣка; все-таки нельзя было не замѣтить, что сплошь и рядомъ исполняющимъ этотъ долгъ живется дурно и неисполняющимъ — хорошо. Но дѣло въ томъ, что на этой ступени могущество боговъ представляется еще ограниченнымъ, и вотъ эта-то ограниченность и является коррективомъ ихъ промысла. Вернемся еще разъ къ печали Зевса о предстоящей гибели Гектора (выше, гл. II). Онъ бы радъ ему помочь, чтобы наградить его за его благочестіе; онъ даже предлагаетъ это въ сонмѣ боговъ. Но тотчасъ же онъ изъ устъ собственной дочери слышитъ протестъ противъ этого намѣренія (Ил., XXII, 179):

Гектора, смертнаго мужа, давно присужденнаго Мирѣ,
Хочешь обратно ты вырвать изъ рукъ ненавидимой смерти?

И самъ Гекторъ чувствуетъ, что онъ, повидимому, подпалъ такой силѣ; въ своемъ трогательномъ предсмертномъ словѣ онъ говоритъ (Ил., XXII, 297):

Горе мнѣ! Къ гибели боги меня неизбѣжной призвали... [1])
Смерть ужъ не издали мнѣ угрожаетъ: она меня держитъ
Крѣпко, и нѣтъ мнѣ спасенья. Ужъ, видно, такъ боги судили —
Зевсъ и отъ Зевса родившійся Фебъ: милосердные, прежде
Помощь несли они мнѣ; но теперь меня Мира настигла.

О Мирѣ не спорятъ: она вѣдь не нравственная сила. Зевсъ поднялъ ея золотые вѣсы — поникъ жребій Гектора, и милосердному богу-покровителю пришлось покинуть обреченнаго.

Но этого корректива — догмата ограниченнаго могущества боговъ — хватило ненадолго. Мира — убывающая сила; пришло время — и она покорилась богамъ., стала „Мирой Зевса“, была отождествлена съ его волей, и догматъ всемогущества боговъ восторжествовалъ. „Все небожители могутъ“ (Од., X, 306), а равно и „все небожители знаютъ“ (Од., IV, 379), такова религіозная атмосфера, въ которой живетъ міръ Одиссеи. А при такихъ условіяхъ вышезатронутый „проклятый вопросъ“ возникъ во всей своей суровости. Весь нравственный долгъ человѣка покрывается санкціей небожителей — и „все небожители могутъ“; почему же, тѣмъ не менѣе, злымъ такъ часто живется хорошо, а добрымъ — дурно?

Ставилъ ли себѣ гомеровскій человѣкъ этотъ вопросъ?

Не знаемъ; во всякомъ случаѣ, Гомеръ намъ на него отвѣта не даетъ. Все же мы попытаемся, для закругленія нашего изслѣдованія, напомнить тутъ же тѣ отвѣты, которые были даны впослѣдствіи.

Устранимъ сначала отвѣтъ неполный, заключающійся въ предположеніи, что боги и награждаютъ и караютъ кого слѣдуетъ, но не сразу: „Медленно мельницы мелютъ боговъ, но старательно мелютъ. Мы не отрицаемъ его практически воспитательнаго значенія: пусть злой не торжествуетъ, а добрый не отчаивается — до самой смерти. Но тотъ же жизненный опытъ, который заставилъ человѣка поставить нашъ вопросъ,

---

[1]) Гнѣдичъ переводитъ: „Горе! Къ смерти меня всемогущіе боги призвали“. Конечно, одно это слово „всемогущіе“ опрокинуло бы все мое построеніе — если бъ оно дѣйствительно было употреблено Гомеромъ. Но нѣтъ: его вставилъ переводчикъ, не подозрѣвая, что онъ этимъ приписалъ нашему пѣвцу религіозныя воззрѣнія гораздо болѣе позднихъ временъ. Отсюда видно, какъ легкомысленно поступаютъ, тѣ, которые при культурно-историческихъ изслѣдованіяхъ довѣряются переводамъ.

опровергаетъ этотъ отвѣтъ, указывая случаи, когда нарушенное нравственное равновѣсіе не возстановляется вовсе. — Нѣтъ, займемся только тѣми отвѣтами, которые понимаютъ нашъ вопросъ въ его полной формѣ: какъ объяснить, что иногда при указанныхъ условіяхъ до самой смерти добрымъ живется дурно, а злымъ — хорошо?

Пожалуй, самымъ лучшимъ средствомъ, чтобы избавиться отъ этого вопроса было — совсѣмъ его не ставить. Пусть опытъ говоритъ, что ему угодно, а мы все-таки будемъ вѣрить, что всемогущіе боги награждаютъ добрыхъ и караютъ злыхъ. — Не знаемъ, многіе ли приняли это рѣшеніе недомыслія; по весьма понятной причинѣ свидѣтельствъ намъ не сохранилось.

Вторымъ отвѣтомъ было: причина есть, но намъ она неизвѣстна и по слабости нашего разумѣнія никогда извѣстной стать не можетъ. Это — проблема Іова и ея рѣшеніе: „Гдѣ былъ ты, когда Я полагалъ основаніе земли? Скажи, если знаешь!" Въ этихъ словахъ заключается также и объясненіе того, почему эллину это смиреніе менѣе свойственно; все же мы его иногда встрѣчаемъ. Таково заключеніе „Трахинянокъ" Софокла:

Не скрывайся, невѣста, и ты въ терему:
Ты младую, ужасную видѣла смерть,
Ты изведала столько страданій — душа
И понынѣ болитъ —
Но во всемъ была Зевсова воля.

Если же человѣкъ былъ одинаково далекъ и отъ недомыслія перваго рѣшенія, и отъ смиренности втораго, то ему оставалось три корректива, съ помощью которыхъ онъ могъ примирить свою вѣру съ безжалостными указаніями ежедневнаго опыта.

Первымъ былъ эсхатологическій коррективъ: равновѣсіе нарушенное и не возстановленное здѣсь, возстанавливается тамъ. Послѣ сказаннаго насъ не удивитъ, что эсхатологическія чаянія, едва намѣченныя у Гомера, обильно расцвѣтаютъ въ ближайшую за Гомеромъ эпоху „греческаго средневѣковья". Конечно, было бы неправильно думать, что они возникли подъ вліяніемъ этическихъ соображеній — напротивъ, мы знаемъ, что ихъ корень былъ сакральнаго, а не нравственнаго характера. Но разъ возникши, они стали желаннымъ русломъ для теченія также и религіозно-нравственной мысли.

Вторымъ коррективомъ было то, что я называю „филоно-

мическимъ сознаніемъ". Безмертіе породы — не пустой звукъ, не холодная рефлексія: человѣкъ непосредственно сознаетъ свою личную жизнь какъ посредствующее звено между жизнью предковъ и жизнью потомковъ. Доброму живется дурно? Пусть онъ не ропщетъ: онъ искупляетъ вину кого-нибудь изъ своихъ предковъ. Злому живется хорошо? Пусть онъ не торжествуетъ: боги взыщутъ свое съ его потомковъ. А если онъ бездѣтенъ? Тогда онъ уже наказанъ — худшимъ наказаніемъ, какое только могъ придумать эллинъ этихъ раннихъ, здоровыхъ временъ.

Третій коррективъ — лучшій изъ всѣхъ; но до него намъ еще очень далеко. Онъ устраняетъ вопросъ, какъ неправильно поставленный: опытъ близорукъ, дурному никогда не живется хорошо, хорошему никогда не живется дурно, такъ какъ добродѣтель, здоровье души, сама себѣ служитъ наградой, и порокъ, болѣзнь души, самъ себѣ служитъ карой. Это — коррективъ автономной морали, если не Сократа, то Платона; отсюда лозунгъ героической морали стоиковъ: добродѣтель сама себѣ довлѣетъ для счастливой жизни.

Повторяю, я только намѣчаю эти отвѣты; ихъ обстоятельное развитіе вышло бы за предѣлы настоящаго очерка.

VIII.

Возвращаемся къ точкѣ его исхода. Религіозно-біологическая санкція, охватившая подъ конецъ весь нравственный долгъ человѣка, въ началѣ, какъ мы видѣли, покрывала лишь часть его, а именно ту, которую я назвалъ его сакральнымъ долгомъ. Спрашивается, по какимъ же соображеніямъ люди въ остальныхъ областяхъ своей жизни поступали хорошо и не поступали дурно? Другими словами; какая же другая санкція покрывала нравственный долгъ человѣка въ тѣхъ его частяхъ, которыя оставляла непокрытыми санкція религіозная?

Тутъ прежде всего должна быть упомянута санкція общественная — мнѣніе о человѣкѣ того круга людей, въ которомъ ему суждено проводить свою жизнь. Имя ей — phêmis. О ней знаютъ всѣ читатели Гомера: это — та атмосфера, въ которой живутъ герои Иліады и Одиссеи. Ея значеніе развиваетъ въ разговорѣ со своимъ неузнаннымъ мужемъ Пенелопа (Ѳд., XIX, 328):

Не надолго намъ жизнь достается на свѣтѣ.
Кто здѣсь и самъ безъ любви и въ поступкахъ любви не являетъ,
Тотъ ненавидимъ, пока на землѣ онъ живетъ, и желаютъ
Зла ему люди; отъ нихъ поносимъ онъ нещадно и мертвый.
Кто жъ безпороченъ душой и въ поступкахъ своихъ безпороченъ,
Имя его, съ похвалой по землѣ разносимое, славятъ
Всѣ племена и народы, и добрымъ его величаютъ.

Она заставляетъ мужа прежде всего отличаться въ военной доблести, какъ главной мужской добродѣтели тѣхъ временъ: каждому подвигу обѣщана добрая слава, и эта слава такъ сладка, что Ахиллъ даже своей долговѣчностью пожертвовалъ ради нея (Ил., IX, 413). Надеждой на добрую славу соблазняютъ охотника на опасное предпріятіе — ночную развѣдку въ троянскомъ станѣ (Ил. X, 212), или на не менѣе опасный поединокъ съ лучшимъ бойцомъ среди троянъ (Ил., VII, 91). И наоборотъ, кто бѣжитъ съ поля битвы, тотъ губитъ свою славу (Ил., V, 532; XV, 564); такъ точно и тѣхъ, которые хотѣли бы уклониться отъ троянской войны, обидная молва въ народѣ заставила подъ конецъ принять въ ней участіе (Од., XIV, 235). Наравнѣ съ доблестнымъ воиномъ слава вѣнчаетъ — на то мы и въ Греціи — перваго въ состязаніи (Од., VIII, 147); и когда женихи Пенелопы оказываются не въ состояніи натянуть лукъ Одиссея — они ждутъ себѣ за это обидной молвы, и при томъ не только отъ мужчинъ, но и отъ женщинъ (Од., XXI, 323). Когда Телемахъ, исполняя обязанности хорошаго сына, отправляется искать отца — его къ этому склоняетъ, кромѣ любви къ нему, еще и слава, которую онъ этимъ подвигомъ заслужитъ среди людей (Од., I, 95; III, 78). Еще выше слава Ореста, отомстившаго за убійство своего отца (Од., I, 298); и наоборотъ, Фениксъ, проклятый своимъ отцомъ, замышляетъ убить его, но (Ил., IX, 459)

Боги мой гнѣвъ укротили, представивши сердцу, какая
Будетъ въ народѣ молва и какой мнѣ позоръ въ человѣкахъ,
Ежели отцеубійцей меня прозовутъ аргивяне.

Слава ожидаетъ и человѣколюбца: она увѣнчаетъ чело Алкиноя, если онъ поможетъ Одиссею вернуться въ милое отечество (Од., VII, 333). Она одинакова и для мужчинъ и для женщинъ. Молодую дѣвушку она поощряетъ усердно заниматься своими хозяйственными работами (Од., VI, 29) и ревниво оберегать свою дѣвичью честь (Од., VI, 273); жену склоняетъ соблюдать вѣрность отсутствующему мужу и не покидать его дома (Од., II, 125; XVI, 75; XIX, 527).

Она не ограничивается однимъ поколѣніемъ: Гекторъ своей доблестью не только охраняетъ свою личную славу, но и славу своего отца (Ил., VI, 446); наоборотъ, Одиссей своими подвигами подъ Троей оставилъ славу также и для своего сына (Од. I, 240). Этимъ уже подготовляется то, что я выше назвалъ филономическимъ сознаніемъ. Оресту досталась „широкая слава, о которой и потомки услышатъ“ (Од., III, 204); и Телемаха неузнанная Аѳина увѣщеваетъ быть мужественнымъ, чтобы его и потомки славили (Од., I, 302). Высшая же слава среди потомковъ — это та, которую порождаетъ и живитъ пѣснь пѣвца. Она со всѣмъ примиряетъ. Героямъ троянской войны нечего сокрушаться о своихъ страданіяхъ (Од., VIII, 579):

Имъ для того ниспослали и смерть и погибельный жребій
Боги, чтобы славною пѣснью о нихъ услаждались потомки

Пѣснь награждаетъ, пѣснь и караетъ; это показали лучшая и худшая изъ женъ, Пенелопа и Клитемнестра (Од., XXIV, 195). Благо той

Мужу, любящимъ
Сердцемъ избранному, вѣрность она сохранила; и будетъ
Слава за то ей въ потомствѣ, и въ пѣсни пѣвцовъ сохранится
Память о вѣрной, прекрасной, разумной женѣ Пенелопѣ.
Участь иная коварной Тиндаровой дочери, гнусно
Въ руку убійцы предавшей супруга; о ней сохранится
Страшная пѣснь у потомковъ; она навсегда посрамила
Полъ свой и женъ — даже тѣхъ, что жизнь проводили безгрѣшно.

...А эта санкція, спросятъ, не нуждается въ коррективахъ? Всегда ли добрая слава вѣнчаетъ истинную заслугу? Непогрѣшима ли въ своей нравственной оцѣнкѣ пѣснь пѣвцовъ? Придетъ время — и Эсхилъ представитъ своимъ современникамъ идеалъ истиннаго праведника, говоря о немъ (Семь вождей, 592).

Онъ быть желаетъ добрымъ, не казаться.

Тотъ идеалъ, въ которомъ современники, какъ гласитъ преданье, признали Аристида. И еще позднѣе придетъ время — и Платонъ предложитъ своему читателю мучительную дилемму: „вотъ, съ одной стороны, добродѣтельнѣйшій мужъ, слывущій, однако, порочнѣйшимъ, — ненавидимый, мучимый, казнимый; а вотъ, съ другой, — порочнѣйшій, слывущій добродѣтельнѣйшимъ и поэтому пожинающій всѣ награды общественной любви и уваженія. Выбирай, которымъ изъ нихъ хотѣлъ бы ты быть!“ (Государство, II, гл. 4).

Все это, повторяю, было продумано позднѣе; въ нашу эпоху позволительно было искать успокоенія въ непогрѣшимости этой общественной санкціи и къ ней взывать отъ тѣхъ ударовъ, которые доставались на долю человѣка по волѣ не всегда справедливыхъ боговъ и никогда не справедливой Миры.

IX.

Въ послѣднихъ словахъ я намекнулъ на ту санкцію, къ которой мы и въ настоящее время всегда взываемъ, когда насъ особенно сильно терзаетъ несправедливость общественнаго мнѣнія... ибо, говоря правду, оно теперь много несправедливѣе, чѣмъ въ гомеровскія времена. Тогда все-таки жизнь человѣка была на виду, и его ближніе знали про него почти столько же, сколько и онъ самъ. Теперь мы знаемъ только клочки изъ жизни нашего ближняго и изъ нихъ по своему личному настроенію, а то и случайно, плетемъ ему вѣнокъ доброй или злой молвы.

А потому теперь чаще, чѣмъ тогда, чаще чѣмъ когда-либо приходится взывать къ той другой и послѣдней санкціи — къ санкціи собственной совѣсти. Спрашивается, однако, совсѣмъ ли она была неизвѣстна гомеровскому человѣку? И не живетъ ли въ немъ хотя бы зародышъ ея сознанія?

Было бы неблагоразумно, для рѣшенія этого вопроса взявъ за точку исхода русское слово „совѣсть", замѣнить его греческимъ его эквивалентомъ и затѣмъ навести справку, встрѣчается ли оно у Гомера. Конечно, русское „совѣсть", какъ и латинское conscientia, буквальный переводъ греческаго syneidêsis; но это слово (или равносильное ему to syneidos), обозначающее внутреннюю силу, „вѣдающую съ нами" о нашемъ грѣхѣ, не встрѣчается раньше стоической философіи и, повидимому, создано ею. Во всякомъ случаѣ, гомеровская поэзія не была подходящей почвой для такихъ отвлеченностей.

Но вотъ, читая самого Гомера, мы наталкиваемся на трогательную рѣчь Телемаха въ итакійскомъ вѣчѣ. Описавъ землякамъ безстыдное хозяйничаніе жениховъ въ домѣ его отца, онъ продолжаетъ (Од., II, 64):

Ужель не тревожитъ васъ совѣсть? По крайней
Мѣрѣ, чужихъ устыдитесь людей и народовъ окружныхъ,
Намъ сопредѣльныхъ; боговъ устрашитеся мщенья, чтобъ гнѣвомъ
Васъ не постигли самихъ, негодуя на вашу неправду.

Положимъ, Жуковскій ужъ очень облегчилъ намъ дѣло: въ текстѣ нѣтъ слова „совѣсть“, а есть только глаголъ: nemessêthête. Но по существу онъ правъ. Телемахъ заклинаетъ итакійцевъ всѣми тремя санкціями нравственнаго долга; онъ взываетъ къ божьей opis, карающей, какъ мы уже знаемъ, неправедныхъ судей; онъ ссылается на phêmis окружающихъ народовъ — и, прежде всего на внутренній голосъ „ихъ самихъ“. Это сопоставленіе рѣшаетъ дѣло.

Насъ интересуетъ, однако, и употребленный Гомеромъ глаголъ: nemessêthête, въ которомъ читатель безъ труда узнаетъ хорошо ему знакомую Немезиду. Оба, и глаголъ, и существительное — нерѣдко встрѣчаются у Гомера, притомъ не обязательно въ смыслѣ нашего „совѣсть“: они употребляются въ смыслѣ всякаго нравственнаго осужденія, а изрѣдка и простого гнѣва, кое-гдѣ получая и тотъ смыслъ, о которомъ рѣчь идетъ здѣсь. Такова та внутренняя сила, которая возмущается у Телемаха, когда онъ видитъ гостя долго ждущаго у дверей (Од., I, 119), и не даетъ ему держать долгія рѣчи въ присутствіи почтеннаго Менелая (Од., IV, 158), которая заставляетъ Посидона повиноваться старшему брату (Ил., XV, 211) и не велитъ ахейцамъ допустить, чтобы трояне завладѣли тѣломъ Патрокла (Ил., XVII, 254), а Гектору, чтобы ахейцы сняли доспѣхи съ его соратника Сарпедона (Ил., XVI, 544), къ которой слѣдовало бы прислушаться и трусливому Парису (Ил., VI, 351) и насильникамъ-женихамъ (Од. II 138) — та сила, которая сопоставляется (Ил., XII, 122) съ aidôs, т. е. по правильному пониманію съ „чувствомъ чести“. А все же — не странно ли, что имя этой силѣ у Гомера — nemesis? Не то вѣдь привыкли мы представлять себѣ подъ словомъ „Немезида“.

Дѣйствительно, здѣсь придется повторить то, что мы сказали объ Оркѣ и Эриніи: опять передъ нами результатъ развитія, начало котораго относится къ до-гомеровскимъ временамъ. О первоначальномъ значеніи Немезиды спора нѣтъ и быть не можетъ: это — сила „удѣляющая“ (отъ глаг. nemein) человѣку его долю и, естественно, смотрящая за тѣмъ, чтобы онъ не выходилъ изъ границъ своего удѣла, не присваивалъ себѣ большей доли счастья, чѣмъ какая ему дарована, не ставилъ себя, смертнаго, въ одинъ рядъ съ богами. За всякое высокомѣріе человѣка караетъ гнѣвъ Немезиды: это непосредственно вытекаетъ изъ ея значенія, какъ „удѣляющей“ богини. Но во всѣхъ этихъ функціяхъ мы имѣемъ,

пока, лишь извнѣ дѣйствующую на человѣка силу, силу такого же порядка, какъ и карающіе его олимпійскіе боги. И нельзя сказать, чтобы это представленіе было совсѣмъ чуждо Гомеру. Правда, Немезиды, какъ богини, онъ не признаетъ, но онъ говоритъ о „немезидѣ“ Зевса противъ витязя, который сталъ бы сражаться съ болѣе сильнымъ (Ил., XI, 543), и еще чаще упоминаетъ о „немезидѣ“ людей, карающей забывшихъ о своемъ долгѣ. Но тѣ мѣста, которыя я привелъ выше, стоятъ особнякомъ: здѣсь сила Немезиды перенесена въ самую душу человѣка, она отождествлена съ тѣмъ, что мы называемъ его совѣстью. Всѣ эти мѣста принадлежатъ либо къ позднѣйшимъ пѣснямъ Гомера, либо къ позднѣйшимъ вставкамъ въ болѣе раннія; отсюда слѣдуетъ, что гомеровскій человѣкъ сравнительно поздно открылъ въ себѣ эту таинственную силу, карающую его прегрѣшенія не менѣе чувствительно, чѣмъ opis боговъ и phêmis людей — и, не находя въ своемъ языкѣ слова для ея обозначенія, нарекъ ее смежнымъ именемъ „немезиды“.

Значитъ ли это, что именно тогда человѣкъ впервые сталъ дѣйствовать подъ вліяніемъ этой силы, избѣгая ея „угрызеній“? Нѣтъ, конечно. Во всѣ времена кровь переливалась въ жилахъ человѣка, много раньше, чѣмъ былъ открытъ законъ кровообращенія; и во всѣ времена человѣкъ чувствовалъ въ себѣ какую-то нравственную пружину, опредѣлявшую его поведеніе — тоже много раньше, чѣмъ онъ пришелъ къ ея сознанію и почувствовалъ потребность дать ей имя.

Есть у Гомера пара тѣсно соединенныхъ другъ съ другомъ пѣсенъ — это четвертая и пятая въ Иліадѣ, — которую можно прямо назвать „трагедіей совѣсти“; и именно здѣсь самое слово не упоминается. Ихъ герой — ликіецъ Пандаръ. Между ахейцами и троянами заключено перемиріе, войска расположены на небольшомъ разстояніи одно отъ другого. Къ одному изъ троянскихъ витязей, Пандару, является, принявъ чужой образъ, Аѳина: она искушаетъ его близостью Менелая. „Сколько бы далъ Парисъ, чтобы ты освободилъ его отъ соперника? А соперникъ этотъ такъ близко... ты же — искусный стрѣлокъ“... (Ил., IV, 104):

Молвила такъ — и направила умъ безразсуднаго мужа.

Почему „безразсуднаго“? Чего ему бояться? Божьей ли opis. Онъ принесетъ Аполлону „славную“ гекатомбу. Людской ли

phêmis? Отъ людей онъ ждетъ хвалы и наградъ, больше же всего отъ Париса. Нѣтъ, тутъ есть нѣчто другое, но что именно, этого пѣвецъ назвать не можетъ.

Какъ бы то ни было, Пандаръ согласенъ. Подолгу описываются приготовленія къ предательскому выстрѣлу... намъ кажется, мы слышимъ въ этой жути описанія, какъ бьется сердце у злодѣя. Но вотъ лукъ звякнулъ, полетѣла стрѣла, Менелая она ранила, не убила — та же Аѳина отразила ее, „какъ любезная матерь гонитъ муху отъ сына". Все же перемиріе нарушено; битва загорается вновь.

Въ этой битвѣ Пандаръ принимаетъ дѣятельное участіе; храбрѣйшій ахейскій витязь Діомедъ раненъ его стрѣлой. Его соратникъ Эней хочетъ побудить его къ дальнѣйшимъ подвигамъ; но какъ страненъ отвѣтъ Пандара! (Ил., V, 209).

Въ злую годину, я вижу, и лукъ и пернатыя стрѣлы
Снялъ со столба я въ тотъ день, какъ рѣшился въ веселую Трою
Рати ликійскія весть, угождая Пріамову сыну.
Если жъ я вспять возвращусь и увижу моими очами
Землю родную, жену и отеческій домъ нашъ высокій —
Пусть иноземецъ враждебный тотчасъ же мнѣ голову срубитъ,
Если я лукъ сей и стрѣлы въ пылающій пламень не брошу,
Въ щепы его изломавъ; безполезный онъ былъ мнѣ сопутникъ.

Откуда такое уныніе? Почему сомнѣвается Пандаръ въ возможности своего возвращенія въ высокій домъ своего отца? Почему ему сталъ такъ ненавистенъ его славный лукъ? — Пѣвецъ этого сказать не можетъ, но мы это и такъ чувствуемъ: это с о в ѣ с т ь мучитъ предателя, коварно среди перемирія поразившаго своего довѣрчиваго противника.

Предчувствіе не обмануло его. Согласившись нехотя стать рядомъ съ Энеемъ, на его колесницу, онъ ѣдетъ навстрѣчу Діомеду. Происходитъ поединокъ; копье Пандара отпрянуло отъ брани ахейскаго витязя, наступилъ чередъ послѣдняго (ст. 290).

и копье н а п р а в л я е т ъ А ѳ и н а
Мимо очей его въ носъ; пролетѣла сквозь бѣлые зубы
Мѣдь безпощадная, г и б к і й я з ы к ъ в о з л ѣ к о р н я о т с ѣ к л а
И, остріемъ просверкнувши насквозь, замерла въ подбородкѣ.
Рухнулся онъ съ колесницы, взгремѣли на падшемъ доспѣхи.

Языкъ отсѣкается тому, кто согрѣшилъ языкомъ, давая вѣроломную клятву: и совершаетъ дѣло возмездія та тамая Аѳина, которая своимъ искусительнымъ словомъ подвинула „безразсуднаго мужа" на его злодѣяніе и своей заботливой

рукой оградила намѣченную имъ жертву. Но она этимъ только завершила его участь: онъ уже раньше былъ обезсиленъ и казненъ своей собственной совѣстью.

Этотъ судья — очень древній; вѣроятно, самый древній, хотя свое имя онъ получилъ сравнительно поздно. Оно не удержалось; въ послѣ-гомеровскую эпоху Немезида опять стала внѣшней богиней возмездія, для внутренняго голоса стали подыскивать другія имена, пока не успокоились на вѣскомъ и глубокомъ имени syneidêsios... Да, судья этотъ едва ли не древнѣйшій: тѣ, что явились послѣ, заняли мѣсто рядомъ съ нимъ — и людская phêmis, и божья opis. До конфликта между ними было еще далеко, хотя онъ и сталъ со временемъ неизбѣженъ; перечитывая Одиссею, мы съ душевной отрадой проникаемся тѣмъ нравственнымъ міромъ, которымъ вѣетъ отъ нея. Тогда еще не было разлада между судящими силами, и человѣкъ, нарушавшій нравственный законъ, чувствовалъ грозу божьяго гнѣва надъ собой, враждебную силу людской молвы вокругъ себя и угрызенія собственной совѣсти внутри своего сердца.

Ѳ. Зѣлинскій.

КАРТИНЫ ВОЙНЫ.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ И ЗАМѢТКИ.

I.

Нашъ санитарный отрядъ отправлялся на фронтъ весной 1915 года.

Свѣтлая весенняя ночь. Уплываютъ въ прозрачный туманъ трубы Петрограда, мимо оконъ мелькаютъ поблѣднѣвшіе въ бѣловатой мглѣ желтые и красные огни семафоровъ. Все такъ радостно и значительно. О ранахъ и смерти, о предстоящей скорбной и трудной работѣ какъ-то не хочется и думать. Мысль летитъ впередъ — туда, гдѣ окопы, снаряды, проволочныя загражденія, всѣ чудеса и ужасы современной войны.

Все меньше и меньше встрѣчается на станціяхъ штатской публики, одинъ за другимъ обгоняютъ насъ воинскіе поѣзда — война начинаетъ чувствоваться. Наконецъ, первый слѣдъ войны: сожженная германскимъ разъѣздомъ станція (это было вскорѣ послѣ ликвидаціи германскаго наступленія въ данной мѣстности). Обвалившіяся наполовину стѣны; скрюченная, облупившаяся желѣзная крыша среди груды обломковъ. Около станціоннаго зданія былъ, очевидно, садикъ съ тѣнистыми деревьями, — теперь остались одни обуглившіеся стволы съ уныло торчащими черными сучьями. Молчаливо и жадно смотрѣли мы на пожарище, поѣздъ медленно и грустно проходилъ мимо.

Конецъ желѣзной дороги. Дальше путь во власти германцевъ. Кто-то со значительнымъ видомъ сообщаетъ, что непріятель въ 10 верстахъ (на самомъ дѣлѣ онъ гораздо дальше). Полная тьма — отъ бѣлыхъ ночей мы давно уѣхали. Въ бѣдномъ залѣ II класса тускло горитъ керосиновая лампа. Офицеры — пыльные, загорѣлые, „боевые“ — толпятся около буфета, гдѣ хорошенькая полька за небольшую плату даетъ молоко, чай и бутерброды. Выхожу на платформу. Вгляды-

ваюсь въ черную стѣну тьмы и стараюсь угадать, гдѣ здѣсь проходитъ таинственная черта, отдѣляющая насъ отъ „врага". Кажется, что кто-то враждебный притаился около — высматриваетъ, подстерегаетъ. И отчего-то хочется говорить шопотомъ...

На разсвѣтѣ разгрузка. Выкатываютъ линейки, автомобили. Застоявшіяся лошади пугаются, шалятъ, команда едва справляется. Далеко слышны строгіе крики „взводнаго", браваго унтера съ лихо закрученными кверху густыми усами. Вытягивается весь длинный обозъ. Уполномоченный, высокій блондинъ со свѣтло-голубыми глазами, ѣдетъ впереди верхомъ на черномъ конѣ. За нимъ кавалькада юныхъ „прапорщиковъ"— братьевъ милосердія.

Въ маленькомъ литовскомъ мѣстечкѣ, почти безлюдномъ, насъ ожидала „база", т. е. врачебно-питательный пунктъ, связанный съ нашей „летучкой". Эту „базу" составляли завѣдывающій хозяйственной частью и три сестры милосердія. Нѣсколько дней пришлось провести здѣсь въ ожиданіи, пока опредѣлится наша дальнѣйшая судьба. Посреди мѣстечка площадь — обширное пространство, вымощенное булыжникомъ. На эту площадь выходятъ домики наиболѣе состоятельныхъ обывателей. Въ одномъ изъ такихъ домиковъ, покинутыхъ хозяевами, мы и помѣстились, а обозъ поставили на большомъ дворѣ по сосѣдству.

Утро. Косые лучи солнца прорѣзали туманъ и озолотили скамейку на нашемъ крыльцѣ. Вдругъ гдѣ-то близко-близко, не то сбоку, не то надъ головой, мѣрный трескъ, пыхтѣніе, жужжаніе пропеллера: трр...

— Аэропланъ!

Братья милосердія, солдаты — всѣ высыпали на площадь. Въ дверяхъ чайной показался хозяинъ, литовецъ, съ нѣсколькими посѣтителями. Головы закинуты, глаза устремлены къ небу.

— Нашъ или германецъ? — раздается нерѣшительный вопросъ.

— Ихній, — равнодушно отвѣчаетъ солдатъ, продолжая пристально смотрѣть въ высь. — Черный крестъ видать.

Аэропланъ плыветъ въ бездонной синевѣ утренняго неба, весь пронизанный, точно зажженый золотистыми лучами встающаго солнца. Золотистый среди прозрачной лазури, радостный и легкій, онъ кажется хрупкой, нѣжной игрушкой.

— Вотъ нѣтъ ружья, подстрѣлить бы! — тяжело вол-

нуется братъ милосердія Кречетовъ, и его лицо, неподвижное, заросшее бородой, вдругъ багровѣетъ.

— Мы, — „Красный Крестъ“, — серьезно напоминаетъ уполномоченный, всегда стоящій на строго-принципіальной точкѣ зрѣнія и не склонный къ увлеченіямъ. — Стрѣлять не наше дѣло.

— Это не важно... Тутъ другое... Подстрѣлить — и баста!

— Убивать можетъ тотъ, кто самъ отдаетъ жизнь,— сдержанно-тихимъ голосомъ говоритъ братъ милосердія Алексѣевъ, красивый мальчикъ, порывистый и добрый. — Тогда надо идти въ строй.

Позиціи отъ насъ далеко, верстахъ въ 20-ти. Тамъ что-то происходитъ. Мимо насъ рота за ротой проходятъ подкрѣпленія. Солдаты, грязные, потные, подбѣгаютъ къ нашему кипятильнику, торопливо нацѣживаютъ чай и бѣгутъ дальше. Болтается и позваниваетъ „манерка“ у пояса, и тяжело подпрыгиваетъ походный мѣшокъ на спинѣ бѣгущаго. Офицеровъ мы зовемъ къ себѣ и угощаемъ чаемъ, бисквитами, конфетами. Застѣнчивыя, славныя лица. Спокойствіе, вѣжливость и вмѣстѣ съ тѣмъ скрытая тревога. Вдругъ дрогнетъ голосъ, или промелькнетъ въ глазахъ необычное выраженіе — что-то грустное, ласковое, понимающее.

— Вотъ будете насъ перевозить, когда мы этакъ будемъ!

Штабсъ-капитанъ жестомъ показалъ, что безъ руки или ноги, взглянулъ на насъ и загадочно улыбнулся.

Одинъ прапорщикъ, высокій молодой человѣкъ въ пенснэ, студентъ по манерамъ и наружности, отказался отъ приглашенія.

— Спасибо, некогда! Идемъ выручать дивизію!

II.

Наши войска все дальше и дальше уходили за Дубиссу, тѣсня германцевъ, и тыловыя части, тяжеловѣсныя и неповоротливыя, едва поспѣвали за наступающей пѣхотой. Три дня мы гонялись за штабомъ той дивизіи, которую должны были обслуживать. Являешься въ деревню, спрашиваешь, гдѣ штабъ. — „А вчера уѣхали, наши опять впередъ ушли“.

Уполномоченный со мной и съ другимъ братомъ, юнымъ англичаниномъ, отправились на автомобилѣ впередъ разы-

скивать штабъ. Обозъ остался ждать. Штабъ помѣщался въ полуразрушенномъ мѣстечкѣ, во дворѣ костела, на горкѣ, откуда виденъ былъ противоположный берегъ Дубиссы, еще вчера находившійся подъ властью германцевъ. На крышахъ домовъ зіяющія дыры отъ снарядовъ. Съ костела сбитъ крестъ. Зацѣпившись за какую-то проволоку, онъ свѣшивается съ купола и раскачивается по вѣтру, тонкій и длинный. По склону горы, на которой расположено мѣстечко, тянутся окопы, то взбѣгая наверхъ, то опускаясь. Ихъ линія проходитъ вдоль улицы, жмется къ ряду одноэтажныхъ каменныхъ домовъ и пробирается по задворкамъ, между амбарами и другими хозяйственными строеніями. Окопы пусты, все застыло въ молчаніи. Только разстрѣлянные патроны, дырочки въ стѣнахъ отъ пуль, взрытая снарядами земля, говорятъ о томъ, что здѣсь творилось вчера.

Рѣшено было пока остановиться въ деревушкѣ, въ полуверстѣ отъ этого мѣстечка. Оказалось, однако, что куда ни ткнешься, все занято: тутъ и гусары, и казаки, и штабы, и лазареты. Наконецъ, на краю деревни нашли подходящее помѣщеніе. Крестьянская усадьба: халупа и два сарая, а посрединѣ лужайка, гдѣ можно разставить линейки и фурманки. За неимѣніемъ другого, сняли съ рукавовъ повязки Краснаго Креста, сдѣлали надпись: „Занято такимъ-то отрядомъ“ и англійскими булавками прикрѣпили къ дверямъ халупы и къ воротамъ обоихъ сараевъ.

Видимъ, черезъ поле идетъ къ намъ странная кучка людей. Старикъ, очевидно бѣженецъ съ семействомъ: жена, дочь, двое маленькихъ. Идутъ прямо на дворъ.

— Тебѣ что?

Снимаетъ шапку, кланяется.

— Я хозяинъ. Слышалъ, что германы ушли, вотъ и вернулся.

Говоритъ пѣвуче, съ мягкимъ литовскимъ акцентомъ. Глаза ласковые, добродушные, покорные. Наше положеніе дѣлается неловкимъ. Мы переглядываемся.

— А видишь, что тамъ?

Старикъ смотритъ на красный крестъ, красующійся на его халупѣ.

— Да ужъ вижу. Такъ ужъ, если надо, такъ что дѣлать. Берите домъ, я буду въ сараѣ.

— Въ сараѣ лошади.

— Такъ ничего, мы въ уголку.

— Ну, какъ знаешь.

Хозяинъ снимаетъ снова шапку и благодаритъ за то, что мы позволили ему пріютиться вмѣстѣ съ лошадьми въ его собственномъ сараѣ.

— Я понимаю... Что же дѣлать, если уже надо!

Впрочемъ, скоро старикъ съ семьей перебрался въ халупу и вполнѣ помирился съ нами: мы покупали у него молоко и яйца, а, уѣзжая, заплатили ему за лугъ, на которомъ паслись наши лошади.

На фронтѣ затишье, работы никакой. Какъ будто пріѣхали на дачу, а не на войну. Съ утра лѣнивые крики: „Чиче-егинъ (денщикъ), чаю! Чиче-егинъ, какао!“ Знойные дни. Ласковое, чистое небо. Тихо. Иногда только громыхнетъ что-то — далеко-далеко. Точно заглушенный звукъ паденія или отдаленная гроза.

Въ тѣни халупы, въ маленькомъ садикѣ, растянувшись на походныхъ кроватяхъ, какъ на chaise-longues, нѣжатся братья. Маленькій докторъ разсказываетъ анекдоты. Страшевичъ, молодой человѣкъ съ черненькими усиками и кавалерійской походкой, страшный лѣнивецъ, по обыкновенію, спитъ, накрывшись платкомъ отъ комаровъ. Панъ Крюковскій, свѣтловолосый юноша, съ дѣтскимъ лицомъ, веселый и простодушный, предается мечтамъ о паннѣ Зосѣ, покинутой имъ въ родной Холмщинѣ. Нѣжно и сладко звучитъ его захлебывающійся голосъ и милый польскій акцентъ. Только уполномоченный и его постоянный адъютантъ, англичанинъ, не остаются безъ дѣла: ходятъ между фурманокъ въ сопровожденіи взводнаго, осматриваютъ подковы лошадей, распоряжаются по хозяйству.

Каждое утро мы всей ватагой ходимъ купаться на рѣку, скромное имя которой незадолго передъ тѣмъ прославилось. Рѣка быстрая, глубокая. Высоко подняты ея лѣсистые берега. Тотъ берегъ былъ германскій, этотъ нашъ, и недавно они враждебно смотрѣли другъ на друга. Оба изрѣзаны траншеями, разбѣгающимися вверхъ и внизъ по всѣмъ направленіямъ. Передъ траншеями колючая проволока, поваленная, разорванная. Внизу у рѣки сгорѣвшая мельница. Ея уединенныя развалины, затерянныя среди лѣсистыхъ холмовъ, придаютъ пейзажу романтическую живописность. Кажется, что это развалины рыцарскаго замка...

По плотинѣ можно перейти на „германскій“ берегъ. Германскіе окопы... Обрывки нѣмецкихъ газетъ. Оторванный

заголовокъ крупнымъ шрифтомъ: „Italien als neuer Feind“. Письма... Вотъ неоконченное письмо къ какой-то Fräulein Lina. Около окоповъ коробки изъ-подъ сардинъ, бутылки, бумажные картузики съ надписью: такая-то Bäckerei, Berlin. Свои настроенія, свой патріотизмъ... Недѣлю назадъ тутъ звучала нѣмецкая рѣчь, говорили о русскихъ, какъ о врагахъ. На крутомъ берегу слѣды нашихъ пуль, ушедшихъ глубоко въ землю. Пулями избиты стволы сосенъ и елей. Осколки нашихъ снарядовъ. Развороченная, распластавшаяся какъ осьминогъ, головка гранаты. Большая яма съ красновато-грязной водой. Неужели человѣческая кровь?..

Поднялись на гребень — дальше идетъ волнистое поле. Вотъ большой бѣлый крестъ съ надписью: „Помяни, Господи, павшихъ воиновъ во царствіи Твоемъ“. Это братская могила. Въ 10 шагахъ отъ нея другой крестъ — поменьше. Надпись по-нѣмецки: „Здѣсь покоится Алоизъ Бейеръ, павшій 30 мая 1915“...

Въ три часа ночи громкій стукъ въ дверь нашей халупы. Пахнуло ночной свѣжестью, въ предразсвѣтномъ сумракѣ обрисовалась черная фигура. Казакъ съ винтовкой.

— Его благородію начальнику отряда отъ командира полка!

Всѣ вскакиваютъ. Наконецъ, работа!

— Спички! Господа, гдѣ спички?

Колеблется свѣтъ фонаря. Уполномоченный читаетъ записку. Требованіе отъ командира немедленно выслать линейки въ такую-то деревню, въ полковой околотокъ. Быстро снаряжаемся, разбираемъ сумки. Выводятъ лошадей, запрягаютъ. Въ полутьмѣ движутся темные силуэты солдатъ, слышатся негромкія приказанія. Маленькій докторъ, уполномоченный и нѣсколько братьевъ верхомъ сопровождаютъ транспортъ. Свѣтаетъ, утренній холодокъ пріятно щекочетъ спину.

Въ околоткѣ ни врачей ни санитаровъ нѣтъ. Вмѣсто нихъ сотня казаковъ. Оказалось, что ночью околотокъ былъ переведенъ куда-то въ другое мѣсто. Насъ встрѣчаетъ прапорщикъ, завѣдующій обозомъ, отчего-то очутившійся здѣсь. Глаза красные, опухшіе послѣ безсонной ночи. Онъ съ волненіемъ разсказываетъ подробности ночной атаки.

— Былъ приказъ, во что бы то ни стало, стать у забора... Пошли въ темнотѣ... Напоролись на германскій окопъ... Перекрестный огонь... Какъ тутъ разберешь... Двое нашихъ офицеровъ убиты... Много жертвъ...

Голосъ прапорщика дрожитъ, но онъ сдерживаетъ волненіе и любезно поправляетъ перекрутившійся поводъ моей лошади.

Въ халупѣ мы устроили свой перевязочный пунктъ. Нашъ маленькій докторъ хлопочетъ около инструментовъ, раскладываетъ бинты и вату. Ему почтительно помогаютъ братья. Казаки приводятъ раненыхъ. Медленно ведутъ подъ руки высокаго бородатаго мужика. Усаживаютъ на лавку. Онъ раненъ въ грудь въ двухъ мѣстахъ: попалъ подъ пулеметъ. Большая потеря крови — кружится голова, ознобъ. Говоритъ прерывисто, отхаркиваетъ мокроту, жалобится, какъ ребенокъ.

— Казакъ меня везъ... растрясъ... Я тамъ не хотѣлъ лежать... Не хочу въ Германію... Пить дайте... Не хочу въ Германію...

Хочетъ пить, не можетъ.

— На жилу давитъ... Охъ, тошно...

И голова тяжело запрокидывается назадъ.

Докторъ съ однимъ изъ братьевъ остаются здѣсь для перевязки раненыхъ, которые прибываютъ непрерывно. Остальные съ нѣсколькими линейками ѣдутъ на позиціи, т. е. собственно на передовой перевязочный пунктъ, находящійся въ непосредственной близости къ позиціямъ. Путь указываетъ казакъ.

Затишье послѣ ночного боя. Гдѣ-то очень близко щелкаютъ рѣдкіе выстрѣлы и отдаются гулкимъ эхомъ. По халупамъ, на землѣ вповалку спятъ измученные солдаты — раненые и здоровые вмѣстѣ. Ходимъ по халупамъ, собираемъ раненыхъ. Гдѣ нужно, подбинтовываемъ. На полу лежитъ молодой татаринъ — съ прострѣленной бритой головой. Между зубами клокочетъ бѣлая жидкость — вещество головного мозга — и льется на полъ. Лицо почернѣло, руки холодныя. Солдаты обступили его въ сосредоточенномъ молчаніи.

— Кончается... — шепчетъ кто-то.

III.

Мы перебрались за рѣку — ближе къ позиціямъ. Деревня, гдѣ мы остановились, была недавно ареной жестокаго боя; теперь тутъ сплошное пожарище. Въ сумерки я вышелъ побродить. Отъ халупъ остались только трубы. Въ воздухѣ все еще тянетъ гарью. Вотъ что-то бѣлѣетъ въ полу-

мглѣ: молодая женщина одиноко сидитъ среди развалинъ — печальная, неподвижная, точно не живая. Въ печкѣ, которая одна уцѣлѣла, трещитъ огонь; въ котелкѣ что-то варится. Вотъ цѣлая семья собралась на родномъ пепелищѣ и ужинаетъ подъ открытымъ небомъ. Отецъ семейства, старикъ-литовецъ, разсказалъ мнѣ о пребываніи „германовъ". У него забрали всѣхъ лошадей и выдали какія-то расписки. Онъ пошелъ къ лейтенанту. На другой день тотъ, завидѣвъ его на улицѣ, поманилъ къ себѣ пальцемъ: „Komm, Komm! Bekommst Kuni (т. е. коня)!" Лошадь дали, только плохую.

Намъ пришлось помѣститься въ открытомъ сараѣ. Спимъ на соломѣ, набрасывая на себя сверхъ одѣяла что попало, такъ какъ ночью холодъ очень и очень даетъ себя знать. На нашемъ дворѣ у забора великолѣпные окопы. Мы спасаемся туда отъ жары.

Мимо насъ по дорогѣ скачутъ туда и назадъ верховые. Вотъ ведутъ шпіоновъ съ закрученными назадъ руками. Наша команда выбѣгаетъ на дорогу и съ любопытствомъ ихъ разглядываетъ. Мальчишка лѣтъ 16-ти и старикъ, его дѣдъ. На лицахъ тупая покорность судьбѣ. Подъ конвоемъ троихъ казаковъ трясется на лошади тщедушный нѣмчикъ въ пыльно-голубомъ мундирчикѣ. Провожатые, захвативъ поводъ его лошади, пустились полной рысью, и онъ смѣшно подпрыгиваетъ, ухватившись за сѣдло.

Главное развлеченіе — наши дежурства на позиціяхъ. Каждый съ нетерпѣніемъ ожидаетъ своей очереди. Халупа, гдѣ устроенъ нашъ пунктъ, стоитъ на открытомъ мѣстѣ. Стѣны ея пробиты недавними пулями. Въ 300 шагахъ впереди батальонный резервъ, потомъ наша передовая линія. а тамъ далеко, на холмахъ съ рѣдкими торчками деревьевъ, германцы. Гдѣ-то справа лѣнивая перестрѣлка. По утрамъ въ рощѣ ноютъ съ привизгиваніемъ и съ трескомъ рвутся снаряды. Наша халупа какъ разъ между русской батареей и германской, такъ что снаряды пролетаютъ у насъ прямо надъ головой.

Разъ во время затишья я отправился посмотрѣть передовые окопы. Солдаты спятъ или безцѣльно бродятъ около окоповъ среди высокой ржи. Между нашимъ и германскимъ расположеніемъ въ этомъ мѣстѣ версты три. Я вышелъ за проволочныя загражденія и углубился въ нейтральный лѣсокъ. Вдругъ запѣли, защелкали наперебой ружейные выстрѣлы. Я вернулся. Слышу встревоженную команду унтеръ-

офицера: „По окопамъ!“ Солдаты съ недоумѣніемъ смотрятъ на лѣсокъ. Ужъ не атака ли? Потомъ оказалось, что нашъ секретъ наткнулся на германскую заставу.

Иногда, когда зайдетъ солнце, мы съ уполномоченнымъ дѣлаемъ визитъ батальонному командиру. У него очень уютно. Топится печка и разбрасываетъ веселый блескъ по угламъ просторной землянки. На нарахъ тѣсно сидятъ офицеры. Прапорщикъ весело демонстрируетъ намъ прострѣленную въ двухъ мѣстахъ шинель. Поручикъ со скучающимъ видомъ приказываетъ просунувшемуся въ землянку саперу заложить фугасъ въ пустомъ окопѣ передъ нашей цѣпью, чтобы германцы „взорвались“.

— А тамъ, когда подымется суета, можно будетъ ихъ настрѣлять, — вяло добавляетъ онъ.

Какой-то германецъ съ утра забрался въ одиночный окопъ и съ нелѣпымъ упорствомъ палитъ зря цѣлый день.

— Вотъ оселъ! — говоритъ прапорщикъ, весело щуря глазъ. — Новобранецъ, должно быть, — упражняется. А этотъ болванъ все не унимается! — смѣется онъ на новый выстрѣлъ, гулко и глупо раскатившійся въ вечернемъ воздухѣ.

Однажды утромъ, вернувшись послѣ беззаботной прогулки, я увидѣлъ на камнѣ передъ нашей халупой неподвижно сидящаго старика съ развѣвающимися сѣдыми волосами. Въ позѣ, въ наружности что-то странное, театральное. Такимъ изображаютъ короля Лира въ послѣднемъ актѣ. Я сталъ разспрашивать, какъ онъ сюда попалъ. Выяснилось, что онъ изъ деревни, только что отбитой у германцевъ. Домъ его сгорѣлъ, единственный сынъ на войнѣ.

— Зубъ нема, глазъ плохо, ухо не слышу — куда я пойду?.. Совсѣмъ одинъ... одинъ... — и онъ съ безнадежностью поникъ головой.

Пѣвучій литовскій голосъ; остановившіеся, будто невидящіе глаза. Весь точно образъ древняго горя. И странно прозвучалъ отвѣтъ на мой вопросъ о его возрастѣ:

— Тысся лѣта (онъ хотѣлъ сказать: „сто“) три отнимать...

Я далъ ему денегъ. Онъ вдругъ всполошился, поглядѣлъ на меня. Потомъ лицо его сморщилось, онъ жалобно всхлипнулъ.

Послѣ мирнаго дня — вдругъ мчатся съ поля носилки. Санитары шагаютъ часто, не тряся носилокъ, съ серьезными лицами. Раненый, деревенскій парень, стонетъ и мечется.

Онъ пошелъ къ ручью за водой, только нагнулся — пуля хватила въ задъ. Столпились казаки (ихъ взводъ стоитъ тутъ же). Санитары хлопочутъ, ободряютъ: „Молись Богу легче будетъ“.

Наши полки уходятъ, и вмѣсто нихъ сажаютъ въ окопы дивизію. Мы перекочевали на прежнее мѣсто — по сю сторону рѣки. Теперь мы занимаемъ уютный помѣщичій домъ съ прекраснымъ фруктовымъ садомъ. Хозяйка, согбенная старушка, жующая губами и шамкающая, разсказываетъ о разореніи ея гнѣздышка. Вдругъ на полусловѣ она не выдерживаетъ и начинаетъ плакать.

— Господи, когда же конецъ?

Чудные, жаркіе дни. Въ ожиданіи новаго назначенія, мы снова преданы гнетущему бездѣлью. Все и вся перепуталось въ нашихъ головахъ. Никто не знаетъ, какой день, которое число. Отъ скуки ссоримся, потомъ миримся. Панъ Крюковскій весь ушелъ въ сладкія воспоминанія о томъ времени, когда онъ жилъ въ своемъ Г—лѣ. Любовно смакуя каждую мелочь, онъ повѣствуетъ о нѣжныхъ встрѣчахъ у плетня среди гигантскихъ подсолнечниковъ, о внезапныхъ свисткахъ изъ густой ржи, означающихъ, что товарищъ уже ждетъ его для молодецкаго набѣга на чей-то фруктовый садъ, о молодыхъ веселыхъ проказахъ, въ которыхъ главная роль всегда принадлежитъ ему. Въ голосѣ звучитъ радостная улыбка, и его наивный восторгъ передается слушателямъ, расположившимся въ лѣнивыхъ позахъ подъ тѣнистой грушей. Даже флегматическій Страшевичъ, лежащій на спинѣ съ закинутыми подъ голову руками, мечтательно ухмыляется.

А по вечерамъ въ беззвѣздной вышинѣ упоительно сіяетъ луна. Все кругомъ застыло и точно звенитъ въ ея напряженно-голубомъ блескѣ. Въ такія ночи невозможно спать. Мы уходимъ на гористый берегъ рѣки, карабкаемся по отвѣснымъ обрывамъ, прячемся въ черныхъ кустарникахъ, похожихъ на притаившихся звѣрей, и стараемся напугать другъ друга. Хочется шалить, дурачиться, быть какимъ-то другимъ, ненастоящимъ.

Въ лунномъ туманѣ обрисовались какія-то развалины. Одинокая сгорѣвшая хата. Около обгорѣвшіе пни — остатокъ бывшаго здѣсь сада. На печкѣ стоятъ рядкомъ глиняные горшки, къ трубѣ прислоненъ заступъ. Я взялъ его, откуда-то посыпались обломки кирпичей. Вдругъ изъ-подъ земли, у

самыхъ ногъ пана Крюковскаго, вырастаетъ бѣлая фигура, и раздается плачущій голосъ:

— Чего ищете? Нѣтъ ничего...

Всѣ отшатнулись. Старикъ въ одномъ бѣльѣ, торчащій по поясъ въ землѣ и освѣщенный луною, былъ похожъ на привидѣніе. Я поставилъ заступъ на прежнее мѣсто, опять посыпались какіе-то кусочки, и опять задребезжалъ жалобный голосъ:

— Ну, вотъ уже беретъ!..

Долго не могъ успокоиться бѣдный старикъ, пріютившійся на родномъ пепелищѣ въ какомъ-то подземельѣ, прикрытомъ сверху досками и соломой, и потревоженный нами во время мирнаго сна.

Отъ скуки кому-то привидѣлся германецъ, да еще верхомъ. Пошли толки и разговоры о томъ, что будто прорвался германскій разъѣздъ, что какой-то крестьянинъ встрѣтилъ подозрительныхъ верховыхъ, одѣтыхъ въ русскую форму, и они обратились къ нему съ разспросами и т. д. Вечеромъ изъ „базы“ пріѣхала сестра милосердія. Панъ Крюковскій и Страшевичъ не отходили отъ нея. Мы рѣшили надъ ними подшутить. Студентъ Галчевскій, богатырь и спортсмэнъ, нацѣпилъ германскую каску, которая у него была, взялъ германскую винтовку и отправился въ садъ, гдѣ въ это время панъ Крюковскій и Страшевичъ вели поэтическую бесѣду съ сестрой при лунѣ. Внезапно отъ дерева отдѣлилась высокая фигура Галчевскаго съ винтовкой и въ каскѣ. Кавалеры не оказались на высотѣ положенія и бросились наутекъ, покинувъ свою даму на произволъ судьбы. Страшевичъ забѣжалъ въ рожь, а бѣдный Крюковскій попалъ лицомъ прямо въ крапиву, такъ что два дня послѣ этого страдалъ отъ ожоговъ. Тщетно увѣрялъ онъ насъ потомъ, когда обнаружилась наша продѣлка, что онъ спрятался въ кусты не съ цѣлью бѣгства, а чтобы подстеречь врага и ринуться на него сзади. Репутація его въ глазахъ сестры была безнадежно испорчена, а Галчевскій только улыбался насмѣшливо.

Совершенно другое вышло, когда попробовали сыграть ту же штуку съ нашими дневальными при обозѣ. Хитрый хохолъ-солдатъ, услышавъ, какъ щелкнулъ затворъ, сначала и вида не подалъ, что что-нибудь замѣтилъ, и вдругъ, схвативъ полѣно, кинулся на „германца“, который долженъ былъ обратиться въ постыдное бѣгство. Только когда мнимый „германецъ“ снялъ каску, дневальный прекратилъ погоню.

— Ахъ, это вы, ваше благородіе! А я думалъ и впрямь германецъ!

Двѣ недѣли прошли въ забавахъ, прогулкахъ и праздныхъ разговорахъ. Уполномоченный успѣлъ съѣздить въ Варшаву и получить новыя распоряженія — насъ переводятъ въ другую армію, на югъ. Восторгъ и ликованіе. Новыя мѣста, новыя впечатлѣнія!..

IV.

Черезъ Бѣлостокъ-Брестъ проѣхали въ Ковель. Тутъ надо было явиться къ начальнику санитарной части арміи. Отправились уполномоченный и я. Начальникъ былъ тучный, старый генералъ. Онъ встрѣтилъ насъ очень привѣтливо и предложилъ было обслуживать тыловые госпитали, которые очень страдаютъ отъ недостатка перевозочныхъ средствъ. Но уполномоченный твердо заявилъ, что отрядъ организованъ спеціально для работы на позиціяхъ. Генералъ сейчасъ же сдался.

— Да, да, конечно... Есть и такіе отряды. Всѣ груди увѣшаны медалями... И, знаете, вы, какъ интеллигентные люди, можете принести пользу. Вы, напримѣръ, сумѣете отличить, кто живой, а кто мертвый. А солдатъ этого не смыслитъ — закапываютъ, не разбирая. Вотъ, я вамъ скажу, въ русско-турецкую войну... — генералъ откинулся на спинку стула, — помню, выхожу въ поле послѣ боя. Раненые уже убраны, убитые погребены — честь-честью. А дѣло, знаете, было ночью, темно, жутко... Вамъ не случалось быть въ такомъ положеніи?.. И вдругъ — или мнѣ это послышалось, не знаю — стонъ не стонъ, вздохъ такой, точно изъ-подъ земли — будто поле охаетъ. Я и думаю: это, должно быть, живыхъ похоронили...

Генералъ долго разсматривалъ карту, на которой было обозначено расположеніе дивизій и санитарныхъ отрядовъ. Наконецъ, было рѣшено прикомандировать насъ къ N дивизіи. Съ ней мы отнынѣ соединили свою судьбу.

Опять походъ. Дорога черной лентой легла среди веселой желтизны полей. Шелестятъ и поскрипываютъ высокіе, спѣлые колосья пшеницы. Ярко зеленѣютъ дубовыя рощи. Ласковый, теплый вѣтеръ — синее, радостное небо. Желтое,

зеленое, синее — все сіяетъ и блещетъ. А подъ ногами черная земля. Югъ, Малороссія! Пріятно заѣзжать впередъ, обгоняя обозъ, и потомъ поджидать остальныхъ гдѣ-нибудь подъ зеленымъ шатромъ, въ сторонѣ отъ дороги. Вотъ и знаменитое Г—ло, родное село пана Крюковскаго. Мы подъѣхали къ нему почти ночью. Съ любопытствомъ разглядывалъ я въ полутьмѣ этотъ сказочный край, гдѣ разыгрывалось столько таинственныхъ приключеній. Панъ Крюковскій заранѣе выпросилъ у меня шашку, чтобы поразить сердце панны Зоси своимъ воинственнымъ видомъ, и, ликуя, гарцовалъ впереди. Но, увы, ни панны Зоси, ни другихъ прекрасныхъ паненокъ не оказалось. Половина села была пуста. Ночевали въ сараѣ. На разсвѣтѣ панъ Крюковскій успѣлъ таки обѣгать всѣ знакомыя мѣста и былъ въ полномъ восторгѣ.

Мы двинулись дальше. Холмы, овраги, безконечныя поля пшеницы и ржи, кой-гдѣ зеленыя пятна деревьевъ. Съ высокаго берега открылся Бугъ — извилистый и мутный. На склонѣ холма разноцвѣтныя группы бѣженцевъ-галичанъ въ живописныхъ яркихъ одеждахъ. Австрійцы въ голубыхъ курткахъ исправляютъ спускъ къ рѣкѣ и почтительно намъ козыряютъ. Имъ тутъ привольно, и они, кажется, не помышляютъ о томъ, чтобы вырваться изъ плѣна. Сплошь и рядомъ видишь, какъ одинъ нашъ солдатикъ, ничѣмъ не вооруженный, лѣниво шествуетъ въ хвостѣ цѣлаго батальона австрійцевъ, провожая ихъ на работу.

Штабъ N дивизіи стоялъ въ большомъ селѣ Г—кѣ, утопавшемъ въ зелени. Мы остановились у священника. Раскинули палатки въ прохладномъ саду, окружавшемъ деревянную церковь, стѣны которой радостно бѣлѣли сквозь густую листву. Садъ кончается обрывомъ. Внизу копошатся людишки — австрійцы, отчего-то облѣпившіе походную кухню, русскіе солдаты, мѣстные жители. Не успѣли какъ слѣдуетъ устроиться, какъ насъ вытребовали въ полномъ составѣ въ полковой околотокъ, находившійся приблизительно верстахъ въ семи, въ маленькой деревнѣ на высокомъ берегу Буга. Мы пріѣхали туда вечеромъ и, въ сопровожденіи старшаго врача и полкового священника, отправились на позиціи.

Темная, безлунная ночь. Открытое поле. Справа и слѣва взлетаютъ беззвучно ракеты. Голубоватый блескъ ихъ блѣдно серебритъ недвижные колосья, одинокое строеніе, линейки съ оголеннымъ верхомъ. Внезапно загорится сверкающій глазъ

прожектора и жадно ощупаетъ поле. Рѣзко очертятся деревья на горизонтѣ, яркая тѣнь ляжетъ отъ лошадей, на дорогѣ четко обрисуется контуръ ѣздового, сидящаго на линейкѣ. Чувство, какъ въ сказкѣ. Зеленоглазый драконъ стережетъ свою добычу, и вотъ-вотъ протянутся его косматыя лапы. Гулко прокатываются отдѣльные выстрѣлы.

„Здѣсь“... Остановились среди дороги, вынули носилки изъ линеекъ. Раздѣлились на партіи. Уполномоченный со священникомъ, юнымъ англичаниномъ и Кречетовымъ. Со мной полковой докторъ, Страшевичъ и Галчевскій. Ведутъ ротные санитары. Какой-то ровъ пересѣкъ путь, ноги проваливаются въ яму. Идемъ въ темнотѣ черезъ густой кустарникъ. Тутъ начинается ходъ сообщенія. Раненые лежатъ тамъ, внизу, въ окопѣ. Санитары спрыгиваютъ туда, подымаютъ раненыхъ къ намъ. Укладываемъ на носилки и несемъ, стараясь не спотыкаться и идти въ ногу. Миновали ровъ. Вотъ темные силуэты линеекъ. Уполномоченный и его товарищи уже вернулись и теперь вставляютъ носилки съ ранеными въ линейки.

Чаще и чаще щелкаютъ выстрѣлы. Перестрѣлка разгорается, и вдругъ все слилось въ одинъ нестройный, яростный вой, среди котораго выдѣляются только мѣрные удары пулемета. Растерянно запрыгали со всѣхъ сторонъ ракеты, весь горизонтъ заигралъ огнями. Что-то нѣжно пропѣло около самаго уха тоненькимъ голоскомъ: фью-ю-ю...

— Ложись! — командуетъ батюшка.

Но вотъ все смолкло. Опять одинокія перещелкиванія. Нагруженныя линейки отъѣзжаютъ. Остается одна полковая.

— Ваше благородіе, тамъ во ржи еще одинъ лежитъ, — говоритъ мнѣ ротный санитаръ.

— Хорошо, пойдемъ. Линейка подождетъ.

Опять участилась стрѣльба. Что-то шаркнуло по ржи — усталая пуля на излетѣ.

— Пригнись, ваше благородіе!

Нашли раненаго. Понесли, сдѣлавъ переплетъ изъ рукъ. Тяжело. Да и ему трудно — рана въ животъ.

— О-охъ, не могу... не могу... — стонетъ раненый. — Скоро ли линейка?

Послалъ санитара впередъ, сказать, чтобы линейка ѣхала навстрѣчу. Раненаго пока положили на землю. Санитаръ прибѣгаетъ, запыхавшись:

— Уѣхала, ваше благородіе!

На мѣстѣ, гдѣ стояли линейки, набралось много раненыхъ. Приходятъ все новые и новые. Нѣкоторыхъ приносятъ на носилкахъ и складываютъ у дороги на примятой ржи, а носилки — окровавленныя, продранныя — уносятъ съ собой. Среди раненыхъ двое германцевъ. Одинъ раненъ въ голову; вмѣсто лица — сплошная синебагровая опухоль. Другой — рослый, красивый мужчина — въ плечо. Оба повалились въ изнеможеніи на землю и сразу затихли.

Санитара я послалъ въ деревню за линейками. Я одинъ. Неподвижно лежащія фигуры на землѣ. Тишина. Только еле слышный равномѣрный стонъ. Ложусь на спину. Звѣзды... Вглядываюсь, впиваюсь глазами и никакъ не могу соединить ихъ въ одно съ окровавленнымъ избитымъ лицомъ германца, съ этимъ стономъ, подымающимся съ земли. Что-то колеблется, раздваивается въ душѣ — тихій стонъ земли мѣшаетъ слушать тишину звѣздъ. Чувствую, что надо сдѣлать усиліе, что-то понять, но мысль никнетъ, обезсиленная, и я слышу только хриплое дыханіе, стономъ вылетающее изъ груди...

Въ темнотѣ движется какая-то темная масса. Батальонъ, идущій на смѣну. Идутъ беззвучно, какъ тѣни, и испуганно шарахаются, наткнувшись на раненыхъ. „Раненые!" проносится встревоженный шопотъ. Катятъ за собой игрушечную пушечку — пулеметъ...

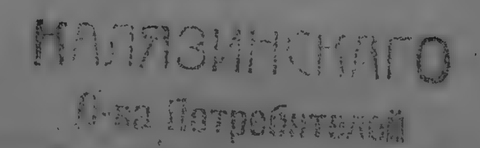
Свѣтаетъ. А линеекъ все нѣтъ. Подходитъ поручикъ.

— Что жъ вы? Днемъ здѣсь ѣздить нельзя, вся дорога подъ обстрѣломъ. Вы поскорѣе.

Наконецъ, линейки — и съ ними милый мальчикъ Алексѣевъ. Хорошенькое лицо его озабочено.

— А мы о васъ безпокоились! Какъ это вы одни остались?

Взволнованный впечатлѣніями ночи, я чувствую къ нему особенную нѣжность, и меня радуетъ его забота обо мнѣ. Быстро принимаемся за дѣло. Мѣстъ не хватаетъ — приходится класть по трое. Подсаживаемъ солдата съ перебитой ногой въ линейку, гдѣ уже лежатъ двое. Вдругъ лошади дергаютъ — солдатъ падаетъ на лежащихъ. Раздается нечеловѣческій крикъ. Раненый бьется, нога его неестественно вывернулась, глаза дико вытаращены. Санитары растерялись, не смѣютъ прикоснуться къ нему. А онъ кричитъ, и кровь стынетъ отъ этого звѣринаго вопля. Алексѣевъ, съ искаженнымъ отъ жалости лицомъ, бросается на помощь, подымаетъ его, перекладываетъ тихонько ногу. Раненый понемногу приходитъ въ себя.

Въ полутемной избѣ, гдѣ помѣщается околотокъ, толкотня и давка — негдѣ повернуться. Докторъ съ засученными рукавами и вспотѣвшимъ лицомъ хриплымъ голосомъ отдаетъ приказанія. Раненыхъ кладутъ прямо на полъ, тѣсно другъ къ другу. Фельдшера, санитары осторожно ступаютъ между ними. Быстрыми, точными движеніями докторъ смазываетъ рану іодомъ, накладываетъ компрессъ. Онъ торопится, санитары добинтовываютъ привычными, ловкими руками.

— Готово! Слѣдующій.

На дворѣ множество раненыхъ ждутъ очереди. Сидятъ, скрючившись, лежатъ въ разнообразныхъ положеніяхъ. Цѣпь ожидающихъ вытягивается отъ воротъ чуть не во всю длину улицы. Повсюду буро-красныя повязки, земля смѣшана съ кровью...

Мы устроили свой перевязочный пунктъ рядомъ, въ школьномъ домикѣ — просторномъ и свѣтломъ. Освободили классную комнату. Нашъ маленькій докторъ разложилъ на большихъ столахъ инструменты и, потирая ручки, весело ходитъ, любуясь своимъ медицинскимъ хозяйствомъ и особенно походной аптечкой. Скоро вся комната наполнилась ранеными, лежавшими на мягкомъ чистомъ сѣнѣ по стѣнамъ.

Среди раненыхъ нѣсколько германцевъ. Красавецъ-полякъ, съ обнаженнымъ по поясъ юношескимъ смуглымъ тѣломъ лежитъ неподвижно, смотря передъ собой гордымъ, не жалующимся взоромъ. На его широкой сильной груди маленькое кровавое отверстіе. Бѣлокурый германецъ, съ печальнымъ, желтымъ лицомъ, ѣстъ супъ изъ одной тарелки съ русскимъ солдатомъ, лежащимъ рядомъ. Онъ изъ Берлина, содержатель прачешной; очень вѣжливъ, благодаритъ за каждую услугу. Я предложилъ ему написать письмо домой. Въ письмѣ, между прочимъ, онъ упомянулъ, что „уходъ и обращеніе со стороны русскихъ очень хороши".

Германскій унтеръ-офицеръ изъ Кельна охотно бесѣдуетъ о политикѣ, смѣется, покуривая данную ему папироску. Онъ былъ тяжело раненъ на западномъ фронтѣ, вылѣчился и попалъ на русскій фронтъ, вмѣстѣ съ арміей Макензена.

— Французы дерутся, какъ львы, — поблескивая глазами, съ удовольствіемъ говоритъ онъ, — а англичане не умѣютъ сдаваться въ плѣнъ. Намъ очень трудно на томъ фронтѣ — вѣдь тамъ сплошная крѣпость.

Виновниками войны онъ считаетъ англичанъ и, когда нашъ юный англичанинъ начинаетъ спорить съ нимъ, онъ вдругъ вскидываетъ на него глаза и улыбается:

— Вы, должно быть, одинъ изъ нихъ?

Рана у него въ бедро. Два дня онъ валялся между окопами безъ перевязки, безъ ѣды и питья; іюльское солнце жгло его рану. Первую повязку наложили русскіе санитары. Сняли ее — подъ ней вспухла гора копошащихся червей. Докторъ невольно отшатнулся; словоохотливый германецъ, все время державшійся спокойно и бодро, зарыдалъ, какъ ребенокъ. Черныя пятна на ногѣ доходятъ почти до паха — гангрена. Быстро промыли рану спиртомъ. Германецъ рыдаетъ, санитары поддерживаютъ голову, хлопотливо подносятъ воду; на ихъ лицахъ испугъ и жалость. Пока не поздно, надо ампутировать ногу. Немедленно эвакуируемъ въ дивизіонной лазаретъ.

Перевязки окончены, сейчасъ будемъ отправлять линейки. Раненые пообѣдали, напились чаю, лежатъ, смирные, притихшіе. Одинъ только — весь израненный шрапнелью, не можетъ успокоиться. Лихорадочный блескъ глазъ; сладкій, слегка надтреснутый голосъ, умиленный и восторженный.

— Дороже всего сочувственность обчества къ раненымъ, вотъ что душѣ дорого. Спасибо, голубчики, спасибо, родные, что стараетесь для насъ. Господь вамъ воздастъ. А мы за васъ постоимъ, за всю Расею — умремъ, а не выдадимъ. Въ плѣнъ не пойдемъ, всѣ умремъ...

Когда его отправляли и онъ уже лежалъ въ линейкѣ, я принесъ ему папиросы и положилъ на приподнятое изголовье носилокъ, у самаго его лица. Онъ поглядѣлъ и обрадовался.

— Спасибо, голубчикъ, спасибо, родной.

Рука его была въ лубкѣ, онъ не могъ пошевельнуться, чтобы взять папиросу. Рядомъ съ нимъ лежалъ бѣлокурый германецъ. Я сказалъ германцу, чтобы онъ помогъ своему сосѣду закурить, когда тотъ захочетъ.

— Да, да, да, — съ улыбкой закивалъ германецъ.

Солдатъ лежалъ на боку, спиной къ германцу, и не видѣлъ его. Я объяснилъ ему, что съ нимъ рядомъ лежитъ германецъ, и что, если ему понадобится закурить, то тотъ ему поможетъ.

— Такъ это, значитъ, германецъ? — въ какомъ-то раздумьи сказалъ солдатъ. — Я и не зналъ...

Онъ помолчалъ. Потомъ вдругъ заговорилъ растроганно:

— Право, какъ этакъ пострадаешь, и врагъ милъ сердцу становится... — Голосъ его зазвенѣлъ отъ подавленныхъ слезъ. — Прямо сердце къ нему ложится...

Я долго смотрѣлъ вслѣдъ удаляющимся линейкамъ. Когда обернулся, въ глаза ударило заходящее въ пурпурѣ солнце. Что-то хорошее, нѣжное вставало въ душѣ. Золотые лучи звенѣли и пѣли, въ ушахъ звучалъ еще ласковый дрожащій голосъ раненаго, и все вмѣстѣ сливалось во что-то незыблемое, рѣшающее...

V.

Высоко громоздится черный скелетъ разрушеннаго винокуреннаго завода. Гигантскія стропила перерѣзываютъ наискось звѣздное небо. Жуткая тишина. Ноги вязнутъ въ размокшей послѣ дневного дождя глинистой землѣ. Насъ двое — Алексѣевъ и я. Съ нами ротные санитары. Пробираемся ощупью, молча. Въ темнотѣ засѣрѣла безконечная стѣна.

— Сюда, — шепчетъ санитаръ: — черезъ мостикъ...

Въ огромномъ сараѣ при слабомъ свѣтѣ электрическаго фонарика видны какія-то фигуры, лежащія тутъ и тамъ подъ шинелями. Свѣтъ фонарика тонетъ въ непроницаемомъ муракѣ и не достигаетъ противоположнаго конца сарая; кажется, что сарай концомъ своимъ уходитъ въ какую-то черную пропасть.

— Братцы... возьмите меня... — доносится жалобный стонъ изъ темноты.

Подхожу, наклоняюсь надъ раненымъ, освѣщаю фонарикомъ. Блѣдное лицо, въ широко открытыхъ глазахъ страданіе.

— Помогите... не оставьте меня... третій день лежу...

— Успокойся, голубчикъ, никого не оставимъ, всѣхъ возьмемъ... успокойся...

— Нѣтъ, ты уйдешь! — вдругъ начинаетъ вопить раненый, съ отчаяніемъ хватая меня за руку, когда я сдѣлалъ движеніе подняться. — Ты уйдешь, оставишь меня!.. Ради Христа, не отходи!.. Вотъ такъ, держи меня за руку!.. Страшно мнѣ... Не отходи, не оставляй меня!.. Вотъ такъ...

И раненый замолкъ, крѣпко уцѣпившись холодными пальцами за мои руки. Онъ не прежде отпустилъ меня, чѣмъ подошли санитары съ носилками.

Линейки и обывательскія подводы переполнены. Легко раненые кое-какъ примостились вмѣстѣ съ ѣздовыми, или сидятъ, скорчившись, въ самомъ неудобномъ положеніи, на тряскомъ ребрѣ подводы. Для нѣсколькихъ тяжело раненыхъ, которыхъ необходимо положить удобно, мѣста больше нѣтъ — ихъ пока уносятъ обратно въ сарай. Осталось одно мѣсто для сидѣнья.

— Ваше благородіе, вотъ бы германца посадить, — говоритъ санитаръ. — Который день лежитъ...

Германецъ лежалъ въ сараѣ, покрытый шинелью. Санитаръ приподнялъ шинель. Кровавая повязка на головѣ, закрытые глаза. Спрашиваю его, можетъ ли онъ сидѣть.

— Ни стоять не могу, ни сидѣть не могу... Ничего не могу... — отвѣчаетъ онъ, не открывая глазъ.

— Тамъ еще одинъ германецъ есть, — говоритъ санитаръ, — въ окопѣ лежитъ.

Окопы идутъ передъ сараемъ по скату. Соскальзываю внизъ по мокрой глинѣ. На меня глядитъ черная дыра окопа. Окликаю по-нѣмецки:

— Какъ вы ранены — тяжело? Можете сидѣть?

Молчаніе. Потомъ хриплый прерывистый голосъ изъ глубины:

— Тяжело... въ грудь...

Ротные санитары тащатъ на шинеляхъ убитыхъ; видно только, какъ болтаются безпомощно ноги въ высокихъ сапогахъ. У входа въ сарай лежитъ мертвецъ. Освѣщаю его: безусый парень, руки сжаты въ кулакъ, черное лицо...

Линейки и подводы уѣхали. Мы съ Алексѣевымъ пошли на развѣдки. Масса службъ — амбаровъ, мастерскихъ, сараевъ. Молотилки, сноповязалки, экипажи — все опрокинуто, переломано. Здѣсь было, очевидно, богатое помѣстье. Роскошный паркъ съ прудомъ, прекрасный барскій домъ съ колоннами и террасой, круглая каменная бесѣдка передъ домомъ. Еще недѣли три назадъ здѣсь, можетъ быть, кипѣла веселая, беззаботная жизнь. На террасѣ пили чай, звучалъ молодой смѣхъ, и лукавые женскіе глазки томили и нѣжили чье-то пылкое сердце... Теперь все въ ужасномъ видѣ: каменная ограда въ саду разбита снарядами, домъ и терраса превращены въ безформенную груду щебня и кирпичей: однѣ только колонны, составлявшія фасадъ дома, сиротливо бѣлѣютъ во мракѣ. Идемъ дальше. Въ темнотѣ, какъ тѣни, бродятъ саперы, окликаютъ насъ шопотомъ, спрашиваютъ о какой-то проволокѣ. Выходимъ на дорогу. Со всѣхъ сторонъ какіе-то огоньки — точно глаза дьявола. Слышенъ странный шелестъ — листья ли шумятъ, или кто-то за деревьями лепечетъ на непонятномъ языкѣ ровнымъ, шелестящимъ шопотомъ? Подходимъ ближе, горячій воздухъ обдаетъ лицо. Загадка объясняется: таинственный шелестъ исходитъ отъ тлѣющаго пожарища, по которому шаловливо перебѣгаютъ быстрые огоньки... Возвращаемся. При

входѣ въ садъ была раньше высокая арка, которая теперь обрушилась. Проваливаюсь въ какую-то яму, что-то смердитъ — зловѣщій, томительный запахъ... Зажигаю фонарикъ — на краю ямы верхняя часть человѣческаго туловища. Виденъ только черный затылокъ съ оттопыренными ушами и вытянутая рука со скрюченными пальцами. Черезъ плечо надѣта аккуратно скатанная шинель, около валяется лопатка и ненужная больше манерка.

Деревня, гдѣ помѣщается нашъ перевязочный пунктъ, послѣ нѣсколькихъ ливней превратилась въ сплошное мѣсиво. День пасмурный, облака лѣниво ползутъ сѣрой массой по небу. Иногда между ними открывается синій промежутокъ, черезъ который прорѣзывается золотой лучъ. На дворѣ, между амбарами и сараями, подъ развѣсистымъ кленомъ стоитъ некрашенный длинный столъ. Это „офицерское собраніе", гдѣ хозяйничаетъ капельмейстеръ, или „капельдудка", какъ его называютъ офицеры, — добродушный чехъ съ обвисшими растрепанными усами. Онъ очень серьезно относится къ своимъ хозяйскимъ обязанностямъ. Нѣтъ для него большаго огорченія, какъ если кто не доѣстъ, или возьметъ мало. Онъ тогда съ безпокойствомъ заглядываетъ въ глаза, спрашиваетъ, не пережарено ли мясо, достаточно ли соли и т. д.

За обѣдомъ легкій шутливый разговоръ. Ночныя впечатлѣнія затуманились; то, что ночью было ужасомъ и скорбью, теперь дѣлается предметомъ непринужденной бесѣды. Контуженный прапорщикъ Хазарскій, 19-лѣтній мальчикъ со свѣтлыми глазами, разсказываетъ объ атакѣ на тѣмъ самомъ винокуренномъ заводѣ, гдѣ мы были съ Алексѣевымъ. Воротъ его гимнастерки раскрытъ, видна нѣжная кожа загорѣлой груди. Въ разсказѣ чувствуется мальчишескій задоръ.

— Вы не можете себѣ представить, что творилось. Со всѣхъ сторонъ рвутся снаряды, кирпичная пыль бьетъ въ лицо и засыпаетъ глаза. Пули что — пустяки! Когда доберешься до пуль, то самое страшное, значитъ, миновало. А тутъ прямо думалъ, что задамъ драпанцà. Около меня фельдфебеля разорвало въ куски.

— Да, хорошъ мальчикъ! — улыбается старшій врачъ. — Пусть онъ разскажетъ, какъ онъ за 500 шаговъ роту бросилъ въ штыки. Поручикъ Нашивинъ въ серьезъ подумалъ, что онъ сошелъ съ ума.

— Глупость вышла порядочная, — морщась, говоритъ Ха-

зарскій. — Понимаете, слышу впереди крикъ — какъ будто ура. Думаю, наши впереди набѣжали на германскій окопъ и бросились въ штыки. Я тоже: „Ур!“ Бѣгу, за мной вся рота. Гляжу, раненые лежатъ. Это, значитъ, въ переднюю-то цѣпь ударило снарядомъ, подранило многихъ, они и застонали. А намъ сзади послышалось, что ура... Командую: „Стой!“ А нѣмцы тутъ какъ приняли насъ въ пулеметъ...

— А вамъ не надоѣло воевать? — шутливо спрашиваю я.

— Ну, н-нѣтъ, — тряхнувъ головой, отвѣчаетъ Хазарскій. — Я только во вкусъ вошелъ. Безъ войны скучать буду. Вотъ мнѣ предлагали отпускъ — я ни за что.

Уполномоченный уѣхалъ въ штабъ дивизіи и завѣдываніе отрядомъ поручилъ мнѣ. Нѣсколько дней прошло мирно. Однажды ночью, когда мы всѣ спали сномъ праведнымъ, меня разбудилъ яркій свѣтъ электрическаго фонаря. Протираю заспанные глаза. Надо мной стоитъ старшій врачъ.

— Вы что жъ? Полкъ уходитъ...

— Какъ уходитъ, что такое?

— Да черезъ полчаса. Тамъ гдѣ-то прорывъ... Я хотѣлъ взять у васъ линейки.

Всѣ вскакиваютъ. Черезъ полчаса все готово. Линейки, нагруженныя ранеными изъ околотка, гуськомъ стоятъ на утопающей въ жидкой грязи дорогѣ. Тьма непроглядная, звѣздъ не видно. Сырой туманъ пробираетъ до костей, накрапываетъ мелкій дождикъ. Выѣзжаемъ на дорогу. Съ любопытствомъ осматриваю горизонтъ, ищу признаковъ прорыва. Все тихо и спокойно; только справа и гдѣ-то впереди, на необычномъ мѣстѣ, вспыхиваютъ одинокія ракеты. Къ разсвѣту добрались до села Г—ка, гдѣ оставался нашъ обозъ. Тутъ нашли уполномоченнаго и завѣдующаго хозяйствомъ, забавнаго старика-менонита, который только что расположился было „хлѣбъ пекти“ и былъ очень огорченъ необходимостью уходить. Мостъ черезъ Бугъ запруженъ всевозможными частями. Безконечной цѣпью тянутся обозы, артиллерійскіе парки; въ сѣрую массу русскихъ солдатъ голубымъ потокомъ вливаются безпорядочныя толпы австрійцевъ; медленно продвигаются стада коровъ, подгоняемыя обозными. Очереди приходится ожидать довольно долго.

Мы отступили въ сѣверо-восточномъ направленіи, параллельно Бугу, и остановились въ деревнѣ Є—вѣ, верстахъ въ 25 отъ прежней стоянки.

VI.

Чистенькій свѣтлый домъ священника, который мы заняли, стоитъ высоко надъ рѣкой. Съ берега открывается чудесный видъ на уходящія вдаль причудливыя петли Буга, глубокими извилистыми коридорами пробирающагося по безконечной холмистой степи. Самого священника нѣтъ. Какъ мы узнали, это 70-лѣтній старикъ съ больными ногами, всецѣло погруженный въ заботы о своемъ фруктовомъ садѣ. Онъ не рѣшился ожидать приближенія непріятеля и заблаговременно уѣхалъ, собравъ мебель и вещи въ двѣ завѣтныя комнатки и приколовъ къ дверямъ визитную карточку съ надписью: „Прошу не входить". Но, увы, надпись не помогла. Какіе-то предпріимчивые люди проникли въ эти комнаты черезъ окно, выходящее въ садъ, и произвели тамъ настоящій разгромъ. Обломки граммофона, разодранныя приложенія къ „Нивѣ", вѣера священниковой дочки, фотографическіе альбомы, — все это валяется вперемежку на полу, образуя сплошную груду въ аршинъ высоты. Уѣзжая, священникъ забылъ даже своего пса, породистаго дога. Отъ сосѣдей мы узнали и кличку его — Урсъ. Бѣдный Урсъ очень горевалъ въ отсутствіи хозяина, грустно бродилъ по опустошеннымъ комнатамъ и тихо скулилъ.

Съ ранняго утра начинается артиллерійская перестрѣлка и съ перерывомъ для обѣда продолжается до 7 часовъ вечера. Передъ сномъ германцы посылаютъ въ разныя стороны нѣсколько шрапнелей на прощаніе. Три такія шрапнели попали къ намъ во время вечерняго купанія въ Бугѣ. Внезапно засвистѣло что-то, разорвалось съ трескомъ, и шагахъ въ 50 отъ насъ повисъ въ воздухѣ черный дымокъ. Опять свистъ и трескъ — вспыхнулъ второй дымокъ; потомъ третій, подальше. Мы выскочили изъ воды, стали одѣваться. Дома застали безпокойство. Явилось предположеніе, что германцы собираются обстрѣливать деревню, и уполномоченный приказалъ уже взводному держать обозъ наготовѣ.

Къ намъ заѣхалъ артиллерійскій штабсъ-капитанъ и предложилъ мнѣ проѣхаться съ нимъ на батарею. Я съ удовольствіемъ согласился, взялъ лошадь побойчѣе, и мы поскакали среди рослыхъ желтѣющихъ хлѣбовъ. Путь лежалъ черезъ лощинку, затѣмъ по гребню холма мимо веселыхъ дубовыхъ рощицъ. Въ одномъ мѣстѣ мой спутникъ предупредилъ меня, что надо ускорить ходъ, такъ какъ мы здѣсь

находимся въ полѣ зрѣнія непріятеля. Штабсъ-капитанъ указалъ мнѣ на виднѣвшуюся на горизонтѣ цѣпь деревьевъ.

— Вотъ, видите, аллея господскаго дома. Тамъ у нихъ наблюдательный пунктъ.

На батареѣ все имѣло совершенно мирный видъ, хотя шла довольно оживленная артиллерійская работа. Солдаты полулежатъ или сидятъ около орудій. Высокій худой прапорщикъ въ пенснэ, безъ гимнастерки по случаю жары, похаживаетъ взадъ и впередъ журавлиными шагами, попыхивая папироской. Иногда звучитъ его сильный голосъ:

— Номеръ второй, пять-семь, трубка ноль-восемь!

Номерной спокойнымъ увѣреннымъ движеніемъ вкладываетъ снарядъ, тянетъ лямку. Блескъ молніи, оглушительный грохотъ, облако пыли, орудіе откатывается назадъ, и рѣзкій свистъ удаляющагося снаряда сверлитъ воздухъ.

Мы со штабсъ-капитаномъ растянулись на мягкой травѣ и, непринужденно бесѣдуя, наслаждаемся чаемъ съ бисквитами. Около насъ, широко разставивъ ноги, стоитъ прапорщикъ въ пенснэ и любуется желто-зеленой, сверкающей подъ солнцемъ далью полей и холмовъ. Въ верстѣ отъ насъ надъ опушкой лѣса то и дѣло вспыхиваютъ дымки; направо отъ времени до времени подымаются съ земли черные столбы. Доносятся глухіе удары.

— А вѣдь вы присутствуете при настоящемъ боѣ, — говоритъ мнѣ прапорщикъ. — Вотъ бы послать фотографію въ „Огонекъ“: „Наши на позиціяхъ“. Не повѣрятъ, подумаютъ, что пикникъ... Однако здорово гвоздятъ, — говоритъ онъ, глядя на опушку, надъ которой сразу повисло девять или десять дымковъ. — Это все по нашимъ окопамъ...

Одинокая избушка, гдѣ помѣщается перевязочный пунктъ Т—аго полка, стоитъ на пасѣкѣ въ рощѣ. Распуганныя, злыя пчелы цѣлыми компаніями нападаютъ на насъ, кусаютъ въ лицо и въ шею, забираются за шиворотъ. Солдаты хохочутъ и стараются удрать отъ облѣпляющихъ ихъ пчелъ. То и дѣло раздаются восклицанія:

— А чтобъ тебя! Вишь, куда залѣзла проклятая!

Съ отлогаго возвышенія, на которомъ мы стоимъ, видно, какъ по долинѣ двигаются сѣрыя кучки солдатъ. Надъ ними рвутся шрапнели, оставляя послѣ себя бѣлое пушистое облачко, медленно тающее потомъ въ синевѣ неба. Это батальонный

резервъ, разсыпавшійся цѣпью. Все время идетъ жестокій обстрѣлъ нашихъ позицій, скрытыхъ холмомъ отъ нашихъ взоровъ. До насъ доносится частая ружейная стрѣльба.

— Это все въ четвертомъ батальонѣ, — прислушиваясь, говоритъ врачъ Геслеровскій, полный, благообразный молодой человѣкъ, всегда веселый и жизнерадостный. — Къ ночи будетъ намъ работа.

Когда стемнѣло, мы сдѣлали попытку проѣхать къ 4-му батальону и взять раненыхъ. Но не тутъ-то было; только стали шагомъ подыматься по склону холма, какъ вдругъ затрещали ружья, застучалъ пулеметъ, запрыгали ракеты, и надъ головой стало что-то посвистывать. Линейки остановились.

— Ничего не подѣлаешь, надо вернуться, — сказалъ уполномоченный.

Нѣкоторые, наиболѣе пылкіе, стали спорить и доказывать, что можно перебраться ползкомъ черезъ гребень холма и какъ-нибудь донести раненыхъ до линеекъ. Но уполномоченный рѣшительно заявилъ, что онъ не имѣетъ права напрасно подвергать людей опасности.

— И вамъ будетъ худо и раненымъ.

Послѣ полуночи на перевязочномъ пунктѣ стали появляться первые раненые. Вносились и выносились носилки; все слилось въ одно впечатлѣніе голаго окровавленнаго тѣла въ мигающемъ блескѣ свѣчи. Начинался разсвѣтъ, когда мы, истомленные безсонной ночью, отправляли послѣднюю партію линеекъ. Подходитъ какой-то солдатъ и Христомъ Богомъ молитъ забрать двоихъ раненыхъ, привезенныхъ имъ на крестьянской подводѣ. Уполномоченный отвѣчаетъ, что ничего не можетъ сдѣлать: линеекъ больше нѣтъ.

— Ваше благородіе, хоть какъ-нибудь пристройте... — тоскливо говоритъ солдатъ. — Лошади балуютъ. Чистая бѣда съ ними, что хошь дѣлай!

Дѣйствительно, лошади — двѣ жалкія, заморенныя клячонки — уперлись мордами въ край дороги и ни съ мѣста. Съ какимъ-то отчаяніемъ солдатъ принялся нахлестывать ихъ прутьями — тѣ только брыкаются и все норовятъ свернуть съ дороги прямо въ поле. Что-то сознательное, злобное есть въ этомъ упрямствѣ. Одинъ изъ раненыхъ, рыжій солдатъ съ простымъ мужицкимъ лицомъ, спокойнымъ и какъ будто равнодушнымъ, лежитъ неподвижно. Докторъ пощупалъ пульсъ и махнулъ рукой.

— Не стоитъ и везти.

Голова другого закинута назадъ. Широко раскрытые невидящіе глаза съ ярко-черными зрачками на фонѣ огромныхъ матово-блѣдныхъ, голубоватыхъ бѣлковъ. Красивые жуткіе глаза, какихъ не бываетъ у живыхъ. Онъ забираетъ руками, какъ ребенокъ, отбивающійся отъ няньки, и несвязно бормочетъ:

— Я т-тебя п-потяну... Я т-тебя п-потяну!..

Я наклоняюсь надъ нимъ, пристально смотрю въ его глаза. Вдругъ сморщенные, шершавые, неестественно бѣлые пальцы, взмахнувшись, зацѣпляютъ меня сзади за шею, и дико звучитъ мнѣ прямо въ лицо коснѣющій выкрикъ:

— Я т-тебя п-потяну!..

Я вздрогнулъ и отскочилъ отъ телѣги. Точно что-то порвалось внутри. Мелкая дрожь пошла по тѣлу отъ этого холоднаго сырого прикосновенія.

— Дорогой мой, что съ вами?—ласково сказалъ докторъ Геслеровскій, взявъ меня за обѣ руки и поглядѣвъ въ лицо.— Вамъ отдохнуть надо.

Всходило солнце, золотые лучи побѣжали по полю. Намъ пора ѣхать. Я оглянулся назадъ, уѣзжая. Солдатъ все еще возился съ лошадьми; лошади подпрыгивали, бросались въ разныя стороны и дергали телѣгу съ умирающими. Въ утреннемъ воздухѣ разносился его надорванный, озлобленный голосъ:

— Погибели на васъ нѣтъ, проклятыя!

Мы уходили изъ С—ва ночью—при свѣтѣ зарева, охватившаго полнеба. Остановились въ деревнѣ У., въ уютномъ домикѣ лѣсничаго, стоящемъ среди роскошнаго дубоваго лѣса. Особенно красивъ этотъ лѣсъ вечеромъ, когда свѣтитъ луна. Я съ наслажденіемъ уединяюсь гдѣ-нибудь на затерянной полянкѣ, которую обступили высокія, молчаливыя деревья. Надъ землей подымаются широкіе круги тумана, пронизанные серебристыми лучами низко повисшей луны — мерещится пляска эльфовъ, которые, взявшись за руки, взметнулись кверху и застыли въ воздухѣ, легкіе и прозрачные въ лунномъ блескѣ. Возвращаюсь—вижу мельканіе фонарей между деревьями. Отступленіе...

Полусонный, качаюсь на облучкѣ линейки, рядомъ съ ѣздовымъ. Вдали бѣгаютъ огоньки — загораются полукру-

гомъ одинъ надъ другимъ. Какъ будто переливается огнями большой городъ, къ которому приближаешься на пароходѣ. Это жгутъ снопы хлѣба, оставленные на пологихъ склонахъ холмовъ.

VII.

Наша дивизія вышла изъ соприкосновенія съ непріятелемъ и медленно двигается по направленію къ Бресту. Мы шествуемъ за С—имъ полкомъ, вмѣстѣ съ околоткомъ. Ночуемъ гдѣ попало: въ сараяхъ, на сѣновалахъ или гдѣ-нибудь подъ раскидистымъ вязомъ, вокругъ котораго звѣздой разставляются походныя кровати. На разсвѣтѣ выступленіе. Я совершаю путь большей частью верхомъ — присоединяюсь обыкновенно къ докторамъ, обмѣниваюсь съ ними улыбками. Иногда, для разнообразія, схожу съ лошади и шагаю передъ ротой, вмѣстѣ со знакомымъ прапорщикомъ. Розовое, нѣжное утро; музыка. Безконечная лента полка и обоза вьется на нѣсколько верстъ и теряется гдѣ-то впереди въ зеленой, волнистой дали. Солдаты провожаютъ громкимъ хохотомъ обгоняющую обозъ кухню: „Эй ты, горячая батарея!" Какая-то ясность и легкость въ душѣ. Пріятно чувствовать себя частью огромнаго цѣлаго — начинаешь понимать обаяніе военной Россіи, которая встаетъ, „стальной щетиною сверкая"...

Мы вступили въ область Полѣсья. Снова начались бои — армія Макензена напирала на насъ, стремясь прорваться въ тылъ Бресту. Стоянка наша въ густомъ лѣсу, гдѣ перепутаны ели и березы, сосны и липы, на полянѣ, имѣющей форму огромнаго прямоугольника. Тутъ и околотокъ и обозъ 1-го разряда. Мѣсто сырое, болотистое; идешь по лѣсу — подъ ногой выдавливается вода. Спимъ мы въ шалашахъ, сдѣланныхъ изъ вѣтокъ и покрытыхъ толстымъ слоемъ соломы. Какъ на зло, погода стоитъ туманная и дождливая; осень даетъ себя знать. По ночамъ приходится страдать отъ холода. Впрочемъ, мнѣ въ моемъ спальномъ мѣшкѣ — „коконѣ", какъ его называетъ уполномоченный — хорошо и тепло. Иногда только, въ случаѣ сильнаго дождя, просыпаешься отъ непріятнаго ощущенія холодныхъ капель, падающихъ на щеку и сбѣгающихъ тоненькой струйкой подъ рубашку.

Съ ранняго утра до поздней ночи германцы обстрѣливаютъ деревню Л—ку. Съ тяжелымъ воемъ, томительнымъ и однообразнымъ, прорѣзываютъ воздухъ снаряды и рвутся гдѣ-то за деревней. Черные столбы дыма и земли взлетаютъ къ небу. Кажется страннымъ, что гдѣ-то по шумнымъ улицамъ катится оживленная толпа, гудятъ трамваи и автомобили, сверкаютъ веселые огни кинематографа и снуютъ мальчуганы, звонко выкрикивающіе: „Вечернія Биржевыя"! Какъ будто нѣтъ больше ничего въ мірѣ, кромѣ этой пустой, унылой деревни подъ пасмурнымъ небомъ и невыносимаго, ни на секунду не смолкающаго, душу надрывающаго завыванія...

На перевязочномъ пунктѣ С—аго полка со мной дежуритъ докторъ Сергѣй Николаевичъ Корзухинъ, длинный и худой молодой человѣкъ съ добрыми, смѣющимися свѣтлыми глазками, сохранившій, несмотря на военные погоны, всѣ замашки московскаго студента. Онъ только что вернулся изъ батальоннаго резерва, куда онъ ѣздилъ съ полковыми линейками за ранеными, и теперь сидитъ на лошади, улыбаясь и, по обыкновенію, нѣсколько сгорбившись. Снаряды, кажется, не доставляютъ ему ничего, кромѣ удовольствія. Каждый разъ по мѣрѣ того, какъ нарастаетъ звухъ приближающагося снаряда, онъ все шире и шире начинаетъ таращить глаза, дѣлая видъ испуганнаго человѣка, — и потомъ съ комической гримасой успокоенія наклоняетъ голову на бокъ, когда достигшій высшаго напряженія свистъ разрѣшается, наконецъ, облегчающимъ трескомъ.

Солдаты сидятъ кружкомъ, тихо переговариваются между собой и прислушиваются къ полету снарядовъ. По звуку они безошибочно опредѣляютъ, куда снарядъ ляжетъ.

— Перелетъ, — говоритъ Воропаевъ, одинъ изъ нашихъ ѣздовыхъ, широкоплечій и широколицый мужикъ, разсудительный и степенный.

— Желѣзную дорогу кроетъ, — замѣчаетъ другой, привставая и вглядываясь въ черное облако, поднявшееся въ западной сторонѣ.

Прибѣгаетъ ротный санитаръ. На позиціи требуются линейки — есть раненые. Ѣду верхомъ, линейки за мной. Переѣзжаемъ линію желѣзной дороги, пересѣкающую западный край деревни. Насыпь изрыта круглыми ямами, рельсы и шпалы разворочены; мостъ черезъ рѣчку безсильно опустилъ конецъ свой въ воду, точно окунулся носомъ. Насъ

встрѣчаетъ фельдшеръ. Я схожу съ лошади, слѣдую за нимъ. Подъ деревомъ, на сыромъ пескѣ, лежатъ рядкомъ 15 человѣкъ въ золоченыхъ каскахъ, надъ ними кучкой стоятъ ротные санитары.

Гулъ и свистъ снарядовъ здѣсь превращается въ какой-то сплошной дикій ревъ. Пахнетъ гарью и пороховымъ дымомъ. Германцы обстрѣливаютъ именно эту часть деревни — даютъ орудійные залпы. „Пу... пу-пу... пу... пу-пу-пу..." — девять выстрѣловъ подъ рядъ. Далекій, заглушенный, точно шуршащій свистъ; слышно, какъ пущенные снаряды, обгоняя другъ друга, ныряютъ, просверливая и раздирая воздухъ. Ближе и ближе — какія-то чудовища съ визгомъ и воемъ мчатся прямо на насъ. Звуки растутъ, напрягаются, свирѣпѣютъ и разрѣшаются послѣдовательными взрывами: „Тахъ... тахъ-тахъ... тахъ... тахъ-тахъ-тахъ..." Черные фонтаны справа и слѣва бьютъ въ небо, оглушительный грохотъ и звонъ; тонкій, ехидный свистъ осколковъ, разлетающихся въ разныя стороны и срѣзающихъ вѣтки съ деревьевъ...

Возможная близость смерти пьянитъ и волнуетъ. Прежнее, петроградское, представляется далекимъ сномъ — все это было когда-то давно, давно, можетъ быть, въ другой жизни. Роща, листья на деревьяхъ, облака озарились новымъ свѣтомъ, кажутся прекрасными, радостными, желанными. Во всемъ тѣлѣ необыкновенная свѣжесть, легкость, подвижность. Хочется говорить, что-то дѣлать — и дышать, дышать безъ конца, полной грудью...

На блѣдныхъ лицахъ раненыхъ германцевъ безпокойство; они пугливо смотрятъ наверхъ и инстинктивно вдавливаютъ голову въ плечи, заслышавъ приближеніе страшнаго гостя.

— Сюда, — вдругъ шепчетъ ѣздовой Бѣликовъ, тревожно пригибаясь.

Ротные санитары, начавшіе было поднимать раненыхъ, сдѣлали невольное движеніе, чтобы укрыться за деревомъ.

— Э, дурачье! — стыдитъ ихъ фельдшеръ. — Чего зря раненыхъ пугаете? Нешто за деревомъ спрячешься? Эхъ, дурачье, дурачье!...

Опять гудѣніе снаряда. Германецъ, котораго я подсаживаю въ линейку, испуганно смотритъ на небо.

— Ваши собственные товарищи, — говорю я ему.

Улыбается, киваетъ:

— Да, да...

Воропаевъ невозмутимо подкладываетъ солому, чтобы германцу было удобнѣе.

— Вотъ такъ, теперь хорошо...

Другой ѣздовой, Бѣликовъ, торопится, нервничаетъ, хочетъ поскорѣй ѣхать.

— Положонаго не минуешь, — говоритъ ему Воропаевъ. — Торопись-не торопись, а ужъ она тебя достанетъ.

Для нѣскольких германцевъ не хватило мѣста. Одинъ особенно волнуется — пытается привстать. Санитаръ хлопочетъ около него, укладываетъ обратно и урезониваетъ по-русски:

— Возьмутъ, не безпокойся. Вотъ этихъ отвезутъ и за тобой пріѣдутъ. Ты лежи.

Но германецъ не унимается и все пробуетъ встать.

— Ваше благородіе, — говоритъ мнѣ санитаръ. — Вотъ этотъ просится, чтобы поскорѣй. Руки цѣлуетъ, ужъ очень боится. Нельзя ли его какъ-нибудь взять?

Германецъ дѣлаетъ мнѣ быстрые, отчаянные знаки, манитъ къ себѣ. На лицѣ его тоскливый, мучительный страхъ.

— Господинъ докторъ, господинъ докторъ! Я, вѣдь, могу сидѣть, позвольте мнѣ сѣсть... Я умоляю васъ, господинъ докторъ!...

Ѣдемъ обратно. Испуганныя лошади несутъ вскачь, ѣздовые едва ихъ удерживаютъ. Моя лошадь шарахается на плетень. У насыпи на дорогѣ, по которой мы только что проѣзжали, свѣжая яма отъ разорвавшейся гранаты. На правой сторонѣ улицы загорѣлась изба...

Перевязка. Сергѣй Николаевичъ возится съ германцемъ, раненымъ въ бедро. Тотъ все время освѣдомляется, опасна ли рана и когда будутъ извлекать пулю. Я служу переводчикомъ, такъ какъ свѣдѣнія Сергѣя Николаевича въ нѣмецкомъ языкѣ довольно ограничены.

— Васъ отправятъ въ Москву, — говорю я.

Германецъ смотритъ на меня воспаленнымъ взглядомъ. Слово „Москва“ его, очевидно, пугаетъ.

— Думаете ли вы, что мнѣ тамъ будетъ хорошо? Вѣдь, у насъ хорошо обращаются съ русскими.

— А что, васъ, должно быть, начальство пугаетъ русскими звѣрствами?

— Нѣтъ-нѣтъ, мы глупостямъ не вѣримъ, — быстро отвѣчаетъ германецъ и, какъ бы стараясь что-то внушить, продолжаетъ: — мы знаемъ, что русскіе благородный народъ;

русскіе понимаютъ, что надо быть великодушнымъ къ врагу, когда онъ беззащитенъ...

На другой день я снова поѣхалъ къ батальонному резерву. Канонада идетъ попрежнему. Роща пришла въ ужасное состояніе. Точно какой-то титанъ выворотилъ съ корнями эти огромныя сосны, запрудилъ рѣчку, такъ что она превратилась въ стоячее болото, вырылъ колоссальныя воронки, въ которыхъ скопилась вода. Я пошелъ къ блиндажу батальоннаго командира, а линейки оставилъ позади. У входа въ блиндажъ нѣсколько офицеровъ. Солдаты съ серьезными, сосредоточенными лицами бродятъ около окоповъ. Раненыхъ, къ счастью, нѣтъ; снаряды перелетаютъ за насыпь, минуя окопы. Прапорщикъ Гудровичъ предлагаетъ мнѣ пройтись по рощѣ, посмотрѣть на разрушенія, произведенныя двухдневной бомбардировкой.

— Этого въ Петроградѣ не увидите, батенька.

Мы сдѣлали нѣсколько шаговъ и остановились. Пронзительный свистъ, ближе и ближе.

— Сюда, — съ тихой серьезностью говоритъ Гудровичъ.

Мы переглянулись, разговоръ оборвался. Звонкій трескъ, гдѣ-то очень близко жужжаніе осколковъ. Посыпались вѣтки, что-то шаркнуло по клеенчатой накидкѣ Гудровича — маленькій, ослабѣвшій осколочекъ. Гудровичъ поднялъ его.

— Я эти вещи собираю.

Бѣжитъ ко мнѣ взволнованный ѣздовой.

— Ваше благородіе, прикажите уѣзжать! Такъ что Акимова хотѣла убить — и лошадей забросало!

Вернулись на перевязочный пунктъ. Черезъ часъ является Гудровичъ въ сопровожденіи денщика. Лицо забрызгано грязью, фуражка смята; блуждающіе красные глаза. Онъ не можетъ произнести ни слова; силится что-то сказать, но изо рта вылетаютъ безсвязные звуки...

Вечеръ. Въ нашей избѣ тускло горитъ свѣчка, прикрѣпленная прямо къ столу. Мы съ Сергѣемъ Николаевичемъ закусываемъ передъ сномъ, чѣмъ Богъ послалъ. Канонада утихла. Въ 9 часовъ германцы пустили въ нашу сторону прощальный выстрѣлъ, на что имъ Сергѣй Николаевичъ сейчасъ же отвѣтилъ воздушнымъ поцѣлуемъ: „Gute Nacht!“ На полу у печки, прислонившись къ ней спиной, дремлютъ мирно санитары. Я что-то заговорилъ о снарядахъ. Вдругъ —

грохотъ, ужасный трескъ. Изба вздрогнула, со звономъ вылетѣли оконныя стекла, стаканы посыпались на полъ. Какая-то блѣдная, на смерть перепуганная солдатская физіономія полѣзла въ темное окно. Я такъ и остался съ непрожеваннымъ кускомъ колбасы во рту. Всѣ выбѣжали на дворъ, гдѣ стояли полковыя и отрядскія лошади и линейки.

Я остался одинъ въ избѣ, блѣдно освѣщенной догоравшей свѣчей. Мнѣ все казалось, что если я выйду, то наткнусь первымъ дѣломъ на обезглавленный трупъ Воропаева или на что-нибудь ужасное въ этомъ родѣ. Наконецъ, я рѣшился посмотрѣть, что произошло. Въ темнотѣ я увидѣлъ перевернутую линейку и рядомъ съ ней бьющуюся на землѣ лошадь... Люди были невредимы. Одна лошадь былъ убита, три ранены. Легко пострадала верховая лошадь Сергѣя Николаевича.

Прошло десять минутъ, снова оглушительный трескъ, и снова засвистѣли осколки. Было ясно, что это не спроста. Очевидно, германцы взяли прицѣлъ, должно быть, замѣтили огонекъ въ нашемъ окнѣ. Надо сниматься. Все уже готово, но Сергѣй Николаевичъ, совершенно равнодушный ко всякимъ снарядамъ, все еще что-то мастеритъ со своей раненой лошадью.

— Сергѣй Николаевичъ, бросьте, потомъ посмотрите!

— Сейчасъ, голубчикъ, сейчасъ! Меня только интересуетъ, не застрялъ ли осколокъ...

И онъ съ зажженной спичкой въ рукѣ копошится гдѣ-то подъ брюхомъ лошади, не обращая вниманія на всеобщее нетерпѣніе.

Я ѣду въ отпускъ, вмѣстѣ со студентомъ Галчевскимъ. Мы пробираемся на подводѣ къ Бресту по запутаннымъ дорогамъ Полѣсья. Брестъ опустѣлъ, окна домовъ наглухо забиты досками. Непрерывной вереницей тянутся обозы въ восточномъ направленіи на Кобринское шоссе. Повозки ѣдутъ въ нѣсколько рядовъ, загромождая всю дорогу. Съ военными повозками смѣшались и бѣженскія. Вотъ среди груды разнаго хлама возвышается, точно кукла, сутулая фигура дряхлаго еврея съ сѣдой бородой. На другой подводѣ пестрая палатка изъ лоскутнаго одѣяла, а въ палаткѣ спятъ ребятишки. Никто не можетъ намъ сказать, гдѣ Московскій вокзалъ. На всѣ разспросы только пожимаютъ плечами: „Мы сами только что пришли“.

Около вокзала старичекъ-еврей съ отчаянными усиліями втаскиваетъ въ гору неимовѣрной величины мѣшекъ со всякимъ скарбомъ. Галчевскій пристроилъ мѣшекъ на нашей подводѣ. Тотъ растерялся даже отъ изумленія и радости — расплакался.

Вокзалъ разоренъ. Багажныя телѣжки свалены въ кучу и опрокинуты вверхъ колесиками, въ кассѣ на соломѣ спятъ солдаты. У перрона поѣздъ, биткомъ набитый штатскими и военными. Это послѣдній поѣздъ изъ Бреста.

Александръ Слонимскій.

ПУТЬ КЪ СЛАВѢ.

Романъ Роберта Хитченса.

I.

— Англійской музыкѣ нужна свѣжая струя, — произнесла Чарміанъ своимъ увѣреннымъ голосомъ. — Всѣ эти гимны и хоры аллилуйя, слава Богу, сданы въ архивъ вмѣстѣ съ другими реликвіями эпохи Викторіи. Мы выросли въ музыкальномъ отношеніи. Конечно, у насъ есть нѣсколько композиторовъ, которые просто смѣшны въ своемъ стараніи быть оригинальными, и нѣсколько другихъ, которые все еще убѣждены, что дальше баллады и „Te Deum'а" публика пойти не въ состояніи. Намъ нуженъ, намъ необходимъ англійскій композиторъ съ душой. Я устала отъ всѣхъ этихъ умничаній. Это терпимо въ литературѣ, но когда дѣло доходитъ до музыки, то все существо требуетъ чего-то большаго...

— Я слышалъ новую нотку въ англійской музыкѣ, — замѣтилъ лысый, пожилой господинъ съ очень живымъ лицомъ, сидѣвшій въ другомъ углу гостиной.

— Ахъ, Максъ, вы всегда...

— Да-да, абсолютно новую, — повторилъ Максъ Элліотъ съ воодушевленіемъ, поворачиваясь къ прервавшему его саркастическому господину. — Вашъ французскій скептицизмъ, Поль, заставляетъ васъ сомнѣваться во всемъ рѣшительно! Что бы я ни сказалъ, вамъ кажется, что я увлекаюсь...

— Какъ всегда!

— Какъ иногда случается, каюсь. Но вы, вѣдь, должны признать, что въ области музыкальной мое мнѣніе имѣетъ все-таки извѣстную цѣну... мое серьезное и сложившееся мнѣніе.

— А сколько времени складывалось ваше мнѣніе?

— Нѣсколько мѣсяцевъ.

— Нѣсколько мѣсяцевъ! — воскликнула Чарміанъ.

И вы такъ долго берегли эту „новую ноту“ про себя! Но кто же это? Женщина?.. Впрочемъ, нѣтъ. Я не вѣрю, чтобы могла появиться женщина — настоящій, большой композиторъ.

— Это не женщина.

— Изъ народа? — спросилъ Поль Лэнъ.

— Нѣтъ.

— Неужели аристократъ? — проговорила Чарміанъ, прищуривая свои узкіе, удлиненные, какъ у японки, глаза. — Не могу повѣрить, чтобы изъ среды англійскихъ лордовъ вышло что-либо значительное и оригинальное. Нѣтъ! Я слишкомъ хорошо знаю эту среду...

— Мой композиторъ не аристократъ и не изъ народа. Онъ, что называется, средняго класса. Его отецъ — банкиръ гдѣ-то въ западной Англіи.

— Банкиръ! — повторила разочарованно Чарміанъ.

— Да, въ Корнваллисѣ.

— А-а! это звучитъ лучше. Изъ Корнваллиса иногда появляются всякія неожиданности.

— У него есть свои небольшія средства.

— А какъ его зовутъ?

— Клодъ Хиисъ.

— Клодъ Хиисъ, — медленно повторила Чарміанъ. — Мнѣ это имя ничего не говоритъ. А вамъ, м-ръ Лэнъ?

Поль Лэнъ покачалъ своей гладко-причесанной черной головой.

— Хиисъ не издавалъ ничего своего, — сказалъ Максъ Эллiотъ, не смущаясь скептицизмомъ, которымъ была, казалось, пропитана вся атмосфера гостиной м-съ Мэнсфильдъ.

— Даже ни одного „Te Deum“? — спросила Чарміанъ.

— Нѣтъ. Хотя долженъ сознаться, что одна такая композиція у него имѣется.

— О, если такъ, то я отрекаюсь отъ него напередъ. Это старомодно!

— И какая великолѣпная вещь! — продолжалъ Максъ Эллiотъ. — Пока я не услышалъ ее, я никогда не понималъ всего величія словъ „Te Deum“.

Онъ неожиданно поднялся и подошелъ къ окну, бормоча:

— „Вся земля поетъ хвалу Тебѣ, о, вѣчности отецъ!

Въ комнатѣ стало тихо. Глаза Чарміанъ увлажнились — она сама не знала отчего. Ей казалось, что передъ ней открылся вдругъ новый міръ, что широкіе горизонты манятъ

взоры тѣхъ, кто призванъ идти далеко впередъ, и что она — среди избранныхъ...

Дверь гостиной отворилась, и въ комнату вошла дама съ бѣлоснѣжными волосами и пламенными темными глазами, въ бѣломъ платьѣ и колье изъ очень красивыхъ египетскихъ жучковъ-скарабеевъ. Это была м-съ Мэнсфильдъ, „моя единственная мать", какъ любила, дурачась, называть ее Чарміанъ.

— Вы говорите о комъ-то или о чемъ-то интересномъ,— проговорила она, окинувъ быстрымъ взглядомъ всѣхъ троихъ.

— Это композиторъ, моя единственная мать... онъ ничего своего не издаетъ, и онъ сынъ банкира изъ западной Англіи.

— А почему ему не быть сыномъ банкира? — сказала м-съ Мэнсфильдъ, садясь на большой диванъ, вправо отъ камина.

Чарміанъ разсмѣялась, показывая красивые, очень мелкіе зубки. Чертами лица она нѣсколько походила на мать, но въ ея движеніяхъ было меньше живости, а въ выраженіи — мечтательность вмѣсто открытой ясности. Часто въ ней чувствовалась кокетка. Отъ задумчивости она внезапно переходила къ задорной бойкости. Къ ея смѣлости примѣшивалась нѣкоторая доза лукавства. Въ такія минуты неизвѣстно было, какъ говорили мужчины, „съ какой стороны подойти къ ней". Она была самоувѣреннѣе матери. Честолюбивыя мечты томили ее и дѣлали безпокойными ея движенія. Глядя на толпу, она иногда ощущала мучительное по своей физической реальности ощущеніе, словно она тонетъ въ ней.

„Ахъ, подняться выше, отдѣлиться отъ всѣхъ этихъ тысячъ! — думала она. — Быть избранной и признанной всѣми! Только ради этого стоитъ жить!"

Максъ ЭллІотъ подошелъ и сѣлъ на диванъ возлѣ м-съ Мэнсфильдъ. Онъ почти открыто обожалъ ее, какъ впрочемъ многіе мужчины. Она была вдова, не собиралась выходить больше замужъ, и это придавало обожанію характеръ пріятной легкости. Всѣ знали, что м-съ Мэнсфильдъ никогда не выйдетъ замужъ, но никто не могъ бы объяснить, какъ и откуда онъ почерпнулъ это убѣжденіе. Правда заключалась въ томъ, что м-съ Мэнсфильдъ была женщина съ душой, и эту душу она отдала всю своему умершему мужу, по которому она никогда не носила траура.

— Что намъ дѣлать съ Чарміанъ, милый Максъ, — продолжала м-съ Мэнсфильдъ съ жалобой въ голосѣ и во

взглядѣ. — Что дѣлать съ молодой особой двадцати одного года, которая, когда она искренна, считаетъ невозможнымъ, чтобы у банкира изъ западной Англіи родился сынъ, одаренный талантомъ?

— Видите! видите! Я всегда говорила, что въ мамѣ есть какая-то интеллектуальная жестокость, — сказала Чарміанъ, подвигая свое кресло ближе къ камину.

— Ничего, это подымаетъ нервы,—сказалъ Поль Лэнъ.— Но какъ же насчетъ этой „новой ноты“? Мы узнали только о корнваллійскомъ происхожденіи, папашѣ-банкирѣ и о „Te Deum'ѣ“.

— Ахъ, „Te Deum“, — протянула м-съ Мэнсфильдъ, въ скептическомъ тонѣ.

— Знаю! знаю, — сказалъ Максъ Эллiотъ. — Я не хотѣлъ слушать его, пока не услышалъ. И тогда мнѣ не надо было ничего другого. Рука генія придаетъ всему жизнь.

— Еще новый геній, — вздохнулъ Поль Лэнъ и вдругъ поднялся, раскланялся и удалился, не удовлетворивъ своего любопытства.

— Его портитъ французская кровь матери, — сказала м-съ Мэнсфильдъ, когда дверь закрылась. — Будь онъ весь французъ, было бы восхитительно: знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло, закрываешь глаза на холодность и иронію и берешь отъ него остроуміе, живость, словомъ шармъ. А такъ получается точно французъ боксируетъ съ англичаниномъ и все время, подставляетъ ногу. Это ужасно!.. А теперь разсказывайте, разсказывайте о вашемъ музыкантѣ. Я такъ рада, что онъ не знаменитость.

— Пожалуй, онъ никогда этимъ и не будетъ, если только не женится на неподходящей женщинѣ.

— То есть какъ это? — спросила Чарміанъ съ любопытствомъ.

— А на такой женщинѣ, которая была бы честолюбива и всюду выдвигала его.

— Но если этотъ Клодъ Хiисъ такъ даровитъ, то слѣдуетъ вѣдь желать, чтобы онъ не зарылъ своего таланта въ землю!

— Это въ зависимости отъ его темперамента, мнѣ думается, — сказала м-съ Мэнсфильдъ. — Есть люди, которые правильно дѣлаютъ, когда прячутъ свои таланты.

— Какъ же это, мама? Объясни.

— Нѣкоторыя растенія могутъ расти только въ темнотѣ.

— Навѣрное, гадость какая-нибудь. Эта, какъ ее?... Ночная красавица или въ этомъ родѣ.

— Бѣдная моя дѣвочка! Въ какое положительное время ты родилась. Она, конечно, не виновата, — сказала м-съ Мэнсфильдъ, обращаясь къ Максу Элліотъ. — Мы, старшее поколѣніе, утонченнѣе. Ну, да ничего. Продолжайте, голубчикъ. Мы вѣдь съ вами понимаемъ.

Она положила свою руку, на которой сверкало нѣсколько оригинальныхъ колецъ, на руку Чарміанъ и держала ее такъ, пока Максъ Элліотъ продолжалъ свой отчетъ о композиторѣ.

— Онъ не особенно красивъ. Одѣвается банально. Какъ улитка въ раковинѣ, прячетъ отъ внѣшняго міра все странное, необычное, не похожее на другихъ, что есть въ немъ. Напримѣръ, стрижетъ волосы подъ гребенку и, я увѣренъ, смачиваетъ ихъ водой раза два-три въ день изъ страха, чтобы люди не увидали, что они у него вьются отъ природы. Носитъ самые безобразные галстуки, какіе только завалялись въ магазинѣ.

— Онъ недоволенъ своей наружностью? — спросила Чарміанъ.

— Повидимому. Хуже всего то, что его глаза сразу выдаютъ его цѣликомъ такой женщинѣ, какъ м-съ Мэнсфильдъ.

— А мнѣ нѣтъ? — оскорбилась Чарміанъ.

Максъ Элліотъ улыбнулся.

— Тогда прибавимъ: „и Чарміанъ Мэнсфильдъ“.

— Какого цвѣта у него глаза? — освѣдомилась она.

— Право, не могу вамъ сказать точно, но у меня такое впечатлѣніе, что они — темно-сѣрые.

— А гдѣ онъ живетъ?

— На сѣверной сторонѣ парка, въ маленькомъ особнякѣ. Называется Mullion House. Его рабочій кабинетъ выходитъ въ садикъ, крохотный, какъ носовой платокъ. У него двѣ прислуги — женщины.

— А собаки есть? — спросила Чарміанъ.

— Нѣтъ.

— Кошки?

— Не видалъ.

— Мнѣ не нравится все это. А сочиняетъ онъ... за рояломъ?

— Нѣтъ.

— Какой несимпатичный! Прилизанные волосы, безобраз-

ные галстуки, сочиняетъ безъ рояля, не имѣетъ животныхъ — все, кромѣ маленькаго дома, не въ моемъ духѣ.

— Оттого, что у тебя традиціонный взглядъ на то, какимъ долженъ быть музыкантъ, — сказала ея мать. — Мнѣ стыдно сказать, но хочется прибавить: „Оттого что у тебя такіе старомодные взгляды". Ты никакъ не можешь отдѣлаться отъ воспоминаній о „Vie de Bohême" и о томъ, что когда-то въ Брайтонѣ слыхала и видала Падеревскаго.

— Вина въ томъ, что я училась въ Брайтонѣ, падаетъ на мою возлюбленную мать.

— Ахъ, это преступленіе камнемъ лежитъ у меня на душѣ!... Какъ бы ты облегчила меня, если бъ освободилась отъ брайтонскихъ традицій. Моей обязанностью было держать тебя вдали отъ нихъ... Но... А теперь, Максъ, скажите намъ, съ кѣмъ знакомъ м-ръ Хиисъ?

— Я не знаю его знакомствъ. Я встрѣтился съ нимъ впервые въ Уондерлэндѣ.

— Это что такое? — спросила Чарміанъ. — Звучитъ обѣщаніемъ.

— Это такое мѣсто въ Уайтчепелѣ, гдѣ устраивались состязанія въ боксѣ... Конки Джо противъ Нёткрэккера... въ такомъ духѣ.

— Отрясаю прахъ отъ всего: отъ „Te Deum'a", конки Джо и всего прочаго! — воскликнула Чарміанъ въ отчаяніи.

— Вы бы хотѣли показать мнѣ его, Максъ? — спросила м-съ Мэнсфильдъ.

— Да. Не могу больше держать его про себя. Я долженъ раздѣлить его съ кѣмъ-нибудь понимающимъ. Приходите завтра вечеромъ, послѣ обѣда. Хорошо? Хиисъ обѣдаетъ у меня.

— Идетъ!... А Чарміанъ?

Максъ Элліотъ взглянулъ на дѣвушку. Она тоже смотрѣла ему прямо въ глаза.

— Конечно, пріѣзжайте. Но помните, что есть цвѣты, которые растутъ только въ темнотѣ. И мнѣ кажется, что онъ изъ ихъ числа.

Когда Максъ Элліотъ ушелъ, Чарміанъ нѣсколько минутъ молча глядѣла на пламя въ каминѣ, гдѣ сизые язычки лизали раскаленную красно-золотую массу огня. Все напускное, наигранное сошло съ нея.

— Максъ Элліотъ какъ будто боится меня, — произнесла

она наконецъ. — Развѣ я гоняюсь за знаменитостями? Развѣ я такъ заурядна?

— Не больше и не меньше, чѣмъ большинство умныхъ молодыхъ барышень въ Лондонѣ, которыя вездѣ бываютъ и все видятъ, — отвѣтила ей мать.

— Но неужели меня считаютъ выскочкой? Право же, я этого за собой не чувствую.

— Нѣтъ. Конечно, нѣтъ. Но твой необыкновенный страхъ смѣшаться съ толпой заставляетъ тебя барахтаться, пыжиться и бороться, чтобы удержать голову надъ водой.

— Какой ужасъ! Не знаю, отчего это... но ты никакихъ усилій не дѣлаешь, а голова твоя всегда высоко видна надъ водой.

— Видишь ли, я не забочусь о томъ, высоко ли она или низко.

II.

М-съ Мэнсфильдъ и ея дочь не играли главныхъ ролей въ комедіи лондонской жизни, но онѣ были, что называется, „очень на виду". Отецъ м-съ Мэнсфильдъ былъ въ свое время человѣкомъ высоко-интеллигентнымъ и чрезвычайно обаятельнымъ; онъ состоялъ въ интимной дружбѣ съ Теннисономъ и съ большинствомъ выдающихся людей своего времени. Мать м-съ Мэнсфильдъ была красива той особенной, хрупкой красотой, которая привлекала къ себѣ вниманіе мастеровъ кисти и восхищеніе въ свѣтскихъ салонахъ. Она тоже была умна, интеллигентна и музыкальна. Небольшой, но очаровательно-уютный особнякъ супруговъ Мортимеръ въ Берклисквэрѣ, перешедшій затѣмъ по наслѣдству къ ихъ дочери, славился своими вечерами, гдѣ встрѣчались самые избранные люди литературнаго и артистическаго міра и куда не попадалъ ни одинъ parvenu, какъ бы богатъ и вліятеленъ онъ ни былъ.

М-съ Мэнсфильдъ, перейдя къ самостоятельной жизни, естественно, продолжала семейную традицію: сначала вмѣстѣ со своимъ мужемъ, однимъ изъ наиболѣе культурныхъ людей того круга, въ которомъ они вращались, а послѣ его смерти—одна. Она обладала хорошими средствами, любила изящество и комфортъ, питала отвращеніе ко всему показному и была знакома со всѣми, кто былъ ей интересенъ, нисколько не заботясь о томъ, входитъ ли онъ или не вхо-

дитъ въ замкнутый кругъ лондонской „элиты". Выросшая среди знаменитостей, она никогда не охотилась за ними, хотя не одного моднаго „льва" ей случалось выдрать за ухо или потрепать по гривѣ. Она была близкимъ другомъ многихъ мужчинъ и женщинъ изъ числа тѣхъ, которые двигаютъ и создаютъ жизнь. Но въ себѣ она никогда не чувствовала силы для оригинальнаго творчества и была слишкомъ умна и аристократична духомъ, чтобы безплодно бороться противъ ясно ощущаемыхъ границъ своихъ достиженій и стараться быть не тѣмъ, чѣмъ назначено было ей природой.

Въ противоположность ей, Чарміанъ боролась, и м-съ Мэнсфильдъ видѣла это.

На другой день, во время обѣда, передъ тѣмъ какъ ѣхать къ Максу Элліотъ, Чарміанъ вдругъ неожиданно спросила:

— Какъ ты думаешь, мама, отчего м-ръ Элліотъ не пригласилъ насъ сегодня къ обѣду?

— Развѣ это было необходимо?

— Конечно, нѣтъ. Но это было бы естественно.

— Можетъ быть, онъ хотѣлъ подготовить для тебя „новую ноту".

— Развѣ я требую подготовки?

— Не ты, а новая нота.

— Но зачѣмъ подготовлять ее противъ меня?

— Я сказала: для тебя. Впрочемъ, скоро увидимъ. Къ тому же Делія, какъ всегда, отдыхаетъ гдѣ-то на курортѣ, такъ что Максъ теперь на положеніи холостяка.

Делія — жена Макса Элліотъ — была граціознымъ ничтожествомъ и, никогда въ жизни не ударивъ палецъ о палецъ, вѣчно отдыхала въ дорогихъ санаторіяхъ и отеляхъ, подъ наблюденіемъ модныхъ врачей. Теперь она находилась въ Гампстедѣ, питалась молокомъ и какимъ-то препаратомъ подъ названіемъ „Марелла" и въ видѣ лѣченія получала впрыскиваніе соляного раствора. Кромѣ того, ей прописаны были массажъ и безусловное лишеніе всякихъ писемъ. „Никакой корреспонденціи!" — это предписаніе прославило врача, пользовавшаго ее.

— Да, тамъ рѣдко бываетъ хозяйка дома. Бѣдный Максъ! — замѣтила Чарміанъ.

Максъ Элліотъ былъ совладѣльцемъ старой, хорошо поставленной торгово-посреднической фирмы въ Сити. Это былъ фактъ, и людямъ приходилось съ нимъ считаться. Но это было трудно, такъ какъ м-ръ Элліотъ до странности не по-

хожъ былъ по внѣшности и манерамъ на дѣльца-коммерсанта. Внѣ Сити онъ никогда не говорилъ о дѣлахъ. Чрезвычайно преданный искусству, особенно музыкѣ, онъ обладалъ, дѣйствительно, большими знаніями въ этой области. Всѣ выдающіеся артисты знали его. Онъ былъ однимъ изъ столповъ оперы и завсегдатаемъ всѣхъ интересныхъ концертовъ.

— Онъ еще не начиналъ! — шепнула Чарміанъ матери, когда лакей велъ ихъ черезъ длинный вестибюль къ музыкальной комнатѣ.

— Откуда ты взяла, что онъ начнетъ вообще? Вѣдь мы позваны сюда познакомиться, а не слушать его музыку.

Лакей отворилъ дверь и доложилъ о нихъ.

Передъ большимъ открытымъ каминомъ сидѣлъ Максъ Эллiотъ съ Полемъ Лэнъ и еще двое: дама и молодой человѣкъ. Дама была высокаго роста, широкая въ плечахъ, шатенка, съ смѣлыми, зоркими глазами и римскимъ носомъ. На видъ ей было лѣтъ тридцать пять. Длинныя брилліантовыя серьги сверкали у нея въ ушахъ, и она смѣялась въ тотъ моментъ, когда вошли Мэнсфильды и хозяинъ поднялся встрѣтить ихъ.

— М-съ Шиффней только что пріѣхала, — сказалъ онъ, здороваясь. — Поль у меня обѣдалъ.

— А кто тотъ, другой? — прошептала Чарміанъ, таинственно и слегка насмѣшливо поглядывая въ сторону камина.

— Это Клодъ Хіисъ, — отвѣтилъ Эллiотъ.

— Какой онъ удивительный!

— Успокойся, Чарміанъ! — сказала мать, и онѣ вошли въ комнату.

Мужчины поднялись, и Чарміанъ увидѣла высокую, тонкую фигуру, въ худобѣ которой было что-то напоминающее скелетъ, неправильныя черты лица, нѣсколько выдающіяся скулы, темные коротко-остриженные волосы и пару большихъ, вдумчивыхъ и восторженныхъ глазъ, которые испытующе вглядѣлись въ нее и тотчасъ быстро отвернулись.

М-съ Шиффней, не вставая съ кресла, говорила своимъ низкимъ, но довольно пріятнымъ голосомъ:

— Мы съ м-ромъ Хіисъ просвѣщаемся насчетъ „Мареллы". Это чудесное средство полнитъ, если вамъ надо полнѣть, и сбавляетъ немножко вѣса, если это нужно, какъ мнѣ, напримѣръ. Оно даетъ сонъ тѣмъ, которые страдаютъ отъ безсонницы, и подымаетъ съ постели тѣхъ, кто слишкомъ любитъ спать. Докторъ Керлингъ имѣетъ патентъ на „Мареллу" и

не кормитъ своихъ паціентовъ ничѣмъ другимъ. Делія живетъ исключительно этимъ и, говорятъ, вернется къ намъ такой, какъ будто ей семнадцать лѣтъ. А м-ръ Хіисъ очень хотѣлъ бы тоже испробовать.

Она протянула свою сильную руку вошедшимъ и повернулась къ композитору, ожидавшему, чтобы его представили.

— Ахъ, нѣтъ, увѣряю васъ! — воскликнулъ тотъ поспѣшно, съ тревожной наивностью, которая была не лишена привлекательности. — Я никогда не принимаю всѣхъ этихъ шарлатанскихъ средствъ и лѣкарствъ. Да и не нуждаюсь въ нихъ. Мнѣ кажется, что ихъ изобрѣтаютъ только для того, чтобы морочить публику.

Максъ Эллiотъ взялъ его подъ руку.

— Я хочу познакомить васъ съ дорогой моей пріятельницей, м-съ Мэнсфильдъ.

А послѣ замѣтной паузы прибавилъ:

— М-ръ Клодъ Хіисъ... миссъ Мэнсфильдъ.

Произошло рукопожатіе. Затѣмъ Поль Лэнъ сталъ разсказывать что-то Чарміанъ. Она взглянула въ другой уголъ комнаты и увидѣла мать въ бесѣдѣ съ композиторомъ, при чемъ было сразу замѣтно, что онъ почувствовалъ большую симпатію къ своей собесѣдницѣ. Чарміанъ показалось, что это обстоятельство помѣшаетъ Хіису отнестись съ интересомъ къ ней и, сама не зная почему, она почувствовала къ нему непріязнь.

Разговаривая съ Полемъ Лэнъ, котораго она знала почти съ дѣтства и очень любила, Чарміанъ, однако, все время тайно была занята наблюденіемъ. Нравился ли ей Хіисъ? Она сама не знала. Но онъ интересовалъ ее.

Онъ былъ некрасивъ, но что-то дѣлало его лицо прекраснымъ. Это было выраженіе странной, почти загадочной въ своей напряженности, работы воображенія и легкой его возбудимости. Оно неуловимо сказывалось и въ его движеніяхъ и въ осанкѣ. Его лицо было не изъ тѣхъ, которыя зовутся „открытыми". Правда, въ немъ не было ничего непріятно-ускользающаго и хитраго, но при опущенныхъ глазахъ оно выглядѣло замкнутымъ. Суровость во всемъ его существѣ сочеталась съ пылкостью. Чарміанъ казалось, что ему лѣтъ двадцать шесть или двадцать семь.

— Какъ было за обѣдомъ? — спросила она Поля Лэнъ. — Интересно?

— Не особенно. О музыкѣ разговора не было.

— А о чемъ? О боксѣ?

— Да вотъ Максъ говорилъ, что онъ встрѣтился съ м-ромъ Хiисъ гдѣ-то въ Уайтчепелѣ, гдѣ конки... или какъ его тамъ, не помню... боролся съ Нёткреккеромъ.

Лэнъ улыбнулся.

— Я подозрѣваю, что этотъ творецъ „новой струи“ — позеръ. Пожалуй, не совсѣмъ обычнаго склада, но все-таки позеръ. Музыканты почти всегда до смѣшного профессiоналы. А этотъ до такой степени свободенъ отъ всякой печати своей профессiи, что это даже неестественно. Впрочемъ, по правдѣ сказать, людей естественныхъ по-настоящему не существуетъ. И слава Богу!

Чармiанъ нѣсколько секундъ молча смотрѣла на него. Затѣмъ она сказала:

— Вы знаете, въ васъ есть что-то такое, чего я не могу выносить.

Лэнъ разсмѣялся.

— Тѣмъ лучше. Иначе было бы черезчуръ прѣсно и однообразно... Въ чемъ дѣло, Максъ?

— М-съ Шиффней хочетъ бесѣдовать съ вами.

— Я всегда хочу этого, — сказала м-съ Шиффней. — Въ его иронiи плаваешь, плаваешь и не тонешь, точно туристъ въ Мертвомъ морѣ.

Чармiанъ поднялась и медленно отошла отъ камина, легко проведя рукой по своей щекѣ, словно ей было слишкомъ жарко. Максъ Эллiотъ пошелъ вмѣстѣ съ ней.

— У меня такое чувство, — продолжала она, — какъ будто здѣсь, въ воздухѣ неслышно рѣютъ звуки всѣхъ чудесныхъ мелодiй, которыя тутъ звучали, а мы, сами того не сознавая, ощущаемъ ихъ вибрацiю.

Она присѣла на кушетку, стоявшую близъ большого рояля, и добавила совсѣмъ другимъ тономъ:

— А мы услышимъ сегодня что-нибудь изъ его музыки?

— Думаю теперь, что да.

— Отчего теперь?

Эллiотъ молча взглянулъ въ сторону м-съ Мэнсфильдъ.

— Вы хотите сказать, благодаря мамѣ?

— Да. Хiису она страшно понравилась.

— Это бросается въ глаза.

И она добавила съ оттѣнкомъ раздраженiя:

— Онъ, повидимому, держитъ себя недоступно при всей своей неизвѣстности.

— Нѣтъ, это не то. Если вы узнаете его ближе, вы поймете.

— Что́? — спросила она настойчиво.

— Что его сдержанность очень искренна и естественна. Вотъ и все. Между нами говоря, — прибавилъ онъ, наклоняясь ближе къ Чарміанъ, — я сдѣлалъ маленькую ошибку, пригласивъ м-съ Шиффней.

— Меня удивилъ этотъ выборъ, послѣ того, какъ вы были не склонны даже пригласить меня.

— Видите ли, несмотря на свои годы, я до сихъ поръ увлекаюсь людьми. Сегодня днемъ я встрѣтилъ м-съ Шиффней на концертѣ. Она была такъ умна и тонка въ своихъ сужденіяхъ, — хотя она профанъ въ музыкѣ — такъ права въ своемъ энтузіазмѣ, что я... И вотъ она здѣсь... Но бѣда въ томъ, что благодаря ея присутствію Хіисъ заперся на семь замковъ. Какъ взглянула она на него, я сразу замѣтилъ, что онъ почувствовалъ себя точно подъ стекляннымъ колпакомъ.

— Бѣдняжка! Скажите, а вы всегда оберегаете артистовъ съ чувствительной душой и заворачиваете ихъ въ вату отъ рѣзкихъ толчковъ и поломки?

Изящно разсчитанными движеніями она направилась къ матери, разговаривавшей съ Хіисомъ и м-съ Шиффней, и остановилась рядомъ съ матерью, полузакрывъ свои удлиненные глаза, въ кокетливо-томной, свѣтской и небрежной позѣ.

М-съ Шиффней съ восторгомъ отзывалась о концертѣ, на которомъ была днемъ.

— Конечно, онъ похожъ на обезьяну, — говорила она, подразумѣвая, очевидно, какого-то артиста, — но что̀ это за обезьяна!.. Я сидѣла въ первомъ ряду, и онъ говорилъ о томъ, что̀ будетъ исполнять, то по-русски, то на ужасномъ французскомъ языкѣ или такомъ англійскомъ, который оскорбляетъ слухъ. Но какая особенная манера дѣйствовать на слушателя!.. Точно животный магнетизмъ, право. Вы знакомы съ нимъ, м-ръ Хіисъ?

— Нѣтъ. Я мало кого знаю изъ большихъ артистовъ.

— Но зато всѣхъ „подающихъ надежды“, — да? Вы учились за границей?

— Я учился въ Королевскомъ колледжѣ въ Кенсингтонѣ.

М-съ Шиффней, типичная космополитка, проводившая большую часть времени внѣ Англіи, слегка подняла брови.

— Какъ? Вы не учились во Франціи или въ Германіи?

По лицу Хіиса скользнуло смущеніе, смѣнившееся выраженіемъ упрямой самоувѣренности.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ и потомъ прибавилъ: — Я считаю, что Королевскій колледжъ даетъ прекрасное образованіе.

— Ну, разумѣется, — тепло откликнулся Максъ Эллiотъ.

М-съ Шиффней пожала плечами.

— Нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь, — проговорила она, глядя на молодого композитора съ искорками насмѣшки въ глазахъ. — Не думайте, что я критикую вашу Alma mater. Только во мнѣ ужасно мало чисто-британскаго, и я полагаю, что англійская музыка замкнулась въ очень узкомъ кругѣ.

На этомъ пунктѣ разговора неожиданно вмѣшалась Чарміанъ и спокойно произнесла:

— М-ръ Хіисъ, когда вы кончите бесѣду съ моей единственной матерью, — м-съ Шиффней плотнѣе сжала губы, — удѣлите мнѣ свое любезное вниманіе.

— Пожалуйста. Въ чемъ дѣло? — отвѣтилъ Хіисъ.

М-съ Мэнсфильдъ пристально устремила на дочь свои искрящіеся глаза.

— Видите ли, это немножко секретъ.

Чарміанъ оглядѣлась на другихъ и прибавила:

— Это насчетъ Нёткреккера.

— Нёткреккера!

Хіисъ наморщилъ лобъ въ своемъ усиліи сообразить.

— Да, — сказала Чарміанъ и поглядѣла на стулъ, гдѣ сидѣла раньше. — Я, собственно говоря, интересуюсь боксомъ. И вотъ... какъ вы считаете: кто сильнѣе — Нёткреккеръ или Конки Джо?

Не дожидаясь отвѣта Хіиса, м-съ Шиффней воскликнула:

— Конки Джо! Я думала, что знаю всѣхъ и вся, но, представьте, не имѣю понятія о такомъ явленіи. Откуда сіе?

— Изъ Уондерлэнда, — сказалъ Эллiотъ.

— Такого мѣста я не знаю, хотя катаюсь на своей яхтѣ уже много лѣтъ.

— И я тоже! — воскликнулъ Пoль Лэнъ. — Не вѣрю

въ существованіе его, такъ какъ иначе оно было бы намъ извѣстно. Мы оба бывали вездѣ.

— М-ръ Элліотъ сказалъ мнѣ, что онъ встрѣтилъ васъ тамъ и что борьба велась между этими двумя любимцами публики, — жалобно проговорила Чарміанъ, послѣ того, какъ Хіисъ довольно энергично выразилъ свое полное незнакомство съ этимъ дѣломъ.

— Да, но я увѣренъ, что онъ не говорилъ вамъ, будто я знатокъ бокса...

— Вы не знатокъ?

— Нисколько!

— Но вы бы хотѣли быть?

— Я бы ничего не имѣлъ противъ. Но это у меня не главная цѣль въ жизни.

Чарміанъ помолчала, потомъ произнесла значительно:

— Значитъ, это не то.

— Не то... что? — спросилъ Хіисъ, взглянулъ на нее и тотчасъ отвелъ взглядъ въ сторону.

— Не то, чего вы хотите. Потому что вы хотите чего-то очень, очень большого.

— Всѣ люди хотятъ чего-нибудь, мнѣ кажется.

— Не думаю. Вотъ я, напримѣръ. Я вполнѣ довольна своей жизнью. У меня хорошая мать, мнѣ живется удобно, пріятно. Чего еще можетъ быть нужно англійской дѣвушкѣ, которая получила образованіе въ Брайтонѣ?

— Очень радъ слышать, что брайтонское воспитаніе даетъ такіе благодѣтельные плоды.

— Вы смѣетесь надо мной! Это не по-христіански.

— Нѣтъ, это вы... вы смѣялись надо мной!

Чарміанъ съ неудовольствіемъ ощущала, какъ далекъ отъ нея Хіисъ и какъ онъ какъ бы старается сохранить это разстояніе между ними. Она жалѣла теперь, что начала свое знакомство съ нимъ съ кривлянья, что подошла къ нему не просто. Почему она сдѣлала это? Пожалуй, потому, что немножко боялась его, и ей хотѣлось спрятаться за позу, какъ за щитъ.

Глаза Хіиса смущали Чарміанъ. Съ каждой минутой въ его обществѣ она чувствовала себя все болѣе неловко, но старалась казаться увѣренной. Она ожидала, что теперь онъ будетъ говорить. Очередь была за нимъ. Но онъ молчалъ. Чтó съ ней сегодня? Что ни шагъ, то промахъ. Отчаяніе охватило ее. И это продолжалось до тѣхъ поръ,

пока въ ихъ странномъ діалогѣ Хіисъ мимоходомъ не заговорилъ о Венеціи.

Венеція! Чарміанъ ухватилась за это слово, мыслью и душой прилѣпилась къ образу волшебнаго города на водѣ! Разговоръ пошелъ легче, и Чарміанъ стала понемногу оправляться отъ своей странной прострації. Такъ назвала она мысленно свое состояніе оцѣпенѣнія. Конечно, и теперь была извѣстная напряженность. Она форсировала тонъ, но, во всякомъ случаѣ, разговоръ лился свободно, не изсякая ежесекудно. Разумѣется, говорить объ Италіи — банально. Но развѣ не приходится часто возвращаться къ банальнымъ темамъ? И потомъ развѣ прекрасная, какъ сказка, Италія не для того и существуетъ, чтобы служить предметомъ восторговъ и воспоминаній?

Ей было особенно несимпатично въ Хіисѣ именно то, что при немъ она ощущала себя обыкновенной, дюжинной натурой,—такой, какъ всѣ.

Ихъ tête-à-tête былъ прерванъ уходомъ м-съ Шиффней. Повидимому, композиторъ разочаровалъ ее. Но она была слишкомъ умна, чтобы проявить это.

— Если вамъ когда-нибудь вздумается заглянуть ко мнѣ, въ чемъ я, впрочемъ, сомнѣваюсь, то я живу въ Гросвеноръ-скверѣ. Подробный адресъ вы найдете въ Красной книгѣ.

Она взглянула на него своимъ самоувѣреннымъ до наглости взглядомъ и прибавила:

— А, можетъ быть, когда-нибудь вы захотите прокатиться на моей яхтѣ и покажете мнѣ путь въ Уондерлэндъ. М-ръ Элліотъ говоритъ, что вы его знаете. А намъ всѣмъ это интересно: я была вездѣ, кромѣ этого мѣста.

— Сомнѣваюсь, чтобы можно было попасть туда на яхтѣ, — сказалъ Хіисъ съ улыбкой.

III.

Когда Максъ Элліотъ вернулся, проводивъ гостью, завязался общій разговоръ. Хіисъ подавалъ часто реплики съ характернымъ для него внѣшнимъ оживленіемъ. Онъ обладалъ легкостью рѣчи и убѣдительностью интонаціи. У него былъ такой видъ, словно онъ захваченъ тѣмъ, что говорятъ и думаютъ вокругъ, и словно ему хочется быть заодно съ другими. Но все же Чарміанъ казалось, что втайнѣ онъ съ холоднымъ упорствомъ слѣдуетъ своимъ мыслямъ.

Въ центрѣ разговора былъ сначала Лэнъ; онъ меньше иронизировалъ, чѣмъ обыкновенно, мягче былъ настроенъ. Онъ глубоко интересовался искусствомъ. Элліотъ, хорошо знавшій его, понялъ, что личность Хіиса произвела на него впечатлѣніе, и онъ старался, повидимому, создать подходящую атмосферу въ надеждѣ услышать музыку. Если это было такъ, то его усилія оказались напрасны. Скоро Лэнъ почувствовалъ это и, сославшись на необходимость попасть еще куда-то, ушелъ.

Какъ только закрылась за нимъ дверь, Чарміанъ почувствовала облегченіе. Она была возбуждена, она ждала. Вопреки себѣ, она даже стала надѣяться на „Te Deum" и рѣшила держаться умно. Надо было нѣсколько стушеваться, и она усѣлась въ уголокъ возлѣ камина, раскрывъ свой вѣеръ, чтобы защитить лицо отъ жара пламени, и слушая разговоръ съ красиво-мечтательнымъ выраженіемъ. Она знала, что ея поза восхитительна, что отблескъ огня даетъ особенное очарованіе ея нѣжной кожѣ. Тѣмъ не менѣе, она честно старалась оставаться на второмъ планѣ. И дѣлала она это потому, что хорошо знала, что не она, а ея мать находится въ умственномъ контактѣ съ Хіисомъ.

М-съ Шиффней мѣшала, Поль Лэнъ — тоже. Неужели она, Чарміанъ, будетъ третьимъ элементомъ, вносящимъ диссонансъ? Никогда! Ей хотѣлось быть активной, участвовать самой въ сближеніи, но объ этомъ не могло быть рѣчи, и потому она рѣшила перейти на положеніе сторонней наблюдательницы.

„Буду сидѣть тихо, какъ мышка", — думала она, разсматривая нѣжный рисунокъ на своемъ вѣерѣ.

М-съ Мэнсфильдъ говорила о попыткахъ нѣкоторыхъ лондонскихъ круговъ поднять театръ съ того низкаго уровня, до котораго онъ опустился, и привлечь къ нему вниманіе людей, смотрящихъ на зрѣлище не какъ на мѣсто, гдѣ пріятно переваривать свой обѣдъ. Она разсказала, какъ была приглашена въ театръ одной дамой-театралкой съ реформаторскими стремленіями, но съ малой дозой пониманія.

— Сначала мы обѣдали у нея. Она какимъ-то образомъ убѣдила Берлинга, оксфордскаго историка, поэтессу м-съ Дартфордъ и ея супруга и статистика Кёммербриджа составить компанію. И вотъ, какъ вы думаете, куда она насъ повезла?

— Въ „Критеріонъ", на сногсшибательный фарсъ подъ

названіемъ „Моя душка“, гдѣ священникъ попадаетъ въ котелъ, городового прячутъ въ шкафъ съ бѣльемъ, а герцогиня бульварнаго типа оказывается подъ душемъ въ самый разгаръ его дѣйствія. Каюсь, что я хохотала, какъ никогда въ жизни. Сидѣла я между Бёрлингомъ, который имѣлъ видъ перепуганной курицы, и м-ромъ Дартфордомъ. Этотъ былъ серьезно внимателенъ отъ начала до конца и все время бормоталъ: „Однако! Однако!“ Къ концу представленія я была почти въ истерикѣ. Когда мы выходили изъ театра, м-ръ Дартфордъ сказалъ женѣ: „Генріетта, я радъ, что мы пошли“. Она поглядѣла на него искоса и спросила со слезами въ голосѣ: „Почему?“ — „Это цѣнный урокъ. Теперь мы знаемъ, что нужно англійской публикѣ“. Ея отвѣтъ былъ достоинъ ея.

— Что она отвѣтила? — спросилъ Элліотъ съ любопытствомъ.

— Она сказала: „Есть много человѣческихъ запросовъ, Габріэль, удовлетвореніе которыхъ преступно“. Бёрлингъ уѣхалъ домой на извозчикѣ. Статистикъ сбѣжалъ послѣ перваго акта — у него сдѣлался приступъ невралгіи.

Элліотъ разсмѣялся сочнымъ раскатистымъ смѣхомъ. Хіисъ улыбался, но улыбка его была печальна.

— Можетъ быть, эта самая „Душка“—или какъ ее?—и вызвала тѣ попытки обновленія, о которыхъ вы говорили? — обратился онъ къ м-съ Мэнсфильдъ.

— Можетъ быть! Но ихъ проповѣдь меня не увлекаетъ, — отвѣтила она.

Ея лицо горѣло почти лихорадочнымъ оживленіемъ.

— Знаете, иногда мнѣ кажется, — продолжала она, — что нашу серьезную драму я ненавижу еще больше, чѣмъ эту нелѣпую ерунду, которая въ концѣ концовъ никогда не касается настоящей человѣческой жизни. Можетъ быть, съ моей стороны это слабость, но я не могу... Да вотъ на прошлой недѣлѣ мы съ Чарміанъ видѣли пьесу, на которую всѣ они, высшіе цѣнители, идутъ толпой. Я знаю человѣка, который смотрѣлъ ее пять разъ. И что же? Мнѣ было тошно отъ ея остроумія, отъ ея неожиданныхъ трюковъ. Я смѣялась и презирала себя за этотъ смѣхъ. Авторъ пьесы могъ бы, не моргнувъ глазомъ, нарядить въ шутовской колпакъ Франциска Ассизскаго и высмѣять Эдипа.

Хіисъ не отрывалъ взгляда отъ м-съ Мэнсфильдъ; его глаза сверкали такъ ярко, точно въ нихъ зажглись два факела.

— Я ушла изъ театра съ такимъ чувствомъ, — продолжала м-съ Мэнсфильдъ, — со стыдомъ признаюсь въ этомъ,—что никогда больше я не найду въ себѣ стремленія къ благородному поступку, точно весь міръ превратился въ балаганъ. И все-таки я смѣялась!.. Какъ я смѣялась!

Она и теперь разсмѣялась, вспомнивъ что-то въ пьесѣ.

— Онъ адски уменъ, этотъ авторъ!—воскликнула она.— Но такой умъ дѣйствуетъ разлагающе.

— Хорошо, но. . — началъ Элліотъ. — Такое обвиненіе не разъ выдвигалось противъ очень большихъ людей. Императрица Фредерика говорила одному моему другу, что люди, не жившіе въ Германіи и не наблюдавшіе близко германскую жизнь, не могутъ понять, какое зло распространилъ въ странѣ Вагнеровскій „Тристанъ".

— Но въ такомъ случаѣ изъянъ или, если хотите, грѣхъ-то сидѣлъ въ слушателяхъ, — произнесъ Хіисъ возбужденно.

Онъ всталъ и остановился передъ каминомъ.

— Вагнеръ былъ геніемъ и творцомъ. Я думаю, что „Тристанъ" былъ для Германіи только плюсомъ, и что намъ было бы невредно имѣть своего, англійскаго, „Тристана". Но выигрываемъ ли мы отъ драмы съ шутовскимъ колпакомъ и бубенцами — сомнѣваюсь.

Элліотъ выступилъ съ энергичной защитой драматурга, котораго зналъ лично и любилъ. Чарміанъ слушала завязавшійся споръ и ясно видѣла, какъ поразительно настроеніе и взгляды матери совпадаютъ съ взглядами Хіиса.

— Это — начало большой дружбы, — подумала она.

И въ первый разъ въ жизни она сознательно позавидовала матери и пожалѣла, что не обладаетъ ея умомъ, темпераментомъ, невольнымъ даромъ привлекать сердца. Разговоръ продолжался, и Чарміанъ тоже приняла въ немъ участіе. Но она чувствовала себя такой несвѣдущей, такой маленькой. Ея обычная спутница — счастливая самоувѣренность покинула ее.

О музыкѣ не было даже упоминанія, и наконецъ м-съ Мэнсфильдъ поднялась, чтобы уходить.

Прощаясь, она взглянула на Хіиса и сказала:

— Мы встрѣтимся еще съ вами?

Онъ сталъ пожимать ея руку и отвѣтилъ, слегка краснѣя:

— Я надѣюсь, что да... я надѣюсь.

Это все. Не упоминались ни Красная книга, ни чет-

верги. Все это было ненужно. Чарміанъ едва прикоснулась къ его рукѣ и холодно промолвила: „Спокойной ночи“. Еще минута, и онѣ съ матерью мчались въ моторѣ среди сырой тьмы.

Послѣ короткаго молчанія м-съ Мэнсфильдъ сказала:

— Ну вотъ, Чарміанъ, ты избѣжала! Рада?

— Избѣжала? — вопросительно раздалось изъ угла мотора.

— Ну-да. Ты вѣдь такъ боялась „Te Deum'a“.

— Музыкантъ ли онъ вообще? Мнѣ кажется, что Максъ Элліотъ насъ мистифицировалъ.

— Онъ предупреждалъ тебя не ждать слишкомъ многаго по части шевелюры и прочаго.

— Не въ томъ дѣло. Сколько ему лѣтъ, по-твоему?

— Меньше тридцати.

— Что ты ему говорила обо мнѣ?

— О тебѣ? Кажется, ничего.

— Нѣтъ, ты говорила, мама!

— Отчего ты такъ увѣрена?

— Я знаю, что ты говорила обо мнѣ, когда я сидѣла около рояля съ Максомъ.

— Можетъ быть. Но я не могу вспомнить, что сказала. Вѣроятно, пустякъ какой-нибудь.

М-съ Мэнсфильдъ видѣла по всему, что дочь недовольна вечеромъ, но была слишкомъ умна, чтобы спрашивать ее, Вообще она не особенно склонна была задавать Чарміанъ интимные вопросы. Она спокойно перемѣнила тему.

IV.

Чарміанъ была права, когда подумала: „Это начало большой дружбы“. Клодъ Хіисъ очень скоро появился въ Беркли-скверѣ и въ короткое время получилъ основаніе считаться однимъ изъ ближайшихъ друзей м-съ Мэнсфильдъ. Ихъ у нея было нѣсколько, но Хіисъ выдѣлялся среди всѣхъ. Между этой сорокапятилѣтней женщиной съ серебристо-бѣлой головой и молодымъ человѣкомъ двадцати восьми лѣтъ установилось какое-то особое взаимное пониманіе.

Отличало эту дружбу отъ другихъ дружественныхъ отношеній м-съ Мэнсфильдъ то, что Чарміанъ была внѣ ея. Произошло это не по винѣ и желанію матери. Дѣвушка всегда съ граціозной легкостью принимала новыхъ друзей

матери. Они баловали ее, оттого что она была очаровательное дитя въ домѣ, гдѣ они проводили счастливѣйшіе часы. Никогда еще на жизнь Чарміанъ не падало тѣни отъ матери. Но теперь она, какъ казалось, намѣренно и по своей волѣ пошла по одинокому, затѣненному пути. Она молчаливо отказывалась принять дружбу матери съ Клодомъ Хіисъ, какъ она раньше принимала другую. Мягко, съ неуловимой, почти таинственной настойчивостью она отстранялась отъ нихъ.

Или же ее какимъ-то неуловимымъ путемъ отстранялъ Клодъ Хіисъ?

Ей хотѣлось думать, что это такъ. Но бывали минуты, когда Хіису казалось, что Чарміанъ упорствуетъ изъ антипатіи къ нему, изъ ревности къ матери.

Но все это было незамѣтно снаружи. Чарміанъ казалась настроенной дружелюбно, и Хіисъ чувствовалъ себя съ ней недурно. Но наединѣ съ матерью онъ становился другимъ человѣкомъ. Сперва м-съ Мэнсфильдъ не придавала этому значенія. Она приписывала все тому, что Хіисъ — человѣкъ замкнутый и что случайно у нея оказался въ рукахъ ключъ, открывавшій если не всѣ комнаты его души, то хотя бы одну изъ нихъ. Но будучи не только умной, но и чуткой женщиной, она скоро пришла къ заключенію, что между ея дочерью и Хіисомъ существуетъ тайный антагонизмъ.

Это огорчило ее. Она даже стала задумываться о томъ, не положить ли конецъ дружбѣ съ Хіисомъ, какъ ни цѣнила она ее. М-съ Мэнсфильдъ не была способна питать какое-либо иное чувство къ мужчинѣ, кромѣ дружбы. Въ прошломъ у нея была истинная, глубокая любовь, былъ пышный, лѣтній расцвѣтъ. Онъ миновалъ. Теперь для нея настала осень. Ея душа часто улетала къ дорогой могилѣ или, словно птица, подымалась ввысь и, простирая крылья, носилась надъ моремъ, въ поискахъ золотой страны забвенія. Но она никогда не жаловалась. Она умѣла наполнять свою жизнь, глубоко интересовалась людьми и событіями. Большая скорбь не изсушила ея сердца, — скорѣе даже смягчила его. И оттого она привлекала къ себѣ людей, и ее влекло къ нимъ.

Клодъ Хіисъ внесъ въ ея жизнь то, чего другіе друзья не давали ей. Уйди онъ, исчезни въ толпѣ, осталась бы пустота, которую некому было бы заполнить. Она чувствовала, что онъ цѣнитъ ее, и она ощущала то же самое.

Но Чарміанъ, конечно, занимала первенствующее мѣсто въ ея жизни, имѣла право на максимумъ ея вниманія. М-съ Мэнсфильдъ спрашивала себя, что именно въ Хiисѣ можетъ не нравиться дѣвушкѣ и какія черты характера Чармiанъ смущаютъ и раздражаютъ Хiиса?

Однажды Чармiанъ отправилась на дневной концертъ, а м-съ Мэнсфильдъ уговорилась съ Хiисомъ прiѣхать къ нему пить чай въ его маленькомъ старомъ домѣ. Прошло почти три мѣсяца съ начала ихъ знакомства, но она еще ни разу не была у него въ гостяхъ и не слышала ничего изъ его произведенiй. Послѣднее не казалось ей страннымъ: вѣдь она тоже ни разу не упоминала о своемъ покойномъ мужѣ.

Максъ Эллiотъ былъ сбитъ съ толку этой скрытностью музыканта. Ему особенно хотѣлось, чтобы м-съ Мэнсфильдъ слышала то, что восхищало его. Послѣ ихъ первой встрѣчи у него въ домѣ онъ нѣсколько разъ спрашивалъ м-съ Мэнсфильдъ: „Ну, что, слышали вы „Te Deum“?“ На это она каждый разъ отвѣчала спокойнымъ „Нѣтъ“, а онъ пожималъ плечами и думалъ, что Хiисъ — странный человѣкъ и что, пожалуй, онъ ошибся, возлагая на него такiя надежды. Одинъ разъ Эллiотъ спросилъ ее: „Развѣ вы не хотите послушать его музыку?“

— Пока онъ самъ не захочетъ, чтобы я послушала ее, нѣтъ, — отвѣтила м-съ Мэнсфильдъ.

Эллiотъ глядѣлъ на нее долго своими большими добрыми глазами и сказалъ:

— Не удивительно, что ваши друзья обожаютъ васъ!

Онъ самъ нѣсколько разъ въ теченiе этихъ мѣсяцевъ слышалъ игру Хiиса, и теперь ему начинало казаться, что этимъ удовольствiемъ онъ обязанъ своему дѣятельному и, пожалуй, нѣсколько вульгарному интересу къ музыкальному и артистическому развитiю; что скрытная сдержанность Хiиса свидѣтельствовала объ его высокомъ уваженiи и дружбѣ къ м-съ Мэнсфильдъ. Ему не удалось убѣдить Хiиса придти на одинъ изъ его воскресныхъ музыкальныхъ вечеровъ, собиравшихъ множество публики и артистовъ. Повидимому, инстинктъ подсказалъ ему правильно: этотъ цвѣтокъ можетъ расти только въ темнотѣ. Но Эллiотъ всегда поддавался музыкальнымъ увлеченiямъ и любилъ дѣлить „находку“ съ другими.

М-съ Мэнсфильдъ предполагала, что Хiисъ пригласилъ

ее на чай съ намѣреніемъ подвергнуть свой талантъ ея сужденію. Въ своихъ разговорахъ они не разъ касались музыки, но еще чаще толковали о книгахъ, людяхъ, національныхъ вопросахъ, злобахъ дня. И теперь, отправляясь въ свою комнату одѣваться, м-съ Мэнсфильдъ колебалась: идти ли ей? Пойти къ Хіису, — значило приблизиться еще на шагъ-два къ нему и такимъ образомъ отдалиться отъ своей дочери. Въ этотъ день разладъ между Чарміанъ и Хіисомъ особенно занималъ ея мысли и волновалъ своей неясностью. Спускаясь внизъ и затѣмъ садясь въ автомобиль, она склонялась къ мысли поговорить съ Хіисомъ на эту тему.

Дѣло было въ февралѣ, и пока м-съ Мэнсфильдъ доѣхала до Мёлліонъ-Хоузъ, сгустились сумерки. У подъѣзда стоялъ большой автомобиль, и когда шофферъ м-съ Мэнсфильдъ, подкативъ, далъ мелодичный гудокъ, изящно одѣтая дама, сойдя со ступенекъ, вошла и сѣла въ свой моторъ. Къ окну подошелъ лакей, получилъ отъ нея приказанія, и автомобиль плавно покатился, быстро исчезая въ надвигавшейся вечерней тьмѣ.

„Это какъ будто Аделаида!“ — подумала м-съ Мэнсфильдъ.

Она не была увѣрена, но мелькнувшая фигура показалась ей похожей на м-съ Шиффней.

У дверей ее встрѣтила худая женщина съ большими сѣрыми глазами; она улыбалась гостьѣ, и видъ у нея былъ такой, точно ей очень хочется почтительно присѣсть, но она удерживается отъ этого изъ уваженія къ лондонскимъ обычаямъ.

— Пожалуйте, сударыня, милости просимъ! Баринъ дома. Онъ ждетъ васъ.

Послѣднія слова были произнесены съ подчеркнутой симпатіей.

— Иногда приходятъ гости, которые ему смерть скучны! Такихъ и пускать не приказано, — продолжала женщина, запирая входную дверь. — Но васъ онъ радъ будетъ видѣть. Ужъ мы всѣ знаемъ.

— Мнѣ очень пріятно слышать это, — сказала м-съ Мэнсфильдъ. Ей нравилось экспансивное простодушіе прислуги. — Значитъ, м-ръ Хіисъ говорилъ о томъ, что я приду?

— Какъ же! Какъ же, барыня! Пожалуйте вотъ сюда.

М-съ Сирль, кухарка и домоправительница Хиса прошла черезъ слабо-освѣщенный вестибюль и направилась подлинному, узкому коридору.

— Онъ въ кабинетѣ, — замѣтила она черезъ плечо. — Съ нимъ Фэнъ.

— Кто это Фэнъ? Собака?

— Нѣтъ, барыня. Это моя маленькая дочка.

— Ахъ, простите, ради Бога!

— Да ничего. Я, видите ли, не знала, что вы уже подъѣхали, и, когда та дама ушла, я и говорю Фэнъ: „Бѣги, Фэнъ, къ барину. Будь хорошая дѣвочка, повесели его". Ужъ я знаю, что когда человѣкъ разстроенъ, или ему не по себѣ, то ничего нѣтъ лучше, какъ поиграть съ ребенкомъ. Вѣрно я говорю, барыня, — вѣдь у ребенка что на душѣ, то и на языкѣ. Мы и сами такіе, только стыдно намъ показать себя, какъ есть. И почему бы это?

Съ этими словами она открыла дверь въ рабочую комнату композитора.

Въ дальнемъ концѣ ея при отблескѣ камина м-съ Мэнсфильдъ увидѣла фигуру Хиса, склоненную къ бѣлокурой дѣвочкѣ лѣтъ трехъ, одѣтой въ бѣлое платье съ красивымъ голубымъ бантомъ. Дѣвочка протягивала ему маленькую голую куклу довольно нелѣпаго вида и щебетала что-то неровнымъ, но звонкимъ голоскомъ.

— Вотъ, сэръ, и м-съ Мэнсфильдъ, — доложила м-съ Сирль и продолжала, измѣнивъ тонъ:

— Пойдемъ, Фэнъ! Слушайся мамы и возьми Мастермена съ собой. Надо одѣть его, а то онъ простудится.

И снова обращаясь къ м-съ Мэнсфильдъ:

— Вы ужъ извините ее, барыня, но она у меня такая натуральная: что въ платьѣ, что безъ платья, — ей все равно.

Фэнъ повернулась и, держа Мастермена за ногу, уставилась на чужую даму блестящими синими глазками. Ея лицо выражало крайнее изумленіе по поводу такого неожиданнаго перерыва ея частной бесѣды съ Клодомъ Хисъ. Въ своемъ замѣшательствѣ она инстинктивно потащила палецъ въ ротъ и разсматривала м-съ Мэнсфильдъ съ осторожнымъ любопытствомъ будущей женщины.

Хисъ нѣжно взялъ ее за плечи и, улыбаясь, прошелъ съ ней на середину комнаты.

— Добро пожаловать! — сказалъ онъ, протягивая ру-

ку. — Да, да, Фэнъ, я понимаю: онъ былъ боленъ, а теперь поправился. Пойди къ мамѣ!

Фэнъ удалилась, а м-съ Мэнсфильдъ сняла пальто и стала оглядываться кругомъ.

— Я не поцѣловала ее, — сказала она, — потому что я считаю слишкомъ большой вольностью съ перваго раза цѣловать такое прекрасное Божье созданіе.

— Я знаю... да, да!

Хиисъ казался безпокойнымъ. Лицо его горѣло, а глаза, всегда живые, сверкали особенно возбужденно. Онъ посмотрѣлъ на м-съ Мэнсфильдъ и отвелъ взглядъ.

„Точно виноватый!“ — подумала она.

— Садитесь сюда, у камина. Хотите подушку?

— Нѣтъ, спасибо. Какъ у васъ уютно!

— Правда? Я живу въ этой комнатѣ. Эллингъ, художникъ, выстроилъ ее для мастерской. Другія комнаты совсѣмъ крохотныя.

— А какая у васъ симпатичная прислуга!

— М-съ Сирль? Да. Она — настоящій кладъ. Хорошая, простая, безхитростная душа. И Боже мой! Какъ она понимаетъ людей!

Онъ засмѣялся, но смѣхъ звучалъ слегка искусственно.

— Фэнъ тоже прелесть, — прибавилъ онъ.

— Какъ ея настоящее имя?

— Фанни. Но я зову ее Фэнъ.

Онъ помолчалъ.

— Должно быть, оттого, что я люблю ее.

— Ну-да, конечно.

Наступило молчаніе. М-съ Мэнсфильдъ оглядѣла комнату. Несмотря на свои размѣры, она была, дѣйствительно, уютна и имѣла настоящій жилой видъ. Въ ней не было ничего очень красиваго или дорогого, за исключеніемъ большого рояля Штейнвей, — но не было и ничего мѣщанскаго и безвкуснаго. Множество книгъ стояло на полкахъ по стѣнамъ, лежало всюду на столахъ, вперемежку съ журналами, газетами, музыкальными тетрадями и партитурами. Рояль былъ открытъ, на немъ лежало много нотъ. Кресла были не новыя, но удобныя; видно было, что въ нихъ хорошо сидится. Окна были задрапированы оранжевыми занавѣсками. На полу нѣсколько эффектныхъ восточныхъ ковровъ. На одномъ изъ столовъ стояло много яркихъ желтыхъ тюльпановъ. Напротивъ рояля находилось большое

Распятіе чернаго дерева; оно было помѣщено такъ, что всякій, сидѣвшій у рояля, долженъ былъ видѣть его. Нѣсколько потемнѣвшихъ масляныхъ картинъ висѣло между книжными полками. М-съ Мэнсфильдъ не могла разсмотрѣть ихъ. На высокой деревянной доскѣ надъ каминомъ стояло нѣсколько фотографій: все профессора и учащіеся музыкальнаго колледжа да еще какой-то серьезный священникъ въ черномъ сюртукѣ и кругломъ бѣломъ воротникѣ.

Эта комната представлялась убѣжищемъ отшельника, который любилъ уютъ, котораго влекло къ таинственному, даже мистическому и къ тихой умственной работѣ.

Вошла прислуга (не м-съ Сирль), поставила подносъ съ чаемъ и удалилась. Видъ у нея былъ совсѣмъ деревенскій.

— Это моя горничная Гарріетъ, — сказалъ Хиисъ, наливая чай.

— Все это какъ-то не похоже на Лондонъ, — замѣтила м-съ Мэнсфильдъ, оглядываясь вокругъ.

— Я стараюсь, чтобы это было такъ. Я очень люблю Лондонъ, но у себя дома не выношу типично-лондонскаго уклада.

— У васъ хорошо, — сказала она, — настоящее жилище работающаго человѣка. Такъ надоѣли всякаго рода пріемныя! Это — убѣжище.

Хиисъ взглянулъ на нее своими блестящими, проницательными глазами.

— Меня занимаетъ, — началъ онъ, — можетъ ли... вы разрѣшите мнѣ говорить о себѣ? — перебилъ онъ самого себя.

— Конечно... если вамъ хочется.

— Да.. видите ли, меня занимаетъ вотъ какой вопросъ: не есть ли это трусость, если человѣкъ ставитъ перегородку между собой и жизнью? Не ошибка ли — имѣть убѣжище, какъ вы правильно называли эту комнату, и большую часть времени проводить въ немъ? Но весь вопросъ въ томъ: надо ли слушаться чутья, инстинкта, если онъ говоритъ сильно?

— Думаю, что надо.

— М-съ Шиффней не согласилась бы съ вами.

— Конечно, нѣтъ.

— Вы не встрѣтили ее? Она ушла передъ самымъ вашимъ приходомъ.

— Да, она промелькнула. Я подумала, что это, кажется, Аделаида, но не была увѣрена.

— Это была она. Я не приглашалъ и не ждалъ ея.

Онъ остановился, а затѣмъ, вдругъ спохватясь, добавилъ:

— Впрочемъ, такъ мило съ ея стороны было пріѣхать. Она умна и очень интересна.

— Да, очень.

— И все-таки въ ней и во многихъ другихъ есть что-то такое, что я ненавижу.

— Что же это?

— Не знаю, какъ объяснить.. Когда я сталкиваюсь съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, мнѣ слышится голосъ, который повторяетъ: „Завтра мы умремъ.. Завтра мы умремъ...“ И я вижу, какъ они зубами и когтями цѣпляются за удовольствія, за наслажденіе жизнью. Это вызываетъ во мнѣ отвращеніе, и все-таки... иногда мнѣ кажется, что и я могу пойти съ ними.

М-съ Мэнсфильдъ не отвѣчала сразу. Она допила свою чашку и теперь жестомъ отказывалась отъ второй.

— Это правда,—промолвила она.—Чудовище съ когтями и зубами существуетъ, и оно, конечно, отвратительно Но оно такъ мрачно, что я вижу въ немъ, главнымъ образомъ, этотъ мракъ, эту печаль.

— Вы добрѣе меня, — сказалъ Хіисъ и добавилъ, наклонясь впередъ: — Вы знаете, я думаю, что вы — самое доброе человѣческое существо, встрѣчавшееся мнѣ въ жизни. Вотъ развѣ еще этотъ священникъ, что стоитъ на каминѣ.

— Простите мою нескромность, — сказала она, пользуясь очевидной склонностью Хіиса къ интимной бесѣдѣ, — вы развѣ католикъ?

— О, нѣтъ! Хотѣлъ бы имъ быть.

— Но вы не можете?

— Нѣтъ! Я, кажется, принадлежу къ тѣмъ несчастнымъ субъектамъ, у которыхъ сердце съ умомъ не въ ладу. Тутъ не можетъ быть ни удовлетворенности, ни внутренняго спокойствія. Могу только надѣяться на лучшіе дни.

М-съ Мэнсфильдъ чувствовала, какъ его привычная суровая сдержанность боролась съ сильнымъ, почти безумнымъ искушеніемъ быть откровеннымъ съ ней.

— И они навѣрное придутъ! — сказала она. — Только вы должны быть всегда вполнѣ искренни съ самимъ собой и, насколько это возможно, искренни съ другими.

— Какъ вы правы въ своей оговоркѣ! Далеко не всегда можно быть искреннимъ съ людьми.

Она улыбнулась.

— Они просто не допускаютъ этого.

— Вотъ именно! — подтвердилъ онъ. — А съ вами я иногда могу быть откровеннымъ.

— Особенно сегодня, кажется?

— Да. Мы съ вами понимаемъ другъ друга.

— Да.

— Я часто удивляюсь: отчего это? Но это такъ. Если вы кончили, то позвольте мнѣ отодвинуть столъ.

Онъ отодвинулъ столъ и присѣлъ на софу, рядомъ съ ней. И, опершись спиной на край сидѣнья, онъ вытянулъ руку вдоль деревянной рамы, безпокойно перебирая своими длинными неровными пальцами.

— Вы знаете, тогда у Макса Эллiотъ я жалѣлъ, что пришелъ, пока вы не вошли въ комнату, — сказалъ онъ. — И съ тѣхъ поръ все время я радъ. Отчасти.

— Только отчасти?

— Да. Оттого что я всегда чувствовалъ инстинктивный страхъ, чтобы меня не втянули.

— Куда? Въ свѣтскую и художественную толчею?.. Вы это думали?

— Совершенно вѣрно.. Вотъ Эллiотъ... онъ въ самой гущѣ. И м-съ Шиффней тоже, и весь ея кругъ, который мнѣ чуждъ.

— Пожалуй, и я съ Чармiанъ тоже тамъ.

Но Хiисъ смотрѣлъ на полъ и, не обращая вниманiя на замѣчанiе м-съ Мэнсфильдъ, продолжалъ:

— У меня есть нѣкоторый талантъ. Онъ не изъ тѣхъ, которые могутъ завоевать популярность. Къ счастью, я не стремлюсь.. я даже боюсь популярности. Но такъ какъ мой талантъ нѣсколько своеобразенъ, я бы сказалъ, или необыченъ, то онъ могъ бы стать... ну, своего рода сенсацiей, что ли, въ извѣстномъ кругу. Конечно, очень скоро я былъ бы брошенъ и забытъ. Я чувствую, что дай я только возможный поводъ, они начнутъ лансировать меня. Вѣдь Максъ Эллiотъ только этого и ждетъ. Онъ — такой хорошiй человѣкъ, но прирожденный эксплоататоръ. То-есть, конечно, не въ дурномъ смыслѣ, — прибавилъ Хiисъ поспѣшно.

— Да, да, я понимаю.

— Не сочтите меня самонадѣяннымъ, но я вижу ясно, что во мнѣ есть такія стороны, которыя могутъ нравиться въ этомъ кругу. Возьмите, напримѣръ, м-съ Шиффней. Я ни разу не былъ у нея. Она посылала мнѣ нѣсколько приглашеній. И сегодня явилась сама. Она зоветъ поѣхать съ ней на яхтѣ „Странникъ".

— Куда? Въ Уондермэндъ?

Хіисъ пожалъ плечами.

— Нѣтъ, кажется, по Средиземному морю.

— И это не соблазняетъ васъ?

— Еще бы! Ужасно. Но я наотрѣзъ отказался. И все-таки она поняла, что поѣздка меня соблазняетъ. Съ ея стороны это только любопытство, — прибавилъ онъ съ мальчишеской досадой. — Она никакъ не можетъ раскусить меня; я ускользаю, оттого она меня и пригласила.

М-съ Мэнсфильдъ мысленно прибавила къ послѣдней фразѣ слово „отчасти".

— Значитъ, вы такъ сильно боитесь подвергать свое я или свой талантъ вліянію того, что мы можемъ назвать свѣтомъ? — спросила она.

— Я считаю, что талантъ — это и есть свое я, свое лучшее я.

— Вѣроятно, это такъ. У меня нѣтъ никакого таланта. Вамъ поэтому лучше знать это. Да мнѣ кажется, что въ этомъ страхѣ вы правы.

— Вы не считаете меня просто трусомъ и эгоистомъ?

— О, нѣтъ!.. Но многіе скажутъ вамъ, что талантъ нельзя прятать, что онъ долженъ быть отданъ людямъ.

— Я знаю. Но не думаю, чтобы современники нуждались въ моемъ. Я... — онъ покраснѣлъ... — Я всегда беру темой библейскіе тексты или слова молитвъ.

— Но развѣ англичане не...

Онъ прервалъ ее.

— Господи Боже! Вы хотите сослаться на Генделя и прочее и прочее...

Она разсмѣялась.

— Я сыграю вамъ кое-что изъ моихъ вещей, — проговорилъ онъ неожиданно, — тогда вы сразу увидите разницу.

Онъ подошелъ къ роялю и, остановившись спиной къ м-съ Мэнсфильдъ, сталъ рыться въ листахъ нотной бумаги, взялъ цѣлую кучу, положилъ подъ рояль и наконецъ вскричалъ:

— Вотъ оно!

Онъ вынулъ рукопись, поставилъ ее на пюпитръ и сѣлъ за рояль.

— Это мой послѣдній opus. Слова взяты изъ шестнадцатой главы Откровенія: „И услышалъ я гласъ изъ храма, и говорилъ онъ семи ангеламъ: „Летите каждый своимъ путемъ и излейте фіалъ Божьяго гнѣва на землю". И такъ далѣе.

Его руки какъ бы гнѣвно ударили по клавишамъ. Онъ игралъ и давалъ м-съ Мэнсфильдъ поясненіе того, что изображаетъ музыка.

— Это — море. „И вылилъ второй ангелъ свой фіалъ въ море, и стало оно алымъ, точно кровь убитаго человѣка... И вылилъ четвертый ангелъ свой фіалъ на солнце, и дана ему была власть поражать людей огнемъ... И вылилъ шестой ангелъ свой фіалъ въ великую рѣку Евфратъ, и воды ея высохли, чтобы проложить дорогу для королей Востока..."

Окончивъ, онъ всталъ изъ-за рояля съ пылающимъ лицомъ и быстро сказалъ съ своей наивной, почти мальчишеской манерой.

— Вотъ видите, это вамъ дастъ понятіе, какого рода вещи меня занимаютъ. Никогда я не возьмусь за тему, которая не захватываетъ меня.

Онъ постоялъ съ минуту, не глядя на м-съ Мэнсфильдъ; затѣмъ, словно преодолѣвая внутреннюю съеженность, онъ снова присѣлъ на софу.

— Вы аранжировали для оркестра эту вещь? — спросила она.

— Да. Только что кончилъ.

— И вѣдь вамъ хочется услышать ее исполненной съ пѣніемъ и оркестромъ? Откровенно скажу: я не повѣрю, если вы станете отрицать.

— Я и не стану.

Его съеженность, казалось, покидала его.

— Правда вотъ въ чемъ: я разрываюсь между желаніемъ слышать свои сочиненія исполненными и сильнымъ отвращеніемъ къ публичнымъ выступленіямъ.

Онъ вскочилъ.

— Если разрѣшите, я сыграю вамъ свой „Te Deum". На этомъ мы покончимъ.

Когда послѣ игры онъ вернулся и молча занялъ свое мѣсто рядомъ съ м-съ Мэнсфильдъ, она почувствовала какую-то робость передъ нимъ. Черезъ минуту она спросила:

— Вы искренни въ своей музыкѣ?

— Да.

Казалось, онъ не особенно любопытствуетъ услышать ея точное мнѣніе о своихъ произведеніяхъ, и это, неизвѣстно почему, нравилось м-съ Мэнсфильдъ.

— Двѣ-три вещи мои исполнялись на ученическихъ концертахъ въ колледжѣ, — продолжалъ Хiисъ. — Кажется, онѣ не особенно понравились. Технически онѣ были признаны очень умѣлыми. Но это что жъ? Внѣшними средствами, само собой разумѣется, надо овладѣть, или иначе ничего не выразишь.

— А теперь работаете совсѣмъ одиноко?

— Да. На жизнь мнѣ хватаетъ моихъ средствъ. Кромѣ того, я отлично знаю, что мой жанръ не можетъ приносить дохода. Поэтому матеріальнаго искушенія у меня нѣтъ. Мои композиціи — искусство для искусства.

М-съ Мэнсфильдъ подумала:

„Если бы ему либретто въ мистическомъ духѣ, какую онъ могъ бы написать оперу!"

Но она не сказала этого. Ей не хотѣлось предлагать Хiису ничего такого, что онъ могъ бы счесть за желаніе съ ея стороны создать ему успѣхъ. Въ ея ушахъ продолжали звучать слова: „и воды ея высохли, чтобы проложить дорогу для королей Востока". Они уносили ее далеко отъ Лондона, окутывали чѣмъ-то неизъяснимо-страннымъ. Они пробуждали въ ней почти бурное по своей силѣ желаніе. Чего? Она бы сама не сумѣла сказать. Пожалуй, счастья... но мысль о счастьѣ всегда такъ растравляла рану ея души! Она взглянула на Хiиса и сказала:

— Теперь я понимаю м-съ Шиффней.

— Да. Въ чемъ?

— У васъ опасный даръ очень своеобразнаго и могучаго воображенія. Мнѣ кажется, что ваша музыка способна создать вамъ враговъ.

Хiисъ просвѣтлѣлъ.

— Я радъ, что вы такъ думаете. Я понимаю, что̀ вы хотите сказать.

Послѣ этого они бесѣдовали еще больше часа. Чувство

робости, овладѣвшее было м-съ Мэнсфильдъ, исчезло безъ слѣда.

Она попрощалась съ Хiисомъ въ кабинетѣ и просила его не выходить провожать ее дальше. За него сдѣлала это м-съ Сирль.

— До свиданiя, м-съ Сирль, — проговорила она, улыбаясь. — Надѣюсь, что я не слишкомъ засидѣлась.

— Да нѣтъ, барыня. Вашъ приходъ м-ру Хiису на пользу. Онъ любитъ людей, которые не ломаются. А есть такiе, которые очень ему надоѣдаютъ.

— О, да, такихъ много есть.

— Особенно съ молодымъ, холостымъ господиномъ. Господи! И какъ только женщины бѣгаютъ за мужчинами... Стыдно просто...

— А ваша Фэнъ еще не начала?

М-съ Сирль покраснѣла.

— Право, барыня, ужъ не знаю, какъ сказать... Но она страшно сердится, если ей кто помѣшаетъ, когда она съ м-ромъ Хiисомъ.

— О-о, надо мнѣ быть поосторожнѣе...

— Охъ, барыня, вы все шутите...

Автомобиль отъѣхалъ отъ маленькаго стараго особняка. Выглянувъ, м-съ Мэнсфильдъ увидала въ „студiи" слабый свѣтъ. Противъ воли она стала прислушиваться, усиленно напрягая слухъ и бормоча: „И воды ея высохли, чтобы проложить дорогу для королей Востока"...

Огонекъ исчезъ позади. М-съ Мэнсфильдъ откинулась на подушки и подумала: что сказала бы Чармiанъ о только что слышанной музыкѣ?

V.

М-съ Шиффней имѣла такъ много денегъ, что не знала куда ихъ дѣвать, хотя сорила безъ счета. Большую часть состоянiя она унаслѣдовала отъ своей покойной матери, австрiйской еврейки по происхожденiю. Отецъ же Аделаиды, сэръ Вилли Мэннингъ, высоко культурный англичанинъ космополитической складки, былъ еще въ живыхъ. Ему-то м-съ Шиффней была обязана своимъ воспитанiемъ, выдержкой и хорошими манерами. Отъ матери же ей досталась безпокойная страсть къ путешествiямъ, вѣчно гонявшая ее по свѣту въ поискахъ новаго, никогда ее не удовлетворявшаго.

М-съ Шиффней имѣла мужа, мягкаго и покладистаго, который любилъ комфортъ и особенно альтруистически любилъ жену. Они великолѣпно чувствовали себя вмѣстѣ и и не менѣе великолѣпно врозь, что случалось очень часто, такъ какъ м-ръ Шиффней терпѣть не могъ яхты и признавалъ „Странника“ только въ гавани, на якорѣ. Его слабостью были скачки. Онъ зналъ толкъ въ лошадяхъ и рѣдко выѣзжалъ изъ Англіи, хотя находилъ въ ней тысячи недостатковъ. Когда онъ переѣзжалъ Каналъ, то посѣщалъ Парижъ, Монте-Карло, Біаррицъ или какое-нибудь другое мѣсто, гдѣ онъ былъ увѣренъ очутиться „въ своей компаніи“. Въ немъ абсолютно не было того легкаго оттѣнка „богемы“, который дѣлалъ его жену оригинальной и интересной; но онъ гордился имъ въ женѣ и любилъ говорить: „Адди о меня вѣдь настоящая цыганка!“ Привѣтливый и мягкій, онъ былъ въ то же время безусловный эгоистъ. Всѣ отзывались о немъ хорошо, но никогда никому, знавшему его, не пришло въ голову серьезно ждать отъ него какого бы то ни было альтруистическаго поступка. „Это не въ стилѣ Джимми“, — говорили они.

Дня черезъ два-три послѣ визита м-съ Шиффней къ Хіису, мужъ засталъ ее однажды днемъ въ слезахъ.

— Что такое, Адди? — спросилъ онъ сочувственно. — Опять платье испорчено?

М-съ Шиффней покачала головой, на которой красовалась роскошная черная шляпа съ цѣлымъ шлемомъ черныхъ перьевъ.

М-ръ Шиффней закурилъ сигару.

— Ахъ, ты моя бѣдная! — сказалъ онъ и погладилъ ее по плечу. — Хоть бы ты нашла, наконецъ, кого-нибудь или что-нибудь, что давало бы тебѣ удовлетвореніе! Ты такъ достойна этого.

М-съ Шиффней вытерла слезы и высморкалась раза два съ откровенностью огорченнаго ребенка.

— Никогда не найду.

— Отчего, Адди?

— Не знаю. Есть во мнѣ что-то такое... мнѣ надоѣлъ бы всякій, кому я бы не надоѣла.

Она чуть не расплакалась опять и проговорила съ отчаяніемъ.

— Ну вотъ какая же можетъ быть надежда? А мнѣ такъ хочется жить красиво, интересно! Кажется, не было

еще на свѣтѣ женщины, которая такъ хотѣла бы жить и веселиться, какъ я!...

М-ръ Шиффней выпустилъ облако дыма.

— Всѣмъ намъ хочется жить пріятно, — сказалъ онъ. — Для чего же иного мы созданы?

Онъ стряхнулъ пепелъ со своей сигары.

— Но что тебя взволновало на этотъ разъ?! — спросилъ онъ безъ особаго любопытства, но съ явной симпатіей.

М-съ Шиффней уже пріободрилась. Она любила говорить о себѣ.

— Видишь ли, я хочу пуститься въ новое плаваніе, — начала она. — Не могу торчать вѣчно на одномъ мѣстѣ. Мнѣ нужно движеніе и новыя впечатлѣнія.

— Разумѣется. Для чего же мы живемъ? — подхватилъ ея мужъ.

— Ты меня понимаешь. Садись, голубчикъ мой.

М-ръ Шиффней сѣлъ, тщательно подтянувъ свои брюки.

— Дѣло въ томъ, — продолжала она, — что я хочу, чтобы Клодъ Хіисъ поѣхалъ, а онъ не хочетъ. И вотъ когда онъ отказался, мнѣ стало представляться, что онъ — единственный человѣкъ, который нуженъ мнѣ для этого рейса.

— Кто онъ такой? — спросилъ м-ръ Шиффней. — Никогда не слыхалъ о немъ. Онъ изъ твоихъ приближенныхъ?

— Пока нѣтъ. Я познакомилась съ нимъ у Макса... Онъ — композиторъ, и мнѣ интересно узнать, что онъ за человѣкъ.

— Навѣрное, такой же, какъ всѣ.

— Нѣтъ, онъ не такой! — рѣшительно воскликнула она.

— Отчего же онъ отказывается? Боится морской болѣзни?

— Да онъ даже не затрудняетъ себя и такой отговоркой. Онъ такъ спѣшилъ отказаться, что даже не потрудился выставить какую-нибудь причину. А сегодня днемъ онъ заѣзжалъ, когда я была дома, но даже не спросилъ про меня, а просто передалъ карточку и сбѣжалъ, хотя я была у него съ визитомъ.

— Боится онъ тебя, что ли?

— Ей Богу, не знаю. Онъ — новый человѣкъ: никогда не бывалъ въ нашемъ кругу.

— Бѣдняга! Но это должно только усиливать его желаніе проникнуть внутрь.

— Да, казалось бы! Это такъ естественно. Вѣдь меня буквально осаждаютъ со всѣхъ сторонъ. Но онъ прячется отъ всего.

— Просто рисуется!

— Не думаю.

— Да? Ну, если ужъ ты... проницательнѣе тебя нѣтъ женщины въ Лондонѣ. А скажи: онъ — джентльменъ и все такое?

— О, да, конечно!

М-ръ Шиффней нѣсколько выше подтянулъ брюки, обнаруживъ полосатые шелковые носки и ослѣпительныя ботинки.

— Ну-да, да... разумѣется... Если бы онъ былъ Богъ знаетъ кто, то не заставилъ бы себя долго просить, а прискакалъ бы на яхту, сломя голову.

— Но понимаешь, другія женщины такъ чудесно проводятъ время! — воскликнула она. — Хуже всего то, что онъ все время бываетъ у Віолетты Мэнсфильдъ.

— Она скучна и достаточно стара!

— Нѣтъ, она не скучна. Въ этомъ ты ошибаешься.

— Можетъ быть. Она меня не интересуетъ. Слишкомъ смѣла, слишкомъ умна. Умъ — вещь хорошая, и я умѣю его цѣнить, но нехорошо, когда женщина не даетъ никому покоя.

— А вотъ Хіису, повидимому, это нравится, хотя, можетъ быть, привлекаетъ его Чарміанъ.

— Дочка? Она недурна. Хочется казаться умнѣе, чѣмъ есть въ дѣйствительности. Впрочемъ, это всѣ барышни, кромѣ тѣхъ, которыя занимаются спортомъ.

— Джимми, — сказала м-съ Шиффней, и ея глаза снова стали веселыми и дерзкими, — а что, если бъ я пригласила Чарміанъ на яхту?

— Ты думаешь, что на это онъ клюнулъ бы? Но отчего тогда не позвать и м-съ Мэнсфильдъ?

— Нѣтъ. Я не хочу ея!

— Почему?

— Потому что не хочу.

— Причина вполнѣ основательная.

Она размышляла; видъ у нея уже былъ почти веселый.

— Знаешь, это вышло бы забавно, — продолжала она немного спустя: — Чарміанъ, Максъ — если ему можно будетъ уѣхать, Поль Лэнъ. Я не о такой компаніи думала, но все же...

— А кого же изъ нихъ ты намѣчала раньше?
— Ну, не все ли тебѣ равно?
— Все равно. А куда ты собиралась уѣхать?
— Я говорила имъ: по Средиземному морю.
— А на самомъ дѣлѣ?
— О, я не знаю... Куда бы?... Вѣчно все тѣ же мѣста. Надоѣдаютъ и они и люди!... А я всегда надѣюсь, что откуда-нибудь изъ-за угла выскочитъ приключеніе.

М-съ Шиффней встала.

— Надо обдумать насчетъ Чарміанъ, — сказала она и вышла изъ комнаты.

М-съ Шиффней замѣтила, что ея приглашеніе прельстило Хіиса. Въ его глазахъ загорѣлись быстрыя искорки: она тотчасъ уловила, что его фантазія воспламенилась. Но почти сейчасъ же искорки погасли, и онъ поспѣшно отказался. Болѣе того, она знала, что ей не удастся заставить его взять назадъ этотъ отказъ, если она не прибѣгнетъ къ чужой помощи. Его пуританская суровость, казавшаяся ей привлекательной, боролась съ чѣмъ-то другимъ въ немъ и побѣждала. А если бъ оживить въ немъ это другое? Вѣдь тогда, пожалуй, поѣздка съ нимъ даже по старымъ мѣстамъ была бы интересна.

Въ этотъ самый вечеръ м-съ Шиффней отправила слѣдующую записку:

„Милая Чарміанъ. Вы никогда не ѣздили со мной на яхтѣ, хотя мнѣ много разъ хотѣлось сманить васъ. Теперь я такъ давно сижу въ Лондонѣ, что хочется немного отдышаться. Какъ по-вашему? Я хочу сбѣжать, если только удастся найти пріятную компанію. Согласны вы войти въ нее? Мы можемъ отплыть на „Странникѣ" въ будущемъ мѣсяцѣ и покататься по Средиземному морю. Не знаю еще, кто поѣдетъ, но Сусанну Флитъ обязательно возьму: она — незамѣнимый человѣкъ. Можетъ быть, поѣдетъ Максъ Элліотъ, и я думаю попытаться уговорить вашего пріятеля, м-ра Хіиса присоединиться къ намъ, хотя мало его знаю. Мнѣ кажется, онъ слишкомъ сильно работаетъ, и провѣтриться было бы ему полезно. Напишите, что вы думаете объ этомъ планѣ. Привѣтъ мамѣ".

„Зачѣмъ я ей понадобилась?" — подумала Чарміанъ, два раза прочитавъ записку.

Она давно знала м-съ Шиффней, но та никогда раньше не приглашала ее на яхту. Всегда она звала ее Чарміанъ,

а мать — Віолеттой, но никогда не было намека на близость между ними. Встрѣчались только въ обществѣ и обмѣнивались нѣсколькими случайными, незначущими фразами.

Чарміанъ понесла записку къ матери.

— М-съ Шиффней внезапно почувствовала ко мнѣ симпатію, madretta, — сказала она. — Посмотри!

М-съ Мэнсфильдъ прочла записку и отдала ее назадъ.

— А тебѣ хочется ѣхать? — спросила она, не безъ любопытства глядя на дочь.

Чарміанъ повела губами.

— Не знаю. Видишь ли, все это очень неопредѣленно. Мнѣ хотѣлось бы знать навѣрное, кто ѣдетъ.

— Клодъ Хiисъ не поѣдетъ.

Чарміанъ подняла брови.

— Она уже звала его?

— Да. Онъ отказался. Такъ онъ сказалъ мнѣ въ понедѣльникъ.

— Ты увѣрена, что онъ не поѣдетъ?

— Онъ сказалъ.

Чарміанъ, повидимому, сомнѣвалась.

— Поѣхать развѣ? Ты бы ничего не имѣла противъ этого?

— А у тебя, дѣйствительно, есть желаніе?

— Мнѣ, въ сущности, безразлично. Но отчего она пригласила меня?

— Аделаида? Мнѣ думается, что ты нравишься ей. И ты была бы очень мила на яхтѣ. Не такъ ли?

— Въ зависимости отъ того, какъ и съ кѣмъ. Ты отпустила бы меня?

— Если бъ я знала, кто еще приглашенъ, — безусловно.

— Я не буду писать ей до завтра.

М-съ Мэнсфильдъ не могла разобрать истиннаго желанія Чарміанъ въ этомъ отношеніи. Ее также удивляло, почему м-съ Шиффней пригласила Чарміанъ и почему она предполагала возможнымъ участіе въ поѣздкѣ Хiиса, когда онъ наотрѣзъ отказался ѣхать. М-съ Мэнсфильдъ пришло въ голову, что Аделаида, можетъ быть, хочетъ использовать Чарміанъ, какъ приманку для Хiиса. Но если такъ, то, очевидно, она обманывается насчетъ существующихъ между ними отношеній. Хiисъ — ея другъ. Сколько разъ она желала, чтобы онъ и Чарміанъ не смотрѣли другъ на друга

такими буками! Странно, что Аделаида впала въ такую ошибку. Ибо какой же иной смыслъ могла имѣть ея записка?

На слѣдующее утро, когда м-съ Мэнсфильдъ кончила утренній завтракъ при электричествѣ, въ столовую вошла Чарміанъ. Было десять часовъ, но было темно, точно въ сумерки.

— Ну что? Ты обдумывала? — спросила мать.

— Да, мама.

Она стала пить чай, глядя прямо впередъ съ холодно-мечтательнымъ видомъ.

— И пришла къ какому-либо заключенію?

— Встала безъ опредѣленнаго рѣшенія, но теперь, если ты не возражаешь, я, кажется, скажу „да“. Когда я посмотрѣла въ окно, то подумала, что на Средиземномъ морѣ все-таки лучше, чѣмъ здѣсь. Вотъ только одно: почему бы тебѣ не поѣхать?

— Я не приглашена.

— А отчего?

— Аделаида — слишкомъ современная женщина, чтобы приглашать мать и дочь вмѣстѣ, — отвѣтила, улыбаясь, м-съ Мэнсфильдъ.

— А ты бы поѣхала, если бъ она тебя пригласила?

— Нѣтъ. Но не въ этомъ дѣло. Теперь надо выяснить, кто именно будетъ тамъ. Напиши правду и скажи, что ты поѣдешь, если я буду знать составъ гостей. Аделаида отлично знаетъ, что среди ея знакомыхъ есть много такихъ, которые были бы мнѣ въ высшей степени непріятны, какъ общество для тебя. Лучше всего откровенность. Если Сусанна Флитъ и Максъ ѣдутъ, то и тебѣ можно.

Чарміанъ перевела разговоръ на другія темы и, казалось, вовсе забыла о „Странникѣ“. Но послѣ завтрака, за своимъ письменнымъ столикомъ, она отдалась охватившему ее возбужденію. Хотя она любила, даже обожала мать, но иногда дѣйствовала наперекоръ ей. Это было естественно для Чарміанъ. Оно не свидѣтельствовало ни о недовѣріи, ни объ отсутствіи чувства. Это было просто инстинктивное проявленіе своеобразнаго темперамента.

Получивъ записку, Чарміанъ сразу догадалась, зачѣмъ она приглашена. Инстинктъ подсказалъ ей это, а отказъ Хіиса былъ ей еще неизвѣстенъ. Она думала, что онъ пока не приглашенъ. М-съ Шиффней зоветъ ее не ради нея самой, а какъ средство залучить Хіиса.

Все это неожиданно перевернуло давно сложившееся у Чарміанъ мнѣніе: до сихъ поръ она полагала, что Клодъ Хіисъ втайнѣ не любитъ, даже презираетъ ее. Записка м-съ Шиффней почти разубѣдила ее въ этомъ.

VI.

Въ отвѣтъ получилась написанная второпяхъ записка:

„Страшно рада. Черезъ день-два сообщу вамъ всѣ подробности.

А. Ш.“

Но прошло два дня, три дня, наконецъ цѣлая недѣля, Чарміанъ не получала никакихъ извѣстій. Она не находила себѣ мѣста, не скрывала своего раздраженнаго нетерпѣнія отъ матери, но та не задавала никакихъ вопросовъ. Клодъ Хіисъ не появлялся. Послѣ визита м-съ Мэнсфильдъ онъ былъ въ ударѣ и сидѣлъ у себя за работой. Бывали дни, когда онъ даже вовсе не выходилъ изъ дому и только иногда освѣжалъ себя бѣготней съ маленькой Фэнъ или разговоромъ съ м-съ Сирль. Когда онъ серьезно работалъ, то не любилъ видѣть своихъ знакомыхъ и даже ощущалъ странное по своей жестокости желаніе вытолкать все и вся изъ своей жизни. И оттого онъ былъ сильно раздраженъ, когда однажды днемъ, послѣ того какъ Чарміанъ написала м-съ Шиффней записку съ условнымъ согласіемъ, его горничная Гарріетъ, постучавъ два или три раза, доложила, что его желаетъ видѣть одна дама.

— Но вы вѣдь знаете, Гарріетъ, что я занятъ. Я не могу никого принять!

Онъ въ это время игралъ, стараясь возбудить въ себѣ настроеніе, прежде чѣмъ сѣсть за композицію.

— Сэръ, — тихо проговорила Гарріетъ, — но она слышала, какъ вы играете. Нельзя было сказать, что васъ нѣтъ дома.

— А-а... Можетъ быть, это м-съ Мэнсфильдъ?

— Нѣтъ, сэръ, это та дама, что приходила передъ м-съ Мэнсфильдъ.

Клодъ Хіисъ нахмурился.

— Гдѣ она? — спросилъ онъ тихо.

— Въ гостиной, сэръ.

— Хорошо, Гарріетъ. Это, конечно, не ваша вина.

Онъ поднялся, полный мрачной злобы, и пошелъ въ ма-

ленькую гостиную, которою онъ почти никогда не пользовался. М-съ Шиффней была тутъ — высокая, смѣлая, элегантная. Поглядѣвъ на нее, онъ почувствовалъ, что она принесла съ собой отзвуки и краски другого, отдаленнаго міра, заманчиваго, но чуждаго ему.

— Какъ вы сердиты на меня! — сказала она, подымая вуалетку и улыбаясь. — Ваши глаза сверкаютъ бѣшенствомъ.

Клодъ противъ воли покраснѣлъ.

— Простите меня, — сказалъ онъ. — Но я работалъ и...

— Вы творили въ своемъ уединеніи, а я безцеремонно ворвалась... Каюсь въ своемъ грѣхѣ.

Очевидно, м-съ Шиффней не могла повѣрить, что ея общество нежелательно. Всегда всѣ искали его. Ея откровенность въ погонѣ за Хіисомъ только подчеркивала ея положеніе въ обществѣ, связи и популярность. Ей и въ голову не приходило, что она могла уронить себя. Несомнѣнно, она считала его эксцентричнымъ человѣкомъ, съ которымъ нельзя обойтись стереотипными формами обращенія. При всемъ раздраженіи Хіису польстилъ ея визитъ.

— Прикажете чаю?

Ея глаза все еще были полны смѣшливыхъ искорокъ: очевидно, она считаетъ его мальчикомъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ! Я не буду такъ жестока...

— Но...

— Да не волнуйтесь... Все это пустяки. Когда-нибудь мы съ вами будемъ друзьями. И я отлично понимаю, что артистъ съ характеромъ долженъ не выносить перерыва въ работѣ.

— Я надѣюсь, что мой характеръ не слишкомъ уже плохъ, — сказалъ Клодъ.

— Боюсь, что да... Но, впрочемъ... Какая прелестная, веселая комнатка! Вы никогда не сидите здѣсь?

— Рѣдко.

— Я жажду видѣть вашу рабочую студію. Но я не буду просить васъ.

Наступила короткая пауза. Снова глаза м-съ Шиффней заблестѣли ироніей.

— Вамъ не даетъ покоя вопросъ, для чего я опять пришла, — сказала она. — Это изъ-за яхты.

— Мнѣ, право, очень жаль, но...

— Знаю, знаю!.. Такъ всегда говорятъ, отказываясь

отъ приглашеній, которыя приводятъ въ ужасъ. Вы не хотите... Но я только назову своихъ гостей, а вы подумайте — можетъ быть, и соблазнитесь!

— Я и такъ чувствую соблазнъ.

— Но вы готовы скорѣе умереть, чѣмъ поѣхать. Вижу, вижу! Я сама часто такъ чувствую. Такъ вотъ, народу будетъ немного. Сусанна Флитъ... она состоитъ при мнѣ въ роли shaperon... Будучи замужней дамой, я въ этомъ нуждаюсь... Затѣмъ ѣдетъ Максъ Элліотъ, Поль Лэнъ... Если не онъ, то какой-нибудь другой симпатичный и милый человѣкъ, и Чарміанъ Мэнсфильдъ.

Снова пауза. Затѣмъ Хіисъ сказалъ:

— Вы очень, очень добры, что подумали обо мнѣ.

— Я знаю, что это такъ. Я вообще добрая женщина. А теперь надо рѣшить: куда мы поплывемъ?

— Я, серьезно, крайне сожалѣю, но не могу сейчасъ бросить работу.

— Мы бы могли поѣхать вдоль Ривьеры до Генуи, скажемъ, а затѣмъ заглянуть въ Сицилію и Тунисъ.

Она замѣтила, что его глаза засіяли.

— Или же объѣздить греческіе острова, Смирну и Константинополь. Пожалуй, для Константинополя сейчасъ еще рано, но для Египта — великолѣпно. Можно оставить яхту въ Александріи...

— Я увѣренъ, м-съ Шиффней, что ваша поѣздка будетъ великолѣпна. Но я лично, при всемъ желаніи, никакъ не могу поѣхать. У меня есть работа.

— Какой у васъ упрямый видъ, когда вы говорите это! Какъ твердо вы рѣшили не пользоваться жизнью!

— Это вовсе не то...

— Какъ твердо вы рѣшили идти мимо жизни! А я всегда думала, что художники и артисты, если они не хотятъ быть мелко-провинціальными, отдаются жизни. Весь міръ имъ хочется сдѣлать своимъ. Но, повидимому, англійскіе артисты созданы иначе. Часто думается: умно ли съ ихъ стороны такъ цѣпко держаться пуританскихъ традицій и настроеній? Вѣдь, знаете, на континентѣ—въ Парижѣ, Берлинѣ, Римѣ, а больше всего въ Москвѣ и Петроградѣ — на нихъ смотрятъ съ удивленіемъ и снисходительной жалостью. Простите меня, но весь міръ художниковъ и артистовъ за границей думаетъ, что пуританскія традиціи мертвымъ узломъ сдавили бѣдное англійское искусство!

Она засмѣялась, поведя плечами.

— Они говорятъ: развѣ человѣкъ можетъ быть большимъ артистомъ, если онъ не окунулся въ жизненный потокъ?

— Потоки бываютъ разные. Есть священныя рѣки, какъ Гангъ, и есть другіе — съ стоячей водой, заросшіе, гнилые, — возразилъ горячо Хіисъ.

Она увидѣла огонекъ досады въ его глазахъ.

— Вы, вѣроятно, пишете кантату или ораторію, священную кантату для празднества гдѣ-нибудь въ провинціи? — сказала она. — Если это такъ, то, разумѣется, не слѣдуетъ прерывать композицію поѣздкой въ Грецію или Тунисъ. Кромѣ того, эти страны дали бы вамъ вдохновеніе совершенно иного характера. Я никогда не забуду красоты впечатлѣнія, когда однажды... — гдѣ это было?.. Кажется, въ Ворчестерѣ... — вся публика встала, какъ одинъ человѣкъ, при первыхъ звукахъ хора аллилуія. Вотъ я и думаю, что вы пишете такую вещь, которая подыметъ съ мѣстъ весь Ворчестеръ.

Хіисъ дѣланно разсмѣялся.

— Да нѣтъ! Я не пишу ничего подобнаго. Но, пожалуйста, не будемъ говорить о моей работѣ. Это тема очень скучная для всѣхъ, кромѣ меня. Я чувствую большую благодарность за ваше любезное и пріятное предложеніе, но не могу принять его, къ несчастью.

— Mal au coeur?

— Да, да. Я плохо переношу качку.

— Mal au coeur! — повторила она, насмѣшливо улыбаясь.

— Но главное — я въ самомъ разгарѣ...

— Пуританской традиціи?

— Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ее ни назвать, она ко мнѣ подходитъ, она въ моемъ стилѣ, и оттого мнѣ слѣдуетъ держаться ея.

Ея глаза не отрывались отъ его лица.

— Бѣдная Чарміанъ! Кого мнѣ раздобыть для нея?

М-съ Шиффней встала. Видъ у нея былъ безмятежный и небрежно-любезный, какъ всегда.

— Я не вѣрю торопливымъ отказамъ, — сказала она. — Даю вамъ срокъ до воскресенья. Обдумайте это на свободѣ, а въ воскресенье напишите. До тѣхъ поръ я оставляю за вами одну изъ лучшихъ каютъ „Странника“ и не теряю на-

дежды видѣть васъ на яхтѣ. До свиданія! Благодарю васъ за любезность. Я люблю встрѣчать хорошій пріемъ.

Клодъ пытался было пробормотать еще разъ, что онъ никакъ не можетъ теперь ѣхать, но по выраженію глазъ м-съ Шиффней онъ понялъ, что это было бы просто ребячествомъ или, хуже, глупостью съ свѣтской точки зрѣнія. Усаживаясь въ моторъ, она сказала:

— Итакъ, въ воскресенье я жду записки. Не забудьте!

Машина загудѣла и тронулась. Рука въ бѣлой перчаткѣ помахала на прощаніе. Она уѣхала. Блескъ чужого міра погасъ, его отголоски замерли въ воздухѣ. Хіпсъ вернулся въ свою комнату, сѣлъ за рояль и попробовалъ играть. Онъ старался взвинтить себя, вернуть прежнее настроеніе, но напрасно. Имъ овладѣло вдругъ отвращеніе къ своей одинокой замкнутой жизни. Онъ почувствовалъ себя смѣшнымъ, не похожимъ на мужчину чудакомъ. Всякое ощущеніе своего достоинства и увѣренности покинуло его. Онъ былъ бѣшено золъ на себя за такую впечатлительность. Какое значеніе можетъ имѣть для него, хотя бы на полчаса, мнѣніе м-съ Шиффней? Но у него была несчастная особенность, и онъ зналъ ее за собой: ему всегда хотѣлось дать людямъ именно то, чего они отъ него ждали. По странности эта особенность уживалась въ его натурѣ рядомъ съ упрямой склонностью поступать по-своему и быть только тѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ быть. Эти противорѣчивыя влеченія боролись внутри него и лишали его спокойствія. Такъ и теперь онѣ мѣшали ему работать. Промучившись безъ толку, онъ надѣлъ шляпу и пальто и пошелъ пройтись.

Хотя Клодъ жилъ въ Лондонѣ уже нѣсколько лѣтъ, онъ никогда не старался попасть въ, такъ называемое, „избранное“ общество. Онъ имѣлъ сравнительно немного знакомыхъ и не зналъ почти никого изъ тѣхъ, имена которыхъ были у всѣхъ на устахъ. Будь онъ бѣденъ, необходимость борьбы за существованіе пробудила бы въ немъ желаніе пробиться впередъ. Но онъ былъ обезпеченъ въ достаточной степени и имѣлъ возможность удовлетворять свою склонность къ тихому уединенію. Среди сутолоки огромнаго города онъ жилъ въ одиночку, быть можетъ, нѣсколько эгоистично, но былъ счастливъ. Сколько разъ благословлялъ онъ свою ренту, этотъ щитъ противъ судьбы. Воображая, что онъ лишается ея, онъ содрогался отъ мысли, какая рѣзкая перемѣна произошла бы въ его жизни и въ немъ самомъ!

Какое отвращеніе внушали ему зависть, ревность, ложь, ссоры и интриги, которыя такъ пятнаютъ и уродуютъ жизнь,—вѣдь она могла бы быть красивой! Во время прохожденія своего музыкальнаго образованія онъ видѣлъ кое-что и убѣдился, что рядомъ съ крупнымъ талантомъ и горячимъ порывомъ къ идеальнымъ цѣлямъ искусства можетъ существовать холодный низменный расчетъ, почти нечеловѣческій эгоизмъ и непреклонное стремленіе пробраться наверхъ, хотя бы по тѣламъ павшихъ. Искусство,—казалось Клоду,—часто ожесточаетъ человѣческую душу вмѣсто того, чтобы смягчить ее.

Книги, которыя онъ читалъ о жизни великихъ артистовъ, иногда ихъ собственныя автобіографіи, только укрѣпляли въ немъ желаніе держаться въ сторонѣ отъ общей свалки. Такого рода книги были захватывающе интересны, но послѣ нихъ на душѣ оставался всегда горькій осадокъ. Читая ихъ, онъ видѣлъ, какъ геній вязнетъ въ грязной тинѣ житейской, какъ онъ иногда подымается высоко надъ толпой, чтобы потомъ упасть ниже самаго зауряднаго обывательскаго уровня. Никакія книги не навѣвали на Клода такой грусти, какъ эти хроники жизни геніальныхъ людей, замѣшанныхъ судьбой въ жестокую борьбу.

Закрывая ихъ, онъ чувствовалъ себя счастливымъ тѣмъ, что не даетъ біографу никакого матеріала, что онъ—неизвѣстный, не стремящійся стать извѣстнымъ.

Но при этомъ, какъ каждаго человѣка съ богато одаренной натурой, его томила безпокойная неудовлетворенность, подобная той, какую чувствуетъ сильный физически человѣкъ, ни разу не испытавшій своей силы въ борьбѣ.

М-съ Шиффней задѣла струну этой неудовлетворенности и она-то погнала Клода изъ уютной комнаты въ темноту улицъ. Ему чуждъ былъ этотъ женскій типъ; онъ даже инстинктивно отталкивалъ его. Какъ говорилъ онъ раньше м-съ Мэнсфильдъ, онъ боялся чудовища съ когтями и зубами, вѣчно голоднаго и жаждущаго наслажденія, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что можетъ подпасть подъ его власть. И голосъ, шептавшій: „Живи! завтра, можетъ быть, умремъ!“, раздавался, какъ стонъ, въ его ушахъ. Но теперь, шагая во тьмѣ, онъ почти склоненъ былъ сковать свое воображеніе, поднять возстаніе противъ своего инстинкта. Зачѣмъ всегда отказываться отъ пріятнаго искушенія, встрѣчающагося на пути? Зачѣмъ отказываться отъ поѣздки на яхтѣ? Слова м-съ Шиффней

объ отношеніи континента къ англійскому искусству не выходили у него изъ головы. Не правильнѣе ли отбросить свой щитъ? Смѣло вмѣшаться въ гущу жизни и идти, куда понесетъ теченіе?..

Хіисъ зналъ, что если онъ оставитъ свое тихое житье, то втянется въ такія стороны новой жизни, которыя сейчасъ и не представляются ему. Въ его натурѣ не было никакой половинчатости, никакого умѣнія примирить, соединить, взять немножко одного и немножко другого...

Въ воскресенье надо дать отвѣтъ. И зачѣмъ только м-съ Шиффней пріѣхала вторично? Очевидно, она угадала, что онъ колеблется. Да, это такъ! Въ первый разъ, встрѣтясь съ ней, онъ почувствовалъ себя словно просвѣчивающимъ насквозь подъ взглядомъ ея дерзкихъ глазъ. И она разсмотрѣла въ немъ то, что лежало глубоко запрятаннымъ, что лучше бы не существовало вовсе.

Замѣчанія м-съ Шиффней объ англійскихъ композиторахъ, ея насмѣшка надъ провинціальными празднествами уязвили его. Его коробилъ эпитетъ „провинціальной". Что, если она мѣтила имъ въ него, въ его талантъ.

Хіису внезапно показалось чрезвычайно важнымъ услышать мнѣніе о своей музыкѣ. Онъ подумалъ о м-съ Мэнсфильдъ: интересно, какъ она оцѣниваетъ его? Почти машинально онъ перешелъ площадь у Мраморной арки, свернулъ въ извилистыя улицы Мейфера и направился къ Беркли-скверу.

„Я спрошу у нея. Я узнаю!" — думалъ онъ.

Но вотъ онъ позвонилъ у подъѣзда.

— М-съ Мэнсфильдъ дома?

— Да, сэръ.

— Никого нѣтъ?

— Никого.

Хіисъ быстро вошелъ. Онъ все еще чувствовалъ неувѣренность и возбужденіе. Въ гостиной было пусто. „Дома ли Чарміанъ и появится ли?" — думалъ онъ. Мысль эта только сейчасъ навела его на другую мысль: отчего м-съ Шиффней придавала значеніе тому факту, что Чарміанъ будетъ на яхтѣ? Ему вспомнились слова послѣ его отказа: „Бѣдная Чарміанъ!". Значитъ, она приглашала его для Чарміанъ? Это представлялось Хіису нелѣпостью. Вѣдь Чарміанъ явно питаетъ къ нему антипатію...

Вошла м-съ Мэнсфильдъ. Хіисъ пошелъ къ ней навстрѣчу

и горячо пожалъ ея руку. Въ этотъ вечеръ онъ чувствовалъ себя менѣе независимымъ и нуждался въ истинномъ другѣ.

— Въ чемъ дѣло? — спросила она, взглянувъ на него.

— Развѣ непремѣнно должно быть что-нибудь спеціальное?

— Но оно есть!

Онъ разсмѣялся.

— Что за несчастье имѣть лицо, которое всегда выдаетъ сразу! — воскликнулъ онъ. — Хотя въ данномъ случаѣ я не очень сожалѣю... Да. Видите ли, мнѣ хочется спросить у васъ кое-что, если можно.

М-съ Мэнсфильдъ усѣлась на свой любимый диванъ и положила ноги на скамеечку.

— Я бы хотѣлъ знать ваше откровенное мнѣніе о моей музыкѣ. Считаете ли вы ее... слабой? Не кажется ли она вамъ... какъ бы это сказать?... ну, провинціальной? — прибавилъ онъ съ запинкой.

— Провинціальной!..

Изумленный тонъ ея восклицанія давалъ достаточный отвѣтъ, но Хіисъ продолжалъ настаивать.

— Что вы подумали?

— Я подумала, что ваша музыка будоражитъ.

— Будоражитъ?

— Да. Она волнуетъ. Тревожитъ. Она взволновала меня.

— Вашъ умъ?

— Или сердце, можетъ быть.

— Но какъ? Чѣмъ?

— Не знаю. Врядъ ли сумѣю разсказать вамъ это.

Хіисъ сѣлъ. Внѣ своей работы и игры онъ иногда чувствовалъ крайнюю неувѣренность въ самомъ себѣ. У него нерѣдко бывали моменты, когда онъ сомнѣвался въ своемъ талантѣ и даже считалъ себя во всѣхъ отношеніяхъ ниже обыкновеннаго средняго человѣка. Онъ старался скрыть эту непріятную слабость, отъ которой страдалъ, но не могъ избавиться; благодаря этому, въ его манерахъ иногда ощущалась напряженность. Такъ было и теперь. Онъ жаждалъ ободренія, успокоенія. М-съ Мэнсфильдъ увидѣла передъ собой другого Хіиса: не того, который игралъ ей и который, казалось, былъ равнодушенъ къ ея отзыву и вообще къ мнѣнію людей объ его музыкѣ.

— Нѣтъ, пожалуйста, постарайтесь объяснить, — попросилъ онъ.

— Что вамъ мое мнѣніе? — сказала она.

— Можетъ быть, моя музыка — страшный вздоръ!

— Безусловно нѣтъ. Иначе она не могла бы произвести на меня сильнаго впечатлѣнія.

— А было въ самомъ дѣлѣ сильное впечатлѣніе?

— Очень.

— Такъ вы думаете, что во мнѣ есть что-то достойное развитія и укрѣпленія?

— Несомнѣнно.

— Какъ же... какъ надо мнѣ жить? — вырвалось у него.

— Это вы и хотѣли спросить меня?

Ея горящіе глаза пронизывали его насквозь. Она сидѣла очень спокойно, но какой жизнью дышало ея лицо!

— Сегодня мнѣ кажется, что я слѣпой. Я не знаю, куда идти, какъ идти... Вѣдь вы знаете, что я всегда избѣгаю такъ многаго въ жизни — встрѣчъ, людей...

— Вы избѣгаете?

— Да. Годы я жилъ такъ. И теперь я тоже поступаю такъ.

Онъ нервно перемѣнилъ позу.

— М-съ Шиффней опять просила меня ѣхать съ ней на яхтѣ.

— Но мнѣ казалось, что вы отказались.

— Да, но она опять пріѣзжала сегодня. Говорила, что ваша дочь ѣдетъ.

— Да, Чарміанъ приглашена.

М-съ Шиффней сказала, что она приняла приглашеніе.

— Да.

— А теперь я долженъ къ воскресенью дать отвѣтъ.

— Васъ это, кажется, очень волнуетъ, — проговорила она безъ ироніи.

— Я знаю, все это пустяки!.. Смѣшно изъ-за нихъ волноваться. Но я чувствую, что если поѣду съ м-съ Шиффней или буду ходить на вечера къ Максу Элліотъ, то буду очень скоро втянутъ въ иную жизнь, не похожую на ту, которую я всегда велъ. А это мнѣ кажется очень важно для извѣстнаго сорта людей: какъ они живутъ, съ кѣмъ дружны и такъ далѣе. А вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ, что человѣкъ долженъ знать все въ жизни, даже ея изнанку. Гдѣ правда?

М-съ Мэнсфильдъ отвѣтила:

— Слѣдуйте своему инстинкту.

— Но вѣдь можно имѣть два враждебныхъ инстинкта?

— О, нѣтъ!

— Инстинктъ можетъ быть недостаточно силенъ, и тогда его не сознаешь.

— Сомнѣваюсь въ этомъ.

— Вы женщина. У васъ инстинкты сильнѣе. Но я-то вѣдь мужчина.

— Вы не играете своими взглядами?

Онъ глядѣлъ на нее, но какъ будто не видѣлъ ея.

— М-съ Шиффней сказала одну вещь, поразившую меня. Она увѣряетъ, что опытъ всякаго рода необходимъ тому, кто хочетъ быть большимъ артистомъ, художникомъ. Она полагаетъ, что Англія не дала музыкантовъ оттого, что англійское искусство сковано традиціей.

— Значитъ, она считаетъ, что для созданія красоты необходима грязь?

— Вы облекли въ слова то, что у меня было на умѣ.

— Развѣ мудро стремиться къ звѣздамъ, бродя въ грязи?

— Нѣтъ, нѣтъ! Конечно, нѣтъ!

Онъ помолчалъ, затѣмъ поговорилъ:

— А, однако, блаженный Августинъ и многіе другіе достигли звѣздъ черезъ грязь.

— Св. Францискъ — нѣтъ, если ужъ говорить о святыхъ.

— О, если бъ вы руководили мною, — проговорилъ онъ съ чувствомъ.

М-съ Мэнсфильдъ была глубоко тронута. На мгновенье въ ея глазахъ блеснули слёзы. Тѣмъ не менѣе она рѣшительно сказала:

— Если бы я и могла, не надо этого.

— Отчего?

— Я хочу, чтобы авторъ музыки, которую я слышала въ маленькомъ домикѣ, былъ сильнымъ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Нѣтъ, нѣтъ, я не буду и пытаться руководить вами, другъ мой.

Она говорила словно сама съ собой.

— Я никогда не встрѣчалъ человѣка съ такой способностью къ дружбѣ, — я подразумѣваю женщинъ, — какъ вы.

— Вотъ этотъ комплиментъ мнѣ нравится!

Дверь отворилась, и вошла Чарміанъ, закутанная въ мѣхъ. Увидя Хіиса, она, не спѣша, подняла вуаль.

— А-а, м-ръ Хиисъ! Сто лѣтъ васъ не видно. Гдѣ вы пропадали?

— Нигдѣ особенно.

— Нигдѣ?

— Сними пальто, Чарміанъ, и ступай сюда — будемъ болтать.

— Можно?

Она стала медленно разстегиваться. Клодъ помогъ ей снять пальто. Когда ея фигурка высвободилась изъ тяжелыхъ складокъ, онъ подумалъ: „Какая она тоненькая!" Его всегда поражала стройность молодыхъ дѣвушекъ, и онъ считалъ ее частью ихъ таинственности. Она и привлекала и отталкивала его.

— Вы говорите объ очень интересныхъ вещахъ? — спросила она, приближаясь къ огню.

— Слыхалъ, что вы отправляетесь въ морское плаваніе съ м-съ Шиффней, — сказалъ Клодъ неувѣренно.

— Да. Пріятно уйти отъ нашей слякоти. Но вамъ она, повидимому, не мѣшаетъ.

— Откуда вы можете это знать?

— Очень просто. Почти такъ же просто, какъ выводы Шерлока Холмса. Вы отказались отъ поѣздки, а я на нее согласилась. Пожалуй, вы и правы. На яхтѣ можно умереть со скуки, если люди надоѣли. А уйти отъ нихъ некуда. Я даже удивляюсь, почему я сказала „да".

— Сядь, наконецъ, Чарміанъ!

— Мать моя единственная, я должна идти наверхъ: у меня примѣрка.

Она провернулась къ Хиису.

— Костюмы для путешествія. Все-таки жаль, что вы не ѣдете!

Она потянула ему улыбаясь, свою тонкую руку. Видъ у нея былъ беззаботный и радостно увѣренный.

— Я долженъ дать м-съ Шиффней отвѣтъ въ воскресенье, — внезапно проговорилъ Хиисъ.

Что-то въ голосѣ и манерахъ Чарміанъ заставило его бросить ей вызовъ.

— А я думала, что вы уже отвѣтили! Развѣ ваши рѣшенія происходятъ по воскреснымъ днямъ?

И, не дожидаясь его отвѣта, она улыбаясь вышла изъ комнаты.

VII.

Въ слѣдующее воскресенье былъ музыкальный вечеръ у Макса Эллiота. Его жена возвратилась уже изъ курорта, но все еще страдала отъ результатовъ своего лѣченiя. Оно совсѣмъ сломило ее, бѣдняжку. Усиленное поглощенiе „Мареллы“ нарушало обмѣнъ веществъ, а запрещенiе корреспонденцiи такъ разстроило нервную систему, что ей пришлось искать укрѣпляющаго воздуха горныхъ высотъ въ Швейцарiи. Отсюда она и прiѣхала только что черезъ Парижъ, гдѣ модистки и портные почти покончили съ ней. Тѣмъ не менѣе, будучи смѣлой женщиной, она принимала гостей въ изящномъ туалетѣ персиковаго цвѣта и съ отличнымъ аппетитомъ поглощала ихъ соболѣзнованiя.

— Что бы съ вами ни было, не принимайте „Мареллы“, — говорила она въ тотъ моментъ, когда м-съ Мэнсфильдъ и Чармiанъ вошли въ музыкальную комнату. — Это — ядъ. Оно все превращаетъ въ... забыла что, но такое, которое не убиваетъ микробы, а, наоборотъ, усиливаетъ ихъ. Я чуть не умерла. А-а, Вiолетта! Не позволяйте никогда Чармiанъ массироваться у шведки. Это испортитъ ея прелестную фигуру. Мнѣ пришлось въ Швейцарiи голодать, потому что иначе я бы не влѣзла ни въ одно платье. Что можетъ быть ужаснѣе лѣченiя отдыхомъ? Угнетающее однообразiе, не знаешь, что дѣлается съ близкими людьми — живы ли они или умерли — и что новаго на свѣтѣ! Вѣдь это неестественно. Но Максъ вѣритъ во всякое такое... Постойте, я разскажу вамъ про изумительное новое арабское средство. Я слыхала о немъ въ Парижѣ... Сейчасъ услышимъ музыку... Да, да!

Она быстро щебетала, бросала вокругъ взгляды и рѣдко слушала другихъ. Ей хотѣлось видѣть, слышать, знать все и всѣхъ. Она смѣялась шуткамъ, которыхъ не успѣла уловить, отвѣчала на вопросы, которые угадала только по выраженiю лица, и, спросивъ о чемъ-нибудь, уходила, не дожидаясь отвѣта. Словомъ, она была одна изъ тѣхъ маленькихъ женщинъ-блондинокъ, которыя всегда моложавы до полной неправдоподобности, очень милы, неглупы, но бываютъ сосредоточены только у портнихи или въ шляпномъ магазинѣ.

Максъ любилъ и баловалъ ее. Ему нравилось имѣть въ домѣ легкокрылую бабочку.

М-съ Мэнсфильдъ никогда не пыталась разговаривать

съ Делiей въ толпѣ, и онѣ съ Чармiанъ пошли дальше. Народу было уже много: одни сидѣли вокругъ эстрады; другiе глядѣли внизъ съ галлереи, на которую вела широкая лѣстница.

Чармiанъ увидѣла невдалекѣ м-съ Шиффней, весело болтавшую съ извѣстнымъ художникомъ, похожимъ на дороднаго фермера, и съ прославленнымъ баритономъ, потерявшимъ голосъ въ цвѣтѣ лѣтъ и теперь занимавшимся уроками пѣнiя. Неподалеку была другая группа: Поль Лэнъ, газетный музыкальный критикъ и одинъ популярный англiйскiй композиторъ. Это былъ красивый малый съ веселыми глазами и искреннимъ, заразительнымъ смѣхомъ. Много было хорошенькихъ женщинъ и элегантныхъ, молодыхъ людей. Въ углу, на диванѣ сидѣли двѣ стильно одѣтыя барышни, сестры, которыхъ Чармiанъ хорошо знала и всюду встрѣчала въ обществѣ. Одна изъ нихъ, съ золотыми лаврами въ темныхъ волосахъ, кивнула Чармiанъ и сдѣлала маленькую гримаску, которая какъ бы говорила: „Вотъ когда ты подойдешь поближе, наведемъ критику. То-то будетъ потѣха!“. У самаго рояля стояла изумительно красивая дама въ черномъ, съ дивнымъ профилемъ и впалыми щеками. Вокругъ нея было нѣсколько человѣкъ. Это была лэди Мильдредъ Бёрнингтонъ, жена адмирала, талантливая скрипачка-любительница. Самъ хозяинъ, Максъ Элліотъ, оживленно толковалъ о чемъ-то въ центрѣ группы изъ нѣсколькихъ музыкантовъ. Высокая, пѣвица изъ парижской Opéra Comique подошла къ нему и положила руку на его плечо, точно желая прервать его. У нея были черные, какъ смоль, волосы и смертельно блѣдное лицо, преувеличенно выразительное, словно маска трагическаго Пьеро. Въ публикѣ шептали, что это — Милли Динсъ, родомъ изъ Южной Америки, и что она въ первый разъ гастролируетъ въ Лондонѣ. Она сказала что-то Элліоту, а затѣмъ мрачнымъ, недовѣрчивымъ и вмѣстѣ тревожнымъ взглядомъ обвела залъ.

Словно въ отвѣтъ на слова пѣвицы, Максъ Элліотъ предложилъ ей руку и повелъ ее сквозь толпу къ м-съ Шиффней. Чармiанъ, наблюдая, видѣла весело и безпечно улыбавшееся лицо Аделаиды и глаза пѣвицы, устремленные на нее съ трагически-рѣшительнымъ выраженiемъ.

Никогда еще Чармiанъ не ощущала такъ жгуче стремленiя выйти изъ жалкаго состоянiя неизвѣстности. Если бы стать такой, хотя бы, какъ м-съ Шиффней — законода-

тельницей вкуса и артистической моды! Если бы достигнуть того, чтобы на нее смотрѣли такъ, какъ сейчасъ эта американская пѣвица смотритъ на м-съ Шиффней! Но быть ничтожествомъ, быть „этой миленькой Чарміанъ“, этой „граціозной Чарміанъ, которая все-таки далеко не такъ умна, какъ мать!“ Сегодня она чувствовала, что не въ силахъ дольше переносить этого.

М-съ Шиффней покончила бесѣду съ пѣвицей, и теперь ея глаза остановились на Чарміанъ. Она улыбнулась, кивнула головой и сдѣлала ей знакъ подойти. Но въ это время за рояль сѣлъ съ папиросой въ зубахъ полу-испанецъ, полу-Богъ знаетъ кто, — называвшій себя Фердинандомъ Рэдъ, пѣвецъ, исполнявшій собственныя пѣсни. Онъ взялъ нѣсколько аккордовъ, съ небрежно-дерзкой томностью оглядывая публику.

— Тише, господа! Прошу вниманія, — громко произнесъ Максъ Эллiотъ. — Тс... с... Monsieur Рэдъ споетъ намъ...— онъ нагнулся къ пѣвцу, — споетъ „Le Moulin“ и „Le retour de madame Blague“.

Раздались аплодисменты. М-съ Шиффней торопливо пересѣла на стулъ противъ рояля, не сводя глазъ съ Рэда, который тоже смотрѣлъ на нее. Затѣмъ онъ вынулъ изо рта папиросу и запѣлъ, глядя на нее въ упоръ и шевеля густыми бровями. Это была грустная пѣсенка, полная осенняго настроенія, нѣжная, какъ печальная ласка. Красивый англійскій композиторъ и музыкальный критикъ слушали и слѣдили за пѣвцомъ съ презрительнымъ видомъ. Но когда онъ спѣлъ „Le retour de madame Blague“, пустячокъ, полный остраго и кипучаго задора, съ припѣвомъ, напоминающимъ ночной шумъ въ Парижѣ, и длиннымъ эффектнымъ пассажемъ à bouche fermée въ концѣ, даже они присоединились къ общему смѣху и аплодисментамъ, но словно нехотя, какъ будто они боялись уронить себя этимъ и опуститься до чего-то низкаго и вульгарнаго.

М-съ Шиффней встала и начала просить Рэда спѣть еще, при чемъ назвала нѣсколько его пѣсенъ. Онъ качалъ головой, не отнимая рукъ отъ клавишъ.

— Non, non! Ce soir non! Imposible!

— Ну, такъ спойте „Petite fille de Tombouctou“, — воскликнула она.

И прежде чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить, она повернулась и, улыбаясь, объявила:

— „Petite fille de Tombouctou!"

Пронесся шопотъ восхищенія. Барышня съ золотыми лаврами въ волосахъ сразу приняла экзотическій и мечтательно-завороженный видъ. Чарміанъ подумала о путешествіи. Получила ли уже м-съ Шиффней отвѣтъ Хиса?.. Сегодня воскресенье...

Рэдъ пѣлъ. Аккомпаньементъ былъ до ужаса ритмичный, напоминающій стукъ маленькихъ барабановъ. Она слушала пѣніе, и ей представлялись небывало-огромные красные цвѣты, странныя аллеи съ домами въ родѣ хижинъ, деревья, уходящія прямо въ раскаленное небо. Голосъ пѣвца пріобрѣлъ оттѣнокъ сладостной нѣги, дерзкіе черные глаза полузакрылись. Его бѣлыя руки отбивали барабанную дробь, и многіе изъ присутствующихъ невольно стали раскачиваться въ тактъ. Въ глазахъ Милли Динсъ вспыхнулъ сердитый огонекъ, а когда барабанъ смолкъ и дѣвушка изъ Томбукту уснула навѣкъ въ пескѣ, убитая Княземъ Тьмы по причинѣ, казавшейся англійскому композитору совершенно нелѣпой, но признанной всѣми женщинами въ залѣ, губы пѣвицы сложились въ жесткую усмѣшку.

Послѣ небольшого перерыва былъ Бахъ въ исполненіи англійской пѣвицы-сопрано. На вечерахъ Элліота всегда бывало разнообразіе.

— Вотъ это музыка! — сказалъ англійскій композиторъ. — Здѣсь дышишь чистымъ Божьимъ воздухомъ.

М-съ Шиффней исчезла съ Рэдомъ. Она любила слушать Баха... изъ столовой. Когда пѣвица сошла съ эстрады, послѣдовало общее движеніе, и Чарміанъ очутилась возлѣ Марго Дрэкъ, барышни съ золотыми лаврами.

Марго и ея сестра Китти были очень извѣстныя въ Лондонѣ дочери богатѣйшаго стального фабриканта, получившаго титулъ баронета и женатаго на ультра-аристократической лэди. Смѣшеніе крови чувствовалось въ этихъ двухъ дѣвушкахъ, которыхъ нельзя было назвать ординарными. Нѣжность тепличныхъ растеній, утонченность, изысканность и рядомъ съ этимъ наклонность къ авантюризму, бравада, смѣлая, почти грубая жадность къ жизни. По наружности онѣ пошли въ мать, обладавшую тѣмъ типомъ хрупкой красоты, которая, кажется, вотъ-вотъ разсыплется и держится только изумительными туалетами, скомбинированными чрезвычайно оригинально, въ индивидуальномъ стилѣ. Но энергію, отсутствіе чувствительности и равнодушіе къ об-

щественному мнѣнію онѣ взяли у отца и любили удивлять свѣтъ всякими неожиданными выходками. Онѣ были безстыдны, очень элегантны и питали особую склонность къ высшей богемѣ. Множество пѣвицъ, балеринъ, художниковъ, поэтовъ и скульпторовъ, не имѣвшихъ доступа въ „хорошее общество“, были ихъ близкими друзьями. Мать и онѣ были абсолютно безъ предразсудковъ въ этомъ смыслѣ, и въ ихъ домѣ толклось самое пестрое общество. Сестры Дрэкъ были каждый разъ увлечены чѣмъ-нибудь новымъ: то онѣ чувствовали въ себѣ „душу Востока“, поддавшись обаянію экзотической „звѣзды“, встрѣченной въ Парижѣ; то изображали пару японокъ, когда въ „Критеріонѣ“ выступала страстная куколка изъ Іокагамы, съ которой онѣ вступили въ тѣсную дружбу. Въ этотъ моментъ Марго была склонна къ классицизму, увлеченная позами греческой мимистки, дававшей пластическіе вечера. А Китти ждала новаго вдохновенія и пока довольствовалась сочиненіемъ парижскихъ модныхъ créations.

— Иди сюда къ намъ, Чарміанъ! А вы, лордъ Маркъ, ступайте, — обратилась она къ красивому юношѣ. — Возвращайтесь назадъ черезъ десять минутъ, и я, можетъ быть, опять поскучаю съ вами. Сядемъ здѣсь, Чарміанъ. Правда, „Fille“ обворожительна? Но послѣ этого Бахъ — точно дрова рубили!.. Какъ Максъ могъ допустить? Нравится тебѣ мое одѣяніе?

— Оно прелестно.

— Греки все знали, а мы — ничего. Это платье ложится такъ спокойно, что въ немъ поневолѣ почувствуешь себя античной женщиной. Ахъ, вообще съ тѣхъ поръ, какъ я познакомилась съ Персефоной, я знаю, какъ надо жить. Ты должна пойти посмотрѣть ее. Но послушай... что это за поѣздка твоя на яхтѣ съ Аделаидой и съ какимъ-то необыкновеннымъ геніемъ изъ Корнваллиса?.. Въ чемъ тутъ дѣло?

Послѣднія слова Марго произнесла положительнымъ, дѣловымъ тономъ, а ея глаза, глядѣвшіе спокойно, „классическимъ“ взглядомъ, разомъ засверкали любопытными огоньками.

— Онъ тебѣ такъ нравится? — продолжала она, не давая Чарміанъ времени отвѣтить.

— Ты глубоко ошибаешься, — сказала Чарміанъ съ достоинствомъ. — Я удивлена, что Клодъ Хіисъ ѣдетъ. Я вовсе не знала этого. Наоборотъ, я думала, что онъ

отказался. Онъ вѣчно отъ всего отказывается. Гдѣ ты слыхала о немъ?

— Аделаида разсказывала. Она говоритъ, что онъ геній, презирающій суетный міръ, что онъ хочетъ быть знакомъ только съ нею и съ твоей матерью и что онъ ѣдетъ съ ней, съ тобой и съ Максомъ на греческіе острова при одномъ условіи: чтобы больше никто не былъ приглашенъ и чтобы его никому не представляли! Я сказала Аделаидѣ, что если поѣдутъ въ Грецію, то она должна взять и меня, но она увѣряетъ, что Хіисъ умеръ бы, а не поѣхалъ съ такой дѣвицей, какъ я, на одной яхтѣ.

— Значитъ, онъ, въ самомъ дѣлѣ, согласился?

— Очевидно. Почему же у тебя недовольное лицо?

— М-ръ Хіисъ — маминъ пріятель, а вовсе не мой, — сказала Чарміанъ.

— Правда? Тогда ей слѣдуетъ ѣхать въ Грецію. Отчего же Аделаида позвала тебя?

— Понятія не имѣю.

— Ну-ну, разсказывай!

— Увѣряю тебя, Марго: я была поражена этимъ приглашеніемъ.

— Но ты приняла его.

— Ну-да. Хочется уйти отъ лондонской слякоти.

— Съ геніемъ изъ Корнваллиса?

— М-ръ Хіисъ обращаетъ вниманіе только на замужнихъ дамъ среднихъ лѣтъ, — сказала Чарміанъ. — Кажется, онъ боится дѣвицъ. Во всякомъ случаѣ, мы съ нимъ не въ ладахъ.

— Каковъ онъ собой?

— Некрасивый, страшно худой.

— А его музыка, въ самомъ дѣлѣ, такъ восхитительна?

— Я не слыхала ни одной ноты.

— А твоя мать?

Чарміанъ съ усиліемъ согнала тѣнь, скользнувшую при этомъ по ея лицу.

— Да. Она, кажется, разъ слыхала. Но говорила объ этомъ очень мало.

Въ этотъ моментъ въ дверяхъ появилась трагическая маска миссъ Динсъ. Марго быстро встала.

— Ахъ, вотъ эта очаровательная Милли!

— Кто? Гдѣ?

— Милли Динсъ, единственная настоящая артистка

ной сцены. Если ты не видала ея, то не знаешь, какова должна быть опера. Милли! Милли!

И она, забывъ о спокойствіи своей классической одежды, бросилась навстрѣчу миссъ Динсъ.

Итакъ, Клодъ Хіисъ ѣдетъ! Сердце Чарміанъ встрепенулось. Экзотическое пѣніе Рэда возбудило ея фантазію. Втайнѣ Чарміанъ была склонна къ романтизму, хотя не обнаруживала этого. Она жаждала чудеснаго и необычнаго, и вотъ теперь греческій архипелагъ и...

На эстраду взошла Милли Динсъ въ сопровожденіи юноши-француза, который сѣлъ за рояль. Но она какъ будто не расположена была пѣть. Она окинула взглядомъ залу, посмотрѣла на юношу и, сложивъ руки, стала ждать. Максъ Элліотъ подошелъ и привѣтливо сказалъ ей что-то. Она отвѣчала, почти касаясь его своимъ мертвенно-блѣднымъ лицомъ. Онъ тоже оглядѣлъ залу, затѣмъ быстро ушелъ.

— Что такое? — шепталась между собой публика, поворачивая головы.

Поль Лэнъ сказала своей сосѣдкѣ:

— Она не будетъ пѣть, пока не придетъ Бреттъ.

— Какъ они всѣ носятся съ собою! — замѣтила дама. — Суровое лицо!

— У Милли?.. Она адски злится. Вотъ увидите: пока Бреттъ не явится, она не откроетъ рта.

Миссъ Динсъ стояла неподвижно, скрестивъ руки и не отводя глазъ отъ дверей. Юноша у рояля беззвучно скользилъ руками по клавишамъ. Но вотъ прозвучалъ смѣхъ, и въ залъ небрежно вошла м-съ Шиффней, а съ нею какой-то маленькій, толстый господинъ, Рэдъ и Максъ Элліотъ. Увидѣвъ миссъ Динсъ, маленькій господинъ саркастически усмѣхнулся. Элліотъ сталъ звать м-съ Шиффней поближе къ эстрадѣ, но она отказалась и сѣла у дверей. Бреттъ прислонился къ стѣнѣ. Пѣвица кивнула аккомпаніатору, и онъ началъ играть.

Чарміанъ видѣла все это съ верхней галлереи, гдѣ она была со своимъ кавалеромъ. Противъ нея, по другую сторону, сидѣла м-съ Мэнсфильдъ съ адмираломъ Бёрнингтономъ и смотрѣла внизъ на толпу. Чарміанъ подумала, что у матери печальный видъ. Милли Динсъ исполнила арію изъ Моцарта сильнымъ, тепло звучащимъ сопрано. Затѣмъ она спѣла два отрывка изъ оперы „Crépe de Chine“, которой она создала въ Парижѣ сенсаціонный успѣхъ. Ея глаза часто

останавливались на м-рѣ Бреттъ, точно приказывая ему быть снисходительнымъ и умоляя объ этомъ.

М-съ Мэнсфильдъ смотрѣла на все это и чувствовала невыразимую печаль. Переполненный залъ казался ей міромъ въ миніатюрѣ, гдѣ геній отдается на судъ публики: она можетъ осыпать его восторгами или отшвырнуть съ презрѣніемъ,—вѣрнѣе же, продѣлать сначала первое, а потомъ второе. Эта странная женщина пѣла, а на лицахъ слушателей выражалось: „Нравится ли она мнѣ? Одобрить ли ее? Что̀ думаетъ м-ръ Бреттъ?" И всѣ глаза устремлены были на толстаго человѣка у стѣны.

Не правъ ли былъ Клодъ Хіисъ, держась въ сторонѣ отъ всего этого? М-съ Мэнсфильдъ ощущала сейчасъ съ большой силой унизительность того ига, подъ которымъ находится артистъ. Невольно ея мысль перешла къ Хіису. Ей хотѣлось оберегать его оригинальное дарованіе, его гордую замкнутость и впечатлительную чуткость. И она думала: „Что, если онъ поѣдетъ съ Аделаидой? Если онъ поддастся „эксплоатаціи" Макса? Если онъ станетъ извѣстнымъ, можетъ быть, моднымъ? А потомъ мода пройдетъ, и его бросятъ".

На многихъ лицахъ слушателей м-съ Мэнсфильдъ видѣла суровое, черствое выраженіе. Тутъ были критики-профессіоналы, холодные, равнодушные и пресыщенные, потому что они слишкомъ много слышали; люди, какъ Поль Лэнъ, склонные по самой натурѣ своей осуждать и осмѣивать; женщины, пристрастныя и нетерпимыя, которыя, возвеличивая одного артиста, непремѣнно развѣнчиваютъ всѣхъ другихъ. Борьба! Борьба! М-съ Мэнсфильдъ болѣзненно ощущала въ эти минуты, что въ этой атмосферѣ не найти мира. Слишкомъ часто въ чашѣ, осушаемой артистомъ, оказывается ядъ. Привлекать вниманіе людей — часто значитъ лишь сосредоточивать на себѣ много ненависти. Маленькій старый домъ, гдѣ жилъ Хіисъ, — вотъ обитель спокойствія. М-съ Сирль, въ видѣ добраго дракона, охраняетъ входъ. Маленькая свѣтловолосая Фэнъ была въ ней феей. Оранжевыя портьеры плотно закрывали ее отъ многаго низкаго и злого, что дѣлалось за ними.

А внизу Милли Динсъ стояла передъ м-съ Шиффней, и та говорила:

— Очаровательно! Нѣтъ, я не слышала „Crêpe de Chine". Я не особенная почитательница музыки Фурньe. Онъ по-

дражаетъ русскимъ. Какая жалость! Вы, въ самомъ дѣлѣ, уѣзжаете завтра? Тогда до свиданія!.. Ну, Рэдъ, будьте милы! Спойте намъ „Enigme“.

. . . .

— Нѣтъ, м-ръ Эллiотъ, не говорите, не говорите! — страстно воскликнула американка уже въ вестибюлѣ, куда любезный хозяинъ провожалъ ее. Сверху доносился бархатный голосъ Рэда. — Лондонъ не имѣетъ вкуса. Только моду! Въ Парижѣ этотъ человѣкъ вовсе даже не считается пѣвцомъ. Онъ просто diseur. Никто бы не поставилъ его на программу рядомъ со мной.

— Но, милая миссъ Динсъ, вы вѣдь знали, что онъ поетъ сегодня. И потомъ у меня всегда программа эклектическая...

— Не знаю, эклектическая ли она или какая, — съ досадой прервала его Милли Динсъ, образованiе которой было одностороннe, при всей наличности таланта и большого темперамента. — Знаю только, что этотъ м-ръ Бреттъ, который, повидимому, руководитъ всѣмъ вашимъ обществомъ, понимаетъ въ музыкѣ не больше... кого бы это?.. Ну, карпа. Вѣдь такъ? Сознайтесь...

— Пожалуй, что такъ. Но, милая миссъ Динсъ, публика была въ восторгѣ. Вы вернетесь еще, вы...

— Никогда! Онъ игнорируетъ меня. Вижу, вижу ясно! Онъ лансируетъ эту Дантини... женщину съ голосомъ, какъ у карлицы въ граммофонѣ.

Въ этотъ моментъ подкатилъ наемный моторъ миссъ Динсъ, и Эллiотъ избавился отъ нея.

Чутье не обмануло пѣвицу: дѣйствительно, м-ръ Бреттъ пожималъ плечами и сознавался, что ея исполненiе не удовлетворило его. А приговоръ м-съ Шиффней гласилъ:

— Отъ ея пѣнiя мнѣ стало скучно.

И многiе изъ гостей Макса Эллiотъ нашли, что и они испытывали то же самое.

„Бѣдная!“ — думала м-съ Мэнсфильдъ, которая была безпристрастна и вмѣстѣ съ Эллiотомъ и другими истинно-музыкальными людьми признавала дарованiе миссъ Динсъ.

И снова мысль ея вернулась къ Хiису.

— Лучше держаться въ сторонѣ отъ этого, — говорилъ въ ней внутреннiй голосъ.

При выходѣ м-съ Мэнсфильдъ и Чармiанъ встрѣтились у вѣшалокъ съ м-съ Шиффней, которой Рэдъ подавалъ манто.

— Ахъ, Чарміанъ! — сказала она, быстро оборачиваясь. — Я сегодня имѣла записку отъ Клода Хіиса.

— Да? — протянула Чарміанъ.

— Онъ не можетъ поѣхать. Его мать простудилась, и ему неудобно оставлять ее, или что-то въ этомъ духѣ. Затѣмъ онъ очень сильно работаетъ надъ какой-то композиціей, которую никто никогда не услышитъ. И... я забыла что еще. Были четыре уважительныя причины.

Она засмѣялась.

— Бѣдный юноша! Онъ не особенно искусенъ въ savoir faire. Покойной ночи! Я сообщу вамъ, когда мы двигаемся.

Въ эту ночь, запершись въ своей спальнѣ, Чарміанъ плакала горько и неудержимо.

VIII.

Двѣ недѣли спустя „Странникъ“ стоялъ на якорѣ въ Алжирской бухтѣ. Но на борту оставался только капитанъ и часть команды. М-съ Шиффней, Максъ Элліотъ и Поль Лэнъ поѣхали на моторѣ въ Бу-Саада. М-ръ Іорингъ, приглашенный взамѣнъ Хіиса, помчался въ Бискру повидаться съ какими-то старыми друзьями, а Чарміанъ съ Сусанной Флитъ были въ отелѣ С.-Жоржъ въ Мустафѣ.

Чарміанъ нездоровилось. Отъ Марселя переѣздъ былъ бурный, и она сильно страдала. Отъ поѣздки въ Бу-Саада она отказалась. Сусанна Флитъ выразила желаніе остаться съ нею, но, на самомъ дѣлѣ, просто должна была остаться, потому что больше некому было: м-съ Шиффней просила ее объ этомъ.

Сусанна Флитъ была одна изъ тѣхъ умныхъ и способныхъ женщинъ, которыя проявляютъ значительную силу духа, если не выходятъ замужъ и не имѣютъ дѣтей. Сусанна не вышла замужъ и теперь, въ сорокъ девять лѣтъ, она была еще полна энергіи и душевной бодрости. Ее нельзя было назвать красивой, но она не была и безобразна. Носъ и ротъ — правильной формы, густые темно-каштановые волосы, которыхъ никто никогда не замѣчалъ. Хуже всего были ея глаза. Они блестѣли стекляннымъ блескомъ и имѣли неопредѣленный цвѣтъ. Эти глаза внушали довѣріе съ перваго взгляда — это были глаза много видавшіе, но въ ихъ зеркалѣ — это чувствовалось — не могло отразиться ничего нечистаго. Сусанна носила удобныя короткія юбки.

Ея воротнички были всегда ослѣпительны, и вся ея внѣшность отличалась изумительной аккуратностью. У нея была старушка - мать, которая жила въ Фолькстонѣ въ качествѣ компаньонки при старой лэди восьмидесяти двухъ лѣтъ.

Сусанна Флитъ принадлежала къ числу тѣхъ людей, которые безъ лести и искательства пріобрѣтаютъ симпатіи высоко стоящихъ и, не обладая ни красотой, ни талантомъ, ни деньгами, завоевываютъ извѣстнаго рода положеніе, всѣми признаваемое. Сусанна имѣла это „положеніе". Она пользовалась симпатіями очень важныхъ дамъ, гостила у нихъ, но всегда оставалась естественной, скромной, безъ претензій и всякаго ломанья. Она была органически невоспріимчива ко всякаго рода снобизму, но не знала этого; сами же снобы въ высшей степени цѣнили въ ней это рѣдкое свойство. М-съ Шиффней и другія богатыя дамы положительно не могли обходиться безъ нея. Сусанна не имѣла постояннаго мѣста, но ее наперерывъ приглашали и хорошо платили за оказываемыя ею услуги. Она никогда не дѣлала секрета изъ своей бѣдности, но и не выставляла ее напоказъ: всѣ знали, что ей приходится зарабатывать на свою жизнь. Много лѣтъ назадъ она пріобрѣла различныя знанія, которыя давали ей эту возможность. Она хорошо знала счетоводство, отлично писала на машинѣ, корреспондировала, умѣло вела хозяйство и была необычайно искусной и искушенной спутницей въ путешествіяхъ. Она правильно и быстро находила нужные поѣзда, никогда не страдала морской болѣзнью, не теряла ни настроенія духа, ни багажа и была особенно нечувствительна къ перемѣнамъ климата. Что же касается робости и смущенія, то этого у нея и въ въ поминѣ не было.

Когда огромный автомобиль увезъ м-съ Шиффней и мужчинъ въ Бу-Саада, Чарміанъ почувствовала, въ какомъ странномъ она осталась положеніи: одна въ Алжирѣ, съ женщиной, которой она почти не знаетъ. Отель былъ полонъ англичанъ и американцевъ, но знакомыхъ среди нихъ не было, и такъ какъ въ распоряженіи гостей м-съ Шиффней были двѣ гостиныя, то не за чѣмъ было ходить въ общіе салоны искать знакомствъ.

„Долго ли Аделаида останется въ Бу-Саада?" — думала Чарміанъ. Кивая на прощанье, она закричала имъ: „Завтра вернемся!", но это надо было понимать такъ, что если тамъ окажется интересно, то она застрянетъ и на цѣлую недѣлю.

Чарміанъ еще не отдохнула отъ путешествія. Она чувствовала себя подавленной, въ головѣ была какая-то расплывчатая пустота. И когда Сусанна Флитъ спросила ее своимъ груднымъ голосомъ:

— Вы собираетесь предпринять что-нибудь сегодня?

Она отвѣтила:

— Нѣтъ, мнѣ хочется посидѣть спокойно. Я пойду въ садъ. Но, пожалуйста, не безпокойтесь обо мнѣ.

— Я тоже пойду посидѣть въ саду, — сказала миссъ Флитъ дѣловымъ тономъ.

Чарміанъ думала, что она прибавитъ: „И принесу свою работу", но не угадала.

На первой террасѣ было много народу: сидѣли, лѣниво развалясь въ плетеныхъ креслахъ и качалкахъ. Дамы разсматривали иллюстрированные журналы; мужчины курили; старики толковали о политикѣ и объ арабахъ. Чарміанъ посмотрѣла на всѣхъ и пошла дальше внизъ, въ болѣе спокойную часть красиваго искусно разбитаго сада. Погода была дивная: тепло, но не душно. Чарміанъ казалось, что ей уже легче.

— Не сѣсть ли намъ здѣсь? — сказала она, указывая на два стула и столикъ подъ пальмами.

— Отчего же? Здѣсь хорошо, — отвѣтила Сусанна Флитъ.

Онѣ усѣлись.

— Вы чувствуете себя лучше? — спросила Сусанна.

— Понемножку начинаю приходить въ себя.

— Должно быть, ужасная вещь эта морская болѣзнь? Я никогда не страдаю.

— А путешествовали вы много. Правда?

— О, да. Я часто ѣзжу съ Аделандой. Разъ мы были въ Индіи.

— Не тамъ ли вы стали теософкой? Я слыхала отъ нея.

— Можетъ быть, это отчасти повліяло. Когда мы пріѣхали въ Бенаресъ, Аделаида сказала, что хотѣла бы здѣсь жить. На другой день она рѣшила, что надо ѣхать.

Миссъ Флитъ тщательно сняла перчатки и откинулась на спинку стула.

— Должно быть, ужасно... — начала Чарміанъ, но вдругъ спохватилась и замолкла.

— Что?

— Я забыла, что хотѣла сказать.

— Вѣроятно, вы хотѣли сказать, какъ должно быть тягостно не быть самому себѣ господиномъ? —спокойно подсказала миссъ Флитъ.

— Да, въ этомъ родѣ.

— Я привыкла къ этому. И потомъ свобода — только одни слова. Я такъ же свободна, какъ и Аделаида. Обыкновенно дѣлаютъ большую ошибку, когда жалѣютъ прислугу.

— А себя? Вы, вѣроятно, скажете, что и себя жалѣть — ошибка?

— Я никогда не дѣлаю этого, — отвѣтила миссъ Флитъ.

У нея были прелестныя руки. Одна изъ нихъ лежала теперь на маленькомъ столикѣ, и лучъ солнца освѣщалъ ее.

— Значитъ, у васъ нѣтъ несбыточныхъ желаній? Вамъ не хочется многаго, многаго?..

— Думаю, что я была въ этомъ отношеніи, какъ большинство женщинъ. Но мнѣ скоро пятьдесятъ лѣтъ.

„Какой ужасъ!“ — подумала Чарміанъ.

— Нѣтъ, это вовсе не такъ.

— Не такъ — что? — спросила Чарміанъ, пораженная тѣмъ, что та угадала ея мысль.

— Не такъ страшно дожить до старости, если принимаешь ее спокойно, какъ неизбѣжное. Когда отбиваешься, всегда ударъ больнѣе. А я думаю очень пріятно провести день своего пятидесятилѣтія.

Чарміанъ оперлась рукой о подбородокъ.

— Какъ вы угадали, что я подумала?

— Въ вашемъ возрастѣ каждая дѣвушка думаетъ приблизительно такъ.

— Ну-да. Конечно.

Чарміанъ вздохнула, но вдругъ съ досадой подняла голову.

— Но почему вы думаете, что я разсуждаю непремѣнно такъ, какъ каждая дѣвушка двадцати одного года! — воскликнула она.

— Да вовсе нѣтъ. Но все-таки всѣ вы думаете, что быть пятидесятилѣтней старой дѣвой, да еще небогатой — ужасно! Что касается меня, то я полагаю, что на свѣтѣ найдется не одна старая дѣва, которая нисколько не жалѣетъ себя и того мужчину, который не хотѣлъ на ней жениться.

Миссъ Флитъ улыбалась.

— Но я вовсе не пессимистически смотрю на бракъ, — прибавила она. — И я считаю, что мужчины ничѣмъ не хуже и не лучше женщинъ.

— Какая вы уравновѣшенная! Никогда не могла бы быть такой.

— Когда вамъ будетъ пятьдесятъ лѣтъ, можетъ быть...

— Если я не буду замужемъ, никогда!—выпалила Чарміанъ неосторожно.

— Не думаю, что это случится...

Мимо, между деревьями, прошелъ арабъ-драгоманъ. Снизу, за садомъ, изъ облака бѣлой пыли донеслось заглушенное рычаніе автомобиля. Съ моря, гдѣ стоялъ на якорѣ „Странникъ", прозвучалъ слабый крикъ сирены. И Чарміанъ подумала вдругъ: „Когда я буду опять здѣсь?"

— Чувствовали вы, пріѣзжая въ первый разъ на новое мѣсто, будто вы уже жили тамъ? — спросила она.

— Одинъ разъ, да.

— А бываетъ у васъ такъ, что въ новомъ мѣстѣ, съ которымъ у васъ нѣтъ ничего общаго, куда вы пріѣхали только на день или два, вамъ кажется, что вы будете жить въ немъ?

— Нѣтъ, этого я не испытала.

— У каждаго изъ насъ бываютъ нелѣпыя фантазіи.

— За собой я, пожалуй, ихъ не знаю, — возразила миссъ Флитъ.

— Знаете что?—простите мою нескромность, мнѣ очень интересно знать: гдѣ вы заказывали этотъ костюмъ? — спросила Чарміанъ.

— Я заказала его въ Фолькстонѣ. Могу дать вамъ адресъ. Моя мать живетъ тамъ компаньонкой у очень милой старой миссъ Симпкинсъ, и я ѣзжу туда, какъ только имѣю свободное время. Тамъ мнѣ шьютъ дешево и очень хорошо. Въ этомъ отношеніи мнѣ повезло.

— Я думаю, что вамъ повезло въ другомъ отношеніи, — замѣтила Чарміанъ.

— Въ какомъ?

— Въ томъ, что вы такая, какъ вы есть.

М-съ Шиффней не вернулась на другой день.

— Навѣрное, пробудетъ тамъ цѣлую недѣлю, — сказала Сусанна. — Если вы чувствуете себя лучше, мы можемъ пойти посмотрѣть городъ и нѣсколько здѣшнихъ виллъ. Здѣсь есть удивительно красивыя.

Чарміанъ охотно согласилась. Но скоро она пожалѣла объ этомъ. Ибо то, что она увидѣла, только усилило ея душевное угнетеніе. Теперь она смѣло примѣняла это слово къ своему состоянію; можетъ быть, ясная откровенность спутницы побуждала ее быть, наконецъ, откровенной съ самой собой. Алжиръ почему-то дѣйствовалъ на нее въ такомъ родѣ, какъ подѣйствовала „Petite fille de Tombouctou“, только несравненно сильнѣе. Здѣсь она поняла, что безумно влюблена въ Клода Хіиса. Что за мука гулять въ этихъ роскошныхъ тропическихъ садахъ, бродить подъ черепичными колоннадами, слушать журчаніе фонтановъ среди апельсинной рощи, глядѣть вдаль на бирюзовыя и темно-синія полосы воды, слѣдить, какъ безшумно по бѣлой дорогѣ движутся арабы подъ густо засѣяннымъ звѣздами небомъ и думать: „Его здѣсь нѣтъ, и я для него — ничто!..“

Все окружающее живо пробудило романтическія наклонности Чарміанъ, ея жажду чудеснаго и необычнаго. Она была болѣзненно возбуждена. Ее одолѣвало страшное ощущеніе, знакомое во всей своей кошмарной полнотѣ, вѣроятно, только очень молодымъ: „Моя жизнь кончена. Все кончено для меня, потому что я не могу соединиться со своей другой половиной“. Это ощущеніе измѣнило для нея весь міръ и самую красоту сдѣлало страшной мучительницей. Она смотрѣла на прелестный пейзажъ и чувствовала острую сердечную боль. Страхъ щемилъ ее; она думала: „Что мнѣ дѣлать? Чѣмъ это кончится?“ Ей хотѣлось какъ-то дѣйствовать, хотѣлось порвать, высвободиться изъ своего темнаго плѣна. Подобно человѣку, захваченному въ туннелѣ припадкомъ удушья, у нея было стремленіе распахнуть двери и окна, разбить толстыя упрямыя стѣны и вырваться на свободу!

Сначала она тщательно прятала свое настроеніе отъ Сусанны Флитъ, но когда прошло еще три дня, и отъ м-съ Шиффней попрежнему не было извѣстій, ей стало представляться, что судьба оставила ее наединѣ съ единственнымъ человѣческимъ существомъ, которому она могла открыться. Украдкой бросала она взгляды на ясное, спокойное лицо миссъ Флитъ и думала: какое впечатлѣніе можетъ произвести ея признаніе на эту благоразумную женщину? „Она рѣшитъ, что это все — вздоръ, что это не имѣетъ никакого значенія!“ — думала Чарміанъ, но все сильнѣе ее охватывало желаніе открыть свою душу миссъ Флитъ. Ея воз-

бужденіе, при вынужденной сдержанности, становилось все напряженнѣе. Часто она едва удерживалась отъ слезъ и вотъ однажды, безъ всякихъ подготовленій и почти неожиданно для самой себя, она заговорила.

Онѣ ходили осматривать Djenan el Ali, роскошную виллу, принадлежавшую одному знакомому м-съ Шиффней, который былъ въ это время въ Европѣ. Миссъ Флитъ уже бывала здѣсь раньше и знала прислугу, отъ которой и получила разрѣшеніе показать все Чарміанъ. Побродивъ по дому, который представлялъ собой великолѣпную жемчужину арабской архитектуры, онѣ спустились въ садъ, расположенный террасами по склону холма. Здѣсь къ нимъ не долетали ни голоса, ни звонъ трамваевъ, ни пронзительные гудки моторовъ, мчавшихся наверху по бѣлой дорогѣ.

Миссъ Флитъ шла впереди, спускаясь по извивавшейся дорожкѣ. Чарміанъ слѣдовала за ней. Но вотъ онѣ подошли къ искусственному пруду, неровные берега котораго заросли азаліями, бамбукомъ и рододендронами. Посреди воды находился крошечный островокъ. Мѣста на немъ хватало лишь для огромной финиковой пальмы, окруженной густой массой лилій, изъ которыхъ она вздымалась высоко вверхъ въ нѣжную синеву безоблачнаго неба. Эти лиліи и пальма составляли весь островъ, а вокругъ нихъ дремала зеленовато-желтая вода, охраняемая азаліями и рододендронами. На дорожкѣ, гдѣ стояли Чарміанъ и миссъ Флитъ, была длинная бесѣдка въ видѣ полумѣсяца, вся обвитая розами.

Чарміанъ стояла, не шевелясь, какъ зачарованная. Своимъ страннымъ экзотическимъ видомъ островокъ неотразимо притягивалъ ее къ себѣ. Въ искусствѣ, съ которымъ былъ созданъ этотъ островокъ, было что-то родственное искусству Фердинанда Рэда. Въ людяхъ высокой культуры онъ неизбѣжно вызывалъ опредѣленное настроеніе, напоминалъ имъ о счастливыхъ островахъ, о которыхъ они иногда грезятъ, но которыхъ никогда не увидятъ.

Чарміанъ стояла, словно загипнотизированная, не отрывая взгляда отъ большихъ бѣлыхъ цвѣтовъ и пышной короны пальмы; затѣмъ она вздохнула и почувствовала, что сейчасъ разскажетъ все миссъ Флитъ.

У пруда была скамейка.

— Я должна сказать вамъ кое-что, — сказала Чарміанъ, садясь, — я очень несчастна.

Она снова взглянула на островокъ, и глаза ея наполнились слезами.

„Онъ даже никогда не сыгралъ мнѣ ничего своего!“ — подумала она, страннымъ образомъ связывая въ своихъ мысляхъ музыку Клода Хіиса съ этими лиліями и пальмой.

Сусанна Флитъ тоже опустилась на скамью и сложила на колѣняхъ руки въ бѣлыхъ перчаткахъ.

— Мнѣ очень грустно слышать это, — сказала она.

— Когда видишь вотъ такой островокъ и всѣ эти чудесныя мѣста, дѣлается еще много-много хуже. Я сама не знала, пока не пріѣхала сюда. Или не отдавала себѣ отчета, что знаю. Ахъ, миссъ Флитъ, какъ бы я могла быть здѣсь счастлива, если бъ я не была такъ ужасно несчастна!

Отчаяніе горячей волной затопило душу Чарміанъ. Ей представился непроницаемый странный образъ Хіиса и принесъ съ собой ощущеніе безнадежной горечи.

— Серьезно, — сказала она, — въ такихъ мѣстахъ, какъ это, чувствуешь ясно, что вся эта красота не имѣетъ никакой цѣны, если воспринимаешь ее въ одиночествѣ.

— Но вѣдь вы не одна сейчасъ, — возразила миссъ Флитъ, желая, очевидно, помочь Чарміанъ овладѣть собою.

— Что же изъ того? Вы должны понять, что я думаю...

— Вы думаете о молодомъ человѣкѣ.

Чарміанъ покраснѣла.

— Это звучитъ такъ... да все равно, — что дѣлать! — это не наша вина. Какъ ни отбивайся, а приходится переживать. Я не хотѣла полюбить его. Онъ — не моего круга. Онъ не знаетъ никого, кого я знаю, не любитъ того, что я люблю, вѣроятно. Но я чувствую, что могла бы сдѣлать для него такъ много!.. Много того, чего онъ самъ не могъ бы достигнуть. Меня тянетъ къ этому, но онъ... онъ никогда не допуститъ.

— Но онъ — джентльменъ, я надѣюсь? Я, видите ли, не вѣрю въ смѣшеніе классовъ, не оттого, что одинъ не стоитъ другого, а просто оттого, что никогда они не могутъ понять другъ друга, какъ слѣдуетъ.

— Конечно, онъ джентльменъ. М-съ Шиффней приглашала его ѣхать съ нами.

— А-а. Это значитъ м-ръ Хіисъ! — воскликнула миссъ Флитъ.

Чарміанъ показазалось, что въ тонѣ Сусанны прозвучала какая-то новая нотка.

— А вы знакомы съ нимъ? — спросила она рѣзко.

— Нѣтъ.

— Не видѣли его?

— Нѣтъ, ни разу. Я только слышала отъ Аделаиды, что онъ, можетъ быть, поѣдетъ, а потомъ — что онъ не поѣдетъ.

— Онъ зналъ, что я буду здѣсь, и отказался. Развѣ это не унизительно?

— Онъ — большой вашъ другъ?

— Нѣтъ. Маминъ. Что вы думаете обо мнѣ? Скажите, что вы думаете?

Чарміанъ въ невольномъ порывѣ положила руку на плечо миссъ Флитъ.

— Я не понимала сама себя, пока не очутилась здѣсь. Я думала, что онъ мнѣ антипатиченъ, я ненавидѣла его.

— Это, кажется, всегда плохой признакъ, — сказала миссъ Флитъ.

— Да, я знаю. Но онъ не питаетъ ко мнѣ антипатіи. Онъ просто не думаетъ обо мнѣ. Онъ — другъ мамѣ, а мнѣ — даже не врагъ. Скажите, миссъ Флитъ, или... можно мнѣ сегодня называть васъ Сусанной?

— Разумѣется. И завтра тоже.

— Спасибо... Вы видали такую массу людей. Скажите: есть ли у меня опредѣленная индивидуальность? Или вы считаете, что я, — какъ всѣ? Это такая страшная мысль. Есть ли во мнѣ что-нибудь такое, что выдѣляетъ меня... скажемъ, среди барышень нашего круга?.. Скажите!

Ея голосъ трепеталъ такой мольбой, что даже тронулъ Сусанну Флитъ.

— Конечно, вы не такая, какъ всѣ.

— Вы тоже. И онъ... онъ не похожъ ни на одного мужчину, какого я когда-либо видала. Въ этомъ и весь ужасъ! Я не могу понять, почему я его полюбила, и знаю, что никогда не полюблю другого.

— Кто знаетъ? — можетъ быть, и онъ неравнодушенъ къ вамъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я въ этомъ увѣрена. Онъ думаетъ, какъ и всѣ другіе, что я ровно ничего собой не представляю. Но это невѣрно. Вѣдь, правда, Сусанна, иногда знаешь, потому что инстинктъ подсказываетъ это.

— Конечно. Инстинктъ — это часто опытъ прошлаго, тайно дѣйствующій внутри насъ.

— Да. И вотъ я знаю, что я — та женщина, которая можетъ сдѣлать Клода Хіиса знаменитымъ, которая можетъ сдѣлать для него то, чего онъ никогда самъ не сдѣлаетъ для себя. Я вѣрю, что онъ очень одаренъ. Максъ Элліотъ говоритъ такъ. И это чувствуется, когда находишься въ его обществѣ. Но у него нѣтъ ни способности, ни умѣнія использовать свой талантъ, какъ надо... завоевать отъ всего и всѣхъ. Это вѣдь безсмысленно, не правда ли? Если у насъ есть, что̀ дать міру, мы должны давать. Ахъ, если бъ вы знали, акъ я стремилась, какъ страстно желала быть необыкновенной!..

— Въ какомъ смыслѣ?

— Даровитой... талантливой! Я страшно страдала, терзалась тѣмъ, что мнѣ предстоитъ быть ничтожной единицей въ сѣрой, скучной толпѣ. Но теперь... недавно... поняла, что̀ изъ меня можетъ выйти: я могу быть идеальной женой большого человѣка. Не смѣйтесь надо мной!

— Я не смѣюсь.

— Нѣтъ? Какая вы хорошая, Сусанна! Я знала, что вы поймете... Видите ли, мнѣ всегда приходилось бывать среди людей крупныхъ, значительныхъ, всегда вращаться въ обществѣ умныхъ, интересныхъ, составившихъ себѣ имя. Я всегда вдыхала культурную атмосферу. Въ обществѣ я чувствую себя какъ дома. Имѣю свѣтскій лоскъ. А онъ — совсѣмъ другой. Выходитъ такъ, что у меня есть все то, чего ему не хватаетъ. А онъ владѣетъ тѣмъ, чего у меня нѣтъ: талантомъ. Онъ удивительный! Это чувствуется сразу. Но изъ него можетъ получиться неудачникъ, потому что въ его темпераментѣ есть трещинка. И... я знаю, что могла бы избавить его отъ этой трещинки, если бы...

Она запнулась. Глаза ея были полны слезъ.

— Развѣ не ужасъ быть безумно влюбленной въ человѣка, который совершенно равнодушенъ? — воскликнула она съ ожесточеніемъ. — Когда я смотрю на этотъ островокъ...

Она снова запнулась и яростно приложила къ глазамъ платокъ. Затѣмъ тономъ, который напомнилъ Сусаннѣ злую маленькую кошку, она произнесла:

— Но я сумѣю проявить то, что есть во мнѣ. Я не погублю понапрасну свои способности!

И вдругъ, сама не зная отчего, Чарміанъ почувствовала, будто лучъ надежды блеснулъ ей среди безнадежнаго мрака. Ея подавленное состояніе начинало разсѣиваться.

— Сусанна, — сказала она, сжимая руку миссъ Флитъ, — вчера, въ саду нашего отеля, я испытала такое странное чувство. Я не повѣрила ему; подумала, что это вздоръ. Но оно вернулось снова. Оно какимъ-то образомъ связано со всѣми чудесами, которыя видишь здѣсь.

— Разскажите, что это было.

— Да, да, я должна... Вчера, когда мы сидѣли въ саду, я увидѣла драгомана Мустафу Али... Помните?... Онъ проходилъ къ отелю подъ аркой изъ розъ. На дорогѣ рявкнулъ гудокъ мотора, и бѣлой тучей поднялась пыль. И въ то же время я услышала издали сирену парохода. Все это давало впечатлѣніе Алжира. Это Алжиръ. И я почувствовала, что буду здѣсь опять... съ нимъ.

Она взглянула на Сусанну. Въ ея удлиненныхъ глазахъ лучилось сіяніе мечты.

— А теперь, когда я гляжу на этотъ островъ, предчувствіе опять возвращается. Оно приходитъ ко мнѣ изъ лилій и ствола пальмы, словно они знаютъ это и шепчутъ мнѣ.

Сусанна Флитъ съ новымъ интересомъ посмотрѣла на Чарміанъ.

— Можетъ быть, это и такъ, — сказала она. — Можетъ быть, ваша судьба — познать жизнь черезъ этого человѣка и, въ свою очередь, научить его.

— Ахъ, Сусанна! Если бы это было такъ!

— Но вы должны научиться любить, если хотите настоящаго добра.

— Научиться! Но вѣдь я уже сказала вамъ, что...

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы не совсѣмъ меня поняли. Личная любовь должна быть расширена. Она должна стать общей. Наша душа должна быть переполнена любовью къ людямъ.

Чарміанъ остолбенѣла. Эта спокойная, аккуратная и практичная женщина изумила ее.

— А у васъ это есть? — невольно вырвалось у нея.

— Это трудно, очень трудно. Но я стараюсь достигнуть, я стремлюсь. И знаете, я думаю, что, можетъ быть, только оттого вы мнѣ все про себя и разсказали.

IX.

Передъ самымъ отъѣздомъ дочери изъ Англіи м-съ Мэнсильдъ стала догадываться объ ея секретѣ. Еще раньше а спрашивала себя: отчего Чарміанъ отказывается при-

знавать Клода Хіиса обычнымъ завсегдатаемъ ихъ дома, какъ она признаетъ другихъ? Не оттого ли, что онъ нравится ей безконечно больше, чѣмъ другіе? Но нѣтъ, этого не можетъ быть, думала м-съ Мэнсфильдъ, боясь этой правды и отгоняя ее отъ себя. Когда Чарміанъ уѣхала, и она осталась одна, то почувствовала совершенно опредѣленно, что открытіе это непріятно ей. Въ глазахъ дѣвушки при прощаніи мелькнуло что-то жесткое, вызывающее, что смутило м-съ Мэнсфильдъ и продолжало смущать и теперь.

Чарміанъ влюблена въ Клода Хіиса! Раздумывая объ этомъ, матери казалось, что нельзя было сдѣлать болѣе неподходящаго выбора!

Чарміанъ принадлежала къ своему кругу не только по рожденію, но и по темпераменту, по натурѣ. Она, конечно, не могла бы никогда удовлетвориться той жизнью, какую велъ Хіисъ. А онъ? Могъ ли бы онъ быть счастливымъ среди свѣтской сутолоки?

Среди всѣхъ ея многочисленныхъ друзей Хіисъ стоялъ особнякомъ. Онъ одинъ былъ самъ по себѣ, безъ связей и имени и не принималъ активнаго участія въ борьбѣ за искусство и за жизнь. Это и придавало ему особую цѣну въ глазахъ м-съ Мэнсфильдъ. Она уважала его индивидуальность и не желала видѣть ее измѣнившейся по общему шаблону. Но хотя такая индивидуальность могла увлечь ея дочь, тѣмъ не менѣе она хорошо знала, что Чарміанъ не успокоится и не предоставитъ ее собственному развитію. Чарміанъ не могла бы принадлежащее ей растеніе оставить расти въ темнотѣ. Она хорошо понимала многихъ интересныхъ людей, бывавшихъ у нихъ въ домѣ,—людей съ честолюбіемъ, съ планами, которые они осуществляли, съ извѣстностью или съ желаніемъ добиться ея, людей борьбы. Многимъ изъ нихъ Чарміанъ могла бы быть прекрасной женой.

Но отдавъ свое чувство Хіису, она сдѣлала печальную ошибку. Въ его натурѣ не было ни одной струны, созвучной ея душѣ. Можетъ быть, это обстоятельство и овладѣло ея вниманіемъ, полонило воображеніе, пробудило чувство. Замѣтивъ пропасть, она захотѣла перекинуть черезъ нее мостикъ. М-съ Мэнсфильдъ была рада, что Чарміанъ сейчасъ нѣтъ дома: такъ ей удобнѣе было изучить Хіиса.

Чѣмъ больше она присматривалась къ нему, чѣмъ больше его наблюдала, тѣмъ больше ей хотѣлось думать, что ея до-

гадка о Чарміанъ ошибочна, хотя симпатія ея къ Хіису только росла. Его отсутствіе тщеславія, полное отсутствіе всякаго желанія богатства восхищало ее. Она сравнивала его съ другими талантливыми людьми. Нѣкоторые изъ нихъ не были жадны къ деньгамъ, но и они были жадны къ славѣ и чрезвычайно озабочены своимъ „положеніемъ". Ревнивая зависть сопровождала ихъ вездѣ и всюду. У нихъ было не только желаніе создавать свое, но и разрушать чужое, уничтожать, превращать въ прахъ и развалины.

Изъ всѣхъ, кого она знала, только Клодъ Хіисъ былъ одинъ на одинъ со своимъ искусствомъ и желалъ оставаться всегда такъ. Было въ этомъ что-то чистое, заносчивое, умилявшее м-съ Мэнсфильдъ. Но она видѣла ясно, что Хіисъ — человѣкъ, котораго можно оторвать отъ того, что есть въ немъ лучшаго и къ чему онъ всей душой прилѣпился. Однажды онъ самъ сказалъ ей объ этомъ.

Они поѣхали вмѣстѣ на концертъ въ Квинсъ-Холлъ и сидѣли на балконѣ: Хіисъ любилъ бывать тамъ на симфоническихъ концертахъ, когда онъ хотѣлъ какъ можно меньше видѣть и лучше слышать. Онъ любилъ слушать хорошій оркестръ, не видя дирижера, потому что его движенія нарушали работу воображенія и мѣшали ему уйти въ тотъ міръ грезъ, куда его тянули волны звуковъ.

Въ антрактѣ они вышли въ фойе и стали прохаживаться. Оба были разгорячены музыкой и склонны къ бесѣдѣ по душѣ. Они не обсуждали только что прослушанныхъ вещей. Сплетеніе говорило о мелодіи жизни, о судьбѣ человѣческой, Голоса инструментовъ звали въ таинственныя, окутанныя дымкой, аллеи, гдѣ бродятъ тѣни судьбы.

— Хорошая музыка вызываетъ у меня представленіе большихъ, большихъ пространствъ, — сказала м-съ Мэнсфильдъ. — Она рождаетъ чувство, что душа создана для странствій.

Хіисъ остановился.

— Вьющаяся по холмамъ бѣлая дорога, которая теряется среди неопредѣленной дали; на картинѣ ее намѣчаютъ синими тѣнями. Дорога! Дорога!

Онъ стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ. М-съ Мэнсфильдъ остановилась рядомъ. Она чувствовала себя странно молодой. Сейчасъ ей было трудно повѣрить, что у нея бѣлые, какъ снѣгъ, волосы и что Чарміанъ уже почти четыре года выѣзжаетъ.

— Хуже всего то, — продолжалъ Хiисъ, — что иногда ужасно трудно бываетъ не свернуть съ дороги.

— Мнѣ кажется, что вы никогда не сворачиваете.

— Оттого что я знаю: если бъ я разъ свернулъ, то, вѣроятно, никогда уже больше не вернулся бы назадъ. То, что вы считаете во мнѣ силой, есть просто ясное сознанiе своей слабости.

Вблизи никого не было. Казалось, музыка уничтожила на нѣкоторое время преграду лѣтъ, существовавшую между ними. Клодъ говорилъ совершенно свободно, безъ всякаго стѣсненiя.

— Знаете, отчего нѣкоторые уходятъ въ монастыри? — продолжалъ онъ. — Оттого что они чувствуютъ, что если они не станутъ монахами, то будутъ развратниками. Мѣлліонъ-Хоузъ это мой монастырь. У меня нѣтъ способности устроить свою жизнь благоразумно: столько-то работать, столько-то отдыхать, столько-то развлекаться. Я бы не могъ заниматься своимъ искусствомъ среди удовольствiй и развлеченiй, какъ другiе. Я, какъ одинокiй песъ, хватаю свою кость и уношу ее туда, гдѣ никто не увидитъ, какъ я грызу ее. Сравненiе выходитъ нелестное, правда?

— Такъ это оттого вы избѣгаете бывать у Макса и отказались отъ приглашенiя м-съ Шиффней? Вы, значитъ, думаете, что публика, жадная къ зрѣлищамъ и любопытствующая, денервировала бы васъ? А многихъ людей она именно вдохновляетъ.

— Моя мысль была нѣсколько иная. Я думаю, что эта публика можетъ втянуть меня въ парадоксальную крайность или въ полнѣйшую лѣнь. Кромѣ того, я знаю, что меня непреодолимо искушало бы желанiе дать этой публикѣ именно то, что она требуетъ. Я презираю эту свою черту, но она существуетъ.

— И все-таки вы непреклонны, а не идете на компромиссъ.

— Это — моя броня. Безъ нея я боюсь ходить; иначе каждая стрѣла можетъ пронзить меня.

Раздался звонокъ. Они вернулись въ залъ. Когда окончилось второе отдѣленiе, Хiисъ посмотрѣлъ на м-съ Мэнсфильдъ и спросилъ:

— Куда мы пойдемъ? Не говорите, что васъ ждетъ моторъ.

— Нѣтъ, его нѣтъ.

— Давайте, пойдемъ въ какое-нибудь нелѣпое кафэ. Монико, скажемъ?

— Куда хотите. Какъ разъ время пить чай или кофе.

Обдуваемые мартовскимъ вѣтромъ, они прошли пѣшкомъ до Монико и вошли вмѣстѣ съ группой итальянцевъ. Въ огромномъ мраморномъ помѣщеніи было множество смуглыхъ иностранцевъ, съ необычно-оживленной жестикуляціей и рѣчью. М-съ Мэнсфильдъ и Хіисъ заказали кофе mélange со взбитыми сливками.

— Знаете, каково мое впечатлѣніе отъ здѣшней атмосферы? — сказала м-съ Мэнсфильдъ. — Это что-то забавное, немножко шалое.

— Великолѣпно! А если бъ я такъ напрямикъ влѣзъ въ вашу жизнь? — спросилъ Хіисъ. — Не такое ли самое было бы у меня впечатлѣніе?

— Не думаю. У насъ все сознательно, взвѣшено, разборчиво. А здѣсь мнѣ нравится все... даже этотъ буйный вѣтеръ на дворѣ...

Она подумала о дочери.

— Чарміанъ теперь на солнцѣ, — сказала она.

Лицо Хіиса приняло какое-то странно-заносчивое выраженіе.

— Вы имѣли извѣстіе?

— Сегодня утромъ. Она очень подружилась съ Сусанной Флитъ.

— Да?

— Это женщина, которую мы всѣ любимъ. Она часто помогаетъ Аделаидѣ Шиффней.

— Мы всѣ любимъ, — повторилъ онъ.

— Настоящее клише! И, однако, я очень мало знаю Сусанну Флитъ. Вотъ видите, въ какомъ узкомъ, замкнутомъ кружкѣ я живу и всегда жила! Я никогда не ощущала этого вполнѣ, пока не встрѣтилась съ вами.

— А я живу въ одиночествѣ, въ сторонѣ отъ общества и отъ всего!

— Однако м-съ Шиффней и другіе широко раскрываютъ передъ вами двери, — подхватила она, — освѣщаютъ входъ и умоляютъ васъ войти.

— Но вы не дѣлаете этого?

— А вы хотѣли бы, чтобы я сдѣлала?

— Не знаю самъ, что я хочу. Но я недоволенъ собой и всѣмъ.

Онъ нахмурился, закурилъ папироску и отодвинулъ свою чашку кофе.

— Такъ какъ же въ Алжирѣ? — спросилъ онъ.

— Очень красиво, пишетъ Чарміанъ. Аделаида и другіе уѣхали смотрѣть мѣсто, которое называется Бу-Саада...

— Бу-Саада, — повторилъ онъ раздѣльно.

— А Чарміанъ съ Сусанной Флитъ живутъ въ Мустафѣ. Яхту онѣ оставили на нѣсколько дней. Осматриваютъ арабскія виллы и бродятъ по тропическимъ садамъ.

М-съ Мэнсфильдъ прихлебывала маленькими глотками свое кофе. Сейчасъ ей ужъ не казалось больше, что она очень молода. Напротивъ, она глубоко ощущала разницу лѣтъ между Хіисомъ и собою.

— Они, должно быть, не скоро вернутся? — спросилъ онъ.

— Я жду ихъ черезъ двѣ или три недѣли.

— Такъ скоро?

— Аделаида всегда спѣшитъ. Да эта поѣздка и проектировалась не надолго.

— Но какъ можно, очутившись тамъ, такъ скоро уѣхать? Я бы застрялъ на цѣлые мѣсяцы. Вообще, если бъ я ужъ пустился путешествовать, то этому не было бы конца. Развѣ только если бъ я зависѣлъ не отъ себя.

— Вы просто необыкновенно держите себя въ уздѣ! — сказала м-съ Мэнсфильдъ. — Вы — самому себѣ драконъ, и какой суровый, какой непреклонный драконъ! Хорошая вещь обладать такой твердой волей!

— Но если бы я выпустилъ изъ рукъ узду!..

— Вы думаете, что это съ вами случится?

— Да, — сказалъ онъ съ глубокой грустью. — Воля это одна сторона, но у меня имѣется еще другая — крайняя экспансивность... Но довольно обо мнѣ. Разскажите мнѣ еще объ Алжирѣ и о вашей дочери.

Когда они разстались въ этотъ день, м-съ Мэнсфильдъ подумала: „Если Чарміанъ и влюблена въ него, онъ безусловно этого не знаетъ“.

Каковы были его чувства къ Чарміанъ, нельзя было угадать. Она не предполагала возможности притворства со стороны Хіиса и была склонна къ мысли, что онъ такъ погруженъ въ свой внутренній міръ и живетъ такъ непохоже на обыкновенныхъ здоровыхъ молодыхъ людей, что Чарміанъ не могла играть для него никакой роли. Правда, она замѣтила самоувѣренный огонекъ, блеснувшій во взглядѣ Хіиса, когда она заговорила о дочери, но этому она находила иное

объясненіе: вѣроятно, ея упоминаніе о Чарміанъ на солнцѣ напомнило ему настойчивыя приглашенія м-съ Шиффней, а въ этихъ дѣлахъ онъ былъ чувствителенъ, какъ мальчикъ. У него была особенная щепетильность нервной артистической натуры, которая представляется смѣшной обыкновенному среднему мужчинѣ, но понятна чуткой женщинѣ. М-съ Мэнсфильдъ была почти увѣрена, что не воспоминаніе о Чарміанъ зажгло вызовъ въ глазахъ Хіиса, а мысль о м-съ Шиффней. Она полагала, что онъ совершенно равнодушенъ къ Чарміанъ. Вообще говоря, она считала для большинства мужчинъ благоразумнымъ жениться и по возможности раньше, но Хіиса она исключала изъ этого правила. Она не „представляла“ его себѣ женатымъ. Она не видѣла ни одной дѣвушки или женщины среди тѣхъ, кого знала, про которую можно было бы сказать: „Вотъ подходящая для него жена“. Очевидно, онъ не подходитъ подъ общую норму. Но тутъ она вспомнила маленькую Фэнъ со свѣтлыми кудряшками и увидѣла, что вопросъ этотъ нельзя рѣшить такъ просто. Какъ бы то ни было, Чарміанъ была бы для него неподходящей женой, думала она, имѣя при этомъ въ виду, главнымъ образомъ, благополучіе Хіиса. Его откровенность съ ней обязывала ее. Въ теченіе двухъ недѣль, которыя прошли еще до возвращенія Чарміанъ изъ Алжира, м-съ Мэнсфильдъ много думала о его будущемъ; пожалуй, больше чѣмъ о будущемъ дочери. М-съ Мэнсфильдъ не вѣрила, чтобы такому человѣку, какъ Хіисъ, предстояла жизнь безъ бурь и треволненій. И въ его личности, и въ музыкѣ было что-то мятежное, и оно-то отрицало возможность мирнаго существованія впереди. Но она надѣялась, что онъ останется вѣренъ своему инстинкту, державшему его вдали отъ свѣта, и была чрезвычайно рада, что ни Максу Элліотъ, ни м-съ Шиффней не удалось втянуть его въ свѣтскій круговоротъ и „пустить въ ходъ“. Глубоко запали ей въ душу слова Хіиса о томъ, что многіе люди идутъ въ монастырь для того, чтобы не стать развратниками. Очевидно, Хіисъ знаетъ себя. Она вспомнила Распятіе противъ рояля, за которымъ онъ проводилъ нѣсколько часовъ въ день, странныя, страшныя слова текста, выбраннаго имъ для музыки. Своеобразная натура, своеобразный талантъ!

Дней черезъ десять послѣ посѣщенія Монико м-съ Мэнсфильдъ получила телеграмму изъ Марселя:

„Выѣзжаемъ сегодня, дома послѣзавтра. Цѣлую. Чарміанъ“.

Въ этотъ день случайно зашелъ Хіисъ, и м-съ Мэнсфильдъ сказала ему:

— Чарміанъ пріѣзжаетъ въ четвергъ. Я вамъ говорила, что Аделаида будетъ торопиться.

— Значитъ, они не увидятъ греческихъ островов? — сказалъ онъ.

— Въ этотъ разъ — нѣтъ.

Она посмотрѣла на него и подумала, что у него печальный видъ.

— Хотите придти въ четвергъ и пообѣдать со мной и съ Чарміанъ? — спросила она. — Если она будетъ очень усталой съ дороги, мы посидимъ вдвоемъ; если нѣтъ, она разскажетъ намъ свои африканскія впечатлѣнія.

— Спасибо. Да, я съ радостью приду.

Опять его взоръ засіялъ огнемъ мечты, и ея отблескъ сдѣлалъ почти прекраснымъ его некрасивое лицо.

— Я самъ такъ мало путешествовалъ, — сказалъ онъ, — что для меня въ возвращеніи изъ Африки есть что-то волшебное. Самое слово „Африка“ — уже пламя и черная тайна. Вечера передъ сномъ я читалъ Шатобріана и вотъ набрелъ на одно мѣсто, которое не давало мнѣ заснуть нѣсколько часовъ.

— Какое?

— Говорится о Наполеонѣ и приблизительно такъ...

Онъ запнулся и, какъ бы сдѣлавъ надъ собой усиліе, продолжалъ, не глядя на м-съ Мэнсфильдъ:

— Его враги, потрясенные, ищутъ его и не находятъ. Онъ прячется въ лучахъ славы своей, подобно льву пустыни, который прячется въ лучахъ палящаго солнца, чтобы избѣжать зоркихъ глазъ ослѣпленныхъ охотниковъ. Развѣ не великолѣпно сказано? Моя фантазіи разгорѣлась во всю. Я былъ далеко-далеко эту ночь!.. И подумать только, что миссъ Чарміанъ, дѣйствительно, возвращается изъ Африки.

Когда онъ ушелъ, м-съ Мэнсфильдъ подумала: „Какой онъ ребенокъ!“ И чувствовала тревожное безпокойство.

Это же чувство испытывала она въ четвергъ, днемъ, ожидая пріѣзда дочери.

Въ три двадцать пять Чарміанъ должна быть на вокзалѣ Чарингъ-Кроссъ. Значитъ, домой можетъ она попасть къ четыремъ, если только не задержитъ таможенный осмотръ. Но вотъ фарфоровые часы надъ каминомъ пробили четыре, а Чарміанъ все еще не было. М-съ Мэнсфильдъ почувство-

вала безпокойство. Она отложила книжку и стала ходить по комнатѣ взадъ и впередъ.

Какъ приметъ Чарміанъ извѣстіе, что Клодъ Хіисъ будетъ сегодня обѣдать съ ними? Не будетъ ли она слишкомъ утомлена? Вѣдь она плохо переноситъ морское путешествіе, и потому, вѣроятно, видъ съ дороги будетъ у нея не изъ лучшихъ. М-съ Мэнсфильдъ пригласила Хіиса оттого, что хотѣла поскорѣе убѣдиться, дѣйствительно ли Чарміанъ влюблена въ него, или это только ей показалось.

А если это окажется вѣрнымъ, если, дѣйствительно, Чарміанъ отдала свое чувство Хіису — что тогда?

Впрочемъ, зачѣмъ заглядывать впередъ? — рѣшила она. Но минуты проходили за минутами, она все ждала, и ея мысль помимо воли снова вернулась къ тому же вопросу...

Вдругъ она встрепенулась: гудокъ мотора! Хотя звукъ его ничѣмъ не отличался отъ тысячи другихъ гудковъ, но она тотчасъ же рѣшила, что это Чарміанъ заворачиваетъ въ Беркли-скверъ. Она подошла къ дверямъ, услышала звонокъ и шаги лакея. Выйдя на лѣстницу, она позвала:

— Чарміанъ! Чарміанъ!

— Мать моя единственная! — донесся голосъ снизу.

Чарміанъ подымала вуаль надъ трехъугольной шляпой съ ярко-краснымъ куто.

— Гдѣ ты, мама? А-а, вотъ!

Она взошла на верхнюю площадку.

— А какой былъ ужасный переѣздъ! Я просто несчастный человѣкъ. Никакія средства не помогаютъ. Миленькая моя!

Чарміанъ легко положила руки на плечи матери и два раза поцѣловала ее холодными губами. Она была блѣдна; глаза свѣтились безпокойнымъ лихорадочнымъ блескомъ. Она казалась взвинченной и окруженной особенно возбужденной атмосферой.

— Выпьемъ съ тобой чаю, и затѣмъ я, кажется, сейчасъ лягу. Какъ пріятно очутиться опять въ своей милой удобной кровати! Знаешь, на яхтѣ я вспоминала свою постель съ вожделѣніемъ, которое шло изъ глубины сердца. Въ концѣ концовъ, мы продѣлали на яхтѣ только конецъ отъ Марселя до Алжира и обратно. Я не жалѣла, потому что спокойнаго моря не было вовсе; его мы видѣли только съ берега.

— Неужели? Досадно. Садись сюда.

Чарміанъ очень молодымъ движеніемъ опустилась въ кресло и стала снимать свои длинныя перчатки. Когда изъ нихъ освободились ея красивыя тонкія руки, м-съ Мэнсфильдъ наклонилась и поцѣловала ее.

— Дѣтка моя родная! Какъ хорошо имѣть тебя опять дома!

— Да?

— И ты смѣешь спрашивать объ этомъ свою единственную мать?

— Это кресло даетъ мнѣ почувствовать, какъ сильно я устала.

— Сними шляпу.

— Ты думаешь?

Она подняла руки, чтобы снять шляпу, но не сняла; мать не спросила ее — отчего.

— Аделаида тоже вернулась?

— Нѣтъ, она не могла оторваться отъ Парижа. Мы переправились черезъ Каналъ съ Сусанной Флитъ. Охъ!

Она положила голову на спинку кресла и закрыла глаза.

— Только чаю! Ѣсть я не могу.

— Вотъ твоя чашка.

— У меня такое чувство, будто я не была здѣсь цѣлое столѣтіе и будто Лондонъ сталъ другимъ.

— Онъ все тотъ же.

— А ты? ...Ты, кажется, думаешь, madre, что я перемѣнилась.

— На какомъ основаніи?

— Я не знаю.

Она обвела взглядомъ всю комнату.

— Все, какъ всегда.

— Значитъ, Африка въ самомъ дѣлѣ внесла что-то новое?

Чарміанъ, несмотря на свою усталость, насторожилась: какъ знакомо было м-съ Мэнсфильдъ это ея выраженіе!

— А развѣ кто думалъ, что она внесетъ.

— Видишь ли, ты вѣдь никогда не бывала внѣ Европы.

— Значитъ, ты думала?..

— Развѣ не естественно было съ моей стороны предполагать эту возможность?

— Да, пожалуй. Но вѣдь мы видѣли только крае-

шекъ Африки. Дальше Мустафы я нигдѣ не была. И даже не хотѣлось. Вотъ какъ Сусанна — не знаю.

— Ты думаешь, что у нея было желаніе поѣздить?

— Боюсь, что я совсѣмъ не думала объ этомъ. Вотъ теперь только мнѣ это пришло на умъ. Она до того лишена эгоизма, что обращаетъ всѣхъ людей вокругъ себя въ эгоистовъ.

— Ты съ ней очень сошлась?

— Да. Она — удивительная женщина. Нисколько не похожа на другихъ. Она, понимаешь, дѣйствительно, съ удовольствіемъ дала мнѣ адресъ своего портного, который дѣлаетъ ей костюмы. Если это вліяніе теософіи, то я бы хотѣла, чтобы она распространилась, какъ холера. Madretta, не обращай вниманія на мой вздоръ! Мнѣ было такъ худо въ дорогѣ, и голова у меня легкая-легкая и пустая. Точно все въ ней перетряхнули!

Она приложила руки къ вискамъ.

— Бѣдная дѣвочка! А я ужасно необдуманно поступила.

— Необдуманно? Насчетъ чего?

— Насчетъ сегодняшняго вечера.

— Неужели ты приняла какое-нибудь приглашеніе для меня.

— Нѣтъ, не пугайся! Но я позвала кое-кого къ намъ обѣдать.

— Мама! — воскликнула Чарміанъ съ изумленіемъ. — Неужели тетю Китти?

Тетя Китти была сестра м-съ Мэнсфильдъ, которой Чарміанъ не любила.

— О, нѣтъ... будетъ Клодъ Хіисъ.

Послѣ короткой, но замѣтной паузы Чарміанъ сказала:

— М-ръ Хіисъ? А-а, понимаю. Ты пригласила его еще раньше, чѣмъ узнала, что я пріѣду сегодня.

— Нѣтъ. Я думала, что интересно будетъ услышать отъ тебя объ Африкѣ. Я пригласила его послѣ полученія твоей телеграммы.

Чарміанъ не спѣша поднялась и встала такъ, чтобы видѣть себя въ зеркалѣ. Она кинула въ зеркало быстрый взглядъ и, чтобы скрыть его, заговорила.

— Боюсь, что мало могу разсказать интереснаго для м-ра Хіиса объ Алжирѣ. Ты не очень разсердишься, если я не сойду внизъ и буду обѣдать въ постели?

— Да нѣтъ же. Было глупо съ моей стороны звать его. Я не подумала раньше и выпалила сразу.

— Въ которомъ часу обѣдъ?

— Въ восемь, какъ всегда.

— Я пойду и лягу. А тамъ увижу, какъ буду себя чувствовать. Хорошо быть опять съ тобой, моя madre.

Она наклонилась и поцѣловала мать въ щеку. Прикосновеніе ея губъ было въ этотъ моментъ не совсѣмъ пріятно м-съ Мэнсфильдъ.

Очутившись одна въ своей спальнѣ, Чарміанъ сняла шляпу и, не поправляя прически, долго и серьезно разсматривала себя въ зеркало.

— У меня ужасный видъ! — былъ ея выводъ.

Чарміанъ не впустила стучавшую къ ней горничную, сама раздѣлась и легла въ постель. Она чувствовала, что для нея готовятся интересныя и странныя событія, что совершается какой-то поворотъ судьбы. Ея мать — одно изъ тѣхъ орудій, при помощи которыхъ совершится то, что должно совершиться.

Странно, что мать позвала къ нимъ въ день ея пріѣзда одного Клода Хіиса — человѣка, женой котораго она, Чарміанъ, хотѣла быть. Этотъ поступокъ не совсѣмъ натураленъ со стороны матери. Вѣдь всегда молчаливо признавалось, что Хіисъ — пріятель м-съ Мэнсфильдъ. И вотъ она пригласила его ради дочери. Неужели мысль по воздушнымъ волнамъ перелетѣла отъ дочери къ матери и внушила ей: „Сдѣлай это!?“ Однако Чарміанъ рѣшила не сходить къ обѣду, если въ семь часовъ зеркало не покажетъ ей другую физіономію.

Она закрыла глаза и нѣсколько разъ повторила себѣ:

— Будь интереснѣе! Будь интереснѣе!

X.

Когда пробило семь, Чарміанъ встала съ постели и опять посмотрѣла въ зеркало. Она чувствовала себя отдохнувшей и не испытывала больше такого страннаго ощущенія въ головѣ. Но лицо, которое она увидѣла, непріятно напомнило ей Милли Динсъ, американскую пѣвицу. Въ немъ было то выраженіе трагическаго Пьеро, та неестественная блѣдность, которыя выдавали скрывающуюся за ними тайну. Кромѣ того, ея лицо показалось ей жесткимъ, а можетъ ли быть для мужчины что-нибудь болѣе отталкивающимъ, чѣмъ жесткое лицо дѣвушки?

Послѣ разговора съ Сусанной Флитъ у маленькаго пруда, въ саду, Чарміанъ считала, что судьбой рѣшенъ ея бракъ съ Клодомъ Хіисъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, она объясняла себѣ это. Въ дѣйствительности же разговоръ этотъ побудилъ ее рѣшить, что она будетъ женой Клода Хіиса. И слова Сусанны и необъяснимое предчувствіе, тайно шептавшее въ душѣ Чарміанъ: „Я буду здѣсь опять съ нимъ", — все укрѣпляло это странное убѣжденіе.

Сильная воля и умѣніе сосредоточить ее на одномъ — это первый шагъ, выдѣляющій личность изъ толпы. Чарміанъ страдала оттого, что была въ толпѣ, затерянная, какъ фіалка на цвѣтущемъ лугу среди тысячи фіалокъ. Но въ Алжирѣ чары окружающаго и мягкое сочувствіе Сусанны подсказали ей рѣшеніе, даже не вполнѣ сознанное ею. Она вернулась домой съ намѣреніемъ выйти замужъ за Хіиса, пустивъ въ ходъ свою волю въ качествѣ пламеннаго и ревностнаго слуги своего сердца.

Но самой себѣ она говорила такъ: „Судьба думаетъ свести насъ". Голый фактъ она заворачивала въ шелковистую ткань романтическаго вымысла.

И вотъ теперь на нее глядѣло изъ зеркала лицо съ упорнымъ, рѣзкимъ выраженіемъ. Оно поражало ее. Она перемѣнила выраженіе, но оно было неискреннее, дѣланное, напряженное.

Чарміанъ нѣсколько секундъ колебалась. Готова даже была снова лечь въ постель. Но какая тоска!.. Провести весь долгій вечеръ здѣсь одной! Три часа назадъ, на вокзалѣ она представила себѣ, что будетъ лежать пластомъ, но теперь!..

Одинъ только разъ въ своей жизни Чарміанъ попробовала нарумяниться. Она знала многихъ барышень, которыя портили краски своей юности, подмазывая ихъ искусственными. Она считала это отвратительной нелѣпостью. Но все же у нея были румяна и бѣлила. Однажды когда-то она купила ихъ, заперлась у себя въ комнатѣ и подгримировалась. Эффектъ получился отталкивающій. Да, но тогда она сдѣлала это небрежно, зная, что, все равно, никто ее не увидитъ!

Въ половинѣ восьмого въ дверь постучалась горничная:

— Барыня спрашиваетъ, какъ вы себя чувствуете, барышня, и сойдете ли обѣдать внизъ?

— Да, сойду. Передайте это мамѣ и зайдите опять, пожалуйста, ко мнѣ, Гэльтонъ.

Когда дѣвушка вернулась, Чарміанъ замѣтила, что она испытующе-вопросительно смотритъ на нее.

— Въ чемъ дѣло, Гэльтонъ?

— Ничего, миссъ. Какое платье вы надѣнете?

Очевидно, Гэльтонъ угадала или подозрѣвала, — это уже все равно!

— Зеленое.

— Хорошо, миссъ.

— Или нѣтъ... погодите минуту.

— Слушаю, миссъ.

— Да... Зеленое.

Когда горничная принесла платье, Чарміанъ спросила:

— Отчего вы смотрѣли на меня такъ особенно, Гэльтонъ? Я хочу знать.

— Не знаю право, миссъ.

— Видите ли, я немножко подрумянилась. Я была съ дороги такая желтая, желтая! Никому не хочется имѣть видъ лимона. Правда?

— Да. Конечно, миссъ!

— Но я не хочу оставить такъ. Помогите мнѣ, Гэльденъ. Вы, навѣрное, умѣете это дѣлать лучше меня.

Дѣйствительно, Гэльтонъ знала вещи, неизвѣстныя ея молодой хозяйкѣ, и когда Чарміанъ въ восемь часовъ сошла внизъ, лицо ея выглядѣло почти естественно. Она была увѣрена, что ни мать, ни Хіисъ не замѣтятъ ничего, все-таки волновалась, и въ этомъ волненіи былъ стыдъ.

Клодъ Хіисъ былъ съ м-съ Мэнсфильдъ въ гостиной. Когда онъ быстро поднялся навстрѣчу Чарміанъ, то показался ей совсѣмъ чужимъ человѣкомъ. Неужели онъ — тотъ, кто заставлялъ ее страдать, плакать, исповѣдываться Сусаннѣ? Неужели пышныя розы и бѣлое облачко пыли, отдаленные и близкіе звуки, тишина и движеніе и этотъ странный маленькій островокъ говорили ей о немъ, предвѣщали ей его?

Теперь у нея было чувство разочарованія, чувство повседневности, словно всѣ эти образы — только плодъ ея разстроеннаго воображенія и не имѣютъ никакой связи съ дѣйствительностью.

Но когда она встрѣтилась съ его глазами, непріятное чувство исчезло. Ибо его глаза какъ бы искали въ ней отвѣта, и это давало ей чувство своей значительности. Онъ искалъ въ ней только отраженія Африки, но она этого не знала.

Хiисъ, разумѣется, не замѣтилъ, что̀ Чармiанъ сдѣлала со своимъ лицомъ, но онъ уловилъ въ ней перемѣну. Она казалась ему болѣе опредѣленной личностью, чѣмъ была до отъѣзда. Онъ не зналъ, нравится ли ему эта перемѣна. Но она, несомнѣнно, произвела на него впечатлѣнiе.

М-съ Мэнсфильдъ при первомъ же взглядѣ замѣтила, что Чармiанъ подкрасилась, но не обнаружила ничѣмъ своей догадки. И когда Хiисъ сказалъ: „Какой у васъ хорошiй видъ!“, м-съ Мэнсфильдъ прибавила:

— Отдыхъ сослужилъ тебѣ службу.

— Да, я какъ будто немножко поумнѣла, — сказала Чармiанъ, — но только чуть-чуть! Не ждите отъ меня интересныхъ разсказовъ, м-ръ Хiисъ. Подождите дня два-три. Что вы дѣлали все это время?

Хiису показалось, что въ тонѣ и манерахъ Чармiанъ сквозилъ легкiй оттѣнокъ покровительства. Ему непрiятна была ея свѣтскость. Онъ не зналъ, какъ многое приходилось ей скрывать въ минуту встрѣчи.

Сѣли обѣдать. М-съ Мэнсфильдъ перевела разговоръ на недавнее путешествiе. Этотъ обѣдъ принадлежалъ Чармiанъ. Она должна была являться его центромъ. Вѣдь, Хiисъ былъ приглашенъ для того, чтобы послушать впечатлѣнiя поѣздки. М-съ Мэнсфильдъ вспомнила мечтательный взглядъ, измѣнявшiй его лицо, когда онъ цитировалъ Шатобрiана. И еще одно вспомнилось ей: слова Чармiанъ, которыя она однажды сказала ей: „Ты легко проникаешь въ умы и сердца, а бѣдная маленькая дочка остается въ сторонѣ, сжавшись въ комочекъ, какъ голодное дитя.“ Какой ужасъ: быть старѣющей матерью, которая не выпускаетъ изъ рукъ того, что по праву принадлежитъ молодости!.. И сегодня внутреннiй голосъ шепталъ ей: „Уступи мѣсто! Уступи мѣсто!“ Когда она замѣтила искусственный румянецъ на лицѣ Чармiанъ, ее охватило желанiе отказаться, отречься отъ всего въ пользу дочери, сдѣлать ее центромъ вниманiя и бесѣды, показать Хiису, что Чармiанъ можетъ быть такъ же интересна, какъ и она, но вдобавокъ болѣе привлекательна.

Трудность была въ томъ, чтобы Чармiанъ сумѣла взять вѣрный тонъ. Она такъ много пережила внутренно въ Алжирѣ, что склонна была дѣлать видъ, будто Алжиръ оказался вовсе неинтереснымъ. Она не вполнѣ учла тотъ фактъ, что Хiисъ, хотя уменъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наивенъ, и, несмотря на его наблюдательность, въ немъ много мальчише-

скаго. Она боялась показаться восторженной гимназисткой, если будетъ слишкомъ восхищаться всѣмъ видѣннымъ.

Ея короткія, сухія замѣчанія леденили Хіиса.

— Все тамъ ужасно офранцужено, — сказала она. — Вѣроятно, побѣдители стараются, насколько возможно, сгладить всѣ слѣды прежняго. Я понимаю ихъ чувство. Но для любопытствующаго туриста это далеко не утѣшительно.

— Значитъ, вы были разочарованы? — спросилъ Хіисъ.

— Тебѣ надо было поѣхать въ Бу-Саада, — сказала м-съ Мэнсфильдъ. — Тамъ ты бы увидѣла настоящую туземную жизнь. Отчего ты не поѣхала?

— М-съ Шиффней устроила эту поѣздку до того второпяхъ, что я не могла... я еще не успѣла оправиться отъ ужасовъ яхты. Вѣдь она всегда бросается такъ, какъ будто за ней гонятся фуріи.

Послѣдовало короткое молчаніе. Чарміанъ почувствовала, что она взяла невѣрный тонъ, что она говоритъ то, что несимпатично Хіису. Но ею овладѣлъ бѣсъ, который заставлялъ ее проявлять черты, на самомъ дѣлѣ нехарактерныя для нея. Этотъ бѣсъ часто овладѣваетъ душами тѣхъ, кто любитъ и чувствуетъ себя нелюбимымъ. Она понимала, что изображать поѣздку неудавшейся — некрасиво и неблагодарно по отношенію къ м-съ Шиффней, но ничего не могла съ собой подѣлать.

— Вы мнѣ завидовали? — агрессивно спросила она Хіиса.

— Какъ вамъ сказать? я думалъ, что вы переживаете волшебные дни. Первый разъ поѣхать въ Африку... это вѣдь должно быть чудесно!

— Но тогда почему же вы отказались?

Она посмотрѣла ему прямо въ лицо съ дерзкимъ вызовомъ во взглядѣ. М-съ Мэнсфильдъ стало не по себѣ.

— Я? — повторилъ Хіисъ. — Но при чемъ же здѣсь я? Вѣдь мы говорили о томъ впечатлѣніи, какое произвелъ на васъ Алжиръ.

— Да, но если вы обвиняете меня въ отсутствіи энтузіазма, то, согласитесь, естественно и съ моей стороны удивиться, отчего вы ни за какія блага не соглашались вступить въ этотъ африканскій рай.

Она нервно разсмѣялась.

— Что вы, миссъ Чарміанъ?.. я вовсе не обвиняю васъ. Было бы чудовищно осуждать человѣка за то, что онъ чувствуетъ такъ, а не этакъ.

Онъ говорилъ съ горячностью.

— Мы съ вашей матерью воображали тутъ, что вы переживаете дивное время, — сказалъ онъ. — Можетъ быть, думать такъ было безразсудно.

— Нѣтъ, Алжиръ чудесная страна.

Тонъ и горячность Хиса помогли ей стать естественной.

— Я включаю Мустафу, конечно. Нѣкоторые сады восхитительны и старые арабскіе дома. Думаю, что вы нашли бы ихъ еще болѣе восхитительными, чѣмъ я.

— Отчего?

— Оттого что вамъ дано видѣть во всякой красотѣ больше, чѣмъ мнѣ, хотя я и люблю ее!

Ея неожиданная мягкость была трогательна. Хисъ никогда еще не получалъ такого пріятнаго комплимента. Это было неожиданно и тѣмъ болѣе цѣнно.

— Не знаю, такъ ли это, — возразилъ онъ нерѣшительно.

— Madretta, ты развѣ не согласна со мною?

— Конечно, ваше воспріятіе вещей различно.

— Но я хочу сказать, что въ вещахъ, которыми мы оба восхищаемся, м-ръ Хисъ можетъ найти больше моего.

— Глубже проникнуть въ сердце очарованія? Вѣроятно, да... Отчего ты не ѣшь цыпленка?

— Нѣтъ, мамочка, не могу. Вотъ шпинатъ — это по моей части.

И она положила себѣ немного зелени.

— Все представляется мнѣ сегодня какимъ-то неуловимымъ и шатающимся. Даже шпинатъ.

Она взглянула на Хиса, и онъ увидѣлъ въ ея глазахъ какое-то новое очарованіе.

— Простите мою скучную особу. Вы должны помнить, что пока вы и madre сидѣли удобненько у себя по домамъ, меня бѣшено мчали по Франціи и по морю. Какъ унизительно быть въ физическомъ рабствѣ! Я не дошла еще до резиньяціи Сусанны Флитъ. Вотъ о ней я когда-нибудь разскажу вамъ, м-ръ Хисъ. Но не сейчасъ. Она бы вамъ понравилась. Я знаю это... Но, можетъ статься, вы бы и отказались встрѣтиться съ нею. Знаете, какое я вамъ дала прозвище? „Великій отказчикъ“ — вотъ кто вы!

Хисъ вспыхнулъ и бросилъ взглядъ на м-съ Мэнсфильдъ.

— Я, видите ли, занятъ своей работой.

— Мы слышали въ Алжирѣ такую странную музыку,—

продолжала она. — По-моему, она была безобразна. Но очень характерна и живописна по-своему. Аделаида жалѣла, что m-ieur Рэда не было съ нами... Онъ — способный, но никогда не могъ бы создать большую вещь. Правда, мама?

— Правда. Но онъ прелестно дѣлаетъ маленькія вещи.

— Что за упоеніе должно быть чувствовать въ себѣ силу создать великое, — сказала Чарміанъ. — Воспринимать краски, свѣтъ, ароматъ и звуки и знать, что можешь сплести ихъ и переродить и сдѣлать ихъ еще чудеснѣе, еще плѣнительнѣй! Мы съ Сусанной видѣли одинъ островъ... такъ вотъ, если бъ я обладала талантомъ, я бы могла создать шедевръ въ тотъ день, когда я его увидѣла. Онъ какъ будто шепталъ мнѣ: „Разскажи имъ! Разскажи имъ! Заставь ихъ почувствовать меня! Пусть всѣ, кто далеко, кто не увидитъ меня, но кто полюбилъ бы меня такъ же, какъ ты — пусть всѣ узнаютъ!“ И... это, конечно, нелѣпо, я знаю! но я почувствовала, что этому острову больно, что я не послушалась его... что я не имѣю власти творить. Мама, ты не думаешь, что самой большой радостью и привилегіей генія является вотъ эта способность входить въ общеніе съ страннымъ и прекраснымъ? Я не могла повиноваться голосу маленькаго островка и чувствовала себя почти виноватой передъ нимъ.

— Гдѣ онъ былъ? На морѣ?

— Нѣтъ... О, нѣтъ! Но я не могу описать вамъ. Это надо видѣть...

Внезапно снова, словно облако, ее окутало предчувствіе, что судьба приведетъ ее въ будущемъ въ тотъ садъ съ островомъ вмѣстѣ съ Хіисомъ. Она не подымала на него глазъ. Она боялась, чтобы онъ не прочелъ всего, что они отражали. Не безъ усилія она овладѣла собою и сказала:

— Вѣроятно, я представляюсь вамъ довольно глупой, дѣвицей съ фантазіями, м-ръ Хіисъ? Вы разрѣшите мнѣ, сказать, что я думаю?

— Конечно. Пожалуйста, — отвѣтилъ онъ.

— Такъ вотъ, я думаю, что, если Богъ васъ наградилъ большимъ талантомъ, вы обязаны давать ему, этому таланту, пищу. А вы не хотите давать ему никакой пищи!

— У Свинбёрна вся пища состояла изъ одного городка по имени Путней, — сказала м-съ Мэнсфильдъ, — и я бы могла привести въ примѣръ много большихъ людей, которые сидѣли, не двигаясь съ мѣста, а ихъ фантазія всегда была въ работѣ.

Хіисъ горячо поддержалъ ее, и споръ разгорѣлся. Никогда еще Чарміанъ не чувствовала себя настолько на равной ногѣ съ матерью и Хіисомъ. Она была возбуждена и отдавалась своему возбужденію. Оно помогало ей, обостряло ея логику. Она видѣла, что Хіисъ находитъ ее интереснѣе, чѣмъ прежде. Ея небрежный отзывъ объ Алжирѣ былъ ошибкой. Теперь она исправляла его и замѣчала, что производитъ на Хіиса впечатлѣніе. Ей надоѣло уже быть ничѣмъ, хорошенькой барышней, не имѣющей никакого серьезнаго значенія. Воля — это все. Теперь, когда она любила, у нея былъ могучій стимулъ для проявленія своей воли. И даже мать, знавшая Чарміанъ во всѣхъ оттѣнкахъ настроенія, была изумлена ею въ этотъ вечеръ.

Хіисъ оставался довольно поздно. Когда онъ собрался уходить, Чарміанъ спросила:

— Ну что жъ? Вы не жалѣете, что не поѣхали? Не хотѣли бы видѣть тотъ островъ?

Онъ не отвѣтилъ сразу, колеблясь и глядя то на нее, то на м-съ Мэнсфильдъ. Наконецъ, онъ произнесъ:

— Я не хочу жалѣть. Я не хочу желать.

— Но развѣ можно владѣть своими желаніями? — спросила она серьезно.

— Я думаю: да.

— Ахъ! — стремительно воскликнула она. — Вы напоминаете мнѣ Кромвелля... или кого-нибудь такого. Вамъ надо было жить въ дни пуританизма. Это все говоритъ въ васъ истинно-британская закваска. Я увѣрена, что во всемъ Алжирѣ не найдется ни одного человѣка (кромѣ англичанъ), который думалъ бы такъ, какъ вы. Но если бъ вы путешествовали, если бъ дали себѣ волю, вы стали бы другимъ!

— Чарміанъ, дерзкое ты дитя! — сказала м-съ Мэнсфильдъ, улыбаясь; но въ ея голосѣ звучала печаль.

— Это все каналъ виноватъ! Все каналъ! Я сегодня сама себя не узнаю.

Хіисъ разсмѣялся и отвѣтилъ шуткой.

Когда онъ вышелъ, Чарміанъ подошла къ матери.

— Ты очень сердишься на меня, madre?

— Нѣтъ. Кокетство и дерзость въ тебѣ всегда сидѣли. Думаю, что это неизлѣчимо. Но что́ ты сдѣлала со своимъ лицомъ?

Чарміанъ вспыхнула вся, до самаго лба. Она была сконфужена невыразимо.

— Ты... ты замѣтила?

— Разумѣется. Какъ только ты сошла внизъ. Не Аделаида ли выучила тебя этому?

— Нѣтъ. Ты сердишься, мама?

— Нѣтъ. Но я люблю, чтобы молодость была по-настоящему молода, пока она можетъ. А первыя попытки подмалевыванія свидѣтельствуютъ о безплодной борьбѣ съ годами. Видишь, вѣдь, вотъ я еще не очень стара, мнѣ нѣтъ пятидесяти лѣтъ, но я покорно побѣлѣла.

— И какъ это идетъ тебѣ, моя красивая мама!

— Надо же имѣть маленькую компенсацію. Нѣсколько визитовъ въ Бондъ-Стритъ могли бы меня помолодить на десять лѣтъ, но если бъ я сдѣлала ихъ, то могла бы потерять одного-двухъ друзей, которые мнѣ очень дороги.

— Потерять... друзей? — удивилась Чарміанъ.

— Да. Нѣкоторые мужчины цѣнятъ честную откровенность въ женщинѣ больше, чѣмъ тебѣ представляется.

— Въ дружбѣ! — прошептала Чарміанъ.

Послѣдовала пауза. М-съ Мэнсфильдъ хорошо знала, что стоитъ ей только сказать еще фразу, это вызоветъ у Чарміанъ порывъ откровенности. Но она боялась произнести эту фразу. Ибо голосъ въ ней шепталъ: „На чьей я сторонѣ?"...

Она встала съ мѣста.

— Пора спать, — сказала она.

— Да, да.

Онѣ поцѣловались. М-съ Менсфильдъ подошла къ полкамъ за книжкой и когда достала томикъ Броунинга, Чарміанъ уже не было въ комнатѣ.

М-съ Мэнсфильдъ не жалѣла, что промолчала и не вызвала дочь на признаніе. Что́ могла бы она сказать въ отвѣтъ на него? Чѣмъ помочь своему ребенку въ борьбѣ за свое счастье?

Вѣдь, тотъ фактъ, что Чарміанъ изъ любви къ Хіису нарумянилась, показывалъ, что между ними — огромная пропасть. Врядъ ли возможно перекинуть черезъ нее мостъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Съ англійскаго пер. **М. Славинская.**

ГОЛОСА.

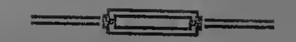
Во мнѣ всегда живутъ и Мароа и Марія
И не хотятъ меня отдать одна другой.
И вся взволнована души моей стихія
Ихъ вѣчной и мучительной борьбой.

То небу, то землѣ всегда принадлежу я,
Всегда меня зовутъ къ себѣ ихъ голоса.
— Какъ сладко на землѣ! — сегодня прошепчу я,
А завтра говорю: — Я рвуся въ небеса!

Но, кажется мнѣ, ты, Марія, побѣдила.
— Учитель, о приди! — съ тоскою я молю...
И пусть рѣчей Твоихъ божественная сила
Развѣетъ навсегда земную скорбь мою!

Сентябрь, 1916.

Ксенія Морозова.

БЕЗХОЗЯЙНОЕ ОБЩЕСТВО.

(ПИСЬМО ИЗЪ ШВЕЙЦАРІИ.)

Далеко отсюда, далеко отъ насъ, отъ ультра-цивилизованныхъ людей XX вѣка, живутъ, вѣчно и дружно работая въ теплыхъ, безбурныхъ моряхъ строители прекрасныхъ острововъ — кораллы.

Ученые соціологи, біологи, философы издавна ставятъ намъ ихъ въ образецъ „безболѣзненнаго мирнаго житія“, гармонически-общественнаго существованія. И какъ не ставить? Возьмемъ такой гипотетическій — вѣрнѣе вполнѣ фантастическій, хотя въ то же время весьма современный случай: коралловое общество ведетъ войну съ другимъ себѣ подобнымъ обществомъ (къ счастью, кораллы прикрѣплены къ мѣсту, слѣдовательно, на самомъ дѣлѣ лишены возможности воевать). Какъ выглядѣла бы у нихъ проблема „организаціи тыла“? Она заранѣе рѣшена, такъ что и проблемы не было бы вовсе.

По центральнымъ улицамъ коралловаго Лондона безостановочно течетъ широкая рѣка питательнаго матеріала, находящаяся въ прямомъ сообщеніи съ пищепроводными канальцами отдѣльныхъ полиповыхъ кварталовъ и домиковъ, такъ же какъ канальцы сообщаются затѣмъ непосредственно съ желудками живыхъ членовъ общества, этихъ чудныхъ животно-цвѣтовъ. Желудки ихъ, въ свою очередь, открываются наружу ротовымъ отверстіемъ между лепестками-щупальцами цвѣтка, и этимъ-то путемъ пища впервые и проникаетъ до центральной питательной артеріи древовиднаго города, создавая его общій „хлѣбозапасный магазинъ“. Слѣдовательно, наше слишкомъ эгоистическое питаніе замѣняется здѣсь питаніемъ соціально распредѣленнымъ, при которомъ нашъ „хлѣбный голодъ“, „сахарный голодъ“, „угольный голодъ“, и прочіе наши голода во время войны, какъ и во время мира, — были бы нѣчто, кораламъ принципіально невѣдомое. Стратегическій тылъ у нихъ обезпеченъ безъ какихъ бы то ни было спеціальныхъ комиссій и комитетовъ.

Впрочемъ, подобныя экскурсіи въ область розовыхъ зоологическихъ фантазій — при всей своей даже законности въ данный,

слишкомъ темный моментъ — сами по себѣ ничего еще не могутъ, конечно, доказывать и на доказательство ничуть не претендуютъ. Но гармоническія комбинаціи какъ-то невольно напрашиваются нашему уму, когда въ окружающей дѣйствительности воцарились слишкомъ назойливо дисгармонія и разстройство всѣхъ важнѣйшихъ функцій. Кто, въ самомъ дѣлѣ, можетъ нынче похвалиться, что ему ясны исходныя точки и грядущія перспективы современнаго общественнаго момента? Еще совсѣмъ недавно такихъ самоувѣренныхъ людей было много, сейчасъ — наврядъ.

Ежедневная дѣйствительность здѣсь, въ Швейцаріи, во всякомъ случаѣ, меньше всего можетъ претендовать на сходство со святой жизнью общества коралловыхъ мадрепоръ. Война между четырьмя сосѣдями Конфедераціи совсѣмъ сшибла послѣднюю съ обычныхъ рельсовъ, и она больше всего похожа теперь не на подводныхъ обитателей полинезійскаго Архипелага, а на брошенное въ воду сухопутное существо, безсильно бьющееся въ роковыхъ объятіяхъ влажной стихіи. Въ самомъ дѣлѣ, низшее, безсознательное и даже безпозвоночное, полипняковое общество не даетъ и отдаленнаго намека на наблюдаемыя здѣсь разстройства внутреннихъ соціальныхъ функцій, разстройства, которыя ставятъ, въ концѣ концовъ, подъ угрозу самую возможность дышать и жить для массы членовъ человѣческаго общества. И у коралловъ могутъ быть общественныя несчастія, даже катастрофы: катастрофой является уже тотъ геологическій фактъ періодическаго поднятія и опусканія океанскаго дна, который и приводитъ къ образованію „атолловъ", коралловыхъ островов съ ихъ свѣтло-райскими лагунами. Но катастрофы здѣсь — внѣшнія, а не внутреннія, стихійно обрушивающіяся, а не внутренне-органическія. Другое дѣло — у людей. И въ частности — у швейцарцевъ. Швейцарское общество почитается нерѣдко за образцовое во многихъ отношеніяхъ. Иные готовы приписывать ему ближайшее сходство съ коралловыми обществами. Но критическій моментъ показываетъ, что на самомъ дѣлѣ не все, далеко не все обстоитъ здѣсь столь кораллово-розово. И прежде всего экономическія отношенія Швейцаріи выступили въ неожиданно невзрачныхъ очертаніяхъ.

Само собою понятно, что нейтральная Швейцарія при всей своей непричастности ко грѣху настоящей войны тѣмъ не менѣе должна страдать отъ ея тяжелой руки въ экономическомъ отношеніи. Вѣдь швейцарское общество — „организмъ" особенный. Выражаясь стариннымъ философскимъ терминомъ, общество это представляетъ собою не столько „въ-себѣ-бытіе", сколько „внѣ-себя-бытіе". Въ самомъ дѣлѣ, какъ хозяйственныя основы его существованія, такъ

и общія хозяйственныя его цѣли лежатъ внѣ географическихъ границъ страны, — своего рода живое противорѣчіе, возможное лишь въ капиталистическую эпоху исторіи. Какъ извѣстно, ни почва, ни земныя нѣдра Швейцаріи не поставляютъ ей достаточно ни сырья для ея промышленности, ни топлива, ни также достаточно пищи для пропитанія ея густого промышленнаго населенія. Хлѣбъ, желѣзо, уголъ, хлопокъ, шелкъ, какао, все достается въ огромной части изъ-за границы. Въ свою очередь, сбытъ продуктовъ промышленной и даже сельско-хозяйственной дѣятельности населенія разчитанъ также въ преобладающей части на заграницу. Швейцарскія машины, шелковыя ткани, бумажныя матеріи, знаменитыя сенъ-гальскія и аппенцельскія вышивки, часы, всемірно-любимый шоколадъ и „молочная мука“, сгущенное молоко и сыръ, — все идетъ въ Англію, Америку, Россію, на Востокъ и — прежде и больше всего въ Германію. Германія — главный рынокъ сбыта для Швейцаріи, главная ея, если можно такъ выразиться, колонія. Достаточно сказать, что въ 1913 г. въ Германію вывезено отсюда на 306 милліоновъ франковъ, въ Англію — на 236 мил. фр., во Францію — на 141 мил. фр., въ Австро-Венгрію — на 79 мил. фр., въ Россію — на 58 мил. фр. Впрочемъ, германская „колонія“ еще больше сама ввозитъ въ Швейцарію — въ 1913 г. на 630 мил. фр. (Франція на 347 мил. фр., Англія на 112 мил. фр. и т. д.). Такимъ образомъ, въ общемъ итогѣ скорѣе сама Швейцарія была лишь колоніей для хозяйственно-мощной Германіи.

Картина „внѣ-себя-бытія“ дополняется тѣмъ обстоятельствомъ, что и у себя дома, внутри своего общества Швейцарія служитъ въ весьма значительной долѣ для пользы опять таки иностранцевъ. Первая и доходнѣйшая изъ ея желѣзнодорожныхъ линій, С.-Готардская, существуетъ почти исключительно для германо-итальянскаго товарнаго транзита и сотвѣтствующаго пассажирскаго движенія. Не къ чему и говоритъ объ отельно-туристской промышленности, гдѣ за послѣдніе годы передъ войной нѣмецкій туризмъ получалъ все болѣе преобладающее значеніе, вытѣсняя традиціоннаго англійскаго туриста изъ слишкомъ уже шумныхъ курортныхъ мѣстъ въ болѣе уединенныя горныя долины. Только американскій туризмъ возросталъ почти столь же быстро, какъ и нѣмецкій, впрочемъ, всегда уступая ему въ численности.

При такихъ условіяхъ, разразившаяся война была тяжкимъ ударомъ для здѣшняго общества, именно потому, что его благополучіе основано было почти цѣликомъ на источникахъ, лежащихъ внѣ страны. Сразу сжался и ввозъ, и вывозъ. Мы, правда, не имѣемъ полной офиціальной статистики внѣшней торговли за время

войны [1]), но и имѣющіяся данныя говорятъ достаточно краснорѣчивы Ввозъ въ 1914 г. упалъ на 460 мил. фр. по сравненію съ 1913 г., когда онъ достигалъ 1.919.816.280 фр., т. е. уменьшился на 25%. Конечно, все это уменьшеніе приходится на послѣдніе 5 „военныхъ“ мѣсяцевъ года. Вывозъ упалъ меньше: съ 1.376.399.116 фр. въ 1913 г. до 1.186.871.649 фр. въ 1914 г. Это, впрочемъ, довольно естественно, ибо съ открытіемъ военныхъ дѣйствій всѣ воюющія страны стали производить, гдѣ только возможно, огромныя закупки для армій и при томъ, конечно, по высокимъ цѣнамъ, чѣмъ, соотвѣтственно, повышалась общая цѣнность вывоза нейтральныхъ странъ, хотя бы количество вывозимыхъ товаровъ значительно падало. Въ этомъ отношеніи достойно вниманія, что увеличеніе цѣнности (и даже отчасти количества) вывозимыхъ товаровъ коснулось преимущественно молочныхъ и вообще животныхъ продуктовъ, тогда какъ вывозъ промышленныхъ издѣлій, наоборотъ, въ 1914 г. сильно сократился, напримѣръ, машины — на 30%, хлопокъ (шедшій прежде въ Германію) — на 18%, желѣзо и желѣзные полуфабрикаты — на 13%, мѣдь на 33% и т. д.

Общее паденіе ввоза и вывоза повело за собою разнообразныя и весьма чувствительныя послѣдствія для экономическаго организма страны. Въ связи съ сокращеніемъ ввоза сырья и вывоза фабрикатовъ цѣлыя отрасли фабрично-заводской промышленности серьезно пострадали. Кризисъ разразился въ особенности въ часовомъ производствѣ Невшателя и Бернской Юры, поставлявшихъ часы для массоваго покупателя Европы и Востока. Къ 1-му января 1915 г. осталось недовывезенными 4 милліона штукъ часовъ (общій вывозъ 1913 г. простирался до 16.855.000 штукъ). Лишь въ слѣдующемъ году фабрикамъ удалось сдержать паденіе часового производства, быстро перейдя на изготовленіе спеціально „военныхъ“ часовъ съ браслетами, какіе требуются во множествѣ для нуждъ всѣхъ враждующихъ армій. Сильно пострадало также производство механическое, равно какъ и мануфактурное. Въ связи съ застоемъ заграничной торговли союзныя желѣзныя дороги принесли въ 1914 г. уменьшеніе поступленій на 29 мил. фр., т. е. на 14% сравнительно съ 1913 г., что привело къ дефициту государственнаго желѣзнодорожнаго хозяйства въ 9.196.087 фр.

Правда, на ряду съ этимъ въ 1915—1916 г. наблюдаются и нѣкоторыя явленія обратнаго порядка. Я говорилъ сейчасъ о „военныхъ“ часахъ. Но и, кромѣ часовъ, война создала въ нѣкоторыхъ отрасляхъ конъюнктуры, видимо, благопріятныя для швейцарскаго хозяйства.

---

[1]) Швейцарское правительство намѣрено тормозить ея опубликованіе.

Такъ по даннымъ с.-галленской торговой палаты съ августа 1915 г. положеніе мѣстной промышленности швейцарскихъ вышивокъ стало вновь „вполнѣ нормальнымъ“. Причина: вышивки, какъ продуктъ роскоши, стали особенно требоваться тѣми тонкими слоями европейскаго населенія, тѣми сливками его, которыя — въ противоположность его толщѣ — обогащались отъ войны; при томъ же соотвѣтствующія фабрики остальныхъ странъ (напр., саксонскія) закрылись, большею частью потерпѣвъ превращеніе въ грозные заводы амуниціи. И, что особенно любопытно, несмотря на войну, с.-галленскія вышивки препровождались главному заказчику — Англіи — попрежнему черезъ Германію, на спеціальномъ германскомъ поѣздѣ, еженедѣльно отправлявшемся изъ Констанца въ голландскій Роттердамъ. Причина этого непонятнаго на первый взглядъ явленія состоитъ въ томъ, что с.-галленская промышленность, какъ и вообще большая часть промышленности въ нѣмецкой Швейцаріи, оставаясь по именамъ владѣльцевъ и по контингенту рабочихъ „отечественною“, въ дѣйствительности работаетъ на капиталы германскихъ акціонеровъ. Къ чему же имъ было терять лишній рынокъ? Въ этомъ и секретъ весь... Въ результатѣ, въ то время, какъ до войны вышивочная промышленность испытывала даже глубокій кризисъ, вслѣдствіе конкуренціи внезапно выросшихъ американскихъ предпріятій этого рода, война вновь оживила ее.

Почти то же имѣло мѣсто и въ шелковой промышленности. Очевидно, что для иныхъ людей война оказалась не столько стихійной бѣдой, сколько давно желаннымъ праздникомъ. Но для Швейцаріи, какъ страны, все же это оживленіе лишь поверхностное, лишь „яркая заплата на рубищѣ“. Десятки тысячъ рабочихъ и работницъ получили возможность дышать, сотни и сотни тысячъ ихъ испытали зато „рикошетомъ“ тяжелый ударъ отъ катастрофы во внѣшней средѣ.

Правда, статистика „рабочихъ палатъ“ показываетъ, что возникшая послѣ начала войны на первыхъ порахъ безработица въ Швейцаріи въ теченіе 1915 г. почти сгладилась, давая цифры, близкія къ довоеннымъ, „нормальнымъ“ годамъ. Но не слѣдуетъ забывать, что такое сглаженіе обусловлено прежде всего отвлеченіемъ рабочей массы на границы страны, въ ряды мобилизованной арміи. Да надо еще сюда прибавить сильный отливъ иностранцевъ-рабочихъ, нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ на соотвѣтствующіе фронты: извѣстно, что въ Швейцаріи въ мирное время проживало до 12% иностранцевъ. Такимъ образомъ, безработица могла отчасти уравновѣшиваться безлюдьемъ. Остальное, въ свою очередь, объясняется въ особенности тѣмъ, что по мѣрѣ расши-

ренія театра войны широкая потребность воюющихъ въ аммуниціи создала и въ мирной Швейцаріи „мобилизацію промышленности“, превративъ многія изъ стоявшихъ часовыхъ, механическихъ и проч. предпріятій въ фабрики снарядовъ. Въ Швейцаріи эта мобилизація отличалась однимъ, но весьма характернымъ обстоятельствомъ: Швейцарія, какъ нейтральная страна, работала и на Германію, и на Францію. Нейтральность простиралась до того, что, напримѣръ, одинъ извѣстный механическій заводъ, обладая двумя отдѣленіями, въ романской Швейцаріи и въ нѣмецкой Швейцаріи, въ первомъ отдѣленіи работалъ на Францію, а во второмъ — на Германію. Сырой матеріалъ, желѣзо и сталь, поступаетъ, впрочемъ, только изъ Германіи. Въ настоящее время всѣ почти механическія мастерскія въ странѣ, вплоть до болѣе крупныхъ слесарныхъ — къ услугамъ раздвоеннаго на два лагеря бога войны.

Вслѣдъ за вышивочной, шелковой, часовой и механической промышленностью въ теченіе 1915 года ожили и производства химическое, электрическое, шоколадное, сыроваренное — опять прямо или косвенно въ силу тѣхъ же двухъ условій: закрытія соотвѣтствующихъ фабрикъ въ воюющихъ странахъ и новаго „военнаго“ спр са. Такъ, химическія фабрики Базеля воспользовались запрещеніемъ со стороны Германіи вывоза анилиновыхъ красокъ и стали снабжать ими весь міръ. Въ концѣ концовъ, къ настоящему моменту первоначальный ударъ, повидимому, вовсе потерялъ свою силу, и типичный, глубокій экономическій кризисъ за 2 года какъ будто уступилъ мѣсто „процвѣтанію“ — правда, подозрительно-лихорадочнаго свойства. При томъ же, процвѣтаніе это здѣсь далеко не достигаетъ того широкаго размаха, какъ специфически военное процвѣтаніе другихъ нейтральныхъ странъ, находящихся въ болѣе благопріятномъ географическомъ положеніи, какъ С.-Штаты или Скандинавскія страны; не слѣдуетъ забывать, что Швейцарія сплошь окружена воюющими странами. Въ частности, изъ промышленныхъ отраслей продолжаетъ страдать, и тяжело страдать, транспортная промышленность, т. е. государственныя желѣзныя дороги, въ силу продолжающаго паралича транзитной торговли. То же слѣдуетъ сказать о другой характерной отрасли національной промышленности, — такъ называемой, промышленности иностранцевъ, т. е. отельно-ресторанной, тѣсно связанной съ туризмомъ. Послѣдняя, принося странѣ отъ 200—250 мил. фр. валового дохода въ годъ, служила для покрытія ежегоднаго пассивнаго сальдо ея торговаго баланса. Нынче отельная промышленность переживаетъ полнѣйшій, безнадежный кризисъ. За исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ большихъ городовъ, какъ Женева, ставшихъ во время войны

пріютомъ для богачей всѣхъ странъ, которые ищутъ здѣсь убѣжища для себя и своихъ капиталовъ отъ войны и отъ... военныхъ налоговъ, огромное большинство курортовъ и просто живописныхъ мѣстностей съ ихъ гостиницами пустуютъ. Ибо не хватаетъ именно средняго, массоваго туриста, все болѣе захватывавшаго въ послѣдніе годы до войны поле дѣйствія. Пустуетъ, напримѣръ, такой спеціально туристскій отель, какъ колоссальный отель Ронскаго ледника, чудо современнаго строительнаго искусства, поставленное среди самаго царства дѣвы-Ледяницы и соединенное съ прочимъ міромъ лишь спеціальной зубчатой линіей. О другихъ—и многочисленныхъ—горныхъ отеляхъ то и дѣло читаешь въ газетахъ подъ рубрикой „продажа съ аукціона“.

Впрочемъ и отсутствіе явной безработицы въ странѣ еще ничуть не говоритъ о неимѣніи въ ней безработицы такъ сказать скрытой. Имѣя въ виду финансовое положеніе трудового люда вообще, слѣдуетъ сказать, что если 100.000 солдатъ содержатся подъ ружьемъ Швейцаріей въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ уже, то, очевидно, огромная часть ихъ семей остается безъ заработка на одномъ лишь крайне скудномъ казенномъ пайкѣ (1 фр. — 1 фр. 25 сант. въ день женѣ солдата и по 50 сант. дѣтямъ). При наличности неимовѣрно растущей дороговизны это означаетъ быстрый упадокъ питанія трудовыхъ массъ и истощеніе ихъ сбереженій [1]). По недавнимъ даннымъ базельскаго потребительнаго кооператива потребленіе мяса въ Базелѣ за время войны упало на 30%. Эти 30% могутъ служить довольно вѣрнымъ показателемъ упадка въ потребленіи мяса и для всей Швейцаріи вообще. И такъ какъ не-трудовые классы населенія всюду и всегда потребляютъ мясо въ гораздо болѣе значительной пропорціи, чѣмъ классы трудовые, то можно думать, что въ настоящее время мясо наполовину исчезло изъ продовольствія швейцарскихъ массъ, стало рѣдкостью, роскошью.

За всѣмъ тѣмъ, фактъ видимаго хозяйственнаго процвѣтанія Швейцаріи во время войны отрицать тоже не приходится. Оно выражается въ слѣдующихъ цифрахъ. Въ 1915 г. весь ввозъ Швейцаріи равнялся 1680 мил. фр., противъ 1480 мил. фр. въ 1914 г. и 1919 мил. фр. въ 1913 г., вывозъ за тѣ же годы: 1670 мил. фр.; 1186 мил. фр. и 1376 мил. фр., т. е. вывозъ далеко превзошелъ и уровень мирнаго 1913 года. Правда, что ввозъ, наоборотъ, не достигъ

[1]) Вклады въ сберегательныя кассы Швейцаріи достигали передъ войной около 400 фр. на среднюю душу населенія или 800 фр. на дѣйствительную душу вкладчиковъ. Иными словами, половина населенія — конечно трудовая половина — сберегательными книжками не обладала.

уровня ввоза того же года — что уже само по себѣ указываетъ на нѣкоторую ненормальность процвѣтанія: вѣдь Швейцарія, подобно всѣмъ промышленнаго типа современнымъ обществамъ, была всегда страной, ввозящей по преимуществу. И тогда какъ въ 1913 г. ввозъ превышалъ вывозъ на 543 мил. фр., въ 1914 году — только на 291 мил. фр., а въ 1915 г. уже едва-едва на 10 мил. фр. Правда, что этотъ анормальный результатъ создаетъ опять таки выгодныя условія для денежнаго баланса страны, указывая въ то же время на отложеніе въ тканяхъ общества значительныхъ денежныхъ запасовъ — этого соціальнаго жира, если можно такъ выразиться. Въ странѣ оказывается обиліе свободныхъ, „текучихъ" капиталовъ, котораго не было въ мирное время, и которое находитъ себѣ истокъ и приложеніе преимущественно въ мобилизаціонныхъ займахъ Союза (432 мил. фр. по конецъ 1915 г.). И судя по даннымъ финансово-экономической прессы та же анормально благопріятная тенденція продолжается вплоть и до осени 1916 г.

Итакъ, „народное богатство" Швейцаріи, повидимому, не только не угнетено войною, наоборотъ, оно прогрессируетъ во время войны, прогрессируетъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ же размѣреннымъ темпомъ, что и до войны. Конечно, при этомъ терминъ „народное богатство" понимается лишь въ томъ, весьма условномъ значеніи, какое приписываютъ ему обычно въ наше время: именно въ значеніи совокупнаго общественнаго капитала. Въ этомъ смыслѣ швейцарскій капиталъ, взятый въ цѣломъ, чувствуетъ себя, безъ сомнѣнія, какъ рыба въ водѣ. Чтобы ярче видѣть его прекрасное самочувствіе, достаточно взглянуть на прибыли 7-ми крупнѣйшихъ швейцарскихъ коммерческихъ банковъ, этихъ истинныхъ владыкъ и вершителей современнаго народнаго богатства. Всѣ эти 7 банковъ — Швейцарское кредитное общество (Цюрихъ), Швейцарскій банковый союзъ (Базель), Федеральный банкъ (тамъ же), Швейцарское общество банковъ (Винтертуръ), „Лихтенштейгъ, Лей и К°. (Цюрихъ), Швейцарскій народный банкъ (Бернъ) и Базельскій коммерческій банкъ, при акціонерномъ капиталѣ отъ 75—30 мил. фр., и общей суммѣ въ 363 мил. фр., получили въ 1914 г. чистой прибыли 25.823.000 фр., а въ 1915 г. чистой прибыли 27.749.000 фр., что составляетъ среднимъ числомъ 6,4% и 7,7% на первоначальный капиталъ, т. е. 1915 г. далъ процентъ, равный рекорднымъ 1912 и 1913 годамъ. При этомъ чистая прибыль, какъ водится, вычисляется съ нарочитою осторожностью съ крупнѣйшими „отчисленіями" и „списываніями", считая въ томъ числѣ и хорошенькія „тантьемы" правленіямъ и отдѣльнымъ директорамъ.

Вотъ какъ обстоитъ дѣло съ „народнымъ богатствомъ". Дру-

гой вопросъ: каково положеніе народнаго благосостоянія? Тутъ-то и обнаруживается существенное несходство отношеній въ современномъ человѣческомъ полипнякѣ и въ гармоническихъ обществахъ низшихъ, кишечно-полостныхъ животныхъ. Если перенестись мыслью снова туда, въ тѣ естественныя „показательныя поля“ соціологіи, то можно приравнять весь капиталъ каждаго человѣческаго общества, какъ органъ, обслуживающій всю совокупность соціальнаго хозяйства, — тому общему слоевищу, либо корневищу коралловой колоніи, которое несетъ въ себѣ центральные, питательные ея сосуды. Что бы мы сказали въ такомъ случаѣ о коралловомъ деревѣ, гдѣ бы это слоевище, либо корневище не только не было чувствительно къ ударамъ судьбы, постигающимъ всю живую периферію дерева, нѣтъ, болѣе того, гдѣ бы соціальное слоевище улучшало свои хозяйственныя дѣла за счетъ огромнаго большинства остальной живой массы? Гдѣ бы центральный коралловый стволъ только и руководствовался, что своими узенькими, специфическими интересами, готовый во всякую минуту бросить на произволъ враждебныхъ стихій интересы огромнаго большинства?

А между тѣмъ такое именно бездушное предпочтеніе своего ближайшаго интереса интересу соціальному — фактъ нынѣшняго дня въ поведеніи финансоваго капитала. Такъ рядъ 100-милліонныхъ „мобилизаціонныхъ“ займовъ Союза, выпущенныхъ на внутреннемъ рынкѣ [1]), заключенъ на чрезвычайно выгодныхъ для капиталистовъ-кредиторовъ условіяхъ: по курсу 99 изъ 5%, тогда какъ наканунѣ войны не бывало подобныхъ займовъ по курсу ниже 99,5 и выше 4½%. Словомъ, какъ выражалась чрезвычайно откровенно швейцарская „Финансовая Газета“ (февралъ, 1915) „необходимы были крайне привлекательныя условія, чтобы склонить туземный капиталъ къ участію въ заемныхъ операціяхъ“. Другой финансовый листокъ, „Бюллетень Швейцарскаго Кредитнаго Общества“, впрочемъ, признаетъ, что столь высокій процентъ государственныхъ займовъ, ведя за собой соотвѣтственно высокій процентъ и для всякихъ другихъ займовъ, вредно отзывается на интересахъ промышленности, а затѣмъ и на трудовыхъ классахъ; поэтому „весьма желательно пониженіе процента; но, — меланхолично возражаетъ самъ себѣ листокъ, — затруднительно видѣть, какимъ образомъ могъ бы къ этому склониться капиталъ, который чувствуетъ себя прекрасно именно при высокихъ процентахъ“. Зато еще одинъ финансовый писатель, д-ръ Фурланъ,

[1]) Выше упоминалось уже, что по 1-е января 1916 г. сумма ихъ составила 432 мил. фр. Министръ финансовъ Мотта недавно докладывалъ Національному совѣту, что по конецъ 1917 г. сумма эта возрастетъ до 800 мил. фр.

въ „Швейцарскихъ листкахъ для промышленности и торговли" не менѣе откровенно указываетъ, что въ случаѣ пониженія % свободный капиталъ устремится къ помѣщенію за границей, именно въ военныхъ займахъ воюющихъ государствъ, и само собою разумѣется, на строжайшихъ основахъ нейтралитета, т. е. туда, гдѣ опять таки % будетъ выше всего. Этотъ нейтрализмъ, этотъ принципіальный интернаціонализмъ финансоваго капитала — нейтрализмъ и интернаціонализмъ, направленный къ финансированію мірового пожара — въ высшей степени характеристиченъ. Что ему, олимпійски равнодушному финансовому капиталу, этому внѣ географическихъ понятій и мотивовъ стоящему божеству нашихъ дней, — что ему до „злобы дня", до страданій, до перспективъ, до жизни и смерти того общества, гдѣ случайно ему пришлось укорениться и откуда онъ тянетъ соки. Его планы, его расчеты выше и дальше презрѣнной повседневности и мѣстной прикованности.

Будь передъ нашими глазами не Швейцарія, а опять таки коралловое общество, намъ бы пришлось тогда принять чрезвычайно своеобразное устройство этого общества-организма. Намъ бы пришлось, напр., считать, что въ подобномъ соціальномъ строеніи судьба отдѣльныхъ живыхъ цвѣтковъ совершенно безразлична для цѣлаго. Пусть гибнутъ массы индивидуумовъ, лишь бы коралловое общество существовало, Но спрашивается тогда: какъ же общество можетъ существовать безъ живыхъ массъ? не суть ли послѣднія — простой синонимъ самаго общества? Ничуть, возражали бы намъ странные и ирраціональные факты. Общество — еще не синонимъ образующихъ его массъ, коралловое древо не тождественно со строющими его мадрепорами. Коралловое древо (повторяю, возраженіе идетъ на основѣ людскихъ фактовъ, еще уже — швейцарскихъ отношеній во время войны) воплощается или концентрируется въ нѣкоторыхъ лишь и немногочисленныхъ слояхъ живой массы, скажемъ, — спеціально въ томъ слоевищѣ, либо корневищѣ, гдѣ помѣщаются широкіе, соціальные „пищепроводы". Вотъ эти послѣдніе — все, цвѣтки-мадрепоры — ничто. Ничуть не важно, что цвѣтки обладаютъ тонкой организацiей, что полипы эти — непосредственные работники и архитекторы общества. „Обращеніе народнаго богатства", циркуляція соціальныхъ потоковъ пищи, вотъ смыслъ и цѣль всей полипняковой ассоціаціи. Потому во время безпримѣрнаго, незапамятнаго для тысячъ полиповыхъ поколѣній общественнаго бѣдствія, вотъ наилучшая програма дѣйствій: пусть переполняются „каналы обращенія" скопленіями пищи, пусть они пухнутъ отъ дивидендовъ, пусть самовозрастающій капиталъ полипняка возрастаетъ трижды быстрѣй, чѣмъ въ обычныя времена, пусть

кризисъ обогащаетъ центральный стволъ системы. Остальное, трудовое и живое, пусть бьется въ судорогахъ, не находя исхода!

Можетъ ли быть, однако, какое-либо сомнѣніе въ томъ, что въ такомъ иррацiональномъ полипнякѣ подобная антисоціальная политика повела бы къ одному концу: вымиранію всей органической ткани коралловаго древа, до безумно гордыхъ центральныхъ каналовъ включительно. Остался бы мертвый известковый остовъ, напоминающій любопытному наблюдателю, натуралисту или соціологу, о когда-то кипѣвшей здѣсь живой работѣ. Такъ въ пережившемъ себя „срединномъ царствѣ" Китая изумленный путешественникъ встрѣчаетъ среди пустыни остатки великолѣпныхъ древнихъ мостовъ черезъ широкія рѣки, — и никакая дорога уже не ведетъ къ безполезно-красивому сооруженію, когда-то стоявшему на центральныхъ каналахъ обращенія.

Между тѣмъ, можно опасаться, что такого рода политика практикуется на нашихъ глазахъ здѣсь въ Швейцаріи. Въ русской печати за послѣднее время не разъ говорилось о замѣчательной степени приспособленія, обнаруженнаго капиталистической системой во время войны. Это, само по себѣ, вѣрно. Все дѣло, однако, въ томъ, какими средствами оно достигается и въ связи съ этимъ — какія перспективы оно открываетъ передъ человѣческими обществами. Капиталъ процвѣтаетъ въ Швейцаріи, — это вѣрно; но не менѣе вѣрно и то, что центрально экономическій органъ ея во время войны, Союзный совѣтъ, которому 2 августа 1914 г. вручена была диктатура отъ Національнаго собранія, далеко не всегда оказывается на уровнѣ своей задачи „снабженія общества". И въ то время, какъ хозяйственныя отношенія страны испытываютъ рядъ сильнѣйшихъ судорогъ, мѣропріятія Союзнаго совѣта производятъ подчасъ впечатлѣніе несвязности, случайности, безсилія.

Я не имѣю въ виду тутъ обнаружившейся въ теченіе войны крайней хозяйственной зависимости Швейцаріи отъ воли ея сильныхъ сосѣдей. Это — вина самой исторической судьбы Федераціи, судьбы, поставившей ее на перекресткѣ торговыхъ дорогъ всей Западной Европы въ эпоху, когда все производство „стоитъ и падаетъ на почвѣ обмѣна. И понятно, что въ наши дни мечтать о полной хозяйственной самостоятельности и, слѣдовательно, объ окончательномъ экономическомъ суверенитетѣ не можетъ даже и могущественная Германія съ придачей всего проектируемаго ею „Центрально-Европейскаго таможеннаго союза", хотя бы послѣдній простирался даже на Балканы и переднюю Азію. Тѣмъ болѣе не можетъ мечтать о полной хозяйственной независимости маленькая Швейцарія. И повторяю, не это насъ интересуетъ сейчасъ ближайшимъ

образомъ, а — то, что хозяйственная политика Швейцаріи при всей необходимой степени зависимости была все же далеко не изъ наиболѣе приспособленныхъ ко благу всего общества, а скорѣй всего лишь — ко благу общественнаго капитала.

Въ самомъ дѣлѣ, по введеніи хлѣбной и керосиновой монополіи еще вскорѣ послѣ начала войны, чѣмъ такъ или иначе обезпечивался странѣ главный продуктъ питанія и освѣщенія, остальныя продовольственныя потребности, какъ и потребности промышленнаго производства, тоже получили свою „военную конституцію“ въ видѣ спеціальныхъ смѣшанныхъ, правительств.нно-коммерческихъ „синдикатовъ ввоза“, Этихъ синдикатовъ два: одинъ, такъ называемый, Schweizerische Treuhandgesellschaft für Export, образованный по договору съ Германіей и Австріей для ввоза товаровъ изъ этихъ странъ — преимущественно желѣза, угля, сахара и керосина, также главной части ввознаго картофеля, имѣетъ въ своей основѣ два условія: 1) установленіе напередъ общаго контингента ввоза каждой статьи при полномъ детальномъ фактическомъ контролѣ „центральныхъ державъ“ надъ потребленіемъ ввозимаго, т. е. надъ обязательнымъ потребленіемъ его именно внутри страны; во 2) такъ называемую компенсацію, т. е. поставку Швейцаріей центральнымъ державамъ взамѣнъ ввезенныхъ товаровъ соотвѣтствующаго количества товаровъ, необходимыхъ Германіи и Австріи, въ частности, риса, мѣди и хлопка. Въ однородныхъ условіяхъ только безъ пункта о компенсаціяхъ дѣйствуетъ другой „ввозный синдикатъ“ такъ называемый, синдикатъ „Трехъ S“ (S. S. S., т. е. Société Suisse de Surveillance), созданный по требованію державъ согласія. Эти послѣднія, такимъ образомъ, въ свою очередь ревниво неблюдаютъ за всякой попыткой „военной контрабанды изъ Швейцаріи, т. е. дальнѣйшей перепродажи ввезенныхъ сюда товаровъ враждебнымъ державамъ, именно въ данномъ случаѣ: риса, хлѣба, маиса, мяса и вообще животныхъ продуктовъ, растительныхъ маслъ, каучука, хлопка и мѣди. Подобнаго рода двусторонній контроль надъ всей хозяйственной жизнью страны не только уничтожаетъ собою послѣднюю тѣнь самостоятельности ея въ хозяйственномъ отношеніи, что въ виду изложеннаго неизбѣжно и не можетъ быть, слѣдовательно, поставлено въ вину правящимъ кругамъ страны, но — что для насъ гораздо существеннѣе въ данномъ случаѣ — контроль этотъ требуетъ чрезвычайной осмотрительности въ веденіи дѣла въ смыслѣ искренняго возно-вывозного нейтралитета, такъ какъ въ противномъ случаѣ огромная опасность можетъ угрожать матеріальному благосостоянію всего общества.

Опасность эта выражается прежде всего въ непомѣрно-расту-

щей дороговизнѣ всѣхъ товаровъ, — этомъ первѣйшемъ источникѣ обогащенія во время войны для всѣхъ капиталистовъ вообще и для крупныхъ банкировъ въ частности. Дороговизна товаровъ — явленіе сейчасъ всюду слишкомъ знакомое, и причины его лежатъ, конечно, внѣ предѣловъ Швейцаріи, поскольку дѣло не идетъ, впрочемъ, о причинахъ, такъ сказать, добавочныхъ. Вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ Швейцарія, однако, не уступитъ большей части воюющихъ державъ въ темпѣ роста дороговизны. Главные предметы производительнаго потребленія, какъ уголь, желѣзо, поднялись въ цѣнѣ къ нынѣшнему моменту вдвое противъ до-военныхъ цѣнъ; главные предметы продовольствія, хлѣбъ, картофель, — въ такой же степени и выше: 1 кило хлѣба стоило передъ войной 20—25 сант., теперь 54 сант., 100 кило картофеля стоили 8—10 франковъ, теперь — 25—30 франковъ. При томъ цѣны эти — „твердыя", принудительныя; если бы сохранились условія хозяйственной „свободы", Швейцарія, быть можетъ, изумила бы міръ своими „вольными" цѣнами!

Ибо, конечно, необходимость ввозить иностранный уголь или хлѣбъ подъ аргусовымъ окомъ „импортныхъ трестовъ" уже сама по себѣ вызываетъ добавочное повышеніе цѣнъ благодаря крайнему стѣсненію предложенія даже при прежнемъ уровнѣ спроса. Но въ томъ-то и дѣло, что спросъ Швейцаріи въ время войны, вопреки даже паденію покупательной способности трудящихся массъ, не только не упалъ и не остался равенъ прежнему, но онъ возросъ на много разъ — до степени настоящаго товарнаго голода. Причина этого довольно проста: центральныя державы могутъ получать разные припасы черезъ нейтральныхъ посредниковъ; съ другой стороны — неутолилимый голодъ державъ согласія въ амуниціи крайне возвышаетъ спросъ Швейцаріи на желѣзо и уголь, которые между тѣмъ для нѣмцевъ такъ теперь дороги: „самимъ надобно".

Организація ввозныхъ трестовъ можетъ лишь стиснуть этотъ голодный спросъ, но отнюдь не устранить его. Стиснутый, превращенный въ своего рода скрытую страсть, въ скрытый порокъ, онъ только обостряется, прибавляя къ прочимъ условіямъ дороговизны еще элементы запретности, риска; и — вывозъ запретнаго и рискованнаго вопреки всѣмъ трестамъ и вопреки „строгимъ" правительственнымъ распоряженіямъ все же продолжается. Ибо воюющіе, орудуя милліардами, готовы платить какія угодно рекордныя цѣны. А швейцарскіе капиталисты, какъ и всякіе другіе капиталисты, руководствуются, разумѣется, прежде всего выгодой. Существованіе запретнаго вывоза всплыло наружу, напримѣръ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ по поводу исторіи съ „сойными бобами". При образо-

ваніи S. S. S. (импортнаго треста со стороны согласія) было специально оговорено, что сойные бобы, служащіе для корма скота, разрѣшаются къ подвозу изъ Франціи лишь въ количествѣ, нужномъ для самой Швейцаріи. Въ результатѣ же оказалось, что огромныя количества ихъ были вывезены въ Германію, которая употребляетъ ихъ для добыванія превосходнаго масла. Когда исторія разоблачилась во франкофильскихъ газетахъ романской Швейцаріи, союзный департаментъ экономіи выпустилъ пространное объясненіе щекотливой исторіи, — впрочемъ, достаточно хромоногое. И объясненіе это ничуть не могло устранить печальнаго факта, зародившагося недовѣрія къ S. S. S. со стороны державъ согласія.

Вслѣдъ за тѣмъ въ Женевѣ возникла цѣлая судебно-слѣдственная эпопея съ, такъ называемыми, — les accapareurs, т. е. спекулянтами, скупающими товары. Это — частью мѣстные крупные торговцы, имена которыхъ, впрочемъ, такъ и остались до конца неизвѣстными публикѣ; частью агенты скупщики самой разнообразной національности — нѣмцы, австрійцы, русскіе, итальянцы, — которые съ трогательнымъ единодушіемъ собирали отовсюду милліоны килограммовъ кофе, рису и проч. колоніальныхъ товаровъ. Переправляли они ихъ въ Цюрихъ, гдѣ и были затѣмъ арестованы колоссальные склады разнаго провіанта, приготовленнаго для вывоза — все въ Германію. И все — несмотря на строжайшій запретъ Союзнаго совѣта. Здѣсь, однако, и опускается судебно-слѣдственная завѣса. Вывозились ли товары на самомъ дѣлѣ, и сколько, и куда, а главное какимъ образомъ могли они переходить границу— ничего не вѣдомо. Тайна. Вѣрно, во всякомъ случаѣ, одно: что эти accaparements (къ нимъ прибавились открытые потомъ склады нѣсколькихъ тысячъ тонъ хлопка, товара, столь драгоцѣннаго при производствѣ взрывчатыхъ веществъ) забирали у мѣстнаго рынка цѣлыя горы общественно-необходимыхъ продуктовъ, поднимая безъ мѣры и счету цѣны, и безъ того достаточно „крѣпкія". Швейцарское общество жертвовало собой — помимо, впрочемъ, своего желанія и даже помимо вѣдома — для чужихъ военныхъ потребностей. Бремя самопожертвованія ничуть, впрочемъ, не распространялось на тѣхъ, кто съ неслыханной лихвой перепродавалъ отнятое отъ общества. Чтобы дать понятіе о высотѣ лихвы, приведу одинъ примѣръ. Одно время происходила во всей Швейцаріи усиленная скупка старой шерсти, обычная цѣна которой на рынкѣ была франка два за кило. Скупщики давали по 3 фр. 50 сант. и 4 франка, а въ Германію затѣмъ шерсть вывозилась, какъ раскрыто было газетами, по кругленькой цѣнѣ въ 12 франковъ килограммъ. Та же исторія повторилась потомъ съ саломъ, съ растительными маслами,

каковые продукты въ настоящее время швейцарцамъ стали почти недоступны.

Ничего нѣтъ мудренаго, если въ видѣ косвеннаго результата всѣхъ этихъ подвиговъ на пользу общества теперь театры, ночные бары, казино, курзалы и рестораны, напримѣръ, въ Женевѣ переполнены какими-то новоявленными кутилами-милліонерами, швыряющими деньги, какъ соломой, и подчасъ — къ ужасу благовоспитанныхъ „гарсоновъ" — едва умѣющими употреблять салфетку и столовый приборъ. Какія-то всплывшія изъ подонной мути общества трупоядныя акулы войны... А въ то же время тутъ же, въ Женевѣ, какъ и въ прочихъ здѣшнихъ городахъ, населеніе рабочихъ кварталовъ терпитъ нужду въ картофелѣ, въ молокѣ. Лѣтъ двадцать назадъ мы ужасались тому обстоятельству, что несчастные обитатели Ирландіи питаются только картошкой. Не настаютъ ли времена, когда участь Ирландіи чуть-чуть что не становится завидной? Во всякомъ случаѣ, передъ нами картина рокового расщепленія общества этою чреватою человѣконенавистничествомъ войной.

Нѣтъ картофеля, молока. Что же, спрашивается, глядитъ центральный экономическій органъ общества, какимъ теперь является въ силу своихъ чрезвычайныхъ полномочій Союзный совѣтъ въ Бернѣ? О, онъ не знаетъ отдыха ни день, ни ночь въ своихъ заботахъ о демократической равномѣрности распредѣленія — разумѣется, въ границахъ, воздвигаемыхъ самимъ капиталистическимъ порядкомъ распредѣленія, самимъ священнымъ девизомъ: „хозяйственная свобода". Хозяйственный диктаторъ швейцарскаго „кораллового острова", Союзный совѣтъ то и дѣло шлетъ въ страну свои отеческія „посланія", долженствующія регулировать ввозъ, обращеніе и потребленіе товаровъ; вводитъ монополіи, устанавливаетъ цѣны, производитъ учетъ имѣющихся налицо продуктовъ и ихъ реквизицію, (послѣднее, впрочемъ, съ величайшею медлительностью и неохотой), дѣлаетъ строжайшія карательныя постановленія, — и все это оказываетъ на дѣлѣ лишь весьма относительное вліяніе. Происходитъ какъ будто самое рѣшительное вмѣшательство въ хозяйственную жизнь страны, создается на видъ совершенно новый и весьма смѣлый опытъ „государственнаго соціализма": на дѣлѣ же „государственный соціализмъ" захватываетъ скорѣе лишь поверхность экономическихъ явленій, лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ (подобно исправно дѣйствующей — покамѣстъ! — хлѣбной монополіи) достигая сколько-нибудь дѣйствительныхъ результатовъ. Въ большинствѣ же онъ служитъ скорѣй всего просто рамкой „стиля модернъ" для небывалаго разгула хозяйственнаго произвола экономи-

чески-сильныхъ, для усугубленнаго стихійнаго процесса пролетаризаціи и безнадежнаго разоренія трудовыхъ массъ.

Особенно ярко безсиліе правительственной диктатуры сказывается на ходѣ дѣлъ въ такой тоже сугубо-швейцарской отрасли народнаго богатства, какъ молочное хозяйство. Начиная съ объявленія войны, въ городахъ и весяхъ Швейцаріи почти безостановочно кипитъ молочная война. Кажется, въ здѣшней искони пастушеской Аркадіи — чего-чего, а молока должно было бы быть всегда въ избыткѣ. Молочные продукты, въ частности швейцарскій сыръ, сгущенное молоко, молочная мука и молочный шоколадъ Нестле, Петера, Каилье, Колера и проч. вывозились въ обычные годы на сумму до 200 милліоновъ франковъ. При этихъ условіяхъ диктаторская власть бернскаго правительства, казалось бы, легко могла найти и во время войны такую формулу равновѣсія между вывозомъ молочныхъ скоповъ и потребленіемъ ихъ внутри страны, чтобы масса общества хоть по этой статьѣ не чувствовала недостатка и не переплачивала лихвенныхъ цѣнъ пастушескимъ потомкамъ Вильгельма Телля. Но даже и эта задача удалась всесильному Союзному совѣту только отчасти, и новичекъ иностранецъ съ недоумѣніемъ останавливается передъ его слабостью, зная въ особенности изъ цифръ офиціальной статистики, что крестьянскій, пастушескій, иначе молочно-хозяйственный классъ населенія образуетъ здѣсь не болѣе 33% всей массы общества по послѣдней переписи, при томъ считая въ этомъ числѣ и весь „свободный отъ собственности сельско-хозяйственный пролетаріатъ. Откуда же взялась у этого класса такая сила, что заставляетъ пассовать и силу самого общества, воплощенную въ Союзномъ совѣтѣ? Почему цѣна молока, установленная въ началѣ войны уже въ 22 сантима 1 литръ — вмѣсто 20 и 18 сантимовъ передъ войной, поднялась потомъ до 25, затѣмъ 27 сант. за 1 литръ и сейчасъ грозитъ еще взобраться до 30 сант., т. е. до 50% выше прежняго? Почему наступилъ сейчасъ полный масляный кризисъ, при чемъ масло все чаще нельзя найти въ продажѣ даже по цѣнѣ 5 фр. 20 сант. за 1 кило, тогда какъ передъ войной цѣна масла была максимумъ 3 фр. 60 сант. за кило? Почему все это, когда крестьяне весьма мало страдаютъ отъ войны, наоборотъ, она для нихъ создала наиблагопріятнѣйшія конъюнктуры: прекрасный сбытъ всѣхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ для продовольствованія мобилизованной арміи, при чемъ имъ гарантированы еще, такъ называемыя, „приплаты“ сверхъ рыночной цѣны и сверхъ того ростъ вывоза тѣхъ же продуктовъ для воюющихъ армій?

Почему? Да въ самихъ только что упомянутыхъ фактахъ деревенскаго раздолья во время войны заключается уже достаточное

объясненіе неумѣнія общественной власти справиться съ ними. Крестьяне сильны своимъ „военнымъ" богатствомъ (какъ, впрочемъ, были сильны и „мирнымъ") — общественная власть существуетъ въ современномъ соціальномъ организмѣ для обслуживанія интересовъ хозяйственно-сильныхъ слоевъ, интерес въ, символизирующихъ собою совокупный общественный интересъ. Вотъ и все разрѣшеніе видимаго противорѣчія. Союзный совѣтъ при величайшей даже доброй волѣ не можетъ предпринять чего-либо рѣшительнаго противъ „молочнаго ростовщичества" (какъ выражаются здѣшнія рабочія газеты), можетъ, въ крайнемъ случаѣ, развѣ лишь удерживать его слишкомъ смѣлые порывы. И вотъ, когда въ странѣ — „масляный голодъ", и когда въ Базелѣ, въ Женевѣ возникаетъ и „молочный голодъ" (не лучше ли выражаться: „молочная жажда"?), Союзный совѣтъ разрѣшаетъ къ вывозу въ Германію и Австрію на 30—40 мил. франковъ 45.000 головъ рогатаго скота. Мѣра, впрочемъ, объясняемая въ новомъ официальномъ сообщеніи необходимою компенсаціей. Или еще съ другой стороны иллюстрація: газеты Крестьянскаго союза откровенно хвалятся „небывалой благопріятной конъюнктурой, которая заставляетъ многихъ хозяевъ воздвигнуть новыя пристройки къ стойламъ въ виду нехватки мѣстъ для телятъ, прежде обрекавшихся на убой, теперь сохраняемыхъ въ видахъ будущаго увеличенія производства молока", — а дѣти народа страдаютъ безъ молока.

Банкиры, крестьянскіе синдикаты и телята — вотъ члены общества, наиболѣе покровительствуемые хозяйственнымъ прогрессомъ во время войны. Всѣ распоряженія Союзнаго совѣта, вся его хозяйственная организація и государственный соціализмъ, въ концѣ концовъ, едва скрашиваютъ анти-общественный, стихійно-жестокій процессъ усугубленной концентраціи народнаго богатства въ немногихъ жадныхъ рукахъ. Ибо, конечно, и въ мѣстномъ молочномъ крестьянствѣ далеко не вся масса его равномѣрно обогащается за счетъ общественнаго бѣдствія. И внутри деревни процессъ концентрируется на болѣе богатыхъ, немногочисленныхъ слояхъ. Если принять во вниманіе, что развитіе швейцарской деревни за послѣдніе полвѣка состояло именно въ томъ, что „сливки" крестьянства, именно хозяева съ 10—20 головами рогатаго скота и выше, все усиливались за счетъ самыхъ низшихъ его слоевъ (1—2 головы скота), то становится понятнымъ, что и въ военный періодъ молочные синдикаты или, такъ называемые, „кооперативы", въ которые собрано все швейцарское крестьянство, только усиливаютъ процессъ капиталистической концентраціи въ деревнѣ, ея дифференціаціи. Широкая масса крестьянства станетъ, въ концѣ кон-

цовъ, жертвой Молоха, какъ и все остальное общество. Выиграють молочные крезы.

Но не надо, съ другой стороны, думать, что военное бѣдствіе вскрываетъ внутреннюю безхозяйность швейцарскаго общества безъ всякой тѣни реакціи со стороны массы. Вѣдь какъ бы ни было, дѣло происходитъ въ условіяхъ политической демократіи, гдѣ факты крестьянскаго „ростовщичества", факты малопригодности лучшихъ изобрѣтеній хозяйственнаго творчества — малопригодности ввозныхъ трестовъ, регулировки цѣнъ и проч., немедленно освѣщаются въ печати, въ рефератахъ и собраніяхъ. Да и самъ по себѣ рядовой гражданинъ, особенно въ большихъ городахъ, издавна привыкъ взвѣшивать общественныя событія по ихъ собственному удѣльному вѣсу, вникать въ ихъ дѣйствительныя причины. Поэтому здѣсь масса общества не легко даетъ себя убаюкивать соображеніями о томъ, что во всеобщемъ неустройствѣ виновата-де цѣликомъ война, т. е., une force majeure, нѣчто, возникшее и лежащее внѣ предѣловъ и внѣ власти даннаго общества. Разъ картофеля нѣтъ, то не удовлетворяются „успокоительнымъ" завѣреніемъ, что ничего, молъ, не подѣлаешь: Германія не хочетъ посылать картошки, Франція и Италія не могутъ этого сдѣлать за нехваткой желѣзнодорожного подвижного состава, у насъ же, дома не хватаетъ и вообще-то картофеля для покрытія спроса внутри страны, тѣмъ болѣе, что въ нынѣшнемъ же 1916 году — урожай ниже средняго. Подобныхъ „успокоеній" не считаютъ за извиненіе, а требуютъ отъ Берна: подавай картофель; если ужъ и карфелемъ трудовой массѣ нельзя питаться, то чѣмъ же? И Бернъ принужденъ шевелить мозгами, изыскивать новые способы удовлетворенія общей нужды, хотя дѣло и не обходится безъ удивительнѣйшихъ статеекъ въ газетахъ руководящаго, „свободомыслящаго" направленія. Такъ съ удивленіемъ читаешь: можно-молъ замѣнять нехватку картофеля другими „злачными" продуктами — рисомъ, маисомъ, получающимися изъ Италіи въ избыткѣ и составляющими (по крайней мѣрѣ рисъ), предметъ правительственной монополіи. Едва ли стоитъ говорить, что и рисъ, и маисъ повысились въ цѣнѣ вдвое...

Я говорю, подобныя попытки отдѣлаться малозначущими словами отъ нависшаго соціальнаго бѣдствія помогаютъ развѣ на одинъ моментъ. И чѣмъ дальше движется безжалостная Джаггернаутова колесница войны, чѣмъ больше раздавливаетъ она людей и народовъ, тѣмъ больше даетъ она обществу пищи для размышленій надъ особенностями современнаго хозяйственнаго строя. До васъ дошли извѣстія, напр., о дѣлѣ швейцарскихъ полковниковъ генеральнаго штаба Эгли и ф. Ваттенвиля. Ближайшая суть этого дѣла, ко-

нечно, военно-политическая: обвиненіе въ измѣнѣ или, чтобы выразиться мягче, словами обвинительнаго акта — въ нарушеніи швейцарскаго нейтралитета извнутри. Но, характерно, что это дѣло полковниковъ-германофиловъ послужило толчкомъ къ проявленію вовнѣ стихійнаго недовольства широкихъ классовъ населенія, вызваннаго анти-общественными, „чужеядными" теченіями на поверхности, и вылившагося въ одинъ продолжительный ропотъ противъ Берна со стороны населенія всѣхъ горныхъ долинъ и равнинъ Швейцаріи.

Многочисленныя вѣтви человѣческаго полипняка реагировали политическимъ броженіемъ на попытку общаго „питательнаго канала" обратить эти живыя вѣтви въ своего рода пассивный матеріалъ для канала. И даже наиболѣе активные структурные элементы изъ тканей „общаго канала" отступили передъ давленіемъ периферическаго большинства — отступили, пусть и на время. Попытки ихъ потомъ возобновлялись (исторія съ воинственнымъ выступленіемъ въ газетахъ романскаго полковника де-Лоиса; исторія съ „диктаторскимъ приказомъ" генеральнаго штаба кантональнымъ правительствамъ о недопущеніи 3-го сентября настоящаго года уличныхъ демонстрацій рабочей „Юношеской организаціи" и проч.). Но каждый разъ раздавалась все болѣе внятная и внушительная мелодія со стороны избирательной массы — этого memento mori каждой демократіи. И страхъ передъ избирателемъ, начало всякой политической премудрости, выразился, въ концѣ концовъ, въ томъ, что офиціально правящая вотъ уже 40 лѣтъ партія радикальная дала трещину и фактически распалась на двѣ враждебныя части: романскую и „аллеманическую". Союзный совѣтъ, въ большинствѣ пополняемый изъ радикаловъ, обнаруживаетъ въ настоящій моментъ всѣ признаки растерянности, неувѣренности дѣйствій и, вообще, отсутствія живой планомѣрной идеи, какъ въ политическомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи.

Яркимъ выраженіемъ этого безвольнаго прозябанія въ центрѣ общества и служатъ послѣднія событія хозяйственной жизни Швейцаріи. Два мѣсяца назадъ Германія внезапно предъявила экономическій ультиматумъ, тоже своеобразный продуктъ всемірной войны: отъ Швейцаріи требовалось, чтобы въ видѣ компенсаціи за германскій уголь и желѣзо она обязалась доставлять Германіи рядъ товаровъ, ввозимыхъ изъ странъ согласія, — въ частности милліона два кило хлопка, уже скупленнаго нѣмецкими агентами, но задержаннаго Швейцаріей на складахъ въ Цюрихѣ, Люцернѣ и другихъ мѣстахъ. Не то — Германія прекратитъ подвозъ угля и желѣза.

Положеніе было „хуже губернаторскаго“. Швейцарія вѣдь ввозила хлопокъ, мѣдь и проч. лишь черезъ S. S. S., т. е. только для себя, подъ бдительнымъ надзоромъ англійскихъ и французскихъ опекуновъ своего нейтральнаго суверенитета. Союзный совѣтъ только и могъ сдѣлать, что обратиться въ Парижъ черезъ спеціальныхъ пословъ съ челобитной объ увеличеніи ввоза требуемыхъ Германіей статей и о разрѣшеніи торговать ввознымъ товаромъ съ блокируемой страной. Отвѣтъ Парижа: отказъ наголо. Тогда Союзный совѣтъ вступилъ въ односторонніе, т. е. тоже полу-вассальные переговоры съ Германіей, — и дорого ему, кажется, обошлась эта „односторонность“.

„Кажется“ — ибо и по сейчасъ, вотъ уже мѣсяцъ со времени переговоровъ, содержаніе ихъ остается дипломатической тайной. Только одно за другимъ всплываютъ для народа явныя послѣдствія тайныхъ соглашеній. Такъ съ 1 ноября уголь вздорожалъ сразу на 90 франковъ вагонъ (10 тоннъ), поговариваютъ о дальнѣйшемъ вздорожаніи въ теченіе предстоящей зимы на 200 франковъ ($=25^0/_0$). Потомъ, въ одинъ прекрасный день, Союзный совѣтъ распорядился: завтра, въ понедѣльникъ, прекращается во всей романской Швейцаріи вывозъ амуниціи, изготовляемой на мѣстныхъ фабрикахъ, въ Англію, Францію и Италію. Изготовляется, молъ, эта амуниція изъ нѣмецкой стали, на нѣмецкомъ углѣ, и Германія дальше не желаетъ этого терпѣть... Нежеланіе, впрочемъ, довольно естественное; но такимъ порядкомъ въ одинъ день было остановлено огромное число механическихъ фабрикъ, едва успѣвшихъ перейти на новое производство послѣ всеобщаго кризиса въ началѣ войны. Массы трудовыхъ „полиповъ“-пролетаріевъ выбрасывались на улицу немилостивой рукой центральной власти. Очевидно, что въ тѣлѣ даннаго общества совсѣмъ таки что-то неладно!

Потомъ выяснился усиленный вывозъ швейцарскаго скота въ Германію, — какъ разъ въ то время, когда мясо становится почти что предметомъ роскоши благодаря неприступной цѣнѣ. Союзный совѣтъ объясняетъ въ своемъ посланіи, что-де „вывозится исключительно излишекъ скота“. Но, понятно, вопросъ въ томъ, что называть излишкомъ. То, что Союзному совѣту представляется лишнимъ для народа, самому народу можетъ казаться весьма и весьма нелишнимъ. И тутъ громкимъ голосомъ хозяйственная дѣйствительность принимается опровергать правительственное сообщеніе: на двухъ границахъ государства, въ Базелѣ и Женевѣ сейчасъ проявляется нехватка десятковъ тысячъ литровъ молока. Тутъ ужъ дѣло явно идетъ о вывозѣ необходимаго, а вовсе не „излишняго“ скота! Что за сюрпризы для народа еще могутъ оказаться

въ экстра-секретномъ договорѣ съ Германіей? Такъ съ безпокойствомъ вопрошаютъ себя швейцарскіе бюргеры и отвѣчаютъ все растущимъ волненіемъ на сокровенные акты мудрости, исходящіе изъ бернскаго дворца.

Война свирѣпыми волнами хлещетъ и сотрясаетъ застоявшуюся идиллію швейцарскаго коралловаго островка. Все представлялось здѣсь такъ идеально-благоустроенно, такъ гармонично-органично. Настоящій, классическій примѣръ для извѣстной Спенсеровой формулы общества-организма. Война рѣшительно сорвала покрывало съ этой кажущейся гармоніи.

Если общество организмъ или, точнѣе, должно уподобляться организму по стройной координаціи своихъ внутреннихъ отношеній и по гибкому приспособленію ихъ ко внѣшней средѣ, то такой идеальный типъ общества лежитъ еще, конечно, далеко впереди насъ.

На нашихъ же глазахъ живетъ и страдаетъ пораженная глубокимъ нарушеніемъ внутренняго равновѣсія масса живыхъ существъ, для которыхъ, несмотря на самыя, повидимому, демократическія формы жизни, дѣйствительное обезпеченіе блага большинства все еще представляется отдаленнымъ идеаломъ.

А. Дивильковскій.

РЕФОРМА СЕНАТА.

I.

Однимъ изъ важнѣйшихъ законодательныхъ актовъ послѣдняго времени является законъ „о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ и въ порядкѣ производства дѣлъ департаментовъ пр. сената", Высочайше утвержденный 26 декабря минувшаго года и на-дняхъ распубликованный въ Собраніи узаконеній.

Для того, чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить значеніе этого акта, необходимо отдать себѣ отчетъ въ томъ, на какихъ началахъ до послѣдняго времени былъ построенъ сенатъ. Мы говоримъ, разумѣется, о старомъ, дореформенномъ сенатѣ, оставляя въ сторонѣ устройство кассаціонныхъ департаментовъ его, созданныхъ Судебными Уставами Императора Александра II.

Сенатъ, какъ извѣстно, былъ учрежденъ Петромъ Великимъ въ 1711 году. Со временъ Екатерины II онъ дѣлится на департаменты, число которыхъ въ разное время мѣнялось. Въ настоящее время въ составѣ стараго сената имѣются четыре департамента: 1) первый, наиболѣе важный, вѣдающій, главнымъ образомъ дѣла административной юстиціи, 2) второй — по крестьянскимъ дѣламъ, 3) департаментъ герольдіи, весьма второстепеннаго значенія, и, наконецъ, 4) судебный, являющійся, главнымъ образомъ, апелляціонной инстанціей для коммерческихъ судовъ. Дѣла изъ департаментовъ въ извѣстныхъ случаяхъ поступали въ общія собранія, которыхъ до изданія новаго закона было два: первое, которое составлялось изъ департаментовъ I, II и герольдіи, и второе, — въ составъ котораго входили судебный и одинъ изъ кассаціонныхъ департаментовъ.

Что касается общихъ задачъ, возлагаемыхъ на сенатъ, то, по справедливому замѣчанію Н. М. Коркунова[1]) „онъ не былъ первоначально только органомъ надзора за законностью управленія, а являлся вообще высшимъ государственнымъ учрежденіемъ, со-

[1]) Н. М. Коркуновъ, Русское государственное право, т. II. изд. 6, стр, 648.

средоточивавшимъ въ себѣ всѣ функціи управленія, суда и законодательства. И хотя послѣ смерти Петра I значеніе сената не разъ существенно мѣнялось, но до реформы нашего центральнаго управленія при Александрѣ I сенатъ все-таки неизмѣнно сохранялъ за собою функціи активнаго управленія. Учрежденіе министерствъ, какъ спеціальныхъ органовъ активнаго управленія, привело къ тому, что за сенатомъ остались, собственно, только функціи суда, гражданскаго и уголовнаго, и функція надзора за законностью управленія, слѣдовательно, функція административной юстиціи“.

Правда, и послѣ учрежденія министерствъ сенатъ не былъ сразу формально устраненъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ активнаго управленія. Однако, фактически онъ въ скоромъ времени очутился именно въ такомъ положеніи. На эту сторону дѣла обратилъ вниманіе Н. И. Лазаревскій, который по этому поводу говоритъ: „Въ виду того, что за ничтожными исключеніями всѣ вообще административныя дѣла или разрѣшались въ министерствахъ (безъ доклада сенату), или восходили къ Государю (помимо сената), то и получилось, что по общему правилу сенатъ оказался отрѣзаннымъ отъ администраціи. Дѣла въ него могли попадать только по исключенію, и при томъ на троякомъ основаніи: 1) или потому, что для данной категоріи дѣлъ сенатъ въ самомъ законѣ былъ указанъ въ качествѣ рѣшающей инстанціи, или 2) потому, что по данному дѣлу обыватель, въ немъ заинтересованный, обращался въ сенатъ, или наконецъ 3) потому, что тотъ или иной министръ по собственной инипіативѣ представлялъ дѣло на разрѣшеніе сената“ [1]). Въ результатѣ, „Сенатъ мало-по-малу, безъ какой-либо особой законодательной реформы въ этомъ направленіи, обратился изъ административной инстанціи, въ іерархическомъ отношеніи стоящей надъ министрами (и надъ прочими „мѣстами и установленіями“), въ инстанцію, разсматривающую жалобы только на незаконность распоряженій министровъ (и другихъ имъ не подчиненныхъ властей) и разъясняющую имъ истинный смыслъ дѣйствующихъ законовъ, другими словами, сенатъ принялъ характеръ „хранителя законовъ“ въ современномъ смыслѣ этого выраженія“ [2]). „Эта функція сената, — справедливо замѣчаетъ Н. И. Лазаревскій, — практически является наиболѣе цѣнною и вмѣстѣ съ тѣмъ является основаніемъ количественно значительнѣйшей части дѣлъ, вообще производящихся въ сенатѣ“.

Однако, „хранителемъ законовъ“, блюстителемъ законности сенатъ могъ стать лишь въ весьма условномъ смыслѣ.

---

[1]) Н. И. Лазаревскій, Лекціи по русск. госуд. праву, т. II, стр. 140.
[2]) Тамъ же, стр. 142.

Недаромъ, изданное Александромъ I, новое учрежденіе сената, такъ называемый, указъ о должности сената, отъ 8 сентября 1802 г., совпало день въ день съ изданіемъ учрежденія министерствъ. Этотъ день — былъ днемъ, съ котораго начинается эпоха окончательнаго торжества бюрократическаго режима въ Россіи, пришедшаго на смѣну: формально — режиму коллегіальному, а фактически — чисто личному режиму, осуществлявшемуся при посредствѣ отдѣльныхъ временщиковъ. По сравненію съ послѣднимъ, режимъ бюрократическій являлся въ извѣстномъ смыслѣ шагомъ впередъ, ибо включалъ въ себя какъ-никакъ опредѣленное организованное и организующее начало.

Не встрѣчая при тогдашнемъ состояніи власти и общества, никакого организованнаго отпора ни съ чьей стороны, новый факторъ въ самомъ скоромъ времени успѣлъ пріобрѣсти рѣшающее значеніе въ государственной и общественной жизни. Это выразилось, между прочимъ, въ томъ, что правящая бюрократія быстро сумѣла, если не поглотить полностью, то ассимилировать себѣ, обезвредить и лишить всякаго самостоятельнаго значенія остальные высшіе органы власти, въ томъ числѣ вновь созданный Александромъ I Государственный Совѣтъ и сенатъ. Эта основная тенденція бюрократіи — не допускать, на ряду съ собою, никакой другой с а м о с т о я т е л ь н о й власти, а тѣмъ болѣе власти контролирующей, — сказывается самымъ рѣшительнымъ образомъ какъ въ области законодательства, такъ и въ области высшаго суда и надзора. Въ области законодательства, проявленіемъ этихъ стремленій служатъ, съ одной стороны, рядъ вновь возникающихъ и конкурирующихъ съ Государственнымъ Совѣтомъ законосовѣщательныхъ органовъ, — въ томъ числѣ комитетъ министровъ, съ другой стороны — пышно расцвѣтающая система личныхъ всеподданнѣйшихъ докладовъ министровъ, при помощи которыхъ умѣло обходились всѣ непріятные подводные камни, какіе представлялъ тотъ или иной законъ при примѣненіи его на практикѣ. Въ области высшаго суда и надзора та же цѣль достигалась рѣшительнымъ и систематическимъ использованіемъ соотвѣтствующихъ постановленій учрежденія сената.

Въ этомъ отношеніи особаго вниманія заслуживаютъ слѣдующіе моменты. Прежде всего необходимо отмѣтить, что лично сенаторы ни до, ни послѣ изданія учрежденія 1802 г. не пользовались несмѣняемостью; равнымъ образомъ не существовало особыхъ штатовъ, или разъ навсегда опредѣленнаго числа сенаторовъ, которые засѣдали бы въ отдѣльныхъ департаментахъ. Первое обстоятельство открывало широкую возможность переводить сенаторовъ, помимо ихъ желанія и согласія, такъ сказать, въ дисциплинарномъ

порядкѣ, изъ одного департамента въ другой, изъ департаментовъ — въ общія собранія, а въ случаѣ усмотрѣнной необходимости—въ неприсутствующихъ ни въ департаментахъ, ни въ общихъ собраніяхъ сенаторовъ; возможны были и встрѣчались на дѣлѣ даже случаи прямого увольненія сенаторовъ въ отставку безъ прошенія. Второе обстоятельство имѣло не меньшее значеніе, давая возможность безъ всякаго уже шума повліять на составъ сенаторской коллегіи путемъ пополненія ея необходимымъ числомъ новыхъ членовъ, соотвѣтствующихъ по своимъ взглядамъ видамъ правительства.

Не меньшее значеніе, чѣмъ отсутствіе несмѣняемости и независимости сенаторовъ, имѣло то обстоятельство, что сенатъ при отправленіи возложенныхъ на него обязанностей былъ подчиненъ бдительному надзору оберъ-прокуратуры, возглавляемой министромъ юстиціи въ качествѣ генералъ-прокурора, начало чему было положено еще Петромъ Великимъ. Надзоръ этотъ выражался прежде всего въ томъ, что всякое опредѣленіе сената (за очень немногими исключеніями), прежде поднесенія его къ подписанію сенаторами, обязательно представлялось на просмотръ: по общему собранію — министру юстиціи, а по департаментамъ — оберъ-прокурорамъ; министръ юстиціи или оберъ-прокуроръ, въ случаѣ согласія съ опредѣленіемъ, полагалъ на немъ надпись: читалъ. Если оберъ-прокуроръ не соглашался съ резолюціей сенаторовъ въ департаментѣ, а сенаторы настаивали на своемъ, то оберъ-прокуроръ, съ согласія министра юстиціи, переносилъ дѣло въ общее собраніе. Въ свою очередь, если министръ юстиціи по дѣламъ, поступившимъ въ общее собраніе, не соглашался съ резолюціей по данному дѣлу, а сенаторы, къ которымъ онъ въ такомъ случаѣ входилъ съ, такъ называемымъ, согласительнымъ предложеніемъ, оставались при прежнемъ своемъ мнѣніи, то онъ вносилъ дѣло, черезъ первый департаментъ Государственнаго Совѣта (замѣнившій съ 1906 г., по дѣламъ этого рода, дореформенный Государственный Совѣтъ) къ Императорскому Величеству. Если къ этому прибавить, что учрежденіе сената требовало для рѣшенія большинства дѣлъ квалифицированнаго большинства въ $^2/_3$ (а въ рядѣ случаевъ, при разсмотрѣніи дѣлъ въ департаментахъ сената, даже единогласія), при чемъ, — разъ таковое оказывалось недостижимымъ, дѣло также переходило изъ департамента въ общее собраніе, а изъ общаго собранія — въ Государственный Совѣтъ, — то нетрудно представить себѣ, въ какомъ зависимомъ положеніи de facto находился сенатъ, и какую широкую возможность воздѣйствія на него со стороны открывала эта своеобразная система „надзора“ за высшимъ судебнымъ мѣстомъ имперіи: не было, въ сущности, сколько-нибудь важнаго дѣла, ко-

торое министръ юстиціи, при желаніи, предварительно давъ соотвѣтствующія руководственныя указанія подлежащему оберъ-прокурору, не могъ бы направить въ конечномъ результатѣ въ Государственный Совѣтъ, каковой, по самому характеру возложенныхъ на него обязанностей, менѣе всего удовлетворялъ требованіямъ, предъявляемымъ къ судебному мѣсту.

Но и это еще не все. По цѣлому ряду дѣлъ, касающихся тѣхъ или иныхъ вѣдомственныхъ интересовъ, учрежденіе сената устанавливало обязательное участіе заинтересованнаго министра (или его товарища) при разсмотрѣніи этихъ дѣлъ въ подлежащемъ департаментѣ сената. Участіе это состояло либо въ томъ, что дѣло слушалось не иначе, какъ въ присутствіи министра, либо въ томъ, что отъ министра предварительно слушанія дѣла требовался письменный отзывъ, либо, наконецъ, въ томъ, что опредѣленіе сената, прежде подписанія сенаторами, препровождалось къ подлежащаго министру, при чемъ, если послѣдній почему-либо не находилъ возможнымъ подписать опредѣленіе, то представлялъ свое по оному заключеніе, которое докладывалось сенату въ присутствіи министра, и затѣмъ, если узаконенное большинство сенаторовъ не соглашалось съ мнѣніемъ министра, дѣло переносилось въ общее собраніе сената, гдѣ оно опять таки должно было слушаться обязательно въ присутствіи министра.

Нечего доказывать, насколько такое непосредственное участіе министровъ въ разрѣшеніи дѣлъ, въ которыхъ они сплошь и рядомъ являлись заинтересованной стороной, было ненормальнымъ, насколько оно подрывало авторитетъ сенатскихъ рѣшеній, насколько оно давало пищу для всевозможныхъ справедливыхъ нареканій. Яркой иллюстраціей тѣхъ взаимоотношеній, которыя установились на этой почвѣ между министрами и сенатомъ, можетъ послужить тотъ фактъ, что сенатъ не могъ добиться хотя бы только соблюденія министрами внѣшняго decorum'а въ смыслѣ соблюденія ими установленныхъ закономъ сроковъ для представленія требуемыхъ отзывовъ и заключеній и въ смыслѣ своевременной явки ихъ въ назначенные для слушанія подлежащихъ дѣлъ дни: то и другое на практикѣ всецѣло зависѣло отъ доброй воли гг. министровъ, которые далеко не вездѣ проявляли таковую: зачастую они, если это входило въ ихъ расчеты, до безконечности оттягивали разсмотрѣніе непріятныхъ для нихъ дѣлъ, уклоняясь какъ отъ представленія письменныхъ мнѣній, такъ и отъ личной явки.

Подводя итоги сказанному, мы видимъ, что существовалъ не одинъ, а цѣлый рядъ путей, черезъ которые политика шумнымъ потокомъ врывалась въ тихую обитель „хранителя законовъ“.

Правящая бюрократія съ этой стороны могла быть спокойна: сенатъ, и въ частности наиболѣе важный изъ старыхъ департаментовъ сената, — первый департаментъ, офиціальный высшій блюститель законности въ сферѣ административной юстиціи, былъ всецѣло въ ея рукахъ.

Сказаннымъ, конечно, далеко не исчерпывались недостатки дѣйствовавшаго до настоящаго времени учрежденія сената. Такъ, до самаго послѣдняго времени въ немъ сохранилось архаическое правило, въ силу котораго сенатъ самъ могъ рѣшать только дѣла, „на которыя есть точный и ясный законъ"; что же касалось, такъ называемыхъ, казусныхъ дѣлъ, „на которыя не окажется точнаго закона", то сенатъ могъ только составить проектъ разрѣшенія, послѣ чего дѣло поступало „порядкомъ, для сего установленнымъ", черезъ министра юстиціи на Высочайшее усмотрѣніе. Далѣе, сенатъ не пользовался правомъ пересмотра своихъ рѣшеній, безъ особаго Высочайшаго повелѣнія. Съ другой стороны, несмотря на то, что сенатъ считался высшимъ судебнымъ мѣстомъ, на рѣшенія котораго нѣтъ апелляціи, все же допускалось принесеніе всеподданнѣйшихъ жалобъ на опредѣленія департаментовъ сената черезъ канцелярію по принятію прошеній и особое присутствіе при Государственномъ Совѣтѣ. Наконецъ, со временъ Петра сохранилось правило, что всякое повелѣніе сената можетъ быть остановлено Государемъ или Именнымъ Его указомъ.

Общій выводъ, вытекающій изъ всего вышеизложеннаго, можетъ быть только одинъ: устройство сената до настоящаго времени совершенно не соотвѣтствовало высокому назначенію его. Только въ идеѣ, а не въ дѣйствительности онъ представлялъ собою „верховное мѣсто, которому въ гражданскомъ порядкѣ суда, управленія и исполненія подчинены всѣ вообще мѣста и установленія въ имперіи" (ст. 1 учр. сен.). Только въ идеѣ, а не въ дѣйствительности можно было говорить про него, что „власть правительствующаго сената ограничивается единою властью Императорскаго Величества; иной же высшей власти онъ надъ собою не имѣетъ" (ст. 202 учр. сен.). Для того, чтобы эта идея претворилась въ жизнь, необходимъ былъ коренной пересмотръ учрежденія сената.

II.

Вопросъ о реформѣ сената впервые былъ рѣшительно поставленъ въ 1904 г., въ связи съ прямымъ указаніемъ Именного Высочайшаго Указа отъ 12 декабря 1904 г. о необходимости принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона, дабы не-

нарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе его почиталось первѣйшей обязанностью подчиненныхъ Императорскому Величеству властей и мѣстъ, неисполненіе же его влекло бы неизбѣжно законную за всякое произвольное дѣйствіе отвѣтственность. Комитетъ министровъ, обсудивъ вопросъ о порядкѣ выполненія означеннаго Высочайшаго повелѣнія, призналъ, между прочимъ, что однимъ изъ первыхъ шаговъ для проведенія въ жизнь предначертаній указа должно быть возстановленіе подобающаго значенія сената, современное положеніе котораго недостаточно обезпечиваетъ надлежащее выполненіе имъ его законоохранительнаго призванія. Въ видахъ выработки соотвѣтствующаго законоположенія было Высочайше учреждено 17 января 1905 г., подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта А. А. Сабурова, особое совѣщаніе. Означенное совѣщаніе на основаніи наброска, составленнаго членомъ совѣщанія С. С. Манухинымъ, выработало законопроектъ, весьма близкій по содержанію своему съ нынѣ прошедшимъ черезъ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ новымъ закономъ. Этотъ законопроектъ въ то время не получилъ дальнѣйшаго движенія.

Вопросъ вновь всплылъ въ 1907 г. во время кратковременнаго существованія второй Государственной Думы, въ порядкѣ законодательной иниціативы преобразованнаго Государственнаго Совѣта. Въ этомъ году 39 членовъ Совѣта, во главѣ съ А. А. Сабуровымъ, выступили съ проектомъ основныхъ положеній, касающихся измѣненій и дополненій учрежденія сената, впрочемъ, лишь по отношенію къ первому его департаменту. Положенія эти были составлены примѣнительно къ началамъ, выработаннымъ особымъ совѣщаніемъ 1905 г. Правительство, при обсужденіи упомянутаго предложенія въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, признало возбужденіе вопроса о реформѣ сената несвоевременнымъ, и предложеніе 39 членовъ было отклонено незначительнымъ большинствомъ Совѣта.

Вслѣдъ за симъ, послѣ роспуска второй Государственной Думы и измѣненія избирательнаго закона въ порядкѣ указа 3 іюня 1907 г., министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ въ декабрѣ того же года внесъ въ третью Государственную Думу законопроектъ, скромно озаглавленный „о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ производства и рѣшенія дѣлъ въ департаментахъ правительствующаго сената прежняго устройства“. Скромному заглавію вполнѣ соотвѣтствовало скромное содержаніе проекта, которымъ имѣлось въ виду внести лишь нѣкоторыя технические усовершенствованія въ порядокъ производства и рѣшенія сенатскихъ дѣлъ; принципіальный

же пересмотръ учрежденія сената въ духѣ и направленіи, намѣченномъ особымъ совѣщаніемъ А. А. Сабурова, попрежнему признавался несвоевременнымъ и нецѣлесообразнымъ.

Законопроектъ министра юстиціи не получилъ дальнѣйшаго движенія въ третьей Думѣ. Зато, онъ довольно быстро сталъ продвигаться въ четвертой Думѣ, которая подвергла его существенной переработкѣ и внесла въ него цѣлый рядъ улучшеній, широко использовавъ въ этомъ отношеніи труды Сабуровскаго особаго совѣщанія. Въ такомъ видѣ законопроектъ въ 1914 г., незадолго до объявленія войны, поступилъ въ Государственный Совѣтъ, который передалъ его въ особую комиссію изъ 15 членовъ. Тутъ произошелъ весьма любопытный эпизодъ. Комиссія, избравшая своимъ предсѣдателемъ С. С. Манухина, приступила къ выполненію возложенной на нее задачи въ январѣ 1915 г. и продолжала свои занятія и послѣ перерыва трехдневной январской сессіи въ теченіе всей первой половины 1915 г. При этомъ ей пришлось, однако, на это время переименоваться въ „частное совѣщаніе изъ членовъ комиссіи" и вести свои работы безъ участія представителей правительства, такъ какъ послѣднее считало продолженіе занятій комиссіи во время междусессіоннаго перерыва **незаконнымъ** и на этомъ основаніи отказалось участвовать въ ея работахъ. По существу, конечно, отъ этого ничего не измѣнилось: комиссія, состоящая въ большинствѣ своемъ изъ принципіальныхъ сторонниковъ законопроекта въ постановкѣ, данной ему Государственною Думою, отлично сумѣла справиться съ своей задачей, несмотря на отсутствіе представителей вѣдомства, и въ общемъ согласилась со всѣми основными предположеніями Государственной Думы, кромѣ одного, касающагося вопроса о предѣлахъ правъ сената по толкованію законовъ; въ этомъ вопросѣ Дума впослѣдствіи уступила Совѣту. Работа комиссіи была закончена весною 1916 г. Осенью минувшаго года законопроектъ былъ принятъ сначала общимъ собраніемъ Государственнаго Совѣта, а засимъ, по разсмотрѣніи его въ особой согласительной комиссіи, и Государственною Думою, которая цѣликомъ присоединилась къ редакціи Государственнаго Совѣта.

Этимъ завершилась одна изъ важнѣйшихъ реформъ послѣдняго времени.

III.

Переходя къ разсмотрѣнію новаго закона по содержанію, мы постараемся отмѣтить вкратцѣ наиболѣе важныя измѣненія, внесенныя имъ въ дѣйствующее учрежденіе сената.

Мы при этомъ не будемъ останавливаться на такихъ, скорѣе

техническихъ вопросахъ, какъ, напр., вопросъ о раздѣленіи департаментовъ на отдѣленія и объ отмѣнѣ общихъ собраній въ качествѣ высшей инстанціи надъ департаментами, или какъ вопросы о новомъ порядкѣ доклада дѣлъ самими сенаторами, — о замѣнѣ квалифицированнаго большинства при рѣшеніи дѣлъ во всѣхъ случаяхъ простымъ большинствомъ, — о предоставленіи сенату права рѣшенія дѣлъ въ надлежащихъ случаяхъ по общему смыслу закона, — объ основаніяхъ для пересмотра сенатскихъ рѣшеній, и т. п.

Равнымъ образомъ, мы обойдемъ молчаніемъ такіе спеціальные, хотя и весьма важные вопросы, какъ вопросъ о допущеніи присутствія въ засѣданіяхъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ и посторонней публики, или вопросъ о силѣ и значеніи предоставленнаго сенату права общаго разъясненія вопросовъ, разрѣшаемыхъ неоднообразно въ правительственныхъ или судебныхъ мѣстахъ, либо возбуждающихъ при примѣненіи законовъ сомнѣнія.

Но мы не можемъ не обратить вниманія на слѣдующіе моменты.

Прежде всего, новый законъ измѣняетъ условія и порядокъ назначенія сенаторовъ, въ видахъ возможнаго обезпеченія надлежащаго личнаго состава сената, устанавливая высокій образовательный цензъ (требуется высшее образованіе). и предоставляя сенату въ случаѣ открывшейся сенаторской вакансіи право рекомендаціи (т. е. право представлять на Высочайшее усмотрѣніе кандидатовъ, въ числѣ не менѣе двухъ, для замѣщенія освободившейся должности сенатора). Вмѣстѣ съ тѣмъ, законъ твердо устанавливаетъ начало несмѣняемости сенаторовъ: они назначаются пожизненно и не могутъ быть ни увольняемы безъ прошенія, ни переводимы изъ департамента въ департаментъ. Наконецъ, законъ вводитъ опредѣленные штаты и фиксируетъ размѣръ содержанія сенаторовъ, чѣмъ устраняется на будущее время всякая возможность произвольно измѣнять составъ департаментовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ сенаторы въ отношеніи размѣра получаемыхъ окладовъ ставятся въ одинаковое положеніе.

Далѣе, новый законъ кореннымъ образомъ измѣняетъ существовавшія до настоящаго времени отношенія между сенатомъ и оберъ-прокуратурой, вводя дѣятельность послѣдней въ надлежащія рамки и лишая ее права надзора надъ правильностью сенатскихъ рѣшеній. Оберъ-прокуроры отнынѣ будутъ давать во время слушанія дѣлъ свои заключенія, но не больше: ни право пропуска сенатскихъ рѣшеній, ни право переноса дѣлъ изъ департаментовъ въ какія-либо иныя инстанціи за ними не сохраняется. Равнымъ образомъ, падаютъ и тѣ права, которыми располагалъ въ этомъ отношеніи министръ юстиціи въ качествѣ генералъ-прокурора.

За симъ, измѣняются и отношенія министровъ къ сенату. Ни участвовать въ постановленіи соотвѣтствующихъ рѣшеній, хотя бы съ правомъ совѣщательнаго голоса, ни задерживать слушаніе подлежащихъ дѣлъ они впредь уже не смогутъ. Ихъ роль ограничивается представленіемъ требуемыхъ отъ нихъ предварительныхъ заключеній до слушанія дѣлъ, съ одной стороны, и представленіемъ сенату необходимыхъ свѣдѣній и объясненій по каждому дѣлу во время слушанія его, съ другой стороны.

Наконецъ, законъ отмѣняетъ какъ переносъ дѣлъ изъ сената въ первый департаментъ Государственнаго Совѣтъ, такъ и право принесенія всеподданнѣйшихъ жалобъ на опредѣленія сената черезъ комиссію по принятію прошеній на Высочайшее имя. Этимъ сенатъ, наконецъ, пріобрѣтаетъ характеръ высшаго судебнаго мѣста, рѣшенія котораго являются въ настоящемъ смыслѣ слова окончательными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, формально отмѣняется архаическое, фактически давно уже не примѣнявшееся правило, въ силу котораго сенатскіе указы могли быть остановлены на основаніи Высочайшаго повелѣнія.

Мы пришли къ концу нашего бѣглаго обзора. Подводя общіе итоги всему сказанному, мы должны признать за новымъ закономъ огромное политическое значеніе. Основная цѣль всей реформы — довершить то дѣло, которое было начато судебными уставами въ области гражданскаго и уголовнаго правосудія, путемъ распространенія основныхъ началъ независимости и самостоятельности суда на область административной юстиціи, охватывающей всю сферу внутренняго управленія. Эта цѣль въ рамкахъ даннаго закона, касающагося только сената какъ высшаго административнаго суда имперіи, не могла быть достигнута полностью: для этого необходимо полное переустройство мѣстныхъ органовъ административной юстиціи, существующихъ въ настоящее время лишь въ зачаточномъ видѣ. Зато, въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ новый законъ пытается разрѣшить поставленную имъ задачу, онъ стоитъ, несомнѣнно, на правильномъ пути и долженъ будетъ привести, — если не сейчасъ, (ибо навыки и традиціи прошлаго исчезнутъ, конечно, не сразу), то со временемъ, — къ самымъ плодотворнымъ результатамъ. Онъ впервые создаетъ необходимыя предпосылки какъ для обезпеченія начала судейской несмѣняемости и независимости, такъ и для рѣшительнаго обособленія дѣла правосудія въ области административной юстиціи отъ воздѣйствія и давленія со стороны органовъ исполнительной власти.

Въ этомъ основный смыслъ всей реформы. Съ этой точки зрѣ-

нія она является необходимѣйшимъ звеномъ въ системѣ тѣхъ мѣръ, которыя ведутъ къ созданію и укрѣпленію чувства законности, безъ укорененія котораго немыслимо дѣйствительное установленіе и закрѣпленіе правового, конституціоннаго строя. Ибо чувство законности не можетъ развиваться тамъ, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ не законъ, а начало дискреціоннаго усмотрѣнія, гдѣ основнымъ девизомъ служитъ утвержденіе, что не всякое нарушеніе закона можетъ быть вмѣнено въ вину власти, что выше закона стоитъ моментъ государственнаго интереса, государственной пользы.

Это не значитъ, конечно, что моменту цѣлесообразности и государственной пользы нѣтъ и не должно быть мѣста въ системѣ государственнаго управленія. Мѣры власти, несомнѣнно, должны быть цѣлесообразны и проникнуты началомъ охраны государственнаго интереса. Но только этотъ моментъ долженъ проявляться въ предѣлахъ незыблемо установленныхъ закономъ. Ссылкою на этотъ моментъ не должно прикрываться нарушеніе закона, превышеніе власти, попираніе публичныхъ правъ гражданъ. Напротивъ, всякое нарушеніе органами власти должно повлечь за собою закономъ же установленную кару. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сужденіе о томъ, имѣло ли мѣсто нарушеніе закона, не должно быть поставлено въ такія условія, при которыхъ суду приходится считаться не только съ непререкаемыми велѣніями закона, но и съ преходящими взглядами власть имущихъ.

Тѣмъ менѣе допустимо, чтобы дѣло въ случаѣ разногласія въ оцѣнкѣ его между судебной и административной властью, для окончательнаго разрѣшенія могло быть направлено въ порядкѣ верховнаго управленія, какъ именно это имѣло до сихъ поръ, ибо это означаетъ ничто иное, какъ признаніе въ рѣшающей инстанціи пріоритета начала политической цѣлесообразности надъ началомъ законности.

Все это учтено новымъ закономъ. Онъ, конечно, не даетъ идеальнаго разрѣшенія задачи, — можно было бы указать на цѣлый рядъ частныхъ вопросовъ, постановка которыхъ въ законѣ вызываетъ сомнѣнія и нуждается въ дальнѣйшемъ усовершенствованіи.

Все это, однако, имѣетъ второстепенное значеніе. Важно то, что основы, на которыхъ построенъ законъ, глубоко жизненны и согласованны съ началами правового строя. Нѣтъ сомнѣнія, что въ исторіи обновленія нашей родины законъ о реформѣ сената, навсегда связанный съ именами А. А. Сабурова и С. С. Манухина, займетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ.

Д. Гриммъ.

ГОДЪ БОРЬБЫ ЗА ВЫСТУПЛЕНІЕ РУМЫНІИ.

ПИСЬМО ИЗЪ РУМЫНІИ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я былъ высланъ изъ Болгаріи послѣ отъѣзда изъ Софіи нашей дипломатической миссіи и очутился въ Румыніи, прошелъ годъ — годъ тяжелыхъ событій и переживаній.

Этотъ годъ, лично для меня начавшійся арестомъ въ Софіи, ссылкой въ Шипченскій монастырь св. Николая въ качествѣ военноплѣннаго, и, наконецъ, высылкой по этапу на румынскую границу изъ Болгаріи, только вчера закончился спѣшнымъ выѣздомъ въ дипломатическомъ поѣздѣ изъ Бухареста въ Яссы, вызваннымъ паденіемъ Крайовы, занятіемъ нѣмцами всей юго-западной части Румыніи, и извѣстіемъ о переходѣ болгаръ черезъ Дунай въ районѣ Зимницы и Турну-Могуреля.

Въ теченіе этого года многое измѣнилось на картѣ Балканскаго полуострова. Пала въ непосильной борьбѣ героическая Сербія, о возрожденіи которой только что принесла намъ вѣсть побѣда подъ Монастыремъ. Измученная внутренними интригами Греція образовала второе, параллельное правительство и выступила подъ главенствомъ Венизелоса на сторонѣ державъ согласія. Этому предшествовало выступленіе на сторонѣ послѣднихъ Румыніи, принесшей себя въ жертву идеѣ освобожденія порабощенныхъ Венгріей трансильванцевъ и общему дѣлу соглашенія.

Выступленіе Румыніи состоялось 14-го августа, наканунѣ котораго на коронномъ совѣтѣ, засѣдавшемъ въ Бухарестѣ, раздались историческія слова короля Фердинанда, разрѣшившія положеніе:

«Я одержалъ величайшую побѣду, — сказалъ онъ, подписывая актъ о вступленіи Румыніи въ войну, — я побѣдилъ самого себя, и этотъ день является лучшимъ днемъ моей жизни...»

Съ вѣрой въ свои силы, съ вѣрой въ силы своихъ великихъ союзницъ, съ вѣрой въ правоту и окончательный успѣхъ ихъ дѣла, вступила Румынія въ войну противъ центральнаго союза. Но вотъ, прошло уже три мѣсяца кровавой войны, три мѣсяца величайшихъ напряженій и

жертвъ, и тѣ событія, которыя въ это время разыгрались на румынскихъ фронтахъ, показали румынскому обществу лишь одно, что помимо вѣры и самоотверженности, ему необходимо еще и долготерпѣніе, ибо въ общей цѣпи обстоятельствъ, вызываемыхъ и обусловливаемыхъ войной, усилія самой Румыніи лишь малая капля въ томъ огромномъ дѣлѣ, которое ведется державами соглашенія.

И потому, вполнѣ понятно то тревожное чувство, которое невольно охватываетъ въ настоящее время всю Румынію, когда она видитъ сравнительную слабость своей арміи передъ гораздо лучше вооруженной и технически обставленной арміей враговъ, наступающей на ея территорію, и ту медленность, съ которой союзники приходятъ къ ней на помощь.

Судьба несчастной Сербіи, Бельгіи и Черногоріи кошмаромъ возстаетъ передъ взоромъ румынскихъ патріотовъ, опасающихся того, чтобы и ихъ страна, подобно этимъ государствамъ, не подверглась той же участи.

Наиболѣе сильное выраженіе тревоги этой было высказано въ словахъ самого короля Фердинанда, въ интервью его съ корреспондентомъ «Times'a», опубликованномъ во французской и англійской печати мѣсяцъ тому назадъ.

«Румынія проситъ своихъ союзниковъ, — сказалъ король въ этомъ интервью, — прислать Румыніи, какъ можно скорѣе, необходимую помощь. Она проситъ, чтобы въ планахъ и предположеніяхъ союзниковъ Румыніи и ея защитѣ не было предоставлено лишь второстепенное мѣсто, ибо такой взглядъ, если бы онъ установился, привелъ бы Румынію къ такому же концу, какъ Бельгію и Сербію. Румынія вѣритъ, что союзники ея не оставятъ, такъ какъ защита Румыніи — это не только ея собственный интересъ, но и интересъ всѣхъ союзниковъ».

Однако то, что происходитъ на румынскомъ театрѣ войны, вызываетъ опасенія: не опаздаютъ ли союзники въ своей помощи Румыніи...

Въ связи съ этими тревогами и сомнѣніями, охватившими Румынію, крѣпнетъ и распространяется во всѣхъ кругахъ ея общества взглядъ, что война еще только начинается, что Румыніи предстоятъ еще новыя жертвы, что судьба ея, связанная съ судьбой всѣхъ ея великихъ и малыхъ союзницъ, представляетъ вмѣстѣ съ ними одно цѣлое, а все это, вмѣстѣ взятое, родитъ твердую увѣренность въ скорой дѣйствительной помощи могущественныхъ державъ согласія.

Таковы современныя настроенія и переживанія румынскаго общества, въ связи съ событіями, вызываемыми войной; но для того, чтобы понять ихъ возможно лучше, для того, чтобы уяснить себѣ возможно полнѣе ихъ внутренній смыслъ, необходимо оглянуться на тотъ годъ напряженной внутренней борьбы, которую пережила въ самой себѣ Румынія наканунѣ своего политическаго и военнаго выступленія.

Процессъ этой борьбы, перипетіи всей той глубокой внутренней драмы, которая заставила Румынію отказаться отъ своего нейтралитета и вступить въ ряды воюющихъ, развернулись на нашихъ глазахъ и теперь, когда все это уже становится достояніемъ исторіи, мы считаемъ возможнымъ подѣлиться съ русскимъ обществомъ своими впечатлѣніями, вынесенными изъ долгаго пребыванія въ Румыніи.

Въ тѣ дни, въ октябрскіе дни 1915 года, когда судьба закинула меня изъ Болгаріи въ Румынію, вопросъ о томъ, съ кѣмъ выступитъ Румынія и когда состоится это ея выступленіе, — еще былъ совершенно неяснымъ.

Мало того, создавалось впечатлѣніе, что этимъ вопросомъ были заинтересованы болѣе сами воюющія стороны, чѣмъ Румынія, въ которой въ то время еще господствовало стремленіе всѣми силами охранять свой нейтралитетъ.

И на этой формулѣ нейтралитета, равнаго по отношенію къ обѣимъ сторонамъ, стояло твердо и само правительство Братіано, полагавшее въ началѣ путемъ мелкихъ уступокъ и содѣйствій то одной, то другой изъ воюющихъ сторонъ, взаимно уравновѣшивающихъ нейтральность Румыніи, добиться одинаково благопріятнаго отношенія къ ней обоихъ противниковъ.

Къ такой политикѣ Румынію вынуждали не только ея географическое положеніе, при которомъ она являлась, какъ бы проходнымъ дворомъ, ведущимъ и державы соглашенія — Россію — и центральный союзъ на Балканы, но и стремленіе ея имущихъ классовъ къ использованію этого положенія въ интересахъ экономическихъ и матеріальныхъ.

Установившаяся на этой почвѣ довольно неясная первоначально политика Братіано, тщетно пытавшаяся примирить между собой взаимно исключающія одна другую тенденціи — внутренніе матеріальные интересы и идеалистическое стремленіе къ борьбѣ за освобожденіе и объединеніе всего румынскаго племени въ предѣлахъ одного государства, — приводила къ тому, что обѣ стороны высказывали румынскому правительству нареканія за его кажущееся двуличіе, и въ самой Румыніи все сильнѣе поднимались голоса за то, чтобы правительство Братіано покончило возможно скорѣе со своей неопредѣленностью, выяснивъ разъ навсегда точную позицію Румыніи.

Именно тогда, подъ вліяніемъ этихъ воздѣйствій, шедшихъ сразу съ двухъ сторонъ — извнѣ и извнутри — проявились извѣстныя колебанія формулы румынскаго нейтралитета; именно тогда правительство Братіано и было принуждено заявить, что его нейтралитетъ — не безотносительный, что онъ временемъ, и ограниченъ извѣстными условіями,

однимъ словомъ, что Румынія хранитъ лишь *выжидательный* нейтралитетъ, срокъ и исходъ котораго опредѣлится обстоятельствами.

Это новое толкованіе занятой румынскимъ правительствомъ позиціи въ отношеніи къ міровому конфликту открыло ему не только возможность вступленія въ систематическіе переговоры съ дипломатами обѣихъ воюющихъ сторонъ по вопросу о компенсаціяхъ за нейтралитетъ и за выступленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ оправдывало предпринимаемыя имъ мѣры предосторожности въ смыслѣ подготовки ко всякимъ случайностямъ, которыя вытекали изъ того или другого рѣшенія относительно дальнѣйшаго поведенія Румыніи.

Но формула «выжидательнаго» нейтралитета, хотя и дополненная напоминаніемъ о «равенствѣ» его для обѣихъ воюющихъ сторонъ, — кстати сказать, постоянно нарушавшемся въ силу разныхъ обстоятельствъ, — не удовлетворяла никого. Со всѣхъ сторонъ раздавались вопросы о томъ, чего собственно выжидаетъ правительство Братіано и почему оно, выжидая, такъ часто и такъ неосторожно проявляетъ свои колебанія въ совершенно противоположныхъ направленіяхъ.

Общественное мнѣніе самой страны, учитывавшее матеріальныя выгоды нейтралитета и ужасы предстоящей войны, было противъ того, чтобы измѣнялась политика Братіано. Оно хотѣло того, къ чему вело и само правительство, чтобы выступленіе Румыніи, если уже ему суждено будетъ осуществиться, совершилось только тогда, когда шансы рѣшительной побѣды въ міровой борьбѣ окончательно опредѣлятся въ пользу одной изъ сторонъ. Оно хотѣло того, чтобы самое положеніе на боевыхъ фронтахъ и реальное соотношеніе боевыхъ силъ и успѣховъ воюющихъ опредѣлили и моментъ, и направленіе вступленія Румыніи съ оружіемъ въ рукахъ.

Но съ этимъ мнѣніемъ самой страны не могли и не хотѣли считаться воюющія державы. Каждой изъ нихъ хотѣлось совершенно обратнаго,—имъ выступленіе Румыніи было важно, именно, тогда, когда шансы побѣды оставались еще неясными и когда выступленіе Румыніи своей собственной тяжестью наклонило бы вѣсы происходящей борьбы, тѣмъ самымъ опредѣливъ и окончательную побѣду.

Другими словами, Румынія не хотѣла рисковать. Отъ этого риска удерживалъ ее, помимо всего, и примѣръ Сербіи, Черногоріи и Бельгіи; она хотѣла до послѣдней возможности оставаться пассивной, спокойно взвѣшивающей всѣ шансы выгодности выступленія, прежде всего, для себя; она хотѣла придти на поле брани уже тогда, когда наиболѣе рѣшительные бои закончатся и результаты ихъ уже достаточно опредѣлятся.

Таковъ былъ голосъ страны, голосъ всего народа, трезво взвѣшивавшій не только свои реальные интересы, но и свои силы, — но

другого требовали отъ нихъ воюющія державы. Имъ нужна была активность Румыніи, участіе ея войскъ въ жестокихъ бояхъ. Имъ нужны были люди, новый фронтъ, новыя средства, — и только этимъ обусловливали они свое дальнѣйшее покровительство всѣмъ жизненнымъ интересамъ и стремленіямъ страны, отъ которой они требовали полнаго самопожертвованія и довѣрія къ себѣ.

И вотъ, въ связи съ тѣмъ, какъ согласовать эти требованія великихъ державъ, отъ которыхъ зависѣло самое существованіе маленькаго румынскаго государства, и какъ примирить ихъ съ текущими интересами самой страны, въ Румыніи возникла ожесточенная борьба отдѣльныхъ политическихъ теченій, изъ которыхъ долгое время казалось наиболѣе сильнымъ и вліятельнымъ то, которое влекло ее къ союзу съ центральными имперіями, противъ соглашенія и, особенно, противъ Россіи.

Съ момента, когда выступленіе Румыніи на сторонѣ соглашенія уже стало фактомъ, это теченіе, получившее названіе германофильскаго, сильно эволюціонировало. Его представители изъ активныхъ политическихъ дѣятелей, рѣшительныхъ проводниковъ опредѣленной политической идеи, превратились въ политическихъ скептиковъ, прикрывавшихъ свой прежній германофильскій видъ маской ультра-радикальнаго патріотизма. Ихъ органы со дня, когда румынскія войска начали свое первоначальное наступленіе въ Трансильванію, до самаго послѣдняго времени, отказались совершенно отъ критики внѣшней политики Братіано; они заговорили лишь о тяжеломъ положеніи Румыніи, о героичности ея выступленія, о храбрости ея арміи, «голыми грудями встрѣчающей превосходящее вооруженіе врага»; они заговорили объ обязанностяхъ по отношенію къ Румыніи союзниковъ ея, подчеркивая при всякомъ случаѣ мысль о томъ, что Румынія, пожертвовавшая собой для цѣлей будущаго болѣе справедливаго устройства Европы, имѣетъ право отъ союзниковъ, вовлекшихъ ее въ войну, требовать всего, чтобы облегчить ея жертвы, и протестовать, когда этого не дѣлается.

Но до войны германофильство въ Румыніи было открыто враждебнымъ Россіи и державамъ соглашенія. Оно не скрывало своихъ связей съ нѣмецкими миссіями и ихъ агентами. Оно спекулировало въ своихъ политическихъ интригахъ именемъ самого короля, его фамильной близостью къ дому Гогенцоллерновъ.

Оно не стѣснялось пріемами борьбы и вело агитацію всѣми средствами не только за сохраненіе нейтралитета, но и за прямое объявленіе войны Россіи. Оно старалось использовать всѣ связи свои и при дворѣ и въ обществѣ для того, чтобы заставить правительство Братіано склониться къ политикѣ, отвѣчавшей ихъ воззрѣніямъ, часто купленнымъ за большія деньги. Оно подымало въ странѣ такое смятеніе, такую шумиху,

что бывали моменты, когда само правительство охватывало сомнѣніе, и оно начинало колебаться.

Въ одинъ изъ моментовъ такого колебанія, правительство Братіано пошло, было, на ложный шагъ: подъ вліяніемъ германофиловъ, руководившихся, главнымъ образомъ, партіей крупныхъ румынскихъ аграріевъ во главѣ съ такими лицами, какъ Титу Майореско, Петръ Карпъ, Маргиломанъ, проф. Аріонъ и др., оно рѣшилось вступить на новый путь и, взамѣнъ офиціально благопріятнаго для Россіи и ея союзниковъ политическаго нейтралитета, провести, по отношенію къ центральнымъ имперіямъ, политику свободы использованія ими въ экономическомъ смыслѣ всѣхъ выгодъ нейтральнаго положенія Румыніи.

Мы знаемъ, чѣмъ окончился и къ чему привелъ этотъ печальный опытъ. Послѣдствія его еще и теперь чувствуетъ на себѣ Румынія, оставшаяся по выступленіи своемъ на сторонѣ соглашенія почти безъ всякихъ хозяйственныхъ запасовъ, безъ скота, безъ мяса, безъ продуктовъ питанія и предметовъ первой необходимости. Германская агитація и германское золото сдѣлали свое дѣло. Безпринципное стремленіе использовать положеніе охватило даже такіе круги румынскаго общества, отъ которыхъ, казалось, можно было ожидать гораздо большаго патріотизма.

Начался безшабашный, азартный вывозъ въ Австрію и Германію всего, въ чемъ теперь особенно рѣзкую нужду ощущаетъ Румынія. Спекуляція охватила даже широкія народныя массы, мелкаго румынскаго производителя, потянувшагося на своихъ подводахъ, запряженныхъ волами и нагруженныхъ всякимъ добромъ, изъ своихъ деревень къ австрійской границѣ.

Это было время, по поводу котораго выходившій въ Бухарестѣ юмористическій журналъ «Focla», опубликовалъ карикатуру, немедленно конфискованную властями. Въ ней изображалось подъ заглавіемъ: «Первая румынская армія переходитъ Карпаты», какъ черезъ туманныя вершины Карпатскихъ горъ, уходя за нихъ сплошной, безконечной массой, тянулись въ Венгрію румынскіе быки, волы и коровы...

Спекуляція всѣмъ этимъ достигла невѣроятныхъ размѣровъ. И вотъ, понявъ свою роковую ошибку, правительство созываетъ совѣщаніе за совѣщаніемъ и тщетно пытается изыскать хоть какія-либо мѣры къ борьбѣ со зломъ, вызваннымъ его собственной непредусмотрительностью.

И, къ счастью для правительства и для самой страны, въ Румыніи нашлись люди, не утратившіе среди общей вакханаліи распродажи національныхъ богатствъ чувство патріотической чести и немедленно же пришедшіе на помощь правительству въ его борьбѣ съ общественнымъ разложеніемъ. Нашлись въ средѣ румынскихъ общественныхъ дѣятелей,

въ средѣ ея интеллигенціи лучшіе люди, которые не побоялись выступить съ потрясающими разоблаченіями. Нашлись среди нихъ даже такіе, которые подобно одному бухарестскому профессору, искреннему германофилу, но честному человѣку, отвѣтили германскимъ эмиссарамъ, звавшимъ ихъ на работу въ пользу Германіи, такими словами:

«Вы спрашиваете, почему мы отказываемся работать съ вами, — очень просто: потому что вы повторяете въ Румыніи ту же ошибку, какую вы дѣлаете и въ другихъ странахъ, — вы поручаете ваше дѣло завѣдомо недобросовѣстнымъ и продажнымъ лицамъ и тѣмъ дискредитируете его».

Начался періодъ самокритики, періодъ новой, крайне энергичной правительственной дѣятельности въ области проведенія всевозможныхъ запретительныхъ и ограничительныхъ мѣръ по вывозу и ввозу товаровъ и продуктовъ.

Для наблюденія за порядкомъ ихъ примѣненія и для проведенія ихъ въ жизнь при заинтересованныхъ министерствахъ, подъ предсѣдательствомъ самихъ министровъ, были созданы спеціальныя комиссіи ввоза, вывоза и продовольствія. Были установлены нормы внутренняго потребленія и высшія цѣны. Разрѣшенія на вывозъ за границу зерновыхъ продуктовъ, скота и пр. стали строго ограничиваться различными правилами и формальностями. Были изданы не менѣе строгія предписанія о борьбѣ съ контрабандой и были, даже, отданы подъ судъ нѣсколько слишкомъ зарвавшихся спекулянтовъ, а также нѣсколько префектовъ, уличенныхъ въ содѣйствіи контрабандистамъ.

Разгаръ этой борьбы, которую правительство Братіано въ сознаніи своего долга передъ страной, повело со спекуляціей, принявшей подъ дѣйствіемъ германской агитаціи угрожающіе размѣры, совпалъ съ поѣздкой въ Россію покойнаго друга соглашенія, — Филипеско.

Это было въ февралѣ текущаго, 1916 года. Филипеско вернулся изъ Россіи въ восторгѣ. Его поразила мощь организаціи нашего тыла, широкій размахъ и патріотическое усердіе русской общественности. Онъ былъ въ восторгѣ отъ русской арміи, отъ превосходной обмундировки русскихъ солдатъ, отъ ихъ бодраго и сытаго вида, отъ ихъ дисциплинированности и готовности драться до конца.

Поразили нашего друга и та сознательность, то трезвое отношеніе къ дѣлу и къ своимъ обязанностямъ, которыя увидѣлъ онъ въ нашихъ солдатахъ. Сильное впечатлѣніе произвела на него ихъ вѣра въ правоту своего дѣла, въ справедливость и необходимость того, на что они шли. Не менѣе тронуло Филипеско братское отношеніе русскаго солдата къ офицерскому составу и та заботливость, которую онъ проявляетъ къ своимъ

командирамъ не только во время боя, на передовыхъ позиціяхъ, но даже въ тылу. Въ волненіи, съ чувствомъ умиленія разсказывалъ Филипеско своимъ друзьямъ, вернувшись съ русскаго фронта въ Бухарестъ, о случаяхъ того геройства и самоотверженія, о которомъ онъ слышалъ отъ самихъ русскихъ солдатъ и офицеровъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвели на него разговоры съ ранеными и ихъ разсказы о своихъ подвигахъ, какъ о чемъ-то совершенно незначительномъ и обыкновенномъ.

— Я, проѣхавъ по всему русскому фронту, видѣлъ все, что только могло быть показано не чужому, а другу, — такъ говорилъ покойный Филипеско, вернувшись въ Румынію, — и не видѣлъ ни слѣда дезорганизаціи, никакихъ признаковъ недостатка, или недовольства. Я не видѣлъ ни одного рваного солдатскаго сапога, ни одной печальной физіономіи.

Русская армія, по словамъ Филипеско была полна бодрости и рѣшимости. Въ началѣ третьяго года войны, наканунѣ новыхъ рѣшительныхъ битвъ, она была такъ же сильна и могуча, какъ въ самомъ началѣ борьбы. Видъ ея и бодрая работа тыла внушали вѣру въ неизбѣжный успѣхъ и въ полную побѣду.

И эту вѣру привезъ нашъ покойный другъ, Филипеско, изъ Россіи въ свою страну.

Какое отношеніе къ поѣздкѣ его на фронты Россіи имѣло само правительство Братіано, — это остается тайной и до настоящаго времени, но уже тогда, въ первые же дни по возвращеніи Филипеско въ Бухарестъ, когда въ мѣстныхъ газетахъ по поводу его поѣздки появились подробныя интервью, германскія рептиліи, издававшіяся въ Бухарестѣ, съ тревогой спрашивали, что ожидаетъ Румынію завтра.

«Пріемъ Филипеско въ Россіи, — писала по этому поводу газета «Молдова» — органъ П. Карпа и А. Маргиломана, — не похожъ на пріемъ частнаго лица. Такъ принимаютъ только делегатовъ правительства, такъ откровенничаютъ только съ довѣренными людьми».

Выводъ «Молдовы» изъ этихъ наблюденій оказывался весьма печальнымъ для нея. Именно тогда она впервые указала, что «измѣна» Братіано его прежней политикѣ несомнѣнна, и выразила даже убѣжденіе, что между нимъ и Россіей, при посредничествѣ Филипеско, уже заключено тайное соглашеніе.

Именно, съ этого момента германофилы, до того времени щадившіе Братіано, открыли противъ него отчаянную агитацію, откровенно обвиняя его на страницахъ издававшихся ими органовъ въ «предательствѣ» и указывая даже въ подтвержденіе своего мнѣнія на то, что укрѣпленіе границъ королевства производилось лишь со стороны Венгріи и Болгаріи, а со стороны Прута граница оставалась незащищенной.

Германофилы открыто требовали отставки Братіано и особенно ненавистнаго имъ министра финансовъ Костинеско, начавшаго борьбу противъ проводившейся нѣмецкими агентами системы истощенія страны вывозомъ ея пищевыхъ продуктовъ. Въ это время были сдѣланы ими попытки при непосредственномъ участіи извѣстнаго въ Румыніи ген. Сочека, интимнаго друга австрійскаго представителя гр. Чернина, образовать военную лигу для борьбы съ правительствомъ.

Какъ разъ къ этому же періоду относится рѣзкій конфликтъ разыгравшійся въ Уніонъ-клубѣ между представителемъ румынскаго сената, извѣстнымъ германофиломъ Миссюромъ и россійскимъ представителемъ г. Поклевскимъ-Козелломъ.

Именно тогда, въ связи съ поѣздками фонъ Буша и графа Чернина въ Берлинъ и Вѣну, одновременно съ отъѣздомъ туда же Петра Карпа и проф. Стере, бывшаго ректора ясскаго университета, а нынѣ юрисъ-консульта королевскаго дворца, въ правительственныхъ офиціозахъ, на ряду съ письмами офицеровъ румынской арміи, протестовавшихъ противъ стремленія германофиловъ вовлечь армію въ политику, появилось опроверженіе распускавшихся «завѣдомыми рептиліями иностранцевъ, которымъ безразличны честь и интересы Румыніи, безпочвенныхъ слуховъ», цѣлью которыхъ было скомпрометировать политическую репутацію правительства Братіано не только въ глазахъ страны, но и въ глазахъ державъ соглашенія.

Мѣсяцъ май явился періодомъ особо остраго усиленія враждебной соглашенію германофильской агитаціи въ Румыніи.

Въ связи съ расширеніемъ въ Греціи силами соглашенія оккупаціонной зоны, въ связи съ переходомъ итальянскими войсками эпирской границы и соединеніемъ ихъ съ англо-французскими войсками, а также съ прибытіемъ въ Салоники первыхъ эшелоновъ возстановленной на о. Корфу сербской арміи, волненіе охватываетъ всю германофильскую клику Румыніи.

Въ своемъ стремленіи скомпрометировать Братіано она доходитъ до того, что самъ П. Карпъ, до сего времени сохранявшій извѣстныя приличія, въ своемъ органѣ «Молдова» выступаетъ съ завѣдомо ложнымъ сообщеніемъ, будто «въ румынскихъ правительственныхъ кругахъ все сильнѣе укрѣпляется мысль объ отказѣ отъ агрессивности въ сторону Трансильваніи и расширеніи границъ государства къ югу, за счетъ Болгаріи, и замѣнѣ этихъ стремленій идеей «освобожденія» Бессарабіи, «освобожденія» устьевъ Дуная, и т. п., во имя созданія «не великой, а просто сильной» Румыніи, которая разъ навсегда осталась бы крѣпкимъ буферомъ между Дарданеллами и Россіей, между Россіей и Венгріей».

Ложность этого сообщенія устанавливалась самою дѣйствительностью, ибо какъ разъ въ то время, когда «Молдова» печатала свои инсинуаціи, а болгарскій представитель въ Румыніи г. С. Радевъ рабски пересказывалъ ихъ корреспондентамъ венгерскихъ и турецкихъ газетъ, уже шли тайные переговоры Братіано съ уполномоченными соглашенія и живо обсуждался между ними вопросъ объ условіяхъ принципіально рѣшеннаго выступленія Румыніи противъ центральнаго союза.

Событія благопріятствовали успѣшному ходу этихъ переговоровъ. Возобновилось по всему юго-восточному фронту наступленіе русской арміи. Имя генерала Брусилова стало гремѣть въ Румыніи, какъ имя освободителя Буковины. За движеніемъ его арміи отъ самаго Лупка до границъ Румыніи нервно слѣдила вся мѣстная печать. Вѣра въ силу и мощь русскаго наступленія росла съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ.

Это вызывало понятную тревогу не только румынскихъ германофилевъ, но и ближайшей сосѣдки Румыніи, — Болгаріи. Хорошо освѣдомленный о настроеніяхъ и мѣропріятіяхъ правительства Братіано представитель послѣдней г. С. Радевъ, сталъ посылать своему правительству рапорты одинъ тревожнѣе другого. Взаимныя отношенія двухъ сосѣдовъ ухудшаются еще тѣмъ, что какъ разъ въ это время между Болгаріей и Германіей возникаетъ конфликтъ по поводу вопроса объ использованіи болгарскихъ войскъ на другихъ фронтахъ. Болгарія не желаетъ этого, она упирается въ своемъ стремленіи сохранить за собой хотя бы тѣнь военной самостоятельности, и это заставляетъ Берлинъ дать приказъ румынскимъ германофиламъ въ самой Румыніи повести агитацію противъ Болгаріи. Вчерашніе друзья начинаютъ ссориться, и вопросъ возбуждается даже о томъ, нельзя ли привлечь Румынію на сторону центральнаго союза перспективой отказа его отъ защиты болгарскихъ національныхъ интересовъ во имя идеи созданія великой Румыніи съ выходами ея сразу на два моря, — Эгейское и Адріатическое.

Выдвигается новая дилемма — Болгарія или Румынія.

И вотъ, исполняя порученіе Берлина, выступаетъ на страницахъ германской рептиліи «Eclair de Balkan», проф. В. Барбулеско, извѣстный германофилъ, отстаивая мысль, что у Румыніи не меньше правъ на Македонію и Албанію, чѣмъ у болгаръ. Параллельно этому появляются органы албано-македоно-румынской эмиграціи, живущей въ Румыніи, и съ помощью ихъ, на германскіе фонды, ведется агитація за образованіе особаго Иллирійско-Македонскаго государства, независимаго отъ Болгаріи, въ составъ котораго должны войти Иллирія, Македонія, Эпиръ и Ѳессалія; управленіе этимъ новымъ государствомъ должно быть оставлено за родственнымъ румынскому двору домомъ князя Вида, и это государство со своей стороны, при посредствѣ Австро-Венгріи, мечтавшей сохранить за

собой сербскій клинъ между нимъ и Румыніей, должно будетъ заключить съ послѣдней договоръ о томъ, чтобы морскіе порты и желѣзныя дороги новаго царства были открыты для румынскаго транзита.

Во главѣ этой новой агитаціи становятся перебравшійся изъ Софіи въ Бухарестъ органъ албанскихъ германофиловъ «L'Independance Albanaise» и иллюстрированный еженедѣльникъ на румынскомъ языкѣ «Tribuna Albano-Romana».

Агитація румынскихъ германофиловъ и албанскихъ эмигрантовъ по приказу Берлина противъ Болгаріи производитъ опредѣленное впечатлѣніе на Софію. Она уступаетъ всѣмъ требованіямъ Германіи и союзъ ея съ послѣдней пріобрѣтаетъ еще болѣе тѣсный и неразрывный характеръ. Въ военномъ и въ экономическомъ отношеніи Болгарія переходитъ окончательно на роль германскаго вассала, и съ этого момента даже главное командованіе болгарскими арміями фактически переходитъ въ руки ген. Макензена.

Съ этого момента румынскіе германофилы успокаиваются и снова говорятъ о томъ, что политическія отношенія между Румыніей и Болгаріей улучшаются. Но этому уже никто не вѣритъ. Правительство Братіано особенно заинтересовывается дѣятельностью въ Добруджѣ и Бухарестѣ шпіоновъ и агитаторовъ г. С. Радева. Оно внимательно слѣдитъ за военнымъ приготовленіемъ Болгаріи на своей границѣ. Оно затягиваетъ переговоры о заключеніи съ Болгаріей и Турціей торговыхъ конвенцій. Оно пользуется всякимъ случаемъ, чтобы затруднить австро-германскій транзитъ черезъ Румынію для Турціи и Болгаріи. Оно задерживаетъ въ своихъ портахъ грузы, предназначенные для этихъ странъ.

Все это вызываетъ новое усиленіе тревоги германофиловъ, понявшихъ, что ихъ агитація противъ Болгаріи совсѣмъ не такъ истолкована правительствомъ; когда же разыгрался извѣстный эпизодъ съ переходомъ русскими войсками румынской границы въ сѣверной Молдавіи, смущеніе и ярость германофиловъ достигаютъ своего апогея. Съ пѣной у рта набрасывается Маргиломанъ на правительство Братіано и требуетъ отъ него возстановленія поруганнаго русскими румынскаго нейтралитета. Еще дальше идетъ Карпъ, — онъ требуетъ немедленной мобилизаціи и объявленія войны Россіи.

Король въ волненіи. Онъ возбужденъ, и въ обществѣ упорно повторяютъ фразу, будто сказанную имъ, что онъ не позволитъ никому обращаться съ собой такъ, какъ обращаются съ греческимъ королемъ Константиномъ. Какъ извѣстно, сообщеніе о переходѣ русскаго отряда черезъ румынскую границу застигло короля на Дунаѣ, когда онъ на яхтѣ своей совершалъ прогулку по его теченію и когда, по этому поводу, нѣкоторыя газеты писали о возможности его встрѣчи съ Фердинандомъ Кобургскимъ.

Король вернулся съ прогулки раздраженнымъ и, встрѣченный Братіано въ Добруджѣ, еле отвѣтилъ на его привѣтствіе. Германофилы торжествовали, ожидая рѣшительныхъ шаговъ короны; однако, имъ пришлось еще разъ разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ, такъ какъ король, выслушавъ въ Бухарестѣ докладъ Братіано, обрисовавшій ему всю серьезность положенія, предоставилъ своему премьеръ-министру полную свободу дѣйствовать такъ, какъ онъ найдетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ въ интересахъ Румыніи.

Новое довѣріе, оказанное королемъ г. Братіано, сбило окончательно съ толку германофиловъ, и они временно притихли, не зная, что предпринять для спасенія своей политической игры.

Подошло 27-е мая. И въ этотъ день, являющійся знаменательной датой, мы услышали отъ одного лица, спеціально уполномоченнаго на веденіе переговоровъ съ Братіано, такія слова:

«Вы правы — событія повторяются, но не всегда въ одномъ и томъ же порядкѣ. Поведеніе Румыніи теперь, дѣйствительно, напоминаетъ поведеніе Болгаріи въ 1915 году. Разница лишь въ томъ, что наше положеніе въ Румыніи въ настоящее время таково, каково было положеніе германцевъ годъ тому назадъ въ Болгаріи».

И точно по сигналу, германофилы, впавшіе, было, въ спячку, снова завопили во весь свой голосъ: «Измѣна!»

Въ «Steagul'ѣ» — органѣ Маргиломана — появилась статья, яростно направленная противъ Братіано. Темой статьи былъ выбранъ инцидентъ въ Маморницѣ. Высказывалось прямое подозрѣніе, что Братіано зналъ о готовившемся шагѣ русскихъ, но нарочно не доложилъ о немъ ни королю, ни правительству для того, чтобы поставить ихъ уже передъ совершившимся фактомъ.

Въ германофильскихъ кругахъ повелась погромная агитація. Румынскіе соціалисты, получившіе еще въ началѣ войны отъ делегата германской соціалъ-демократіи Зюдекума 30.000 марокъ на проповѣдь въ своей газетѣ «Lupta» румынскаго нейтралитета, созвали большое собраніе. На немъ выступалъ съ горячимъ протестомъ противъ Братіано и противъ сближенія Румыніи съ Россіей извѣстный своимъ руссофобствомъ, внукъ болгарскаго революціоннаго дѣятеля и филолога Саввы Раковскаго — д-ръ Хр. Раковскій. Послѣ собранія толпа подростковъ-рабочихъ, смѣшанная съ присоединившимися къ нимъ германскими агентами, прошла по улицамъ Бухареста, но задержанная вызванными правительствомъ войсками на пути къ зданію россійской миссіи она прошла мимо редакціи преданной соглашенію газеты Конст. Милле — «Adeverul», и выбила въ ней окна.

Маргиломанъ созвалъ на совѣщаніе лидеровъ своей германофильской партіи, и, исполняя постановленіе ихъ собранія, поручилъ бывшему министру народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ Титу Майореско — проф. Аріону составить антиправительственный манифестъ къ народу. Въ этомъ манифестѣ должна была быть высказана мысль о необходимости отставки Братіано, и это требованіе должно было быть подкрѣплено демонстраціей передъ дворцомъ.

Однако, дальнѣйшее развитіе событій разрушило этотъ планъ германофиловъ, не допустивъ его осуществленія.

Русскія войска, какъ оказалось, не дожидаясь конца начавшихся между румынскимъ правительствомъ и Россіей переговоровъ о ликвидаціи инцидента съ переходомъ ими русской границы, сами покинули румынскую территорію, объяснивъ свое вторженіе въ нее неясностью стоявшихъ вдоль границы знаковъ.

Вышла «Зіуа» — одна изъ многихъ, выходившихъ въ Бухарестѣ германскихъ рептилій со статьей: «Нейтральны ли мы еще?» Вслѣдъ за ней разразилась инсинуаціями по адресу Братіано «Минерва», но онъ не поддался этимъ новымъ провокаціямъ германофиловъ и продолжалъ хранить полное спокойствіе.

Именно, тогда германофилы сдѣлали еще одинъ шагъ, чтобы свалить правительство Братіано.

Былъ брошенъ лозунгъ: «Довольно внѣшней политики! Довольно игры за внѣшнее положеніе и пустого кокетничанья съ великими державами! Пора заняться внутренними дѣлами и посмотрѣть на то, что дѣлается въ странѣ!»

А что дѣлалось въ странѣ — это было хорошо извѣстно германофиламъ, забывшимъ только одно, что именно они и ихъ спекуляція на германское золото были причинами всего того истощенія и всего того распада, которые разоряли и обезсиливали Румынію.

И вотъ, рисуя яркими красками грозящія уже Румыніи перспективы голода, холода и болѣзней, полнаго упадка ея земледѣлія, разстройства ея внутренняго рынка, паденія платежеспособности крестьянства, разоренія помѣщичьихъ хозяйствъ, застоя въ промышленности и торговлѣ, германофилы призывали всѣ партіи объединиться для борьбы съ правительствомъ, не сумѣвшимъ остановить развитіе всего этого упадка и образовать на мѣстѣ его «національный кабинетъ».

Однако и оппозиціи и даже соціалистамъ на этотъ разъ такъ очевидны были основныя тенденціи новой тактики германофиловъ, больше всѣхъ другихъ скомпрометированныхъ въ дѣлѣ разоренія стра-

ны, что ни та, ни другіе не пожелали вступать съ ними ни въ какое общеніе.

Случайное обстоятельство чуть было не спасло германофиловъ, однако и здѣсь имъ не повезло, а получилось лишь еще большее отчужденіе отъ нихъ румынскаго общества.

Рѣчь идетъ о кровопролитномъ столкновеніи, разыгравшемся въ послѣднихъ числахъ мая въ Галацѣ, между рабочими и войсками на почвѣ отказа мѣстнаго городского управленія выдать ихъ женамъ сахаръ и мясо.

Демонстрація, назначенная для проведенія рабочаго протеста мѣстной соціалъ-демократической организаціей передъ городскимъ управленіемъ въ Галацѣ, не преслѣдовала никакихъ политическихъ цѣлей.. Ея задачей было лишь выразить протестъ правительству по поводу безчеловѣчнаго отношенія къ рабочимъ семьямъ нѣкоторыхъ его агентовъ и добиться ихъ устраненія и преданія суду, согласно основнымъ законамъ румынской конституціи.

Такіе демонстраціи и протесты происходили и раньше, въ нихъ не видѣли ничего чрезвычайнаго, и обычно, заявивъ протестъ и выразивъ свои чувства въ рѣчахъ двухъ-трехъ ораторовъ, рабочіе мирно расходились, въ надеждѣ на то, что ихъ голосъ будетъ услышанъ.

Случайно, въ Галацѣ, гдѣ было еще раньше объявлено военное положеніе и военными властями было запрещено собираться на улицахъ, демонстрація рабочихъ окончилась иначе. Рабочихъ, по приказу какого-то забывшагося подпоручика, разстрѣляли; разстрѣляли безъ предупрежденія и личныхъ разговоровъ.

Хотя все это сдѣлано было безъ вѣдома центральнаго правительства, тотчасъ же назначившаго слѣдствіе о причинахъ разстрѣла и оказавшаго матеріальную помощь семьямъ убитыхъ и пострадавшихъ, германофилы рѣшили использовать и это печальное происшествіе въ цѣляхъ своей агитаціи противъ правительства Братіано.

Забывъ о томъ, какъ сами они нѣсколько лѣтъ тому назадъ разстрѣливали безъ суда и пощады молдаванскихъ крестьянъ, они теперь возмущались и рѣшили поддержать соціалистовъ.

«Долой правительство! Въ отставку Братіано! Подъ судъ убійцъ, проливающихъ кровь гражданъ внутри страны, когда они нужны для защиты границъ государства отъ его враговъ!» — съ такими лозунгами вышли на слѣдующій день послѣ галацкаго инцидента въ Бухарестѣ всѣ германскія рептиліи, призывая рабочихъ къ уличнымъ протестамъ.

Но рабочіе сумѣли отдѣлить себя отъ германскихъ провокаторовъ. Устроенная рабочими въ Бухарестѣ отдѣльно отъ нихъ величественная траурная манифестація не была манифестаціей противъ правительства Братіано и за войну противъ соглашенія, и въ этомъ смыслѣ германофи-

ламъ пришлось сознаться, что агитація ихъ потерпѣла рѣшительное фіаско.

Такимъ образомъ и эта новая интрига германофиловъ была сорвана, и правительство Братіано, торжествуя побѣду, поспѣшило довести черезъ свои органы до свѣдѣнія страны, что движеніе, вызванное было въ столицѣ Румыніи по поводу рабочихъ безпорядковъ въ Галацѣ, было дѣломъ агентовъ-провокаторовъ, желавшихъ создать правительству излишнія затрудненія.

Не меньшую неудачу потерпѣли интриги германофиловъ и въ другомъ направленіи — въ стремленіи привлечь къ борьбѣ съ правительствомъ Братіано оппозицію, руководимую друзьями соглашенія, — Таке Іонеско и покойнымъ Никой Филипеско. Въ отвѣтъ на предложеніе о совмѣстномъ дѣйствіи противъ правительства Братіано, германофилы получили отъ лидеровъ оппозиціи категорическій отказъ. Смыслъ этого отказа характеризовался лучше всего въ словахъ одного изъ близкихъ лицъ къ покойному Филипеско, лично намъ изложившимъ тѣ мотивы, которые заставили оппозицію отказаться отъ всякаго сотрудничества съ германофилами.

«Политика Братіано, — объяснило намъ это лицо, — конечно, насъ не удовлетворяетъ. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ Братіано серьезнымъ государственнымъ дѣятелемъ, сознающимъ свою отвѣтственность и осторожно выжидающимъ наступленія соотвѣтственнаго момента. Напрасно нашего предсѣдателя совѣта министровъ называютъ «румынскимъ Гунарисомъ». Подобное дискредитированіе его политической репутаціи на руку лишь агентамъ Германіи, которые дали бы много, чтобы опрокинуть кабинетъ Братіано и увидѣть въ роли ближайшаго совѣтника короны «румынскаго Венизелоса» — г-на А. Маргиломана, извѣстнаго своимъ германофильствомъ. Братіано — не Гунарисъ. Онъ независимъ въ своей политикѣ и занимаетъ позицію, которая отвѣчаетъ его пониманію даннаго момента. Однако, онъ и не обскурантъ, и если событія убѣдятъ его въ ошибочности его позиціи — онъ не побоится рѣшительнаго шага ради интересовъ страны. Поэтому мы отклонили предложеніе германофиловъ содѣйствовать паденію кабинета, удаленіе котораго якобы необходимо въ интересахъ... внутренней политики».

«Германофилы, обращаясь къ намъ съ подобнымъ предложеніемъ, не учли того, что между характеромъ нашихъ и ихъ неудовольствія политикой Братіано существуетъ большое различіе».

«Въ силу этого мы самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждаемъ агитацію, которую сейчасъ ведутъ германофилы противъ правительства, стараясь раздуть случайное прискорбное происшествіе въ Галацѣ до размѣровъ событія первостепенной важности».

Какъ ни мало, какъ ни незначительно по своему политическому значенію было событіе, разыгравшееся въ Галацѣ, общественная тревога, вызванная имъ, не могла не остановить на себѣ самаго серьезнаго вниманія правительства Братіано. На этомъ печальномъ происшествіи оно, наконецъ, имѣло случай убѣдиться, какое орудіе въ руки враговъ своихъ — внѣшнихъ и внутреннихъ — оно даетъ своимъ мягкимъ отношеніемъ къ практиковавшейся попутно съ германофильской агитаціей нѣмецкими агентами системой скупки и вывоза изъ Румыніи въ нѣмецкія страны продуктовъ питанія, зерна, сѣна и т. п. Этому приходилось ставить предѣлъ съ тѣмъ большей поспѣшностью, что развившіяся со всѣхъ сторонъ военныя событія уже опредѣленно начинали указывать на то, что предстоящія Румыніи общественныя потрясенія, въ связи съ неизбѣжнымъ для нея выясненіемъ своей политической позиціи, смогутъ потребовать отъ нея величайшаго напряженія всѣхъ ея силъ и средствъ.

И вотъ, хотя и со значительнымъ опозданіемъ, правительство Братіано начинаетъ принимать не только въ области мирной экономической внутренней политики, но и въ области чисто военной, рядъ мѣропріятій, рѣзко выходящихъ за предѣлы обычныхъ ежедневныхъ распоряженій.

Запрещается вывозъ за границу и убой коровъ, телятъ и другого убойнаго скота; запрещается продажа урожая текущаго года до его полной описи и опредѣленія потребностей страны. Та же мѣра прилагается и къ остаткамъ урожаевъ послѣднихъ двухъ лѣтъ и къ количеству зерна, необходимаго населенію для новаго обсѣмененія полей.

По границамъ Венгріи и Болгаріи, въ цѣляхъ ограниченія контрабанднаго вывоза скота, устанавливается особая зона, по которой запрещается пасти скотъ; въ дунайскихъ портахъ и въ Добруджѣ задерживаются грузы кукурузы, соли, керосина и бензина, закупленные турецкими, болгарскими и нѣмецкими эмиссарами для своихъ странъ. Съ товаровъ и грузовъ, идущихъ въ эти же страны черезъ Румынію транзитомъ, удерживается отъ 30 до 50 процентовъ въ пользу самой Румыніи.

Прекращаются переговоры правительства съ представителями Турціи и Болгаріи о торговыхъ договорахъ, подобныхъ договорамъ Румыніи съ Германіей и Австро-Венгріей. Отпускаются въ деревни для спѣшной уборки урожая сельскіе рабочіе, взятые въ армію. Дѣлается распоряженіе о переписи всѣхъ шофферовъ, автомобилей и велосипедовъ въ королевствѣ. Закрывается болгарская граница. Стягиваются войска къ Силистріи, Туртрикани, Добричу и Балчику.

Въ самомъ Бухарестѣ, изъ опасенія налетовъ авіаторовъ и дирижаблей, стекла уличныхъ фонарей замазываются въ защитный черносиній цвѣтъ.

Получилось представленіе, что правительство Братіано уже дѣлало

послѣднія приготовленія къ рѣшительному шагу и въ такомъ настроеніи страна живетъ еще іюнь, іюль и начало августа.

Въ это время приходитъ вѣсть объ отставкѣ С. Д. Сазонова. Это извѣстіе, поразившее весь міръ своею неожиданностью, вызвавшее ликованіе и бурю преждевременныхъ надеждъ въ станѣ нашихъ враговъ, особенно въ Болгаріи, произвело и въ Бухарестѣ впечатлѣніе грома среди яснаго неба. Осторожная политика С. Д. Сазонова отвѣчала политикѣ Братіано. Къ тому же, въ лицѣ С. Д. Сазонова Румынія теряла творца Бухарестскаго договора, давшаго Румыніи территоріальное пріобрѣтеніе въ Добруджѣ и приведшаго къ офиціальной дружбѣ съ Россіей. И поскольку болгаре, считавшіе г. Сазонова виновникомъ всѣхъ ихъ несчастій, ликовали по поводу отставки его, постольку въ Бухарестѣ все сильнѣе и сильнѣе проявлялась тревога, вызывавшаяся предположеніемъ о томъ, что смѣна руководителя внѣшней политики въ Россіи можетъ пріобрѣсти роковое значеніе для Румыніи.

Отзывы правыхъ органовъ русской печати по поводу этой смѣны еще больше внесли смущенія въ руководящіе круги Румыніи, и замѣна ушедшаго министра Б. В. Штюрмеромъ была понята ими, какъ побѣда въ правящихъ кругахъ Россіи курса энергичной внѣшней политики, которая въ первую же голову поставитъ на очередь вопросъ о немедленномъ выступленіи Румыніи.

И вотъ, подталкивая правительство Братіано къ рѣшительному шагу, печать Бухареста, расположенная къ соглашенію, открыто заговорила о томъ, что часъ Румыніи наступаетъ, что отставка С. Д. Сазонова лишь приближаетъ развязку, и что правительству Братіано совершенно нѣтъ никакого смысла дожидаться предъявленія ему соглашеніемъ, раздраженнымъ его медлительностью, ультиматума, а надо выступать немедленно.

Событія назрѣвали. Спѣшно возвратился съ лѣтняго курорта въ Бухарестъ самъ Братіано. За нимъ пріѣхалъ министръ иностранныхъ дѣлъ Тарумбару. Послѣдовалъ ихъ выѣздъ изъ Бухареста на совѣщаніе къ королю въ его резиденцію, въ Синай. Слѣдуя за ними въ томъ же поѣздѣ, погнались за министрами растерявшіеся дипломаты центральнаго союза. Одна за другой состоялись затѣмъ въ Синаѣ и Бухарестѣ продолжительныя встрѣчи съ Братіано фонъ-деръ-Буша, гр. Чернина и С. Радева. За ними — таинственное засѣданіе, затянувшееся до поздней ночи, этихъ дипломатовъ съ Маргиломаномъ и его союзниками у него на дому. Состоялся вызовъ въ Синай королемъ на продолжительную аудіенцію Таке-Іонеско.

Общее напряженіе охватило Румынію. Чувствовалось приближеніе послѣдняго момента. Газеты Маргиломана съ нервнымъ вниманіемъ слѣдили за встрѣчами съ румынскими министрами военнаго представителя Россіи

полковника Татаринова. Появилось сообщеніе, немедленно опровергнутое офиціозами, о состоявшемся будто бы въ военномъ министерствѣ подъ предсѣдательствомъ перваго секретаря министерства ген. Иліеско тайнаго совѣщанія въ присутствіи того же полковника Татаринова. Разнесся слухъ, что на 1-е августа уже рѣшено выступленіе Румыніи.

Но 1-е августа пришло и прошло, не принеся никакого измѣненія. Поведеніе Братіано, продолжавшаго хранить упорное молчаніе о томъ, что онъ собирался дѣлать, становилось загадочнымъ. 5-го августа утромъ полковникъ Татариновъ спѣшно выѣхалъ изъ Бухареста въ Ставку, о чемъ тогда же было объявлено въ газетахъ. Это было понято не только въ странѣ, но и въ средѣ нѣмецкихъ дипломатовъ, какъ знакъ полнаго краха переговоровъ о выступленіи Румыніи, происходившихъ между полк. Татариновымъ и правительствомъ Братіано, и графъ Чернинъ даже увѣдомилъ объ этомъ офиціально свое правительство.

Съ рѣзкой болью напалъ на Братіано за его политику маститый румынскій журналистъ, другъ соглашенія, Конст. Милле въ своемъ «Adeverul'ѣ», обвиняя его въ лжи, въ обманѣ страны, и говоря о томъ, что сами обстоятельства принудятъ теперь Братіано къ тому, что онъ старается избѣжать.

Германофилы торжествовали и, прекративъ свои нападки на Братіано, спокойно ожидали его капитуляціи. А военная конвенція Румыніи съ Россіей тѣмъ временемъ была уже подписана. Она уже была съ нами, и полк. Татариновъ, повезшій въ Ставку ея текстъ, подписанный румынскими министрами, уже привезъ его обратно съ надлежащею подписью.

Побѣда, о которой еще никто не зналъ, которая еще составляла величайшую тайну, была уже одержана, и коронный совѣтъ, состоявшійся въ Бухарестѣ 14-го августа, лишь обнародовалъ уже десять дней тому назадъ состоявшееся рѣшеніе Румыніи, о которомъ ничего не подозрѣвали ни фонъ-деръ-Бушъ, ни гр. Чернинъ, не перестававшіе до самаго послѣдняго дня посылать своимъ правительствамъ успокоительныя сообщенія о Румыніи.

Закончился годъ упорной борьбы за пріобщеніе Румыніи къ союзу соглашенія. И теперь, вотъ уже три мѣсяца, какъ она бьется вмѣстѣ съ нами противъ общаго врага, неся грандіозныя потери, подвергаясь всѣмъ ужасамъ войны, выказывая безпредѣльное самоотверженіе и доблесть.

Военное счастье пока еще не на ея сторонѣ. Занятые на другихъ фронтахъ союзники не успѣли еще оказать ей необходимой поддержки. Только теперь, когда уже значительная часть ея территоріи занята врагомъ и когда правительство перебралось въ Яссы, начинаетъ приходить давно ожидавшаяся помощь.

И хочется вѣрить, что эта страна не испытаетъ участи Бельгiи и Сербiи. Хочется вѣрить, что она будетъ спасена своими союзниками и что германцевъ ожидаетъ здѣсь, на равнинахъ Румынiи, та же участь, которая постигла ихъ на Марнѣ, на Соммѣ и подъ Верденомъ.

Этой вѣрой въ настоящее время живетъ вся Румынiя, ею полны и Яссы, гдѣ сейчасъ находится все, что есть лучшаго и самаго цѣннаго въ Румынiи.

Евгенiй Волковъ.

1916 г. 15 ноября.
Яссы.

ИЗЪ ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЕННОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ.

(René Benjamin. Gaspard, Paris 1916, 107-me édition.)

Въ началѣ европейской войны у нѣкоторыхъ русскихъ и иностранныхъ критиковъ родилась было надежда, что огромный духовный переворотъ, переживаемый нынѣ всѣмъ міромъ, отразится и въ литературѣ, наполнивъ ея страницы новымъ и трепетнымъ содержаніемъ. Эти ожиданія, къ сожалѣнію, не оправдались. Стремленіе запечатлѣть въ искусствѣ нашу трагическую современность проявилось, дѣйствительно, въ сильной мѣрѣ у беллетристовъ всѣхъ странъ, но эти попытки оказались либо неудачными, либо очень ничтожными. Легко можно замѣтить хотя бы на примѣрѣ русской военной беллетристики, что девять десятыхъ произведеній этого рода — безплодная макулатура, жалкое зрѣлище безсилія красивой лжи или ремесленной и неискренней погони за модой.

Волна „военныхъ разсказовъ" наводнила книжный рынокъ, но не вынесла на литературный берегъ ничего цѣннаго и свѣжаго, отмѣченнаго печатью истинной художественности.

То же явленіе наблюдается и въ другихъ странахъ. И во Франціи, и въ Италіи каждый писатель считаетъ своимъ долгомъ совершить литературное приношеніе на алтарь Марса, равно ненужное и богу войны и — что всего важнѣе — музамъ и богу поэзіи.

Въ Италіи д'Аннунціо пишетъ холодные, напыщенные стихи, лишенные даже той чисто внѣшней, словесной красоты, на которую онъ обычно такой мастеръ; Анни Виванти сочиняетъ патетическую пьесу на тему объ опозоренной Бельгіи, пьесу, являющуюся самой дешевой и скверной мелодрамой. Безчисленные романы, разсказы и стихи, посвященные войнѣ, либо трескучая патріотическая шумиха, либо слезливая, а подчасъ и патетическая стряпня. Развѣ только Панцини со своимъ „Romanzo della guerra", вышедшимъ въ началѣ 1915 г., умной и грустной книгой, стоитъ въ сторонѣ отъ ненавистнаго шаблона.

Во Франціи военная беллетристика тоже оказалась модой. Нѣкоторые беллетристы пишутъ свои contes de guerre точно такъ же, какъ они недавно писали свои contes d'adultère et d'amour. Война для нихъ лишь злободневная тема, а никакъ не міровая катастрофа. Иногда она попросту — сюжетъ для пикантнаго разсказа (M. Provins. Les fées d'amour et de guerre). У многихъ авторовъ не хватаетъ ни ума, ни силъ, чтобы охватить въ своемъ воображеніи міровую бурю и осмыслить ее хотя бы лично для себя, если не для читателей. Марсель Прево, напр., или Жоржъ Онэ [1]), конечно, не способны возвыситься до истиннаго пониманія происходящаго, измѣрить трагическую глубину современности: какъ можетъ авторъ безчисленныхъ „женскихъ писемъ" или ограниченный пѣвецъ буржуазныхъ добродѣтелей, жестоко высмѣянный Ан. Франсомъ и Ж. Лемэтромъ, разсказать намъ о томъ часѣ, когда Европа въ кровавой купели принимаетъ крещеніе къ новой жизни?

Французская беллетристика, къ сожалѣнію, отдалилась отъ тѣхъ образцовъ, которые имѣются въ ея славномъ прошломъ. Она забыла, какъ писалъ о войнѣ Стендаль. Его описаніе битвы при Ватерлоо и переживаній молодого дель Донго, впервые увидавшаго настоящее сраженіе (Chartreuse de Parme) — одна изъ лучшихъ и глубочайшихъ страницъ міровой литературы, напоминающая по проникновенности психологическаго анализа „Войну и миръ" Толстого. О войнѣ писалъ и Мопасанъ; вмѣстѣ съ Зола и Додэ создалъ онъ „Les soirées de Medan", гдѣ имѣется цѣлая серія „военныхъ разсказовъ". Среди его новеллъ есть цѣлый рядъ потрясающихъ очерковъ изъ эпохи франко-прусской войны. Мопасанъ оставилъ намъ въ „Sur l'eau" замѣчательныя страницы о войнѣ, которыя въ настоящій моментъ пріобрѣтаютъ особую глубину и значительность. И у Мопасана, и у Зола было стремленіе изобразить войну безъ всякихъ прикрасъ, такой, какова она на дѣлѣ. Съ той волнующей простотой, которая доступна лишь крупнымъ писателямъ, они раскрывали все, что сплетается въ войнѣ въ одно цѣлое: ея кошмаръ уничтоженія и проблески любви, ея ужасъ и ея величіе, ея низменность и ея трагизмъ.

Именно этой традиціи правды не слѣдуетъ современная французская (и французская ли только?) беллетристика. И Прево, и Онэ, и П. Аданъ (Dans l'air qui tremble), и А. Эрманъ (Les heures de guerre d'une famille Valadier) почти всегда сантиментальны, тенденціозны или патетичны.

---

[1]) M. Prévost. L'adjudant Benoit; G. Ohnet. Le journal d'un bourgeois de Paris pendant la guerre; H. Lavedan. Dialogues de guerre и т. д.

Они любятъ говорить о величіи войны, ея благодѣтельномъ воздѣйствіи на человѣческую душу, имъ нравится „красивый жестъ", они находятъ красоту въ атакахъ и сраженіяхъ и не скупятся на эффектныя сцены или гнѣвныя тирады по адресу враговъ. Всѣ герои этихъ произведеній рыцари безъ страха и упрека, съ пышной рѣчью и самоотверженными, благородными поступками.

Таковъ трафаретъ этой военной беллетристики, достаточно надоѣвшей и публикѣ, покупающей желтые томики, и критикѣ, тщетно ожидающей чего-нибудь яркаго и талантливаго отъ этого рода литературы.

Среди всѣхъ этихъ произведеній, посвященныхъ войнѣ, особнякомъ стоитъ одна книга, на которой отдыхаешь душой послѣ писаній Прево и Лоти (L'hyène enragée), послѣ восклицаній П. Адана или вздоховъ П. де Вальрозъ (Une âme d'amante pendant la guerre). Это „Гаспаръ" Ренэ Бенжамена, романъ, премированный Академіей Гонкуровъ и въ нѣсколько мѣсяцевъ выдержавшій 107 изданій.

На книгѣ Бенжамэна стоитъ остановиться и познакомить съ ней русскаго читателя хотя бы въ общихъ чертахъ. Трудно предположить, чтобы „Гаспаръ" появился въ полномъ русскомъ переводѣ. Книга Бенжамэна наполовину написана на томъ характерномъ argot, который почти не поддается переводу, она полна словечками, народными выраженіями и поговорками, въ которыхъ лучше всего отражается и духъ народа и духъ языка, но которыя почти всегда непереводимы.

Она вся искрится блестками чисто-французскаго юмора, того „esprit", легкаго, немного циничнаго и остраго, который придаетъ ей своеобразную и живую прелесть.

Но самое цѣнное въ романѣ то, что онъ рисуетъ войну безъ лжи и паѳоса, что въ немъ совершенно нѣтъ ходульнаго героизма и фальшиваго фанфаронства. Правда и человѣчность описаній роднятъ Р. Бенжамэна съ Мопасаномъ.

Говорить правду всегда трудно, особенно теперь. И особенно о войнѣ.

И поэтому вдвойнѣ велика заслуга Р. Бенжамэна, написавшаго книгу не только художественно цѣнную и интересную, но и подкупающую своей безыскусственностью и правдивостью. Мы вѣримъ ея автору, и при ея чтеніи съ нашихъ устъ исчезаетъ та скептическая улыбка, которой мы привыкли встрѣчать большинство „военныхъ романовъ".

Элементъ комизма, неизмѣнно сопутствующій герою романа Р. Бенжамэна, позволяетъ рѣзче выдѣлить страницы, въ которыхъ чувствуется подлинный трагизмъ и волнующая сила изображаемаго.

Красивый флеръ, обычно прикрывающій у французскихъ беллетристовъ военную дѣйствительность, здѣсь спадаетъ; въ книгѣ Бенжамэна нѣтъ и слѣда реторики войны, ея искусственнаго величія и приподнятаго тона, принятаго у газетныхъ фельетонистовъ и спеціалистовъ по части „военныхъ разсказовъ“. Слогъ Бенжамэна простъ, сжатъ и спокоенъ, и тѣмъ отчетливѣе выступаетъ изъ его описаній истинный ликъ войны, ликъ разрушенія, страданія и жертвы.

Герой романа — солдатъ Гаспаръ, бывшій продавецъ улитокъ съ улицы де ля Гэтэ изъ „Пантрюша“ (Парижъ на argot), высокій, нескладный человѣкъ, съ умными глазами, всклоченными волосами, съ кривымъ, на сторону свороченнымъ носомъ. Забавный, подвижной и жизнерадостный, съ монмартрской пѣсенкой или циничной шуткой на устахъ Гаспаръ — типичный сынъ города. Франція для него дѣлится на Парижъ и „все остальное“. Онъ презираетъ провинцію. Какъ и всѣ горожане, онъ „благёръ“, насмѣшникъ. Но въ то же время онъ умѣетъ работать, не покладая рукъ. У него живой, гибкій умъ и въ сущности доброе сердце. Онъ до войны увлекается Дюма, „Отверженными“ Гюго и „Сирано“ Ростана. Онъ не вѣруетъ ни въ Бога, ни въ дьявола, ругаетъ правительство и духовенство, кому-то грозитъ, чѣмъ-то недоволенъ, готовъ всякаго задѣть и высмѣять, не прочь пріударить за хорошенькой горничной и никогда не отказывается отъ бутылки вина.

Забіяка и драчунъ, онъ вѣчно попадаетъ во всевозможныя исторіи, ссорится съ жандармами, полицейскими, желѣзнодорожниками.

Но въ то же время онъ энергичный, дѣльный работникъ, славный малый, готовый все сдѣлать для своего товарища. Самъ того не сознавая, онъ способенъ на подвигъ самоотверженія. Въ этомъ отношеніи, одновременно насмѣшливый и пылкій, онъ кажется старшимъ братомъ тѣхъ парижскимъ „гамэновъ“, которые на баррикадахъ революціи умирали съ шуткой на устахъ.

Онъ — олицетвореніе жизни, бурливой, веселой, непосредственной жизни. Поэтому его всѣ и любятъ, поэтому онъ и становится верховодомъ въ своей ротѣ.

Послѣ мобилизаціи Гаспаръ попадаетъ въ маленькій нормандскій городокъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ по ротѣ, журналистомъ Бюреттомъ, большимъ пріятелемъ Гаспара.

Р. Бенжамэнъ немногими, но рѣзкими штрихами набрасываетъ картину всеобщаго смятенія въ началѣ войны, рисуетъ типы „уклонившихся“ (embusqués), восторженныхъ патріотовъ или хмурыхъ противниковъ войны.

Гаспаръ не принадлежитъ къ числу поклонниковъ войны. Какъ и большинство солдатъ, онъ въ глубинѣ души ея побаивается, и не любитъ, когда ему напоминаютъ объ ея опасностяхъ. Когда унтеръ-офицеръ записываетъ адресъ его семьи на случай, если его убьютъ, Гаспаръ негодуетъ: „А, чортъ побери, но это отвратительно... Такъ нельзя дѣлать... пусть меня убиваютъ, но пусть мнѣ не говорятъ объ этомъ... Я сдержалъ себя, а не то я бъ имъ всучилъ фальшивый адресъ, потому что... потому что... ахъ, да это свинство".

Онъ далекъ отъ смиренія и покорности; ругатель и бунтовщикъ, онъ часто приходитъ въ ярость, и когда нечего ѣсть, безъ стѣсненія стащитъ и курицу, и боченокъ пива.

Со своимъ здравымъ смысломъ и чувствомъ реальнаго онъ не любитъ болтуновъ, хитроумныхъ политикановъ и глубокомысленныхъ доморощенныхъ стратеговъ. Онъ знаетъ цѣну словамъ и, разразившись однажды патріотической тирадой въ отвѣтъ на привѣтствіе командира, объясняетъ потомъ товарищу: „Видишь ли, командиръ — добрый малый... и мнѣ кажется, онъ любитъ, когда ему выпаливаютъ такія штуки".

Впрочемъ, онъ даже и „штукъ" не выкидываетъ, когда приходитъ часъ испытанія, а не словъ, когда солдатъ везутъ на фронтъ въ вагонахъ для скота, когда затѣмъ приходится шагать до изнеможенія, не ѣсть и не спать.

Сперва Гаспаръ знакомится не съ битвами, не съ „проклятыми бошами-нѣмцами", а съ усталостью, физическими лишеніями и обычными тяготами похода.

И оказывается, что всѣ эти невзгоды — ничтожныя на первый взглядъ — закрываютъ отъ солдатъ то, что, быть можетъ, ждетъ ихъ черезъ два-три дня и что сейчасъ смутно рисуется въ отдаленіи: сраженіе, ужасъ смерти.

Трудно понять, что можно думать объ ѣдѣ за часъ до битвы, но Гаспаръ, но тысячи Гаспаровъ считаютъ, что горячая похлебка нужнѣе громкихъ фразъ. И въ этомъ простая правда жизни, которую сумѣли постичь лишь немногіе. Бенжамэнъ разсказываетъ объ одномъ офицерѣ, усвоившемъ эту мудрость земли.

„Полковникъ и офицеры въ продолженіе пяти дней похода всегда были готовы разразиться какой-нибудь патріотической рѣчью. Капитанъ Пюшъ еще ни разу не говорилъ о войнѣ. Онъ спокойно шелъ на нее, и она не заставила его произнести ни одного пламеннаго призыва. Онъ былъ не адвокатъ, а офицеръ; это значитъ, что прежде, чѣмъ думать о битвѣ, которая и для него, и для его солдатъ представляла собою нѣчто неизвѣстное, онъ говорилъ себѣ:

„Мой первый долгъ — позаботиться о продовольствіи и снаряженіи“. Поэтому онъ не говорилъ: „Солдаты... отечество... слава... знамя... жертва... проливая кровь“, а спрашивалъ, достаточно ли сваренъ картофель и начали ли уже брать пищу изъ запасовъ“.

Это и есть низкая истина, смиренная дѣйствительность первыхъ дней войны. Ибо, говоритъ Бенжамэнъ, „для солдата, т. е. для человѣка, обязаннаго служить въ самомъ рабскомъ смыслѣ слова, война прежде всего — цѣлый рядъ физическихъ испытаній, переходы съ багажомъ за плечами, бодрствованіе, испарина, холодъ, особенно голодъ. Вѣдь голодъ и смерть — главные враги. Но о смерти и не думаешь, когда ремни ранца впились въ грудь, или когда кажется, что ноги распухли и стали тяжелѣе камней. И затѣмъ смерть иногда поражаетъ однимъ ударомъ, безъ страданій, тогда какъ голодъ мучитъ въ продолженіе долгихъ дней. Голодъ не приводитъ въ страхъ и не уничтожаетъ.

Но вотъ, наконецъ, послѣ всѣхъ злоключеній, Гаспаръ оказывается подъ непріятельскимъ огнемъ. Предъ нимъ развертывается трагедія войны, столь непохожая на газетныя описанія, монотонная и однообразная даже въ своемъ ужасѣ и безсмысліи.

Описанія Р. Бенжамэна, точныя и немногословныя, передаютъ этотъ ужасъ лучше, чѣмъ самые велерѣчивые разсказы.

Передъ самымъ сраженіемъ солдаты варятъ себѣ супъ. Только что выбранъ новый кашеваръ; онъ внимательно слѣдитъ за дымящимся котломъ, гордый своимъ избраніемъ, весь поглощенный мыслью, какъ бы не ударить въ грязь лицомъ передъ товарищами, а особенно передъ своимъ соперникомъ — кашеваромъ въ отставкѣ — Гаспаромъ. Но вотъ разрывается первый снарядъ. За нимъ второй, — и вмѣсто кашевара остаются куски окровавленнаго мяса и клочья одежды. А изъ уцѣлѣвшаго котла все еще подымается паръ отъ кипящаго супа.

Въ наступающей атакѣ Гаспаръ раненъ. Онъ плюетъ отъ негодованія: осколокъ снаряда угодилъ ему въ мягкія части тѣла. Но его другъ Бюреттъ при смерти. Гаспаръ не хочетъ оставить товарища и на своихъ плечахъ, падая отъ изнеможенія и потери крови, выноситъ его изъ линіи огня. Французы отступаютъ, дорога запружена ранеными и бѣгущими, но Гаспаръ сверхчеловѣческимъ усиліемъ доставляетъ своего друга на перевязочный пунктъ. Бюреттъ умираетъ у него на рукахъ, передъ Гаспаромъ проносятъ агонизирующаго капитана Пюша. Только теперь въ памяти Гаспара встаетъ все, что онъ только что пережилъ. И отвернувшись отъ всѣхъ, уткнувшись лицомъ въ землю, охваченный неожиданнымъ отчаяніемъ онъ разражается горькими рыданіями.

Его переносятъ въ огромную церковь, наполненную ранеными. „Ихъ стоны поднимались къ небу, точно самая волнующая и самая искренняя молитва. Это былъ естественный призывъ Земли къ Богу; это было страданіе подъ Небомъ, распростертое на плитахъ, среди стѣнъ, которыя никогда не слышали болѣе искренней мольбы, чѣмъ жалоба этихъ истерзанныхъ тѣлъ".

Въ провинціальномъ госпиталѣ, куда затѣмъ перевозятъ Гаспара, онъ недолго остается въ постели. Природная живость беретъ верхъ, и черезъ недѣлю онъ уже разгуливаетъ по всѣмъ палатамъ и помогаетъ сестрамъ милосердія и санитарамъ.

Въ одной изъ палаты умираетъ молодой сержантъ. Только что отъ него уѣхала мать. Она надѣется, что сынъ поправится, и спѣшитъ къ раненому мужу. Но сержанту плохо. Ноги его парализованы. Тѣло его застываетъ, коченѣетъ. Онъ задыхается. Зовутъ священника. „Передъ больнымъ поставили ширмы, чтобы скрыть умирающаго и чтобъ не было видно ни его, ни священника, ни сестеръ. Но на бѣлой стѣнѣ мелькали ихъ силуэты, черные, огромные — и казалось, что таинство причастія совершается въ мрачномъ царствѣ тѣней".

Сержантъ агонизировалъ, но не умиралъ. Его мысль еще работала, и подобно всѣмъ, умирающимъ ночью, онъ судорожно цѣплялся за послѣднюю надежду: если онъ дотянетъ до утра — онъ выживетъ. Но утро... утро было такъ далеко... Каждую минуту онъ спрашивалъ съ отчаяніемъ, который часъ. Сестра терпѣливо и нѣжно отвѣчала ему.

Около полуночи, задыхаясь все сильнѣе, онъ спросилъ: — „Скоро ли четыре часа?"

И сестра отвѣтила: — „Да, мой милый... еще потерпите немножко"...

Но вдругъ онъ пришелъ въ отчаяніе, сталъ плакать и стонать: — „Пѣтухъ... долженъ быть пѣтухъ... онъ поетъ въ четыре часа"...

А пѣтухъ не пѣлъ.

Гаспаръ не могъ спать въ эту ночь. Онъ слышалъ эти слова. Онъ выпрямился на постели, потомъ сбросилъ одѣяло, надѣлъ штаны и осторожно, ползкомъ выбрался изъ дортуара.

И тогда... и тогда черезъ двѣ минуты пѣтухъ запѣлъ.

Это былъ немного странный голосъ, хриплый и слишкомъ человѣческій. Но сержантъ пересталъ задыхаться.

„— Се... сестра, вы слышите?

— Я вѣдь вамъ сказала: теперь четыре часа.

Онъ повѣрилъ: сейчасъ настанетъ день... И онъ умеръ спокойно, почти улыбаясь" (р. 199).

Безъ лишнихъ словъ описываетъ Бенжамэнъ человѣческія надежды, страданія и смертную муку, всю несложную и трогательную жизнь маленькаго госпиталя, гдѣ разыгрывается трагедія истерзаннаго тѣла и потрясенной души. И на ряду съ картинами бѣдствій, горести и уничтоженія рисуетъ онъ сцены, полныя глубокой человѣчности, проникнутыя состраданіемъ и жалостью, братской любовью къ ближнему. Не впадая въ сантиментализмъ, разсказываетъ онъ о Гаспарѣ, о его простой, непосредственной сердечности, о его душевномъ желаніи облегчить страданія товарищей.

И какой насмѣшкой, какимъ противорѣчіемъ звучитъ послѣ того сцена въ ресторанѣ, куда Гаспаръ является по выходѣ изъ госпиталя. Судья, аптекарь и богатый бакалейщикъ съ женой — мѣстные тузы — не желаютъ обѣдать въ одной залѣ съ солдатомъ, и Гаспара ловко выпроваживаютъ въ какую-то каморку, гдѣ онъ въ тоскѣ и одиночествѣ съѣдаетъ свой обѣдъ за три франка. И когда онъ выходитъ на темную улицу, онъ ощущаетъ смутную обиду, Ему не по себѣ. Онъ чувствуетъ, что онъ „всего лишь солдатъ, носящій на себѣ всю тяжесть военнаго рабства, столь же стараго и печальнаго, какъ и весь міръ". И въ безвѣздную, молчаливую ночь онъ бросаетъ свой вопросъ: „Такъ почему же, чортъ возьми, на памятникахъ вѣчно пишутъ „свобода"?"

Черезъ нѣкоторое время, послѣ поѣздки въ Парижъ, гдѣ Гаспаръ женится на своей Бибишъ, чтобы узаконить ребенка, послѣ цѣлаго ряда трагикомическихъ приключеній, онъ снова попадаетъ на фронтъ.

Холодной осенью онъ знакомится съ окопной жизнью. По колѣно въ водѣ онъ слушаетъ въ траншеѣ свистъ пуль, разрывы снарядовъ, полетъ „чемодановъ".

„И точно капля за каплей текли мгновенія этой новой, ошеломляющей и ужасной жизни, въ которой люди со смутными мыслями и ноющими тѣлами, въ туманѣ, холодѣ и грязи ожидали, когда, наконецъ, надъ ними смилостивится судьба. Иногда въ ихъ воображеніи мелькали неясныя очертанія домашней жизни, — но ихъ тѣла коченѣли и, застывъ въ своихъ жесткихъ шинеляхъ, они съ трудомъ слѣдили за медленнымъ и монотоннымъ ходомъ собственныхъ мыслей.

Зимняя кампанія Гаспара продолжается недолго: черезъ двадцать два часа онъ падаетъ, раненый въ ногу. Его товарищу Муссу снарядъ разворачиваетъ черепъ. Гаспаръ лежитъ, глядя на расплывающуюся лужу крови, сочащейся изъ его раны. „Нѣмцы и

французы убивали другъ друга. Слышны были дикіе крики. Новый снарядъ просвистѣлъ, упалъ, разорвался; земля раскрылась, поднялась, и громадная земляная волна обрушилась на тѣло Мусса. Его уже не было больше видно: германскія пушки его убили, онѣ же его и схоронили. Пушка нанесла ему смертельную рану — она же вырыла ему и могилу. Земля взяла его себѣ безъ помощи рукъ человѣческихъ. Война его поразила, земля его схоронила, дала ему успокоеніе тотчасъ послѣ смерти. Тѣло его не было осквернено; у него никто не рылся по карманамъ: ни стоновъ, ни фразъ. Солдатъ Муссъ — исчезъ" (р. 283).

Гаспаръ лишается ноги, но и на костыляхъ остается попрежнему жизнерадостнымъ и разбитнымъ малымъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ возвращается въ Парижъ, получаетъ хорошее мѣсто и утѣшаетъ себя надеждой, что, по крайней мѣрѣ, его сыну будетъ лучше житься, чѣмъ ему.

Такъ кончаются приключенія Гаспара, „солдача великой войны".

Несмотря на то, что въ романѣ г. Бенжамэна очень много юмора, а самъ Гаспаръ, несомнѣнно, комическій персонажъ, очень часто забавныя сцены близко соприкасаются съ трагическими и комизмъ превращается въ гротескъ или же пріобрѣтаетъ глубоко ироническій смыслъ. Это сплетеніе юмора, ироніи и трагизма придаетъ особую художественную прелесть произведенію Р. Бенжамэна. Какъ и въ самой жизни, въ немъ смѣшаны возвышенное и низменное, смѣхъ и фривольная шутка, и смерть, и ужасъ.

Но, быть можетъ, именно такъ и надо изображать войну — въ ея неприкосновенномъ видѣ, во всемъ смѣшеніи ея противорѣчивыхъ элементовъ, во всей глубинѣ и поверхностности ея переживаній. Такъ сдѣлалъ Р. Бенжамэнъ, напоминающій своимъ тонкимъ реализмомъ великіе образцы Мопассана — и, вмѣсто обычныхъ и безразличныхъ „письменныхъ упражненій на военныя темы", онъ сумѣлъ создать простую и волнующую книгу, всецѣло проникнутую тѣмъ, чего такъ недостаетъ современной литературѣ: правдой и человѣчностью.

Маркъ Слонимъ.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Годъ тому назадъ и теперь. — Перемѣны въ составѣ министерства и Государственнаго Совѣта. — Вопросы, связанные съ ближайшимъ будущимъ Государственной Думы. — Возможно ли прекращеніе, внѣ установленнаго порядка, неоконченнаго уголовнаго дѣла. — Предѣлы дѣйствія военной цензуры. — Признаки времени. — А. С. Ермоловъ †.

Условія внутренней жизни Россіи въ началѣ наступившаго года еще болѣе тяжелы, политическій горизонтъ еще болѣе мраченъ, чѣмъ годъ тому назадъ. Тогда перемѣны въ одряхлѣвшемъ и постепенно распадавшемся кабинетѣ И. Л. Горемыкина предстояли въ ближайшемъ будущемъ, оставляя мѣсто для болѣе или менѣе оптимистическихъ ожиданій; теперь новыя перемѣны только что совершены, и смыслъ ихъ не допускаетъ никакихъ сомнѣній. Тогда составъ присутствующихъ членовъ Государственнаго Совѣта былъ слегка передвинутъ вправо, но во главѣ Совѣта сохраненъ безпартійный и безпристрастный президіумъ; теперь въ верхнюю палату введено небывало значительное число новыхъ членовъ — настолько значительное, что, въ связи съ тенденціознымъ переводомъ изъ присутствующихъ въ неприсутствующіе, должно существенно измѣниться взаимное отношеніе совѣтскихъ группъ, а во главѣ Совѣта поставлены лица ярко опредѣленной партійной окраски. Тогда, какъ и теперь, въ ближайшемъ будущемъ ожидалось возобновленіе законодательной сессіи; но теперь, вопреки опредѣленному обѣщанію новаго предсѣдателя совѣта министровъ, оно отсрочено на цѣлый мѣсяцъ. А между тѣмъ, движенію власти назадъ соотвѣтствуетъ столь же рѣшительное движеніе впередъ, охватившее не только большинство Госуд. Думы, но и большинство Госуд. Совѣта (въ прежнемъ его составѣ), отразившееся въ средѣ объединеннаго дворянства, въ цѣломъ рядѣ общественныхъ организацій, въ широкихъ кругахъ населенія. Отсюда обостренность и серьезность положенія, безпримѣрнаго въ прошедшемъ Россіи и прямо противоположнаго существующему теперь въ союзныхъ съ нею государствахъ. Водворившееся тамъ и все болѣе крѣпнущее единодушіе заставляетъ болѣзненно чувствовать усиливающееся у насъ расхожденіе между властью и народомъ.

Что могло помѣшать созыву законодательныхъ собраній въ первоначально назначенный срокъ? Незаконченность работы бюджетной комиссіи? Но вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Госуд. Думы, такъ много, что въ предметахъ занятій, впредь до приступа къ бюджету, у нея не могло бы оказаться недостатка; не мало времени потребуетъ постатейное обсужденіе законопроекта о волостномъ земствѣ, не мало времени должны занять и запросы, значеніе которыхъ признаетъ, въ своей бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Новаго Времени", кн. Голицынъ, и указы, состоявшіеся на основаніи ст. 87-й зак. основн. Другой мотивъ отсрочки — необходимость ознакомленія новыхъ министровъ съ очередными дѣлами; но эта необходимость имѣлась въ виду при самомъ образованіи кабинета — и не считалась тогда препятствіемъ къ открытію сессіи въ первоначально назначенный для того срокъ. Чѣмъ опредѣленнѣе было съ самаго начала намѣреніе кн. Голицына сосредоточить свое вниманіе на вопросахъ продовольствія и перевозки, тѣмъ легче должна была быть для него подготовка къ встрѣчѣ съ Думой. Установленіе програмы дѣятельности правительства кн. Голицынъ называлъ, въ бесѣдѣ 29-го декабря, дѣломъ „ближайшихъ дней", а до 12-го января оставалось тогда цѣлыхъ двѣ недѣли. Объясненіе отсрочки слѣдуетъ искать, очевидно, въ другихъ, болѣе глубокихъ причинахъ — и, прежде всего, въ громадной трудности найти такую почву, на которой была бы возможна совмѣстная работа нынѣшняго кабинета и Государственной Думы. Велика была эта трудность и въ то время, когда передъ нею стоялъ кабинетъ А. Ѳ. Трепова, но она во много разъ больше для вновь образовавшагося министерства.

Прошедшая дѣятельность кн. Н. Д. Голицына, насколько въ ней могла выразиться его индивидуальность, протекла въ той средѣ, которая меньше всего имѣетъ общаго съ новыми условіями русской жизни. Онъ занималъ постъ губернатора въ то время, когда до крайности обострилась борьба между произволомъ и закономъ, между стремленіемъ впередъ и регрессомъ во что бы то ни стало, — и въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта борьба приняла наиболѣе рѣзкій характеръ. Какъ и Б. В. Штюрмеръ, кн. Голицынъ былъ исполнителемъ рѣшеній В. К. Плеве въ Тверской губерніи, земство которой выдвинулось тогда на первый планъ и именно потому испытало въ наибольшей мѣрѣ всю тяжесть бюрократической руки. Оставаясь на однажды избранной дорогѣ, кн. Голицынъ, какъ членъ Госуд. Совѣта, не могъ не примкнуть къ группѣ крайнихъ правыхъ. „Я не руководствовался, — сказалъ онъ въ упомянутой выше бесѣдѣ, — исключительно одними только требованіями партійныхъ программъ и интересовъ; я полагалъ и полагаю, что правда и благо престола и оте-

чества выше всякихъ партійныхъ директивъ". Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что правда и благо, разсматриваемыя сквозь партійную призму, получаютъ своеобразный оттѣнокъ. Каковъ этотъ оттѣнокъ въ партіи, руководимой гг. Щегловитовымъ и Марковымъ 2-мъ — это слишкомъ хорошо извѣстно. И дѣйствительно: подчеркивая свою готовность „работать въ добромъ согласіи съ общественными организаціями", кн. Голицынъ не сходитъ съ той почвы, которой всегда держалась и держится до сихъ поръ традиціонная „охранительная" практика. Правительство, по его словамъ, „должно входить въ объективную оцѣнку вопроса, слѣдуетъ ли удовлетворять ходатайство о разрѣшеніи того или другого съѣзда или собранія; слѣдуетъ установить, есть ли въ данный моментъ потребность въ такомъ съѣздѣ, закономѣрна ли его программа и удовлетворителенъ ли, съ точки зрѣнія государственнаго порядка, его составъ". Просторъ для усмотрѣнія открывается здѣсь безграничный. Не можетъ быть „объективной" оцѣнка, претендующая на даръ предвидѣнія, усматривающая опасность въ предполагаемомъ составѣ съѣзда, отказывающая иниціаторамъ съѣзда даже въ способности правильно разрѣшить вопросъ о своевременности его созыва. И что всего характернѣе — одна и та же мѣрка прилагается какъ къ съѣздамъ, такъ и къ собраніямъ: другими словами, исходной точкой для разсужденій кн. Голицына служатъ не только устарѣвшія правила 4 марта, но и указъ 1 сентября прошлаго года, еще менѣе совмѣстный съ обѣщаніями октябрьскаго манифеста.

Помимо воспоминаній о прошломъ, помимо заявленій о будущемъ, назначеніе кн. Голицына имѣло опредѣленный смыслъ уже потому, что онъ явился преемникомъ А. Ф. Трепова, замѣнить котораго, въ данную минуту и при данной обстановкѣ, могъ только еще болѣе прямолинейный представитель крайнихъ правыхъ взглядовъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о новомъ главѣ министерства юстиціи. Трудно было, повидимому, болѣе склоняться вправо, чѣмъ это дѣлалъ его предшественникъ — и тѣмъ не менѣе оказалось нужнымъ усиленіе наклона. Въ прошедшемъ Н. А. Добровольскаго имѣлась продолжительная служебная дѣятельность въ эпоху расцвѣта системы „разъясненій", исходившихъ, главнымъ образомъ, именно изъ перваго департамента сената, оберъ-прокуроромъ котораго состоялъ Н. А. Добровольскій. Подтвержденіе вытекающихъ отсюда предположеній не замедлила дать бесѣда Н. А. Добровольскаго съ сотрудникомъ „Биржевыхъ Вѣдомостей". Знаменательна въ ней, прежде всего, оцѣнка законопроекта о сенатѣ, (теперь получившаго уже силу закона). Нѣкоторыя его постановленія Н. А. Добровольскій признаетъ „не вполнѣ отвѣчаю-

щими требованіямъ момента". Къ числу такихъ постановленій онъ относитъ устраненіе представителей вѣдомствъ отъ участія въ совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ по сенатскимъ дѣламъ. Въ сенатской практикѣ, по словамъ министра, возникаетъ рядъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ требуетъ участія спеціалистовъ, а спеціалистами обычно являются представители вѣдомствъ. На самомъ дѣлѣ эти „спеціалисты" бываютъ, сплошь и рядомъ, заинтересованными сторонами. Нормальная ихъ роль — освѣщеніе дѣла справками, ссылками на прецеденты, но отнюдь не непосредственное вліяніе на тѣхъ, отъ кого зависитъ рѣшеніе дѣла... „Выдвигая въ первую голову велѣнія правосудія и придавая имъ исключительное по важности значеніе", управляющій министерствомъ юстиціи въ то же время, какъ членъ объединеннаго правительства, „не можетъ совершенно пренебречь обстоятельствами, складывающимися во внутренней и даже внѣшней политикѣ; на ряду съ правосудіемъ нельзя пренебрегать государственными интересами... А государственные интересы диктуютъ иногда необходимость принятія такихъ мѣръ, которыя непосвященнымъ кажутся нарушеніемъ основъ и требованій правосудія". Если бы нарушеніе всегда было только *кажущееся*, то о конфликтѣ между правосудіемъ и государственными интересами не могло бы быть и рѣчи; но въ томъ-то и дѣло, что теорія, защищаемая Н. А. Добровольскимъ, оправдываетъ совершенно реальныя отступленія отъ правосудія. Государственные интересы — понятіе неопредѣленное, до крайности эластичное; противопоставить ихъ категорическому велѣнію закона, положить ихъ на одну чашку вѣсовъ, въ то время какъ другая занята требованіями правосудія, — значитъ, въ большинствѣ случаевъ, предрѣшить исходъ, неблагопріятный для послѣднихъ. Извѣстно, къ какимъ печальнымъ, часто трагическимъ результатамъ приводило провозглашеніе принципа: salus populi suprema lex esto. Формула, запрещающая „пренебрегать политическими обстоятельствами", еще опаснѣе, потому что идетъ гораздо дальше: вмѣсто „спасенія народа" — т. е. чего-то, во всякомъ случаѣ, исключительно важнаго она выдвигаетъ интересъ государства, т. е. нѣчто, быть можетъ, гораздо болѣе обыденное и преходящее. И несмотря на оговорку, дѣлаемую Н. А. Добровольскимъ, нельзя не признать, что не всегда легко провести демаркаціонную черту между интересами государственнымъ и личнымъ...

Замѣна графа П. Н. Игнатьева, Н. К. Кульчицкимъ столь же характерна, какъ и замѣна А. Ф. Трепова кн. Н. Д. Голицынымъ, А. А. Макарова — Н. А. Добровольскимъ, но по совершенно другимъ причинамъ. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ, предшественники

и преемники были государственными дѣятелями одного и того же типа, и налицо имѣлось не измѣненіе его, а только обостреніе; въ первомъ случаѣ измѣнился или, по крайней мѣрѣ, предполагается измѣнившимся самый типъ. Возвести предположеніе на степень увѣренности мѣшаетъ бесѣда Н. К. Кульчицкаго, напечатанная въ № 302 „Русскихъ Вѣдомостей". „Обо мнѣ,—сказалъ управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, — составилось совершенно невѣрное представленіе, и близкое будущее покажетъ, что я вовсе не врагъ тѣхъ реформъ, которыя намѣчены моимъ предшественникомъ". Н. К. Кульчицкій по его словамъ „поборникъ закона и потому намѣренъ не предпринимать никакихъ шаговъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія безъ одобренія законодательныхъ учрежденій". До сихъ поръ „онъ дѣйствовалъ лишь въ качествѣ исполнителя чужой воли; нынѣ, въ качествѣ главы министерства, онъ проявитъ свою волю, на что имѣетъ право, какъ человѣкъ, сорокъ лѣтъ соприкасающійся съ наукой". Онъ увѣренъ, что ему удастся „столковаться на дѣловой почвѣ съ предсѣдателемъ университетской комиссіи Госуд. Думы, П. Н. Милюковымъ"... Въ виду всѣхъ этихъ увѣреній, возможно, покамѣстъ, только одно: объяснить впечатлѣніе, произведенное назначеніемъ Н. К. Кульчицкаго. Содѣйствовала этому впечатлѣнію бытность его попечителемъ учебнаго округа при А. А. Кассо и оставленіе имъ должности вслѣдъ за перемѣной въ управленіи министерствомъ; но еще бо̀льшую роль сыграло, несомнѣнно, сознаніе потери, понесенной русскимъ обществомъ въ лицѣ гр. П. Н. Игнатьева. Въ теченіе двухъ лѣтъ гр. П. Н. Игнатьевъ былъ единственнымъ министромъ, не только не примкнувшимъ къ торжествующей реакціи, но вступившимъ, въ своей спеціальной сферѣ, на путь прогресса. Въ древней Греціи, — гласитъ преданіе, — философу, отрицавшему движеніе, другой философъ отвѣчалъ нагляднымъ аргументомъ: ходьбою. Кабинету, утверждавшему, что во время войны нельзя думать о реформахъ, гр. Игнатьевъ отвѣчалъ столь же наглядно, предпринявъ и сильно подвинувъ впередъ рядъ преобразованій. Понятно, что его увольненіе, въ связи съ назначеніемъ кн. Н. Д. Голицына и Н. А. Добровольскаго, было истолковано, какъ шагъ назадъ, не только широкой публикой, но и въ средѣ вѣдомства: немедленно подалъ въ отставку одинъ изъ товарищей министра, А. К. Рачинскій... Чѣмъ шире благія намѣренія Н. К. Кульчицкаго, тѣмъ труднѣе ожидать ихъ осуществленія при вновь провозглашаемомъ господствѣ формулы: „все для войны", понимаемой въ смыслѣ застоя или регресса во всѣхъ областяхъ аконодательства и управленія.

Не имѣетъ, по всей вѣроятности, никакого отношенія къ вну-

тренней политикѣ увольненіе генерала Шуваева отъ должности военнаго министра. Съ его именемъ, во всякомъ случаѣ, останется связаннымъ доброе воспоминаніе о рѣчи, произнесенной имъ 4 ноября въ засѣданіи Госуд. Думы. Высокую цѣнность имѣло, въ ту тяжелую минуту, самое появленіе въ Думѣ министровъ военнаго и морского, и еще болѣе — сказанное ими о „дружной, общей работѣ". И въ памяти генерала Шуваева сохранится, безъ сомнѣнія, встрѣча, оказанная ему тогда Госуд. Думой.

Всего менѣе неожиданнымъ, но отнюдь не всего менѣе знаменательнымъ было утвержденіе А. Д. Протопопова въ должности министра внутреннихъ дѣлъ. Отношеніе общества къ бывшему товарищу предсѣдателя Государственной Думы опредѣлилось съ полною ясностью еще до московскихъ и петроградскихъ декабрьскихъ событій: ими было только еще разъ, съ особенною силой, подчеркнуто то, что стало очевиднымъ для всѣхъ чуть не съ самыхъ первыхъ словъ и дѣйствій А. Д. Протопопова на новомъ поприщѣ. Нелегко отыскать что-либо аналогичное въ исторіи, какъ русской, такъ и западно-европейской. Не мало, конечно, она представляетъ примѣровъ перехода съ одной стороны на другую, иногда прямо противоположную; но отличительная черта, обычно свойственная такому переходу — постепенность, сглаживающая острые углы или, по меньшей мѣрѣ, уменьшающая разстояніе между ступенями. У насъ политическая жизнь возникла недавно, и количество матеріала для параллелей соотвѣтственно невелико. Въ области государственной службы можно назвать только М. Н. Лонгинова, изъ отрицателя цензуры ставшаго ея суровымъ главою, и Н. А. Неклюдова, радикала шестидесятыхъ годовъ, въ концѣ жизни — товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Но метаморфоза обоихъ происходила въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, въ атмосферѣ, мало благопріятной для идейнаго постоянства. Быстрѣе совершился поворотъ въ настроеніи М. Н. Каткова; но все же прошло не мало лѣтъ, прежде чѣмъ либерализмъ молодого „Русскаго Вѣстника" уступилъ мѣсто обскурантизму „Московскихъ Вѣдомостей". Непродолжительны были промежутки времени, въ теченіе которыхъ свободомыслящій австрійскій адвокатъ Бахъ обратился въ гонителя свободы, глава династической оппозиціи при Людовикѣ-Филиппѣ, Одилонъ Барро — въ покорнаго слугу Людовика-Наполеона, строгій критикъ іюльской монархіи Барошъ — въ подготовителя декабрьскаго переворота; но какими крупными событіями были наполнены эти промежутки, сколько „обстоятельствъ, уменьшающихъ вину", могли найти въ нихъ для себя перебѣжчики въ реакціонный лагерь! Ничего подобнаго мы не видимъ въ данномъ случаѣ. Въ началѣ сентября А. Д. Протопоповъ былъ това-

рищемъ предсѣдателя Государственной Думы, большинство которой за годъ передъ тѣмъ прочно объединилось въ прогрессивный блокъ. Войдя, вмѣстѣ со всѣми другими октябристами, въ составъ блока, А. Д. Протопоповъ высказался, тѣмъ самымъ, за образованіе министерства, „опирающагося на народное довѣріе, способнаго организовать активное сотрудничество всѣхъ гражданъ и согласившагося съ законодательными учрежденіями относительно выполненія въ ближайшій срокъ опредѣленной программы"; онъ высказался за строгое проведеніе начала законности въ управленіи, за упраздненіе административной ссылки, за возстановленіе нарушенныхъ правъ печати. Вступленіе его въ составъ правительства не могло поэтому быть объяснено ничѣмъ другимъ, кромѣ надежды склонить министерство къ переходу на новую дорогу, къ принятію, хотя бы въ принципѣ, программы прогрессивнаго блока. Можно было не вѣрить въ осуществимость этой надежды, но нельзя было сомнѣваться въ ея существованіи. Случилось нѣчто совершенно непредвидѣнное: А. Д. Протопоповъ поспѣшилъ заявить объ усвоеніи имъ программы Б. В. Штюрмера. За этимъ послѣдовали новыя репрессіи противъ печати, установленіе системы „бѣлыхъ столбцовъ", и смѣнившаго ее произвольнаго сокращенія парламентскихъ рѣчей, запрещеніе московскихъ съѣздовъ, изъятіе ряда темъ изъ обсужденія въ печати. Утвержденіе А. Д. Протопопова въ должности министра внутреннихъ дѣлъ совпало съ преобразованіемъ кабинета въ направленіи, еще болѣе усиливающемъ рознь между властью и страною. И чѣмъ рѣзче поворотъ, чѣмъ быстрѣе онъ совершился, тѣмъ меньше шансовъ соглашенія и примиренія въ будущемъ. Никому изъ вновь обращенныхъ ревнителей регресса не удавалось связать свое имя съ чѣмъ-либо оставляющимъ свѣтлый слѣдъ въ исторіи народа и государства...

Тѣсно связаны съ преобразованіемъ кабинета перемѣны, происшедшія въ верхней палатѣ. Назначеніе И. Г. Щегловитова предсѣдателемъ Госуд. Совѣта почти равносильно возвращенію его въ составъ правительства — а что означало бы такое возвращеніе, объ этомъ можно судить по впечатлѣнію, произведенному, полтора года тому назадъ, увольненіемъ министра юстиціи... Новогоднимъ передвиженіямъ въ Госуд. Совѣтѣ предшествуетъ, по обычаю, совѣщаніе предсѣдателя Совѣта съ предсѣдателемъ совѣта министровъ. Совѣщаніе И. Г. Щегловитова съ кн. Н. Д. Голицынымъ привело къ результатамъ, до тѣхъ поръ безпримѣрнымъ въ нашей верхней палатѣ. Никогда еще офиціальное толкованіе ст. 9 и 11 учрежд. Го-

суд. Совѣта, ошибочность котораго была въ свое время указана нашимъ журналомъ [1]), не было доводимо до столь крайнихъ предѣловъ. Независимость, составляющая необходимое достояніе законодательнаго учрежденія, нарушена на этотъ разъ вдвойнѣ: удаленіемъ изъ среды присутствующихъ членовъ — единственныхъ облеченныхъ законодательными функціями, — многихъ лицъ, способныхъ и готовыхъ продолжать прежнюю работу, и одновременнымъ назначеніемъ значительнаго числа новыхъ членовъ, съ несомнѣнною цѣлью измѣнить политическую окраску большинства. Въ исторіи западно-европейскихъ верхнихъ палатъ неотъемлемость однажды пріобрѣтеннаго личнаго положенія давно уже обратилась въ аксіому. Искусственное перемѣщеніе большинства допускается тамъ лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, и почти всегда — съ цѣлью осуществить шагъ впередъ, настоятельно требуемый обстоятельствами, но задерживаемый отсталостью и упорствомъ небольшой общественной группы. Нашъ Госуд. Совѣтъ, наоборотъ, отказался, въ прошломъ году, отъ системы противодѣйствія, во что бы то ни стало, самымъ умѣреннымъ, самымъ скромнымъ реформамъ. Теперь онъ возвращенъ на только что покинутую имъ мертвую точку. Для правильнаго движенія вновь создана нелегко одолимая преграда... Измѣниться, вслѣдствіе наплыва новыхъ членовъ, могутъ голосованія Госуд. Совѣта; но измѣнилось ли его настроеніе? Потерялъ ли нравственную силу его ноябрьскій отвѣтъ на декларацію правительства?.. Значеніе законодательныхъ собраній обусловливается прежде всего, искренностью ихъ рѣшеній, мыслимою только при полной ихъ свободѣ. Принимать мѣры къ тому, чтобы эти рѣшенія никогда не расходились съ намѣреніями и видами правительства, значитъ низводить ихъ на степень никому не нужнаго и ничего не доказывающаго эхо. Авторитетъ законодательной палаты прямо пропорціоналенъ ея независимости, а независимость назначенныхъ ея членовъ возможна только при ихъ абсолютной несмѣняемости.

Противорѣчащая требованіямъ обновленной государственной жизни, несовмѣстная съ значеніемъ Госуд. Совѣта, какъ цѣлаго, система перевода изъ присутствующихъ членовъ въ разрядъ неприсутствующихъ чрезвычайно тягостна для затрагиваемыхъ ею отдѣльныхъ лицъ, если участіе въ законодательной работѣ было для нихъ не только однимъ изъ видовъ службы и если они чувствуютъ въ себѣ достаточно силъ для продолженія излюбленной ими работы. Есть условія, при которыхъ синекура не только не представ-

---

[1]) См. внутр. обозрѣніе въ № 2 „Вѣстника Европы“ за 1908 г.

ляетъ ничего заманчиваго, но является прямо непріемлемой. Такою она оказалась для И. Я. Голубева, много лѣтъ сряду бывшаго вице-предсѣдателемъ Госуд. Совѣта и еще недавно руководившаго памятными ноябрьскими его засѣданіями. Исключенный изъ числа присутствующихъ, онъ испросилъ и получилъ увольненіе отъ должности члена Госуд. Совѣта. Это — логическое завершеніе его слишкомъ полувѣковой дѣятельности. Широко образованный юристъ, прекрасный судебный ораторъ, выдающійся судья, искусный руководитель собраній, онъ вездѣ и всегда ставилъ на первый планъ интересы дѣла, къ которому былъ призванъ.

Центральнымъ вопросомъ настоящей минуты остается отношеніе правительства къ Госуд. Думѣ. Офиціальныя заявленія, касающіяся этого вопроса, звучатъ успокоительно. „Прежде всего, — читаемъ мы въ бесѣдѣ кн. Голицына съ сотрудникомъ „Новаго Времени“, — я признаю совершенно необходимой совмѣстную, дружную работу правительства и законодательныхъ учрежденій, какъ основное условіе правильнаго разрѣшенія вопросовъ нашей государственной жизни“. Сознавая, что такая работа представляетъ, въ настоящую минуту, большія трудности, кн. Голицынъ не считаетъ ихъ „непреодолимыми“; онъ убѣжденъ, что „исторія не можетъ быть возвращаема обратно“, „Россія не можетъ существовать безъ законодательныхъ учрежденій“. Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ 6 января на имя кн. Н. Д. Голицына, „благожелательное, прямое и достойное отношеніе къ законодательнымъ установленіямъ поставлено въ непремѣнную обязанность призванныхъ къ государственному служенію лицъ“. И тѣмъ не менѣе будущее, даже ближайшее, представляется загадочнымъ, неяснымъ. „Совмѣстная работа“ можетъ не наладиться, затрудненія могутъ оказаться неустранимыми; что же тогда? Правительство, по словамъ кн. Голицына, „не можетъ оставаться равнодушнымъ къ такимъ выступленіямъ, какія имѣли мѣсто въ недавнее время“; какъ же оно думаетъ реагировать на нихъ, если бы они повторились? Возбужденію подобныхъ вопросовъ способствуетъ многое, происходящее въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ правительственными сферами. И пока существуетъ причина, до тѣхъ поръ неизбѣжны и послѣдствія, какія бы ни раздавались благонамѣренно-успокоительныя рѣчи. Одну такую рѣчь произнесъ, въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, новый вице-предсѣдатель Госуд. Совѣта. Напомнивъ, что въ теченіе послѣднихъ одиннадцати лѣтъ періодически появляются „самые невѣроятные слухи“ о готовящейся, будто бы, „ликвида-

даціи законодательныхъ учрежденій", В. Ф. Дейтрихъ называетъ эти слухи „вполнѣ несуразными" и совѣтуетъ понять, что „уничтоженіе законодательныхъ учрежденій въ Россіи совершенно невозможно". Почему же, однако, такъ живучи „несуразные" слухи, почему же и они вызываютъ раздражающую тревогу? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти чуть ли не въ каждомъ листкѣ рептильныхъ газетъ. Ограничусь однимъ примѣромъ: по мнѣнію „Россійскаго Гражданина" (органа г. Булацеля, вполнѣ достойнаго идти рука объ руку съ „Земщиной" и „Русскимъ Знаменемъ"), „нельзя ни въ какомъ случаѣ ограничиваться просто лишь роспускомъ Госуд. Думы, а необходимо произвести выемку всѣхъ главарей-заговорщиковъ и предать ихъ немедленно военному суду по законамъ военнаго времени"... Конечно, если бы пресса извѣстнаго рода выражала только взгляды небольшого частнаго кружка и не имѣла точекъ опоры въ офиціальномъ мірѣ, ея воплямъ, ея застращиваніямъ и науськиваніямъ смѣшно было бы придавать какое бы то ни было серьезное значеніе; но она существуетъ благодаря властной поддержкѣ, при участіи которой разрастается, въ извѣстныя минуты, работа, такъ называемыхъ, „монархическихъ" организацій. Вотъ три извѣстія, заимствуемыя мною изъ одного и того же номера „Русской Воли": „прибывшій въ Петроградъ предсѣдатель всероссійскаго отечественнаго союза В. Г. Орловъ посѣтилъ вчера многихъ сановниковъ и имѣлъ продолжительную бесѣду съ членами Госуд. Совѣта С. Е. Крыжановскимъ и Н. В. Плеве. Прибывшій одновременно предсѣдатель московскаго монархическаго союза С. А. Кельцевъ сдѣлалъ докладъ о положеніи дѣлъ И. Г. Щегловитову, которому передалъ привѣтственный адресъ отъ московскихъ монархическихъ организацій. Въ засѣданіи главнаго совѣта союза русскаго народа, происходившаго у Маркова 2-го, обсуждался вопросъ объ изысканіи средствъ на расширеніе патріотической дѣятельности, въ виду послѣдовавшаго 1-го января 1917-го года *сокращенія субсидій*"... Еще знаменательнѣе перепечатанная въ „Рѣчи" (№ 7) изъ какой-то саратовской газеты всеподданнѣйшая телеграмма саратовскихъ отдѣловъ союза русскаго народа и союза имени Михаила Архангела. „Законодательныя учрежденія, — по словамъ этой телеграммы, — подаютъ примѣръ чудовищнаго беззаконія. Не достаточно ли одного такого документа, чтобы понять, почему такъ часто возникаютъ и такъ легко распространяются слухи, противъ которыхъ протестуетъ г. Дейтрихъ? Съ дѣйствующими основными законами саратовская телеграмма не находитъ нужнымъ считаться; но не напоминаетъ ли она рѣчь, произнесенную г. Щегловитовымъ на ноябрьскомъ съѣздѣ 1915-го года?..

„Понятно каждому, — сказалъ кн. Н. Д. Голицынъ въ много

разъ цитированной мною бесѣдѣ, — что правительство, какъ таковое, не можетъ предпринимать какихъ-либо экспериментовъ въ области государственнаго управленіи, носящихъ характеръ государственнаго переворота, въ особенности въ такой историческій моментъ, какой наше отечество переживаетъ теперь, такъ какъ результатомъ такого шага, помимо всего прочаго, можетъ явиться всеобщая дезорганизованность". Непосредственною цѣлью этихъ словъ было отрицаніе парламентарной отвѣтственности министровъ; но они вполнѣ примѣнимы ко всякому „перевороту", каковъ бы ни былъ его источникъ, какова бы ни была его цѣль. Вопросъ о способѣ дѣйствій, котораго намѣрено держаться министерство въ случаѣ новаго конфликта съ Думой, они оставляютъ открытымъ. Изъ указаній, встрѣчавшихся въ печати, можно вывести заключеніе, что, по мнѣнію кн. Голицына и нѣкоторыхъ другихъ министровъ, продолжительность думской сессіи будетъ зависѣть отъ характера депутатскихъ рѣчей. Другими словами, неблагопріятное для министерства настроеніе Думы должно имѣть результатомъ новый перерывъ думскихъ занятій. Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что обращеніе къ этому средству оказалось бы теперь сопряженнымъ съ большими неудобствами и затрудненіями, уже въ виду неутвержденія государственной росписи на текущій годъ. Если бы во время перерыва не были устранены источники розни между правительствомъ и Думой, положеніе дѣлъ при возобновленіи сессіи оказалось бы прежнимъ. Вопросъ: что же дальше? сохранилъ бы свою щемящую остроту. За перерывомъ сессіи можетъ, конечно, воспослѣдовать роспускъ Думы; но совмѣстима ли эта послѣдняя мѣра съ обстоятельствами военнаго времени? Вѣдь на основаніи ст. 3-й учреж. Гос. Думы указомъ о роспускѣ Думы назначаются новые выборы, а производству выборовъ продолжающаяся война противопоставляетъ самыя серьезныя препятствія. Цѣлый рядъ губерній находится въ рукахъ врага; на всемъ остальномъ пространствѣ Россіи призвана подъ оружіе весьма значительная часть взрослаго мужского населенія. Весьма вѣроятно, что именно поэтому не назначаются дополнительные выборы въ Думу, гдѣ пустуетъ все болѣе и болѣе растущее числе депутатскихъ мѣстъ, Слишкомъ ненормально было бы при томъ отсутствіе народнаго представительства въ тѣ критическія минуты, которыя переживаетъ Россія. Фактически невозможнымъ представляется, при такихъ условіяхъ, не только досрочный роспускъ Думы, но и производство новыхъ выборовъ по наступленіи законнаго для нихъ срока, т. е. осенью текущаго года. Теперь, когда нельзя ожидать скораго прекращенія войны, неотложной становится поста-

новка, въ законодательномъ порядкѣ, вопроса о продленіи думскихъ полномочій.

Совершенно неправдоподобными, въ виду провозглашаемаго правительствомъ желанія работать вмѣстѣ съ Думой, представляются слухи о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ будто бы возобновленіемъ дѣятельности бюджетной комиссіи. Что эта дѣятельность можетъ и должна начинаться раньше, чѣмъ соберется Дума — это до сихъ поръ считалось безспорнымъ; но теперь кѣмъ-то высказывается и поддерживается мысль, что такое рѣшеніе примѣнимо только къ нормальному, осеннему открытію законодательной сессіи, а не къ возобновленію ея послѣ болѣе или менѣе короткаго перерыва. Само собою разумѣется, что эта мысль лишена всякаго основанія. Не говорю уже о томъ, что нѣтъ вообще разумнаго основанія для пріуроченія коммиссіонной работы ко времени думскихъ засѣданій: разъ что комиссія избрана и срокъ полномочій ея не истекъ, ей должно принадлежать право собираться и трудиться во всякое время. Всего менѣе этого права можетъ быть лишена бюджетная комиссія, докладъ которой подготовляетъ почву для выполненія одной изъ важнѣйшихъ функцій народнаго представительства. Если отсутствіе, въ настоящую минуту, такого доклада выставляется однимъ изъ препятствій къ отсрочкѣ созыва Думы, то какимъ же образомъ можно мѣшать тому, что должно способствовать устраненію этого препятствія? Конечно, октябрьскій опытъ прошлаго года свидѣтельствуетъ о томъ, что уже въ бюджетной комиссіи можетъ обнаружиться рознь между министерствомъ и Думой; но разъ что рознь существуетъ, то не все ли равно, обнаружится ли она нѣсколькими недѣлями раньше или позже? [1])

Больше чѣмъ, когда-либо подвергается теперь нападкамъ и слѣва, и въ особенности справа прогрессивный блокъ — и больше чѣмъ когда-либо становится яснымъ его дѣйствительное значеніе. Благодаря ему Государственная Дума могла стать средоточіемъ широкихъ круговъ населенія; благодаря ему сдѣлалось возможной программа, осуществимая въ данную минуту, съ данными силами, какъ первый шагъ къ государственному и общественному строительству. Есть достаточное основаніе вѣрить въ прочность блока; онъ вышелъ невредимымъ изъ стольких испытаній, что можетъ спокойно смотрѣть въ глаза будущему. Во многомъ и главномъ съ нимъ заодно могутъ дѣйствовать и формально оставившіе его

[1]) Эти строки были уже въ печати, когда безпрепятственно состоялось возобновленіе занятій бюджетной комиссіи.

прогрессисты. Никакія новыя назначенія не могутъ порвать связь между нимъ и оппозиціонными или просто независимыми группами Госуд. Совѣта. До смѣшного странной является мелькавшая, одно время, на газетныхъ страницахъ мысль о „черномъ блокѣ". Всякій блокъ предполагаетъ союзъ болѣе или менѣе разнородныхъ партій—союзъ временный, заключаемый для достиженія опредѣленныхъ цѣлей. Правые Госуд. Думы и Госуд. Совѣта дѣйствовали и дѣйствуютъ солидарно, какъ носители однихъ и тѣхъ же взглядовъ, однихъ и тѣхъ же стремленій; для чего вступать имъ между собою въ блокъ? На поддержку правыхъ думскихъ націоналистовъ, до крайности ослабленныхъ уходомъ прогрессивныхъ націоналистовъ, и безъ блока почти всегда могутъ разсчитывать сторонники гг. Левашева, Маркова 2-го и Замысловскаго. На сколько нибудь прочное единеніе съ правымъ центромъ Госуд. Совѣта ультра-правые, послѣ ноябрьскаго голосованія, разсчитывать едва ли могутъ. За отсутствіемъ союзниковъ пришлось поднять вопросъ о блокѣ... съ правительствомъ; т. е. о чемъ-то и безъ того существовавшемъ и существующемъ и подъ понятіе о блокѣ совсѣмъ не подходящемъ. Толки о „черномъ блокѣ" привели къ тому, что еще яснѣе и ярче обрисовалась изолированность крайнихъ правыхъ.

Наравнѣ съ Госуд. Думой и прогрессивнымъ блокомъ сторонникамъ реакціи ненавистны всѣ общественныя организаціи, въ которыхъ дѣйствуютъ живыя народныя силы. На первомъ мѣстѣ между ними стоятъ союзы общеземскій и общегородской — и соотвѣтственно ихъ важности растетъ и кипящая противъ нихъ злоба. Очень отрадное впечатлѣніе производитъ, поэтому, относящаяся къ нимъ бесѣда новаго военнаго министра съ сотрудникомъ „Русскаго Слова". Отдавъ справедливость трудамъ своихъ предшественниковъ, генераловъ Поливанова и Шуваева, генералъ Бѣляевъ продолжалъ: „съ дѣятельностью земскаго и городского союзовъ, особенно въ дѣлѣ оказанія санитарной помощи арміи, я хорошо знакомъ. Съ руководителями обоихъ союзовъ я много работалъ. Говорить объ огромныхъ заслугахъ земскаго и городского союзовъ излишне: отрицать этихъ заслугъ никто не будетъ. Я увѣренъ, что и въ будущемъ мнѣ придется работать рука объ руку съ этими организаціями. То, что я сказалъ объ отношеніи къ земскому и городскому союзамъ, могу повторить и по отношенію къ дѣятельности „Земгора" и военно-промышленныхъ комитетовъ. Совершенно очевидно, что центральное вѣдомство не въ состояніи использовать всѣхъ производительныхъ силъ страны, если на мѣ-

стахъ у него не будетъ посредниковъ, хорошо знающихъ мѣстную жизнь и пользующихся довѣріемъ населенія. Безъ дѣятельнаго сотрудничества общественныхъ организацій промышленныя и техническія силы нашей страны не были бы использованы въ полной мѣрѣ, что принесло бы ущербъ прежде всего арміи". Въ этомъ отзывѣ М. А. Бѣляева нѣтъ никакихъ оговорокъ, которыя давали бы право думать, что онъ сочувствуетъ только нѣкоторымъ отраслямъ дѣятельности союзовъ, что онъ дѣлаетъ, напримѣръ, различіе между работой ихъ на фронтѣ и въ тылу. Мало вѣроятенъ поэтому появившійся въ печати слухъ о возможности постепенной ликвидаціи тыловыхъ учрежденій всероссійскаго союза городовъ и о расформированіи, въ первую очередь, отдѣловъ продовольственнаго, больничнаго и подарочнаго. Не такъ организовано у насъ продовольственное дѣло, чтобы можно было съ легкимъ сердцемъ „ликвидировать" чью бы то ни было производительную дѣятельность въ этой области. Больничный отдѣлъ неразрывно связанъ съ санитарнымъ, заслуги котораго особенно подчеркнуты въ отзывѣ М. А. Бѣляева, На подарочный отдѣлъ едва ли поднимется чья-нибудь рука; слишкомъ ясна не только матеріальная, но и нравственная цѣнность всего того, въ чемъ выражается связь между войскомъ и страной [1]). Ошибки возможны вездѣ и всегда, не избѣжали ихъ, вѣроятно, и союзы; но изъ-за нихъ не могутъ и не должны быть забыты заслуги, лучше чѣмъ кому-либо, извѣстныя командному составу нашихъ армій,

---

Въ исторіи отношеній административной власти къ мѣстному самоуправленію одну изъ самыхъ характерныхъ страницъ займетъ состоявшаяся на-дняхъ отмѣна московскихъ городскихъ выборовъ, столь наглядно обнаружившихъ настроеніе широкихъ круговъ столичнаго населенія. Поистинѣ удивителенъ главный мотивъ отмѣны. Инструкція, на основаніи которой производились выборы, была въ свое время утверждена министромъ внутреннихъ дѣлъ, но въ ней оказались пункты, не согласные съ разъясненными сенатомъ статьями городового положенія 1892-го года. А если бы выборы были произведены безъ соблюденія требованій инструкціи? Не ясно ли, что это послужило бы поводомъ къ ихъ отмѣнѣ? И развѣ Москва виновата въ томъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ не согласовало инструкцію съ разъясненіями сената?.. Поводъ къ отмѣнѣ оказался очень удобнымъ съ точки зрѣнія административныхъ со-

[1]) Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть письма командующаго одною изъ армій и другихъ генераловъ на имя М. В. Челнокова, напечатанныя въ № 7 „Русскихъ Вѣдомостей".

ображеній: изъ письма градоначальника къ городскому головѣ видно, что новые выборы не будутъ назначены до полученія отъ министра внутреннихъ дѣлъ отвѣта на представленіе, сдѣланное ему по поводу вышеуказаннаго „несоотвѣтствія инструкціи". Чѣмъ больше времени пройдетъ до новыхъ выборовъ, тѣмъ больше, съ точки зрѣнія администраціи, шансовъ, что они не будутъ простымъ повтореніемъ прежнихъ. А покамѣстъ пускай орудуетъ въ Москвѣ забракованная избирателями и потерявшая всякій авторитетъ дума.

Въ послѣднее время не разъ возникали слухи о прекращеніи, внѣ порядка, установленнаго закономъ, того или другого уголовнаго дѣла. Съ особенною опредѣленностью называли при этомъ характерное дѣло Манасевича-Мануйлова. Оказалось, однако, что оно скоро будетъ слушаться въ судѣ, и притомъ, повидимому, при открытыхъ дверяхъ. Теперь въ печати вновь появилось сообщеніе о прекращеніи, будто бы, навсегда дѣла объ облитіи сѣрной кислотой бывшаго директора русско-англійскаго банка. Нужно думать, что это сообщеніе лишено всякаго основанія. Внѣ-законное прекращеніе уголовныхъ дѣлъ и прежде, при старомъ государственномъ строѣ, встрѣчавшееся очень рѣдко, совершенно немыслимо при дѣйствіи ст. 10, 11 и 23 новыхъ основныхъ законовъ. Въ этой области менѣе чѣмъ гдѣ-либо допустимъ конфликтъ между правосудіемъ и государственными интересами, возможность котораго предусматривается въ извѣстной бесѣдѣ Н. А. Добровольскаго. Лучшей охраной правосудія служатъ именно правильно понятые государственные интересы [1]).

Въ офиціальныхъ сферахъ, по словамъ „Новаго Времени", недавно вновь былъ поднятъ и разсмотрѣнъ особымъ совѣщаніемъ возбужденный осенью 1915-го года (при кн. Н. Б. Щербатовѣ) вопросъ объ установленіи общей для всей русской печати предварительной цензуры. Признавъ эту мѣру „несвоевременною", совѣщаніе „остановилось на системѣ предупредительныхъ циркуляровъ и частичной предварительной цензуры", послѣ чего нѣкоторыя изъ числа петроградскихъ газетъ были подвергнуты предварительной цензурѣ въ полномъ объемѣ. Чтобы опредѣлить степень законности этой мѣры, необходимо было бы знать, какъ она понимается и примѣняется на практикѣ. Если значеніе ея исчерпывается тѣмъ, что

---

[1]) Когда эти строки были сданы въ печать, въ „Рѣчи" (№ 9) появилось извѣстіе о томъ, что управляющій министерствомъ юстиціи не признаетъ возможнымъ освобожденіе отъ слѣдствія и суда, пока дѣло не прошло черезъ всѣ инстанціи (т. е. пока не открылся просторъ для помилованія).

газеты, ей подвергшіяся, представляются въ военную цензуру цѣликомъ, а не только въ частяхъ, подлежащихъ ея вѣдѣнію, то нарушеніемъ временныхъ правилъ это назвать нельзя; буквальный ихъ смыслъ допускаетъ, къ сожалѣнію, представленіе въ цензуру изданія въ полномъ его объемѣ. Весь вопросъ въ томъ, какъ далеко простираются права военной цензуры по отношенію къ содержанію изданія. Поступило ли изданіе въ цензуру все цѣликомъ или въ частяхъ, характеръ и предѣлы цензорской власти отъ этого не измѣняются: просмотрѣть цензура можетъ все, чтобы опредѣлить, что̀ именно подлежитъ ея вѣдѣнію, но оцѣнять по существу она въ правѣ только признаваемое ею подходящимъ подъ дѣйствіе перечня запрещенныхъ къ оглашенію свѣдѣній. Всякое другое разрѣшеніе спорнаго вопроса облекло бы военную цензуру такими правами, которыя ей не принадлежатъ и безъ явнаго нарушенія свободы печати принадлежать не могутъ.

Скончавшійся на-дняхъ А. С. Ермоловъ былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ у насъ государственныхъ дѣятелей, которые, состоя на службѣ, находятъ время для литературной работы. Нѣкоторыя изъ его книгъ („Высшее сельско-хозяйственное образованіе“, „Организація полевого хозяйства“, „Неурожай и народное бѣдствіе“) обратили на себя въ свое время большое вниманіе. Лучшимъ доказательствомъ серьезности его научныхъ интересовъ служитъ то, что, окончивъ Александровскій лицей, онъ поступилъ въ петербургскій земледѣльческій институтъ, прошелъ тамъ полный курсъ и получилъ степень кандидата сельскаго хозяйства. Если онъ его управленіе министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ не оставило болѣе глубокихъ слѣдовъ, то это въ значительной мѣрѣ объясняется условіями времени, неблагопріятными для широкихъ преобразованій. Въ Государственномъ Совѣтѣ онъ былъ дѣятельнымъ членомъ группы центра. До конца жизни онъ принималъ усердное участіе въ сельско-хозяйственныхъ съѣздахъ и работалъ въ военно-промышленномъ комитетѣ.

К. Арсеньевъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Мирныя предложенія Германіи и нота Вильсона. — Отвѣтъ союзниковъ и новыя заявленія центральныхъ имперій. — Принципіальное разсужденіе Вильсона объ условіяхъ прочнаго мира. — Общіе выводы.

Въ центрѣ общественнаго вниманія за истекшій мѣсяцъ все еще продолжаютъ стоять вопросы, выдвинутые въ связи съ мирными предложеніями, съ которыми, вскорѣ вслѣдъ за провозглашеніемъ самостоятельнаго Польскаго государства, неожиданно выступили центральныя имперіи.

Когда обнародованъ былъ смѣлый и оригинальный актъ 23 октября, министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ у насъ уже не прежній опытный дипломатъ, устраненный внезапно 7 іюля. Преемникъ его, спеціалистъ по государственной полиціи, — объявившій незадолго передъ тѣмъ министерство внутреннихъ дѣлъ своимъ „старымъ пепелищемъ", подъ „сводами" котораго онъ получилъ свое политическое воспитаніе, — отвѣтилъ лишь ссылкою на формальную принадлежность Царства Польскаго россійскому государству и на обязанность поляковъ сохранить вѣрность присягѣ подъ страхомъ уголовныхъ каръ. Промѣнявъ самобытное „пепелище со сводами" на чуждое ему дипломатическое вѣдомство, онъ — быть можетъ, невольно — возбудилъ въ нѣмцахъ надежду на осуществимость сепаратнаго мира, тѣмъ болѣе, что онъ держалъ при себѣ, въ качествѣ довѣреннаго лица, весьма сомнительнаго агента департамента полиціи, неоднократно обвинявшагося въ продажности и находившагося до войны въ сношеніяхъ съ германскимъ посольствомъ. Но когда Германія удивила міръ своими мирными предложеніями, 28 ноября, у насъ былъ уже опять новый министръ иностранныхъ дѣлъ, третій по счету, очень почтенный знатокъ вопросовъ государственнаго контроля и хозяйства, но довольно далекій отъ дѣлъ и задачъ внѣшней политики. Онъ отчасти только прикоснулся къ этой новой для него области отношеній и интересовъ, въ качествѣ участника союзной экономической конференціи въ Парижѣ, въ мартѣ 1916 года.

Въ заявленіи, прочитанномъ въ Государственной Думѣ 3 декабря, отъ имени русскаго правительства, съ негодованіемъ отвергнута самая мысль о томъ, чтобы „нынѣ прервать борьбу и дать тѣмъ Германіи возможность воспользоваться послѣднимъ случаемъ подчинить Европу своей гегемоніи“. Всѣ уже принесенныя неисчислимыя жертвы, — говорилось далѣе, — были бы уничтожены преждевременнымъ заключеніемъ мира съ врагомъ, силы котораго подорваны, но не обезврежены, и который ищетъ передышки подъ обманнымъ лозунгомъ прочнаго мира. Въ этомъ непоколебимомъ рѣшеніи Россія находится въ полнѣйшемъ единодушіи со всѣми своими доблестными союзниками. Всѣ мы одинаково проникнуты жизненною для насъ необходимостью довести войну до побѣдоноснаго конца. И не дадимъ остановить насъ на этомъ пути никакимъ уловкамъ нашихъ враговъ“. Въ томъ же духѣ высказывались руководящіе министры въ парламентахъ французскомъ, британскомъ и итальянскомъ. „Протянутая Германіею рука мира“ осталась висѣть въ воздухѣ. Въ этотъ моментъ, на выручку берлинскимъ миротворцамъ выступилъ только что избранный на второе четырехлѣтіе президентъ Соединенныхъ Штатовъ, Вудро Вильсонъ, нота котораго обращалась одинаково къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ, не дѣлая между ними никакого различія. Правительства центральныхъ имперій предлагали вообще вступить въ переговоры о мирѣ, не упоминая ни однимъ словомъ о возможныхъ его условіхъ; они ясно давали понять, что считаютъ себя побѣдителями и не думаютъ отказываться отъ своихъ реальныхъ преимуществъ, и потому ихъ предложеніе имѣло отчасти смыслъ ловушки для противниковъ, которые, при всемъ своемъ принципіальномъ миролюбіи — или, вѣрнѣе, именно въ виду своего принципіальнаго миролюбія — никакъ не могли и не могутъ признать военные успѣхи и пріобрѣтенія Германіи окончательными, подлежащими лишь нѣкоторымъ урѣзкамъ при переговорахъ о мирѣ. Президентъ Вильсонъ воспользовался нѣмецкою инипіативою для того, чтобы прямо поставить вопросъ о возможныхъ и желательныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ мира; онъ предложилъ воюющимъ державамъ откровенно высказаться по этому предмету, въ надеждѣ, что, быть можетъ, найдется почва для предварительнаго соглашенія. Союзникамъ пришлось дать формальный отвѣтъ сначала на предложеніе Германіи, а потомъ на ноту Вильсона[1]). Отвѣтъ центральнымъ имперіямъ переданный французскимъ правительствомъ американскому послу въ Парижѣ 17 (30) декабря, изложенъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

[1]) Текстъ этой ноты, какъ и обѣихъ нѣмецкихъ нотъ — германской и австрійской, приведенъ нами въ прошломъ (декабрьскомъ) обозрѣніи.

„Союзныя правительства: Россіи, Франціи, Великобританіи, Италіи, Японіи, Сербіи, Бельгіи, Черногоріи, Португаліи и Румыніи, соединившіяся для защиты свободы народовъ и вѣрныя принятому ими обязательству не складывать отдѣльно оружія, рѣшили дать коллективный отвѣтъ на мнимыя предложенія мира, сдѣланныя имъ непріятельскими правительствами при посредствѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Швейцаріи и Нидерландовъ. Предварительно всякаго отвѣта, союзныя державы считаютъ необходимымъ возразить вовсеуслышаніе противъ двухъ существенныхъ утвержденій, заключающихся въ нотѣ центральныхъ державъ. Союзники не могутъ допустить вдвойнѣ несоотвѣтствующаго дѣйствительности утвержденія, самого по себѣ достаточнаго, дабы сдѣлать безплодными всѣ попытки приступить къ переговорамъ. Союзные народы переносятъ въ теченіе 30 мѣсяцевъ войну, которой они всячески старались избѣжать, что они доказали дѣйствіями, свидѣтельствующими о желаніи ихъ сохранить миръ. Стремленіе ихъ къ миру нынѣ столь же твердо, какъ и въ 1914 году, но послѣ того, какъ Германія попрала принятыя ею на себя обязательства, миръ, нарушенный ею, не можетъ быть основанъ на ея словѣ. Одно лишь ничѣмъ не обусловленное приглашеніе открыть переговоры еще не является предложеніемъ мира. Мнимое предложеніе мира, сдѣланное германскимъ правительствомъ и лишенное осязательнаго содержанія и ясности, представляется не столько предложеніемъ мира, сколько военнымъ маневромъ. Это предложеніе основывается на систематическомъ нежеланіи признать характеръ борьбы какъ въ прошедшемъ и настоящемъ, такъ равно и въ будущемъ. Что касается прошедшаго, то германская нота игнорируетъ факты и даты, устанавливающіе, что желали войны, вызвали и объявили ее, Германія и Австро-Венгрія. Въ Гаагѣ именно германскій делегатъ отвергъ всѣ предложенія относительно разоруженія. Въ іюлѣ 1914 года именно Австро-Венгрія обратилась къ Сербіи съ ультиматумомъ, лишеннымъ прецедентовъ, и затѣмъ объявила ей войну, несмотря на удовлетвореніе, которое Сербія немедленно дала Австро-Венгріи. Центральныя имперіи въ то время отвергли всѣ попытки державъ согласія, направленныя къ мирному разрѣшенію этого мѣстнаго конфликта. Сдѣланное Англіей предложеніе о созывѣ конференціи, французское предложеніе объ образованіи международной комиссіи, предложеніе Государя Императора, обращенное къ германскому императору, о третейскомъ судѣ, соглашеніе, достигнутое между Россіею и Австро-Венгріею наканунѣ столкновенія, — всѣ эти попытки были оставлены Германіею безъ отвѣта или безъ послѣдствій. Вторженіе въ Бельгію было произведено имперіею, гарантировавшею ея нейтралитетъ и не побоявшеюся заявить, что договоры являются лишь клочками бумаги и что передъ необходимостью законъ молчитъ.

„Что касается настоящаго, то сдѣланныя Германіею якобы мирныя предложенія основываются исключительно на картѣ военныхъ дѣйствій въ Европѣ, которая характеризуетъ только внѣшнюю и преходящую видимость современнаго положенія и въ то же время нисколько не опредѣляетъ реальнаго соотношенія силъ противника. Миръ, заключенный на основаніи такихъ данныхъ, былъ бы выгоденъ единственно лишь нападавшимъ, первоначально думавшимъ

достигнуть своей цѣли въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и послѣ двухъ лѣтъ войны убѣдившимся, что они этой цѣли никогда не достигнутъ. На будущее время разрушенія, произведенныя объявленіемъ войны Германіей, а равно и безчисленныя нарушенія правъ, допущенныя Германіей, какъ и ея союзниками по отношенію какъ къ воюющимъ, такъ и къ нейтральнымъ, требуютъ возмездія, компенсаціи и гарантій. Германія уклоняется и отъ тѣхъ и отъ другихъ. Въ дѣйствительности предложеніе, сдѣланное центральными державами, является лишь попыткою, разсчитанною оказать воздѣйствіе на ходъ войны и, въ концѣ концовъ, добиться германскаго мира.

„Оно имѣетъ цѣлью смутить общественное мнѣніе союзныхъ державъ. Это общественное мнѣніе, несмотря на всѣ принесенныя жертвы, уже отвѣтило съ выдающейся твердостью и указало на безсодержательность непріятельской декларации. Послѣдняя имѣетъ цѣлью ободрить общественное мнѣніе Германіи и ея союзниковъ, столь потрясенное тяжелыми потерями, обезсиленное обострившимся экономическимъ кризисомъ и подавленное съ чрезвычайнымъ усиліемъ, выполненіе котораго требуется отъ народовъ Германіи и ея союзниковъ. Нота противника пытается обмануть и запугать общественное мнѣніе нейтральныхъ государствъ, уже давно составившихъ себѣ опредѣленное мнѣніе объ отвѣтственности за начало войны, освѣдомленныхъ о томъ, на кого падаетъ эта отвѣтственность въ настоящій моментъ, и слишкомъ дальновидныхъ, чтобы потворствовать намѣреніямъ Германіи, отказавшись отъ защиты свободы человѣчества. Нота противниковъ, кромѣ того, заранѣе пытается оправдать въ глазахъ человѣчества новыя преступленія, совершенныя въ связи съ подводной войной, насильственнымъ вывозомъ рабочаго населенія и насильственнымъ наборомъ среди отдѣльныхъ національностей, для борьбы противъ своихъ же странъ, равно какъ нарушеніе нейтралитета.

„Отвѣтъ союзниковъ проникнутъ полнымъ сознаніемъ серьезности момента, но также и необходимости, чтобы союзныя правительства въ тѣсномъ единеніи между собой и дѣйствуя въ полномъ согласіи со своими народами, отказались пойти навстрѣчу сдѣланному имъ неискреннему и безцѣльному предложенію. Они еще разъ настаиваютъ на томъ, что миръ не можетъ быть заключенъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ даны гарантіи въ возстановленіи попранныхъ правъ и попранной свободы народовъ и пока не будетъ признанъ принципъ національности и права на свободное существованіе небольшихъ народовъ, а также пока не будетъ получена увѣренность въ созданіи такого положенія вещей, которая окончательно устранила бы причины, которыя съ давнихъ временъ являлись угрозой для народовъ, и пока не будутъ предоставлены единственно дѣйствительныя для человѣчества гарантіи.

„Союзныя державы желаютъ въ заключеніе высказать еще соображеніе, которое подчеркиваетъ особенность того положенія, въ которомъ находится Бельгія въ теченіе послѣднихъ двухъ съ половиной лѣтъ. На основаніи международныхъ трактатовъ, подписанныхъ пятью великими европейскими державами, среди которыхъ фигурировала и Германія, Бельгія пользовалась передъ войной особымъ статутомъ, который сдѣлалъ ея территорію неприкосновенной

и защищалъ ее подъ гарантіей державъ отъ возможности быть втянутой въ европейскіе конфликты. Между тѣмъ Бельгія, въ прямое нарушеніе этихъ трактатовъ, первая подверглась нападенію со стороны Германіи. Поэтому бельгійское правительство считаетъ необходимымъ установить ту цѣль, ради достиженія которой Бельгія никогда не откажется отъ борьбы на сторонѣ державъ согласія за дѣло права и справедливости. Бельгія все время самымъ точнымъ образомъ соблюдаетъ обязанности, налагаемыя на нее нейтралитетомъ. Она взялась за оружіе для защиты своей независимости и нейтралитета, нарушенныхъ Германіею, и для того, чтобы остаться вѣрной своимъ международнымъ обязательствамъ. Имперскій канцлеръ въ рейхстагѣ призналъ, что это нападеніе являлось несправедливостью, противорѣчащей международному праву, и принялъ на себя отъ имени Германіи обязательство ея исправленія. За періодъ времени въ два съ половиной года эта несправедливость была еще въ значительной степени усилена способами веденія войны и оккупаціей, которая истощаетъ ресурсы Бельгіи, разоряетъ ея промышленность, опустошаетъ ея города и деревни, увеличиваетъ число убійствъ, казней, тюремныхъ заключеній, при чемъ, именно въ тотъ моментъ, когда Германія обратилась къ человѣчеству съ заявленіемъ о мирѣ и гуманности, она вывозитъ бельгійское населеніе и ввергаетъ бельгійскихъ гражданъ тысячами въ рабство. Бельгія до войны желала лишь мирнаго сожитія со всѣми своими сосѣдями. Ея король и ея правительство имѣютъ лишь одну цѣль, а именно возстановленіе мира и правового порядка, но они желаютъ только такого мира, который обезпечилъ бы ихъ странѣ полученіе справедливаго удовлетворенія и гарантіи безопасности въ будущемъ".

Отвѣтъ державъ согласія редактированъ, по необходимости, въ полемическомъ тонѣ и имѣетъ отчасти характеръ обвинительнаго акта противъ Германіи, что объясняется вызывающими фразами германской ноты объ отвѣтственности союзниковъ за возникновеніе войны и лицемѣрными ссылками на интересы международнаго права, человѣколюбія и цивилизаціи. Германская дипломатія вполнѣ оправдала недовѣріе противниковъ своимъ уклончивымъ отвѣтомъ на предложеніе президента Вильсона выяснить, хотя бы приблизительно, допустимыя для обѣихъ сторонъ условія мира. Германія просто обходитъ молчаніемъ это основное требованіе американской ноты и предлагаетъ „немедленный съѣздъ делегатовъ воюющихъ государствъ въ какомъ-нибудь нейтральномъ мѣстѣ" для непосредственнаго обмѣна мыслей, — безъ всякихъ предварительныхъ указаній или намековъ на сущность германскихъ условій. Очевидно, участіе въ подобной конференціи спеціально для выслушанія пожеланій „побѣдителей" было бы слишкомъ унизительно для союзниковъ и при томъ представлялось бы совершенно безцѣльнымъ, такъ какъ дѣйствительное положеніе военныхъ дѣлъ въ данный моментъ

позволяетъ Германіи опираться на свои фактическія завоеванія, съ которыми немыслимо примириться державамъ согласія, — и делегаты послѣднихъ должны были бы покинуть конференцію тотчасъ послѣ ея открытія. Если бы центральныя имперіи имѣли въ виду соблазнить противниковъ своею умѣренностью, они не стали бы уклоняться отъ оглашенія своихъ условій, а напротивъ, поспѣшили бы исполнить разумный совѣтъ Вильсона, чтобы сдѣлать возможнымъ первый шагъ къ переговорамъ о мирѣ. Германія никакъ не могла разсчитывать на устройство такого съѣзда, который ставилъ бы противниковъ въ смѣшное и обидное положеніе, и вся идея мирнаго собесѣдованія оказалась не серьезною.

Совершенно иначе отнеслись къ предложенію Вильсона кабинеты антигерманской лиги: они подробно объяснили не только ближайшія причины войны, но и свои дальнѣйшіе планы, которые они постараются осуществить послѣ своей предполагаемой побѣды. Вотъ текстъ этой обстоятельной ноты:

„Союзныя правительства получили ноту, переданную имъ 6-го (19-го) декабря 1916 года отъ имени правительства Соединенныхъ Штатовъ. Они изучили ее со вниманіемъ, котораго требовало отъ нихъ, какъ ясное сознаніе важности момента, такъ и искренняя дружба, связывающая ихъ съ американскимъ народомъ. Они считаютъ необходимымъ, прежде всего, заявить, что они воздаютъ должное возвышенности чувствъ, вдохновляющихъ американскую ноту, и всемѣрно сочувствуютъ проекту образованія лиги народовъ для обезпеченія мира и справедливости во всемъ мірѣ. Они признаютъ всѣ преимущества, которыя доставитъ человѣчеству и цивилизаціи созданіе международныхъ постановленій, имѣющихъ цѣлью предотвращать столкновеніе между народами, постановленій, которыя должны были бы имѣть необходимыя санкціи для обезпеченія ихъ выполненія и воспрепятствованія тому, чтобы видимая безопасность не облегчала лишь новыя нападенія.

„Однако, обсужденіе будущихъ соглашеній, направленныхъ къ обезпеченію прочнаго мира, предполагаетъ, прежде всего, удовлетворительное разрѣшеніе настоящаго конфликта. Союзники испытываютъ столь же глубокое желаніе, какъ правительство Соединенныхъ Штатовъ, видѣть возможно скорѣйшее окончаніе войны, за которую отвѣтственны центральныя имперіи и которая причиняетъ человѣчеству столь жестокія страданія. Но они не считаютъ возможнымъ нынѣ же достигнуть мира, который обезпечилъ бы имъ удовлетвореніе нарушенныхъ интересовъ, возстановленіе попранныхъ правъ и тѣ гарантіи, на которыя имъ даетъ право произведенное на нихъ нападеніе, въ коемъ отвѣтственны центральныя державы, и которое по самому существу своему имѣло цѣлью нарушить безопасность Европы, — мира, который, съ другой стороны далъ бы возможность создать прочныя основы будущаго европейскихъ народовъ.

„Союзные народы сознаютъ, что они сражаются не за эгоисти-

ческіе интересы, но прежде всего для защиты независимости народовъ, для защиты права и человѣчности. Союзники въ полной мѣрѣ даютъ себѣ отчетъ въ тѣхъ потеряхъ и страданіяхъ, которыя война причиняетъ, какъ нейтральнымъ, такъ и воюющимъ странамъ, и они сожалѣютъ объ этихъ потеряхъ. Однако, они не считаютъ себя за нихъ отвѣтственными, такъ какъ они отнюдь не желали этой войны и не вызывали ея. Они стремятся уменьшить этотъ ущербъ въ той мѣрѣ, въ какой это совмѣстимо съ необходимыми требованіями защиты противъ насильственныхъ дѣйствій и козней непріятеля. Поэтому они съ удовлетвореніемъ принимаютъ къ свѣдѣнію, что американское сообщеніе по происхожденію своему ни въ какой мѣрѣ не связано съ сообщеніемъ центральныхъ державъ, переданнымъ 18-го декабря правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ. Впрочемъ, они не сомнѣвались въ рѣшимости названнаго правительства избѣгать даже видимости поддержки, хотя бы лишь моральной, виновниковъ войны.

„Союзныя правительства считаютъ своимъ долгомъ самымъ дружественнымъ, но въ то же время и самымъ категорическимъ образомъ возразить противъ допущеннаго въ американской нотѣ приравненія одной группы воюющихъ державъ къ другой. Это приравниваніе, основанное на публичныхъ заявленіяхъ центральныхъ державъ, находится въ полномъ противорѣчіи съ очевидностью, какъ въ вопросѣ объ отвѣтственности за прошлое, такъ и въ вопросѣ о гарантіяхъ на будущее. Президентъ Вильсонъ, упомянувъ объ этомъ уподобленіи, очевидно, не имѣлъ въ виду признать справедливость таковаго. Если есть историческій фактъ, установленный въ настоящее время, то таковымъ является агрессивный духъ Германіи и Австро-Венгріи, направленный къ обезпеченію ихъ гегемоніи въ Европѣ и ихъ экономическаго господства во всемъ мірѣ.

„Германія доказала объявленіемъ войны, равно какъ послѣдовавшимъ немедленно за этимъ нарушеніемъ нейтралитета Бельгіи и Люксембурга и способами веденія ею борьбы, свое постоянное презрѣніе къ принципамъ человѣчности и свое полное неуваженіе къ правамъ маленькихъ государствъ. По мѣрѣ развитія конфликта образъ дѣйствій центральныхъ державъ и ихъ союзниковъ являлъ собою примѣръ постояннаго вызова человѣчеству и цивилизаціи. Нужно ли напоминать объ ужасахъ, сопровождавшихъ вторженіе въ Бельгію и Сербію, объ ужасномъ режимѣ, установленномъ въ захваченныхъ странахъ, объ избіеніи сотенъ тысячъ беззащитныхъ армянъ, о проявленіяхъ варварства въ отношеніи населенія Сиріи, о налетахъ цеппелиновъ на незащищенные города, объ уничтоженіи подводными лодками пассажирскихъ пароходовъ и торговыхъ судовъ, даже подъ нейтральными флагами, о жестокомъ обращеніи съ военноплѣнными, объ юридическихъ убійствахъ миссъ Кавель и капитана Фрайета, о насильственномъ выводѣ гражданскаго населенія и обращеніи его въ рабство и т. д. Совершеніе ряда такихъ преступленій, учиненныхъ, несмотря на всеобщее осужденіе ихъ, въ полной мѣрѣ объяснитъ президенту Вильсону протестъ союзниковъ.

„Они считаютъ, что нота, переданная ими Соединеннымъ Штатамъ въ отвѣтъ на германскую ноту, содержитъ отвѣтъ на вопросъ,

поставленный американскимъ правительствомъ, и является, по выраженію этого послѣдняго, публичнымъ заявленіемъ о тѣхъ условіяхъ, на коихъ война могла бы быть окончена. Президентъ Вильсонъ желаетъ большаго: онъ желаетъ, чтобы воюющія державы вполнѣ открыто заявили, какія цѣли онѣ себѣ ставятъ, продолжая войну. Союзники безъ труда могутъ отвѣтить на эту просьбу. Поставленныя ими цѣли войны хорошо извѣстны. Онѣ были неоднократно формулированы главами отдѣльныхъ союзныхъ правительствъ. Эти цѣли войны будутъ сообщены во всѣхъ подробностяхъ и со всѣми требованіями о компенсаціяхъ и справедливомъ вознагражденіи за причиненный ущербъ лишь въ моментъ переговоровъ.

„Но цивилизованный міръ знаетъ, что въ цѣли эти необходимымъ образомъ включаются въ первую очередь возстановленіе Бельгіи, Сербіи и Черногоріи и справедливое возмѣщеніе понесеннаго этими странами ущерба, очищенія занятыхъ территорій во Франціи, Россіи и Румыніи, со справедливымъ вознагражденіемъ, реорганизація Европы, гарантированная режимомъ прочнымъ и основаннымъ какъ на уваженіи къ національностямъ, такъ и на правѣ ихъ на полную безопасность и на свободу экономическаго развитія, принадлежащемъ всѣмъ какъ великимъ, такъ и малымъ народамъ, и въ то же время на территоріальныхъ соглашеніяхъ и международныхъ постановленіяхъ, имѣющихъ цѣлью обезпечить сухопутныя и морскія границы противъ неоправдываемыхъ необходимостью нападеній, возвращеніе провинцій или территорій, отторженныхъ у союзниковъ силой вопреки волѣ населенія, освобожденіе итальянцевъ и румынъ, чеховъ и словаковъ отъ иностраннаго владычества, освобожденіе народностей, находящихся подъ кровожаднымъ игомъ турокъ, вытѣсненіе изъ Европы Оттоманской имперіи, совершенно чуждой западной цивилизаціи.

„Намѣренія Его Величества Императора Всероссійскаго по отношенію къ Польшѣ были ясно указаны въ недавнемъ приказѣ Государя Императора по арміи и флоту. Само собою разумѣется, что союзники желаютъ избавить Европу отъ грубыхъ вожделѣній прусскаго милитаризма, но въ ихъ цѣли никогда не входило, вопреки дѣлавшимся утвержденіямъ, уничтоженіе германскихъ народовъ и ихъ политической независимости. Они желаютъ прежде всего обезпечить миръ на принципахъ свободы, справедливости, нерушимой вѣрности международнымъ обязательствамъ, каковые принципы неизмѣнно воодушевляли правительство Соединенныхъ Штатовъ. Объединенные въ преслѣдованіи этой возвышенной цѣли союзники одушевлены рѣшимостью, какъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности, такъ и всѣ сообща, сдѣлать все, что въ ихъ власти, и принести всѣ жертвы, дабы довести до побѣднаго конца конфликтъ, отъ котораго, по ихъ убѣжденію, зависятъ не только ихъ благоденствіе и спасеніе, но будущность самой цивилизаціи".

Дипломатамъ вообще не свойственна откровенность относительно ихъ политическихъ цѣлей и стремленій, и въ данномъ случаѣ она едва ли вызывалась необходимостью, ибо вопросъ о цѣляхъ войны

не можетъ относиться къ народамъ и государствамъ, подвергшимся несправедливому нападенію. Обороняющіеся не нуждаются въ оправданіи, даже если они впослѣдствіи переходятъ въ наступленіе для обезпеченія своей безопасности въ будущемъ; позднѣйшія привходящія цѣли, выдвигаемыя естественнымъ ходомъ событій, не имѣютъ однако прямой связи съ первоначальными мотивами обороны, тогда какъ зачинщики войны съ самаго начала знали, ради чего они ее предпринимали. Благородное и, быть можетъ, не вполнѣ своевременное прямодушіе, проявленное союзниками въ ихъ отвѣтѣ Вильсону, не было оцѣнено противниками и дало имъ только лишній матеріалъ для глумленій и для ложныхъ выводовъ о намѣреніяхъ и планахъ союзниковъ, о желаніи ихъ уничтожить или расчленить враждебныя имъ государства и т. п. Наканунѣ опубликованія этой коллективной ноты, 30 декабря (12 января), Германія и Австро-Венгрія обратились къ нейтральнымъ державамъ съ разъясненіемъ своихъ взглядовъ по поводу отказа союзниковъ принять „протянутую имъ руку мира". Говоря о сравнительномъ положеніи обѣихъ воюющихъ сторонъ, австрійская нота ехидно замѣчаетъ, что „державы четверного союза могутъ уже теперь считать свои цѣли достигнутыми, между тѣмъ какъ противники все далѣе и далѣе отходятъ отъ своихъ завоевательныхъ плановъ". Германская нота въ свою очередь повторяетъ обычныя злобныя обвиненія и нападки по адресу державъ согласія, посягающихъ будто бы на самое существованіе и на жизненные интересы нѣмецкаго народа. Вся эта дипломатическая полемика поражаетъ своею мелочностью, представляющею рѣзкій контрастъ съ грандіозностью совершающихся событій. Только новое обращеніе президента Вильсона къ воюющимъ націямъ, въ видѣ посланія къ сенату Соединенныхъ Штатовъ, поставило вопросъ на широкую принципіальную почву. Приводимъ текстъ этого обширнаго посланія, сообщенный по телеграфу американскимъ правительствомъ всѣмъ заинтересованнымъ государствамъ, 9 (22) января:

„18-го минувшаго декабря я обратился съ тождественною нотою къ правительствамъ воюющихъ націй, въ которой просилъ ихъ высказаться болѣе опредѣленнымъ образомъ, чѣмъ это до сихъ поръ было сдѣлано тою и другою изъ воюющихъ сторонъ, относительно тѣхъ условій, на которыхъ они полагали бы возможнымъ заключить миръ. При своемъ выступленіи я основывался на соображеніяхъ гуманности, равно какъ на правахъ всѣхъ нейтральныхъ націй, жизненные интересы которыхъ благодаря войнѣ, постоянно затрагиваются. Центрально-европейскія государства единогласно отвѣтили лишь въ томъ смыслѣ, что они готовы встрѣтиться со своими врагами на конференціи, для того, чтобы сообща обсудить условія мира. Государства четверного согласія дали значительно

болѣе опредѣленный отвѣтъ: они заявили, хотя и въ общихъ выраженіяхъ, но достаточно опредѣленно, дабы можно было дополнить подробности, какія соглашенія, гарантіи и искупительные акты они сочли бы неизбѣжнымъ условіемъ мирнаго договора. Такимъ образомъ, мы значительно приблизились къ опредѣленному обсужденію того мира, которымъ закончится нынѣшняя война. Мы значительно приблизились къ обсужденію того международнаго строя, который отнынѣ будетъ призванъ охранять всесвѣтный миръ. Вѣдь, само собою разумѣется, что съ какой бы стороны ни обсуждался грядущій миръ, который закончитъ эту войну, этотъ миръ долженъ сопровождаться точно опредѣленнымъ соглашеніемъ международнаго характера, которое сдѣлаетъ принципіально невозможнымъ, чтобы подобная настоящей катастрофа когда-либо вновь обрушилась на насъ. Съ этимъ положеніемъ долженъ согласиться всякій гуманный, здравомыслящій и разсудительный человѣкъ.

„Я пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы обратиться къ вамъ по этому вопросу, такъ какъ я считаю своею обязанностью по отношенію къ сенату, призванному къ совмѣстной со мною работѣ при окончательномъ рѣшеніи вопросовъ о нашихъ международныхъ обязательствахъ — вполнѣ искренно раскрыть передъ вами свои мысли и свои намѣренія въ томъ видѣ, какъ они сложились у меня по вопросу о долгѣ нашего правительства въ грядущіе дни, когда придется заново заложить фундаментъ международнаго мира.

„Немыслимо, чтобы Соединенные Штаты уклонились отъ участія въ этомъ великомъ дѣлѣ. Намъ представляется случай исполнить передъ человѣчествомъ нашъ долгъ, и мы именно къ этой роли подготовлены руководящими принципами и цѣлями всей нашей политики и установившимися у нашего правительства методами образа дѣйствій, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы создали новую націю во имя возвышенной благородной надежды служить человѣчеству свѣточемъ на пути къ свободѣ. И нынѣ, безъ ущерба для нашей чести, мы не можемъ отказаться отъ исполненія своего долга въ этомъ направленіи. Соединенные Штаты вовсе и не желаютъ отказываться отъ него. Ихъ долгъ передъ самими собою и передъ прочими націями всего свѣта установить тѣ условія, при которыхъ они будутъ имѣть возможность исполнить свою задачу.

„Задача наша заключается въ слѣдующемъ: присоединить нашъ престижъ и наше могущество къ престижу и могуществу прочихъ націй съ цѣлью обезпечить всему свѣту миръ и справедливость. Теперь уже недолго придется ждать осуществленія международнаго соглашенія въ этомъ смыслѣ. Но, раньше, чѣмъ оно осуществится, наше правительство должно открыто заявить о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ оно будетъ считать себя въ правѣ испросить у народа одобреніе своему рѣшенію формальнымъ и торжественнымъ образомъ примкнуть къ лигѣ мира. Я имѣю въ виду изложить передъ вами свои взгляды на эти условія.

„Эта война должна быть сначала закончена, но, изъ уваженія къ истинѣ и къ мнѣнію человѣчества, мы должны заявить, что, поскольку мы примемъ участіе въ обезпеченіи будущаго мира, для насъ не безразлично, какимъ образомъ и на какихъ условіяхъ эта война закончится. Трактаты и соглашенія, которыми она завер-

шится, должны заключать условія мира, который былъ бы достоинъ обезпеченія и охраненія и заслужилъ бы одобреніе человѣчества, а не только служилъ бы различнымъ интересамъ и непосредственнымъ цѣлямъ воюющихъ народовъ.

„Мы не будемъ имѣть права голоса при опредѣленіи этихъ условій, но я увѣренъ, что мы будемъ имѣть право при разрѣшеніи вопроса, насколько гарантіи, зависящія отъ общаго соглашенія, сдѣлаютъ эти договоры долговѣчными или нѣтъ; и наше мнѣніе о томъ, какія условія являются основными и необходимыми для долговѣчности договора, должно быть высказано теперь, а не послѣ, когда будетъ уже, пожалуй, поздно.

„Ни одно соглашеніе объ общемъ мирѣ не явится достаточнымъ обезпеченіемъ противъ войны въ будущемъ, если въ него не войдутъ и народы Новаго Свѣта; но народы Америки могли бы принять участіе въ обезпеченіи мира, заключеннаго лишь на извѣстныхъ условіяхъ; основы этого мира должны внушать довѣріе и удовлетворять принципамъ американскихъ государствъ: онѣ должны также быть въ согласіи съ политическими убѣжденіями и съ практическими положеніями, которыя народы Америки приняли разъ навсегда и обѣщали защищать.

„Является совершенно необходимымъ, чтобы была создана такая сила, которая служила бы гарантіей прочности состоявшагося соглашенія; эта сила должна быть могущественнѣе не только каждой изъ нынѣ воюющихъ націй, но даже любой коалиціи въ прошедшемъ или будущемъ, такъ, чтобы никакой народъ и никакая возможная комбинація народовъ не могла противостать этой силѣ. Если мы хотимъ, чтобы грядущій миръ оказался долговѣчнымъ, то его слѣдуетъ обезпечить при помощи организованной высшей силы всего человѣчества. Отъ тѣхъ условій, на которыхъ будетъ заключенъ грядущій мирный договоръ, будетъ зависѣть, можно ли будетъ обставить этотъ миръ подобнаго рода гарантіей. Вопросъ, отъ котораго зависитъ какъ будущій миръ, такъ и вся міровая политика, состоитъ въ слѣдующемъ: является ли нынѣшняя война борьбой за справедливый и прочный миръ, или же это только борьба за установленіе новой системы равновѣсія между державами. Если это борьба за новую систему политическаго равновѣсія, то кто можетъ поручиться за устойчивость новаго равновѣсія? Европа можетъ быть устойчива только, когда она спокойна. Тутъ нужно не равновѣсіе, а общность силъ, не соперничество, а общій миръ. Я не хочу сказать, чтобы американское правительство стало противодѣйствовать заключенію мира на условіяхъ, относительно которыхъ воюющія государства пришли бы къ соглашенію, или чтобы мы стали пытаться измѣнить уже подписанныя условія, каковы бы они ни были. Я только утверждаю, что обычныя мирныя условія между воюющими не удовлетворятъ даже ихъ самихъ. Обычныя мирныя соглашенія рѣдко обезпечиваютъ продолжительный миръ.

„Къ счастью, мы получили въ этомъ направленіи весьма опредѣленныя завѣренія. Государственные дѣятели въ обѣихъ враждебныхъ другъ другу странахъ заявили намъ въ недопускающихъ сомнѣнія выраженіяхъ, что въ ихъ намѣренія отнюдь не входитъ раздавить своихъ враговъ окончательно. Однако, можетъ быть, не всѣ

понимаютъ вполнѣ ясно и даже вполнѣ одинаковымъ образомъ тѣ выводы, которые вытекаютъ изъ этихъ завѣреній. И я считаю полезнымъ изложить эти выводы, какъ мы ихъ понимаемъ.

„Въ первую очередь они требуютъ, чтобы грядущій миръ былъ миромъ, не основаннымъ на побѣдѣ одной изъ воюющихъ сторонъ. Да будетъ мнѣ дозволено освѣтить эту мысль съ моей собственной точки зрѣнія, съ тѣмъ, чтобы никѣмъ не предполагалось, что я, на самомъ дѣлѣ, понимаю ее какъ-нибудь иначе. Я имѣю въ виду считаться съ реальными данными безъ всякихъ оговорокъ. Побѣда означала бы такой миръ, который былъ бы навязанъ побѣжденной сторонѣ, такъ какъ побѣдитель заставилъ бы побѣжденнаго согласиться на свои условія. Такой миръ былъ бы сопряженъ съ униженіемъ, съ насиліемъ, съ невыносимыми жертвами; онъ оставилъ бы послѣ себя жало обиды и горькую память, такъ что миръ былъ бы построенъ на пескѣ. Только тотъ миръ можетъ считаться долговѣчнымъ, который заключенъ равнымъ съ равнымъ, который весь основанъ на принципѣ равенства и равнаго участія въ общихъ благахъ. Чувство правды, чувство международной справедливости настолько же необходимы для установленія прочнаго мира, насколько необходимо для этого правильное разрѣшеніе жгучихъ вопросовъ территоріальнаго, расоваго или національнаго характера.

„Равенство націй, на коемъ должно впредь покоиться зданіе прочнаго мира, должно выражаться въ ихъ равноправіи; гарантіи этого равноправія не должны дѣлать различія между великими и малыми державами, между націями могущественными и слабыми. Право должно опираться на общее могущество всѣхъ націй, отъ соглашенія которыхъ миръ будетъ зависѣть, а не на могущество одной изъ нихъ. Конечно, это не означаетъ равенства территорій и прочихъ рессурсовъ, ни вообще равенства въ распредѣленіи благъ, поскольку послѣднія явились результатомъ обычнаго мирнаго и законнаго развитія народовъ. Но никто не ждетъ и не требуетъ ничего, кромѣ равенства правъ. Нынѣ человѣчество жаждетъ свободы существованія, а не равенства силъ.

„Но тутъ имѣется еще болѣе важный элементъ, чѣмъ даже равенство правъ между организованными народами. Не можетъ и не долженъ быть проченъ такой миръ, который не исходитъ изъ принципа, что правительства заимствуютъ всѣ свои справедливыя полномочія только изъ воли народа, и что никто не имѣетъ права передавать народъ отъ одного государства къ другому, какъ будто бы онъ былъ просто вещью.

„Если взять отдѣльный примѣръ, то я могу утверждать, что всюду государственные люди согласны въ томъ, чтобы Польша была единой, независимой и самостоятельной, и что впредь всѣмъ народамъ, которые доселѣ жили подъ властью государства, исповѣдующаго иную вѣру и преслѣдующаго иныя, даже враждебныя этимъ народамъ цѣли, — что всѣмъ этимъ народамъ должна быть обезпечена свобода существованія, вѣры и промышленности, и общественнаго развитія. Я говорю объ этомъ отнюдь не изъ желанія возвеличенія отвлеченныхъ политическихъ принциповъ, какъ бы дороги эти принципы ни были для тѣхъ, кто трудился надъ упроченіемъ свободы въ Америкѣ; я говорю объ этомъ по той же самой

причинѣ, по которой я ранѣе говорилъ и о прочихъ условіяхъ мира, которыя кажутся мнѣ явно неизбѣжными, а именно потому, что открыто желаю считаться съ реальными данными. Миръ, который не будетъ основываться на этомъ началѣ, неизбѣжно потерпитъ крушеніе: ему будетъ недоставать опоры, заложенной въ чувствахъ и въ совѣсти человѣчества.

„Духъ всѣхъ народовъ будетъ упорно и постоянно бороться противъ этого, и весь свѣтъ будетъ этому симпатизировать. Человѣчество только тогда будетъ въ состояніи жить въ мирѣ, когда его существованіе будетъ устойчивымъ, но такая устойчивость и не можетъ существовать тамъ, гдѣ духъ находится въ возмущеніи, гдѣ нѣтъ спокойствія духа и отсутствуетъ сознаніе права, свободы и справедливости. Поскольку это представляется практически осуществимымъ, каждому изъ борющихся въ настоящее время за развитіе національныхъ средствъ и силъ великихъ народовъ, долженъ былъ бы быть обезпеченъ доступъ къ открытому морю. Тамъ, гдѣ это не можетъ быть достигнуто уступкой территоріи, это, несомнѣнно, можетъ быть осуществимо путемъ нейтрализаціи путей, при условіи общей гарантіи, что, въ свою очередь, явится обезпеченіемъ мира. При наличности правильнаго соглашенія, ни одна нація не должна быть лишена доступа къ открытымъ путямъ міровой торговли.

„Морскіе же пути должны, какъ по закону, такъ и на практикѣ, быть свободными. Свобода морей является условіемъ „sine que non" мира и сотрудничества. Несомнѣнно, можетъ явиться необходимость въ нѣсколько радикальномъ пересмотрѣ многихъ существующихъ въ настоящее время международныхъ нормъ и обычаевъ, касающихся этого вопроса, въ цѣляхъ сдѣлать моря „дѣйствительно" свободными и доступными для пользованія человѣчествомъ при всѣхъ обстоятельствахъ; однако, причина для такого измѣненія представляется и убѣдительной и побудительной. Не можетъ существовать никакого довѣрія и близости между народами безъ этой свободы моря.

„Свободное, постоянное и безопасное общеніе между націями является существенной частью проблемы мира и развитія народовъ. Не будетъ труднымъ ни опредѣлить, ни обезпечить свободу морей, если только міровыя государства искренно желаютъ достигнуть согласія по этому вопросу.

„Этотъ вопросъ находится въ тѣсной связи съ ограниченіемъ морскихъ вооруженій и съ кооперацiей морскихъ международныхъ силъ въ дѣлѣ поддержанія свободы и безопасности на моряхъ. А вопросъ объ ограниченіи морскихъ вооруженій приводитъ къ постановкѣ, быть можетъ, болѣе сложнаго вопроса объ ограниченіи сухопутныхъ вооруженныхъ силъ, а также всѣхъ программъ, касающихся вооруженія.

„Сколь ни сложны и деликатны эти вопросы, къ нимъ слѣдуетъ подойти съ величайшей искренностью и рѣшать ихъ необходимо въ истинно примирительномъ духѣ, если только мы желаемъ, чтобы миръ принесъ на своихъ крыльяхъ цѣлебный бальзамъ и остался среди насъ. Мира нельзя достигнуть безъ уступокъ и жертвъ. Не можетъ существовать увѣренности въ безопасности и сознаніи равенства въ отношеніяхъ между государствами, если бу-

дутъ продолжаться подавляющія своими размѣрами вооруженія. Государственные дѣятели должны строить планы о мирѣ и направлять свою политику въ этомъ духѣ, подобно тому, какъ раньше они строили свои расчеты на войнѣ и постоянно готовились къ соревнованію и безжалостной борьбѣ.

„Вопросъ о вооруженіяхъ, все равно на сушѣ или на морѣ, имѣетъ наиболѣе непосредственное и практическое значеніе въ связи съ вопросомъ о будущемъ благополучіи всѣхъ націй человѣчества. Я говорилъ объ этомъ великомъ дѣлѣ вполнѣ откровенно и по возможности ясно, такъ какъ мнѣ это казалось необходимымъ, дабы жажда человѣчества къ миру могла получить возможность свободнаго выраженія. Быть можетъ, я являюсь единственнымъ лицомъ, облеченнымъ высокимъ авторитетомъ среди народовъ, которое имѣетъ возможность свободно высказаться, ничего не утаивая. Я говорю въ качествѣ отдѣльнаго лица, но я говорю также въ качествѣ отвѣтственнаго главы великаго государства, и я увѣренъ, что я сказалъ именно то, что желали услышать американскіе граждане. Не могу ли я прибавить, что я надѣюсь и вѣрю тому, что въ дѣйствительности я говорю отъ имени свободомыслящихъ друзей человѣчества въ каждой странѣ, какова бы ни была ихъ программа свободы. Я хочу вѣрить, что я говорю отъ имени молчаливыхъ народныхъ массъ человѣчества, которыя не имѣли возможности высказаться откровенно относительно смерти дорогихъ людей и разоренія ихъ домовъ.

„И выражая предположеніе о томъ, что народъ и правительство Соединенныхъ Штатовъ присоединяются къ другимъ цивилизованнымъ націямъ въ дѣлѣ обезпеченія постояннаго мира на тѣхъ условіяхъ, о которыхъ я упомянулъ, я говорю съ величайшей гордостью и увѣренностью, такъ какъ каждому мыслящему человѣку ясно, что въ этомъ обѣщаніи нѣтъ нарушенія ни одной изъ традиціи нашей національной политики, а, наоборотъ, оно скорѣе является осуществленіемъ всего того, что нами исповѣдывалось, или къ чему мы стремились.

„Я предлагаю, чтобы всѣ націи, по общему соглашенію, приняли доктрину президента Монроэ, въ качествѣ міровой нормы, а именно, чтобы ни одна нація не стремилась къ распространенію своего господства надъ другой, но чтобы каждому народу было предоставлено право свободнаго самоопредѣленія, а также право слѣдованія по избранному имъ пути развитія безъ препятствій и безъ устрашенія для слабыхъ такъ же, какъ и для сильныхъ.

„Я предлагаю, чтобы впредь всѣ націи избѣгали заключенія союзовъ, которые могли бы вовлечь ихъ въ соперничество и запутать ихъ въ сѣть интригъ или вовлечь въ эгоистическое соренованіе и внести извнѣ смуту въ ихъ собственныя дѣла.

„Соглашеніе всѣхъ державъ не налагаетъ никакихъ путъ. Когда всѣ объединяются для дѣйствія въ одномъ направленіи и съ одной цѣлью, то всѣ дѣйствуютъ въ общемъ интересѣ и имѣютъ возможность жить собственною своею жизнью подъ общимъ покровительствомъ.

„Я предлагаю управленіе, основанное на согласіи управляемыхъ, я предлагаю возстановленіе той свободы людей, на которой граждане Соединенныхъ Штатовъ настаиваютъ съ откровенностью,

присущей убѣжденнымъ апостоламъ свободы, на слѣдовавшихъ одна за другою международныхъ конференціяхъ; я также предлагаю такое ограниченіе вооруженій, которое сдѣлало бы арміи и флоты исключительно орудіемъ порядка, а не орудіемъ для нападенія или политическаго проявленія насилія.

„Вотъ, въ чемъ заключаются американскіе принципы и американская политика. Мы не можемъ отстаивать другихъ принциповъ; они являются политическими принципами и всѣхъ прогрессивно мыслящихъ мужчинъ и женщинъ, повсюду въ каждой современной націи, въ каждой просвѣщенной общинѣ. Это принципы человѣчества, и они должны восторжествовать“.

Возвышенныя начала новаго международнаго права, провозглашенныя въ этомъ замѣчательномъ документѣ президентомъ великой американской республики, нашли сочувственный откликъ во всемъ культурномъ мірѣ, и къ общему удивленію, за нихъ съ особенною настойчивостью высказывается Германія. Уже въ послѣднихъ рѣчахъ канцлера Бетмана-Гольвега звучали новыя, какъ казалось, истинно-человѣческія ноты, явно противорѣчащія основамъ германскаго милитаризма и совершенно несовмѣстимыя съ одобреніемъ всѣхъ ужасовъ германскаго способа веденія войны. Канцлеръ говорилъ о готовности Германіи примкнуть къ той „лигѣ націй“, которая, по предположенію лорда Грея, должна обезпечить постоянный миръ и спокойное развитіе равноправныхъ народовъ, ограничить вооруженія, предупреждать и мирнымъ путемъ улаживать конфликты между государствами, и доставить господство идеямъ права и законности въ международныхъ отношеніяхъ. Германское правительство какъ будто отказывалось отъ своего прежняго пренебреженія къ международнымъ обязательствамъ, къ правамъ малыхъ народовъ и государствъ, къ элементарнымъ требованіямъ гуманности на войнѣ и допускало уже значительное отступленіе отъ исключительнаго культа грубой военной силы; но все это возвѣщалось только на случай согласія противниковъ вступить теперь же въ мирные переговоры. Сначала нужно признать германскія побѣды и пріобрѣтенія, а потомъ можно устроить новый международный порядокъ на какихъ угодно человѣколюбивыхъ началахъ, съ отказомъ отъ дальнѣйшихъ вооруженій и соперничества, — такъ какъ Германія могла бы вполнѣ удовлетвориться достигнутыми результатами и не имѣла бы уже надобности продолжать свою предпріимчивую воинственную политику. Если же державы согласія не пожелаютъ подчиниться благопріятнымъ для Германіи „совершившимся фактамъ“, то онѣ подвергнутся жесточайшимъ послѣдствіямъ безпощадной подводной войны, организованной въ колоссальныхъ размѣрахъ, при участіи новыхъ подводныхъ дредноутовъ и многихъ сотенъ вновь устроенныхъ подводныхъ лодокъ. И угроза приводится уже въ исполненіе: съ 18 января (1 февраля)

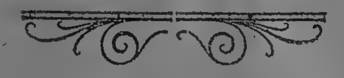
объявлены новыя правила подводной войны въ предѣлахъ водъ, окружающихъ Англію, Францію и Италію, и въ восточной части Средиземнаго моря. Всякіе намеки на человѣчность отбрасываются тутъ въ сторону: начиная съ 5 февраля (нов. стиля), въ указанныхъ обширныхъ и неопредѣленныхъ предѣлахъ будутъ топиться безъ разбора и безъ предупрежденія всѣ вообще нейтральные пароходы — не говоря уже о непріятельскихъ, съ какимъ бы то ни было грузомъ, не исключая даже госпитальныхъ судовъ съ ранеными и больными, съ врачебнымъ и санитарнымъ персоналомъ. Цинизмъ германскихъ обѣщаній относительно будущаго раскрывается здѣсь во всей своей наготѣ. Можно себѣ представить, какова была бы судьба Европы, если бы водвореніе въ ней справедливыхъ и гуманныхъ началъ международной жизни зависѣло отъ интересовъ и взглядовъ правящаго класса Германіи. Коварный лозунгъ: „сначала подчиненіе, а потомъ господство права и законности", напоминаетъ столь знакомую намъ двусмысленную формулу: „сначала успокоеніе, а потомъ реформы". Разумѣется само собою, что довѣрчивый миръ съ Германіею невозможенъ, пока въ ней царитъ милитаризмъ Гогенцоллерновъ, и, слѣдовательно, заявленія о будущемъ царствѣ права и законности въ случаѣ добровольнаго подчиненія противниковъ суть только пустыя слова, которыя никого не обманутъ, — точно такъ же какъ во внутреннихъ дѣлахъ успокоеніе немыслимо при старомъ, раздражающемъ всѣхъ режимѣ, безъ необходимыхъ реформъ.

Президентъ Вильсонъ, конечно, разсуждаетъ въ другомъ духѣ, исходя изъ общепринятыхъ положеній человѣческой морали и изъ предписаній здраваго смысла и правильно понятой цѣлесообразности. Въ отличіе отъ германскаго правительства, онъ полагаетъ, что интересы справедливости и человѣколюбія, равноправіе малыхъ и большихъ народовъ, и другіе принципы новаго международнаго права должны быть соблюдены именно ради установленія прочнаго мира, и что всякій другой миръ, заключенный на другихъ началахъ, окажется построеннымъ на пескѣ. По мнѣнію президента Вильсона, воюющія государства должны вступить въ переговоры на равныхъ правахъ, безъ побѣды съ той или другой стороны, и только тогда будутъ обезпечены интересы постояннаго мира и спокойнаго культурнаго существованія и развитія народовъ. Но какъ устроить, чтобы Бельгія или Румынія могла на равныхъ правахъ мириться съ Германіею, или чтобы Сербія и Черногорія свободно уславливались о справедливомъ мирѣ съ Австро-Венгріею, — это пока остается загадкою будущаго. Что касается той могущественной оборонительной „лиги націй", на которую возлагаетъ свои надежды президентъ Соединенныхъ Штатовъ, то, въ сущности, и теперь такая

лига существуетъ, въ видѣ десяти державъ — въ томъ числѣ пяти великихъ (считая и Японію), — стремящихся обуздать воинственное честолюбіе Германіи, и до сихъ поръ эта лига ничего не могла сдѣлать; даже владычица морей, Британія, остается какъ будто беззащитною передъ германскими подводными лодками и не придумала еще способовъ положить конецъ ихъ губительнымъ подвигамъ. Да и какія нейтральныя націи, соединившіяся въ лигу для охраны общаго мира, станутъ серьезно воевать и жертвовать собою для возстановленія нарушенныхъ правъ какого-нибудь посторонняго государства? Само правительство Соединенныхъ Штатовъ не высказывало своего принципіальнаго протеста противъ устроителей страшнаго европейскаго пожара, который неминуемо долженъ былъ подвергнуть опасности существенные интересы Америки и другихъ нейтральныхъ странъ; американцы не возражали даже противъ усвоенныхъ Германіею разбойничьихъ пріемовъ подводной войны и протестовали только тогда, когда въ числѣ потопленныхъ пассажировъ оказывались американскіе граждане, — а между тѣмъ своевременные протесты могущественной американской республики противъ грубѣйшихъ нарушеній международнаго права произвели бы извѣстное впечатлѣніе и не остались бы безъ вліянія на ходъ событій.

Ни теоретическія разсужденія Вильсона, ни отчаянныя злоупотребленія подводной войны не ускорятъ заключенія мира. Союзныя державы не могутъ думать о мирѣ безъ полной побѣды, а для достиженія и обезпеченія успѣха въ тяжелой борьбѣ нужны люди, если не геніальные и даже не талантливые, то, по крайней мѣрѣ, способные и добросовѣстные, по возможности равносильные тѣмъ, которые дѣйствуютъ и распоряжаются въ противномъ лагерѣ. Случайные, никому невѣдомые дѣятели, взбирающіеся на высоту власти, не имѣя для этого надлежащихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, могутъ привести только къ катастрофѣ, а никакъ не къ торжеству надъ умными, разсчетливыми, отлично подготовленными врагами. А тѣмъ временемъ германцы готовятся сильнѣе прежняго свирѣпствовать на сушѣ и на морѣ, оправдывая изреченіе одного изъ своихъ великихъ поэтовъ, слова котораго не грѣшно на этотъ разъ привести на ихъ языкѣ: „der schrecklichste der Schrecken das ist der Mensch in seinem Wahn“ (самый страшный изъ ужасовъ — это человѣкъ въ его безуміи).

Л. С.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ И ПРОЛИВЫ.

I.

Мирныя предложенія германскаго канцлера и президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ встрѣтили заслуженный отпоръ со стороны державъ согласія, какъ совершенно несвоевременныя и выгодныя только Германіи. Борьба до рѣшительной побѣды была признана общей цѣлью всѣхъ союзниковъ въ ихъ офиціальныхъ отвѣтахъ Бетману Гольвегу и Вильсону.

Тѣмъ не менѣе, обмѣнъ предложеніями и отвѣтами сыгралъ свою роль. Вопросъ о цѣляхъ войны и объ ихъ соотношеніи съ желательными условіями мира отнынѣ поставленъ на очередь публичнаго обсужденія. И мало того, что поставленъ вопросъ. Со стороны державъ согласія на вопросъ о цѣляхъ войны уже данъ офиціальный отвѣтъ. Президентъ Вильсонъ, вызвавшій своей нотой этотъ отвѣтъ, призналъ его настолько опредѣленнымъ, что остается лишь добавить подробности о необходимыхъ „соглашеніяхъ, гарантіяхъ, искупительныхъ актахъ“, чтобы получить готовый проектъ условій мирнаго договора.

Обсужденіе всего содержанія намѣченнаго, такимъ образомъ, всемірно-историческаго акта является одной изъ самыхъ насущныхъ очередныхъ задачъ русской публицистики. Надо прибавить, что именно для русской публицистики эта задача представляется особенно настоятельной. По причинамъ, о которыхъ нѣтъ надобности говорить здѣсь, общественное мнѣніе нашихъ союзниковъ гораздо болѣе освѣдомлено въ вопросахъ, связанныхъ съ задачами войны. Такъ на эти темы существуетъ цѣлая литература книгъ, памфлетовъ и журнальныхъ статей. У насъ въ началѣ войны было нѣкоторое оживленіе въ этой области, но оно постепенно уступало мѣсто усиленному интересу къ вопросамъ внутренняго порядка. И теперь, когда обсужденіе вопросовъ мира вступаетъ въ новую и, повидимому, рѣшительную стадію, наше общественное мнѣніе является далеко не вполнѣ подготовленнымъ. Тѣ формулы и положенія, которыя выставлены въ коллективномъ отвѣтѣ союзниковъ, отчека-

нены и формулированы, по большей части, общественнымъ мнѣніемъ нашихъ союзниковъ, а не нашимъ.

Правда, наше общественное мнѣніе успѣло присоединить къ пожеланіямъ союзниковъ наши собственныя пожеланія въ области чисто національныхъ русскихъ вопросовъ. Въ этомъ его большая заслуга, которая въ свое время получитъ должное признаніе. Но, какъ это ни странно, приходится признать, что дѣло, уже сдѣланное по отношенію къ загранидѣ, остается недодѣланнымъ по отношенію къ широкимъ кругамъ нашего собственнаго общества. Убѣдивъ другихъ въ томъ, что необходимо для Россіи, намъ остается еще убѣдить самихъ себя: по крайней мѣрѣ, многихъ изъ нашей собственной среды.

Къ области этихъ вопросовъ относится, прежде всего, вопросъ о переходѣ Константинополя и проливовъ въ верховное обладаніе Россіи. Вопросъ этотъ, подъ вліяніемъ русскихъ общественныхъ заявленій, уже сдѣлался предметомъ формальнаго соглашенія съ нашими союзниками. Самый закоренѣлый скептицизмъ и недовѣріе должны уступить мѣсто полной увѣренности въ этомъ послѣ того, какъ о соглашеніи 1915 года было формально объявлено правительствами съ трибуны русскаго и итальянскаго парламентовъ. Въ союзныхъ отвѣтахъ на предложенія о мирѣ русское требованіе относительно Константинополя и проливовъ также фигурируетъ въ качествѣ conditio sine qua non общаго европейскаго мира.

Но въ широкихъ общественныхъ кругахъ продолжаетъ существовать сдержанное отношеніе къ этому вопросу. Мотивировка этой сдержанности — двоякая. Идеалисты продолжаютъ находить, что присоединеніе Константинополя и проливовъ есть измѣна „освободительному“ характеру войны и превращеніе войны въ „завоевательную“, что это есть проявленіе русскаго „имперіализма“. Реалисты продолжаютъ думать, что сдѣланная на бумагѣ уступка неосуществима на практикѣ, какъ съ точки зрѣнія чисто военной, такъ и съ точки зрѣнія готовности нашихъ союзниковъ продолжать борьбу для достиженія этой задачи, специфически русской.

Единство русскаго общественнаго мнѣнія по данному вопросу есть одно изъ главныхъ условій успѣха, — условіе, не менѣе важное, чѣмъ побѣда на ратномъ полѣ. И для достиженія этого единства должны быть сдѣланы всяческія усилія. Вотъ почему мнѣ представляется существеннымъ убѣдить нашихъ идеалистовъ и реалистовъ въ ошибочности ихъ сомнѣній и возраженій, все равно, принимаютъ ли они форму связной аргументаціи, или остаются — что чаще бываетъ — въ состояніи неопредѣленнаго настроенія. Однимъ я хотѣлъ бы доказать, что пріобрѣтеніе Константинополя и проливовъ не противорѣчитъ освободительнымъ идеямъ войны и не можетъ

быть приравнено къ „имперіализму" въ томъ отрицательномъ смыслѣ, въ которомъ иногда это слово употребляется. Другихъ я хочу убѣдить въ томъ, что переходъ Константинополя и проливовъ въ русскія руки есть въ данную минуту не только русскій, но и общесоюзническій успѣхъ, достиженіе котораго составляетъ не какую-то дополнительную прибавку, требующую особыхъ усилій, а самую сущность той общей побѣды, къ которой стремятся всѣ союзники и которую единственно они и могутъ считать рѣшительной побѣдой надъ стремленіями Германіи.

Я начну со второго: съ доказательства, что „выдѣленіе изъ Европы Оттоманской имперіи, совершенно чуждой западной цивилизаціи", есть, дѣйствительно, такая общая задача, интересующая всѣхъ союзниковъ, какъ это представлено въ отвѣтѣ державъ согласія на ноту Вильсона. Доказательство это само собой вытекаетъ изъ правильнаго пониманія происхожденія настоящей войны. Но такъ какъ это пониманіе требуетъ нѣкоторыхъ знаній, менѣе распространенныхъ въ публикѣ, чѣмъ это слѣдовало бы, то естественно, что не только для насъ, но и для общественнаго мнѣнія нашихъ союзниковъ, въ такомъ доказательствѣ чувствуется надобность.

Обычное, наиболѣе распространенное пониманіе происхожденія войны, есть то, которое непосредственно вытекаетъ изъ анализа ближайшихъ дипломатическихъ переговоровъ, ей предшествовавшихъ. Столкновеніе Австро-Венгріи съ Сербіей, отказъ Германіи помочь мирному разрѣшенію этого столкновенія, потомъ ея желаніе предупредить противника прямымъ нападеніемъ черезъ Бельгію, приведшее къ нарушенію нейтралитета этой страны, наконецъ, вызванное этимъ нарушеніемъ вмѣшательство Англіи — таково содержаніе двѣнадцати дней, отдѣляющихъ войну отъ сербскаго ультиматума. Къ этимъ двѣнадцати днямъ упорно возвращается виновная совѣсть Бетмана-Гольвега, такъ какъ именно здѣсь рѣшается роковой для Германіи вопросъ, кто виноватъ въ началѣ войны. Но такимъ путемъ можетъ быть рѣшенъ, такъ сказать, лишь вопросъ о юридической виновности. Есть виновность, болѣе глубокая: она заключается въ коренномъ стремленіи нарушить въ свою пользу установившіяся отношенія силъ народовъ и расчистить себѣ путь къ міровому преобладанію. Этого рода виновность можно открыть, только выйдя за предѣлы двѣнадцати дней, предшествовавшихъ войнѣ. И достаточно выйти за предѣлы дипломатическихъ документовъ этихъ дней — документовъ, преслѣдовавшихъ къ тому же со стороны Германіи опредѣленную цѣль фальсифицировать исторію, чтобы очутиться передъ болѣе серьезными доказательствами германской виновности. Война была роковымъ образомъ подготовлена

злыми планами Германіи, которые положены въ ея основу и къ осуществленію которыхъ во время самой войны были строго и послѣдовательно направлены стратегическія операціи Германіи. Эти планы ведутъ насъ на юго-востокъ Европы, на Балканы и въ Турцію. Германская цѣль войны рѣшается на Востокѣ: эту основную истину легко прочесть на картѣ военныхъ операцій, какъ прочелъ ее французскій писатель Шерадамъ, наложивъ на карту германскихъ траншей 1916 года карту германскихъ притязаній 1911 года. При такомъ наложеніи обнаружилась довольно значительная близость, почти доходящая до совпаденія притязаній съ линіями окоповъ. По расчету Шерадама, правда, довольно приблизительному, германцы въ настоящее время занимаютъ своими войсками девять десятыхъ той территоріи, которую они намѣтили себѣ, какъ базисъ своего міроваго владычества. И хотя бы изъ этихъ занятыхъ ими территорій, они вернули цѣликомъ все, что взято на западѣ и на востокѣ, достаточно было бы сохранить то, что занято на юго-востокѣ, чтобы получить твердую основу для будущей, болѣе удачной войны. Если даже германцы не завоюютъ ни французскихъ, ни русскихъ земель, если они кончатъ войну „въ ничью", то эта ничья будетъ ихъ побѣдой надъ своими собственными союзниками, надъ Австро-Венгріей, надъ балканскими государствами, надъ Турціей. Это и будетъ та „срединная Европа", создать которую они поставили своей ближайшей цѣлью. Естественно, что и побѣда союзниковъ только тогда будетъ рѣшительной, возможность повторенія войны только тогда окончательно устранится, если союзники не допустятъ распространенія германскаго вліянія на эти союзныя территоріи. Освобожденіе народностей Австро-Венгріи и Турціи, изгнаніе Оттоманской имперіи изъ Европы, заявленное въ числѣ необходимыхъ условій мира, является такимъ образомъ, логическимъ отвѣтомъ на тѣ цѣли, которыя поставила себѣ Германія въ этой войнѣ [1]).

Что расширеніе германскаго вліянія на юго-востокъ Европы и въ Малую Азію, какъ первый шагъ германской Weltpolitik, было дѣйствительной причиной, вызвавшей настоящую войну, явствуетъ изъ длиннаго ряда заявленій германскихъ общественныхъ дѣятелей и публицистовъ, — заявленій, находящихся въ тѣсной связи съ соотвѣтствующими шагами офиціальной германской дипломатіи. Въ доказательство этого важнаго положенія позволю себѣ привести нѣсколько ссылокъ на произведенія этихъ писателей.

Въ 1913 году появилась брошюра анонимнаго автора подъ значи-

[1]) Подробному доказательству этихъ положеній посвящена интересная книга André Cheradame, Le plan pangermaniste démasqué. Я не согласенъ съ авторомъ лишь въ оцѣнкѣ послѣдствій Бухарестскаго договора.

тельнымъ заглавіемъ: „Deutsche Weltpolitik und kein Krieg", „Міровая политика Германіи безъ войны". Заглавіе сразу ударяетъ въ самую суть спора. Можно ли безъ міровой войны достигнуть цѣлей германской міровой политики? Авторъ отвѣчаетъ: да, можно, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы эта политика выбрала такое направленіе, на которомъ она не столкнулась бы съ интересами Англіи и Россіи.

Куда же должна быть направлена такая міровая политика и куда, наоборотъ, ее не слѣдуетъ направлять никоимъ образомъ, если Германія хочетъ избѣжать міровой войны? Авторъ отвѣчаетъ: политика безъ войны есть политика дальнѣйшаго германскаго колоніальнаго расширенія въ центральной Африкѣ.

Въ другомъ мѣстѣ [1]) я указалъ, что въ этомъ направленіи Англія даже готова была помогать Германіи. Очередной задачей было здѣсь добиться уступки и обмѣна португальскихъ и бельгійскихъ колоніальныхъ владѣній для того, чтобы создать слитую изъ трехъ теперешнихъ германскихъ владѣній единую колоніальную область, могущую насытить колоніальные аппетиты Германіи.

Переговоры объ этомъ уже велись Англіей передъ самымъ началомъ настоящей войны. Именно поэтому французскій писатель Charles Andler высказываетъ предположеніе, что авторомъ брошюры „Weltpolitik und kein Krieg" могъ быть не кто иной, какъ самъ германскій посолъ въ Лондонѣ, кн. Лихновскій, или кто-нибудь изъ лицъ, его окружающихъ. Во всякомъ случаѣ, Максимиліанъ Гарденъ въ „Zukunft" заявилъ читателямъ, что совѣты, которые даетъ авторъ этой брошюры, даются имъ officiosissime. Другимъ возможнымъ авторомъ считаютъ бывшаго чиновника министерства колоній, Линдквиста, вышедшаго въ отставку въ 1911 году [2]).

Итакъ, высокоосвѣдомленный авторъ брошюры предупреждаетъ Германію, что міровой политикой „безъ войны" могла бы быть только политика африканская. Онъ противополагаетъ ей другую міровую политику, къ которой особенно стремились уже тогда германскіе націоналисты. Эта политика — mit Krieg, — „съ войной", — есть политика малоазіатская.

„Мы должны рѣшить, говоритъ авторъ брошюры, хотимъ ли мы преслѣдовать политику расширенія въ азіатской Турціи или въ центральной Африкѣ. Мы стоимъ передъ началомъ политики, которая можетъ рѣшить нашу будущность, и важно прежде всего выбрать правильный путь... Бисмаркъ говорилъ 6 февраля 1888 г.: „Всякая великая держава, которая пытается вліять на политику

---

[1]) Ежегодникъ „Рѣчи" на 1916 годъ.

[2]) Le pangermanisme colonial sous Guillaume II (de 1888 à 1914), par Charles Andler, Paris, Conart, 1916.

другихъ странъ внѣ собственной сферы интересовъ, блуждаетъ за предѣлами, указанными ей Богомъ, ведетъ политику насилія, а не политику интереса и работаетъ для престижа"... Германія безусловно не можетъ разсчитывать укрѣпиться въ Азіатской Турціи безъ сокрушенія оттоманскаго господства... (Тутъ) мы были бы непреодолимо вовлечены въ конфликтъ съ Россіей, избѣжаніе котораго было основнымъ началомъ политики Бисмарка... При возникновеніи этого неизбѣжнаго конфликта Франція автоматически стала бы на сторону Россіи. Она возбудила бы Россію противъ насъ, и противоположеніе двойственнаго союза тройственному получило бы такую остроту, какъ никогда прежде. Французы, быть можетъ, получили бы тогда реальную возможность осуществить свои старыя надежды на войну за реваншъ. Что касается англійской политики, она могла бы выбирать между двумя путями. Или она стала бы на сторону Россіи и Франціи, соотвѣтственно той позиціи, которую занимала до сихъ поръ, — и тогда тройственное согласіе получило бы форму военнаго союза противъ насъ. Или же Англія усмотрѣла бы въ наступательномъ поведеніи Россіи относительно Персіи и Турціи поводъ пойти съ Германіей. Но въ такомъ случаѣ мы очутились бы въ такомъ положеніи, котораго до сихъ поръ постоянно избѣгали: мы бы защищали, въ качествѣ континентальной державы, союзной съ Англіей, англійскіе интересы противъ Россіи. Первое предположеніе, впрочемъ, болѣе вѣроятно. Германцевъ въ этомъ случаѣ представили бы нарушителями международнаго мира, зажегшими пожаръ цѣлаго міра въ цѣляхъ создать себѣ сферу интересовъ въ Азіатской Турціи"[1]).

Читая эти пророческія строки, нельзя не придти къ заключенію, что Германія въ моментъ выбора между двумя теченіями — „безъ войны" и „съ войной" — сознательно взвѣсила преимущества и неудобства того и другого и сознательно же предпочла міровую политику „съ войной". Происхожденіе настоящей войны здѣсь вырисовывается въ отчетливыхъ чертахъ подъ лучомъ германскаго прожектора.

Къ распространенію германскаго вліянія на Турцію призывали

---

[1]) Надо прибавить, что цитируемый авторъ не допускалъ возможности для Германіи пройти въ Турцію черезъ Балканы, а видѣлъ лишь одинъ трудный путь черезъ Средиземное море. Въ 1912 году, очевидно, нельзя было предвидѣть тѣхъ грубыхъ ошибокъ, которыя уже въ 1913 году устранили для германцевъ нами же созданное препятствіе на Балканахъ: „новую балканскую федерацію противъ Австріи и Германіи". Я говорю о допущеніи нами раздора Сербіи и Болгаріи со всѣми его послѣдствіями, вплоть до Бухарестскаго мира.

не одни только германскіе шовинисты. Въ рядахъ ихъ уже съ 1900 г. мы находимъ виднаго основателя національ-соціалистической партіи, Фридриха Наумана. Если анонимный авторъ брошюры „Deutsche Weltpolitik ohne Krieg" съ проницательностью ясновидца указалъ на аргументы contra азіатской политики, то Науманъ съ неменьшей проницательностью развилъ аргументы pro. Онъ сдѣлалъ это уже въ 1900 г. въ своей книгѣ „Asia", посвященной описанію путешествія въ Палестину и Малую Азію, которое онъ предпринялъ въ 1898 г., одновременно съ императоромъ Вильгельмомъ II. Науманъ усматриваетъ въ распространеніи германскаго вліянія на Турцію естественное послѣдствіе всего направленія германской политики послѣ Седана. „6 сентября 1871 г., умеръ Али-паша, наиболѣе талантливый турецкій политическій дѣятель нашего вѣка. Онъ удивительно понялъ ту перемѣну въ политическомъ положеніи, которую произвела побѣда Германіи надъ Франціей. Въ то время, когда немногіе германцы предчувствовали послѣдствія, какія франкфуртскій миръ могъ имѣть для восточнаго вопроса, Али-паша сказалъ австрійскому посланнику, Прокешъ-Остену, что отношенія между Россіей и Пруссіей не выиграютъ отъ этой побѣды надъ Франціей; что Пруссія постарается добиться союза съ Австріей; но что отсюда для Порты явится поддержка, до сихъ поръ ей недостававшая". Науманъ прибавляетъ: „То, что умирающій турокъ выразилъ въ этихъ словахъ, есть въ самомъ дѣлѣ зародышъ нашей восточной политики. Мы должны покровительствовать Турецкой имперіи, потому что мы побѣдили при Седанѣ. Нашей побѣдой мы сломили также и на Востокѣ столь важную силу Франціи. Образовалась брешь, черезъ которую проникли бы Россія и Англія, если бы мы не существовали. Мы получили здѣсь, такъ же какъ и въ другихъ мѣстахъ, наслѣдство Наполеона III, тогда какъ Франція заняла роль Пруссіи по отношенію къ Россіи. Прежде Наполеонъ былъ другомъ падишаха: теперь имъ сталъ Вильгельмъ II. Къ сожалѣнію только, мы не могли унаслѣдовать роли французовъ въ одномъ мѣстѣ: въ Суэцѣ".

Итакъ, съ точки зрѣнія Наумана, поздно рѣшать въ 1913 г., какое направленіе должна принять міровая политика Германіи „безъ войны". Направленіе это предрѣшено „съ войной" уже въ 1871 году, предрѣшено той перемѣной системы европейскихъ отношеній, которую Науманъ ведетъ съ этого года, съ Седана и франкфуртскаго мира. Уже тогда Германія фатальнымъ образомъ стала противницей Россіи и Англіи въ борьбѣ за міровое преобладаніе. Любопытно, что изъ двухъ противниковъ Науманъ обращаетъ главное вниманіе на одного: на Англію. Въ міровомъ состязаніи Россія не страшна.

Страшна Англія — и она именно страшна на Ближнемъ Востокѣ, въ Турціи. Если Англія получитъ (или, лучше, сохранитъ) міровое господство, то Германія обречена играть провинціальную роль. „Германскій языкъ будетъ только нарѣчіемъ мірового англійскаго языка, и душа германскаго народа исчезнетъ, почти такъ же, какъ душа датской или польской націи“. Чтобы побѣдить Англію, нужно побѣдить ее въ Турціи. „Возможно, что паденіе Оттоманской имперіи вызоветъ міровую войну противъ Англіи. Тогда халифъ Константинополя вынужденъ будетъ еще разъ поднять знамя пророка противъ Англіи, поработившей всю землю. Больной человѣкъ снова поднимется на своемъ ложѣ и броситъ свой призывъ въ Египетъ и въ Суданъ, на Востокъ Африки, въ Персію, въ Афганистанъ, въ Индію. Онъ воскликнетъ: война англичанамъ! И этимъ онъ преобразитъ себя въ великаго политическаго и религіознаго вождя въ величайшемъ вопросѣ, какой можетъ потрясти міръ“. Въ этихъ словахъ, написанныхъ на рубежѣ столѣтій, уже явственно намѣчены тѣ соблазны, которыми полтора десятка лѣтъ спустя германскій искуситель увлечетъ на путь погибели турецкаго Энвера. Науманъ, впрочемъ, не останавливается даже и передъ опасностью потери турками Константинополя. „Можетъ случиться, что халифъ попадетъ въ руки русскихъ“. Но что же изъ этого? „Если оттоманскій калифъ станетъ русскимъ (подобно египетскому хедиву), то можетъ явиться другой халифъ, арабскій, который будетъ имѣть резиденцію въ Дамаскѣ или въ другомъ мѣстѣ“. Именно въ виду такой возможности было очень „цѣнно назвать себя не только другомъ султана (какъ иногда дѣлала Россія), а другомъ всѣхъ мусульманъ (какъ это сдѣлалъ Вильгельмъ въ Дамаскѣ)“. Хорошо такъ же и то, что Вильгельмъ не покровительствуетъ больше христіанскимъ подданнымъ Турціи, — что всегда служило камнемъ преткновенія для Франціи. Другъ „краснаго султана“ (какъ назвали Абдулъ-Хамида послѣ армянской рѣзни въ Константинополѣ) „покровительствуетъ только нѣмцамъ протестантамъ и католикамъ въ Турціи; въ остальномъ онъ не дѣлаетъ религіозной политики на Востокѣ: онъ дѣлаетъ только германскую политику“.

Характернымъ образомъ Науманъ уже во время настоящей войны явился въ роли автора широко распространившейся книги о „срединной Европѣ“, Mitteleuropa, въ которой онъ обнаружилъ умѣнье установить переспективу между своими ближайшими планами и отдаленными возможностями. Онъ ни отъ чего не отказывается и въ этой книгѣ. Онъ и здѣсь обнаруживаетъ нежеланіе остаться въ міровомъ состязаніи только „младшимъ партнеромъ“ англійской міровой фирмы и даже вообще не хочетъ вступать въ соглашеніе

съ кѣмъ бы то ни было на правахъ равнаго. „Мы знаемъ, что большинство націй на земномъ шарѣ вынуждено вступать въ соглашеніе съ той или другой стороной". Но претензіи Германіи идутъ дальше. „Насъ, въ силу нашего могущества и исторіи нашего прошлаго, влечетъ къ болѣе крупной задачѣ. Стать руководящимъ центромъ — вотъ наша цѣль". „Пока солнце еще свѣтитъ надъ нами, мы должны стремиться къ тому, чтобы стать въ первый рядъ міровыхъ государствъ".

Но Науманъ понимаетъ, что эта цѣль не можетъ быть достигнута сразу. Въ качествѣ реальнаго политика, онъ спѣшитъ воспользоваться войной, чтобы укрѣпить первый этапъ по пути къ всемірному владычеству Германіи. Этимъ первымъ этапомъ является у Наумана „траншейный союзъ" срединной Европы. Какъ бы предвосхищая мысль Шерадама, онъ рисуетъ намъ Германію и ея союзниковъ въ видѣ крѣпости, окруженной линіей теперешняго расположенія войскъ. „Траншея станетъ основной формой защиты отечества... Послѣ войны будутъ вездѣ сооружены окопы тамъ, гдѣ могутъ ожидать военныхъ осложненій. Возникнутъ новые римскіе валы и новыя китайскія стѣны изъ земли и колючей проволоки... Два длинныхъ окопа будутъ тянуться въ Европѣ съ сѣвера къ югу: одинъ отъ Нижняго Рейна до Альпъ, другой отъ Курляндіи до Румыніи, правѣе или лѣвѣе ея... Малыя государства лишь съ величайшимъ трудомъ смогутъ удержать свою независимость при этой будущей политикѣ окоповъ... Румыніи придется выбирать, какую сторону она пожелаетъ оставить незащищенной. Игра въ нейтралитетъ будетъ тутъ очень трудна. Среднеевропейскій союзъ будетъ или созданъ этимъ путемъ, или созданіе его окажется невозможнымъ на долгое время". Какъ видимъ, направленіе „траншейнаго союза" все то же: черезъ Австрію и Балканы къ предѣламъ Азіатской Турціи. Это та „карта войны", которую наши противники хотѣли бы увѣковѣчить въ условіяхъ мира.

Съ національ-соціалистомъ и свободомыслящимъ Науманомъ согласенъ и націоналъ-либералъ, Пауль Рорбахъ, хорошій знатокъ Турціи, заклятый врагъ Россіи и давнишній проповѣдникъ всемірно-исторической миссіи Германіи въ этомъ направленіи. Германія должна охранять Турцію отъ Англіи и Россіи, ибо „всякая территоріальная потеря, которую можетъ понести теперь Турція, и, конечно, прежде всего, ея раздѣлъ между Англіей (Месопотамія), Россіей (Арменія и Малая Азія), Франціей (Сирія) и Италіей (Триполитанія) — совершенно закрыла бы эти страны для труда и экономической прибыли Германіи или чувствительно ограничила бы наше поле дѣятельности". Уже во время войны Рорбахъ пишетъ пам-

флетъ о „будущей колоніальной работѣ", въ которомъ ярко подчеркиваетъ задачи войны и результаты ея различнаго исхода. Подобно Науману, Рорбахъ считаетъ эту войну только началомъ германской борьбы за міровое господство. Это для него только „первая пуническая война". И онъ совершенно согласенъ, что весь смыслъ этой войны — на Востокѣ. „Война будетъ рѣшена въ значительной степени на восточной почвѣ. Споръ идетъ о Дарданеллахъ, споръ идетъ объ Египтѣ. Быть можетъ, война, которую мы ведемъ, есть лишь первая пуническая война. Быть можетъ, черезъ нѣсколько лѣтъ за ней послѣдуетъ вторая, если на этотъ разъ великій конфликтъ народовъ не разрѣшится. Но рѣшеніе придетъ на Востокѣ... Пока Англія сохранитъ Египетъ и Суэцкій каналъ, она будетъ держать въ цѣпяхъ весь міръ... Если мы, германцы, хотимъ дѣйствительно получить свободу для нашей заморской дѣятельности, необходимо выгнать Англію изъ Египта... Если мы вмѣстѣ съ турками одержимъ, какъ я твердо надѣюсь, если не въ первой войнѣ, то во второй окончательную и прочную побѣду, то турки увидятъ, что союзъ съ Германіей принесетъ имъ экономическій, политическій, умственный, культурный и матеріальный прогрессъ... Отъ опыта съ турками будетъ зависѣть въ дальнѣйшемъ нашъ престижъ и наши успѣхи у персовъ, афганцевъ, индусовъ-мусульманъ, арабовъ и египтянъ... Точно такъ же, какъ теперь на дюжину германскихъ школъ приходится въ Малой Азіи 600—800 школъ французскихъ, такъ тогда это отношеніе будетъ обратнымъ... Если мы побѣдимъ въ этой войнѣ, къ намъ перейдетъ политическое и интеллектуальное преобразованіе Востока, такъ же какъ и Африки". Наоборотъ, прибавляетъ Рорбахъ въ другой брошюрѣ (Woher kam der Krieg. Wohin führt er?), „если Босфоръ и Дарданеллы попадутъ въ русскія руки, то, во-первыхъ, намъ нельзя будетъ, въ случаѣ закрытія морскихъ путей, доставлять съ Востока въ достаточнымъ количествѣ сырье и съѣстные припасы, а во-вторыхъ, невозможно будетъ уравновѣсить превосходство Англіи, запирающее Сѣверное море, давленіемъ на самыя чувствительныя мѣста Британской имперіи, на Египетъ и на Суэцкій каналъ. Иначе, какъ съ помощью сильнаго союзника въ лицѣ Турціи и при обезпеченномъ пути туда въ формѣ прочныхъ политическихъ отношеній къ Австро-Венгріи и Болгаріи это невозможно. Если Россія будетъ сидѣть въ Константинополѣ, то все это пойдетъ прахомъ. Нельзя будетъ и говорить тогда о гарантіи нашего національнаго снабженія пшеницей и хлопкомъ, керосиномъ и мѣдью, шерстью, маслами, фруктами и табакомъ Месопотаміи, Малой Азіи и Сиріи. Если будутъ уступлены всѣ эти прочные факторы германской будущности,

то нельзя будетъ сколько-нибудь долго противиться громадному превосходству противниковъ въ численности населенія, въ пространствѣ и во всякаго рода рессурсахъ. Для этого наше географическое положеніе слишкомъ неблагопріятно и занимаемое нами пространство слишкомъ невелико". Только прибавивъ къ „средне-европейскому блоку" еще „восточный блокъ", съ Болгаріей, въ качествѣ соединительнаго звена между ними, Германія будетъ въ состояніи располагать 140—150 милліонами населенія, которые положатъ твердый фундаментъ ея господству отъ Сѣвернаго и Балтійскаго моря до Персидскаго залива и тѣмъ обезпечатъ ея шансы въ борьбѣ за мировое преобладаніе.

Мнѣ не хватило бы мѣста, если бы я захотѣлъ излагать всѣ тѣ брошюры, частью распространившіяся во многихъ изданіяхъ и въ сотняхъ тысячъ экземляровъ, которыя еще передъ войной развивали всѣ изложенныя мысли и дѣлали ихъ общимъ достояніемъ германской общественности. Ernst Jäckh еще зимой 1913 г. выступилъ съ лозунгомъ „отъ Гельголанда до Багдада" въ брошюрѣ „Deutschland im Orient nach dem Balkankriege". За ней послѣдовала нашумѣвшая брошюра Винтерштеттена „Berlin-Bagdad" (1913). Въ первыя недѣли войны тотъ же авторъ опубликовалъ новую брошюру („Das politische Programm des Krieges") подъ своимъ настоящимъ именемъ (D-r Albert Ritter), и въ самомъ заглавіи ея отпарировалъ, сдѣланные ему упреки въ узости заглавія, поставивъ еще болѣе горделивое: „Nordkap-Bagdad"! D-r C. A. Schäfer, „непрофессіональный политикъ" развивалъ варіантъ той же мысли, предполагая подѣлиться съ Россіей господствомъ на Востокѣ. Шеферъ мечтаетъ о томъ, чтобы возстановить „союзъ трехъ императоровъ" и вмѣстѣ съ Россіей сокрушить „англійскую монопольную политику" средствами „континентальной Европы". Сдѣлать это очень нетрудно. Стоитъ только пустить Россію къ Персидскому заливу, отдавъ ей Бедеръ-Аббасъ! Бендеръ-Аббасъ сдѣлается тогда „Владивостокомъ Индійскаго океана", стремленіе Россіи къ „теплому морю" будетъ удовлетворено, а Индійскій океанъ, въ силу принудительной логики русской распространительной тенденціи „сдѣлается цѣлью русской экспансіи", на горе индійскимъ владѣніямъ Англіи[1]). Соблазнивъ Энвера Египтомъ, соблазнить Штюрмера Бендеръ-Аббасомъ и Индійскимъ океаномъ, — какая блестящая перспектива для германской Weltpolitik ohne Krieg!

Въ швейцарской газетѣ „Berner Tageblatt" не такъ давно былъ

---

[1]) Dr. rer. pol. C. A. Schäfer, Das neudeutsche Ziel (von der Nordsee bis zum Persischen Golf). Stuttgart, Dolge.

помѣщенъ, „изъ компетентныхъ источниковъ“, любопытный документъ, имѣющій ближайшее отношеніе къ этому же кругу идей. въ этомъ документѣ предлагалось Россіи „отказаться отъ своихъ стремленій къ гегемоніи надъ Балканами и къ обладанію Константинополемъ“. Въ вознагражденіе за это давалось обѣщаніе „открыть Дарданеллы для торговыхъ судовъ и даже для военныхъ, поскольку это окажется совмѣстимымъ съ сохраненіемъ союзнаго отношенія между Турціей и срединными державами“. Далѣе, Россіи отдавались восточная Галиція и Буковина съ украинскимъ большинствомъ населенія, а также Молдавія. Часть Курляндіи и Литвы дальше должна была перейти къ Германіи, взамѣнъ чего Россія получала Арменію и свободный доступъ къ Персидскому заливу. Турція вознаграждалась за это возвращеніемъ Египта, послѣ завоеванія его германо-австрійско-турецкой арміей, при чемъ Суэцкій каналъ поступалъ подъ контроль центральныхъ державъ, какъ способъ обуздать Англію. Россія и Германія взаимно отказывались отъ вознагражденія, и Россіи предоставлялось отказаться отъ уплаты долга Франціи. На основаніи этихъ условій, если вѣрить „Berner Tageblatt“, Германія готова была предложить Россіи сепаратный миръ. Если въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ дипломатическимъ документомъ, а только съ литературнымъ произведеніемъ, то и послѣднее представляетъ несомнѣнный интересъ по связи съ вышеизложенными германскими аспираціями.

Очевидно, въ міровомъ состязаніи Англіи и Германіи положеніе Россіи на Ближнемъ Востокѣ играетъ рѣшающую роль. Россія на Персидскомъ заливѣ: это было бы германское рѣшеніе, разсчетъ котораго ясенъ: сдѣлать изъ Россіи опаснаго соперника Англіи въ Индіи и тѣмъ вовлечь Россію въ орбиту германской „міровой политики“. Россія въ Константинополѣ и въ проливахъ: таковъ неизбѣжный англійскій отвѣтъ, радикально разрѣшающій трудный вопросъ о томъ, какъ удалить Германію изъ Малой Азіи и какъ установить прочную связь между африканскими и азіатскими владѣніями Англіи. Германія — врагъ Англіи въ Египтѣ, Суэцѣ, Багдадѣ. Россія — ея естественный союзникъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ сталкиваются двѣ колоніальныхъ политики, два имперіализма. У Россіи нѣтъ колоніальной политики и нѣтъ „имперіализма“ въ этомъ смыслѣ, ибо всѣ ея владѣнія находятся въ одномъ комплексѣ, которому недостаетъ лишь необходимаго географически органа: своего собственнаго выхода къ открытому морю. Россія не будетъ искать этого выхода въ искусственно-присоединенныхъ и далекихъ мѣстахъ, какъ Бендеръ-Аббасъ или Александретта, ибо географія дала ей близкій и естественный выходъ — черезъ проливы.

Понятно, что дать Россіи этотъ выходъ въ интересахъ союзниковъ, а дать его навсегда — въ интересахъ прочнаго союза, прочнаго, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы дать время осуществится провозглашенной Вильсономъ международной организаціи міра, при которой всякіе частные союзы и группы союзовъ станутъ излишними.

Къ сожалѣнію, пока наступитъ этотъ моментъ, притязанія Германіи грозятъ намъ новымъ союзомъ, болѣе сильнымъ, чѣмъ тройственный: союзомъ „срединной Европы" и союзомъ „среднеевропейскаго блока" съ „балканскимъ". Шерадамъ совершенно правъ, когда утверждаетъ, что исходъ войны „въ ничью" явится, собственно, побѣдой Германіи, ибо закрѣпитъ оба союза, среднеевропейскій и балканскій, и подготовитъ, такимъ образомъ, обширную территорію, богатую людьми и рессурсами, для „второй пунической войны". Единственный способъ радикально устранить эту возможность есть — пресѣчь пути Германіи на Востокъ водвореніемъ Россіи посрединѣ этого пути.

Неподготовленность широкихъ круговъ публики ко всѣмъ этимъ комбинаціямъ объясняется въ значительной степени новизной самыхъ комбинацій. Правда, Али-паша былъ правъ, когда уже въ 1871 году предсказалъ, что Пруссія послѣ побѣды надъ Франціей облизится съ Австріей и будетъ поддерживать Турцію. Правъ и Науманъ, когда возводитъ начало современной международной конъюнктуры къ побѣдѣ надъ Седаномъ и къ франкфуртскому миру. Въ самомъ общемъ смыслѣ эти утвержденія сводятся къ тому, что безъ Германской имперіи не было бы и германской міровой политики. Но было бы явнымъ преувеличеніемъ приписывать современныя всемірно-историческія притязанія Германіи Бисмарку и Вильгельму I. Точно также неправильно было бы переносить въ эпоху Бисмарка и современныя тенденціи Германіи въ Восточномъ вопросѣ. Гораздо болѣе правъ въ этомъ случаѣ авторъ брошюры „Міровая политика Германіи безъ войны", когда онъ утверждаетъ, наоборотъ, что современная азіатская оріентація германской политики противоположна старому принципу бисмарковской политики — „избѣгать конфликтовъ съ Россіей".

Идеей Бисмарка въ Балканскомъ вопросѣ была старая идея раздѣла вліяній между Россіей и Австріей. Дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, онъ помогъ Австріи сдѣлаться балканской державой путемъ оккупаціи Босніи и Герцеговины, а затѣмъ подготовилъ и аннексію этихъ областей Австро-Венгріей. Но онъ при случаѣ всячески поощрялъ и Россію взять свою долю на востокѣ полуострова, и никогда не могъ объяснить себѣ иначе, какъ неспособностью русскихъ дипломатовъ, то обстоятельство, что они систематически пропускали всѣ

удачные случаи завладѣть Константинополемъ. Передъ русско-турецкой войной 1876 года русскіе дипломаты объяснили себѣ поощренія Бисмарка такъ, что онъ „толкалъ" Россію въ войну. Я считаю болѣе вѣроятнымъ, что Бисмаркъ совѣтовалъ русскимъ дипломатамъ сдѣлать то, что сдѣлалъ бы самъ на ихъ мѣстѣ. Передъ самымъ открытіемъ Берлинскаго конгресса онъ говорилъ французскому секретарю конгресса, графу де-Муи: „Русскіе должны были выбирать одно изъ двухъ: или идти до конца и взять Константинополь, что они могли сдѣлать въ теченіе цѣлыхъ восьми дней, или же не быть такими требовательными по отношенію къ Портѣ и не провоцировать вмѣшательства Европы. Благопріятные моменты не повторяются: надо умѣть ихъ схватить"[1]). Послѣ Берлинскаго конгресса, желая поправить дурное мнѣніе о себѣ русскихъ, Бисмаркъ неоднократно говорилъ нашему дипломату: „Я не раздѣляю предразсудковъ другихъ кабинетовъ по поводу опасности предоставить Константинополь Россіи". И онъ постоянно подчеркивалъ, что не пускаетъ Россію въ Константинополь только Англія. „Пусть Россія осуществитъ самыя свои смѣлыя мечты на Востокѣ, говорилъ онъ Радовицу въ 1880 г., я не имѣю противъ этого никакихъ возраженій, при единственномъ условіи, что она представитъ Австріи существовать и не будетъ оспаривать у ней сферу вліянія въ западной части Балканскаго полуострова".

Правда, въ это самое время уже обрисовались двѣ черты, оказавшіяся впослѣдствіе чертами водораздѣла между двумя противоположными международными комбинаціями. Выяснилась, во-первыхъ, почва для конфликта между Австріей и Россіей и выяснилось, какъ въ случаѣ такого конфликта поведетъ себя Германія. Во время переговоровъ о заключеніи договора 6 (18) іюня 1881 г. стало окончательно ясно, что Австрія, не довольствуясь Босніей и Герцеговиной, уступленными ей во время рейхштадтскаго свиданія, не довольствуясь даже секретнымъ протоколомъ 1878 года, который обезпечивалъ ей возможность распространить свою „оккупацію" на Новобазарскій санджакъ, добивается прямой „аннексіи" Новобазарскаго санджака.

Россія рѣшительно воспротивилась этому, и договоръ 1881 г. ограничился признаніемъ права Австро-Венгріи на аннексію Босніи и Герцеговины. Но Австро-Венгрія вскрыла при этомъ свое намѣреніе сохранить дорогу открытой черезъ Македонію въ Салоники и въ Константинополь, для чего необходимо было подчинить себѣ

---

[1]) См. C-te Charles de Mouy, Souvenirs, et causeries d'un Diplomate Paris, 1909. p. 96.

Сербію и не допускать расширенія Болгаріи на западъ и на югъ. Россія противопоставила этому твердое желаніе, чтобы предѣлы австрійскаго вліянія не распространялись au de là des régions assignées par le traité de Berlin.

На чьей сторонѣ будетъ Германія въ случаѣ конфликта между Австріей и Россіей, выяснилось еще раньше. Знаменитая телеграмма изъ Ливадіи въ 1876 году, поставившая Бисмарку прямо этотъ вопросъ, вызвала его отвѣтъ, что онъ можетъ допустить столкновеніе, но не допуститъ чрезмѣрнаго ослабленія Австріи. Убѣдившись, что Германія не оставитъ Австріи безъ помощи, Россія и принуждена была купить ея нейтралитетъ въ войнѣ 1877 года уступкой Босніи и Герцеговины. Въ свою очередь, Бисмаркъ, поставленный передъ необходимостью выбирать между Австріей и Россіей, сдѣлалъ выборъ въ пользу Австріи и заключилъ съ ней союзъ 1879 года.

Было бы однакоже преувеличеніемъ утверждать, что уже къ этому времени относится начало „міровой политики“ срединной Европы и что, какъ выразился Науманъ, „настоящая война началась уже въ 1876 году“ [1]). Безъ всякаго сомнѣнія, Бисмаркъ не считалъ свой союзъ съ Австро-Венгріей несовмѣстимымъ съ продолженіемъ союза съ Россіей. Это была лишь „перестраховка“, которая должна была оберегать Германію отъ „коалиціи“ Австріи съ западными державами гораздо болѣе, чѣмъ отъ „панславистскихъ“ стремленій Россіи. Вотъ почему и было возможно еще въ 1881 г. заключить между тремя императорами договоръ, въ силу котораго всѣ дальнѣйшія измѣненія въ территоріальномъ statu quo Европейской Турціи могли совершаться лишь съ общаго согласія, а закрытіе проливовъ для военныхъ судовъ объявлялось принципомъ европейскаго международнаго права, который Турція не имѣла права нарушать въ пользу какой бы то ни было державы (разумѣлась, конечно, Англія), не подвергая себя опасности потерять обезпеченіе своей территоріальной неприкосновенности [2]). Договоръ этотъ, заключенный на три года, былъ продленъ въ 1884 г. на та-

---

[1]) Naumann, Mitteleuropa, Berlin, Reimer, 1916, стр. 54. Примѣръ объясненія Бисмарковской политики въ Восточномъ вопросѣ современными тенденціями можно найти также въ книгѣ Maximilian Fliegenschmidt, Deutschlands Orientpolitik in 1870 — 1890. Berlin 1913.

[2]) Заявленіе лорда Солсбери на засѣданіи Берлинскаго конгресса 11-го іюля (тогда же опротестованное гр. Шуваловымъ) провозглашало, напротивъ, полное право султана пропустить черезъ проливы, кого ему вздумается: такимъ образомъ, англійскій флотъ съ разрѣшенія султана могъ очутиться въ Черномъ морѣ.

кой же срокъ и закрѣпленъ свиданіемъ трехъ императоровъ въ Скерневицахъ, въ сентябрѣ этого года. Въ 1887 г. обстоятельства измѣнились. Когда въ февралѣ этого года германскій посланникъ въ Петербургѣ спросилъ императора Александра III, согласенъ ли онъ остаться нейтральнымъ въ случаѣ войны Германіи съ Франціей (взамѣнъ чего Бисмаркъ предлагалъ поддерживать русскую политику на Балканахъ), Александръ III отвѣтилъ отказомъ. Онъ предпочиталъ политику „свободныхъ рукъ". Однакоже, когда въ ноябрѣ 1887 г. Александръ III пріѣхалъ въ Берлинъ, Бисмаркъ опровергъ его подозрѣнія противъ Германіи (по болгарскому вопросу). Договоръ (получившій названіе „перестраховки", Rückversicherungsvertrag) былъ все-таки продленъ на третье и послѣднее трехлѣтіе. Еще въ своей рѣчи того же года передъ рейхстагомъ Бисмаркъ развивалъ свою прежнюю и всегдашнюю точку зрѣнія: „Г. депутатъ (Виндгорстъ) хотѣлъ бы, чтобы германская политика всецѣло зависѣла отъ Австріи; по его мнѣнію, мы должны бы были больше интересоваться Востокомъ, чѣмъ мы это дѣлали до сихъ поръ. Гг., наши отношенія къ Австріи покоятся на убѣжденіи каждой стороны, что великодержавное существованіе другой необходимо въ интересахъ европейскаго равновѣсія. Но они вовсе не покоятся на томъ положеніи, что каждая изъ двухъ державъ должна бы была отдаваться со всей своей силой на службу другой. Это совершенно невозможно. Есть специфическіе австрійскіе и специфическіе германскіе интересы, за которые другая сторона не стоитъ". Прежняя увѣренность Бисмарка въ возможности примирить австро-германскій союзъ (опубликованный въ 1888 году) съ добрыми отношеніями къ Россіи сказалась и въ его заявленіи 1888 г., что всѣ неудовольствія противъ Россіи „вѣсятъ легче пуха сравнительно съ авторитетомъ русскаго императора", и въ тонѣ его послѣднихъ бесѣдъ съ императоромъ Александромъ III въ Данцигѣ въ 1889 году, уже послѣ смерти Вильгельма I. Въ слѣдующемъ 1890 г. предстояло возобновленіе договора, и понятенъ вопросъ Александра III Бисмарку, долго ли онъ еще разсчитываетъ остаться у власти. Бисмаркъ отвѣтилъ успокоительно. Но уже въ 1890 г. Бисмарка замѣнилъ графъ Каприви, и договоръ возобновленъ не былъ. Каприви говорилъ тогда князю Гогенлоэ по этому поводу, что по договору „мы бы гарантировали Россіи свободу дѣйствій въ Болгаріи и въ Константинополѣ взамѣнъ русскаго обязательства оставаться нейтральными въ войнѣ Германіи съ Франціей: боюсь, что Австрія насъ за это не поблагодарила бы". Повидимому, Каприви разумѣлъ тутъ не точный текстъ договора, а лишь возможное его практиче-

ское послѣдствіе [1]). Какъ бы то ни было, молчаливый отказъ Германіи отъ возобновленія договора о нейтралитетѣ имѣлъ очень опредѣленныя послѣдствія. Въ слѣдующемъ 1891 году эскадра адмирала Жерве посѣтила Кронштадтъ, а 10 (22) августа того же года было заключено соглашеніе о франко-русскомъ союзѣ.

Прекращеніе договора о нейтралитетѣ, заключеннаго Бисмаркомъ, и заключеніе франко-русскаго союза лучше всего подчеркиваютъ, что лишь при Вильгельмѣ II положеніе дѣлъ круто перемѣнилось. До тѣхъ поръ пока оставался у власти Бисмаркъ, Россіи было гарантировано со стороны Германіи такое же невмѣшательство въ восточныя дѣла, къ какому обязывалась и сама Россія. Германія осталась заинтересованной въ сохраненіи status quo въ Турціи только косвенно, съ цѣлью защиты австрійскихъ интересовъ, которые при томъ Германія вовсе не отожествляла съ своими. И Россія не имѣла надобности предъявлять претензій на Константинополь и проливы, до тѣхъ поръ пока ни одна сильная держава не претендовала на исключительный перевѣсъ и вліяніе при дворѣ султана.

Изъ этого положенія Россія и вся Европа была выведена впервые „міровой политикой“ Вильгельма II и ея все болѣе очевиднымъ стремленіемъ къ захвату сперва финансоваго и экономическаго, потомъ военнаго и морскаго, а въ дальнѣйшей перспективѣ и открыто политическаго вліянія въ Оттоманской имперіи. Здѣсь мы вплотную подходимъ къ той пропагандѣ германскихъ имперіалистовъ, о которой уже говорили выше.

Эта пропаганда — совсѣмъ не академическая и не отвлеченная. Она вѣрно отражаетъ стремленія императора, который съ первыхъ же годовъ своего царствованія открыто и демонстративно новелъ свою туркофильскую политику. Въ послѣдній годъ управленія Бисмарка старому канцлеру пришлось успокоивать императора Александра III по поводу первой поѣздки Вильгельма II въ Константинополь. Съ этимъ первымъ визитомъ (1889 г.) связана первая желѣзно-дорожная концессія (Измидъ-Ангора), которая соста-

---

[1]) Такъ полагаетъ гр. Ревентловъ (Deutschlands Auswärtige Politik 1888—1913, Berlin, 1914, стр. 25) и полагаетъ правильно, если только договоръ 1881 г. возобновлялся въ 1884—1887 гг. безъ измѣненій. По первоначальному тексту договора Германія, Австрія и Россія обязывались къ благожелательному нейтралитету въ случаѣ, если одна изъ нихъ вступала въ войну съ четвертой великой державой; но если этой четвертой державой была Турція, то это правило прилагалось лишь подъ условіемъ предварительнаго соглашенія между тремя дворами о результатахъ войны. Другими словами, за нейтралитетъ Россіи, въ случаѣ войны съ Франціей, Германія вовсе не давала ей свободы дѣйствій на Ближнемъ Востокѣ.

вила потомъ головной участокъ мірового пути „Берлинъ-Багдадъ", и первый торговый договоръ (1890).

Четверть вѣка отдѣляетъ эти начатки „мировой политики" Германіи отъ того свиданія Вильгельма II съ наслѣдникомъ австрійскаго престола, 17 іюня 1914 года, въ замкѣ Конопиштъ, на которомъ рѣшена была настоящая міровая война. Англійскій журналъ „Nineteenth Century and after" опубликовалъ въ февральской книжкѣ 1916 года сенсаціонный разсказъ объ этомъ свиданіи, принадлежащій перу извѣстнаго знатока Австро-Венгріи, бывшаго корреспондента „Times" въ Вѣнѣ, Генри Викхама Стида. Вотъ что разсказываетъ Стидъ о новомъ шагѣ къ міровому владычеству, на который рѣшились въ Конопиштахъ государи срединныхъ имперій. „Россію провоцируютъ въ войну, къ которой Германія и Австрія готовы. Франція будетъ приведена въ состояніе безсилія. Нейтралитетъ Англіи считается несомнѣннымъ. Послѣдствіемъ вѣрной побѣды будетъ перекройка карты Европы". Въ частности, карту Австро-Венгріи предполагалось измѣнить слѣдующимъ образомъ. Она будетъ раздѣлена на три части. 1) Возстановленная Польша съ Литвой и Украйной, отъ Балтійскаго до Чернаго моря, образуетъ королевство подъ властью Франца-Фердинанда, которому наслѣдуетъ старшій сынъ. 2) Венгрія съ Чехіей, Сербіей, Босніей, хорватскими и юго-славянскими землями образуетъ второе королевство отъ Адріатики до Эгейскаго моря и Салоникъ. Королемъ его будетъ второй сынъ Франца-Фердинанда. 3) Остальныя части Австріи перейдутъ къ слѣдующему наслѣднику (теперешнему императору) Карлу-Францу-Іосифу и войдутъ въ составъ Германской имперіи на правахъ союзнаго государства. Такимъ образомъ, Германія будетъ имѣть на Адріатическомъ морѣ торговую и военную гавань, Тріестъ и Полу, какъ она имѣетъ на сѣверѣ Гамбургъ и Киль. Далѣе, „между увеличенной въ размѣрѣ Германской имперіей, возстановленнымъ Польскимъ королевствомъ и новымъ чехо-венгерско-юго-славянскимъ королевствомъ будетъ заключенъ тѣсный и вѣчный союзъ, военный и торговый. Союзныя государства средней Европы сдѣлаются господиномъ Европы и будутъ господствовать надъ Балканами и надъ путями на Востокъ.

Такимъ образомъ, между началомъ и концомъ двадцатипятилѣтія царствованія Вильгельма II (1888—1914), дѣйствительно, есть идейная связь и единство. И Науманъ былъ бы болѣе правъ, если бы начиналъ настоящую войну не съ 1876 года, а съ 1890, съ года прекращенія русско-германскаго договора о нейтралитетѣ. Однакоже и въ этомъ случаѣ онъ былъ бы правъ только на половину. Дѣло въ томъ, что для проведенія въ жизнь „міровой политики"

Германіи, съ ея исходной идеей „срединной Европы", нужна была довольно длительная подготовка. Ревентловъ въ цитированной книгѣ мѣтко озаглавливаетъ промежутокъ 1895—1903 гг. „Потуги міровой политики безъ достаточныхъ средствъ". Это тотъ періодъ, когда заложены были первыя основы германскаго океанскаго флота и положено начало широкому развитію заморской торговли Германіи. То и другое не могло быть сдѣлано безъ сочувствія, или, по крайней мѣрѣ, безъ пассивнаго отношенія Англіи. Вотъ почему усиленіе дружбы съ Англіей, ярко выразившееся въ обмѣнѣ Занзибара на Гельголандъ, является главнымъ тономъ международной политики Каприви, одновременно съ ликвидаціей русскаго союза. Только тогда, когда германскіе успѣхи въ міровой торговлѣ и быстрый ростъ германскаго флота вызываютъ живыя опасенія Англіи, становится возможнымъ англо-русское сближеніе противъ завоевательныхъ стремленій Германіи. Но въ это же время начинается новый зигзагъ: Германія вновь сближается (при Гогенлоэ) съ Россіей, съ цѣлью поддержать стремленія Россіи на Дальній Востокъ и тѣмъ самымъ удалить ее съ Ближняго. Такимъ образомъ, становится возможнымъ, послѣ новаго обмѣна императорскихъ визитовъ, придти къ соглашеніямъ 1897 года о сохраненіи полнаго status quo на Балканахъ и въ Турціи. Вильгельмъ II, вернувшись изъ Петергофа, говорилъ въ августѣ 1897 г. въ Грауденцѣ: „Нашъ восточный сосѣдъ, милый, вѣрный другъ имѣетъ тѣ же политическія мнѣнія, какъ и я". Баронъ Маршаль въ рейхстагѣ заявлялъ, что Германія не имѣетъ на Востокѣ никакихъ особыхъ интересовъ и желаетъ только сохраненія европейскаго мира и прочнаго порядка на Востокѣ. Австро-венгерскій министръ также заявилъ, что Австрія согласилась съ Россіей относительно слѣдующей программы на Востокѣ; никакихъ завоевательныхъ плановъ, независимость и самоуправленіе балканскихъ государствъ, отказъ отъ всякаго вліянія на ихъ внутреннія дѣла". Эта же точка зрѣнія, несмотря на быстро прогрессировавшее разложеніе Турціи, была закрѣплена мюрцштегской конвенціей 1903 года, сопровождавшейся личнымъ свиданіемъ австрійскаго и русскаго императоровъ въ Вѣнѣ. Поддержаніе status quo продолжалось, и обѣ соперницы на Балканахъ, Россія и Австрія, получили съ этой цѣлью „мандатъ отъ остальныхъ державъ, для упрощенія тяжеловѣснаго аппарата европейскаго концерта", по выраженію графа Голуховскаго.

Ухаживая за Россіей, съ цѣлью отвлечь ея вниманіе на Дальній Востокъ, германская политика въ то же время ухаживала и за Франціей, съ цѣлью отвлечь ея вниманіе къ колоніальной политикѣ. Задняя мысль германской политики была при этомъ та, что, дѣйствуя

въ томъ и другомъ направленіи, Россія на Дальнемъ Востокѣ, а Франція въ колоніяхъ, все равно встрѣтятъ сопротивленіе со стороны Англіи, въ борьбѣ съ ней будутъ истощать свои силы, а Германія тѣмъ временемъ получитъ полную свободу укрѣплять фундаментъ своей „міровой политики". Но германская дипломатія ошиблась. Франція первая замѣтила ея игру, потомъ замѣтила Англія и, наконецъ, Россія. И вмѣсто того, чтобы сталкиваться лбами въ угоду новому претенденту на міровое владычество, всѣ три державы предпочли войти между собой въ прямыя сношенія и договориться полюбовно относительно всѣхъ спорныхъ вопросовъ, которые ихъ раздѣляли.

Новый англійскій король Эдуардъ VII (съ 1901 г.) сдѣлался героемъ этого сближенія и главнымъ творцомъ новой европейской конъюктуры. 1903-й годъ былъ годомъ пробужденія. Сэръ Эддоардъ Грей, тогда еще членъ оппозиціи, защищалъ лѣтомъ этого года въ палатѣ идею сближенія Великобританіи съ Россіей. Въ теченіе того же года англійскій король посѣтилъ Парижъ и получилъ въ Лондонѣ отвѣтный визитъ президента французской республики. Невѣроятное для Германіи случилось. Въ апрѣлѣ слѣдующаго 1904 года былъ опубликованъ англо-французскій договоръ, которымъ Франція отказалась отъ Египта и получила свободу дѣйствій въ Марокко. Германскій императоръ провозгласилъ въ своей знаменитой воинственной рѣчи въ Карлсруэ право Германіи на „вмѣшательство въ міровую политику" въ то самое время, когда сама почва, на которой Бисмаркъ строилъ свое болѣе скромное зданіе, окончательно уходила изъ-подъ ногъ Германіи.

Вѣроятно, если бы не было несчастной и нелѣпой случайности — русско-японской войны, Германія поняла бы это. Но такъ какъ, по крайней мѣрѣ, половина ея намѣреній осуществилась, — Россія ушла на Дальній Востокъ, — и такъ какъ результатомъ этого ухода явилось именно то, на что Германія разсчитывала, временное ослабленіе Россіи, то Вильгельмъ II счелъ возможнымъ просто игнорировать неудачу второй и главной половины своего расчета — создать раздоръ между Франціей и Англіей — и смѣло пустился въ борьбу за міровое господство Германіи.

Въ этой борьбѣ Германія должна была еще пройти предварительный этапъ — европейскаго конфликта изъ-за Африки и Марокко (1905—1911), чтобы, наконецъ придти къ тому конфликту изъ-за „срединной Европы" съ ея продленіемъ на Балканы и Малую Азію, на которомъ она поставила рѣшительную и окончательную ставку (1908—1914).

Обѣ попытки Германіи — одна пробная и неудачная, другая

окончательная и, будемъ надѣяться, катастрофическая для германскихъ замысловъ, представляютъ въ своемъ развитіи любопытный параллелизмъ. Обѣ начались съ частичной удачи (1905, 1909), которая придала смѣлости германскимъ дипломатамъ и поощрила ихъ на опрометчивые шаги, приведшіе первый разъ къ удару для національнаго самолюбія (1911), а второй разъ — къ роковому испытанію оружіемъ (1914).

Въ 1905 г. Вильгельмъ II даетъ понять Франціи, что онъ не допуститъ, чтобы въ Европѣ создалась такая группировка державъ, которая лишила бы Германію преобладанія при рѣшеніи міровыхъ вопросовъ. Споръ идетъ изъ-за Марокко, и Вильгельмъ 31 марта 1905 произноситъ свою знаменитую рѣчь въ Танжерѣ, въ которой провозглашаетъ независимость марокксniaго султана. Устами султана онъ требуетъ затѣмъ представленія французскихъ соглашеній о Марокко (съ Франціей и Испаніей) на судъ международной конференціи. Англія немедленно предлагаетъ французскому правительству „войти въ обсужденіе соглашенія, могущаго гарантировать общіе интересы обѣихъ державъ, въ случаѣ если имъ будетъ угрожать опасность“. Другими словами, Англія предлагала Франціи превратить „сердечную близость“ въ формальный оборонительный союзъ противъ Германіи. Тайна предложенія была немедленно выдана въ Берлинъ, и Вильгельмъ II черезъ своего конфиденціальнаго посланца, Генкеля фонъ-Кенигсмарка, предложилъ главѣ французскаго правительства: или удалить министра иностранныхъ дѣлъ Делькассе и перемѣнить курсъ внѣшней политики — или воевать съ Германіей, рискуя „потерей Нанси въ 24 часа, Парижа въ три недѣли, революціей въ 15 главныхъ городахъ Франціи и семью миллiардами контрибуціи за потери германскаго флота, которыя можетъ нанести ему англійскій флотъ“. Былъ это блеффъ или нѣтъ? Могла помощь Англіи предотвратить нападеніе или нѣтъ? Объ этомъ можно спорить безконечно. Позднѣе, въ своей рѣчи 24 января 1908 г., Делькассе замѣтилъ, что, во всякомъ случаѣ, уступка германцамъ создавала соблазнъ для послѣдующаго блеффа, „дѣлая, быть можетъ, неизбѣжнымъ конфликтъ вслѣдствіе невозможности для насъ принять всѣ требованія, а для противниковъ — отступить, послѣ того какъ увѣренность въ новой уступкѣ поощрила ихъ къ выступленію“. Здѣсь съ полной ясностью предсказана психологія германскаго блеффа 1914 года.

Въ 1905 г. Рувье настоялъ въ совѣтѣ министровъ на уступкѣ (6 іюня). Помощь Англіи была отвергнута, а требованіе султана предстать передъ международный конгрессъ (въ Алжезирасѣ) было принято. Делькассе ушелъ въ отставку по требованію германскаго

императора. Была это — „измѣна, предательство, продажа Франціи“ со стороны предсѣдателя совѣта министровъ? Со слезами въ голосѣ Рувье повторялъ въ свою защиту одно только слово: „Мукденъ“, однако обвинители, французскіе монархисты и націоналисты, искали причины французскаго дипломатическаго пораженія не столько въ ослабленіи Россіи, сколько въ пацифистской политикѣ самой французской республики, въ особенности при управленіи „лѣвыхъ“ (1898—1905), разстроившихъ флотъ и оставившихъ безъ защиты восточную границу [1]).

Какъ бы то ни было, урокъ 1905 года подѣйствовалъ. Этотъ годъ сдѣлался годомъ возрожденія французскаго націонализма, началомъ новыхъ вооруженій и новыхъ союзовъ противъ Германіи. Явившись на конференцію въ Алжезирасѣ, которую сама вызвала, Германія оказалась тамъ въ одиночествѣ не только противъ своихъ противниковъ, но и противъ союзниковъ. При поддержкѣ Англіи Франція ввела въ соглашеніе такія оговорки, которыя дали ей возможность осуществить всѣ свои намѣренія въ Марокко.

Такимъ образомъ, когда въ 1911 году Германія дѣлаетъ попытку новаго блеффа (знаменитая посылка „Пантеры“ къ Агадиру) съ цѣлью окончательно „ликвидировать“ марокксkій споръ, она наталкивается на самое рѣшительное сопротивленіе. Графъ Ревентловъ утверждаетъ [2]), что еще за нѣсколько недѣль до Агадира Кидерленъ-Вехтеръ сказалъ ему, что цѣль германской демонстраціи вовсе не высадка и не занятіе территоріи въ Марокко, а лишь побужденіе Франціи вновь обсудить весь марокксkій вопросъ. Однакоже, самъ Ревентловъ признаетъ, что большая часть германскаго народа думала иначе и что послѣдующая уступка Германія была понята, какъ постыдное отступленіе. Другія свѣдѣнія подтверждаютъ это пониманіе. По этимъ свѣдѣніямъ Германія первоначально добивалась, помимо компенсацій во французскомъ Конго, которыя она получила, еще и морской базы въ Агадирѣ и своей сферы вліянія въ Марокко. Какъ бы то ни было, именно „марокkская пощечина“, die Ohrfeige von Marokko, была тѣмъ послѣднимъ толчкомъ, который создалъ въ Германіи убѣжденіе въ неизбѣжности въ ближайшемъ будущемъ войны съ державами согласія, — и главнымъ образомъ съ Англіей, которая стоитъ позади всѣхъ антигерманскихъ дѣйствій континентальныхъ державъ. „Въ слѣдующемъ году послѣ послѣдняго марокkскаго кризиса“, говорится въ цитиро-

---

[1]) См. André Mévil, De la paix de Francfort à la conférence d'Algesiras, Paris, 1909 и Charles Maurras, Kiel et Tanger, 1895—1905, La république francaise devant l'Europe, Paris, 1910.

[2]) Deutschland's Auswärtige Politik, стр. 351—352.

ванной уже брошюрѣ (Deutsche Weltpolitik und kein Krieg) „сдѣлался почти всеобщимъ достояніемъ германской націи тотъ взглядъ, что только при посредствѣ большой европейской войны мы можемъ завоевать себѣ свободу нашего участія въ міровой политикѣ“. Тогда же писалась изданная весной 1912 г. книга генерала Бернгарди „Германія и ближайшая война“, въ которой авторъ признавалъ отказъ Германіи отъ войны изъ-за Марокко лишь короткой отсрочкой и успокоивалъ германцевъ тѣмъ, что марокккская конвенція 1911 г. не есть окончательная и что въ ней даже больше поводовъ для придирокъ, чѣмъ въ конвенціи 1905 года.

Неудача въ марокккскимъ спорѣ объяснялись германскими націоналистами тѣмъ, что морской флотъ Германіи былъ еще недостаточно силенъ, чтобы поддержать ея колоніальныя претензіи. Правда, морская программа 1908 г. давала надежду, что въ 1914 году число германскихъ дредноутовъ превыситъ число британскихъ, и этимъ объясняется мысль о необходимости короткой отсрочки для окончательнаго расчета съ главнымъ врагомъ. Но, конечно, трудно было думать, что Англія будетъ сидѣть, сложа руки, и ждать момента, когда ея противникъ окажется сильнѣе. И вполнѣ естественно, что именно необходимость сосчитаться съ Англіей направила германскій націонализмъ на иной планъ: добраться до Англіи континентальнымъ путемъ, черезъ Турцію, Малую Азію и Персію, чтобы поразить англичанъ въ Египтѣ и въ Индіи. Изложенныя справки о ходѣ „міровой политики“ Германіи и нужны были намъ для того, чтобы показать, когда именно этотъ выборъ другого пути къ міровому владычеству, — не черезъ Африку, а черезъ Азію, сдѣлался особенно настоятельнымъ. Эти же справки покажутъ, почему Англія, а вслѣдъ за нею и Франція поняли, что поддержка Россіи на Ближнемъ Востокѣ нужна имъ въ ихъ собственныхъ, общеевропейскихъ интересахъ.

Переходъ Англіи отъ борьбы противъ стремленій Россіи на Ближнемъ Востокѣ къ поддержкѣ этихъ стремленій произошелъ тотчасъ послѣ заключенія извѣстнаго соглашенія, размежевавшаго интересы Англіи и Россіи въ Персіи, Афганистанѣ и Тибетѣ (1907). Въ этомъ и въ слѣдующемъ году Англія начинаетъ поддерживать реформы въ Македоніи и предлагаетъ столь радикальный планъ, что за ней не можетъ угнаться даже Россія. Въ то же время заводятся разговоры о ликвидаціи Турціи, о поддержкѣ Болгаріи британскимъ флотомъ въ случаѣ ея войны противъ Турціи. А. П. Извольскій заводитъ тогда же переговоры объ открытіи проливовъ для русскихъ военныхъ судовъ.

Австрію эти новыя тенденціи отбрасываютъ въ германо-турец-

кій лагерь. Въ концѣ 1907 г. баронъ Эренталь отказывается отъ македонскихъ реформъ подъ условіемъ концессіи на Санджакскую дорогу. А 27 января 1908 г. онъ произноситъ свою знаменитую рѣчь, въ которой объявляетъ urbi et orbi, что Санджакская дорога есть лишь соединительное звено пути отъ Вѣны до Пирея, Египта, и Индіи, „кратчайшая дорога изъ центральной Европы въ Египетъ и въ Индію“. Онъ объявляетъ при этомъ Австро-Венгрію „тоже балканской державой“ и восхваляетъ „германскій духъ иниціативы“, приведшей къ „экономическому открытію Малой Азіи и Месопотаміи“.

Такимъ образомъ, одновременно выясняется новая оріентировка державъ согласія и державъ „центральной Европы“. Она со стороны Германіи немедленно проявляется въ тѣхъ же формахъ германскаго блеффа, съ какими мы встрѣтились въ началѣ марокскаго спора. Конфликтъ намѣчается тамъ же, гдѣ онъ вспыхнулъ въ 1914 году: въ области борьбы Австро-Венгріи съ „велико-сербскими“ стремленіями. Окончательное присоединеніе Босніи и Герцеговины обостряетъ сербскій вопросъ. Россія пытается оказать поддержку сербскимъ стремленіямъ — и оказывается лицомъ къ лицу съ австро-германской угрозой. Англія и Франція готовы помочь Россіи, но повторяется исторія съ Рувье и Делькассе. Пурталесъ грозитъ Извольскому немедленнымъ вмѣшательствомъ Германіи, и Россія сдается 12 марта 1909 г., какъ Франція сдалась въ 1905 году. Она начисто отказывается отъ поддержки Сербіи, а правительственный „Journal de St. Petersbourg“ заявляетъ: „если война вспыхнетъ, Россія не дастъ ни одного солдата, ни одной копейки денегъ. Если Россіи суждена великая скорбь увидѣть Сербію раздавленной Австріей, она перенесетъ это страшное испытаніе съ покорностью парализованнаго зрителя — avec la resignation d'un temoin paralysè“. Для довершенія сходства, здѣсь, какъ при отставкѣ Делькассе, капитуляціи предшествуетъ засѣданіе совѣта министровъ, на которомъ обнаруживается полная неподготовленность Россіи въ военномъ отношеніи [1]). И такъ же какъ во Франціи, капитуляція производитъ впечатлѣніе глубокой національной обиды.

Я бы сказалъ, видоизмѣняя заявленіе Наумана, что вотъ тутъ, въ 1908—9 году, началась война 1914 года. Но самая наша капитуляція и сопровождавшее ее совершенно неосновательное разочарованіе союзниками, ведутъ за собой еще одну послѣднюю попытку возвращенія къ Бисмарковской политикѣ. Свиданіе государей въ

---

[1]) П. Милюковъ, Балканскій кризисъ, Спб., 1910, стр. 12—14, 145—146, 155—157.

Потсдамѣ (1910—съ Вильгельмомъ II), какъ будто достигаетъ цѣли затушевать плоды свиданія въ Ревелѣ (1908—съ Эдвардомъ VII). Ультимативную угрозу Пурталеса Извольскому теперь пытаются истолковать, какъ „дружеское предупрежденіе"; обращаютъ особенное вниманіе Россіи на то, что ея виды на открытіе проливовъ какъ разъ потерпѣли крушеніе изъ-за Англіи, тогда какъ въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ къ нимъ отнеслись дружелюбно. Отъ преемника Извольскаго, Сазонова, ждутъ, „болѣе безпристрастной политики". Отъ Россіи получаютъ заявленіе (оглашенное канцлеромъ въ рейхстагѣ, 10 декабря 1910 г.), что „оба правительства не войдутъ ни въ какія комбинаціи, которыя имѣютъ наступательныя цѣли другъ противъ друга". Нѣчто подобное Германія тщетно пытается въ 1912 году получить отъ Великобританіи. Наконецъ, получаютъ важную желѣзнодорожную уступку отъ Россіи въ Персіи. Увы, это лишь послѣдніе отголоски давно забытой политики. Война 1914 года, начавшаяся въ 1908 г., пріобрѣтаетъ окончательныя, вполнѣ отчетливыя очертанія, послѣ того какъ балканскія событія 1912 года грозятъ срединной Европѣ опасностью крушенія ея видовъ на Балканы и на Турцію.

Если бы осуществился балканскій союзъ, созданный при содѣйствіи Россіи въ началѣ 1912 года, то, дѣйствительно, путь изъ Германіи и Австро-Венгріи въ Малую Азію былъ бы отрѣзанъ. Застигнутые врасплохъ сербско-болгарско-греческимъ соглашеніемъ и началомъ войны противъ Турціи, срединныя имперіи допустили свободу борьбы между противниками и тѣмъ, вопреки своей волѣ, содѣйствовали разгрому Европейской Турціи. Но они не могли допустить результатовъ разгрома: перестройки карты Балканъ въ пользу балканскаго союза. И они тотчасъ принялись поддерживать и раздувать сложную игру, рассорившую союзниковъ при дѣлежѣ добычи и вогнавшую въ гробъ новорожденный балканскій союзъ при помощи бухарестскаго договора. Всегдашняя цѣль Австріи, приблизительное равенство силъ балканскихъ государствъ при непрерывной розни и соперничествѣ между ними, была вновь достигнута. А вмѣстѣ съ тѣмъ была вновь расчищена дорога въ Салоники и въ Константинополь.

Теперь, однако, этимъ путемъ воспользовались иначе, чѣмъ прежде. Поддерживая Турцію противъ Англіи и Россіи, Германія прежде разсчитывала на извѣстную внутреннюю силу своего протеже. Но когда событія 1912 года неожиданно для Германіи обнаружили крайнюю слабость Турціи, то пріемы германской политики, при сохраненіи прежней цѣли, сразу круто измѣнились. Прежде расчетъ былъ на сохраненіе Турціи для Германіи. Теперь построенъ былъ новый расчетъ на ликвидацію Турціи въ интересахъ Германіи.

Изменившееся положеніе было съ полной отчетливостью охарактеризовано въ рѣчи фонъ-Бетманъ-Гольвега 7 апрѣля 1913 г., въ которой онъ мотивировалъ внесенный въ рейхстагъ законопроектъ о новыхъ вооруженіяхъ. „Если когда-нибудь дѣло дойдетъ до европейскаго пожара, въ которомъ славяне и германцы будутъ стоять другъ противъ друга, то для германцевъ окажется вреднымъ то обстоятельство, что мѣсто, которое прежде было занято Европейской Турціей въ системѣ равновѣсія, теперь частью занято юго-славянскими государствами. Этотъ сдвигъ политическаго положенія на континентѣ готовился давно. Теперь, когда онъ произошелъ — въ неожиданно большомъ размѣрѣ, мы поступили бы противъ совѣсти, если бы не вывели изъ этого послѣдствій. Я не говорю, что столкновеніе между славянствомъ и германствомъ неизбѣжно, но, къ сожалѣнію, такъ утверждаютъ многіе публицисты. Въ ихъ страстныхъ спорахъ слышится отголосокъ всѣхъ тѣхъ разногласій, которыя, много десятилѣтій тому назадъ, создали балканскій вопросъ между Австріей и Россіей. Новое обостреніе расовыхъ инстинктовъ придаетъ этимъ происшедшимъ на Балканахъ сдвигамъ особенное значеніе. Мы вынуждены принимать ихъ въ соображеніе, такъ какъ должны думать о будущемъ. Никто не можетъ составить себѣ представленія о величинѣ міроваго пожара, о разрушеніяхъ и бѣдствіяхъ, которыя онъ принесетъ съ собой народамъ. Всѣ войны прошлаго окажутся сравнительно съ этой игрушками“. Въ преніяхъ послѣ этой рѣчи депутатъ Либертъ справедливо сопоставилъ ее съ заявленіями, дѣлавшимися 30 лѣтъ тому назадъ противникомъ Бисмарка, лидеромъ центра Виндгорстомъ. „Въ балканскомъ спорѣ, говорилъ этотъ послѣдній во время русско-турецкой войны, рѣчь идетъ о великомъ, имѣющемъ значеніе для всего будущаго вопросѣ, будетъ ли владѣть міромъ славянскій или германскій элементъ. Германскій интересъ совпадаетъ съ интересами Австріи“.

Разсматривая въ этомъ свѣтѣ свои отношенія къ Турціи, германская дипломатія рѣшила перейти отъ экономической политики къ подготовкѣ турецкой ликвидаціи въ свою пользу. Съ этой цѣлью она прежде всего рѣшила взять въ свои руки турецкую армію. Въ ноябрѣ 1913 года въ Константинополь прибыла военная миссія генерала Лиманъ-фонъ-Зандерса. Одинъ членъ миссіи такъ выражаетъ ея задачу. „Турецкой арміи больше не существуетъ. Или, если угодно, она есть, но является турецкой только по своему составу. На дѣлѣ же она скоро будетъ въ нашихъ рукахъ, мы можемъ уже назвать ее своею“.

Въ дополненіе къ этому приведу заявленіе одного германскаго политическаго дѣятеля, прекрасно освѣдомленнаго о взглядахъ ны-

нѣшняго министра внутреннихъ дѣлъ, г. Циммермана. Заявленіе это сдѣлано уже во время самой войны, лѣтомъ 1915 года. „Мы должны во что бы то ни стало запереть Россію въ Черномъ морѣ, говорилъ этотъ германскій политикъ. Оставленіе проливовъ всецѣло въ рукахъ турокъ было бы политической неосторожностью, — особенно если допустить, что у турокъ можетъ явиться желаніе въ благопріятный моментъ освободиться отъ германскаго вліянія. Поэтому слѣдовало бы такъ обставить владѣніе турокъ проливами, чтобы воля Германіи, поддержанная ея флотомъ, могла проявляться тамъ болѣе непосредственно, чѣмъ это было и есть теперь". „Наши руководящіе круги, свидѣтельствовалъ далѣе германскій дѣятель, не питаютъ иллюзій насчетъ будущности Турціи. Они сомнѣваются, чтобы турецкій элементъ могъ создать правительство, которое сумѣло бы, послѣ нашей побѣды, реформировать государство въ европейскомъ смыслѣ".

Такое положеніе дѣла совершенно мѣняетъ всю постановку вопроса о Турціи. Передъ войной Россія поспѣшила заявить рѣшительный протестъ противъ пріѣзда Лимана-фонъ-Зандерса. Но она добилась лишь номинальнаго назначенія его на другую должность. Послѣ войны вопросъ станетъ уже не о томъ, сохранится ли Турція, а о томъ, кто получитъ наслѣдство отъ ея разрушенія. Проливы, во всякомъ случаѣ, перестанутъ быть турецкими, и вопросъ можетъ быть лишь о томъ, будутъ ли проливы германскими или русскими? Все значеніе этого вопроса открылось передъ нами съ безповоротной ясностью, послѣ того какъ Германія заставила Турцію принять участіе въ войнѣ на ея сторонѣ, при всей очевидной опасности для Турціи этого рѣшенія и при всѣхъ усиліяхъ истинныхъ оттоманскихъ патріотовъ высвободиться изъ-подъ тяжелой руки Германіи.

Вотъ почему и ликвидація ближне-восточнаго вопроса теперь представляется неизбѣжной и неотложной. Еще въ 1909 году пишущему эти строки пришлось поддерживать турокъ на междупарламентскомъ конгрессѣ въ Берлинѣ, когда они отстаивали сохраненіе statu quo въ проливахъ. Пока тамъ оставалась слабая Турція, Россія могла ждать, и единственной задачей ея было — добиться для самой себя свободнаго прохода военныхъ судовъ черезъ проливы. Теперь, когда на Константинополь вплотную надвинулась угроза германскаго фактическаго завоеванія, ни ждать, ни суживать значенія вопроса уже больше нельзя. Никогда еще въ нашей исторіи обстановка для полнаго разрѣшенія вопроса въ нашемъ смыслѣ не была такъ благопріятна. Никогда борьба за Константинополь и проливы не стояла въ такой очевидной связи съ

міровыми стремленіями Германіи, затрогивающими такъ глубоко интересы нашихъ союзниковъ. Судьба этой войны рѣшится на востокѣ не только для насъ, но и для нихъ. Если же она останется нерѣшенной, это будетъ равносильно, при сложившихся обстоятельствахъ, рѣшенію войны въ пользу Германіи.

П. Милюковъ.

(Продоженіе слѣдуетъ.)

ПРОЕКТЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ.

Проектъ росписи доходовъ и расходовъ на текущій 1917 годъ, разсматриваемый сейчасъ бюджетной комиссіей Государственной Думы, имѣетъ въ общемъ тотъ же характеръ, какъ и росписи двухъ послѣднихъ лѣтъ. Въ ней тоже совсѣмъ не предусмотрѣны издержки на веденіе войны, иначе говоря, — исключено наиболѣе серьезное и интересное въ данное время. Мы уже имѣли случай говорить („Вѣстн. Евр." 1915. Январь), въ какой мѣрѣ неправильна эта усвоенная у насъ практика, основывающаяся на невѣрномъ толкованіи закона, будто бы устанавливающаго, что кредиты на эту потребность „открываются въ порядкѣ верховнаго управленія, по положеніямъ совѣта министровъ". Вслѣдствіе такого пониманія закона единый бюджетъ совершенно произвольно разрывается у насъ на части, и наиболѣе важная изъ нихъ не поступаетъ на разсмотрѣніе Государственной Думы, обсуждаясь и рѣшаясь исключительно канцелярскимъ путемъ. Именно этимъ путемъ, безъ участія и безъ вѣдома законодательныхъ учрежденій, у насъ образуется особый военный фондъ, достигающій въ нынѣшнюю безпримѣрную войну колоссальныхъ размѣровъ; фондъ, изъ котораго, — надо это имѣть въ виду, — покрываются не только одни спеціально военные расходы, но также и такіе, связь которыхъ съ военными потребностями болѣе, чѣмъ отдаленная. Величина подобныхъ тратъ остается неизвѣстной, и въ проектахъ росписей даются лишь общія указанія на всю сумму произведеннаго расхода изъ этого фонда. Такъ, изъ объяснительной записки министра финансовъ къ разсматриваемой нами росписи оказывается, что сумма всѣхъ чрезвычайныхъ расходовъ военнаго времени, съ начала войны по 1 августа 1916 года, равняется 17.727,4 милл. р., изъ которыхъ истрачено въ первый годъ войны 6.086,9 милл. р. и во второй — 11.650,5 милл. р. Никакихъ другихъ свѣдѣній объ этихъ тратахъ Госуд. Дума не имѣетъ и никакого представленія о дѣйствительномъ расходованіи столь громадныхъ суммъ у нея нѣтъ.

Когда сообщаемыя въ проектѣ росписи свѣдѣнія касаются сравнительно лишь незначительной части дѣйствительно израсходованнаго, конечно, и самъ такой проектъ получаетъ совсѣмъ не то значеніе, какое долженъ бы онъ имѣть, если бы заключалъ въ себѣ полностью всѣ траты государства безъ всякаго умолчанія. Такое же ограниченное значеніе имѣетъ, разумѣется, и объяснительная записка министра финансовъ къ представляемой имъ росписи, такъ какъ ея соображенія касаются тоже лишь нѣкоторой части государственнаго хозяйства. Какое значеніе имѣютъ, напр., хотя бы слѣдующія сами по себѣ здравыя соображенія этой записки: „Въ виду огромныхъ сопряженныхъ съ длящеюся уже два года войною издержекъ и безпримѣрнаго напряженія средствъ государственнаго казначейства, правительство признало необходимымъ при составленіи финансовыхъ смѣтъ на 1917 г. примѣнять начало всемѣрной бережливости въ расходахъ и особой сдержанности въ испрошеніи новыхъ кредитовъ“ (стр. 23). Несомнѣнно, такое рѣшеніе министерства весьма похвально и заслуживало бы полнаго одобренія, если бы рядомъ съ этимъ не возникалъ вопросъ: распространяется ли это его благое рѣшеніе и на ту часть расходовъ, которая производится, безъ вѣдома законодательныхъ учрежденій, изъ военнаго фонда и на потребности, даже не связанныя съ войной, но оплачиваемыя тѣмъ не менѣе изъ фонда? Вѣдь рѣшеніе правительства „примѣнять начало всемѣрной бережливости въ расходахъ“ теряетъ свое серьезное значеніе, если будетъ примѣняться только къ тому, что вносится въ роспись, и если оно не будетъ распространяться на ассигнованія за счетъ военнаго фонда. А между тѣмъ увѣренности въ примѣненіи начала всемѣрной бережливости къ расходамъ за счетъ этого фонда нѣтъ и не можетъ быть, разъ только изъ него разрѣшается брать, безъ согласія законодательныхъ палатъ, на покрытіе тратъ, не имѣющихъ отношенія къ войнѣ.

Эти оговорки необходимо было сдѣлать, чтобы установить истинныя границы, — къ сожалѣнію, довольно узкія, — въ которыхъ имѣетъ значеніе разсматриваемая Госуд. Думой роспись доходовъ и расходовъ, совсѣмъ не касающаяся колоссальныхъ тратъ изъ военнаго фонда. По проекту ея на текущій 1917 годъ предположено:

Обыкновенныхъ доходовъ	3.998.631.714	р.
„ расходовъ	3.734.657.086	„
Чрезвычайныхъ доходовъ	6.000.000	„
„ расходовъ	343.159.985	„

Значитъ, проектъ росписи предусматриваетъ общее превышеніе расходовъ надъ доходами въ суммѣ 73.185.357 руб., которую министерство предполагаетъ покрыть посредствомъ кредитныхъ операцій. Но офиціально указываемый дефицитъ этотъ, собственно

говоря, не подлинный, такъ какъ въ проектъ росписи не включенъ расходъ на оплату процентовъ по послѣднему военному займу на номинальную сумму въ три милліарда рублей, — какъ сказано въ объяснительной запискѣ, — „за непослѣдованіемъ еще разрѣшенія его въ установленномъ порядкѣ“, а также и по займамъ, несомнѣнно, имѣющимъ быть заключеннымъ въ текущемъ 1917 году. Если принять во вниманіе суммы, потребныя на оплату процентовъ только по одному указанному трехмилліардному займу, т. е. только 165 милл. р., то размѣръ дефицита, который долженъ быть покрытъ посредствомъ кредитныхъ операцій, увеличится уже до 238,2 милл. р.

Но и эта цифра не выражаетъ еще истиннаго его размѣра. Для уясненія подлинной величины дефицита надо перелистовать еще сотню страницъ объяснительной записки, послѣ чего окажется, что въ проектѣ росписи на текущій годъ „проводятся оборотные доходы по оплатѣ таможенною пошлиною предметовъ, получаемыхъ правительственными установленіями для надобностей обороны, и отъ платежей за желѣзнодорожныя перевозки войскъ и воинскихъ грузовъ, а равно отъ прибылей госуд. банка по учету краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства“ (стр. 130). Вотъ на этихъ-то оборотныхъ суммахъ и сказалась съ особенною ясностью недопустимость практикуемаго у насъ раздвоенія или разрыва на части, въ сущности, единаго бюджета. Общій итогъ только что сказанныхъ оборотныхъ доходовъ, уплачиваемыхъ казною, министерство вводитъ въ проектъ росписи, иначе говоря, онъ „заприходованъ“ здѣсь и исчисляется въ суммѣ 505 милл. р. Но такъ какъ это — доходъ оборотный, уплачиваемый, какъ сказано, казнѣ казною же, изъ средствъ государственнаго казначейства, то соотвѣтственныя данному доходу суммы должны бы быть показаны, собственно, въ расходной смѣтѣ той же росписи и, такимъ образомъ, эта приходная статья была бы сбалансирована. Тогда этотъ оборотный доходъ уравновѣшивался бы соотвѣтственною суммою, которая должна была бы быть показана въ составѣ расходовъ росписи по смѣтамъ военнаго и морского министерства, а такъ же управленія отдѣльнаго корпуса пограничной стражи. Между тѣмъ данный расходъ въ означенныхъ смѣтахъ росписи совсѣмъ не значится, такъ какъ онъ перенесенъ на военный фондъ, изъ котораго и покрывается цѣликомъ. Такимъ образомъ, огромная оборотная сумма въ 505 милл. р. превращается, за счетъ военнаго фонда, въ крупную статью дохода по росписи, и вслѣдствіе этого на всю ея величину искусственно понижается цифра предвидимаго дефицита, истинный размѣръ котораго долженъ бы быть равенъ, по крайней мѣрѣ, 743,2 милл. р., т. е. онъ долженъ бы равняться упомянутымъ 238,2 милл., которые

признаетъ и само правительство, плюсъ еще 505 милл. р., которые перенесены въ счетъ военнаго фонда.

Мы говоримъ, что подлинный размѣръ дефицита долженъ бы равняться, по крайней мѣрѣ, этой суммѣ, потому, что, — какъ справедливо было отмѣчено въ „Русск. Вѣдом." (№ 228), — надо помнить, что огромная часть военныхъ расходовъ покрывается у насъ съ помощью выпуска краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства, по которымъ проценты вычитаются изъ капитальной суммы этихъ обязательствъ при ихъ учетѣ, вслѣдствіе чего расходы на уплату этихъ процентовъ въ роспись не вносятся. Но вѣдь въ будущемъ, какъ-никакъ, придется предпринять консолидацію краткосрочныхъ обязательствъ нашихъ, и тогда на государственный бюджетъ ляжетъ огромная тяжесть по уплатѣ процентовъ по этимъ облигаціямъ, отъ которыхъ сейчасъ роспись наша пока освобождается.

Это временное облегченіе бюджета должно быть тоже принято во вниманіе, но оно, конечно, иного характера, чѣмъ чисто фиктивное облегченіе его посредствомъ перенесенія помянутыхъ расходныхъ суммъ изъ соотвѣтствующихъ частей росписи въ счетъ военнаго фонда. Такой пріемъ не можетъ быть оправданъ ничѣмъ. Какое значеніе имѣетъ, въ самомъ дѣлѣ, это кажущееся сокращеніе дефицита и перенесеніе части его на военный фондъ? Вѣдь и дефицитъ, и значительная часть военныхъ расходовъ должны быть покрыты при посредствѣ кредитныхъ операцій. Если военные расходы наши достигли къ 1 января 1917 года огромной цифры 23 милліардовъ рублей съ лишкомъ, а затраты въ день — 50-ти милл. р. и если платежъ процентовъ по государственнымъ займамъ исчисляется на текущій годъ въ 720,8 милл., не считая платежей въ суммѣ 165 милл. р. по послѣднему военному займу, — то, разумѣется, особенно большой разницы въ счетахъ военныхъ расходовъ не произойдетъ отъ прибавки къ нимъ лишнихъ пятисотъ милл. рублей. Но вѣдь уплачивать ихъ придется при помощи кредита такъ же, какъ съ его помощью пришлось бы уплачивать эти пятьсотъ милліоновъ, если бы они, какъ и слѣдуетъ, числились въ составѣ дефицита и стояли въ росписи. Нельзя, конечно, допустить, чтобы министерство финансовъ могло надѣяться, что искусственное сокращеніе подлиннаго дефицита въ состояніи вліять въ какой-либо мѣрѣ благопріятно на нашъ кредитъ. Для него тоже должно быть безспорно, — какъ я имѣлъ уже случай высказать въ Госуд. Думѣ, — что затемненіе истиннаго финансоваго положенія можетъ быть только вредно въ этомъ отношеніи: чѣмъ яснѣе и правдивѣе составляется государственная роспись, чѣмъ меньше въ ней чертъ, маскирующихъ истину, тѣмъ

болѣе внушаетъ она довѣрія и тѣмъ благотворнѣе ея вліяніе на кредитъ страны. Это, конечно, совершенно ясно для каждаго.

При переходѣ къ дальнѣйшимъ особенностямъ проекта нынѣшней росписи надо, прежде всего, отмѣтить значительное ея возрастаніе: общая сумма доходныхъ поступленій на 1917 г., — по словамъ объяснительной записки, — „не взирая на полную почти утрату питейнаго дохода, опредѣляется по проекту цифрою, близкою къ 4 милліардамъ рублей — (3.998.631.714), — небывалою у насъ въ обстановкѣ мирнаго времени"; при чемъ „финансовые результаты мѣръ по повышенію существующаго обложенія и введенію новыхъ налоговъ исчисляются, приблизительно, въ 1.075 милл. р." (стр. 131).

Неизбѣжность напряженія платежныхъ силъ населенія въ условіяхъ переживаемаго нами времени сама собой понятна и не можетъ вызывать особыхъ возраженій; но, во всякомъ случаѣ, бремя есть все же бремя, и объяснительная записка министра финансовъ напрасно полагаетъ, будто происходящее нынѣ возвышеніе податей совсѣмъ ужъ такъ мало чувствительно для современнаго плательщика [1]). Конечно, кромѣ общаго размѣра платежей, важно и то, какъ они распредѣляются среди различныхъ разрядовъ населенія и въ какой мѣрѣ принимается во вниманіе имущественная состоятельность плательщиковъ. Въ этомъ отношеніи проектъ росписи на нынѣшній годъ представляетъ слѣдующія черты.

Несмотря на значительное увеличеніе общаго итога обыкновенныхъ доходовъ, исчисленныхъ по росписи, распредѣленіе ихъ по главнымъ группамъ почти не измѣнилось сравнительно съ прошлымъ годомъ. Такъ, государственные налоги (прямые, косвенные и пошлины), составляя по росписи 1916 года 53,3% обыкновеннаго доходнаго бюджета, по проекту росписи нынѣшняго года представляютъ 52,7% того же бюджета.

По размѣру предположенныхъ поступленій доходы на нынѣшній 1917 годъ идутъ въ такомъ порядкѣ:

---

[1]) Не вполнѣ понятно, съ какою цѣлью объяснительная записка дѣлаетъ при этомъ ссылку на „усиленные выпуски денежныхъ знаковъ", и какое утѣшеніе думаетъ она доставить обремененному податями плательщику, утверждая, что отрицательное „въ хозяйственной области значеніе" излишняго выпуска бумажныхъ денегъ ослабляется ихъ содѣйствіемъ „расширенію существующихъ и возникновенію новыхъ отраслей промышленности..." Разсужденія эти, переносящія насъ въ отдаленную эпоху Аттвуда (Attwood) и Бирмингамской школы, едва ли будутъ очень убѣдительны, а главное, неизвѣстно, для чего они приведены въ этомъ мѣстѣ объяснительной записки.

Казенные имущества и капиталы	36,1% [1])
Косвенные налоги	27,5%
Прямые налоги	14,2%
Пошлины	11,0%
Правительств. регаліи	7,0%

Распредѣленіе доходовъ въ 1916 и 1917 гг. по главнѣйшимъ категоріямъ видно изъ слѣдующей таблицы:

I. Государственные налоги.	Процентъ къ итогу доходовъ по росписи 1916 г.	Процентъ къ итогу доходовъ по проекту росписи 1917 г.
Прямые	11,9%	14,2%
Косвенные	26,8%	27,5%
Пошлины	14,6%	11,0%
II. Доходы съ казенныхъ имуществъ и предпріятій:		
Казенныя желѣзн. дороги	24,0%	25,7%
Прочіе казен. имущества и капиталы	10,1%	10,9%
Казенная винная операція	1,7%	1,2%
Прочія правительств. регаліи	6,6%	5,7%

Такимъ образомъ, отсюда видно, что распредѣленіе обыкновенныхъ доходовъ по главнымъ группамъ даетъ за оба года почти тѣ же соотношенія. Затѣмъ, изъ приведенной таблички явствуетъ, что прямые налоги, составлявшіе по росписи 1916 года 11,9% всѣхъ вообще государственныхъ поступленій, въ бюджетѣ нынѣшняго года составляютъ 14,2% общаго итога доходовъ казны, — тогда, надо имѣть это въ виду, — значительно выросшаго противъ прошлаго года: нынче общій итогъ доходовъ равняется 3.998,6 милл. противъ прошлогоднихъ 3.032,1 милл. руб. Но это измѣненіе не мѣняетъ, однако, общаго характера системы, такъ какъ и по проекту нынѣшней росписи преобладающее значеніе въ разрядѣ государственныхъ налоговъ остается и сейчасъ за косвенными налогами, которые увеличены теперь съ 813,6 милл. до 1099,1 милл. р., составляя по проекту смѣты нынѣшняго года 27,5% общаго дохода казны противъ 26,8% прошлаго года.

Повышены всѣ косвенные налоги. Такъ, налогъ на сахаръ съ 1 р. 75 коп. на пудъ поднятъ до 2 р. 80 коп. На чай, кромѣ увеличенія бывшей и прежде очень значительной таможенной пошлины, установленъ еще дополнительный акцизъ. Акцизъ на нефть поднятъ съ 60 коп. до 1 р. 20 коп. съ пуда для освѣтительныхъ маслъ и до 1 р. 50 коп. для прочихъ нефтяныхъ продуктовъ. Зна-

[1]) Впрочемъ, можетъ быть, вѣрнѣе вторая цифра, 36,3%, показанная на той же страницѣ объяснительной записки нѣсколькими строками ниже. Подобныя несогласованности встрѣчаются и въ другихъ частяхъ записки.

чительно поднято и обложеніе табака. Повышеніе косвенныхъ налоговъ указываетъ, что тяжесть податного бремени будетъ попрежнему лежать на массѣ населенія, т. е. на тѣхъ же менѣе состоятельныхъ разрядахъ его, которые являлись главными плательщиками и до сихъ поръ.

Правда, бюджетъ на текущій годъ представляетъ важную и отрадную особенность, позволяющую питать надежду на то, что указанный коренной недостатокъ нашей податной системы долженъ въ недалекомъ будущемъ измѣниться. Эта особенность заключается въ томъ, что въ проектѣ росписи нынѣшняго года въ первый разъ появляется въ качествѣ источника государственныхъ доходовъ установленный закономъ 6 апрѣля 1916 г. общеподоходный налогъ, который, несомнѣнно, долженъ послужить основаніемъ для дальнѣйшихъ преобразованій въ нашей податной системѣ, давно требующей коренной реформы. Несмотря на то, что населеніе значительной части отечественной территоріи, занятой непріятелемъ, должно быть исключено изъ расчетовъ, министерство финансовъ надѣется получить отъ подоходнаго налога въ текущемъ году до 130 милл. рублей. Казалось бы, что, въ виду имъ же самимъ указываемыхъ хозяйственныхъ условій настоящаго времени, налогъ этотъ долженъ дать больше.

Затѣмъ, новостью является также и внесеніе въ проектъ послѣдней росписи въ отдѣлъ промысловаго налога новаго его вида, — именно „временнаго налога на приростъ прибылей торгово-промышленныхъ предпріятій и вознагражденія личныхъ промысловыхъ занятій“. Извѣстный въ общежитіи подъ именемъ налога на военную прибыль и установленный Высочайше утвержденнымъ 13 мая 1916 г. положеніемъ совѣта министровъ, этотъ налогъ вводится у насъ, къ сожалѣнію, съ большимъ запозданіемъ и въ довольно несовершенномъ видѣ. Проведенное по ст. 87-й осн. зак., положеніе о немъ поступило на разсмотрѣніе Госуд. Думы только въ послѣднюю сессію. Значительно переработанное финансовой комиссіей, оно непремѣнно должно было пройти черезъ общее собраніе еще въ прошломъ году, если бы неожиданно не послѣдовало сравнительно ранняго перерыва въ занятіяхъ Думы. Въ теперешнемъ его видѣ, не измѣненномъ еще Думою, налогъ на приростъ прибылей долженъ дать, по расчетамъ министерства финансовъ, около 55 милл. руб.; въ переработанномъ финансовой комиссіей Госуд. Думы видѣ онъ далъ бы значительно болѣе, что было бы вполнѣ справедливо въ виду тѣхъ исключительныхъ, часто истинно сказочныхъ прибылей, которыя получаются вслѣдствіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ настоящаго времени.

Благопріятные финансовые результаты отъ введенія этихъ новыхъ налоговъ и возрастаніе доходныхъ поступленій вслѣдствіе значительнаго повышенія существующаго обложенія позволяютъ министерству разсчитывать „на полное, даже съ избыткомъ, возмѣщеніе утраченнаго питейнаго дохода". Но такое весьма условно удачное и для военнаго времени сведеніе государственной росписи на текущій годъ отнюдь не можетъ успокаивать насъ, особенно въ виду „возрастающей съ теченіемъ войны государственной задолженности нашей". Тяжелое бремя, которое будетъ возложено вслѣдствіе этихъ займовъ на нашъ бюджетъ послѣ войны и общепризнанные недостатки нашей податной системы, не отвѣчающей предъявляемымъ къ ней нынѣ запросамъ, настоятельно требуютъ коренного ея пересмотра. Это ясно для всѣхъ, да и самъ министръ финансовъ признаетъ, что указанная имъ еще въ объяснительной запискѣ „къ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1916 г. задача преобразованія нашей налоговой системы, въ цѣляхъ возможнаго умноженія доходныхъ поступленій казны и усовершенствованія нашего податного строя, сохраняетъ все свое значеніе и въ настоящее время".

Министръ финансовъ высказывается въ этомъ смыслѣ, дѣйствительно, не въ первый разъ, но, къ сожалѣнію, „труды финансоваго вѣдомства, посвященнаго этой задачѣ", были до сихъ поръ уже что-то очень мало производительны даже и для офиціальнаго учрежденія. А между тѣмъ грозныя перспективы самаго ближайшаго будущаго повелительно диктуютъ заканчивать работу по преобразованію нашихъ финансовъ какъ можно быстрѣе, безъ всякихъ уклоненій и главное, безъ всякихъ уступокъ...

А. Посниковъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

(ЧЕТЫРЕ НОВИНКИ НА СЦЕНѢ АЛЕКСАНДРИНСКАГО ТЕАТРА.)

Въ третій годъ войны театръ отошелъ отъ постановокъ пьесъ спеціально на тему о современной войнѣ, — между которыми, конечно, не оказалось „шедевровъ“, да и врядъ ли могли быть мало-мальски значительныя произведенія, — но отраженіе отношеній общества (или одной его части) къ переживаемымъ событіямъ сказалось въ первой новинкѣ сезона, въ драмѣ — „Невѣста“, Георгія Чулкова. Правда, герой ея, магистръ философіи, Борисъ Николаевичъ Башиловъ, принимаетъ непосредственное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, зачисляется въ ряды арміи, сражается на фронтѣ, раненъ, но интересъ пьесы не въ этихъ событіяхъ, а въ душевной драмѣ, которую онъ переживаетъ, какъ русскій „интеллигентъ“, передъ новымъ представившимся ему вопросомъ: какъ отнестись именно такому интеллигенту, мыслителю-индивидуалисту, къ событію общенародной, или общегосударственной важности, которое вывело его изъ круга абстрактныхъ и чисто личныхъ интересовъ, которыми онъ раньше жилъ? Драма эта по сущности „интеллигентская“, являясь выраженіемъ взглядовъ и настроеній одной группы современной интеллигенціи въ средѣ русской молодежи, и Башиловъ самъ себя такъ и опредѣляетъ, перечисливъ своихъ предковъ: „главное, я теперь интеллигентъ“. Онъ воспитался на идеяхъ неокантіанства, учился въ Марбургѣ и, повидимому, былъ проникнутъ мыслью возрожденія нѣмецкаго идеализма, пользовавшагося, какъ извѣстно, сочувствіемъ нѣкоторыхъ представителей современной молодежи у насъ.

Случайно, или въ силу общности духовныхъ побужденій, вслѣдъ за „Невѣстой“ появилась пьеса Д. С. Мережковскаго „Романтики“, которая тоже представляется „интеллигентской драмой“ и относитъ насъ къ порѣ расцвѣта идеалистической философіи въ Германіи и ея первыхъ адептовъ въ ряду представителей русскихъ интеллигентовъ въ 30-хъ годахъ минувшаго вѣка. Такимъ образомъ, у насъ сразу появились двѣ „интеллигентныя“ драмы, кото-

рыя, хронологически, по времени дѣйствія, отдѣлены другъ отъ друга періодомъ примѣрно въ три четверти вѣка, но обѣ базируются на томъ же фонѣ идей, порожденныхъ нѣмецкой идеалистической философіей, имѣвшей такое безспорное вліяніе на нашу духовную жизнь. Какой ироніей это звучитъ теперь по отношенію къ наглому прусскому милитаризму, сумѣвшему все же подчинить когда-то славную страну философовъ и поэтовъ. Въ побѣдѣ надъ Вильгельмомъ и его приспѣшниками нашими союзниками могли бы быть: Кантъ, Фихте, Гегель, Шеллингъ, на ряду съ Шиллеромъ, Новалисомъ, Жанъ Полемъ Рихтеромъ и другими романтиками первой половины прошлаго вѣка. И это будетъ, когда традиціи подлинной, идеалистической Германіи осилятъ противоположныя имъ стремленія сторонниковъ захвата власти во что бы то ни стало. Теперешнее настроеніе умовъ въ Германіи поучительно и для оцѣнки значенія идеализма вообще. Но объ этомъ потомъ.

Вторая пьеса встрѣтила больше сочувствія у публики и въ прессѣ (кромѣ нѣкоторыхъ партійно пристрастныхъ или „по недомыслію“ отзывовъ), чѣмъ первая, что объясняется отчасти неравенствомъ художественныхъ дарованій обоихъ авторовъ, болѣе аккредитованнымъ, и по праву, именемъ Мережковскаго, лучшей обработкой сюжета, но также и преимуществами сюжета „Романтиковъ“ и ихъ идейнаго содержанія, хотя по этому вопросу придется сдѣлать нѣсколько оговорокъ.

„Невѣста“ не выдѣляется особыми сценическими качествами, какъ театральная пьеса, но смотрится съ интересомъ, ибо чувствуется искренность автора, значительность возбуждаемыхъ имъ вопросовъ, и образы, хотя и безъ яркости, очерчены съ жизненнымъ правдоподобіемъ. Русскій интеллигентъ, съ его традиціоннымъ „милліономъ страданій“, безъ которыхъ ужъ такъ положено ему на роду — никакъ не обойтись, поставленъ въ обстановку дѣйствія, долженствующую оттѣнить его переживанія. Въ данномъ случаѣ, онъ по происхожденію отнюдь не разночинецъ, а сынъ какого-то сановника, „занимающаго значительный постъ въ министерствѣ“. Можно, пожалуй, выказать нѣкоторое удивленіе, что слишкомъ совѣстливый и съ мягкой душой Башиловъ-отецъ, дружащій съ простымъ сельскимъ учителемъ (Ремешко), все же достигъ высокой „сановности“, быть можетъ, былъ директоромъ департамента или товарищемъ министра, и только въ преклонномъ возрастѣ вышелъ въ отставку, ушелъ даже изъ родной семьи по примѣру „ухода“ великаго старца, но по контрасту ему дана очень преданная земнымъ интересамъ, очень хозяйственная и пекущаяся о хлѣбѣ насущномъ жена, которая могла оказать вліяніе и на его служебную

карьеру. Забавны въ своемъ противоположеніи двѣ сестры — Марья Григорьевна Украинцева и Варвара Григорьевна Колотаева, одна теософистка, другая матеріалистка, обѣ въ вѣчныхъ спорахъ другъ съ другомъ и съ посторонними. Опустившійся помѣщикъ, бывшій либералъ, нынѣ только хвастунъ подъ Хлестакова, Украинцевъ (г. Лерскій) и, въ противоположность ему, управляющій имѣніемъ, Добрынинъ, занятый философскими вопросами, весьма отдаленными отъ его непосредственной дѣятельности; спившійся молодой человѣкъ, Константинъ, безнадежно влюбленный въ сестру Башилова, Ольгу, представляющую собою поблекшую дѣвицу, которая почему-то „живетъ, какъ слѣпая и на себя давно махнула рукой", а теперь идетъ въ сестры милосердія: вотъ „антуражъ" Бориса Башилова, который самъ оказался на перепутьѣ между двумя возлюбленными. Съ одной стороны — смѣлая, гордая и независимая художница Гарсоева, съ которой Борисъ былъ въ связи, но не смогъ возвыситься до „любви безъ страсти" и почувствовалъ новое, неудержимое влеченіе, какъ простую страсть, къ Нинѣ Украинцевой, которую полюбилъ за ея юность, простоту, немудрствующее лукаво сердце. Обѣ женщины въ ихъ противоположеніи удачно были воплощены на сценѣ: Гарсоева г-жей Тиме, Нина г-жей Шигориной. Нина Украинцева и стала „невѣстой" Башилова. Но вотъ вспыхнула война. Кантовскій категорическій императивъ напомнилъ Борису о его долгѣ передъ государствомъ, которое „выражаетъ стремленіе къ окончательному самоопредѣленію", и онъ зачислился въ ряды защитниковъ родины. Что же дальше? Онъ раненъ, но рана не опасная. Однако, пережитое имъ на фронтѣ настолько его потрясло, что вызвало „душевное угнетеніе". Утрачены ясность мысли и цѣльность настроенія. Борисъ чувствуетъ, что было что-то неладное въ его прежнихъ разсужденіяхъ и даже въ его сердечныхъ увлеченіяхъ. Онъ ушелъ на войну, потому что „вѣрилъ, что этого требуетъ его личность, его внутреннее я, умопостигаемое, какъ говорятъ философы". Онъ долженъ былъ „принять государство, какъ одну изъ формъ сознательной жизни", долженъ былъ слѣдовать императиву, предписывающему служить примѣромъ и для другихъ въ исполненіи долга передъ родиной. А вотъ рядовые солдаты, ничего не зная ни объ „умопостигаемомъ", ни объ императивѣ, обладаютъ какой-то „чудесной увѣренностью въ своемъ правѣ и въ своей правдѣ". Борисъ слишкомъ былъ оторванъ отъ земли и отъ земного. Подъ его вліяніемъ и Добрынинъ потерялъ точку опоры, оказался „отъ земли удаленъ". Приблизиться къ земному по-настоящему Башилову все же не удается. Къ „невѣстѣ", послѣ его жизни на фронтѣ, пропало его чувство-

страсть, потянуло опять къ Гарсоевой, которая могла бы его понять, быть можетъ, даже помочь выпутаться изъ лабиринта, въ которомъ Борисъ запутался; но тутъ, конечно, оторвано, пережито, забыто. Вновь не спаять, и, по выраженію Вѣры Владимировны, въ Башиловѣ — „душа раскололась“. Онъ разрубаетъ узелъ, покончивъ выстрѣломъ.

Это частный случай, напоминающій Чеховскаго „Иванова“ (конечно, съ другой мотировкой поводовъ самоубійства). Но для насъ, зрителей, слушателей, читателей, — какой же выводъ? Права ли была съ самаго начала В. Вл. Гарсоева, требовавшая „любви безъ страсти“? Нужно ли, вообще, отказаться отъ всякихъ философствованій, вѣря, — какъ утверждаетъ тоже Вѣра Владиміровна — что „смириться надо. Мы смиреніемъ побѣдимъ“? Надо ли привязаться сердцемъ къ земному, не повторяя за Ольгой: „устали мы, и земля устала“, а довѣряя протесту Добрынина: „земля не устала“? Въ пьесѣ рядъ антиномій, остающихся не вырѣшенными. Авторъ словно самъ колеблется, но онъ, повидимому, и поставилъ себѣ задачей изобразить смущеніе „интеллигента“ опредѣленной группы передъ громадной, нависшей надъ всей страной опасностью иноземнаго порабощенія, которая вызвала пересмотръ всѣхъ его прежнихъ лозунговъ. „Категорическій императивъ“ сыгралъ свою роль въ томъ, что побудилъ Башилова отозваться на общій призывъ къ патріотизму. Но худосочный герой не выдержалъ испытанія. „Весь міръ полюбить хочетъ и никого полюбить не можетъ“, — говоритъ о немъ Вѣра Владимировна. И она въ извѣстномъ смыслѣ права: у Башилова изощренный умъ, привыкшій къ самоанализу и діалектикѣ, въ то же время отсутствіе настоящаго энтузіазма, внушеннаго горячимъ сердцемъ, беззаботной преданностью интересамъ родины и, въ болѣе широкомъ масштабѣ, тѣмъ лозунгамъ права, правды и справедливости, которые объединяютъ союзныя государства въ борьбѣ съ нарушителями этихъ принциповъ. Недаромъ французы упрекаютъ насъ въ недостаткѣ патріотизма. И не „смиреніе“ намъ надо для побѣды, а смѣлое сознаніе своихъ правъ и мужественное отстаиваніе законныхъ требованій; нужны предусмотрительность, устойчивость въ стремленіяхъ и согласованность въ дѣйствіяхъ. Точно также отвергать влеченіе — страсть, значитъ идти наперекоръ природѣ, ибо нѣтъ любви безъ этой, пусть животной, стороны нашего существа; одна духовная близость, при сохраненіи чувства личной свободы, не приводитъ къ сліянію любящихъ другъ друга въ порывѣ цѣлостнаго чувства. Башиловъ черезчуръ „головной человѣкъ“. Вѣроятно, авторъ и хотѣлъ его такимъ изобразить.

Онъ могъ заинтересовать насъ ненадолго душевной драмой очень чистаго и искренняго человѣка, который не стоитъ на высотѣ переживаемыхъ событій, но не волнуетъ насъ его насильственная смерть и длительнѣе, понынѣ длительнѣе остается сочувствіе надорвавшемуся Иванову — интеллигенту 80-хъ годовъ — въ пьесѣ Чехова, ибо Ивановъ хоть въ прошломъ жилъ полной жизнью: „вѣровалъ не такъ, какъ всѣ, женился не такъ, какъ всѣ, горячился, рисковалъ, бросалъ деньги, былъ счастливъ и страдалъ, какъ никто“ въ своемъ кругу, и онъ „умираетъ отъ стыда при мысли“, что „здоровый, сильный человѣкъ обратился не то въ Гамлета, не то въ Манфреда, не то въ лишніе люди“...

Литературная обусловленность въ построеніи пьесы г. Чулкова и характеристикѣ ея героя — Башилова отъ Чеховскаго Иванова, обусловленность, на которой не будемъ настаивать, такъ какъ у Чулкова много и своего, — не къ выгодѣ для „молодого драматурга“, которому, конечно, отнюдь нельзя вмѣнять въ вину слабость его героя, умѣло воплощеннаго Аполлонскимъ, но безъ достаточной нервозности, расшатанности и хрупкости натуры. Современный интеллигентъ въ трактовкѣ Чулкова не есть героическая фигура, но сочувствіе онъ возбуждаетъ искренностью своихъ переживаній и тревожностью возникшихъ у него недоумѣній. Другіе, болѣе сильные, сумѣютъ пережить этотъ кризисъ и выйти изъ него съ обновленной душой и новымъ закаломъ, не попадая, какъ Башиловъ, въ какой-то тупикъ.

Отъ настоящаго переходимъ къ прошлому. Кстати, и въ пьесѣ Чулкова упоминается анекдотъ о Бакунинѣ, какъ этотъ неисправимый идеалистъ предлагалъ, во время дрезденскаго возстанія, выставить на городской стѣнѣ Рафаэлеву Мадонну въ убѣжденіи, что стрѣлять по ней нѣмцы не рѣшатся: бомбардировка Реймскаго собора и разгромленіе Лувэна показали, какъ ошибался Бакунинъ въ своей вѣрѣ въ святость произведеній искусства для „высоко-культурныхъ“ нѣмцевъ. И въ драмѣ Чулкова Украинцевъ, сообщающій этотъ разсказъ, завѣряетъ, будто онъ отвѣтилъ Бакунину: „Миша, нѣмцы Мадонну Рафаэлеву любятъ, а стрѣлять все-таки будутъ“.

Какимъ же Бакунинъ былъ въ свои молодые годы? Какъ сложился этотъ прообразъ и современнаго интеллигента, идеалистически и религіозно настроеннаго, вѣрующаго, по толкованію Мережковскаго, въ „святой бунтъ, святое возстаніе на все, что угнетаетъ человѣка“, убѣжденнаго, что именно „мы — смѣшные“, мы — „Донъ-Кихоты, безумцы, романтики, побѣдимъ смѣющихся“: „мы нищіе духомъ — блаженные, чистые сердцемъ — Бога узримъ, мы, кроткіе, землю наслѣдуемъ“?

Мы выписали фразы, опущенныя при исполненіи „Романтиковъ" по условіямъ спеціально театральной цензуры, но въ нихъ выражается основная мысль автора, взявшаго подъ свою защиту идеалистовъ 30-хъ годовъ. И опираясь въ своемъ міропониманіи на абстрактные тезисы объ абсолютной истинѣ, вмѣщающей субъектъ и объектъ, объ „имманентномъ Синтезѣ и трансцендентной Субстанціи", эти романтики школы Гегеля и Шеллинга приходятъ уже къ положеніямъ великой французской революціи, провозглашая устами Покатилова „виватъ — свобода, братство, равенство", въ чемъ указано практическое примѣненіе домысловъ спекулятивной мысли.

Пьеса Мережковскаго — полуисторическая. Готовую схему своему произведенію онъ нашелъ въ извѣстной книгѣ А. А. Корнилова — „Молодые годы Михаила Бакунина" и именно въ главѣ, выдѣленной и авторомъ семейной хроники Бакуниныхъ подъ особой рубрикой: „Борьба Мишеля за „освобожденіе Вареньки", какъ эпизодъ изъ исторіи русскаго романтизма". Предстояло ее инсценировать, но Мережковскій многое переиначилъ, видоизмѣнилъ, дополнялъ и сокращалъ, бралъ изъ другихъ источниковъ, вкладывалъ отъ себя. Его Михаилъ Кубанинъ вовсе не по условіямъ цензуры перемѣнилъ фамилію, какъ на это намекали въ печати, а на самомъ дѣлѣ онъ только навѣянъ образомъ Михаила Бакунина, но во многомъ отъ него отличается. Когда Мережковскій, какъ бы въ желаніи соблюсти историческую вѣрность портрета, прибѣгаетъ къ цитатамъ и ссылкамъ на Бѣлинскаго, то, на нашъ взглядъ, онъ дѣлаетъ ошибку и сбиваетъ съ толку зрителей и слушателей. Но въ то же время Кубанинъ не можетъ быть сопоставленъ и съ Рудинымъ: у Тургенева мы имѣемъ живой, самостоятельно созданный образъ, выписанный во весь ростъ, и хотя мы знаемъ, что прообразомъ Рудина послужилъ Бакунинъ, мы воспринимаемъ Рудина какъ цѣлостный типъ и характеръ, даже если бы ничего не знали объ историческомъ Михаилѣ Александровичѣ Бакунинѣ, даже если бы онъ вовсе не существовалъ. Иное впечатлѣніе получается отъ Кубанина: онъ не вылѣпленъ изъ цѣльной глыбы мрамора или гранита; это фигура мозаичная, и многіе камешки, изъ которыхъ она составлена, цѣликомъ взяты изъ дѣйствительности (т. е. изъ архивнаго матеріала). Обстановка дѣйствія цѣликомъ пріурочена къ знаменитой усадьбѣ Бакуниныхъ, Прямухино: сохранены фамиліи и нѣкоторыя имена живыхъ когда-то лицъ; приводятся цитаты изъ стихотворенія А. М. Бакунина, воспѣвшаго рѣчку Осугу въ ихъ родовомъ имѣніи въ Тверской губ.; обильныя цитаты изъ писемъ произносятся дѣйствующими лицами, какъ бы нашедшими эти выраженія въ разговорной рѣчи. Авторъ дѣйствительно хочетъ словно васъ завѣрить, что все

это подлинная исторія, что онъ только приспособилъ къ сценическому дѣйствію отрывокъ изъ семейной хроники, „всамдѣлишнія“ происшествія, но мы не должны ему безусловно вѣрить. Мережковскій слишкомъ самостоятельный художникъ, съ весьма опредѣленной индивидуальностью, не столько объективный историкъ, какъ писатель, склонный проповѣдывать, писать произведенія à thèse, поэтому онъ не далъ, на и врядъ ли могъ намъ дать только историческую картинку. Разбираешься не сразу между исторіей и вымысломъ, между Dichtung и Wahrheit, но, въ концѣ концовъ, Dichtung побѣждаетъ, и на историческую обстановку дѣйствія, на подлинныя имена и подлинныя цитаты мы смотримъ только какъ на матеріалъ для творческой переработки, какъ на „источники“, изъ которыхъ писатель создаетъ свое, новое.

Излишній трудъ перечислять эти источники. Они болѣе или менѣе общеизвѣстны по недавнимъ публикаціямъ. Интереснѣе разобрать, какъ Мережковскій ими воспользовался и что онъ далъ въ своей обработкѣ сюжета.

Историческій фонъ, конечно, остается: мы должны перенестись къ 30-мъ годамъ, къ эпохѣ романтизма, и судить о поступкахъ и рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ подъ угломъ міросозерцанія группы интеллигентовъ того времени. Фабула вертится около вопроса о любви и расхожденіи супруговъ, между которыми нѣтъ той духовной близости, которая по романтическому кодексу любви должна одна санкціонировать брачныя отношенія. О томъ, какъ понимали любовь въ 30-хъ годахъ, какія создавались теоріи любви у романтиковъ, немного уступавшихъ въ возведеніи чувства на ступень абстрактныхъ разсужденій средневѣковымъ трубадурамъ и миннезингерамъ, а также поэтамъ ранней эпохи Возрожденія въ Италіи, мы достаточно знаемъ изъ произведеній романтической литературы. Болѣе спеціально объ отраженіи этихъ теорій въ средѣ русской интеллигенціи обстоятельно расказалъ П. Н. Милюковъ въ своей статьѣ: „Любовь у идеалистовъ тридцатыхъ годовъ“ (см. Изъ исторіи русской интеллигенціи, сборникъ статей и этюдовъ, 1902). Позволимъ себѣ цитату изъ этого очерка, гдѣ рѣчь идетъ о пониманіи любви у Станкевича, столь близкаго, какъ извѣстно, друга Бакунина, и увлеченнаго одною изъ его сестеръ: „Любовь — это слово, кажется, чаще какого-либо другого упоминается въ письмахъ Станкевича до середины 80-хъ годовъ... Но далеко не всегда оно имѣетъ у него свой обыкновенный смыслъ. Любовь для Станкевича — это прежде всего міровая сила, давшая жизнь міру и всему, что въ немъ живо. Въ человѣкѣ любовь — это высшій и лучшій способъ чувствовать свое единство съ міромъ; въ то же время это и высшее проявленіе преимущества

человѣка, какъ существа сознательнаго, надъ остальными частями мірозданія. Культивируя въ себѣ человѣческое, т. е. то, что возвышаетъ человѣка надъ вселенной, мы исполняемъ высочайшую задачу, возложенную на насъ Провидѣніемъ. А это человѣческое заключается въ любви, дружбѣ и искусствѣ. Итакъ, любовь, какъ реальное, грѣшное чувство, есть только поводъ испытать чисто человѣческія ощущенія; и, конечно, эти ощущенія сами по себѣ несравненно выше вызывающаго ихъ повода. Въ концѣ концовъ, любовь для Станкевича есть только „игра души съ самой собой" (стр. 76)". Аналогично пониманіе любви у Бакунина-Кубанина, настаивавшаго на разрывѣ отношеній между Варенькой Дьяковой и ея мужемъ, потому что между ними нѣтъ той возвышающей любви, которая должна вызвать „чисто человѣческія ощущенія". Николай Дьяковъ — добрый, но ограниченный человѣкъ; онъ не способенъ возвыситься до пониманія новой религіи, которую Мишель сообщилъ своей сестрѣ (ея отличіе отъ православія въ обыденномъ смыслѣ подробно разъясняется въ письмахъ Б.) и во имя этой самой религіи, требующей жизни въ Духѣ, въ Истинѣ, во имя обязанностей человѣка передъ собой, такъ какъ плотская близость безъ духовной связи есть паденіе, развратъ, наконецъ, во имя будущности ребенка, изъ котораго надлежитъ воспитать человѣка въ высшемъ смыслѣ этого слова, какъ проявленіе „Абсолюта", во имя всего этого Мишель требуетъ, чтобы Варенька разъѣхалась съ мужемъ, несмотря на всю жалость, которую она питаетъ къ нему за его беззавѣтную преданность и многія сердечныя качества.

На этомъ построена драма. Центральными фигурами ея являются, конечно, сама Варенька и ея мужъ, но также и Мишель, какъ вдохновитель и руководитель своей сестры. Вокругъ группируются: родители Вереньки, ея двѣ сестры, Душенька и Ксандра, товарищъ по полку Николая Дьякова — Митька Покатиловъ. Дѣйствіе умѣло сжато и вниманіе сосредоточено на небольшой группѣ искусно расположенныхъ фигуръ.

Но какъ „оправдываетъ" Мережковскій образъ дѣйствій Вареньки, которая, въ концѣ концовъ, уѣзжаетъ отъ мужа, взявъ съ собой и ребенка, какъ „оправдываетъ" онъ и Мишеля, являющагося не только судьей, но и дѣятельнымъ пособникомъ разрыва между супругами Дьяковыми? Выше приведенная фраза у Милюкова о пониманіи любви Станкевичемъ — „игра души съ самой собой" — представляетъ и нѣкоторое осужденіе слишкомъ головного, разсудочнаго пониманія любви, въ угоду которой можетъ быть принесенъ въ жертву и самый предметъ любви. Вѣдь отчасти такъ и случилось въ исторіи отношеній Станкевича къ

сестрѣ Бакунина — Любенькѣ, которая зачахла и умерла, пока ея женихъ, уѣхавшій за границу, размышлялъ о сущности своего чувства къ ней, подвергалъ себя самоанализу и строилъ теоріи о любви въ абстрактномъ пониманіи. Мережковскій не оставилъ безъ вниманія этого эпизода, но представилъ дѣло такъ, что Любенька умерла по причинѣ деспотическаго отношенія къ ней родителей, Онъ переставилъ хронологію событій, и печальную судьбу Любеньки, ея раннюю кончину, далъ какъ бы въ предостереженіе Вареньки, чтобы она не слушалась увѣщаній родителей и повиновалась указаніямъ Мишеля (на самомъ дѣлѣ Любенька умерла послѣ разрыва между Дьяковыми и вовсе не по винѣ родителей). Кромѣ того, онъ младшей сестрѣ, Ксандрѣ, внушаетъ идеи того „модернистскаго“ восхваленія дѣвственности, которое еще недавно было однимъ изъ лозунговъ „декадентства“. Ксандра не отрицаетъ, правда, что дѣти нужны, что это хорошо, чтобы они были, но пусть они рождаются отъ какой-нибудь „травки“, пусть рожаютъ и женщины и мужчины, а любовь это что-то особое, независимое отъ материнства, принижаемое бракомъ и семейными отношеніями. Она поклоняется дѣвственной Лунѣ, какъ древняя Діана; она разсуждаетъ, какъ Ипполитъ; и со всѣмъ тѣмъ она очень окрашена „модернизмомъ“ конца XIX вѣка, перенесенная въ обстановку дѣйствія 30-хъ годовъ. Правда, что нельзя отрицать филіаціи идей современнаго намъ неоромантизма съ прежними романтическими теоріями и воззрѣніями, но въ образѣ Ксандры все это весьма переплетено и спутано.

Въ противоположность Ксандрѣ, другая сестра Вареньки, — Дуня, — не чуждается мечтаній о настоящей реальной любви. Она даже березку любовно обнимаетъ, листики ея перебираетъ, какъ дѣтокъ, и говоритъ объ ухаживающемъ за ней Валентинѣ (Виссаріонѣ?), котораго почему-то не любитъ ея братъ и ревнуетъ ее къ нему (намекъ на дѣйствительное увлеченіе Бѣлинскаго одной изъ сестеръ Мишеля, Александрой, къ которой, повидимому, и самъ Мишель питалъ не вполнѣ братскія чувства). Дуня въ пьесѣ — та изъ сестеръ, которая всего ближе къ землѣ, къ земному, и которая, соотвѣтственно этой характеристикѣ, всего острѣе ощущаетъ разладъ между идеализмомъ и правдой жизни. Очень характерна ея истерика въ концѣ перваго акта, когда, послѣ возвышенныхъ рѣчей Мишеля о „небесной гармоніи“, Покатиловъ сообщаетъ, что въ это время происходитъ экзекуція надъ крѣпостнымъ парнемъ Федькой, котораго, по приказанію ея отца, сѣкутъ на конюшнѣ. Душенька поясняетъ, что ей вдругъ стало „щекотно“; „сначала одно, а потомъ совсѣмъ другое“. Это „другое“ и есть та реальная жизнь, которая оказывается въ такомъ противорѣчіи съ отвлеченной діалектикой. Дуня стоитъ и за

примиреніе Вареньки съ мужемъ, вѣря, что они вновь слюбятся. Оба эти женскіе образа самостоятельно созданы Мережковскимъ, и обѣ — удачныя воплощенія двухъ различныхъ характеровъ: мечтательная, поэтичная и романтическая Ксандра, съ ея красивой пѣсенкой: „Есть, намъ обѣщаютъ — Гдѣ-то лучшій край. — Вѣчно молодая — Тамъ весна цвѣтетъ. — Тамъ, въ долинѣ рая, — Жизнь для насъ иная — Розой расцвѣтетъ"... съ ея идеями дѣвственной амазонки и мечтой о любви безъ чувственности, и въ противоположность ей ласковая, наивная, но прозорливая Душенька, простая по-земному и любящая по-земному. Обѣ роли удачно исполнены г-жами Домашевой (Ксандры) и Шигориной (Душеньки).

Что касается Вареньки, то, хотя у нея главная роль въ пьесѣ, и общій абрисъ ея данъ правдоподобный, въ немъ есть какая-то недосказанность. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ г. Мережковскій, такъ обильно черпающій матеріалъ изъ частной корреспонденціи для другихъ дѣйствующихъ лицъ, словно поскупился использовать письма „подлинной" Варвары Александровны Дьяковой въ объясненіи ея расхожденія съ мужемъ. Изъ пьесы мы узнаемъ только, что Варенька, выйдя замужъ по доброй волѣ, лишь послѣ свадьбы узнала то, что мужъ имѣетъ право требовать отъ жены, и что „такъ" она мужа никогда не любила. Узнаемъ, что послѣ рожденія сына, она вся предалась материнскимъ заботамъ и отказалась отъ ласкъ мужа. Но съ ея образомъ мыслей насъ авторъ ближе не знакомитъ. Вопросъ мужа: „Отчего ты не хочешь сказать мнѣ, какая у тебя религія? или я не пойму?" — остается безъ отвѣта. Между тѣмъ вѣдь „подлинная" Варенька писала мужу длинныя письма, стараясь разъяснить ему, въ чемъ заключается ея религія и, повидимому, дѣйствительно, Дьяковъ ничего не понялъ. Въ пьесѣ Варенька вся какая-то пассивная, несамостоятельная, со слѣпой вѣрой въ брата, который за нее разсуждаетъ и обсуждаетъ ея положеніе, даетъ ей предписанія. Варенька только твердитъ ему: „Родной мой, желанный, единственный!... Ты моя совѣсть, ты мое все" и т. д. Своихъ мыслей у нея нѣтъ или она ихъ не высказываетъ, а для олицетворенія „освобожденной женщины — освободительницы міра", казалось бы, нужно было предоставить ей нѣсколько больше выявить себя, хотя бы и съ чужого голоса. Въ исполненіи двухъ чередущихся артистокъ, г-жъ Рощиной-Инсаровой и Коваленской, вторая даетъ картинную фигуру, точно въ самомъ дѣлѣ снятую со старинной миніатюры, образъ нѣжный, кроткій, чуть сентиментальный, привлекательный въ своей женской слабости, тогда какъ Рощина-Инсарова, придавая роли больше драматизма, какъ бы сильнѣе ощущаетъ недостатокъ словъ для проясненія переживаній и душевнаго настро-

енія Вареньки, быть можетъ, родственной по духу „Леліи“ Жоржъ Сандъ.

Не ясенъ и Дьяковъ. Если слѣдовать исторіи, то мы вспоминаемъ то, что записала о мужѣ Варвара Александровна Дьякова: „Сердце у него такое доброе, но это и все — природа, кажется, отказала ему во всемъ, что касается мысли“. Въ пьесѣ Дьяковъ отнюдь не показанъ такимъ ограниченнымъ или вовсе не способнымъ мыслить человѣкомъ. Его разсказъ о томъ, какъ его дядюшка вдругъ научился молиться, вовсе не глупъ. Нѣтъ непримиримой противоположности между непосредственной, честной и прямой натурой человѣка, обладающаго „умнымъ сердцемъ“, по замѣчанію его жены, и исключительно интеллектуальной женщиной, каковой Варенька въ пьесѣ не выставлена: вѣдь зачастую контрасты сходятся. Дѣйствительно, зрителямъ трудно понять, почему они разошлись. Развѣ что одинъ Мишель не даетъ имъ жить вмѣстѣ? И Лешковъ, исполняющій роль Дьякова, слишкомъ корректенъ, слишкомъ благообразенъ, почтительно нѣженъ и безумно влюбленъ въ свою жену, которая по непонятной причинѣ не находитъ отвѣта на эту беззавѣтную страсть. Быть можетъ, слѣдовало бы играть грубѣе Дьякова и подчеркнуть хоть во внѣшнемъ обликѣ черту простоватости.

Зато яркимъ и цѣльнымъ оказался образъ Мити Покатилова, опять таки, какъ и сестры Вареньки, самостоятельно созданный Мережковскимъ и прекрасно воплощенный на сценѣ Кондр. Яковлевымъ. Онъ тоже съ „умнымъ сердцемъ“, какъ и Николай Дьяковъ, но безъ всякаго образованія, хотя и весьма смышленный по природѣ. Мы бы назвали его, по-старинному, — „резонеромъ пьесы“. Онъ, дѣйствительно, досказываетъ то, что надлежитъ вывести изъ хода дѣйствія, подчеркиваетъ, по поводу повѣсившагося Федьки, расхожденіе между идеалами и дѣйствительностью; очень умно, хоть и въ простыхъ выраженіяхъ, произноситъ свой судъ надъ идеалистической философіей, а, въ концѣ концовъ, онъ же и „реабилитируетъ“ репутацію Михаила Кубанина наперекоръ рѣзкимъ сужденіямъ о немъ (т. е. о Бакунинѣ) Бѣлинскаго, предсказываетъ ему выдающуюся историческую роль и заканчиваетъ виватомъ и идеямъ французской революціи и будущему дѣятелю въ грядущихъ революціяхъ западной Европы. Это человѣкъ „почвенный“, самородокъ, пьяница, но съ большимъ здравымъ смысломъ и чуткимъ сердцемъ.

Мы умышленно приберегли къ концу разборъ личности самого „Кубанина“. О родителяхъ его приходится ограничиться двумя словами, такъ какъ роль отца, Александра Михайловича, очень сложная, интересная и характерная для эпохи 30-хъ годовъ и того значенія, которое на самомъ дѣлѣ имѣла въ исторіи нашей образо-

ванности семья Бакуниныхъ, не нашла себѣ подходящаго исполнителя. Жаль, что ею не заинтересовался Вл. Н. Давыдовъ. Онъ могъ бы развернуть тѣ качества и свойства, съ одной стороны, просвѣщенной гуманности, съ другой — безсознательнаго деспотизма, которыя придаютъ такую опредѣленную окраску и лицу и эпохѣ. Роль матери — чисто эпизодическая, такъ что не помогъ ее выдвинуть и вполнѣ вѣрный рисунокъ, данный г-жей Можаровой. Но въ какомъ же видѣ предсталъ передъ нами Бакунинъ (Г. Юрьевъ)? Да, все-таки приходится называть его настоящимъ его именемъ, ибо слишкомъ много произноситъ онъ цитатъ изъ собственныхъ писемъ, и если мы настаивали выше на томъ, что о Кубанинѣ надо судить иначе, чѣмъ объ историческимъ Бакунинѣ, то причина заключается въ слѣдующемъ: Кубанинъ, какъ и Бакунинъ, „дилетантъ философіи“; Кубанинъ произноситъ тѣ же рацеи объ абсолютной Истинѣ, о правахъ человѣка, о необходимости организовать тайные общества или союзы, о томъ, что „абсолютная истина — абсолютная свобода“ и т. д., все то, что писалъ Бакунинъ въ своихъ письмахъ къ сестрамъ и къ пріятелямъ. Кубанинъ такъ же, какъ и Бакунинъ, сперва „бунтуетъ мальчиковъ и дѣвочекъ, а затѣмъ будетъ бунтовать народы и царства“ (Слова Покатилова въ пьесѣ). Кубанинъ такъ же, какъ Мишель Бакунинъ, вмѣшался въ семейныя отношенія своей сестры и настоялъ на разъѣздѣ супруговъ Дьяковыхъ (Варв. Алекс. Дьякова уѣхала за границу одна съ сыномъ, а Бакунину лишь черезъ два года удалось осуществить свою мечту о заграничной поѣздкѣ, а въ пьесѣ они уѣзжаютъ вмѣстѣ). И въ мелочахъ сохранены черты историческаго Бакунина, напримѣръ, его легкое отношеніе къ займамъ, за что такъ нападалъ на него Бѣлинскій. Кубанинъ, принужденный вызвать на дуэль Дьякова, которымъ онъ былъ оскорбленъ, такъ же отказывается стрѣляться съ нимъ, какъ Бакунинъ отказался отъ дуэли съ Катковымъ, назвавшимъ его „скопцомъ“. И это свойство, т. е. неспособность къ личной привязанности, къ любовному увлеченію въ реальномъ смыслѣ, приписано Кубанину, одна изъ сестеръ котораго намекаетъ на зародившійся было его романъ съ Натали (т. е. Натальей Андреевной Беєръ), но Ксандра возражаетъ: „Онъ только играетъ, кокетничаетъ. Мишка никогда ни въ кого не влюбится“. Подчеркнутъ исключительно интеллектуальный характеръ Кубанина, о которомъ его мать говоритъ: „У него большой умъ и иногда неумное сердце“. Словомъ, отдѣльныхъ чертъ, заимствованныхъ изъ характеристики Бакунина по письмамъ къ нему и о немъ его родныхъ и пріятелей и его собственной корреспонденціи, сколько угодно, но нѣтъ главнаго: „кипѣнія жизни“, какъ выразился о Бакунинѣ тотъ же Бѣлинскій, который

впослѣдствіи такъ нападалъ на своего бывшаго пріятеля. Кубанинъ разсудоченъ и холоденъ, не видно, въ чемъ тайна его вліянія на другихъ. Мережковскій приводитъ отрицательные отзывы Бѣлинскаго о Мишелѣ даже въ цитатахъ — прозвище Хлестаковымъ изобличеніе его характера въ письмѣ къ Боткину. Нужно ли это? Поэтическій образъ долженъ проявиться въ дѣйствіяхъ и переживаніяхъ, а не въ отзывахъ о немъ постороннихъ лицъ. Впечатлѣніе, производимое имъ на окружающихъ, конечно, способствуетъ выясненію его характера, но не голословные отзывы. Такъ, напримѣръ, Тургеневъ не сообщаетъ, что именно говорилъ Рудинъ, когда пускался въ разсужденія, но мы узнаемъ, какъ онъ умѣлъ захватить и увлечь своихъ слушателей. Конечно, это пріемъ — преимущество повѣствовательной литературы, а въ пьесѣ пришлось бы влагать рѣчи въ уста самого дѣйствующаго лица. Мережковскій ограничился двумя монологами, и этого недостаточно. Натали Бееръ писала о Бакунинѣ: „Мишель — это одно изъ тѣхъ существъ, кому женщина съ душой хотѣла бы всѣмъ пожертвовать". Тургеневъ развилъ это положеніе въ романтическомъ эпизодѣ съ Наташей Ласунской, и передъ нами Рудинъ во весь ростъ, съ его положительными и отрицательными свойствами характера, созданный по Бакунину, но цѣльный и самъ по себѣ. У Мережковскаго, только отзывъ Душеньки и Вареньки. Сказано, но не показано. Съ точки зрѣнія чисто драматической, мы считаемъ также ошибкой и чрезмѣрную неподвижность фигуры Кубанина. Онъ почти весь намѣченъ въ первомъ актѣ. Нѣтъ никакого нарастанія страсти въ дальнѣйшихъ актахъ, нѣтъ движенія, динамики. Споритъ съ отцомъ и въ первомъ и второмъ дѣйствіи, почти одинаково; зубная боль въ третьемъ актѣ служитъ лишь къ тому, чтобы подчеркнуть нѣжную заботливость сестеръ и чуствительность къ этимъ ласкамъ Мишеля; отказъ отъ дуэли въ послѣднемъ дѣйствіи даетъ только поводъ произнести слова: „противно кровь проливать". Но ихъ-то какъ разъ произноситъ Кубанинъ, а не говорилъ ихъ Бакунинъ, по инымъ мотивамъ отказавшійся отъ дуэли. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ развертыванія характера въ послѣдующихъ актахъ. Врядъ ли Бакунинъ произнесъ бы и тѣ цитаты, которыя мы выше привели: „Мы смѣшные... мы романтики... блаженные и т. д.". Не сталъ бы Бакунинъ повторять о себѣ, что его прозвали Хлестаковымъ. Кубанинъ понадобился Мережковскому, чтобы произвести оцѣнку историческому явленію и вывести воображаемый персонажъ, а не дать намъ подлинную историческую фигуру. Онъ использовалъ историческій матеріалъ, чтобы перекроить его по-своему, переплести прошлое съ современнымъ и создать образъ, за которымъ онъ признаетъ и положительныя заслуги и кое въ чемъ самъ его критикуетъ.

„Все во мнѣ требуетъ дѣятельности, движенія, а всѣ дѣйствія мои ограничиваются одною только работою для будущаго, основываясь на воспоминаніяхъ прошедшаго“, — писалъ Бакунинъ въ 1834 г. Онъ подчеркиваетъ, что человѣкъ созданъ для общества, для общественной дѣятельности; онъ заявляетъ, что въ его сердцѣ начертаны священныя слова: „Онъ не будетъ жить для себя (1835 г.)“. Этого стремленія къ дѣятельности, къ движенію, этой жажды подвига и самоотверженія, этого „горѣнія мысли“ мы въ Кубанинѣ не видимъ. „Дилетантъ философіи“ является черезчуръ раціоналистомъ и въ то же время увлеченнымъ абстрактными теоріями о „небесной гармоніи“, въ стремленіи лишь продолжать свое философское развитіе.

Въ пьесѣ есть рядъ тезисовъ и антитезисовъ, между которыми Мережковскій умѣло лавируетъ и умно показываетъ тѣневыя стороны тѣхъ и другихъ. Хорошо быть идеалистомъ и вѣрить въ Абсолютъ, но вотъ плохо, что тутъ же рядомъ не замѣчается дисгармонія жизни: крѣпостное право, экзекуціи, а въ обществѣ, Россіи того времени, какъ докладываетъ „резонеръ“ Покатиловъ, существуютъ „только шуты и холопы“. Честные и независимо мыслящіе люди еще не добились признанія, а достигается оно не мечтами объ „имманентномъ Синтезѣ“, а реальнымъ отношеніемъ къ запросамъ реальной жизни. Такимъ образомъ, идеализму воздана честь, но и намѣченъ необходимый уклонъ въ сторону реализма. Далѣе. Хорошо обладать выдающимся умомъ и развить въ себѣ діалектическія способности, но „умное сердце“, быть можетъ, еще лучшее качество и дѣйственнѣе для жизни. Вотъ вѣдь, въ то время какъ въ усадьбѣ Кубаниныхъ повѣсился крѣпостной Федька, котораго выпороли, у неумнаго Дьякова, но съ умнымъ серцемъ, крѣпостной слуга Лаврентичъ отказывается принять вольную и рветъ ее на клочки. Значитъ, Дьяковъ, для окружающихъ былъ лучше, чѣмъ образованный и культурный отецъ Бакунинъ и не замѣчающій того, что происходитъ на глазахъ, сынъ философъ. „Любовь — это хорошо, говоритъ Ксандра, и дѣти тоже хорошо, но нельзя, чтобы это было вмѣстѣ“. Вырастаетъ проблема пола. Любовь превращается въ абстрактную теорію; она должна опираться также на инстинктивное, безотчетное влеченіе, но, въ концѣ концовъ, быть можетъ, настоящая-то правда на сторонѣ Душеньки, изъ которой не выйдетъ „свободная и освобождающая женщина“, на положеніе которой мѣтитъ Варенька, подъ вліяніемъ разсужденій брата, но будетъ нормальная хорошая женщина, которая выйдетъ замужъ по любви и создастъ прочный семейный очагъ.

Для человѣчества, для поступательнаго роста общества, для

торжества идей права, правды и свободы, нужны люди, умѣющіе жертвовать своими личными итересами и вѣрящіе, что „абсолютная истина — абсолютная свобода“, нужны и такіе, которые бы отстаивали свою независимость, какъ Варенька, жертвующая возможнымъ семейнымъ счастьемъ во имя той религіи, которую она исповѣдуетъ. Все это матеріалъ, изъ котораго слагается движеніе общества на пути къ лучшему будущему. Мережковскій сумѣлъ выдвинуть много важныхъ и серьезныхъ вопросовъ, вплетенныхъ въ фабулу полуисторическаго характера. Если бы онъ настаивалъ на строгой „историчности“ своей пьесы, мы принуждены были бы ее назвать псевдо-исторической въ виду слишкомъ большихъ отступленій отъ исторической правды, и значительной примѣси созданнаго изъ головы. Но возможно остановиться на формулѣ — „полуисторической“, по пріуроченію къ опредѣленной эпохѣ „изъ исторіи русской интеллигенціи“, по заимствованію схемы дѣйствія и многихъ цитатъ изъ подлинныхъ документовъ, а затѣмъ мы должны признать самостоятельность замысла въ его цѣломъ и обработки въ деталяхъ, самостоятельность, которая есть неотмѣнная принадлежность каждаго по-своему мыслящаго писателя. И несмотря на высказанныя нами нѣкоторыя сомнѣнія и возраженія, мы привѣтствуемъ эту пьесу, какъ одну изъ выдающихся въ современномъ репертуарѣ, пьесу которую не только интересно видѣть на сценѣ, но нужно ее читать, и только вчитываясь, оцѣниваешь надлежащимъ образомъ значительность ея содержанія и творческую работу писателя.

Совсѣмъ иначе приходится отнестись къ слѣдующей новинкѣ сезона — пьесѣ г-жи Щепкиной-Куперникъ: „Флавія Тессини“. Задумываться тутъ рѣшительно не надъ чѣмъ. Фабула банальна, и различныя положенія въ пьесѣ давно и много разъ были использованы, вплоть до темы о „мужѣ знаменитости“, которая занимаетъ не послѣднее мѣсто въ канвѣ драмы. Кто-то правильно замѣтилъ, что пьесы собственно и нѣтъ, а есть только роль, благодарная роль для артистки, которая желала бы сосредоточить на себѣ вниманіе публики въ теченіе всего вечера. Публика интересуется частной, закулисной стороной жизни болѣе или менѣе каждой „знаменитости“, и вотъ ей показываютъ ставшую знаменитой артистку сперва въ положеніи бѣдной дѣвушки, испытывающей всю тяжесть нужды и домашняго гнета отъ мачехи; преданный и благородный другъ облегчаетъ ей тернистый путь; затѣмъ она уже на порогѣ къ славѣ, а черезъ десять лѣтъ въ угарѣ всеобщаго преклоненія передъ міровой „знаменитостью“. Преданный другъ дѣтства, ставшій ея супругомъ, оттѣсненъ на второй планъ; на него не обращаютъ вниманія, пока жестокая чахотка не свела его

въ могилу. Тогда знаменитая артистка вспоминаетъ все прошлое и прощается съ нимъ навсегда, рыдая надъ трупомъ мужа. Г-жа Щепкина-Куперникъ, не претендующая ни на глубину психологическаго анализа, ни на новизну положеній, ни на какую-либо серьезную мысль, въ рядѣ бѣгло намѣченныхъ сценъ, умѣетъ приправить ихъ выигрышными и нравящимися широкой публикѣ эпизодами, которые не столько нужны для хода дѣйствія, какъ для наполненія „пустыхъ мѣстъ“ въ пьесѣ, подобно начинкѣ въ конфетахъ. То сценка съ дѣтьми, имѣющими неизмѣнный успѣхъ въ театрѣ; то вводныя сцены съ импрессаріо, съ интервьюеромъ, съ тѣмъ, какъ фотографъ снимаетъ бульдога — „любимое животное знаменитой артистки“; „выходъ малоросса“, обладающаго замѣчательнымъ басомъ, но съ трудомъ одолѣвающаго школу пѣнія у итальянскаго маэстро: комическая интермедія, мастерски разыгранная талантливымъ Ураловымъ. Комическая компаньонка и совѣтчица мало опытной дивы, съ юморомъ исполненная г-жей Ростовой и т. д. Такими приправами поддерживается вниманіе публики во время представленія пьесы, лишенной художественнаго значенія, но выигрышной въ постановкѣ: въ ней и смѣхъ и слезы, юморъ и мелодрама; есть и любовный дуэтъ, и ударъ „судьбы роковой“, и головокружительный успѣхъ, ореолъ славы, и душевное опустошеніе при внѣшнемъ блескѣ. Разбирать пьесу значило бы анализировать игру г-жи Рощиной-Инсаровой, что не входитъ здѣсь въ нашу задачу, но талантливая артистка могла бы выявить свою силу и въ болѣе серьезной по заданіямъ пьесѣ.

Конечно, театръ не есть только литература, и допустимы порой и такія произведенія, въ которыхъ дается канва для изображенія разныхъ переживаній, при чемъ именно игра артистовъ можетъ заставить забыть о качествахъ или недочетахъ самой пьесы. Нуженъ нѣкоторый талантъ и для того, чтобы составить такую канву для игры. Commedia del'arte обходилась безъ всякаго текста, а игра импровизаторовъ-артистовъ привлекала какъ самостоятельное искусство. Но нуженъ и особый вкусъ къ такого рода зрѣлищамъ. Серьезный театръ, особенно же предендующій на положеніе „образцовой сцены“, можетъ допускать такія „игральныя пьесы“ лишь въ видѣ исключеній.

Значительнѣе по содержанію, по компановкѣ сюжета, по разработкѣ характеровъ и типовъ новая пьеса кн. Сумбатова „Ночной туманъ“. Къ числу выдающихся литературныхъ произведеній она все-таки не можетъ быть причислена, но она не послужитъ къ урону давно опредѣлившейся и достаточно извѣстной репутаціи умѣлаго драматурга. На этотъ разъ авторъ „Джентель-

мена", „Заката", „Стараго закала" и т. д. разрабатываетъ психологическую тему. Общественные мотивы затронуты краешкомъ и уже въ исторической перспективѣ; примѣрно дѣйствіе отодвинуто лѣтъ на 15—20 назадъ: „отцы" — это народники традицій 70-хъ годовъ прошлаго вѣка; писатель — „властитель думъ" молодого поколѣнія восьмидесятниковъ, а представитель молодежи: студентъ-марксистъ, индивидуалистъ, отчасти анархистъ, словомъ, типъ, болѣе или менѣе опредѣлившійся на рубежѣ двадцатаго вѣка[1]). Авторъ относится критически къ представителямъ стараго поколѣнія и вполнѣ объективно-безстрастно къ новому лицу, какъ бы выжидая, какъ-то онъ выяснится въ дальнѣйшей своей жизни, а пока использовалъ для своей цѣли лишь нѣкоторыя черты: вѣчное обаяніе молодости, смѣлость, рѣшительность и полнѣйшее равнодушіе къ той идеологіи, на которой воспиталось старшее поколѣніе. Центръ драмы въ послѣдней вспышкѣ молодости, жаждѣ личнаго счастья, личнаго признанія у женщины подъ сорокъ лѣтъ, которая двадцать лѣтъ прожила съ знаменитымъ писателемъ, больше занятымъ своей славой, своимъ творчествомъ, своими книгами, чѣмъ интересами и личностью своей жены. По пріѣздѣ въ деревню, въ „Тургеневскій уголокъ", во время цвѣтенія сирени, эта „жена знаменитости" острѣе почувствовала свою собственную отцвѣтающую безъ расцвѣта жизнь и, высказавъ мужу всѣ свои обиды за прошлое, въ порывѣ какого-то опьянѣнія и весеннимъ воздухомъ, и сиренью, и обаяніемъ молодости отдается подвернувшемуся подъ руку влюбленному въ нее студенту. Затѣмъ — раскаяніе, стыдъ и примиреніе съ мужемъ, который со всей стороны пережилъ, правда, лишь теоретически, увлеченіе молодой дѣвушкой, курсисткой съ „ясными глазами". Но эта дѣвушка увлекалась только „писателемъ" и успѣла ему сообщить, что у нея есть женихъ, какой-то кіевскій студентъ, котораго она удержала отъ самоубійства, давая ему, между прочимъ, читать сочиненія Острогина (такъ зовутъ писателя). — Мѣстами, по конструкціи и по переживаніямъ жены Острогина, Клавдіи Владимировны, „Ночной туманъ" напоминаетъ „Мѣсяцъ въ деревнѣ", но „мѣсяцъ" сведенъ къ однимъ суткамъ („дѣйствіе происходитъ въ однѣ сутки") и финалъ, несмотря на сокращенный до minimum'а срокъ, въ томъ рѣшительномъ темпѣ, который чуждъ темпераменту

---

[1]) Въ ремаркѣ указано: „дѣйствіе происходитъ... до войны". Но это можетъ быть отнесено, и не безъ основанія, ко времени до японской войны. Героиня пьесы, къ тому же упоминаетъ, что она уже курсисткой работала во время самарскаго голода, въ началѣ 80-хъ годовъ, и тогда же вышла замужъ и прожила съ мужемъ около двадцати лѣтъ. Слѣдовательно, дѣйствіе вполнѣ соотвѣтствуетъ времени первыхъ годовъ XX вѣка.

Тургенева. Да и новая молодежь настойчивѣе въ своихъ домоганіяхъ, а съ другой стороны, давно сказано, что именно добродѣтельныя женщины всего быстрѣе, ибо почти всегда неожиданно для себя, поддаются „паденію". Аналогія съ пьесой Тургенева въ комбинаціи пяти дѣйствующихъ лицъ: мужъ и жена, между которыми нѣтъ настоящей близости; старинный другъ, когда-то безумно влюбленный въ жену (въ пьесѣ кн. Сумбатова — это эпизодическое лицо, нѣкто Молоховичъ, отъ огорченія въ нераздѣленной любви женившійся на актрисѣ, съ которой онъ разъѣхался черезъ три недѣли послѣ свадьбы); студентъ и молодая дѣвушка, дочь Молоховича, которая, впрочемъ, только „по-студенчески" флиртируетъ съ тѣмъ юношей, который въ теченіе однѣхъ сутокъ влюбилъ въ себя, влюбился и овладѣлъ Кладіей Владимировной, когда на нее нашелъ „ночной туманъ". Психологическая митивировка дѣйствія, какъ указано, иная, чѣмъ у Тургенева.

Авторъ заканчиваетъ пьесу нѣсколько парадоксальнымъ утвержденіемъ, что именно быстрое „паденіе" Клавдіи Владимировны, при столь же быстромъ смущеніи отъ случившагося такъ внезапно, почти безсознательно и безотчетно, послужило поводомъ возстановленія дружескихъ отношеній между супругами. Правда, это — дѣло будущаго. Пока Клавдія Владимировна уѣзжаетъ, чтобы въ одиночествѣ пережить свой стыдъ, собраться съ силами, опомниться, но мужъ весьма опредѣленно говоритъ, что она должна къ нему вернуться, и отнынѣ они вновь неразлучныя друзья. Трудно разбирать этотъ тезистъ по существу въ немъ самомъ: его рѣшеніе всегда будетъ индивидуально, и достаточно того, что авторъ сумѣлъ представить его въ данномъ случаѣ правдоподобнымъ.

Главное искусство кн. Сумбатова выражается не столько въ отстаиваніи того или другого тезиса, которыми онъ все таки обставляетъ большинство своихъ пьесъ, какъ въ умѣніи обрисовывать фигуры, мастерствѣ діалога, въ общемъ использованіи сценическихъ средствъ для „зрѣлища", поэтому его пьесы нужно именно видѣть на сценѣ, а не просто читать. Персонажей своихъ онъ такъ любовно выписываетъ, что каждый изъ нихъ пріобрѣтаетъ какъ бы самостоятельный интересъ. Можно сказать, что неинтересныхъ ролей въ пьесѣ совсѣмъ нѣтъ. Даже второстепенныя дѣйствующія лица, не имѣющія прямого отношенія къ главной развязкѣ пьесы и къ дѣйствію въ тѣсномъ смыслѣ слова, выдвигаются авторомъ во весь ростъ и даютъ благодарный матеріалъ для исполненія. Таковы, напримѣръ, супруги Турашевы: онъ — бывшій народникъ, по убѣжденію женившійся на крестьянкѣ, по должности теперь — управляющій имѣніемъ Острогина; она — заботливая экономка и пре-

жде всего и больше всего „мать"; оба прекрасно воплощены на сценѣ Вл. Н. Давыдовымъ и Корчагиной-Александровской; другая пара супруги Молоховичъ, онъ — завязшій въ тинѣ захолустья съ разбитой мечтой и неудавшейся жизнью, по должности скромный уѣздный членъ суда; она — порхающая провинціальная „дамочка", обожающая всѣхъ знаменитостей, увлеченная и „старыми завѣтами", и декаденствомъ, и всякими новыми модными теченіями, въ то же время разсчетливая весьма по практическому; оба лица тоже удачно разыграны Кондр. Яковлевымъ и Потоцкой. Г. Аполлонскій въ роли Острогина загримировался извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ, литераторомъ „старой школы". Эта портретность, быть можетъ, была излишня; кромѣ того, талантливый артистъ словно умышленно затушевалъ обаяніе „властителя думъ" извѣстнаго поколѣнія, чтобы дать сильнѣе почувствовать, почему отъ него все же отвратилась Клавдія Владимировна. Если таковъ былъ умыселъ артиста — это было благородно по отношенію къ своей партнершѣ, но врядъ ли отвѣчало намѣреніямъ автора, который все же напримѣрѣ курсистки, Елены Молоховичъ, показываетъ и силу обаянія этого мастера рѣчи, изъ поколѣнія преемниковъ и наслѣдниковъ Рудина. Мы имѣемъ и въ этой пьесѣ еще варіантъ „интеллигентной драмы". Г-жа Мичурина выказала обычную виртуозность въ тщательной отдѣлкѣ роли Клавдіи Владимировны, а г-жа Коваленская совсѣмъ хорошо, съ новой, до сихъ поръ еще не обнаруживавшейся во всемъ объемѣ свѣжестью и непринужденной граціей молодости воплотила роль „дѣвушки съ ясными глазами". Хорошо справился со своей ролью и Лешковъ — студентъ, Игорь Турашевъ, и въ общемъ, дружное и умѣлое исполненіе оттѣнило сценическія качества новаго произведенія кн. Сумбатова. Эта комедія есть и литертура, но такая литература, которую надо видѣть и слышать со сцены, а много задумываться надъ ней не приходится.

По случаю юбилея почтеннаго драматурга Шпажинскаго, первая пьеса котораго „Вопросъ жизни" представлена была 40 лѣтъ назадъ, на сценѣ московскаго артистическаго кружка, 17 декабря, разыграна была въ Александринстомъ театрѣ его новая комедія „Мертвый узелъ". Первоначальное ее названіе „Во власти прошлаго" ближе опредѣляетъ ея отношеніе и къ тому „прошлому", на которомъ, главнымъ образомъ, зародилась извѣстность автора „Майорши", „Чародѣйки", „Кручины", даже отчасти „Лакомаго куска" и „Фофана". Дѣло въ томъ, что несмотря на нѣкоторое различіе въ индивидуальныхъ очертаніяхъ героинь названныхъ пьесъ, есть

нѣчто общее въ томъ женскомъ обликѣ, который рисовался автору въ его молодые годы и въ періодъ зрѣлости, главнымъ образомъ, со стороны его очарованія, „прельщенія“, обаянія въ глазахъ мужчинъ, несмотря на нѣкоторыя отрицательныя свойства. Чувство, вызываемое этими „прелестницами“, было, можетъ быть, и не глубокое, но страсть захватывала, страсть похотливая, на физіологической почвѣ. Она доводила до изступленія и приводила къ преступленію; изъ-за нея убиваютъ, покушаются на самоубійства, изъ-за нея рухнутъ устои жизни. Теперь показанъ другой конецъ. Обольщеніе въ прошломъ, мы его не видимъ, а показано какъ бывшая чаровница, Лидія Даниловна, увлекшая профессора Граевскаго двадцать лѣтъ назадъ, измѣнявшая ему и сильно докучавшая своимъ несноснымъ характеромъ, обратилась просто въ „злую жену“. Отъ нея страдаютъ и мужъ и дочь, но нѣтъ у нихъ силы порвать съ прошлымъ. Наконецъ, Лидія Даниловна, ненавидящая свою дочь, вѣроятно, потому что прижила ее съ какимъ-то проходимцемъ, служащимъ у Граевскаго управляющимъ его домомъ, возмущенная дружбой отца съ его мнимой дочерью, грубо, цинично бросаетъ имъ въ глаза исторію своего „адюльтера“. Это она дѣлаетъ со зла, но не хочетъ дать развода и настойчиво возвращается къ мужу и дочери, уѣзжавшимъ отъ нея. Вся суть въ томъ, что разводъ не можетъ состояться безъ согласія обоихъ супруговъ. Если бы не было этого препятствія, то и никакого „мертваго узла“ не было бы. Пьеса — à thèse, въ защиту развода, при облегченіи процессуальной стороны дѣла. Тема публицистическая, а трактовка сюжета очень по старинкѣ, хотя вѣдь и въ старинѣ есть пьесы съ неувядаемымъ значеніемъ. Но такихъ качествъ, которыя преодолѣваютъ теченіе времени, Шпажинскій не выказалъ въ своемъ произведеніи.

Когда перечитываешь четыре тома его „драматическихъ сочиненій“, выходящихъ уже третьимъ изданіемъ, въ памяти носятся образы Савиной, Стрепетовой, Садовской; оцѣнка пьесъ Шпажинскаго почти неотдѣлима отъ исторіи театра въ тѣсномъ смыслѣ слова, а сейчасъ у насъ нѣтъ даже подходящихъ исполнительницъ для заглавныхъ ролей, въ которыхъ особенно блистала Савина, создавая образы Фени, Чародѣйки, Марьи Ильинишны, Ольги Васильевны Левшиной и т. д., и т. д. И сами эти образы кажутся намъ отошедшими въ прошлое, изъ котораго трудно ихъ вновь вызвать къ жизни. Въ исторической перспективѣ получаютъ надлежащее освѣщеніе и другія драмы Шпажинскаго — историческія, бытовыя, сатирическія на фонѣ нѣсколько устарѣлаго сантиментализма („Двѣ судьбы“, когда-то премированная пьеса), пьесы изъ крестьянской

жизни („Прахомъ пошло“). Заслуги остаются, но учесть ихъ приходится лишь въ связи съ исторіей русской драмы новаго періода, что потребовало бы болѣе детальнаго разсмотрѣнія пройденныхъ этаповъ русскаго театра.

Ѳ. Батюшковъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Л. С. Таль. Очерки промышленнаго права. Москва, 1917 г.

Одна изъ самыхъ крупныхъ проблемъ современной соціальной и государственной жизни, такъ называемый рабочій вопросъ, сравнительно только недавно привлекла вниманіе изслѣдователей той области права, которое именуется гражданскимъ. Дѣйствительно, этотъ вопросъ изучался, главнымъ образомъ, съ точекъ зрѣнія экономической и права публичнаго, т е., главнымъ образомъ, обсуждались формы и границы вмѣшательства государства въ борьбу труда и капитала, въ борьбу предпринимателей и рабочихъ. Однако, какъ самое вмѣшательство государства, такъ и естественная эволюція соціальнаго процесса вызвали къ жизни такія явленія, мимо которыхъ нельзя пройти и изслѣдователю юридическихъ отношеній, такъ называемаго, гражданскаго, частнаго характера. Дѣйствительно, въ своемъ реальномъ проявленіи указанная борьба движущихъ началъ современной промышленной жизни разбивается на безчисленное множество правовыхъ отношеній между отдѣльными лицами, отношеній имущественнаго характера и при томъ, весьма своеобразныхъ, не подходящихъ подъ установленные уже доктриной типы и трафареты. Юридическая литература народовъ развитой промышленной культуры располагаетъ теперь серьезными научными изслѣдованіями въ этой области, и по многимъ отдѣльнымъ проблемамъ имѣются уже различныя научныя теченія, пытающіяся проникнуть въ юридическую сущность этихъ новыхъ явленій, — связать ихъ съ тѣми типичными формами, которыя уже прочно сложились на почвѣ гражданскихъ кодексовъ.

Въ нашей литературѣ впервые выдвинулъ эти задачи проф. Л. С. Таль. Въ содержательныхъ и талантливыхъ изслѣдованіяхъ (Трудовой договоръ, Юридическая природа организаціи или внутренняго порядка предпріятія, Тарифный коллективный договоръ и мн. др.) со всею научною полнотой и обстоятельностью разобраны главнѣйшіе отдѣлы этихъ ученій, а разбираемая здѣсь новѣйшая

его работа является краткимъ изложеніемъ курса промышленнаго права, читаннаго авторомъ въ московскомъ коммерческомъ институтѣ. Эта работа содержитъ сжатое обобщеніе взглядовъ, высказанныхъ какъ въ заграничной литературѣ, такъ и самимъ авторомъ въ его предшествующихъ монографіяхъ, на существенныя проблемы частнаго промышленнаго права, разсматриваемыя въ связи съ нашимъ дѣйствующимъ законодательствомъ, поскольку онѣ имъ вообще затронуты. Благодаря такой постановкѣ, книга Л. С. Таля представляетъ интересъ не только для спеціалистовъ, но и для широкаго круга всѣхъ слѣдящихъ за развитіемъ соціальной проблемы. Въ ней изслѣдуется два вопроса промышленнаго права, дѣйствительно наиболѣе важные и крупные — о частноправовой организаціи промышленнаго предпріятія и о промышленномъ рабочемъ договорѣ. Въ самомъ дѣлѣ, правовое строеніе такого сложнаго комплекса отношеній, какимъ является современное предпріятіе, заставляетъ юриста сильно задуматься, ибо въ немъ перекрещиваются очень разнообразныя отношенія и публичнаго и частнаго права. Природа власти хозяина (или что то же самое — хозяевъ) предпріятія, кажущіяся на первый взглядъ весьма сходною съ правовымъ положеніемъ собственника или господина въ своемъ домѣ, представляется вовсе не простой, если принять во вниманіе, что къ службѣ въ предпріятіи, т. е. къ дисциплинарному подчиненію этой власти (штрафы), призываются всѣ служащія въ предпріятіи лица, юридическое и фактическое положеніе которыхъ не безразлично для государства. Предпріятіе по современному воззрѣнію уже не можетъ разсматриваться единственно какъ болѣе или менѣе сложный предметъ частнаго права, какъ нѣкоторое техническое сооруженіе. Оно — особая единица, опредѣляемая своимъ внутреннимъ порядкомъ, который является разновидностью и частью объективнаго права, а власть хозяина не субъективное право, не часть индивидуальной правовой его сферы, а опять таки особое правовое положеніе по отношенію къ остальнымъ лицамъ, входящимъ въ составъ этой соціальной единицы. Жизнь предпріятій опредѣляется нормами своеобразнаго автономнаго происхожденія; воля частныхъ лицъ, стоящихъ во главѣ этихъ единицъ, пріобрѣтаетъ особое нормативное значеніе. Внутренній правопорядокъ предпріятій основывается на регламентахъ, устанавливаемыхъ хозяевами; этими регламентами нормируется ихъ внутренняя жизнь, и они обязательны для рабочихъ, независимо отъ согласія или несогласія сихъ послѣднихъ; эти регламенты подлежатъ надзору со стороны государства, а по нѣкоторымъ законодательствамъ должны быть вырабатываемы при участіи рабочаго элемента.

Элементъ нормативный въ не менѣе рѣзкой формѣ сказывается и въ специфическихъ, свойственныхъ промышленному праву соглашеніяхъ, сила которыхъ распространяется за предѣлы лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ ихъ заключеніи. Таковы прежде всего, такъ называемые, тарифные договоры, посредствомъ которыхъ группы предпринимателей и организованные союзы рабочихъ устанавливаютъ условія труда для цѣлыхъ районовъ и отраслей производства, и сила которыхъ, слѣдовательно, выходитъ за предѣлы основного принципа гражданскаго права, согласно которому договоръ обязываетъ только участвующихъ въ немъ лицъ. Эти соглашенія являются также одной изъ формъ внѣзаконодательнаго творчества, слагающагося на почвѣ соціальной автономіи; въ рамки типовъ соглашеній, привычныхъ каждому обывателю, они не укладываются. Они извѣстны и нашей промышленной жизни, и такимъ образомъ для русскаго юриста открывается трудная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и благодарная задача на вопросы, порождаемые новыми явленіями, подыскать отвѣты въ дѣйствующемъ правѣ, и найти средства, необходимыя для восполненія его пробѣловъ. На западѣ, кромѣ тарифныхъ договоровъ, получаютъ все большее развитіе аналогичныя попытки государствъ и крупныхъ муниципальныхъ единицъ устанавливать особыми актами условія труда при заключеніи субмиссіонныхъ (подрядныхъ) договоровъ. Эти условія обязательны для подрядчиковъ, вступающихъ въ соглашенія съ государствомъ и муниципальными организаціями, и устанавливаются они съ тою цѣлью, дабы такою нормировкой предотвратить возможность чрезмѣрной эксплоатаціи труда. Въ виду огромнаго значенія общественныхъ и казенныхъ заказовъ, такая своеобразная нормировка, также не укладывающаяся въ рамки обычныхъ договорныхъ соглашеній, представляется практически очень существенной, а юридическая квалификація различныхъ правовыхъ послѣдствій, сказывающихся на отношеніяхъ рабочаго элемента, выдвигаетъ вопросы, почти неразрѣшимые на почвѣ обычныхъ категорій гражданскаго права. Съ точки зрѣнія А. Таля, такія соглашенія относятся также къ разряду нормативныхъ.

Такимъ образомъ промышленное предпріятіе, по ученію Л. С. Таля, явленіе — своеобразное во многихъ отношеніяхъ, и юридически необъяснимое съ обычныхъ точекъ зрѣнія гражданскаго права. Не усматривая возможности путемъ частичныхъ, палліативныхъ, если такъ можно выразиться, поправокъ и оговорокъ подвести его подъ установившіяся съ древнихъ временъ рубрики и категоріи гражданскаго права, авторъ склоняется къ тѣмъ теченіямъ западно-европейской литературы, которыя выдвигаютъ конструкціи радикально

новыя. Сущность ученія, защищаемаго въ книгѣ Л. С. Таля, заключается въ томъ, что имъ намѣчаются, если не границы, то очертанія новой области права, очертанія такого правопорядка, который создается частной волей, правда, подъ надзоромъ и контролемъ государства, но притомъ именно правопорядка въ смыслѣ совокупности правилъ, обязательныхъ для всѣхъ лицъ, которыя вошли съ нимъ въ соприкосновеніе. Понятіе договора, въ томъ смыслѣ, который связывается съ нимъ въ чисто гражданскомъ правѣ, въ конструкціи Л. С. Таля, какъ элементъ конструктивный, играетъ роль второстепенную. Напротивъ, юридическое положеніе хозяина характеризуется какъ своеобразная функція, исполняемая ради общественныхъ цѣлей, т. е. какъ функція соціальная, съ которой сопряжены извѣстныя права, потому что она неразрывно связана съ соціальными обязанностями. Отсюда авторитарный характеръ власти, отсюда же и та особая сила нормативная, полузаконодательная, которою надѣлены волеизъявленія носителя этой власти, сила, несвойственная обычнымъ изъявленіямъ индивидуальной воли. Такая конструкція, намѣчаемая въ западной литературѣ, самостоятельно продумана авторомъ, и всѣ дальнѣйшія построенія являются послѣдовательнымъ выводомъ изъ нея. Она подкупаетъ своей простотой, но для вящшаго подкрѣпленія теоріи Л. С. Таля не безполезна была бы болѣе подробная разработка ученія о „соціальной автономіи“, такъ какъ, въ сущности, это понятіе является основной опорой всего его ученія. Съ одной стороны, было бы интересно сопоставить проявленія такой автономіи въ различныхъ областяхъ частнаго права, не ограничиваясь сферой права промышленнаго, а съ другой — нѣсколько точнѣе описать основныя черты этого понятія, еще мало разработаннаго въ наукѣ и столь непривычнаго для юристовъ, воспитанныхъ на традиціонныхъ цивилистическихъ категоріяхъ. Такъ, напр., отнесеніе автономіи къ числу источниковъ правопорядка въ каждомъ отдѣльномъ предпріятіи, на ряду съ закономъ и обычаемъ, можетъ породить недоразумѣніе по той причинѣ, что качественно эти типы нормъ весьма не сходны между собой. Судьба каждаго изъ такихъ типовъ опредѣляется разными условіями, и взаимоотношеніе ихъ неодинаково. Жизнь предпріятія, естественно, регулируется нормами законовъ, установленными государственной властью, и нормативными актами хозяина, поскольку таковые допускаются государственнымъ правопорядкомъ, однако, по существу, нормы, основанныя на законѣ, имѣютъ мало общаго съ нормами подзаконными, устанавливаемыми волею хозяина. Промышленное право не совпадаетъ съ порядкомъ отдѣльныхъ предпріятій,

и, если говорятъ объ автономіи какъ общемъ источникѣ нормъ для промышленности государствъ, то слѣдовало бы выпуклѣе охарактеризовать основные элементы этого понятія.

Вторая часть книги Л. С. Таля посвящена разбору института рабочаго промышленнаго договора, института, также отличающагося многими своеобразными чертами отъ обычнаго договора личнаго найма. Трудовой договоръ, устанавливая связь рабочаго съ предпріятіемъ, вызываетъ длительное и полное поглощеніе рабочей силы нанявшагося и не исчерпывается чисто обязательственными отношеніями; изъ него возникаютъ отношенія власти и подчиненія, именно благодаря тому, что рабочій вступаетъ въ составъ организованнаго предпріятія, и содержаніе этого отношенія опредѣляется не общею волею сторонъ, а другими фактами. Это вступленіе въ соціальное соединеніе, имѣющее свое особое внутреннее строеніе, и является, пожалуй, самою своеобразною особенностью рабочаго договора. Ближайшій анализъ основныхъ элементовъ этого разряда договоровъ (длительное предоставленіе труда, приложеніе его въ промышленномъ предпріятіи, подчиненіе внутреннему порядку и власти, особый характеръ вознагражденія) даетъ возможность точно описать весьма разнообразныя комбинаціи въ которыхъ онъ проявляется въ жизни, и отмѣтить расхожденіе съ аналогичными типами контрактовъ, распространенныхъ внѣ сферы промышленнаго права. Не останавливаясь на подробностяхъ, укажемъ хотя бы на то, что вознагражденіе, т. е. заработная плата, имѣетъ до нѣкоторой степени характеръ алиментарный, т. е. разсматривается не только какъ эквивалентъ за трудъ, какъ плата за пользованіе рабочей силой, но и какъ средство обезпеченія обладателю рабочей силы матеріальнаго существованія. Если въ законодательствахъ и не проводится полнаго отождествленія заработной платы съ алиментами, то тѣмъ не менѣе этотъ оттѣнокъ просвѣчиваетъ съ достаточною опредѣленностью и въ научныхъ теченіяхъ и въ нѣкоторыхъ законодательныхъ постановленіяхъ. Напр. сдѣлки, угрожающія жизненнымъ интересамъ рабочаго при наличности нѣкоторыхъ обстоятельствъ, признаются недѣйствительными, взысканіе на заработную плату можетъ быть обращено только съ ограниченіями, указанными въ законѣ, и т. д.

Написана книга Л. С. Таля превосходно. Обширнѣйшій матеріалъ, изученный авторомъ до подробностей, обработанъ въ ней необыкновенно искусно и талантливо. Его построенія изложены отчетливо и просто. Благодаря этому, она даетъ очень многое для всякаго читателя, какъ для искушеннаго въ тонкостяхъ цивилистическихъ построеній, такъ и для далекаго отъ всякихъ юридиче-

скихъ вопросовъ. Книгѣ Л. С. Таля можно пожелать самаго широкаго распространенія.

Баронъ А. Нольде.

Земля. Сборникъ XIX. Московское Книгоиздательство. 1917. Ц. 2 р.

Помимо большой, при всей своей растянутости, филигранно сдѣланной, написанной въ мягкихъ „элегическихъ тонахъ" вещи Н. Крашенинникова „Осень" (романъ въ двухъ частяхъ), вниманіе читателя въ послѣднемъ XIX сборникѣ „Земли" концентрируется, главнымъ оброзомъ, на пьесѣ М. Арцыбашева „Враги". Эта пьеса, въ сущности, только подголосокъ къ излюбленному мотиву М. Арцыбашева о взаимоотношеніи половъ, о любви и бракѣ, о „враждующихъ" сызвѣчна сторонахъ. Можно ли отрицать, что эти вопросы принадлежатъ къ числу наиболѣе мучительныхъ, къ какимъ когда-либо обращалась художественная мысль? Но для военнаго врача Карновича, одного изъ центральныхъ лицъ пьесы, призваннаго выразить авторскую мудрость, эти вопросы просто не существуютъ; а если и существуютъ, то разрѣшаются изумительно прямо и элементарно. „Просто умный человѣкъ", какъ онъ самъ себя аттестуетъ, не терпящій фальши и ходульности, прикрывающихъ „эти самыя разныя слова", онъ во всемъ видитъ одну анатомію и физіологію, въ томъ числѣ въ любви мужчины и женщины, въ которой люди привыкли находить что-то чистое и красивое. Онъ смѣется надъ старымъ профессоромъ, воспитаннымъ на Пушкинѣ, Толстомъ, Достоевскомъ, съ его вѣрой въ „необыкновенныя страсти, въ глубочайшія бездны духа", съ его апологіей „величайшихъ духовныхъ цѣнностей, величайшихъ открытій человѣческаго духа". Для него Достоевскій — какая-то ненужная беллетристика. Ему смѣшны разсужденія профессора о человѣческихъ переживаніяхъ, о смыслѣ и цѣли существованія. Онъ знаетъ сокращеніе горловыхъ мышцъ, законы увеличенія щитовидной железы, разстройства внутренней секреціи, обусловливающей чувство ревности, это „пакостное чувство" и пр. Онъ знаетъ, что „въ тайнѣ души идеалъ мужчины — гаремъ... гаремъ не только тѣлъ, но и женскихъ душъ"... Отрицатель брака, любви и тому подобныхъ категорій и чувствъ, онъ знаетъ одну лишь вражду половъ. „Слишкомъ узка, — вѣщаетъ этотъ своеобразный философъ, — дорога жизни, и двумъ человѣкамъ, да еще столь различнымъ, какъ мужчина и женщина, нельзя пройти по ней, не толкаясь и не мѣшая другъ другу". Сообразно съ этимъ, онъ развиваетъ теорію, такъ называемаго, физіологическаго соотвѣтствія, не исключающаго, впрочемъ, и соотвѣтствія интеллектуальнаго, соотвѣтствія внѣшнихъ качествъ, возрастовъ и пр., какъ условій

счастливаго брака, мыслимаго, по его убѣжденію, только какъ иллюзія; какъ призрачная, неосуществимая мечта. „Въ томъ-то и горе наше,— поясняетъ онъ, — что мы мало образованы и ближе знакомы съ разными Вертерами, Джульеттами, чѣмъ съ физіологіей своего собственнаго тѣла!..“ Физіологія тѣла — вотъ преимущественный законъ, къ которому апеллируетъ М. Арцыбашевъ и въ лицѣ военнаго врача Карновича, и гвардейскаго ротмистра Занковскаго, ищущаго въ женщинѣ одного только грубаго, животнаго наслажденія, и на примѣрѣ другихъ выведенныхъ имъ лицъ. Весь смыслъ, вся внутренняя суть пьесы предназначена наглядно иллюстрировать давнишній, основной тезисъ М. Арцыбашева, — тотъ, на которомъ онъ обосновалъ свою извѣстность и который, словно нѣкая неотвязчивая идея, прилипъ къ мозгу и опошляетъ родники его нѣкогда яркаго и волнующаго творчества. На примѣрѣ Петра Александровича, мужа Валентины Николаевны, колеблющагося между чувствомъ долга, жалостью и любовью къ женѣ, въ глубинѣ души сознающаго, что „можно любить двухъ, что въ этомъ нѣтъ ни обмана, ни пошлости, ни грязи...“, но все же остающагося вѣрнымъ женѣ, М. Арцыбашевъ ясно подчеркиваетъ, что это своего рода атавизмъ, нелѣпый пережитокъ, наслѣдіе вѣковъ, характеризующее природу современнаго человѣка. „И до тѣхъ поръ, заключаетъ онъ устами того же Петра Александровича, пока люди не поймутъ этого, не перестанутъ скрывать, какъ позоръ, то, что такъ естественно, будутъ эти ужасныя трагедіи, эта борьба, эта ложь и грязь!..“ Вотъ въ чемъ разрѣшеніе вопроса, выходъ изъ положенія.

„Высшая цѣль искусства, учитъ Дж. Рескинъ, состоитъ въ томъ, чтобы дать вѣрный образъ человѣческаго существа; большаго оно никогда не достигало, меньшимъ оно не должно удовлетворяться“. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, долженъ быть узокъ кругозоръ, убогъ комплексъ жизненныхъ ощущеній и воспріятій писателя, забывающаго это основное и непреложное требованіе искусства и въ то же время серьезно думающаго, что онъ открываетъ какіе-то горизонты, изрекаетъ какія-то невѣдомыя истины. Жизнь страшна и угрюма, и не вопросы физіологическаго несоотвѣтствія опредѣляютъ сейчасъ ея суровое и мрачное содержаніе. М. Арцыбашевъ какъ будто не замѣчаетъ этого грознаго теченія жизни. Онъ глухъ къ гнетущимъ мотивамъ дѣйствительности. Онъ не знаетъ ея скорби и смятенія, попрежнему варьируя свою старую, никому не нужную и опостылѣвшую тему. Между тѣмъ, внѣшняя структура и отдѣльныя сцены (какъ, напримѣръ, картина дачнаго оцѣпенѣнія въ пятомъ актѣ, душевнаго одиночества и тоски стараго профессора по умершей женѣ-другу, завершающейся въ темнотѣ наплывающаго

вечера трагическимъ, навсегда обрывающимся аккордомъ) свидѣтельствуютъ о томъ, что пьеса написана кистью подлиннаго художника, способнаго и волновать и трогать. Но тамъ, гдѣ Арцыбашевъ повторяется, гдѣ онъ думаетъ поразить своей пошлой реторикой, своимъ дешевымъ глубокомысліемъ, онъ только грубъ и нуденъ и являетъ собою примѣръ писателя, очень мало дорожащаго своимъ единственнымъ и драгоцѣннымъ даромъ — даромъ художника-творца, возсоздающаго жизнь, ея жалобный крикъ, ея истинное горе и невзгоды.

М. Королицкій.

Густавъ Шпетъ. Исторія какъ проблема логики. Критическія и методологическія изслѣдованія. Часть I. Матеріалы. Москва, 1916, стр. VIII+476.

Книга г. Шпета преслѣдуетъ двоякую цѣль. Съ одной стороны, авторъ пытается намѣтить въ ней собственный отвѣтъ на вопросъ объ исторіи, какъ проблемѣ логики. Съ другой стороны, онъ даетъ довольно подробное изложеніе отвѣтовъ на этотъ вопросъ, выдвигавшихся въ философской и исторической литературѣ XVIII в. Связь между этими задачами состоитъ въ томъ, что, не развивая подробно своего пониманія логики какъ проблемы исторіи, г. Шпетъ предпочитаетъ въ вышедшемъ томѣ иллюстрировать это пониманіе изложеніемъ и разборомъ соотвѣтствующихъ идей XVIII в., къ которымъ онъ чувствуетъ себя близкимъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, въ его книгѣ нѣтъ ни систематическаго, ни историческаго изслѣдованія вопроса, а только „матеріалы", необходимые для этого. Но изъ этихъ „матеріаловъ" все же выясняется и собственная точка зрѣнія г. Шпета и историческое положеніе вопроса въ XVIII в. Поэтому названіе „матеріаловъ" грѣшитъ, можетъ быть, излишней скромностью, хотя и остается въ общемъ подходящимъ къ содержанію книги.

Собственное отношеніе г. Шпета къ проблемѣ логики исторіи отличается простотой и крайней общностью. Очевидно, подробная разработка его точки зрѣнія еще впереди. Г. Шпетъ расходится съ наиболѣе распространеннымъ рѣшеніемъ вопроса, связаннымъ съ именами Виндельбанда и Риккерта, а у насъ А. С. Лаппо-Данилевскаго. Они разсматриваютъ исторію не съ точки зрѣнія присущаго ей предмета, а съ точки зрѣнія употребляемаго ею метода познанія этого предмета. При этомъ они думаютъ, что самый предметъ исторіи, какъ науки, не данъ, а строится въ процессѣ его познанія, а ходъ построенія и его основныя черты опредѣляются ме-

тодомъ познанія. Въ противоположность такому взгляду, г. Шпетъ полагаетъ, что логика исторіи должна исходить изъ предмета исторической науки, такъ какъ свойство метода всякой науки опредѣляется свойствами ея предмета. Таково исходное противорѣчіе. За нимъ слѣдуетъ другое. Представители перваго взгляда думаютъ, что связи, между элементами предмета исторіи вносятся самимъ историческимъ познаніемъ, а данными являются только эти элементы, да и то въ неочищенномъ видѣ. Напротивъ, г. Шпетъ доказываетъ, что упомянутыя связи совершенно объективны, присущи самой дѣйствительности, и познаніе не строитъ ихъ, а только подмѣчаетъ. Вотъ почти и все, что можно сказать о точкѣ зрѣнія самого г. Шпета. Въ его книгѣ есть и не мало отдѣльныхъ замѣчаній, дополняющихъ эту точку зрѣнія, но не систематизированныхъ настолько, чтобы образовать „теорію". Вѣдь въ книгѣ предложены пока только „матеріалы".

Исторической задачѣ изложенія и разбора исторіологическихъ взглядовъ XVIII в. посвящены, собственно, девять десятыхъ этой книги. Поэтому здѣсь г. Шпету удалось высказаться довольно обстоятельно. Заглавія главъ книги показываютъ, кого онъ коснулся: „Англо-французское просвѣщеніе". — „Раціонализмъ восемнадцатаго вѣка". — „Первый опытъ логики историческихъ наукъ". — „Философія исторіи на почвѣ раціонализма". — „Философія исторіи на почвѣ критицизма". Въ этихъ главахъ идетъ рѣчь о Бэконѣ, Болингброкѣ, Монтескье, Вольтерѣ, Руссо, Тюрго, Кондорсе, Д'Аламберѣ, Хр. Вольфѣ, Г. Мейерѣ, Хладеніи, Изелинѣ, Фергюсонѣ, Гомѣ, Вегелинѣ, Аделунгѣ, Гердерѣ, Кантѣ, Шеллингѣ и др.

Г. Шпетъ старается доказать три слѣдующія мысли. 1. Философы и историки, занимавшіеся теоріей исторіи съ точки зрѣнія эмпирической философіи, ничего для этой теоріи не сдѣлали и склонялись даже къ мысли, что исторія вовсе не наука или только наука низшаго ранга. Это объясняется тѣмъ, что эмпирики увлекались естествознаніемъ и не признавали въ исторической дѣйствительности никакого раціональнаго корня, а не признавали потому, что видѣли въ дѣйствительности вообще только наборъ сырыхъ фактовъ. 2. Критицизмъ, въ лицѣ Канта, тоже не благопріятствовалъ разработкѣ логики исторіи и даже своимъ огромнымъ вліяніемъ на позднѣйшихъ мыслителей XIX в. всячески задерживалъ или искажалъ эту разработку. Объясняется это тѣмъ, что и Кантъ усматривалъ въ дѣйствительности одинъ сырой матеріалъ ощущеній и думалъ, что этотъ матеріалъ подлежитъ раціональной переработкѣ лишь въ формѣ математическаго естествознанія. Считая наукой только такія науки, въ которыхъ есть математическій элементъ, онъ

въ сущности даже исключалъ исторію изъ числа наукъ и допускалъ ее только въ свѣтѣ своихъ моральныхъ принциповъ. 3. Только философы-раціоналисты (Вольфъ и др.) поняли, что есть особая историческая дѣйствительность, что эта дѣйствительность представляетъ нѣчто раціональное, хотя и не математическое, и что исторія есть наука и при томъ совершенно равноправная съ математикой и математическимъ естествознаніемъ. Отсюда и личныя симпатіи г. Шпета къ этому направленію. Общимъ выводомъ изъ всего этого у него является мысль, что напрасно обвиняютъ XVIII в. въ „неисторичности" и считаютъ „вѣкомъ исторіи" только XIX. Напротивъ, начиная съ 30—40 гг. и до конца XVIII в. обнаруживаетъ живой интересъ къ исторіи, и рядъ попытокъ понять ея своеобразіе и построить ея „логику".

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе книги г. Шпета. Высказываться о собственныхъ его взглядахъ на логику исторіи довольно трудно въ виду крайней ихъ общности и неразработанности. Эти взгляды основаны на извѣстной философіи и подлежатъ оцѣнкѣ вмѣстѣ съ нею. Эту сторону ихъ мы оставляемъ въ сторонѣ. У нихъ есть другая сторона, связанная тѣснѣе съ соціально-исторіологической проблемой. Но именно этой стороны г. Шпетъ и коснулся всего менѣе. Изъ того, что онъ успѣлъ высказать въ этомъ отношеніи, можно заключить пока, что никакой революціи въ господствующія рѣшенія проблемы онъ не вноситъ. Все остается по-старому. Поэтому ожесточенная полемика г. Шпета съ представителями этихъ рѣшеній — если откинуть обще-философскую сторону — кажется намъ мало мотивированной и мало плодотворной. А между тѣмъ, онъ предается ей съ большимъ пыломъ и темпераментомъ, который могъ бы быть употребленъ на болѣе „положительное" дѣло... Такое „дѣло" онъ и дѣлаетъ отчасти, но „между прочимъ", и оттого впечатлѣніе объ его величинѣ и цѣнности получается весьма раздробленное и невполнѣ справедливое, такъ какъ многія отдѣльныя мысли г. Шпета (напр. о роли „авторитета" въ исторіи и др.) заслуживаютъ вниманія.

Что касается исторической задачи г. Шпета, она кажется намъ восполненной, въ общемъ, интересно и вѣрно. Но въ ея рѣшеніи есть и не мало спорнаго. Прежде всего, предметомъ нападенія можетъ здѣсь служить то, что г. Шпетъ объявилъ исторіологическими идеи нѣкоторыхъ писателей XVIII в., едва ли имѣвшихъ въ виду исторію. Прежде всего это относится къ такимъ мыслителямъ, какъ Тюрго и Кондорсе. Хотя они считали, что разсуждаютъ объ исторіи, однако, на дѣлѣ занимаются не столько теоріей или философіей исторіи, сколько динамической соціологіей. Ихъ не да-

ромъ считаютъ предшественниками С. Симона и Канта въ разработкѣ этой соціологіи. Г. Шпетъ, конечно, знаетъ это и даже самъ на это указываетъ не разъ. Но это не мѣшаетъ ему относить названныхъ мыслителей и къ числу разрабатывавшихъ теорію исторіи. Намъ это кажется неправильнымъ, и мы предпочли бы не дѣлать этого. Другимъ спорнымъ вопросомъ представляется намъ то, что г. Шпетъ, излагая историологическіе взгляды раціоналистовъ и историковъ, стоявшихъ на почвѣ раціонализма, не обращаетъ достаточно вниманія на ихъ отношеніе къ понятію развитія. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что „историческое" невозможно внѣ „развивающагося". А между тѣмъ, говоря, напр., о Гердерѣ, г. Шпетъ какъ-то небрежно касается этого вопроса и даже внушаетъ подозрѣніе, что понятіе развитія не очень важно для исторіи, какъ онъ представляетъ себѣ ее. Вообще, отношеніе раціоналистовъ къ понятію развитія въ исторіи онъ разсматриваетъ несистематично, хотя, казалось бы этого не должно быть съ точки зрѣнія самого г. Шпета: онъ указываетъ, между прочимъ, что въ понятіи развитія, такъ какъ оно рисуется раціоналисту Лейбницу и нѣкоторымъ его послѣдователямъ, не содержится оттѣнка генетичности; если такъ (а это, безъ сомнѣнія такъ), то не подрываетъ ли это мысли г. Шпета о томъ, что раціонализмъ былъ особенно благопріятенъ для разработки логики исторіи? Вѣдь вотъ примѣръ обратнаго, — негенетическое пониманіе развитія у нѣкоторыхъ раціоналистовъ. Случайно ли это, т. е. свойственно ли оно раціонализму вообще или только нѣкоторымъ его представителямъ, уклоняющимся отъ его духа? Намъ кажется, то или другое рѣшеніе этого вопроса имѣетъ принципіальное значеніе для всей книги г. Шпета. Наконецъ, вполнѣ соглашаясь съ мыслью г. Шпета, что XVIII в. не чуждъ „историзму" мы, однако, все-таки отличили бы историзмъ XVIII в. отъ историзма XIX в. Этотъ послѣдній выдвинулъ проблему исторіи въ связи съ проблемою національнаго своеобразія (такъ было, напр., у представителей крайней и умѣренной исторической школы въ правѣ), поэтому и въ теоріи исторіи онъ обращалъ особенное вниманіе на единичность историческаго процесса. Въ XVIII в. національный вопросъ еще не былъ столь острымъ, и исторію трактовали часто, какъ исторію человѣчества вообще. Конечно, при этомъ своеобразіе единичныхъ исторій скрадывалось въ общей картинѣ типическаго развитія человѣчества и сама исторія чаще оказывалась скорѣе динамической соціологіей, чѣмъ именно исторіей. Это отражалось на логикѣ исторіи, не только у спорныхъ Тюрго и Кондорсе, но даже у безспорнаго Гердера.

Т. Райновъ.

Сборникъ памяти Тараса Шевченка (1814—1914). Видання Украiнского Наукового Товариства въ Киiвi. Киiв, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Несмотря на трудныя условiя переживаемаго времени, жизнь Украинскаго научнаго общества въ Кiевѣ не прервалась, и его интересные сборники, хотя съ сильнымъ запозданiемъ все же появляются въ свѣтъ.

Настоящiй сборникъ, прiуроченный къ столѣтiю со дня смерти Шевченка, посвященъ памяти великаго поэта, и содержанiе его статей тѣсно связано съ его произведенiями и еще тѣснѣе съ его эпохой. Первая меньшая часть сборника состоитъ изъ шести статей различныхъ авторовъ, поставившихъ своей задачей характеризовать отдѣльныя черты творчества Шевченко. Статьи эти заключаютъ въ себѣ, въ большей или меньшей степени, признаки юбилейнаго творчества и не вносятъ почти ничего новаго въ огромную литературу, создавшуюся вокругъ украинскаго поэта. Нѣчто свѣжее и интересное находимъ лишь въ очеркѣ Ивана Шпитковскаго: „Гайдамаки Шевченка як памятка Колiевщини". Въ очеркѣ этомъ, исходя изъ остроумнаго сопоставленiя обстоятельствъ дѣтскихъ лѣтъ жизни Шевченка и его генеалогiи, подкрѣпленнаго анализомъ нѣкоторыхъ книжныхъ влiянiй въ эпоху созданiя имъ его поэмы, г. Шпитковскiй находитъ возможнымъ включить Шевченковскую поэму въ число мемуаровъ, дающихъ въ нѣкоторой мѣрѣ одностороннее, но для того времени не достававшее освѣщенiе сложнаго соцiальнаго и политическаго явленiя, извѣстнаго въ исторiи Украины подъ названiемъ „Колiївщини". Любопытна также и статья Костя Широцькаго: „Туреччина въ картинахъ Т. Шевченка", посвященная анализу „восточныхъ жанровъ", которые у Шевченка-художника занимаютъ довольно значительное мѣсто.

Подлинной цѣнностью разсматриваемаго сборника являются „Матерiалы къ исторiи Кирилло-Меѳодiевскаго братства", составляющiя вторую часть книги. Матерiалы подготовлены къ печати извѣстнымъ украинскимъ историкомъ проф. М. С. Грушевскимъ, въ распоряженiи котораго находилась офицiальная копiя актовъ Кирилло-Меѳодiевскаго слѣдствiя. Копiя эта даетъ Кирилло-Меѳодiевское „дѣло" во всей его политикѣ какъ оно было офицiально запротоколировано властями, его производившими. До сихъ поръ были извѣстны лично отдѣльныя части этого „дѣла"; опубликованы были лишь протоколы о допросахъ Шевченка и Костомарова, выдержки изъ показанiй Гунака и пересказъ доноса студента Петрова, легшаго въ основу всего дѣла. Нынѣ, съ выходомъ „Сборника", изслѣдователи общественныхъ движенiй въ Россiи имѣютъ возможность пользоваться всѣми данными о Кирилло-Меѳодiевскомъ брат-

ствѣ, какія хранились до сего времени въ недоступныхъ тайникахъ архивовъ. Но не только для историка-изслѣдователя интересны напечатанныя въ Сборникѣ матеріалы. Ихъ чтеніе способно увлечь всякаго образованнаго читателя. По справедливому замѣчанію редактора матеріаловъ, они представляютъ собою высоко цѣнный человѣческій документъ. Въ нихъ, какъ живые, вырисовываются участники процесса, ихъ характеры и отношеніе къ свалившемуся, какъ снѣгъ на голову, несчастью, разбившему жизнь. Вынужденныя показанія даютъ цѣлую гирлянду идей, настроеній и плановъ кирилло-меѳодіевцевъ, направленныхъ на улучшеніе народной доли, на распространеніе просвѣщенія, подъемъ культуры народной. Показанія эти даютъ не только матеріалъ для внѣшней характеристики самого братства и его незаконченной ко времени процесса структуры; въ нихъ чувствуется и горячее дыханіе національныхъ устремленій, благородно сочетавшихся у „братчиковъ“ съ идеями общечеловѣческаго равенства, братства и свободы. Славянскіе идеалы „братчиковъ“ въ ихъ украинскомъ аспектѣ вырисовываются также полно и значительно. Какъ много, напримѣръ, говоритъ и нынѣ полный романтическаго утопизма отрывокъ въ бумагахъ Костомарова, сильно интриговавшій слѣдственность власти: „Славянскіе народы воспрянутъ отъ дремоты своей, соединятся, соберутся со всѣхъ концовъ земель своихъ въ Кіевъ, столицу славянскаго племени, и представители всѣхъ племенъ, воскресшихъ изъ настоящаго униженія, освободятся отъ чуждыхъ цѣпей, возсядутъ на горахъ (Кіевскихъ), и загремитъ вѣчевой колоколъ у св. Софіи, судъ, правда и равенство воцарятся. Вотъ судьба нашего племени, его будущая исторія, связанная тѣсно съ Кіевомъ. Вѣрь мнѣ, это будетъ, будетъ... Здѣсь (въ Кіевѣ) поднимется завѣса тайнъ и явится безцвѣтное“.

Въ предисловіи къ „Матеріаламъ“ редакторъ ихъ, отъ имени Украинскаго Научнаго Общества, обѣщаетъ въ дальнѣйшихъ сборникахъ дать возможно полное собраніе всего литературнаго наслѣдія кирилло-меѳодіевцевъ. Можно только пожелать, чтобы обществу и редактору его трудовъ ничто не помѣшало осуществить свои намѣренія.

Ишханянъ, Б. Народности Кавказа. Статистико-экономическое изслѣдованіе. Съ предисловіемъ С. Патканова. Петроградъ, 1917 г. Ц. 1 р. 50 к.

Работа г. Ишханяна въ свое время была издана по-нѣмецки, а теперь лишь переведена на русскій языкъ. Можно думать, что часть недостатковъ этой работы и коренится въ томъ обстоятельствѣ, что она написана въ расчетѣ на иностраннаго читателя. Въ задачу

г. Ишханяна входило, на основѣ данныхъ всеобщей переписи 1897 г., дать картину національнаго распредѣленія населенія Кавказа, а также группировку и классификаціи всѣхъ профессій, соціальное разслоеніе и экономическое положеніе главнѣйшихъ народностей этого края. И въ тѣхъ частяхъ работы, гдѣ авторъ, не гоняясь за широкими обобщеніями и выводами, производитъ непосредственный анализъ цифровыхъ данныхъ переписи, г. Ишханяну удается встать на высоту своей задачи. Картина соціальнаго распредѣленія въ средѣ каждой данной народности вырисовывается настолько точно и ясно, насколько это позволяютъ далеко не безгрѣшныя въ статистическомъ отношеніи цифры переписи 1897 года. Также удачны и работы г. Ишханяна по анализу количественныхъ, а частью и соціальныхъ соотношеній національныхъ группъ, живущихъ совмѣстно, а иногда и черезполосно на территоріи многихъ административныхъ единицъ Кавказскаго края. Но насколько эта, — бо́льшая часть, — работы удалась г. Ишханяну, настолько же не удалась ему другая, въ которой онъ, на основѣ цифровыхъ данныхъ, пытается дать болѣе широкіе выводы. Общія черты демографіи Кавказа, напримѣръ, онъ сопоставляетъ, между прочимъ, съ такими же чертами демографіи Европейской Россіи вообще. Что можетъ дать для Кавказа сопоставленіе съ такой областью, какъ Европейская Россія, взятая вмѣстѣ съ Прибалтійскимъ краемъ, сѣверными губерніями, центральной Россіей и ея восточной частью, съ Литвой, Бѣлоруссіей, Украиной, Новороссіей и т. д. Ровно ничего, особенно для русскаго читателя, знакомаго съ терминомъ „Европейская Россія“. Съ другой стороны, авторъ понимаетъ терминъ „Кавказъ“, какъ административную единицу, носящую названіе кавказскаго намѣстничества. Поэтому, разбирая автономно-федеративную проблему Кавказа въ ея статистическомъ аспектѣ, онъ въ составъ народностей предполагаемаго имъ въ будущемъ автономнаго Кавказа включаетъ цѣликомъ и „кавказскихъ русскихъ“, т. е. малоросовъ и великороссовъ сѣвернаго Кавказа, которые врядъ ли хоть сколько-нибудь склонны къ такого рода включенію, хотя бы уже потому, что они даже территоріально не оторваны отъ своихъ народностей, живущихъ внѣ кавказскаго намѣстничества. Это включеніе сѣверно-кавказскихъ русскихъ въ общую массу кавказскихъ народностей извращаетъ общую картину національнаго распредѣленія народностей, живущихъ въ настоящемъ Кавказѣ. На настоящемъ Кавказѣ русскихъ, по губерніямъ, всего отъ 1,27 % (Кутаисская губ.) до 9,60 % (Карсская область), а у г. Ишханяна русскихъ на Кавказѣ — 33,04 %, и это потому, что сюда включена вся компактная масса сѣверно-кавказскихъ русскихъ. На это указываетъ и самъ г. Ишханянъ, но, къ сожалѣнію, выводовъ изъ этого не дѣлаетъ.

Несмотря, однако, на эти недостатки, которые бросаются въ глаза русскому читателю книги г. Ишханяна, работа его все же должна быть признана полезной, хотя бы потому, что его книга является одной изъ немногихъ, въ которой частично использовены и систематизированы богатѣйшія данныя всеобщей переписи 1897 г. Жаль только, что она написана довольно плохимъ русскимъ языкомъ.

М. Сл.

А. С. Архангельскій. Введеніе въ исторію русской литературы. Томъ первый. Исторія литературы, какъ наука. Очеркъ научныхъ изученій въ области исторіи русской литературы. Петроградъ, 1916. Стр. VII—1—701. Цѣна 5 рублей.

Авторъ въ коротенькомъ предисловіи поясняетъ, что первые листы его труда были напечатаны еще въ 1908 году въ „Ученыхъ запискахъ“ Казанскаго университета и отдѣльно; окончательно же книга вышла изъ печати лишь теперь въ началѣ истекающаго года. „Это крайнее замедленіе въ печатаніи (зависѣвшее отъ различныхъ причинъ, болѣе всего отъ самого автора) да послужитъ хоть маленькимъ извиненіемъ большихъ недостатковъ предлагаемаго труда“...

Такое заявленіе автора обезоруживаетъ, и остается только подтвердить, что, дѣйствительно, бросается въ глаза нестройность книги и отсутствіе, въ конечномъ счетѣ, общей строго формулированной идеи литературы и точки зрѣнія. Первая часть перваго тома, „Исторія литературы, какъ наука“, представляетъ чрезмѣрно бѣглый обзоръ разнообразнѣйшихъ опредѣленій исторіи литературы. Авторъ приходитъ къ выводу, что „лучшіе историки литературы за позднѣйшее время стали приходить къ заключенію, что содержаніе и методъ науки еще составляютъ искомое, что исторія литературы должна разрабатываться съ разныхъ точекъ зрѣнія — раньше, чѣмъ можетъ быть достигнуто ея правильное построеніе... Какіе же тутъ могутъ быть законы?“ Авторъ такъ и не высказывается, какія же точки зрѣнія онъ считаетъ все-таки хотя бы наиболѣе важными и цѣнными въ настоящій моментъ, и переходитъ ко второй главной своей задачѣ, къ очерку научныхъ изученій въ области исторіи русской литературы. Это очень полезный для разныхъ справокъ обширный подборъ разнообразнаго матеріала по исторіографіи русской литературы. Но отсутствіе системы и строго проведеннаго взгляда на задачи исторіографіи литературы и нагроможденіе сырого матеріала дѣлаютъ изложеніе неудобочитаемымъ. Въ общемъ авторъ держится внѣшняго хронологическаго порядка появленія тѣхъ или другихъ трудовъ, имѣющихъ научное значеніе, но

иногда бросаетъ обзоръ изученій, чтобы дать общіе очерки дѣятельности того или иного ученаго.

Эти обзоры и очерки иногда чисто компилятивны, и, давая обширныя цитаты о томъ или другомъ дѣятелѣ, авторъ не даетъ собственной обобщающей оцѣнки. Исторіографія литературы сбивается при этомъ иногда на чисто библіографическіе обзоры. Послѣдняя глава посвящена новѣйшимъ изученіямъ фольклора и доходитъ до частушки. Авторъ обѣщаетъ перейти къ изученіямъ въ области древней русской литературы въ слѣдующемъ или слѣдующихъ томахъ.

Ч. В—ій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

А. С. Алексѣевъ. Возникновеніе конституцій въ монархическихъ государствахъ континентальной Европы XIX столѣтія. Часть I. Французская конституціонная хартія 1814 года. Стр. 112.

Историческіе очерки покойнаго профессора А. С. Алексѣева, напечатанные первоначально въ московскомъ „Юридическомъ Вѣстникѣ", имѣютъ непосредственную связь съ вопросомъ о природѣ нашего „обновленнаго" государственнаго строя. Въ нашей научно-юридической литературѣ, питающейся главнымъ образомъ продуктами нѣмецкой учености, господствуетъ заимствованная у нѣмцевъ теорія, въ силу которой способъ и форма установленія конституціи опредѣляютъ ея характеръ и значеніе въ данной странѣ: предполагается, что конституціонный актъ исходитъ отъ личной воли монарха, который великодушно удѣляетъ народному представительству часть своихъ функцій, и если это прямо или косвенно выражено въ самомъ актѣ или въ способѣ его изданія, то конституція признается дарованною народу или „октроированною", и такое „самоограниченіе" монархической власти не умаляетъ будто бы первоначальной полноты ея полномочій. Нѣкоторые русскіе теоретики государственнаго права, какъ проф. С. А. Котляревскій, Н. И. Паліенко и другіе, примѣняютъ этотъ взглядъ къ истолкованію сущности нашей отечественной конституціи, т. е. выводятъ ее изъ монархическаго принципа, утверждая, что верховная власть и послѣ введенія новыхъ законодательныхъ учрежденій сохранила свой самодержавный характеръ, такъ какъ основные законы 23 апрѣля 1906 года были выработаны и изданы безъ участія народныхъ представителей. Проф. А. С. Алексѣевъ поставилъ себѣ задачею критически провѣрить самые источники этой теоріи, возникшей первоначально во Франціи, въ эпоху реставраціи; для этого онъ предпринялъ, какъ объясняетъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ въ своемъ предисловіи, обширную работу съ цѣлью изслѣдовать и изобразить въ основныхъ чертахъ процессъ возникновенія конституціоннаго строя въ монархическихъ государствахъ континентальной Европы XIX вѣка. Уже въ первыхъ трехъ очеркахъ, появившихся при жизни автора, ясно и убѣдительно выясненъ тотъ фактъ, что французская конституціонная хартія 1814 года вовсе не была добровольно дарована Людовикомъ XVIII, какъ сказано въ ея вступительныхъ словахъ, прибавленныхъ однимъ изъ придворныхъ чиновниковъ, а была въ дѣйствительности условіемъ возстановленія династіи Бурбоновъ во Франціи; а между тѣмъ французскіе роялисты долго и упорно ссылались на „вступленіе" (Préambule) къ хартіи, какъ на доказательство ея чисто монархическаго происхожденія. Фразы о великодушномъ дарованіи извѣстныхъ правъ народу прикрываютъ въ этихъ случаяхъ фактическую необходимость, вызываемую обстоятельствами, имѣющими характеръ непреодолимой силы. „Изданіе конституціи, — говоритъ А. С. Алексѣевъ, — состоялось ли оно въ видѣ акта учредительнаго собранія или осуществилось въ формѣ октроированной хартіи, всегда является юридическимъ актомъ, закрѣпляющимъ фактическій переворотъ, — переворотъ, заключающійся въ сдвигѣ прежнихъ держателей власти съ ихъ господствующихъ позицій и занятія этихъ позицій новыми общественными силами". У насъ же конституціею являются „не основные законы 23 апрѣля, представляющіе собою плодъ бюрократической мысли, а ма-

нифестъ 17 октября, отвоеванный обществомъ и установившій, по словамъ доклада графа Витте, равновѣсіе между идейными стремленіями русскаго общества и внѣшними формами его жизни". Самые очерки французской конституціонной исторіи изложены очень живо, съ весьма интересными подробностями, основанными отчасти на архивныхъ матеріалахъ.

В. В. Лесевичъ. Собраніе сочиненій. Т. III. М., 1816. Стр. 712. Ц. 3 р.

Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія В. В. Лесевичъ пользовался большою извѣстностью, какъ философъ и авторъ многихъ популярно-научныхъ статей, печатавшихся, главнымъ образомъ, въ „Отечественныхъ Запискахъ"; но съ тѣхъ поръ труды его отчасти забыты, и едва ли многіе заглядываютъ въ его „Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи" (1877). Изданіе его сочиненій, предпринятое его близкимъ родственникомъ, Ю. В. Леонтовичемъ, должно возобновить въ памяти научно-литературныя работы добросовѣстнаго и даровитаго труженика, всегда искренняго и корректнаго, глубоко преданнаго чисто идейнымъ интересамъ. Первые два тома заключаютъ въ себѣ этюды по вопросамъ философіи; вышедшій теперь третій томъ содержитъ статьи обще-научнаго характера; въ четвертомъ томѣ будутъ помѣщены литературно-критическія статьи, а въ послѣднемъ, пятомъ томѣ — статьи по фольклору и по изслѣдованію религіозныхъ ученій. Къ пятому тому будутъ приложены біографія автора и портреты, а также статья академика С. Ф. Ольденбурга, посвященная фольклорнымъ работамъ В. В. Лесевича.

Врачъ Д. М. Гордонъ. Интеллигенція. Для кого сказка, для кого быль. Часть I. Интеллигентное тунеядство, оно же современная демократія, оно же инквизиція нашихъ дней. Ташкентъ, 1916. Стр. 587. Печатано въ типографіи штаба туркест. военнаго округа.

Уже изъ приведеннаго заглавія можно видѣть, что эта объемистая книга въ 587 страницъ, которую авторъ въ предисловіи называетъ почему-то брошюрою, представляетъ собою нѣчто странное, но послѣ бѣглаго просмотра нѣсколькихъ страницъ приходится заключить, что передъ нами — продуктъ больного ума, не имѣющій ничего общаго съ литературою. Авторъ объявляетъ „интеллигенцію" особою формою психической болѣзни, которую впервые открылъ онъ, г. Гордонъ, и которую онъ поэтому называетъ своимъ именемъ „morbus Gordoni", „какъ принято въ медицинѣ". Однимъ изъ симптомовъ вновь открытой болѣзни является „чтеніе газетъ", особенно, такъ называемыхъ, прогрессивныхъ. Книга переполнена рѣзкими нападками на либераловъ и демократовъ, на конституцію и народное представительство, на отдѣльныхъ „лѣвыхъ" депутатовъ и общественныхъ дѣятелей, безъ всякой логической связи и безъ малѣйшаго намека на какую-нибудь руководящую идею, а въ концѣ, на страницѣ 585-й, помѣщена подпись: „Псалмопѣвецъ нашихъ дней, тоже Давидъ". Въ довершеніе всего, книга посвящена памяти „истиннаго демократа и патріота П. А. Столыпина". Авторъ обѣщаетъ издать еще второй томъ, подъ заглавіемъ: „Противочумный съѣздъ въ Самарѣ, онъ же слетъ соколовъ санитарныхъ, онъ же трибуналъ современной инквизиціи". Удивительно, какъ могутъ печататься подобные безсмысленные ругательно-полемическіе памфлеты въ казенной типографіи, принадлежащей штабу туркестанскаго военнаго округа.

Русская литература XX вѣка. Подъ ред. проф. С. А. Венгерова. М., 1916. Вып. VII. Стр. 321—365 и 1—64.

Въ седьмомъ выпускѣ этого изданія помѣщены: окончаніе статьи Валерія Брюсова объ Александрѣ Блокѣ, автобіографія И. А. Бунина и статья о немъ Ѳ. Д. Батюшкова, автобіографія Андрея Бѣлаго и этюдъ о немъ г. Иванова-Разумника. Къ книгѣ приложены два портрета въ краскахъ — А. Блока и Андрея Бѣлаго, портретъ г. Бунина и его же автографъ „Ночлегъ".

Ежегодникъ газеты „Рѣчь" на 1916 годъ. Стр. 448.

Какъ указано въ предисловіи, настоящій выпускъ „Ежегодника" является непосредственнымъ продол-

женіемъ прошлогодняго и такъ же посвященъ всецѣло вопросамъ войны. На этотъ разъ значительная часть книги — почти половина (до стр. 197) — занята обстоятельными статьями П. Н. Милюкова о „вступленіи нейтральныхъ государствъ“ (Румыніи и Греціи), о „цѣляхъ войны“ (судьба Турціи, Австро-Венгріи и Германіи), и о „войнѣ и международномъ правѣ“; затѣмъ идетъ очеркъ внутренней жизни за истекшій годъ, І. В. Гессена, обзоръ военныхъ дѣйствій, г. А. Б. В., и статья А. И. Шингарева о „войнѣ и финансахъ“.

Въ теченіе декабря мѣсяца 1916 г. въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры.

Бертенсонъ, Левъ. Физическіе поводы къ прекращенію брачнаго союза. — Судебно-медицинское и правовое изслѣдованіе. Пгр., 1917 г. Ц. 4 р.

Гринъ, А. Искатель приключеній. Разсказы. Москва, 1917 г. Ц. 1 р. 75 к.

Каменевъ, Ю. Крушеніе интернаціонала. Пгр., 1917 г.

Карташевъ, А. Реформа, реформація и исполненіе церкви. Пгр. 1916 г.

Корнѣевъ, Борисъ. Юность. Стихи. Пгр., 1916 г. Ц. 60 к.

Кузьминъ, М. Антрактъ въ оврагѣ. Пгр., 1916 г. Ц. 2 р.

Лукомскій, Г. Современный Петроградъ. Пгр. 1916 г. Ц. 3 р. 50 к.

Майскій, В. Ллойдъ-Джорджъ. Политич. характеристика. Пгр., 1916 г. Ц. 50 к.

Михайловъ, М. Викторъ Игнатьевичъ Лунинъ. Политическій и общественный дѣятель. Біографич. очеркъ. Армавиръ, 1917 г. Ц. 1 р.

Моровъ, Влад. На литературномъ пути. Эпизодическая повѣсть. Москва, 1917 г.

Нагродская, Е. Сны. Пгр., 1916 г. Ц. 2 р.

Никольскій, П. А. Учебникъ политической экономіи. Казань. 1916 г.

Павловъ, А. проф. Мысли, чаянія и опасенія по поводу предстоящей реформы средняго образованія въ Россіи. Москва, 1916 г.

Политуръ, Н. Страшнѣе смерти. Повѣсть изъ жизни трезвой деревни. Пгр., 1916 г.

Полозовъ, П. Отраженіе національной идеологіи въ героическомъ эпосѣ враждующихъ странъ Европы. Екатеринославъ, 1917 г.

Полозовъ, П. Аккордъ. Стихи. Екатеринославъ, 1917 г.

Полферовъ, Я. Продукты охотничьяго промысла и ихъ значеніе въ товарообмѣнѣ Россіи съ заграницей. Пгр., 1916 г.

Стратоновъ, Ем. Систематическій курсъ русской исторіи. Ч. II. Орелъ, 1916 г. Ц. 1 р. 20 к.

Уральскій, П. Мгновенное и вѣчное. Стихотворенія 1901—1915 г. Пгр., 1916 г.

Сборникъ № 2. Новыя идеи въ техникѣ. Пгр., 1916 г.

Сборникъ I. Новыя идеи въ математикѣ. Неперіодич. изданіе подъ ред. заслуж. проф. А. Васильева. Пгр., 1917 г.

Управленіе дѣлами особаго совѣщанія по продовольственному дѣлу. Исчисленіе избытковъ и недостатковъ четырехъ главнѣйш. хлѣбовъ урожая 1915 г. въ 46 губ. Пгр., 1916 г.

Издатель: Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Ред.: Д. Д. Гриммъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

ОБУЧАЯСЬ ЗАОЧНО

по изданіямъ Книгоиздательства „БЛАГО", Вы безусловно БЫСТРѢЕ и УСПѢШНѢЕ достигнете намѣченной цѣли, чѣмъ при занятіяхъ у учителей. Съ первой же лекціи Вы заинтересуетесь изучаемымъ предметомъ, и такъ какъ Вамъ не придется напрягать свои мозги на заучиваніе наизусть, то заранѣе можете быть увѣрены, что легко, безъ напряженія

Вы начатое дѣло доведете до конца.

За 7 лѣтъ примѣненія въ Россіи своихъ методовъ заочнаго обученія Книгоиздательство „БЛАГО" успѣло дать законченныя знанія сотнямъ тысячъ подписчиковъ своихъ. Не ограничивайтесь же однимъ чтеніемъ этого объявленія. Напишите намъ сейчасъ же о высылкѣ нашего проспекта, а ознакомившись подробнѣе со всѣми нашими изданіями, выбирайте:

Гимназія на дому 30 томовъ по 280—360 стр. Для заочнаго прохожденія всего курса средне-учебныхъ заведеній, для подготовки на званія вольноопредѣляющагося, классный чинъ, аптек. учен., высш., начальн., домашн. учителя и т. п.

Искусство для всѣхъ 10 том. по 96—112 стр. Для заочнаго прохожденія курса рисованія, живописи и прикладного искусства.

Академія иностранныхъ языковъ. Французскій, Англійскій и Нѣмецкій языки. Каждый языкъ состоитъ изъ 10 томовъ. Для заочнаго изученія языковъ.

Академія коммерческихъ знаній. 15 томовъ по 250 стр. Для изученія всѣхъ коммерческихъ наукъ: бухгалтеріи, ком. корр., ком. ариѳм., товаровѣд., банков. дѣло, финанс., биржи и т. д. и т. п.

Народная школа. 10 томовъ по 112—128 стр. для безграмотн. и малограмотныхъ.

Пособіе по русскому языку. 4 тома—10 руб. **Бухгалтерія.** 4 тома—7 руб.

Коммерческая Корреспонденція. Русская, Французск., Англійск. Нѣмецк. Каждая по 1 р. 75 к.,

Коммерческая ариѳметика. 1 руб. 75 коп.

Ариѳметич. задачникъ, Алгебраич. задачникъ. По 2 руб.

Библіотека языкознанія. Для усовершенствованія въ языкахъ. Франц., англ. и нѣм. по 60 коп. за книжку.

Краткій проспектъ БЕЗПЛАТНО. — Подробный 15 коп.

Корреспонденцію адресовать: Въ Главную Контору Книгоиздательства «БЛАГО», Петроградъ, Глазовая ул., с. д. 18.

Собств. магазины (для проживающихъ въ Москвѣ и Петроградѣ): ПЕТРОГРАДЪ, Невскій 65; МОСКВА, Мясницкая 18.

Въ виду предположеннаго Императорскою Академіею Наукъ изданія собранія трудовъ **М. М. Сперанскаго** Академія проситъ лицъ, имѣющихъ какія-либо письма, писанныя имъ или къ нему адресованныя, а также бумаги, касающіяся его дѣятельности, или же располагающихъ какими-либо свѣдѣніями о таковыхъ, сообщить Академіи точныя указанія о мѣстѣ ихъ храненія и предоставить ей возможность снять надлежащія съ нихъ копіи.

Всѣ сообщенія просятъ адресовать: Императорская Академія Наукъ, Канцелярія Конференціи. Петроградъ.

Примѣчаніе. Письма и посылки до одного пуда, адресованныя въ Императорскую Академію Наукъ, не подлежатъ оплатѣ марками.

